

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859.

1859
ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРЮНИЦА И КОМП.

252883

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по стпечатаній, было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконеннаго
числа экземпляровъ. Санктпетербургъ, 25. Февраля 1859 года.

Ценсоръ *А. Фрейганъ.*

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
На берегахъ Италіи , стихотвореніе <i>Я. П. Лонскаго</i>	1
Вѣйна , стихотвореніе <i>В. Ахшарумова</i>	2
Марло , одинъ изъ предшественниковъ Шекспира. Очеркъ изъ исторіи англійской драмы, <i>С. Уварова</i> .	5
Антоній и Клеопатра Шекспира. Переводъ <i>А. Фета</i>	54
Елизавета Петровна до восшествія своего на престолъ, 1709 — 1741. Историческій очеркъ <i>М. Семеновскаго</i>	209
Безталанный . Повѣсть изъ простонароднаго быта <i>Н. П—т—х—на</i>	278
Птичка , стихотвореніе <i>Н. Кроли</i>	337

ОТДѢЛЪ II.

Критика.

Взглядъ на русскую литературу со смер- ти Пушкина . Статья первая. — Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ. <i>Аполл. Григорьева</i> .	1
О стихотвореніяхъ Тютчева , <i>А. Фета</i>	63
Иностранная словесность . — в	84
Библиографія	116

ОТДѢЛЪ Ш.

	СТРАН.
Иезуиты до Иезуитовъ. <i>М. Касторскаго</i>	1
Воспоминанія о путешествіи за границей. (Продолженіе.) <i>К. Б.</i>	7
Общественная жизнь въ Петербургѣ. <i>Егора Моллера</i>	20
Отъ Редакціи	37
Шахматный листокъ. № 2. <i>Виктора Михайлова.</i>	

НА БЕРЕГАХЪ ШТАЛИН.

Я по красному щебню схожу одинъ
Къ морю сонному,
Словно тучками мглою далекихъ вершинъ
Окоймленному.

Ахъ! какъ млѣютъ, вдали замыкая заливъ,
Выси горныя!
Какъ рисуются здѣсь, уходя въ тѣнь оливъ,
Козы черныя....

Пастухи вдали, на свои жезлы,
Съ ихъ котомками,
Опершись, стоятъ на краю скалы —
Надъ обломками.

Тамъ, у взморья когда-то стоялъ чертогъ
Съ колоннадами,
И наяды плескались въ его порогъ
Подъ аркадами.

Тамъ недавно мнѣ снился роскошный сонъ —
Но.... всегда ли я
Ради этихъ сновъ забывалъ твой стонъ,
О Италия!

Вдохновляемый плачемъ твоимъ я схожу
Къ морю сонному,
Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ
Окоймленному.

Тамъ въ лазурномъ туманѣ толпой встаютъ
Тѣни блѣдныя.
То не тѣни встаютъ — по волнамъ плывутъ
Пушки мѣдныя.

Корабельный флагъ отдаленьемъ скрытъ
Словно дымкою.
Тамъ судьба твоя съ фиделемъ стоитъ,
Невидимкою....

1858.

Я. П. Меломскій.

Война.

I.

Свѣжѣетъ воздухъ — рѣдѣетъ ночь
Густая тѣнь;
Ни тучки въ небѣ, и скоро ясный
Займется день.

Въ лугахъ привольныхъ недвижны травы,
Природа спитъ,
И лишь незримый, подъ кровомъ ночи,
Дунай шумить.

А надъ Дунаемъ идетъ кровавый,
Упорный бой,
И тучи дыма средъ поляны
Стоять стѣной.

Сквозь тучи дыма гремятъ орудья,
Блеститъ огонь.
Изъ дымной сѣчи, урвавшись въ поле,
Несется конь.

Бѣжить и станеть; — протянетъ шею —
Храпитъ и ржетъ; —
Вся морда въ пѣнѣ, дрожатъ колѣни,
Въ крови животъ.

Въ сѣдлѣ качаясь, рукой хватаясь
 За правый бокъ,
 На вылетъ раненъ, обштыи кровью,
 На немъ сѣдокъ.

Не долго въ полѣ шальная лошадь
 Его несла: —
 При поворотѣ, онъ съ громкимъ стономъ
 Упалъ съ сѣдла.

И конь умчался; и онъ остался
 Совсѣмъ одинъ
 Въ поляхъ чужбины, среди цвѣтущихъ
 Ея равнинъ.

II.

Померкли звѣзды; румянцемъ утра
 Горитъ восходъ;
 Съ рѣки Дуная, съ болотъ прибрежныхъ
 Туманъ встаетъ.

И легкій вѣтеръ на встрѣчу солнца
 Отъ горъ дохнулъ,
 И виноградникъ лозою чуткой
 Пошевелинулъ.

Шатнулись травы — и все затихло
 Опять кругомъ; —
 Лишь съ пѣсней птица вилась надъ теплымъ
 Своимъ гнѣздомъ.

И въ этихъ сочныхъ, душистыхъ травахъ
 Полуживой
 Лежалъ страдалецъ, не разъ хватаясь
 За нихъ рукой.

Томимый жаждой онъ встать пытался,
 Но голова
 Къ землѣ клонилась — и обрывалась
 Въ рукѣ трава.

Въ глазахъ темнѣло: и, исчезая
 Предъ нимъ вокругъ,
 Померкло небо, покрылся мглою
 Цвѣтущій лугъ,

И бредъ предсмертный его уносить
 Къ мѣстамъ роднымъ;
 Тамъ ель съ березой, раскинувъ вѣтви,
 Шумятъ надъ нимъ.

Пескомъ и лѣсомъ идетъ дорога,
 И съ двухъ сторонъ
 Смолистой вѣткой сосна киваетъ
 Ему поклонъ.

За лѣсомъ Волга — село — поляны; —
 «Мой свѣтлый рай! —
 Все гибнетъ... гибнетъ!... Спасите! Тащутъ! —
 О мать, прощай!»...

Умолкъ — и солнце взошло на небѣ,
 Востокъ пылагъ,
 И, прямо въ небо устава взоры,
 Убитый спалъ.

Цвѣты шептались; окрестный воздухъ
 Былъ свѣжъ и чистъ;
 Роса катилась, перенадая
 Съ листа на листъ.

III.

И гулъ послѣдній, послѣдній выстрѣлъ
 Замолкъ вдали,
 Гдѣ бились люди всю ночь за лоскутъ
 Чужой земли.

Чего искали въ поляхъ чужбины?...
 Свои поля
 Землей богаты, и просятъ плуга
 Своя земля.

И дымъ какъ туча надъ полямъ смерти
 Еще висѣлъ;
 Живые люди бродили молча
 Надъ грудой тѣлъ.

Копали ямы, носили трупы
 И, чередой,
 Ихъ опускали и засыпали
 Сырой землей.

В. Ахшарумовъ.

МАРЛО, ОДИНЪ ИЗЪ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВЪ ШЕКСПИРА.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ АНГЛІЙСКОЙ ДРАМЫ.

Самое поверхностное знакомство съ Шекспиромъ, не простирающееся далѣе сценическаго, невольно приводитъ къ вопросу: ужели геніальныя произведенія великаго драматурга явились на англійскомъ театрѣ неожиданно, негаданно? Невольно спросишь себя: ужели между послѣдней средневѣковой мистеріей и самой ранней изъ пьесъ Шекспира не было перехода, посредствующаго звѣна? Тотъ же вопросъ, но еще съ большей силой, возникаетъ при болѣе глубокомъ изученіи твореній Шекспира.

Такое изученіе открываетъ цѣлую бездну между изысканными и строго своеобразными созданіями Шекспира и полу-религіозными и полу-площадными игрищами, предшествовавшими его театру. Такой пробѣлъ въ исторіи драмы былъ бы совершенно непонятенъ и неестественъ; но изученіе Шекспира доказало, что не было подобнаго рѣзкаго перехода, что появленію твореній Шекспира предшествовали многія удачныя попытки въ той же сферѣ поэзіи.

Мы видимъ, что нигдѣ, ни даже въ Италіи, XVI вѣкъ не былъ величественнѣе, чѣмъ въ Англіи, гдѣ, среди сонма рѣдкихъ талантовъ, подвизались Бэконъ, Спенсеръ, Сиднэ. Шекспиръ, при всей оригинальности своего генія, уже въ самомъ началѣ поприща, дышалъ атмосферою великаго столѣтія и для своихъ идей находилъ языкъ, кипящій всѣми силами юности, языкъ богатый и поэтическій, который съ каждымъ днемъ обогащался новыми дарами и проникался все болѣе и болѣе напѣтомъ творческихъ умовъ. Но кромѣ языка, кромѣ множества новеллъ и исторій — матеріаловъ своихъ будущихъ пьесъ — Шекспиръ, прибывъ въ Лондонъ, нашелъ еще готовый театръ съ богатымъ репертуаромъ, готовую сцену *), при всей простотѣ и даже грубости своей, удовлетворявшую зрителей до того, что не видѣлось нужды ее совершенствовать; нашелъ наконецъ рѣдкихъ драматическихъ художниковъ (довольно упомянуть о Геминджѣ (Heminge), Томасѣ Гринѣ (Thomas Green) и Ричардѣ Бурбаджѣ (Richard Burbadge), землякахъ Шекспира, знакомыхъ ему можетъ быть еще на родинѣ и введшихъ его на сцену). Здѣсь не мѣсто распространяться о тогдашней игрѣ; достаточно привести правила, данныя актерамъ самимъ Шекспиромъ (см. Гамлетъ II. д. явл. 5) и намекнуть на ту степень живости и подвижности, которую онъ могъ требовать отъ тогдашнихъ актеровъ (см. разговоръ Рихарда III съ Букингамомъ. Рихардъ III д. явл. V) и намекнуть на множество свидѣтельствъ, что эти требованія не были невыполнимыми для современныхъ ему актеровъ. Шекспиръ нашелъ публику жадную, конечно не избалованную и не сбитуя еще

*) 18 января 1561 года давалась первая настоящая трагедія въ Англіи; первый постоянный театръ сооруженъ въ 1570 г.; въ 1642 всѣ театры были закрыты, а въ 1647 г. акты парламента запрещены всякія сценическія представленія. Но уже задолго до этого окончательнаго торжества пуританской строгости, политическія смуты и война короля съ коммунами не позволяли думать о театрѣ; и рѣшительные успѣхи его начинаются немного раньше послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка. И такъ, въ какіе-нибудь 50 лѣтъ Англійскій театръ имѣлъ богатый репертуаръ; имѣлъ многихъ искусныхъ актеровъ, замѣчательныхъ писателей; высвободившись изъ подъ исключительнаго вліянія двора и ложныхъ теорій, принялъ чисто народный характеръ, и чрезъ геній Шекспира сдѣлался достоинствомъ общечеловѣческимъ.

съ толку излишними заботами о театральнѣй обстановкѣ, публику изъ всѣхъ слоевъ народа, со всѣми оттѣнками образованія, не связанную никакими предубѣжденіями. Наконецъ Шекспиръ нашелъ уже нѣсколько путей, проложенныхъ замѣчательными талантами въ драматической поэзіи. Надо сказать, что его будущее поприще было уже значительно подготовлено,—на самыхъ первыхъ порахъ большому кораблю открывалось большое плаваніе.

Долгое время, почти цѣлыхъ два столѣтія, нельзя было приступить къ разбору заданныхъ нами выше вопросовъ. Долгое время самые современники Шекспира были извѣстны чуть-ли не по одному имени. Періодъ забвенія начался вскорѣ послѣ самаго Шекспира. Уже при Іаковѣ I пьесы его стали даваться рѣже *). Революція, послѣдніе годы Карла I, республика и протекторатъ должны были, по всѣмъ соображеніямъ, окончательно уничтожить драму и самый театр. Онъ открылся снова при Карлѣ II и даже съ невиданною доголѣ пышностію, но только съ неясными воспоминаніями о прежнемъ славномъ періодѣ его.

Французскій вкусъ вкрался и въ область драмы; претензія писателей этой школы—соблюдать законы древняго театра, повела за собой нѣкотораго рода уваженіе къ ученому Бекъ-Джонсону, такому же ревностному приверженцу древнихъ, на сколько предшественникъ, и отчасти учитель его, Шекспиръ мало стѣснялся ихъ образцами. Каковъ былъ вкусъ той эпохи, можно судить изъ того, что Дрейденъ, съ странной смѣсью смиренія и безстыдства, совершенно лишннихъ для его несомнѣннаго таланта, говоритъ, что если онъ въ драмахъ своихъ превзошелъ Шекспира, Флетчера и Джонсона, то онъ этимъ единственно обязанъ прогрессу и утонченности своего времени. Какъ бы то ни было, Дрейденъ, по крайней мѣрѣ, зналъ этихъ писателей, что врядъ ли можно сказать про Блэра и другихъ кориннеевъ изящной критики XVIII столѣтія.

Изъ всего сонма старыхъ драматическихъ писателей, предшественниковъ и современниковъ Шекспира, а также

*) Флетчеръ (Fletcher) отъ 1615 — 1625 г. правился болѣе Шекспира; по крайней мѣрѣ его чаще давали.

писателей, непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ, одному Шекспиру пришлось по силамъ вынести 20-ти лѣтнее гоненіе пуританъ,—28-ми лѣтнее преобладаніе распушенности нравовъ, внесенной въ Англію Карломъ II и дворомъ его,—вліяніе Франціи, надѣлившей театръ, подъ видомъ обновленія его, крайнею испорченностію,—такъ называемый строгій вкусъ, — и классическую чистоту, стѣснявшую литературу при Вильгельмѣ II и Аннѣ. Шекспиръ пережилъ все это, выдержалъ всѣ эти переходы и перемѣны и, на зло ложному отвращенію и причудливой щепетильности, остался все-таки свѣжимъ ключемъ первобытнаго драматическаго генія Англіи.

Попе (Pope) издалъ Шекспира и снабдилъ свое изданіе замѣтками, полными удивленія къ его генію. Наконецъ, съ 1740 г., съ появленія на сценѣ Гаррика, достойнаго толкователя его созданій, начался апотеозъ Шекспира. Пламенными жрецами этого апотеоза были Колриджъ, Шлегель, а за ними и вся такъ называемая романтическая школа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предсталъ съ неотразимой силой вопросъ, затронутый выше, вопросъ о предшественникахъ, сверсникахъ, соперникахъ Шекспира. Эти совмѣстники, затемненные въ свое время блескомъ величайшаго изъ драматическихъ писателей всѣхъ вѣковъ, благодаря тому же блеску, отыскались теперь. Открытіемъ ихъ увѣнчалось довѣріе къ исполнскимъ силамъ вѣка Елисаветы,—увѣнчалось вѣрное предположеніе о необходимости существованія посредствующаго звѣна между нескладными мистеріями среднихъ вѣковъ и театромъ Шекспира. Такъ, нѣкогда, логическое требованіе существованія неизвѣстнаго материка для равновѣсія земнаго шара, было одною изъ сильнѣйшихъ пружинъ къ открытію новаго міра. Цѣлымъ рядомъ изданій стали воздавать посмертныя почести десяти или двѣнадцати поэтамъ, спасшимся отъ забвенія. Немногіе изъ нихъ дошли до насъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій; нѣкоторые извѣстны только по имени. Съ другой стороны есть пьесы анонимныя; есть и такія, которыя, по преданію, приписываются Шекспиру, а въ созданіи нѣкоторыхъ считаютъ его сотрудникомъ. Такъ и романтики его школы не усумнились признать ихъ Шекспировыми. Любители драмы

свободной, естественной, не связанной никакими преданіями, подражаніями, приличіями, не признающіе никакихъ правилъ, вѣтъ законовъ внутренняго развитія, — искали здѣсь новыхъ доказательствъ для своихъ теорій.

Первыя попытки англійскаго театра не обошлись безъ Аристотеля. «Гордобукъ», Саквиля, «Дамонъ и Питіасъ» Эдвардса, вообще всѣ первыя трагическія попытки, писанныя подъ вліяніемъ двора и игранныя при немъ, еще со временъ Эдуарда VI и даже отца его *) — все это писалось не столько по вдохновенію, почерпнутому изъ древнихъ писателей, сколько прямо по ихъ теоріямъ, грубо и ложно понятымъ. Кромѣ того, подражали Испанскому театру, подражали еще Французскому, уже съ классическими претензіями, при всемъ нескладномъ варварствѣ своемъ. Въ одно время съ Шекспировскими драмами, давали въ Лондонѣ: «Великаго Помпея и его прекрасную Корнелію», трагедію Томаса Киды (Thomas Kyde), взятую цѣликомъ у Гарнье, неистоваго подражателя Лукана и Сенеки. Этотъ самый Кидъ, скорѣе предшественникъ, чѣмъ современникъ Шекспира, передѣлалъ изъ *Geronimo* (кровавой и мѣстами поэтической драмы Испанскаго театра) свою «Испанскую трагедію» (*The spanish Tragedy*). Шекспиръ создалъ новѣйшую драму, но на Англійскомъ театрѣ все таки онъ имѣлъ предшественниковъ и совмѣстниковъ.

Гервинусъ провелъ замѣчательную паралель между началомъ Англійскаго и Германскаго театровъ. «Какъ Гёте, такъ и Шекспиръ», говоритъ онъ, «прошли чрезъ анархическій періодъ разрыва съ прошлымъ, окруженные сонмомъ гениальныхъ, но безпорядочныхъ головъ.» Марло (Marlowe), Робертъ Гринъ (Robert Green), Нашъ (Nasch), Пилъ (Peel) — сколько можно судить по немногимъ фактамъ, дошедшимъ до насъ, все это были натуры титановскія, съ пылкими страстями, не признававшія условій общественныхъ. Всѣ они умерли преждевременно. Всѣ они ругались надъ общественнымъ мнѣніемъ, за что ихъ преслѣдовали въ тѣхъ

*) Въ 1540 г. играли «Accolastus» (Неучь), комедію «Palsgrave'a», Капелана Гейнриха VIII.

сатирахъ. Сыны гнѣва и противленія, на памяти которыхъ тяготѣетъ еще то проклетіе, которое этому періоду Англійскаго театра даетъ какъ бы значеніе драмы дѣйствительной. Какъ въ Греческой драмѣ, такъ и надъ первыми шагами Англійской, только что она возникла или, лучше сказать, выдѣлилась изъ церковныхъ и гражданскихъ торжествъ и выступила изъ среды придворныхъ потѣхъ на позорище народа, тяготѣетъ непреклонная судьба, но судьба не слѣпая, а зародившаяся изъ мыслей, поступковъ, всего склада первыхъ дѣятелей на этомъ новомъ поприщѣ и наконецъ изъ самаго духа времени. Періодъ возрожденія былъ періодомъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ. Неизбѣжные при всякомъ значительномъ переворотѣ: броженіе умовъ, шаткость воззрѣній, слѣпая приверженность къ старому, неустовые порывы къ новому, прикрывали эту дѣйствительную борьбу личиной борьбы совершенно иной. Многимъ казалось, что настало время отстаивать вѣчныя начала и нравственности отъ губительнаго наплыва язычества и необузданнаго эгоизма. XVI вѣкъ, особливо въ Англии, уже пережилъ самый смутный періодъ борьбы новаго съ старымъ. Новыя понятія успѣли уже снискать себѣ право гражданства; въ Англии уже процвѣтала литература и дѣятели ея стояли выше нападеній невѣжества или узкаго ханжества. Но театръ еще не установился; драма, не смотря даже на попытки во вкусѣ древнихъ и на успѣхи Лили, Эдвардса и др. при дворѣ, все еще не считалась законной отраслью литературы. Театръ все еще считался забавой двора или пустой потѣхой народа, и на него-то пуританская нетерпимость изливала ѣдкій ядъ своего краснорѣчія; его преслѣдовали съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, что находили въ немъ послѣдній предметъ своей злобѣ всѣ святоши (precisians), всѣ ханжи и черствыя умы, не признававшіе въ сѣрѣ добра, правды и истины ничего за предѣлами своихъ собственныхъ узкихъ понятій. Дѣйствительныя преступленія противъ этихъ идеаловъ или то, что только казалось преступленіемъ узкой догматикѣ пуританъ, не могло выкуниться никакими красотами опальнаго творенія, — да о прекрасномъ, эстетическомъ не могло быть и рѣчи у пуританъ!... Въ пуританахъ —

этомъ кляломъ осадкѣ реформаціи, Англійское драматическое искусство нашло съ самаго начала придирчивыхъ судей, сильныхъ недоброжелателей и наконецъ отъявленныхъ враговъ. Отъ сооруженія первыхъ театровъ въ Лондонѣ до окончательнаго закрытія ихъ, идетъ непрерывный рядъ нападеній на театры, актеровъ и драматическихъ писателей. Ложные толки такъ часто встрѣчаются въ этихъ нападеніяхъ недоброжелателей, что невольно подозрѣваешь много клеветы въ ихъ разглагольствованіяхъ, въ ихъ доносахъ и свидѣльствахъ (1). Но все ли были однѣ клеветы? Надо сознаться, что въ это раннее время, театры представляли зрѣлище далеко не назидательное. Города и села наполняемы были труппами или лучше сказать шайками странствующихъ актеровъ, выдававшихъ себя за слугъ придворныхъ или даже королевскихъ (официальный титулъ актеровъ). Надо было прибѣгнуть къ патентамъ, чтобы какъ-нибудь уменьшить ихъ число. Все бѣжало на ихъ представленія. Въ трактирахъ и шинкахъ, служившихъ театрами, не проходилъ ни одинъ вечеръ безъ давки, дракъ, мошенничествъ и подобныхъ сценъ изъ дѣйствительной жизни. Сооруженіе театровъ не вдругъ облагородило сцену. Къ прежнимъ эксцессамъ прибавились пожары, распространеніе повальныхъ болѣзней. Вольности самой сцены выходили изъ всякихъ предѣловъ. Предводитель Clown'овъ—Тарльтонъ (Tarlton), любимый шутъ Елисаветы, пѣлъ и выплясывалъ, предъ многочисленной публикой. До насъ дошелъ джигъ (jig) собственного его сочиненія про Лорда-Мера и альдермановъ Лондона и «про всю ихъ длинноухую семью, что не хотятъ терпѣть шутовъ, кромѣ какъ въ полномъ засѣданіи членовъ своей «собственной коллегіи.» Озлобленіе противъ Лорда-Мера и альдермановъ понятно — это были явные враги и недоброхоты театровъ. Государственный совѣтъ (privy council), покровитель актеровъ и театровъ, оставлялъ на произволь бойкихъ clown'овъ и сатирическихъ выходокъ другихъ писателей альдермановъ и пуританъ-ростовщиковъ — католиковъ. Но этого имъ было мало. Нападали на Испанскаго короля, за что приходилось отвѣчать на жалобы его пословъ; выводили, на посмѣшище тол-

пы, нравы и этикеты двора; и наконецъ, въ то самое время, какъ Эссексъ готовился возстать противъ королевы, друзья и приверженцы его давали, трагедію (только врядъ ли Шекспирову) «Рихардъ II». Все это злило пуританъ. Но театры смѣялись надъ гнѣвомъ Лондонскаго магистрата и даже мало печались, если отъ времени до времени впадали въ немилость государственнаго совѣта и вообще множились, на зло пуританамъ, нападавшимъ не столько на злоупотребленія, сколько на самое искусство (2). Надо согласиться также, что жизнь первыхъ подвижниковъ на новомъ поприщѣ и творенія ихъ были не безукоризненны. Впрочемъ, многое въ ихъ беспорядочности, объясняется отсутствіемъ идеальнаго воззрѣнія, которое могло явиться только послѣ Шекспира, и врядъ ли не исчезло вмѣстѣ съ нимъ; по крайней мѣрѣ, этой идеальной сдержанности Шлегель и другіе критики не находятъ у Бекъ-Джонсона, Флетчера и другихъ преемниковъ Шекспира. Надо еще сознаться, что въ пылу творчества, первые драматурги Англіи часто слишкомъ уже увлекались сочувствіемъ къ народу, къ его сатирѣ и языку, часто до того скрывались подъ маскою дѣйствующихъ лицъ, что подъ часъ трудно было отличить творца отъ творенія; нерѣдко чудовищный и слѣпой ходъ драмы не позволялъ вывести изъ нея никакой основной нравственной идеи. Наконецъ и въ жизни первыхъ драматическихъ писателей Англіи, встрѣчается то же явленіе, то же какъ бы проклетіе надъ зародышемъ большей части новѣйшихъ народовъ. Первые жрецы ея несчастны, падаютъ жертвой или собственнаго недостатка гармоніи съ окружающею ихъ средой, или неустановившагося мнѣнія о ихъ достоинствѣ. Въ жизни ихъ видимъ заносчивость, разгулъ съ цѣлю снискать самозабвеніе; то нерадѣніе къ славѣ, то безпокойную заботливость о ней; безпечное товарищество съ соперниками и тревожную къ нимъ зависть,—презрѣніе къ понятіямъ современниковъ, лѣнь, судорожную дѣятельность, развратъ, раскаяніе; титановскіе порывы, ребяческую слабость; высокіе полеты, глубокое паденіе; терзанія совѣсти, отчаяніе.... Всему этому подають живой примѣръ творенія и жизнь Марло.

Христофоръ Марло (Christopher Marlowe) родился въ 1565 г.; родина и родители его неизвѣстны. Знаемъ только, что Марло, какъ и большая часть писателей того времени, получилъ классическое образованіе. Онъ окончилъ курсъ въ одной изъ коллегій Кембриджскаго университета, гдѣ получилъ степень бакалавра въ 1583 г., а за тѣмъ магистратіумъ въ то время, когда Шекспиръ еще не оставлялъ родительскаго крова. Какъ бы въ память этихъ классическихкихъ занятій, онъ оставилъ переводъ, бѣлыми стихами, нѣсколькихъ элегій Овидія и Александрійской поэмы «Эро и Леандръ». Съ этими опытами явился Марло въ Лондонъ; они, не лишены прелести и для насъ, соотвѣтствовали вполне требованіямъ вкуса, господствовавшаго тогда при дворѣ и въ высшихъ слояхъ общества, вкуса, занесеннаго изъ Италіи. Но не на этомъ поприщѣ суждено было ему составить себѣ имя. Марло, на сколько мы знаемъ его жизнь и сколько можно судить по твореніямъ его, особенно драматическимъ, былъ сыномъ своего времени, своего народа. Не по немъ пришли мирныя кабинетныя занятія, какъ бы высоко онѣ ни цѣнились, и хотя бы онъ могъ чрезъ нихъ попасть въ число отборныхъ умовъ при дворѣ. Ему надо было не читателей, а слушателей, — слушателей не изъ одного кружка, какъ бы онъ ни былъ блестящъ, но массъ народа подвижнаго и впечатлительнаго, народа со всѣми его предубѣжденіями и съ поэтическимъ, пламеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ событіямъ, изъ которыхъ сложилось безпримѣрное, можетъ быть, въ исторіи по блеску и величію, царствованіе дѣвственной королевы. Театръ рѣшилъ его судьбу. Неизвѣстно навѣрное, выступилъ ли онъ на немъ сперва актеромъ или прямо писателемъ. Несомнѣнно то, что первая трагедія его «Тамерланъ» проложила новый путь драматическому искусству, дала перевѣсъ одному изъ нѣсколькихъ различныхъ направленій, которыя, при младенествѣ сцены, скорѣе задерживали успѣхи ея, нежели поощряли. Въ одно время были и подражанія древнимъ, и пьесы во вкусъ двора, и представленія для народа. Кромѣ того, держались еще, и довольно долго, древнія мистеріи (miracleplays) и сродныя имъ по назидательно-

сти, но болѣе аллегорическія, такъ называемыя «морали» (moralities). Однако, при всеѣмъ хаотическомъ броженіи вкуса, у всеѣхъ замѣчательныхъ поэтовъ, которые, съ 1560 г. до появленія Шекспира, старались придать художественное значеніе Англійской драмѣ, замѣтно одно общее, инстинктивное стремленіе: сохранить эпическій складъ древнихъ народныхъ зрѣлищъ, откидывая то, что въ нихъ было уродливаго и облагороживая ихъ формы, вліяніемъ на нихъ древнихъ образцовъ; самыя же старинныя зрѣлища должны были исчезнуть. Эти первые драматурги Англии дружно вытѣсняли мистеріи, лишеныя всякаго единства, всякой самостоятельности; прежнія морали дробили на части и этимъ процессомъ выдѣляли художественныя зародыши (по большей части комическіе), которые терялись въ прежней неуклюжей формѣ, не имѣвшей никакой замкнутости; единодушно и безпощадно преслѣдовали слѣпыя и стѣснительныя подражанія древнимъ. Съ другой стороны, внѣ области прежнихъ мистерій и въ діаметральной противоположности къ псевдо-классическимъ произведеніямъ—являлись на сценѣ пьесы содержанія народнаго, почерпнутыя изъ источниковъ общезвѣстныхъ, произведенія полныя, конечно, свѣжести и романтизма (образчикъ ихъ сохранился въ полномъ театрѣ Шекспира, въ Периклѣ, принцѣ Тирскомъ), но до того плохо обработанныя, что нескладностію и недостаткомъ не только всякаго единства, но даже цѣльности, едва ли не превышаютъ еще прежнія гонимыя позорища. И этимъ выродкамъ необузданности и произвола произнесенъ былъ теперь рѣшительный приговоръ. Въ дѣлѣ возрожденія театра, поэты, образовавшіеся въ школѣ Итальянцевъ, подавали руку писателямъ въ народномъ вкусѣ, и уже съ этихъ поръ можно было предвидѣть будущую побѣду природы надъ искусственностію. Этотъ первый періодъ англійскаго театра ознаменованъ появленіемъ цѣлой группы трагедій, очень похожихъ одна на другую, отличающихся отъ предшествовавшихъ имъ туманныхъ эпико-романтическихъ попытокъ, преимущественно строгой замкнутостію дѣйствія и рѣзко отлитыми формами. Все эти пьесы — трагедіи въ строгомъ смыслѣ и трагедіи чрезвычайно кровавыя, — состоятъ пре-

имущественно изъ разсказа и діалога; во всѣхъ, самое дѣйствіе происходитъ за сценой; вездѣ чувствуется и явно признается вліяніе Сенеки, а также и древнѣйшей изъ англійскихъ трагедій — Феррекса и Паррекса.

Таково было состояніе театра, когда Марло поставилъ ему новый идеалъ въ своемъ «Тамерланѣ». «Тамерланъ» былъ представленъ въ первый разъ въ 1586 г., въ томъ самомъ году, когда Шекспиръ прибылъ въ Лондонъ какъ разъ на громаднѣйшій успѣхъ Марло, и слѣдовательно долженъ былъ быть свидѣтелемъ того переворота, который онъ произвелъ въ театральномъ мірѣ. Героическое содержаніе этой огромной трагедіи въ двухъ частяхъ *) было возвышено съ особенной торжественностію. Дѣйствіе ея вращается въ сферѣ высшихъ государственныхъ вопросовъ; рѣчи актеровъ рѣдко сходятъ съ высокаго котурна надутой декламации. Для массъ народа было въ этой трагедіи длинное зрѣлище непрерывныхъ убійствъ и ужасовъ, — образованныхъ же зрителей Марло привлекалъ выпренности своей риторики. «Тамерланъ» пришелся какъ разъ по времени и палъ на добрую почву. Въ тотъ самый 1586 г. Лондонъ смотрѣлъ на кровавую трагедію, на казнь Бабингтона и товарищей его, сложившихъ головы за вѣру, честь, за поэтическую симпатию къ вѣнчанной узницѣ, злополучной Маріи Стюартъ. Въ слѣдующій годъ, она сама принесена въ жертву опасеніямъ народа, ревности двора, жестокой мудрости государственныхъ мужей. Годъ спустя разсѣяна и уничтожена армада. Вотъ какихъ трагедій дѣйствительной жизни, вотъ какихъ событій нужно было тамъ, гдѣ суждено

*) Вотъ полное заглавіе I-го изданія обѣихъ:

•Tamberlaine the Great who, from the slate of a Shepherd in Scythia, by his rare and wonderfull Conquests, become a most puissant and mighty monarch. 1605, 4°, 1 Par. B. L. •Tamberlaine the Great. With his impassionate furie, for the death of his Lady and Love faire Zenocrate: his form of exhortation and discipline to his three sonnes and the manner of his owne death. The second Part, 4°, 1606. B. L. •

Право изобрѣтенія на эти длинныя и кудреватыя заглавія принадлежить по свидѣтельству современника Марлово, Наша, почти исключительно издателю. Можетъ быть также, что въ выписанныхъ заглавіяхъ сохранился подлинный текстъ фанштъ, вошедшихъ въ обихъ около этого времени. Первая привиллегія на печатаніе фанштъ выдана въ 1587 г.

было соорудиться и процвѣтать сценической драмѣ. За «Тамерланомъ» послѣдовала цѣлая вереница трагедій въ томъ же вкусѣ. «Испанская Трагедія» Кида сдѣлалась столь же популярна, какъ «Тамерланъ», и чуть-ли не болѣе. Не много лѣтъ спустя явились: Peele'ва «битва при Алькасарѣ», Green'овъ «Альфонсъ», Lodge'въ «Маріи и Силла», Nasch'ева «Дидона», при сотрудничествѣ Марло; «Локринъ», котораго долго приписывали и еще приписываютъ Шекспиру и «Титъ Андроникъ», котораго все еще печатаютъ въ твореніяхъ Шекспира. Всѣ эти драмы одного покроя, сродны по формѣ и содержанію. Во всѣхъ тотъ же чрезмѣрный паоосъ, та же надутая риторика, та же жажда къ громкимъ эффектамъ, свойственная начинающимъ. Вездѣ исполинскія страсти, вездѣ рѣчи, напыщенные до нельзя. Громкія событія и кровавые ужасы наперерывъ являются для раздраженія желѣзныхъ нервовъ зрителей того времени. Чудовищные характеры доходятъ наконецъ до карикатуры. Содержаніе во всѣхъ почти одно и тоже. Все вращается около одной и той же мысли, главной темы древней драмы и главной идеи трагедіи вообще, — той мысли, что пролитая кровь примиряется только кровью же. Мечь и кровавая расплата — вотъ главная пружина почти всѣхъ этихъ ньесъ. Эта мысль проводится чрезъ цѣлый рядъ драмъ. Въ «Заговорщикѣ» (Malcontent) Марстона, «въ Царедворцѣ» Четлэ, идея мести доводится до крайности; но все это слабѣетъ предъ Марловымъ, «Мальтійскимъ жидомъ», о которомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Гамлетъ тоже драма мести и возстановленія права чрезъ мечь — и кто знаетъ, какъ эта основная идея была выполнена въ потерянномъ Гамлетѣ, приписываемомъ Киду? Но гений Шекспира укротилъ наконецъ это чудовище на его кровавомъ поприщѣ и какъ бы припримилъ самый непримиримый идеалъ мести. Гамлетъ Шекспира думаетъ о ней, признаетъ законность ея, хранитъ въ сердцѣ, даже лепечетъ мысль о ней, — но колеблется и не можетъ рѣшиться на дѣло. Рука Гамлета, этого извращеннаго Ореста, (какъ его называетъ Симрокъ) слабѣетъ, его мысли путаются — мечь и отмщеніе выступаютъ изъ предѣловъ человѣческаго произвола и

становятся рои едѣленіемъ судьбы, — и Гамлетъ падаетъ въ то самое время, когда чрезъ него дѣйствуетъ высшая сила. Казнею преступниковъ, гибелью самаго полубезумнаго виновника ея упраздняется наконецъ древній рокъ, у котораго каждое преступленіе непреодолимо манитъ и побуждаетъ къ совершенію новаго. Въ «Тамерланѣ» эта идея высказывается еще не такъ рѣзко; — она какъ бы таится въ темной кастрофѣ, постигающей Тамерлана и сокрушающей его, когда онъ замыслилъ сжечь храмъ Магомета. — Эффектъ, произведенный этой драмой, не ограничился первыми представленіями. Она давалась часто, и долго была любимой пьесой репертуара. Восторгъ однакожь со временемъ притупился. Отъ «Тамерлана» осталось только: проложенный имъ путь, обогащеніе возникающей сцены новыми приѣмами. Но главная заслуга «Тамерлана» въ томъ, что громкій успѣхъ ея упрочилъ навсегда за англійской драматургіей пятистопный ямбъ безъ рима. До появленія «Тамерлана» любили болѣе стихъ изъ 14 слоговъ съ римами и цезурой посреди (въ родѣ Александрійскаго), какъ лучше выражающій паосъ и болѣе звучный въ декламации. Пятистопный ямб встрѣчается однако еще до «Тамерлана» у Пилля, а Пилль перенялъ его у Саквилля, автора Феррекса и Поррекса. Марло, съ рѣдкимъ тактомъ, постигъ всѣ блестящія преимущества пятистопнаго ямба, всю естественность и глубину этого стиха и живость, съ которою онъ можетъ переходить отъ торжественнаго и высокаго къ рѣчи, мало чѣмъ отличной отъ обыденной. На первый разъ, однако, нужно было доказать, что онъ патетиченъ не менѣе своего соперника 14-ти сложнаго, и Марло доказалъ это въ «Тамерланѣ» съ полнымъ успѣхомъ, и едва ли не переступилъ за предложенную себѣ цѣль. Барабанный грохотъ его трескучихъ ямбовъ и важничанья, съ которыми онѣ были возвѣщены, возбудили во многихъ насмѣшливый и завистливый ропотъ. Однако Марло поставилъ такъ на своемъ, и съ тѣхъ поръ любимый размѣръ его сталъ непреложнымъ закономъ и не для одной только Англійской сцены. Слѣдовательно, Шекспиръ уже нашелъ готовую поэтическую форму, — но и здѣсь его гений оказалъ силу

своего идеального творчества. Стихъ «Тамерлана» еще жестокъ и тяжелъ, почти всегда оканчивается долгимъ слогомъ, переходы рѣдки и, по образцу народныхъ пѣсень, въ нихъ что ни строка, то отдѣльная мысль. Отъ дикаго стиха «Тамерлана» далеко до блестящихъ и гибкихъ ямбовъ Шекспира; но надо сознаться, что и у Марло, напр. стихъ «Эдуарда П» далеко оставляетъ позади себя дикцію перваго его произведенія. Относительное значеніе «Тамерлана» требовало бы, можетъ быть, хоть краткаго разбора его. Но разбирать по частямъ этого хаотическаго исполнина, отдавать отчетъ о всѣхъ убійствахъ и прочихъ неистовствахъ, которыми Марло наполняетъ двѣ огромныя части—трудъ скучный и едва ли не лишній. Не знаю, откуда Марло почерпнулъ свой сюжетъ; историческаго въ немъ мало. Можетъ быть, Марло въ своемъ произведеніи подалъ первый образчикъ, — только на выворотъ, — пресловутыхъ въ свое время трагедій *à la Dubellois*, въ которыхъ всевозможныя добродѣтели и подвиги великихъ мужей, гдѣ-бы то ни было совершенныя или вычитанныя, сосредоточиваются на герояхъ этихъ пьесъ. Подобнымъ же процессомъ Марло концентрируетъ въ своемъ «Тамерланѣ» столько лютости, ревности, гордости и тому подобныхъ Тамерлановскихъ свойствъ, сколько хватило бы на цѣлую дюжину дюжихъ азіатскихъ завоевателей. Такъ напримѣръ, въ одномъ явленіи Тамерланъ выѣзжаетъ на сцену въ колесницѣ, запряженной плѣнными предводителями—эта сцена явно взята изъ Діодоровой исторіи Сезостриса. Тамерланъ бьетъ несчастныхъ плѣнниковъ и дивится ихъ безчувственной лѣни, что они, удостоенные несравненно большей чести, чѣмъ Кони Феба, не могутъ пробѣжать болѣе двадцати миль въ день. Вообще Тамерланъ очень силенъ въ риторикѣ и мифологіи. Можно ограничиться указаніемъ на одно мѣсто, чтобы имѣть достаточное понятіе о стихахъ всей драмы *).

*) Выпишемъ всю рѣчь его, какъ образчикъ стиха:
 Holla ye pamper'd jades of Asia:
 What, can ye draw but twenty miles a day,
 And have so proud a chariot at your heels,
 And such a coachman as great Tamburlaine?

Переходя отъ «Тамерлана» къ другимъ произведеніямъ Марло, можно сдѣлать еще одно замѣчаніе вообще о первомъ періодѣ Англійскаго театра. Не смотря на краткое и недостаточное знакомство съ нимъ, все же можно усмотрѣть въ его ходѣ до появленія Шекспира, сходство съ ходомъ театра Греческаго. У Грековъ неразрывная цѣль соединяетъ первыя сценическія попытки съ послѣдними трудами Александрійской плеяды, плодами учености и воспоминаній: «Александръ» Ликофорна съ «колесницей» Эсписа. Въ драмѣ Грековъ существовали школы съ своимъ діадохамъ, съ преданіями, переходившими иногда (напримѣръ въ родѣ Эсхилла), потомственно отъ одного къ другому. И Англійскій театръ разбираемаго нами періода самобытенъ и своеобразенъ — и онъ развивался сообразно внутреннему

But from Asphaltis, where I conquered you,
 To Byron here, where thus I honour you?
 The rose that guide the golden eye of heaven,
 And blow the morning from their nostrils,
 Making their fiery gate above the clouds,
 Are not so honour'd in their governor,
 As you ye slaves in mighty Tamburlaine.
 The head strong jades of Thrace Alcides tamed,
 That King Egeas fed with human flesh,
 And made so want on that they knew their strengths.
 Were not subdued with valour more divine
 Than you by this unconquer'd arm of mine.
 To make you fierce and fit my appetite,
 You shall be fed with flesh as raw as blood,
 And drink in pails the strongest muscadell
 If you can live with it, then live and draw
 My shariot swifter than the racking clouds:
 If not, then die like beasts, and fit for nought
 But perches for the black and fatal ravens.

Знатокамъ Шекспира эти стихи наполняютъ поэтическія вліянія храбраго Пистоли. Онъ даже приводитъ, натурально, коверкая ихъ, нѣсколько стиховъ изъ выписаннаго нами тамерланова монолога (Гейрихъ IV. Ч. 2. Я. 4), — доказательство большой популярности этой пьесы въ то время. Какъ бы ни было, если сравнить эти жесткіе, неповоротливые стихи съ легкой персификаціей другихъ пьесъ Марло, (особливо Эдуарда II), то невольно рождается сомнѣніе о тождествѣ его съ авторомъ «Тамерлана». Новый издатель Марло (1826), старался оспорить у него эту драму, движимый, можетъ быть, такого рода сомнѣніемъ, хотя доказываетъ это другими соображеніями, но его доводы недостаточны и, какъ бы то ни было, «Тамерланъ» долженъ несомнѣнно остаться за Марло.

закону. И здѣсь, кажется, можно было бы прослѣдить нѣ-
 котораго рода преданія не въ одной внѣшней обстановкѣ,
 но и въ воззрѣнiяхъ, приемахъ, наконецъ родахъ и предме-
 тахъ драмъ. Шекспиръ, какъ извѣстно, не избѣгалъ сю-
 жетовъ, уже до него обработанныхъ для сцены. Многие въ
 творенiяхъ Шекспира восходятъ чрезъ преданія до опытовъ
 предшествовавшихъ ему драматическихъ писателей. Въ гла-
 вѣ ихъ стоятъ Робертъ Гринъ и Марло. Мы видѣли, какъ
 «Гамерланъ» можетъ считаться родоначальникомъ «Гамлета».
 Марло опередилъ Шекспира и въ другой области, въ мирѣ
 духовъ и чародѣйства. Между его «Фаустомъ» и «Макбе-
 томъ» Шекспира трудно, конечно, найти какую-либо род-
 ственную связь; но есть уже сходство и какъ бы предчув-
 ствiе Шекспирова искусства въ томъ, какъ Марло выводитъ
 на сцену бѣсовъ и призраки, какъ онъ вдвигаетъ ихъ по-
 явленiе и исчезновенiе въ область совѣсти и фантазiи, внѣ
 новѣрки холоднаго разсудка, внѣ удостовѣренiя опытомъ и
 даже свидѣтельствомъ чувствъ. «Фаустъ» Марло *) возбуж-
 даетъ, по многимъ соображенiямъ, живѣйшее любопытство.
 Во-первыхъ, самый выборъ сюжета указываетъ на тѣ по-
 рывы умовъ поэтическихъ и пытливыхъ, которые въ Англии
 того времени вызывали безпокойство и порицанiя ревно-
 стныхъ реформатовъ. Эта самая пытливость, порывъ за
 предѣлы повседневнаго, недовольство существующими фор-
 мами общества — все это броженiе умовъ и стремленiй со-
 ставляетъ именно сущность сказанiя о Фаустѣ, типъ чело-
 вѣка временъ возрожденiя. Здѣсь дикость Марловой фанта-
 зiи могла разгуляться по волѣ; здѣсь онъ могъ найти ужа-
 сы не кровавые, какъ въ «Гамерланѣ», къ которымъ такъ
 скоро можно привыкнуть, — а тревожный страхъ предъ ма-
 нифестацiями мiра сокровеннаго, отъ которыхъ морозъ про-
 бѣгаетъ по кожѣ, мысли путаются, являются ужасы, кото-
 рые никогда не перестанутъ волновать челоуѣка. Въ Фаустѣ
 Марло раскрывается генiй какой-то не земной, просвѣчи-
 ваетъ тревожное любопытство, печестивое желанiе загля-

*) Фаустъ явился въ печати не раньше 1631 г., подъ заглавiемъ: *The Tragicall Historie of the Life and Death of Doctor Faustus, with new Additions.* 1631. 4°. В. L. (См. примѣчанiе 3).

нуть въ тайны пнаго міра — пытливость, подавшая поводъ къ столькимъ преслѣдованіямъ Марло, даже посмертнымъ, со стороны враговъ его, пуританъ. Фаустъ его дышетъ, по замѣчанію Драка, не простою, если можно такъ выразиться, обиходною сверхестественностію, — въ немъ вѣетъ атмосферой бездны умовъ отверженныхъ, силящихся, тщетно уловить сверканіе таинственныхъ огней, оживляющихъ на мгновеніе безпредѣльную тьму, въ которой пмъ суждено томиться. Какъ то странно находить Фауста любимымъ предметомъ двухъ поэтовъ, раздѣленныхъ вѣками, раздѣленныхъ еще болѣе качествомъ ихъ генія. Замѣчательно однако, что Фаустъ Марло и Фаустъ Гёте имѣютъ между собою такія сходства, которыхъ не объяснишь подражаніемъ или заимствованіемъ; къ тому же, врядь ли Гёте зналъ своего предшествовавшего соревнователя. У обоихъ встрѣчаются—то же брюзгливое пресыщеніе, тотъ же сардоническій скептицизмъ. Мефистофель Гёте, этотъ средневѣковый чортъ, заброшенный въ философическій свѣтъ XVIII столѣтія, этотъ бѣсъ логики и насмѣшки, холодный и вкрадчивый — мы находимъ его съ тѣмъ же именемъ у Марло; — и Марло и Гёте взяли его изъ народныхъ книгъ, ихъ общихъ источниковъ. Среди преній, въ виду костровъ диссидентовъ и вѣдьмъ, въ геніи Марло зародилась мысль: изъ духа тьмы сдѣлать духа пропіи и отрицанія. Марло и Гёте расходятся преимущественно въ самомъ Фаустѣ. Вильменъ находитъ, что Фаустъ Марло имѣетъ болѣе драматическаго, чѣмъ Гётевъ. Не посягнемъ на сравненіе безсмертнаго труда Гёте съ забытымъ произведеніемъ забытаго поэта; скажемъ только, что Марло строже придерживался къ самому сказанію о Фаустѣ и могъ это дѣлать, потому что и по времени и по характеру своего генія, онъ сочувствовалъ Фаусту. Марло былъ самъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ символически представляетъ этотъ замѣчательный мифъ. Для Гёте — Фаустъ только оболочка мыслямъ, познаніямъ и возрѣніямъ, ознаменовавшимъ одинъ, хотя и замѣчательный, періодъ его жизни. Гёте самъ обсудилъ своего Фауста — это плодъ обдуманнаго и глубоко-сознаннаго творчества. Фаустъ Марло напротивъ того, скорѣе идеаль, къ которому авторъ

стремился, идеаль, который гибельными чарами обаялъ его и многихъ. Марло какъ бы самъ слился съ своимъ созданиемъ; для него Фаустъ не вымыселъ, не мнѡзъ, какъ бы глубока и всемирна онъ ни былъ. Въ Фаустѣ Марло, въ его стремленіяхъ, вѣрованіяхъ, невѣрїи — будто какое-то неясное, хаотическое откровеніе міра, недоступнаго на-вѣки знанію человѣческому. Марло и Фаустъ стоятъ на одной высотѣ, или лучше сказать, оба — твореніе и творецъ стараются удержаться на скользкой высотѣ мнимой свободы, прихоти и произвола, и оба падаютъ измученные и сокрушенные гибельной и безумной борьбой съ непреложнымъ и вѣчнымъ.

Мнѡзъ о Фаустѣ можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ характеристическихъ чертъ этого мнѡа, именно договоръ человѣка съ властелиномъ тьмы, какъ равнаго съ равнымъ, восходятъ до первыхъ вѣковъ христіанства. Повѣствуютъ про какого-то Теофила, что впадъ въ немплость у императора Юстиніана, онъ, въ отчаяніи, обратился къ жиду-чародѣю, съ помощію его вызвалъ дьявола и заключилъ съ нимъ формальный договоръ, скрѣпленный его подписью, по которому предавался сатанѣ, а сатана обязывался возратить ему мплости императора и прежнія его почести. Теофилъ сталъ любимымъ примѣромъ назидательныхъ поученій, предметомъ поэтическихъ сказаній. Переходя изъ одного сборника въ другой, эта исторія обогащалась новыми эпизодами; одно изъ важнѣйшихъ измѣненій первоначальнаго текста то, что мѣсто жиды-чародѣя занимаетъ чародѣй же, по чародѣй-язычникъ, Виргилій. Отсюда уже можно вести начало той роли, которую въ исторїи Фауста, должны играть воспоминанія древне-языческаго міра. Появленіе Виргилія на первыхъ порахъ, какъ чародѣя, уже само по себѣ, какъ бы предвѣстникъ эпохи возрожденія, къ которой принадлежитъ и сказаніе о Фаустѣ. Кажется, нигдѣ легенда о Теофилѣ не нашла себѣ болѣе жадныхъ читателей и слушателей, какъ въ Англїи. Въ началѣ XIII столѣтія давалась мистерія о Теофилѣ, сенешалѣ Епископа Аданы въ Сициліи, приписываемая французскому труверу Рютбѣфъ (Rutebeuf), вскорѣ перешедшая въ Англїю. Суще-

ствовала ли она еще во время Марло, — осталась ли память о ней? Врядъ ли. Не судьбы Теофила находимъ мы въ драмѣ Марло, а исторію того чародѣя, котораго имя она носить и сказаніе о которомъ стало народнымъ чтеніемъ въ концѣ XVI столѣтія въ Англии не менѣе, чѣмъ въ Германіи, родинѣ Фауста. Фаустъ Марло протестантъ; онъ становится неотъемлемой добычей дьявола. Иногда онъ изображается странствующимъ художникомъ (*fahrender Schüler*). Эти странствующіе художники — сбродъ изъ молодыхъ людей безъ должности, безъ занятій, но, по большей части, народъ тертый, бывалый, довольно ученый, чтобы на первыхъ порахъ пустить пыль въ глаза, — скитались повсюду, снискивая пропитаніе пѣніемъ. Къ нимъ, естественно, приставали бродяги другаго покроя: искатели кладовъ, заклинатели, звѣздочеты и тому подобные искатели приключеній, промышлявшіе на счетъ умовъ и кармановъ простолюдиновъ, а иногда и господъ ихъ, невѣжественныхъ и суевѣрныхъ бароновъ и прелатовъ. *Scholares, scholastici vagantes*, (ученое названіе странствующихъ художниковъ), стекались отовсюду на ярмарки, являлись въ замки и даже при дворахъ мелкихъ владѣтелей Германіи. О многочисленности этого класса людей можно судить по одному примѣру; по словамъ Лимбургской хроники, ихъ скопилось во Франкфуртѣ на Майнѣ, по случаю сейма, созваннаго въ этотъ городъ въ 1397 г., не менѣе 5182. Съ XIII столѣтія до времени реформациі, странствующіе художники усиливаются, безнаказанно предаются своимъ занятіямъ, не смотря на оппозицію противъ нихъ со стороны прелатовъ. Эта подвижная толпа, естественно, способствовала распространенію новыхъ идей, носившихся въ самомъ воздухѣ XV и XVI столѣтій. Она же, какъ извѣстно, много способствовала распространенію первыхъ реформаторскихъ идей. Наука, сбросившая цѣпи, должна была проникать въ свѣтъ всякими путями, иногда косвенными, а у простолюдиновъ (и не у однихъ ихъ, извѣстно въ какой повсемѣстной чести была астрологія даже и у замѣчательныхъ людей того времени), представителями ея были по преимуществу такіе проходцы и странники. Фаустъ въ числѣ ихъ — идея очень

счастливая и вмѣстѣ съ тѣмъ она выражаетъ еще существенную и глубокую черту сказанія; — самый характеръ познаній, которыя Фаустъ купилъ столь дорогой цѣной. Фаустъ кладкопъ, астрологъ — онъ движется въ какомъ-то туманѣ таинственности, непостижимости (припомнимъ, что эта атмосфера таинственности плѣняла такихъ людей, какъ Валенштейнъ). Жажда къ наслажденію, къ власти, столь сильно выраженная въ Фаустѣ Гёте и столь умѣстная въ немъ, прожившемъ книжнымъ затворникомъ (Stubengelehrte) весь вѣкъ до встрѣчи съ Мефистофелемъ — не она главный двигатель Фауста народныхъ сказаній и Фауста Марло. Этому Фаусту нужны прежде всего толпы зрителей, эффектъ, народная молва. И такую-то славу, въ сущности славу кудесника и фигляра, Фаустъ пріобрѣтаетъ отступничествомъ! Но это отступничество еще не можетъ перейти въ забвеніе. Еще далеко было до того вѣка, гдѣ преобладаніе матеріальныхъ интересовъ въ обществѣ и трезваго эмпиризма въ изслѣдованіяхъ науки до того иссушило умы и сердца, что идеалы подверглись равнодушному забвенію. Во времена Фауста такого холоднаго равнодушія еще не существовало; напротивъ того дуализмъ, болѣзнь средних вѣковъ, взялъ свое и въ новомъ мірѣ Фауста. Наслѣдіе древняго міра было получено, но еще не умѣли обращаться съ нимъ и понимали въ смыслѣ грубо-реальномъ. Дѣло возрожденія началось вѣкомъ скучныхъ приготовленій и шарлатанскихъ выходовъ; вѣку возрожденія предшествовалъ вѣкъ педагогическихъ филологовъ-буквоѣдовъ и шарлатановъ-адептовъ. Нѣкоторые доходили до того (Гемпстъ, Плеонъ), что мечтали о восстановленіи Олимпа и приносили даже жертвы богамъ. Промахи, ошибочное направленіе, бесплодность этихъ стремленій не скрылись отъ здраваго смысла народа; ихъ вывелъ наружу, между прочимъ, и самый народный мифъ о Фаустѣ. Фаустъ — представитель новаго сословія ученыхъ; самъ онъ встрѣчаетъ всюду одну мертвящую букву и ею же хочетъ обновить жизнь, формулами вызываетъ духовъ и хочетъ властвовать надъ ними; но ему не устоять въ этихъ противорѣчіяхъ. Онъ отрекся отъ прежнихъ вѣрованій, но предметъ ихъ не зависятъ отъ его

вѣры или невѣрія. Предметъ обожанія его прежнихъ лѣтъ остался тѣмъ же; исповѣданый имъ нѣкогда — все еще центръ вселенной, властелинъ надъ тѣмъ самымъ міромъ, куда порывается Фаустъ. И Фаустъ не можетъ отстать отъ него. Фаустъ толкуетъ о догматахъ съ Мефистофельмъ, и тревожится совѣстью; Мефистофель старается отвлекать его отъ покаянія. Самая Елена, его идеаль — больше ничего, какъ игрушка пресыщенной плоти, средство въ послѣднюю минуту забыть свои благіе помыслы и воспоминанія о минувшемъ лучшемъ времени. Отсюда было только три исхода: или обращеніе и уничтоженіе договора съ дьяволомъ, какъ въ средневѣковой легендѣ, или Фаустъ могъ перехитрить самого чорта (насмѣшки надъ нимъ, надъ его наружностію, являются съ давнихъ поръ), и зрителей можно было успокоить съ самаго начала на счетъ будущей судьбы неосторожнаго игрока на жизнь и смерть, — а Фаусту предоставлялось бродить нерѣшительно между небомъ и адомъ, дѣйствуя ко благу людей и на живое осмѣяніе близорукаго властелина тьмы *). Марло же (невольнo вѣрится, что онъ писалъ самого себя) избралъ третій путь, вывелъ Фауста несчастнаго, тревожимаго сомнѣніями, развлекаемаго суэтой, обреченнаго на вѣчную погибель. Но онъ далеко не такъ твердъ, не такъ рѣшителенъ на новомъ пути, какъ Фаустъ Гётевъ. Фаустъ Марло часто колеблется во злѣ — онъ ощущаетъ тѣ угрызенія и ужасы, на которые намекалъ самому Марло другъ его Гринъ.

Этотъ Фаустъ вѣрится еще въ добро. Зло, которому онъ предается, — болѣе въ мысляхъ. Онъ принужденъ возбуждать дремлющую энергію свою образами злодѣйствъ, которыхъ не совершалъ и не совершитъ. Эти самые порывы къ добру, раскаяніе при всей ничтожности, скоротечности ихъ, все еще питаютъ искру надежды въ его сердцѣ; отчаяніе и гибель его въ послѣднемъ актѣ будутъ тѣмъ ужаснѣе и драматичнѣе. У Марло нѣтъ ничего, напоминающаго Гретхенъ Гёте, да и вообще женщины мало

*) Это воззрѣніе осуществилось не въ одномъ произведеніи Англійской драмы, такъ напр. въ лихомъ чортѣ изъ Эдмонта, (*Merry devil of Edmont*) пьесѣ, приписываемой самому Шекспиру.

выступаютъ въ его творенiяхъ. Вѣрнѣй своимъ источникамъ, Марло въ немногихъ стихахъ набрасываетъ демонскiя чары Елены и фантастическую страсть къ этому призраку *). Гёте воспользовался, но только во второй части своего Фауста, этой глубокомысленной связью человѣка времени возрожденiя съ идеаломъ древняго мiра. За то Гёте презрѣлъ инымъ мотивомъ, — этой борьбой ангела свѣта съ ангеломъ тьмы, о душѣ несчастнаго ученаго. Любопытно было бы порыться въ древнѣйшихъ сказанiяхъ о Фаустѣ — есть ли въ нихъ эта борьба, или она вышла изъ фантазiи Марло и сдѣлалась потомъ уже достоянiемъ зрѣлицъ народа. Во всякомъ случаѣ, таинственное появленiе этихъ орудiй спасенiя и пагубы, ихъ участiе въ самыхъ сокровенныхъ думахъ Фауста, выполнены чрезвычайно удачно и производятъ поразительный эффектъ. А главное лице драмы, самъ Фаустъ, этотъ человѣкъ, исчерпавшiй въ тревожной жаждѣ познанiи всѣ науки, стремящiйся за предѣлы ихъ, погрязшiй въ магiи, предавшiйся сатанѣ договоромъ, подписаннымъ своею кровью, живущiй отнынѣ развратно и безумно, умирающiй въ мучительной неизвѣстности — не загубилъ ли онъ своей души? Невозможно придумать красокъ болѣе яркихъ и мрачныхъ, какъ тѣ, которыми Марло обрисовалъ несчастнаго доктора-чародѣя. Вотъ Фаустъ сидитъ въ своей кельѣ, задумчивъ, надъ книгами; къ нему безпрестанно являются ученики, которымъ онъ боится повѣрить свои сомнѣнiя. Самая наука начинаетъ измѣнять ему. Рѣшено, онъ предается магiи. Въ тайны ея сперва посвящаетъ его одинъ ученый собратъ; за тѣмъ самъ сатана, который, общается ему всѣ блага и почести мiра. Фаустъ Марло обязанъ однимъ изъ живѣйшихъ мотивовъ для насъ темной страницѣ исторiи своего вѣка. Заблужденiя Фауста носятъ на себѣ отпечатокъ обаянiя, пагубнаго мечтанiя—симп-

*) И здѣсь при встрѣчѣ съ идеаломъ того мiра, на который Фаустъ промѣнялъ свои вѣрованiя, произволь и чувственность играютъ главную роль. Въ одной изъ древнѣйшихъ легендъ о Фаустѣ, Фаустъ вызываетъ Елену по просьбѣ нѣкоторыхъ студентовъ и при этомъ восторгъ публики описывается со всевозможною подробностью и педантизмомъ. А на слѣдующую ночь Фаустъ самъ влюбляется въ Елену преимущественно по воспоминанiямъ и на этотъ разъ вызываетъ ее уже для себя самого.

томовъ той, можно сказать, повальной болѣзни, которая породила чародѣйскія дѣла XVI столѣтія, когда тысячи платили жизнью за мнимое посвященіе въ заманчивые ужасы черной магіи. Сомнѣнія, колебанія Фауста, его непреодолимое стремленіе ко злу, терзанія совѣсти, едва ли не предупреждающія самое преступленіе — все это выдержано мастерски, все это понятно намъ, не менѣе чѣмъ современникамъ Марло. Во второмъ актѣ, Фаустъ уже связанный, хотя еще не подписывалъ адскаго договора, бесѣдуетъ съ самимъ собою въ томъ же кабинетѣ, гдѣ онъ одинокій, впервые, подвергся искушенію. Онъ ждетъ, онъ готовъ, мысленно перебираетъ свои будущія дерзкія и темныя дѣла, — но онъ далеко еще не рѣшился окончательно предаться дьяволу, онъ колеблется и ужъ теперь раскаивается, по крайней мѣрѣ, сомнѣвается *).

«Ужъ ты проклятъ, Фаустъ, ужъ нѣтъ тебѣ спасенія! Прочь эти суэтныя грезы! Теперь осталось одно отчаяніе! Вѣрь въ Вельзевула. Не отступай же, о Фаустъ—будь твердъ. Къ чему еще колеблешься? Увы! что-то вопіетъ слуху моему: отвергни эту магію и возвратись къ Богу. Но какъ? Твой богъ, которому ты служишь — это похоть, страсть твоя и она ставитъ Вельзевула выше всего. Этому новому богу я сооружу капище, буду приносить ему кровь новорожденныхъ младенцевъ....»

(Являются два ангела).

Ангель тьмы. — «Бодрствуй Фаустъ, впередъ, овла- дѣвай всѣми тайнами этого высшаго искусства».

Ангель хранитель. — «О Фаустъ, о добрый Фаустъ! брось это мерзостное искусство».

Фаустъ. — «Сокрушеніе, молитвы, раскаяніе, что въ нихъ?»

Ангель хранитель. — «О! это пути, ведущіе къ небу!»

Ангель тьмы. — «Это призраки.»

*) Къ сожалѣнію, при всемъ богатствѣ библіотеки Дерптскаго университета, которою мы пользовались, мы не могли найти ни текста Фауста, ни даже перевода его, сдѣланнаго Миллеромъ (1818), а потому должны были довольствоваться отрывками, приведенными Вильменомъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Journal des savants* (1856).

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ. — «Мой добрый Фаустъ, помни рай, помни небесныя радости».

АНГЕЛЪ ТЬМЫ. — «Нѣтъ, помни почести, помни сокровища, богатства».

ФАУСТЪ. — «Сокровища! да, графство Амбденъ будетъ моимъ. Дерзнетъ ли кто возстать на меня и Мефистофеля. Фаустъ, не робѣй! Чего тебѣ бояться? Не тревожься пустыми сомнѣніями. Сюда Мефистофель, неси мнѣ радостныя вѣсти о великомъ Люциферѣ. Чу! полночь! Сюда Мефистофель. Veni, veni, Mephistopheles».

Мефистофель входитъ. Фаустъ отворяетъ жпзу лѣвой руки, но кровь не бѣжитъ, пока дьяволъ не поднесъ къ рапѣ жаровню, полную горячихъ углей. Терзаемый то робкими сомнѣніями, то слѣзыми порывами, Фаустъ совершилъ договоръ: онъ предался душой и тѣломъ Люциферу и министру его Мефистофелю и — *«быть его записи предъявленной по взысканію, по истеченіи 24 лѣтъ»*. Подробности и самый судейскій стиль этого договора, должны были производить слѣпный эффектъ въ то время, когда продѣлки такого рода были предметомъ повсемѣстнаго и всеобщаго вѣрованія. Только и здѣсь мрачный гений Англійскаго драматурга примѣшалъ къ тексту легенды нѣсколько чертъ своихъ, исполненныхъ глубокихъ мыслей. Завершивъ и скрѣпивъ договоръ, Мефистофель обращается къ доктору:

«За тѣмъ сказывай, что хочешь знать?»

ФАУСТЪ. — «Сперва объ адѣ? Гдѣ, скажи, то мѣсто, что у людей слыветъ адомъ?»

МЕФИСТОФЕЛЬ. — «Подъ небесами».

ФАУСТЪ. — «Хорошо, все вообще подъ небомъ; въ какомъ именно мѣстѣ?»

МЕФИСТОФЕЛЬ. — «Въ самыхъ нѣдрахъ элементовъ; въ нихъ мы мучимся и пребываемъ на вѣки. Аду нѣтъ предѣловъ; опъ не въ мѣстѣ; адъ тамъ, гдѣ мы; а тамъ гдѣ адъ, и мы должны быть навсегда. Однимъ словомъ, когда рушится весь міръ и всякая тварь просвѣтлѣетъ, тогда станетъ адомъ все, что не небо» *).

*) Within the bowels of these elements

Where we are tortured and remain for ever;

ФАУСТЪ. — «Ужель ты думаешь, что Фаустъ будетъ проклятъ».

МЕФИСТОФЕЛЬ. — «Какъ же иначе; вотъ договоръ, которымъ ты предалъ душу Люциферу».

ФАУСТЪ. — «А съ ней и тѣло. Такъ чтожь изъ того? Ужель ты думаешь, что Фаустъ до того безуменъ, что станетъ воображать какія нибудь муки, за предѣлами этой жизни?»

МЕФИСТОФЕЛЬ. «Но вѣдь я самъ тебѣ примѣръ противнаго. Я проклятъ, говорю тебѣ, и теперь же, говоря съ тобой, я мучусь въ аду».

ФАУСТЪ. «Ну чтожь? Пусть это адъ, я готовъ быть проклятъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтожь тамъ можетъ быть другаго, какъ ѣсть, спать, ходить, спорить? *) Да бросимъ это, веди мнѣ женщищу, прекраснѣйшую изъ всѣхъ дѣвъ Германіи; я весь въ огнѣ».

Надо сказать, что въ этой сценѣ основныя черты въ характерѣ Фауста — пытливая заботливость и суэтность — выставлены съ поразительнымъ искусствомъ. Напримѣръ, какъ хорошо объясняется для внимательнаго зрителя сущность Фаустовыхъ сношеній съ сатаной, этимъ сомнѣніемъ въ существованіи ада, который Фаустъ видитъ (или думаетъ видѣть) у самыхъ ногъ своихъ. Поневолѣ припоминается поэтическая непоследовательность Гамлетова монолога о тайнахъ загробнаго міра, когда Гамлетъ, видѣвшій

Hell hath no limits; nor is circumscrib'd
In one self place; but where we are is hell,
And where hell is, there we must ever be,
And, to be short, when all the world dissolves,
And every creature shall be purified,
All places shall be hell that are not heaven.

Вильгельмъ не находитъ у самого Гёте ничего оригинальнѣе такого ада, чистого интелектуальнаго, странная сущность котораго самый собесѣдникъ Фауста. Лишь Мильтонъ успѣлъ превзойти Марло въ той же мрачной сферѣ. Смот. описаніе сатаны въ IV пѣснѣ «Потеряннаго рая».

*) Мысль нѣсколько темная, послужившая, можетъ быть, въ свое время въ пользу праговъ Марло; можетъ быть также, что здѣсь какая-нибудь невѣрность въ текстѣ. Впрочемъ пренія и иныя занятія въ аду придаются нашимъ духамъ также Мильтономъ. Опять не замѣствованіе, а встрѣча въ мысляхъ къ чести нашего писателя.

тѣнь отца своего, не смотря на то, не вѣрять въ выходцевъ съ того свѣта. Далѣе идутъ сцены, то напоминающія мистеріи, то посвященныя шуткамъ *Slowly* овъ — предмету настоятельныхъ требованій зрителей. Эти сцены служатъ интермедіями. Но паоось и энергія пробиваются и среди кривляній скомороховъ. На выборъ Фауста предстають семь смертныхъ грѣховъ и каждый выхваляетъ свои силы. (Опять мотивъ, пропущенный Гёте, по которымъ воспользовался Лессингъ въ своемъ Фаустѣ, дошедшемъ до насъ въ отрывкахъ). Вотъ какъ зависть опредѣляетъ сама-себя: «я зависть, дочь трубочиста и торговки, я безграмотна и того ради желаю, чтобы всѣ книги были сожжены. Я худѣю, глядя какъ другіе тучиѣють. О, да придетъ голодь на весь міръ — чтобы всѣ перемерли и я бы одна осталась въ живыхъ! Посмотрѣлъ бы тогда на мою дородность! Да что ты сидишь, когда я стою? Провались же за это въ тартарары.»

Безпокойная жизнь Фауста народныхъ преданій и самая сущность его чародѣйской дѣятельности, страсть къ вмѣшательству и эффектамъ опять выражаются рядомъ сценъ. Дру Фаусту и его адскому *assossié* мало осушить всѣ наслажденія, мало изучить астрономію. Они идутъ въ Римъ чтобы сбить съ толку папскую коллегію. Въ самый пріѣздъ ихъ, король Венгріи ведетъ въ цѣняхъ антипапу, поставленнаго императоромъ. Фаустъ и Мефистофель освобождаютъ его. За тѣмъ присутствуютъ невидимо при папской трапезѣ, нарушаютъ чинъ ея своими разговорами, уносятъ блюдо, стаканы, наконецъ дерутся. За этой суматохой слѣдуетъ процессія и заклинанія злыхъ духовъ и бѣспующихся. Слѣдующій актъ застаётъ Фауста при дворѣ императора, гдѣ дивятся славному магу, освободителю антипапы, котораго онъ вывезъ изъ Рима. Фауста просятъ показать образецъ своего искусства; по желанію императора, онъ вызываетъ Александра и Дарія. Александръ поражаетъ и убиваетъ Дарія на сценѣ. Въ пятюмъ дѣйствіи Фаустъ и Мефистофель переносятся ко дворцу герцога Ангальтъ (*Anhalt*). Фаустъ подноситъ герцогинѣ среди зимы зрѣлый виноградъ.

А между тѣмъ года идутъ и мы находимъ Фауста снова въ родномъ городѣ, съ своимъ слугой и двумя тремя старыми учениками. Разговоръ идетъ о женской красотѣ; Фаустъ, чтобы еще разъ потѣшиться предъ смертію, которую уже зачужая, вызываетъ Елену. Насмотрѣвшись вдоволь, ученые мужи удаляются, восхищенные этимъ чудомъ природы, благодаря и благословляя Фауста за доставленное имъ высокое наслажденіе. Простившись съ гостями, Фаустъ видитъ входящаго старца; старецъ говоритъ ему: «о славный Фаустъ, брось эту проклятую магію; она закабалитъ твою душу въ адъ и лишитъ тебя спасенія. Ты согрѣшилъ, какъ человѣкъ, не упорствуй же во злѣ, какъ демонъ! Еще теперь въ тебѣ душа, достойная любви, если обычный грѣхъ не сталъ для тебя другой природой. Да не будетъ этого; иначе ужъ поздно каяться; ты будешь лишена созерцанія неба — а кто вымолвитъ адскія мученія? Можетъ быть, мои увѣщанія покажутся тебѣ суровыми и скучными. Но, сынъ мой, я говорю тебѣ безъ гнѣва, безъ зависти, а изъ любви, изъ состраданія къ тебѣ, боясь грозящей тебѣ гибели. Смирись кроткимъ увѣщаніемъ моимъ и спаси свою душу.»

«Фаустъ, гдѣ ты?» восклицаетъ несчастный докторъ. «Несчастный, что сдѣлалъ ты? Адъ требуетъ свое и вопить съ ужаснымъ рыканіемъ: сюда Фаустъ, твой часъ пробилъ и Фаустъ идетъ платить ужасный долгъ!»

Между тѣмъ Мефистофель, молча, подноситъ ему кинжалъ, — съ другой стороны старецъ говоритъ: «остановись, мой добрый Фаустъ, остановись на пути къ отчаянію! я вижу, ангелъ носится надъ твоей головой; сосудъ благодати въ рукахъ его и онъ готовъ излить ее въ твою душу. Взывай къ милосердію Божію и бѣги отчаянія!»

Фаустъ. «Мой другъ, твои слова, какъ бы убѣжище бѣдствующей душѣ моей. Позволь мнѣ на минуту передумать о грѣхахъ моихъ.»

Старецъ. «Фаустъ, я оставляю тебя на время, но съ грустью въ сердцѣ—боюсь врага твоей беззащитной души.»

Фаустъ. «Злосчастный Фаустъ, что сдѣлалъ ты? Я каюсь и все таки впадаю въ отчаяніе. Адъ и благодать борются о душѣ моей. Что дѣлать мнѣ, чтобъ избѣжать сѣтей смерти?»

Мефистофель начинаетъ теперь громко требовать свое и старается уничтожить эти запоздалыя поползновенія къ раскаянію грѣшной души. Мефистофель снова овладѣваетъ Фаустомъ. Фаустъ падаетъ снова и вскорѣ нагло проситъ мучить даже того старца, совѣты котораго едва не обратили его на путь къ истинѣ и едва не заставили его измѣнить Люциферу.

Мефистофель. «Вѣра этого старца тверда, я не могу искутить его душу. Могу и готовъ глумиться надъ его тѣломъ, да что въ томъ, это вещь маловажная!»

Фаустъ до того развратился, что уже не понимаетъ этого высокаго наставленія, услышаннаго отъ самого сатаны. Последнее желаніе Фауста, послѣдняя его мечта — Елена, забыть въ ея объятіяхъ все мысли, все, что отклоняетъ его отъ объята, даннаго сатанѣ. Становится страшно отъ этого неистоваго вопля плоти, отъ такого глубокаго униженія души. За этой стеной болѣзненнаго бреда, въ которомъ Фаустъ тщетно ищетъ самозабвенія, когда уже демоны порываются за добычей своею, входятъ три ученыхъ, между ними его прежній задумчивый товарищъ. Они умоляютъ Фауста взывать къ милосердію Божію.

Фаустъ. «Взывать къ Богу? Но я отрекся отъ Него! Вопить къ Богу, но я хулилъ Его святое имя! О Боже мой, слезы просятся на глаза, но демонъ внутри меня нѣтъ слезы покаянія. Ахъ, зачѣмъ на мѣсто ихъ не брызнетъ кровь моя, а съ ней и душа и жизнь моя! Демонъ обуздываетъ языкъ мой! Я сплось поднять руки къ небу! Но смотри! Они схватились за нихъ, они ихъ держатъ!»

Всѣ. «Кто же ихъ держитъ, Фаустъ?»

Фаустъ. «Люциферъ и Мефистофель. Да, господа, я душу отдалъ имъ за знаніе!»

Друзья умоляютъ Фауста спастись чрезъ покаяніе и оставляютъ его по просьбѣ самого Фауста, чтобы въ

сосѣднемъ покоѣ молиться о немъ. Является Мефистофель и объявляетъ Фаусту грозящую ему гибель.

Фаустъ. «Что жь Фаустъ, для тебя ужь нѣтъ надежды въ небесахъ! Предайся же душа моя отчаянью и погрузись мыслями въ адъ. Отнынѣ адъ на вѣки — твое мѣсто!»

Еще разъ являются Фаусту ангель свѣта и ангель тьмы. Они входятъ изъ двухъ противоположныхъ дверей. Одинъ ободряетъ его воспоминаніями, даетъ ему слышать музыку небесъ, другой указываетъ зіяющій адъ, толкуетъ ему ожидающія его муки и исчезаетъ до слѣдующаго часа. Бьетъ 11 часовъ. Несчастному остается часъ ожиданій — предвкушеніе ада. Фаустъ остается на сценѣ, — Марло разблачаетъ его мрачныя думы, въ монологѣ, исполненномъ тревожнаго лиризма.

«Увы Фаустъ! Тебѣ осталось жизни на одинъ жалкій часъ, а за тѣмъ — вѣчное проклятіе! Остановитесь сферы небесныя, чтобъ время изсякло и полночь никогда бы не наступила! Блестящее око природы — солнце взойди снова и сдѣлай день непрестаннымъ; сдѣлай, по крайней мѣрѣ, чтобъ этотъ часъ продлился на годъ, на мѣсяць, на недѣлю, на одинъ обыкновенный день, чтобъ Фаустъ могъ-бы еще покаяться и спасти душу!

O, lente, lente currite noctis equi!

«Звѣзды идутъ своимъ путемъ; время спѣшитъ; вотъ пробьетъ роковой часъ; вотъ явится демонъ и Фаустъ погибъ! О, я спасусь на небо! Чья рука низринетъ меня на землю? Смотри, вонъ на сводѣ небесъ сіяетъ кровь Христа; одна капля этой драгоценной крови спасетъ меня! Спаситель мой!... не терзай моего сердца за то, что я называлъ его Спасителемъ; я еще разъ взову къ нему. О, пощади меня, Люциферъ! Гдѣ онъ? Ужель исчезъ?... Вотъ его грозная рука, вотъ его темный ликъ! Горы и холмы приступите, обруштесь на меня и скройте чело мое отъ разъяреннаго неба!... Ничто не тронулось!... Я свнухусь, я заруюсь въ нѣдра земли! Земля разступнись подо мною! Нѣтъ, о нѣтъ, она не хочетъ принять меня! Вы, звѣзды, озарившія мое рожденіе, выдѣлившія на долю

мою смерть и адскія мученія, пусть къ вамъ поднимется Фаустъ, какъ легкій паръ, сконившійся въ облакахъ, что виситъ на небосклону и пусть, когда вы изрыгнете меня на воздухъ, мои члены надутъ растерзанные изъ вашей дымящейся пасти, только дайте душѣ моей идти далѣе и достигъ небесъ!»

(часы бьютъ половину)

«О, половина часа уже прошла, минеть вскорѣ и весь часъ! О, если суждено Фаусту мучиться за грѣхи его, то положите какойнибудь предѣлъ моимъ терзаніямъ. Хотя тысячу лѣтъ, но чтобъ онъ былъ спасенъ! Но душамъ приговореннымъ нѣтъ сроку! Зачѣмъ я не существо, созданное безъ души? Или зачѣмъ эта душа моя безсмертна? О, Пи-вагоръ! еслибъ метампсихоза была правда, эта душа покинула бы меня, я бы превратился въ неразумную тварь. Какъ счастливы ихъ души! едва падеть тварь безсловесная, какъ душа ея разрывается и теряется въ стихіяхъ — а моя душа приговорена жить и мучиться въ аду.

(Бьетъ полночь).

«Вотъ часъ, вотъ роковой часъ! Разсыпсья тѣло мое или демонъ низринетъ тебя на дно ада! Душа моя, превратись въ невидимую каплю воды, пади въ океанъ, чтобы никто никогда не могъ тебя отыскать.»

(Раскатъ грома, являются бѣсы).

«Сжалеть! О небо, не будь такъ грозно! Змѣи, гады, дайте мнѣ еще разъ свободно вздохнуть. Зіяй ужасный адъ! Повремени, о Люциферъ, я сожгу мои книги, о Мефистофель!»

Марло не хочетъ оставить зрителей подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ такой сцены. Остается еще эпитогъ, какъ бы нравственный выводъ изъ всей драмы.

Три ученые друга Фауста приходятъ на другой день. «Пойдемъ, господа», говоритъ одинъ изъ нихъ, «навѣстимъ Фауста. Такой ужасной ночи не было, я полагаю, отъ сложенія міра; никогда не слыхано было такихъ ужасныхъ воплей и стонъвъ. Будемъ молить Небо, чтобы нашъ докторъ успѣлъ спастись отъ гибели.»

Другой ученый. — «О, съ нами крестная сила! Смотрите! Вотъ остатки, вотъ члены тѣла Фаустова, истерзанные рукою смерти!»

Третій ученый. — «Это бѣсы его растерзали, демоны, которымъ онъ служилъ! Мнѣ слышался его голось, около полуночи. Мнѣ чудилось, я слышалъ стоны его и вопль на помощь, а домъ стоялъ будто весь въ огнѣ отъ присутствія проклятыхъ бѣсовъ.»

Второй ученый. — «Ну, господа, хоть кончина Фауста такова, что ни одинъ христіанинъ не можетъ подумать о ней безъ ужаса, однако, припомнимъ, что Фаустъ еще недавно былъ славой нашихъ германскихъ университетовъ. Почтигъ его истерзанный прахъ приличнымъ погребеніемъ. Студенты въ траурѣ будутъ слѣдовать за печальной процессіей.»

Мысли, высказанныя учеными, повторяются хоромъ, который пѣлъ уже въ началѣ перваго и втораго акта. Текстъ Фауста заключается стихомъ средневѣковой простоты:

«Terminat hora diem, terminat auctor opus.»

«Фаустъ» Марло не послѣдняя въ числѣ драмъ на эту тему. Не смотря на опасное соперничество Гёте, Фаустъ Марло, этотъ Фаустъ первобытныхъ сказаній, на которомъ почіуютъ думы великой эпохи, какъ бы пережитой геніемъ мрачнымъ и дикимъ, но сильнымъ, заслуживаетъ, кажется, внимательнаго изученія. Въ отношеніи виѣшней формы, «Фаустъ» Марло видимо стремится къ той полнотѣ и разнообразію декціи, которою такъ блещутъ драмы Шекспира. Въ «Фаустѣ» Марло стихи смѣняются прозой не случайно, а по требованіямъ лицъ и драматическихъ положеній. При всей отдаленности отъ идеала, мы уже стоимъ на Шекспировской почвѣ. Но гдѣ Марло дѣйствительно высокъ, гдѣ онъ предвѣщаетъ Шекспира и мало чѣмъ не достигаетъ совершенства его манеры — это въ области чудеснаго, во внутреннемъ устройствѣ и проявленіяхъ міра духовъ. Ихъ неслыханное появленіе, ихъ шопоть, то сладкій, какъ небесная музыка, то лукавый и злобный — все это дѣйствуетъ на читателя, какъ фантастическія легенды старыхъ временъ, читаемыя въ одинокій, долгій, зимній вечеръ. Кажется, видишь свѣтлыхъ ге-

ниевъ, съ крыльевъ которыхъ вѣтъ на душу сладкая прохлада. Чудится, будто выростають изъ земли призраки бѣсовъ, мрачные, но не лишеныя какой-то отверженной красоты. И духи свѣта и духи тьмы являются только лишь духовидцу Фаусту и зрителю. Мефистофиль открываетъ одному лишь Фаусту свое адское существо и то тогда только, какъ Фаустъ погружается въ свои мрачныя думы. Читатель уже угадалъ ихъ ужасную тайну, — онъ чувствуетъ, что Фаусту стоитъ ободриться, рѣшительно захотѣть, призвать имя Христа, и онъ высвободится на свѣтъ Божій. Хотѣлось бы удержатъ при Фаустѣ благочестиваго старца, добрыхъ друзей его; но самъ Фаустъ принуждаетъ ихъ удалиться. Онъ не можетъ отказаться отъ мрачнаго міра, міра его одинокой кельи, созданнаго его заблудшимъ умомъ, его развращеннымъ сердцемъ — и самый адъ, при мысли о которомъ и Фаустъ и зрители цѣнепѣють отъ ужаса, Фаустъ питаетъ къ нему какую-то тревожную, несытимуую пытливость, думаетъ о немъ, призываетъ его съ такимъ же страшнымъ нетерпѣніемъ, какъ у Данте души проклятыхъ, не знающія покоя, пока не достигнутъ мѣста своей вѣчной казни:

E pronti son al trapassar del rio
Che la divina giustizia gli sprona
Si che la tema si volge in disio.

(Inferno cant. III).

Шекспиръ не чуждался событій, близкихъ по времени, для своихъ темъ; но переносилъ ихъ на сцену уже переработанными своимъ гениемъ, отдѣлившимися, какъ спѣлый плодъ отъ вѣтки, въ полнотѣ соковъ и цвѣта. Нигдѣ нельзя найти у него сочувствія къ симпатіямъ и антипатіямъ своего времени, безусловнаго присвоенія господствующимъ мнѣніямъ и даже вѣрованій. Эти вѣрованія и мнѣнія служили Шекспиру такимъ же матеріаломъ, какъ и языкъ; ихъ почти такъ же трудно выдѣлить изъ драмы, въ которую они внесены, какъ отдѣлить изъ нея самое изложеніе. Извѣстно, какого труда стоитъ найти въ пьесахъ Шекспира какоенибудь указаніе на современный случай, на судьбы друзей его, его самого; трудно даже, можетъ быть, и вовсе невозможно, рѣшнить окончательно, былъ ли Шекспиръ католикъ или про-

тѣстантъ, къ которому изъ двухъ исповѣданій лежало его сердце, въ то самое время, когда они боролись на жизнь и смерть въ самой Англии. У Марло, на оборотъ, нѣтъ этого идеальнаго спокойствія. Онъ не можетъ изъ себя самого брать духъ своихъ собственныхъ созданій. Онъ не только не можетъ стать выше мнѣній, ненавистей, пристрастій толпы, но, можно сказать, что не будь ихъ, онъ не нашелъ бы ни стремительной силы, ни направленія для своей дѣятельности. При всей энергій и самобытности его гения, таланту Марло нужны указанія извнѣ, пужны законы, уже установленные. Въ «Фаустѣ» онъ забываетъ вѣншній мѣръ въ созерцаніи собственныхъ думъ; въ «Эдуардѣ II» талантъ его охлаждается и протрезвляется настоятельными требованіями исторической темы — и въ той и въ другой пьесѣ онъ, можетъ быть, нехотя или безсознательно, но ускользнулъ-таки отъ непосредственнаго наптія страстей и интересовъ своей публики. «Фаустъ» и «Эдуардъ II» безспорно лучшія пьесы его репертуара, но все же онѣ обязаны успѣхомъ своимъ вѣншнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Тамъ же, гдѣ Марло не находилъ этихъ благодѣтельныхъ условій — гений его просто безчинствуетъ, будто на потѣху грубой толпѣ, въ угожденіе которой онъ громоздилъ ужасы на ужасы, приправляя ихъ ненетовыми выходками противъ предметовъ слѣпной ненависти толпы. Самая эта ненависть, всѣ симпатіи и антипатіи народа, все, что его занимало въ то время, всѣ его вѣрованія и суевѣрія — все это Марло переносилъ цѣлкомъ на сцену съ непосредственностію, для насъ почти непонятною, но бывшему ручательствомъ громкаго успѣха предъ его публикой. Эта отрицательная сторона таланта Марло породила двѣ пьесы, къ краткому указанію на которыя перейдемъ мы теперь.

Марло какъ бы весь пропитанъ двумя самыми живучими ненавистями своей публики — ненависть къ римскому католичеству и ненависть къ Испаніи и разразился двумя драмами: «Парижскія убійства» и «Торжество похоти». «Парижскія убійства» (*) игрался въ 1592 г. Въ этой драмѣ выставлены

*) Massacre of Paris with the death of the Duke of Guise. A Tragedy played by the right honorable the Lord Admiral's servants. 8°. N. D.

на позоръ всѣ ужасы Варроломеевской ночи, преступления Гизовъ, неистовства парижской черни, спустя какихъ нибудь двадцать лѣтъ по совершеніи ихъ. Можно положить, вмѣстѣ съ Вильменомъ, что именно близость событія и живая память о немъ — главная причина успѣха этой драмы 4). Въ этого животрепещущаго интереса, въ драмѣ Марло врядъ ли найдется какое нибудь достоинство. Отъ избытка какой-то лихорадочной дѣятельности, отъ множества эпизодовъ и приключеній (разумѣется, все на тотъ же кровавый покрой) видимо страдаетъ ходъ самаго главнаго дѣйствія. Сцены слѣдуютъ одна за другой, но не вяжутся; въ расположеніи ихъ не усмотришь руководящаго принципа, онѣ не группируются около самой Варроломеевской ночи, долженствовавшей по заглавію быть центромъ всего. Только и видишь убійство за убійствомъ, среди ужасовъ, представленныхъ въ возмутительной наготѣ; рѣдко найдешь сильную рѣчь, рѣдко раздается потрясающее слово. Эта драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, начинается бракомъ принца Беарнскаго (впослѣдствіи Генриха IV) съ Маргаритой Валуа, проходитъ чрезъ ужасы Варроломеевской ночи и кончается убіеніемъ Генриха III, умирающаго на сценѣ, въ присутствіи короля Наварскаго, котораго онъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ. Какъ въ этой драмѣ соблюдена историческая вѣрность характеровъ и фактовъ, можно судить по одной сценѣ, смерти Рамуса. Марло заставляетъ Гиза приказать убить несчастнаго ученаго на своихъ глазахъ; но сперва герцогъ пускается съ нимъ въ разсужденіе объ органонѣ Аристотеля, а затѣмъ, наскучивъ преніемъ, велитъ своимъ клевретамъ рѣзать своего опонента. Вообще это твореніе дѣлаетъ впечатлѣніе драматическаго эскиза, поспѣшно набросанныхъ сценъ. Преступленія громоздятся одно на другомъ до того, что теряется настоящій трагическій паосъ, — тотъ же недостатокъ, который встрѣчаемъ и въ Марловомъ «Мальтійскомъ Жидѣ». Впрочемъ, «Варроломеевская ночь» явилась снова на сценѣ въ XVIII столѣтіи, передѣланная Натаніелемъ Ли (Lee), авторомъ «Брута», послужившаго образцомъ Вольтеру для его трагедіи того же содержанія.

Подобное же сужденіе можно произнести надъ другой

драмой Марло: «Торжество похоти *). Здѣсь опять громада ужасовъ и неистовствъ, вымысловъ, которые даже трудно отнести къ какой либо опредѣленной эпохѣ. Все въ ней вращается около ненавистнаго англичанамъ того времени Филиппа II, короля Испаніи, его жены и сына. Марло какъ бы самъ высказалъ идею этой драмы въ тирадѣ, которую влагаетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Мавританскаго принца Эласзора:

«Трагедія, возлюбленная дочь ночи, я воспою тебѣ на арфѣ изъ костей мертвыхъ Испанцевъ! Найдется ли лучшая во всей вселенной? А ты, распаясь багровымъ весельемъ, купайся, какъ я черная, въ струяхъ еще дымящейся крови» **).

Теперь перейдемъ къ той изъ драмъ Марло, которая, можетъ быть, долше всѣхъ оставалась на театрѣ и болѣе всѣхъ прославила автора предъ тогдашней публикой. «Мальтійскій Жидъ» Марло ***) производилъ въ свое время громадный эффектъ. Роль жиды Варавы была одною изъ главнѣйшихъ ролей Эдуарда Алейна (Aleyn), перваго актера того времени, Протея по мимикѣ и Росція по декламации, какъ говорили тогда. Превосходная игра его, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала успѣху пьесы. Самый костюмъ жиды перешелъ въ преданіе. Гэвудъ (Haywood) въ прологѣ къ первому представленію этой драмы, по возобновленіи, называетъ ее лучшимъ созданиемъ перваго изъ поэтовъ, любимую ролью

*) Lust's dominion, or the lascivious queen, a Tragedy. 12. 1661.

***) Tragedy, thou minion of the night,
 to thee I'll sing
 Upon an harp made of dead Spanisch bones,
 The proudest instrument the world affords;
 «Whilst» thou in crimson jollity shall bathe
 Thy limbs, as blacks as mine, in springs of blood
 Still gushing.

***) The famous Tragedy of the Rich Iew of Malta. As it was play'd before the King and Queen, in his Majesties Theatre, at White Hall, by her Majesties Servants at the Cock Pit.

Written by Christopher Marlowe.
 London by J. B. for Nicholas Vavasur. 1638.

лучшаго актера своего времени *). Прологъ этотъ произнесенъ при дворѣ, гдѣ давалось первое представленіе этой драмы въ 1633 г. Такой отзывъ, явившійся нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Шекспирова «Шилока», свидѣтельствуетъ о вкусѣ того времени и о забвеніи, въ которое началъ быстро впадать Шекспиръ. Впрочемъ, между этими драмами обоихъ писателей, съ перваго взгляда, едва ли не одно только общее — это народность главнаго лица. Въ драмѣ Марло нѣтъ того искуснаго сліянія и противопоставленія двухъ дѣйствій, пополняющихъ и сдерживающихъ другъ друга. Впрочемъ, это планъ — одна изъ завѣтныхъ тайнъ искусства великаго драматурга; тайна, понятая и оцѣненная только въ новѣйшее время. Этотъ артистическій приѣмъ проглядываетъ, конечно, въ нѣкоторыхъ попыткахъ предшественниковъ Шекспира; такъ, напримѣръ, въ сказаніи о Бэконѣ (Friar Bacon and friar Bengay) Грина, въ Rowley'вомъ «Рожденіи Мерлина» (Birth of Merlin) и особенно въ такъ называемыхъ апокрифическихъ драмахъ (какъ, напримѣръ, Faversham des Ardens и пр.), приписываемыхъ, впрочемъ, самому Шекспиру. Но у Марло мало этого замѣтно. Жидъ Марло — существо ужасное до отвращенія, существо, которое могла создать слѣпая, средневѣковая, въ то время еще совершенно народная ненависть. Здѣсь опять Марло сдѣлался почти пассивнымъ отголоскомъ этой ненависти, и опять, во вредъ своему таланту, хотя тѣмъ самымъ снискалъ огромный успѣхъ. Впрочемъ, въ своихъ глазахъ Варава находитъ достаточное побужденіе предаваться самымъ ужаснымъ преступленіямъ. Вопіющею несправедливостію коменданта Мальты, лишавшею его всего имущества, съ явнымъ презрѣніемъ даже высшихъ формъ правосудія, начинается страшная повѣсть злодѣйствъ Варавы. И не одна жажда мщенія побуждаетъ его. При вѣсти о благополучномъ прибытіи всѣхъ своихъ судовъ и ихъ богатыхъ грузовъ, высказывается энергичеки душа банкрота-еврея, постигшаго всю силу своихъ сокровищъ :

*) We know not how our play may pass this Stage
But by the best of poets in that age,
The Malta Jew had being, and was made;
And he, then by the best of actors play'd.

«Вотъ благословеніе Израиля», восклицаетъ онъ. Чего еще можетъ просить у неба человѣкъ, когда оно такъ щедро шлетъ ему изобиліе, вскрываетъ для него самыя нѣдра земли, даетъ море ему въ услуженіе и велитъ гнать вѣтрамъ его богатства попутнымъ дыханіемъ. Развѣ ненавидитъ кто меня иначе, какъ не за мое счастье? Да кого же уважаютъ въ наше время, не за богатства? Пусть я жидъ, пусть меня ненавидятъ! Мнѣ лучше быть ненавидиму, чѣмъ быть жалкимъ въ христіанской нищетѣ!»

Варава не чуждъ, впрочемъ, и нѣкотораго религіознаго энтузіазма, выражающагося, напримѣръ, въ этомъ восклицаніи:

«О ты, что нѣкогда велъ въ огненномъ столпѣ сыновъ Израиля пустыннымъ мракомъ!» и проч.

Сообщая подобныя черты, нельзя, кажется, безусловно раздѣлять мнѣніе Вильмена, видящаго въ Варавѣ какой-то выродокъ фантазіи, злодѣя, отваживающагося на всевозможныя преступленія безъ всякаго повода, изъ одной любви ко злу. Мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ блестящаго критика, видящаго нелѣпость въ идеи Марло — помѣстить этого ужаснаго еврея въ Мальтѣ, лицомъ къ лицу съ рыцарями, владѣтелями этого острова и снабдить его средствами предать и островъ и рыцарей Туркамъ. Проживаніе жидовъ въ мѣстахъ, исключительно посвященныхъ религіи или оборонѣ ея, нисколько не противорѣчитъ исторіи, а въ нашей драмѣ составляетъ истинно драматическій контрастъ. Есть несомнѣнный драматизмъ въ этой борьбѣ вѣры, энтузіазма, идей съ грубыми матеріальными силами; побѣда достается Туркамъ, но побѣда, добытая измѣною, добытая хитростію, этой отрицательной стороной ума, и потому только, что сами христіане вызвали противъ себя эту опасную хитрость, погрѣшеніемъ противъ тѣхъ правилъ, защитниками которыхъ они сами себя выставляли. Они презрѣли ихъ, потому что имѣли дѣло съ жидомъ — но фанатизмъ ихъ или, вѣрнѣе, спѣсь нашла кару въ самомъ презрѣнномъ жидѣ. При всемъ огромномъ разстояніи Марло отъ Шекспира, жидъ того и другаго принадлежитъ дѣйствительно одному и тому же народу.

Шилокъ стоитъ, конечно, несравненно выше Варавы. Алчность къ деньгамъ не такъ исключительно владѣеть имъ, какъ Варавой; Шилокъ мститъ не за матеріальный вредъ, — онъ хочетъ вымѣстить на христіанахъ презрѣніе ихъ къ евреямъ и орудіе этой мести умѣетъ найти въ области законовъ, признаваемыхъ тѣми же христіанами. Какъ ни ужасенъ Шилокъ, можно, даже должно думать, что онъ не посягнулъ бы на другое средство утолить свою злобу. Да и какое иное средство подходило бы болѣе къ характеру его глубокой, можно сказать, бозкорыстной ненависти. Это нетерпѣливо ожидаемое, глубоко обдуманное, и между тѣмъ, открытое, такъ сказать, законное, *единственное* орудіе возносятся и Шилока и весь ходъ пьесы на неизмѣримую высоту надъ твореніемъ Марло. Средства, избранныя Варавой, губятъ его, а для насъ и всю драму. У Шекспира же все держится тяжбой между Шилокомъ и Антоніо, эта тяжба пріобрѣтаетъ огромное значеніе борьбы принциповъ, вѣчной борьбы буквы закона съ его гуманнѣмъ толкованіемъ. Марло, ступивши разъ на стезю темныхъ продѣлокъ, влечитъ своего героя отъ одного злодѣйства къ другому, между тѣмъ какъ прикискваніе средствъ укрыться отъ преслѣдованій, вносить съ собой удушливую атмосферу мошенничества. Не знаешь, не предугадываешь, гдѣ остановится ужасная машина, пущенная въ ходъ неосторожнымъ авторомъ. Можно выпустить половину продѣлокъ несчастнаго жида, или добавить ихъ новыми — и цѣлость драмы отъ того ничего не выиграетъ и не проиграетъ. Марло (и это дѣлаетъ честь его драматическимъ соображеніямъ) пресѣкаетъ мошенническую нить, именно тамъ, гдѣ Варавва, достигнувъ баснословнаго успѣха, надутый гордостію, забываетъ самую движущую силу своей души, измѣняетъ мщенію ради другой своей страсти, корыстолюбія. (Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ самъ Варавва, а можетъ быть, ослѣпленный Немезидой, глумится, какъ надъ врагами своими христіанами, теперь поверженными къ ногамъ его, такъ и надъ Турками, такъ щедро наградившими его за измѣну, такъ добродушно довѣрившимися его честности). Наконецъ Марло не избѣжалъ и другой опасности во вѣншемъ ходѣ драмѣ. Его драма

книжать невѣроятностями и несообразностями. Конечно, упреки въ невѣроятности бываютъ часто неумѣстны, особенно въ сферѣ идеальныхъ созданий. Въ этихъ созданіяхъ по преимуществу;

«Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable».

Да и самый идеалъ—величайшая невѣроятность для прозаическихъ натуръ, а онѣ-то по большей части и сторожатъ ее глазами аргуса. Но тамъ, гдѣ какъ въ Марловомъ жидѣ, дѣло подпадаетъ вѣдомству полиціи, читатель или зритель выравѣ требовать, чтобы, по крайней мѣрѣ, умѣли сводить концы, чтобы не заставляли его отказываться отъ свидѣтельства собственныхъ глазъ для того только, чтобы удалось то или другое мошенничество, чтобы такой-то или такой-то могъ спастись отъ висѣлицы, а именно этого-то самоотверженія Марло не разъ требуетъ отъ читателя. Такъ напримѣръ, по приглашенію Варавы, навѣщаетъ его испанскій монахъ и видитъ при входѣ, у стѣны одного изъ своихъ братій, къ которому ревнуетъ того самого жиды (они оба думаютъ обратить его для вящей пользы своихъ монастырей); вошедшій монахъ видя нежданнаго соперника, бьетъ его палкой; тотъ падаетъ. Зачинщикъ ссоры считаетъ себя убійцей, нисколько не замѣчая, что ударилъ трупъ, приставленный къ стѣнѣ.

Далѣе самъ Варава такъ искусно прикидывается мертвымъ, что вся Мальта принимаетъ его за мертвеца. Самая послѣдняя катастрофа приготовлена съ такими натяжками, средствами, столь невѣроятными, что убѣдиться въ дѣйствительности ихъ можно только слѣпой вѣрой въ слова автора; и при всемъ томъ, кажется, будто смотришь на кукольную комедію. Можетъ быть, многія изъ этихъ несообразностей мало стѣснили тогдашнюю публику. Въ театрѣ безъ кулисъ и безъ декораций, публика сама собой приучалась смотрѣть глазами автора, тамъ, гдѣ, по словамъ Сира Филиппа Сиднэ: «Вотъ выйдутъ три дамы срывать цвѣты и надо принимать сцену за садъ. Погода немного мы услышимъ про кораблекрушеніе на томъ самомъ мѣстѣ; если мы не сочтемъ его за утесъ, кого же винить, какъ не насъ самихъ? На гребень утеса взбирается страшное чу-

довище, изрыгающее дымъ и пламя; напуганные зрители обязаны считать себя перенесенными въ пещеру; но вотъ вбѣгаютъ двѣ арміи, вооруженныя четырьмя шпагами и столькими же щитами; чье же каменное сердце не сочтетъ всего этого за поле брани?» Быть можетъ, публика и не замѣчала, что многое въ разбираемой нами драмѣ шито на живую нитку, а можетъ быть простила многое Марло, умѣвшему такъ приковать ея вниманіе, такъ угодить ея юмору. И этотъ злой юморъ тѣшится не надъ однимъ жидомъ. Въ разбираемой нами драмѣ, Марло задѣлъ еще другую струну народнаго юмора: ненависть къ римскому духовенству. Такъ мы видимъ, что монаха, о которомъ мы говорили, невиннаго убійцу уже убитаго собрата своего, ведутъ при насмѣшкахъ жида и турка на висѣлицу. Въ другой сценѣ, монахи завидуютъ одинъ другому, и перебраниваются. Абиганль, дочь Варавы, отравленная имъ, чувствуя приближеніе смерти, призываетъ духовника и въ надеждѣ на нерушимость исповѣди, повѣряетъ ему то, что знаетъ изъ злодѣйствъ отца. Между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

Абиганль» Вотъ все, что я знаю, прошу тебя, храни свято слова мои. Смерть приступаетъ къ сердцу; обрати отца моего, чтобы онъ могъ спастись и будь свидѣтелемъ того, что я умираю христіанкой».

Духовникъ. — «Да, но мнѣ надо спѣшить къ жиду, грозить ему, задать ему страху».

Характеристики у Марло вообще мало, но здѣсь ее менѣе, чѣмъ въ какой либо другой его драмѣ. Все подчиняется жиду, не только главному, но можно сказать, единственному дѣйствующему лицу этой драмы. Но личность Варавы все таки не рельефна. Въ самомъ началѣ драмы есть нѣсколько чертъ для характеристики этой личности, — мы указывали на нихъ, — но Марло презрѣлъ ими и предался для фабрикаціи своего жида той методѣ, которую мы уже открыли въ «Тамерланѣ». Варава дѣлается какой-то компиляціей всѣхъ мерзостей, всѣхъ ужасовъ, которыми слѣпая средневѣковая ненависть украсила типъ жида, всѣхъ глумленій народнаго юмора надъ этимъ несчастнымъ существомъ. Варава—это жидъ, боготворящій деньги, жадный къ крови христіанской, нещадя-

щій ни младенца, ни женщины, ни старика, жидъ, питающійся «маринованными стрекозами и жухоморами подъ соусомъ» (pickled grasshoppers and sauced mushrooms); «не мнѣвшій бѣля со дня своего обрѣзанья, покрытый шляпою, забытой Иудою у корня осины, на которой тотъ повѣсился.» Въ такой пространной рамѣ, вмѣщающей все и вся, естественно должны были пропасть немногія индивидуальныя черты, разсѣянныя тамъ и сямъ въ драмѣ — онѣ только умножаютъ хаосъ общей картины. Марло расторгъ единственную нить, связывающую съ человѣчествомъ этого нравственнаго урода — любовь къ дочери. Мало этого, Марло отнимаетъ у него и самое животное чувство самосохраненія: Варава, которому осторожность и скрытность должны быть нужнѣе воздуха, этотъ самый Варава, угадавъ чутъемъ злодѣя, мошенническія наклонности турецкаго раба, предается ему съ довѣрчивостію ребенка, съ нѣжностію отца, безъ всякой argüere pensée о возможности измѣны, предательства.

«Мальтійскаго жидка» невозможно поставить ни на одну европейскую сцену, — даже читать его — трудъ утомительный и неблагодарный. При всемъ томъ, въ этой драмѣ встрѣчаются сильныя мѣста. Истинно трагическая вена Марло взяла свое и гений его проливаетъ какое-то зловѣщее вліяніе на эту мрачную массу злодѣйствъ. Придерживаясь незапамятному обычаю, Марло предпосылаетъ драмѣ прологъ. Этотъ прологъ говорится Маккиавелемъ и рѣчь его выдержана въ духѣ Маккиавеля, какимъ его представляетъ себѣ толпа. Въ этой рѣчи, не заслуживающей впрочемъ особеннаго вниманія, находится указаніе на время появленія жидка на сценѣ. Маккиавель увѣряетъ публику, что душа его очулась въ Гизѣ, а теперь по смерти Гиза, снова свободная, хочетъ полюбоваться Англійей. Гизъ убитъ въ 1588 г., слѣдовательно пьеса давалась или въ тотъ же 1588 г. или много, много въ началѣ 1589 г., во всякомъ случаѣ, въ то же безпокойное время, въ которое явился «Тамерланъ» и возродилась Англійская драма. При поднятіи занавѣса, на сценѣ — Варава (или выражаясь техническими терминами того времени: *входитъ* Варава) въ своей конторѣ, съ грудями золота. Приносятъ добрыя вѣсти о его корабляхъ, благополу-

что прибывшихъ въ гавань съ богатыми грузами. Секрета стоить многихъ земель, громадныя предпріятія жиды и его глубокіе расчеты — все это выставлено съ большимъ искусствомъ и освящено яркимъ и поэтическимъ свѣтомъ. Тутъ вырывается у Варавы тотъ вопль благодарности, который мы помѣстили выше. Но золото никогда не блестеть такъ ярко, какъ въ черный день, и аячность Варавы какъ бы напрашивается на бѣду. Тутъ же являются къ нему три его единоплеменника за совѣтомъ, что дѣлать? Турки требуютъ съ рыцарей дань за десять лѣтъ. Комендантъ созываетъ жидовъ и читаетъ имъ рѣшеніе совѣта. Призывая настоящую бѣду отъ Турокъ, заслуженной карой за то, что рыцари такъ долго щадили ненавистную жизнь Евреевъ, проклятыхъ небомъ, комендантъ и совѣтъ его положили (а всѣ рыцари приговорили):

1. Требуемую дань вѣзять съ Евреевъ такъ, чтобы каждый внесъ половину своего имущества.
2. Кто откажется платить, долженъ тутъ же креститься.
3. А кто откажется креститься, лишается всего имущества.

Варава, при всей своей мудрости, (онъ еще въ предъидущей сценѣ похваляя его предъ своими) теряетъ совершенно голову. Онъ не хочетъ жертвовать половины своего имущества и отказывается отъ крещенія. Рыцари торжествуютъ; Варава подпадаетъ всей строгости третьяго пункта, лишается всего имущества. Сцена эта, въ которой живо проглядываетъ источникъ драмы—народная баллада, не лишена нѣкотораго юмора, юмора того класса народа, который можетъ потѣшаться изображеніемъ висѣльника. При всемъ томъ, сцена эта, обуславливающая впрочемъ весь ходъ драмы, выдержана какъ-то грубо, неуклюже; кажется, будто смотришь на кривлянія маріонетокъ, и трудно убѣдиться, что происходящее на сценѣ дѣлается не въ шутку. Однако приговоръ рыцарей приводится въ исполненіе и Варава лишается всего. Входитъ дочь его Абигаиль. Ее выгнали изъ ея свѣтлицы, ихъ домъ обращенъ въ дѣвичій монастырь. Абигаиль плачетъ не о себѣ, а о престарѣломъ отцѣ. Варава цѣпенѣетъ отъ ужаса: въ этомъ самомъ до-

нѣ скрыты сокровища, далеко превышающія его видимыя богатства. Но самая крайность бѣдствія и мысль о золотѣ пробуждаютъ въ немъ энергію, и онъ намѣренъ не такъ легко разлучиться съ своими богатствами.

«Золото, мое золото и всѣ богатства исчезли!» восклицаетъ онъ. «Несправедливыя небеса, чѣмъ я заслужилъ эту бѣду? Неужели счастливая звѣзда моя померкла, для того, чтобы я, разорившись, впалъ въ отчаяніе?»

«Неужели, зная, какъ я непривыкъ къ лишениямъ, ты думаешь, роковая звѣзда, что я до того обезумѣю, что повѣшусь съ горя, промчусь вихремъ по землѣ, развѣюсь по воздуху, не оставивъ слѣда? Нѣтъ, я буду жить! Жизнь мнѣ еще не опротивѣла. Если ты пустила меня по морю съ тѣмъ, чтобы я тонулъ или плавалъ, какъ умѣю, я встрепечусь, я пробужу всѣ мои чувства!»

Планъ дѣйствій скоро придуманъ жидомъ. Абигаиль хочетъ бѣжать въ сенатъ, умолять жестокихъ рыцарей, слезами тронуть сердца ихъ. Варава останавливаетъ ее. Онъ велитъ дочери притвориться готовою къ обращенію и стараться поступить въ тотъ самый монастырь, который устроенъ въ ихъ домѣ. Абигаиль повинуется и съ быстротою театральнаго дѣйствія, свойственной тому времени, тутъ же обращается къ двумъ вопедшимъ инокинямъ съ просьбой принять ее въ ихъ обитель. Между тѣмъ, отецъ изрекаетъ ей проклятіе, и къ проклятіямъ въ сторону прилѣшиваетъ наставленія, какъ найти золото въ ихъ домѣ.

«Дщерь погибели, посрамленіе отца твоего, чего ищешь ты у ненавистныхъ враговъ нашего народа? Если не хочешь навѣки лишиться моего благословенія, бѣги отъ нихъ! (а затѣмъ прибавляетъ тихо). Иди, Абигаиль, и не забывай жемчуговъ и злата — они подъ доской, означенной крестомъ + (а тамъ, опять громко): назадъ проклятая, прочь съ глазъ отца!»

Послѣ этого Абигаиль принимается въ обитель.

Второе дѣйствіе открывается великолѣпно. Варава входитъ въ бывшій домъ свой ночью, съ фонаремъ и произноситъ монологъ, оставшійся образцовымъ въ Англійской литературѣ по силѣ языка, богатству картинъ, поэтической

живости оборотовъ. «Какъ зловѣщій вранъ, чье хриплое карканье отзывается погребальнымъ звономъ въ ухѣ больного, и который въ тѣни молчаливой ночи отрясаетъ заразу съ черныхъ крылъ, такъ измученный, взбѣшенный бѣгаетъ бѣдный Варава, полный роковыхъ проклятій. Обманчивыя радости быстрога времени улетѣли и оставили меня въ отчаяніи, и отъ прежнихъ сокровищъ, при мнѣ одно воспоминаніе, безотрадное, какъ безотраденъ для ветерана рубецъ закрывшейся раны. О ты, что нѣкогда въ огненномъ столпѣ вель сыновъ Израиля чрезъ пустынный мракъ, направъ въ эту ночь руку Абигаили или обрати день въ вѣчный мракъ. Сонъ не смыкаетъ моего бдительнаго ока и не будетъ покоя тревожнымъ мыслямъ, пока я не получу отвѣта отъ моей Абигаили.» *)

Абигаиль является на верху **). Она бросаетъ отцу найденные мѣшки, — сцена фантастическая. Сказочный эф-

*) Thus, like the sad presaging raven, that tolls
The sick man's passport in her hollow beak;
And in the shadow of the silent night
Doth shake contagion from her sable wings;
Vex'd and tormented runs poor Barabas
With fatal curses towards these Christians.
The incertain pleasures of swift-footed time
Have ta'en their flight, and left me in despair
And of my former riches rests no move
But bare remembrance; like a soldier's scar,
That has no further comfort for his maim.
Of thou, that with a fiery pillar led'st
The sons of Israel through the dismal shades,
Light Abraham's offspring; and direct the hand
Of Abigail this night, or let the day
Turn to eternal darkness after this!
No sleep can fasten on my watchful eyes,
Nor quiet enter my distemper'd thoughts,
Till I have answer of my Abigail.

***) Для уразумѣнія этой сцены надобно обратиться къ театральной обстановкѣ того времени; на заднемъ планѣ сцены помѣщался балконъ или верхній ярусъ, (balcony or upper stage), платформа котораго возвышалась футовъ на 8 или 9 отъ земли. Надо полагать, что онъ опирался на столпы. Съ этихъ то балконовъ произносилась часть діалога. Съ балкона висѣли къ землѣ занавѣсы, за которыми иногда скрывались дѣйствующія лица: онѣ имѣли на каждой сторонѣ по ложѣ, называемой частною (private-boxes). Эти ложи, конечно, очень неудобныя, но дешевыя, занимались или изъ экономіи или ради оригинальности.

фектъ ея выражается въ словахъ Варавы: «Теперь я припоминаю слова тѣхъ старухъ, которыя во дни моего богатства сказывали мнѣ зимой сказки про духовъ и привидѣнїя, бродящїя ночью около мѣстъ, гдѣ скрыты клады» *).

До сихъ поръ устами Варавы говоритъ скорѣе самъ Марло; но алчная душа жиды проявляется въ слѣдующихъ словахъ: «Теперь, сдается мнѣ, что я самъ одинъ изъ тѣхъ духовъ. Пока я живъ, здѣсь живетъ единственная надежда моей души, а когда я умру, здѣсь будетъ скитаться мой духъ» **). Наконецъ сокровища спасены. Вава обнимаетъ, ласкаетъ свои мѣшки. Однако пора разстаться. Отецъ и дочь прощаются. Отецъ обѣщаетъ дочери выручить ее изъ монастыря; радость его высказывается въ восторженномъ диамрамбѣ дочери, сокровищамъ, солнцу, жаворонку:

«О дочь, о злато, красота, блаженство!

.....

«Теперь Фебъ открывай рѣсницы дня и, вмѣсто ворона, пробуждай утренняго жаворонка, я понесусь съ нимъ по небу и буду лѣтъ надъ этими сокровищами, какъ жаворонокъ надъ своими птенцами!»

Самую пѣснь его очень трудно понять; нельзя даже опредѣлительно сказать, на какомъ языкѣ она сложена ***). Вотивши свои сокровища — Вава однако не забылъ места. Новые эпизоды драмы доставляютъ ему помощника для выполненїя черныхъ замысловъ. Въ Мальту прибылъ

*) Now I remember those old women's words,
 Who in my wealth wou'd tell me winters tales,
 And speak of spirits and ghosts that glide by night,
 About the place where treasure hath been hid.

**) And now methinks that I am one of those:
 For whilst I live, here lives my soul's sole hope,
 And when I die, her shall my spirit walk.

***) Hermoso Piarer, de les Denirch

Столь же непонятныя слова произносить онъ, только что завидѣвъ дочь, еще до полученїя сокровищъ:

Birn para todos, my ga nada no er.

Что это; описки, площадное передразниванїе жидовъ, или фразы, взятые изъ языка воровъ (slang) того времени?

испанецъ Мартинъ Дель-Боско, адмиралъ католическаго морскаго флота. Онъ негодуетъ на постыдную дань, положенную Турками на рыцарей, обѣщаетъ помощь своего государя и убѣждаетъ ихъ разорвать союзъ съ Турками, удержать за собой сокровища, собранныя ими на дань, за которую чрезъ мѣсяць долженъ прибыть въ Мальту Калиматъ, сынъ Султана. Рыцари одушевляются воспоминаніями славнаго отпора, даннаго Туркамъ въ Родосѣ. Боско назначается полководцемъ. Прежніе договоры съ Турками забыты; чтобы шаругаться надъ ними, продаютъ на базарѣ города илѣнныхъ Турковъ, добычу Испанскаго адмирала. Въ числѣ покупателей и Варавъ. Снъ угадываетъ злодѣйскую натуру одного изъ выставленныхъ на продажу, по имени Итамора, покупаетъ его и, чтобы возбудить въ немъ привязанность и довѣріе къ себѣ, рассказываетъ свои давнишніе подвиги: «въ молодости», говоритъ Варавъ, «я изучалъ медицину и пробовалъ свои познанія сперва на Итальянцахъ. Такимъ образомъ, въ Италіи я обогатилъ духовенство похоронами. Потомъ я сдѣлался инженеромъ — и въ войнѣ между Франціей и Германіей, состоя на службѣ у императора, я задно губилъ своими военными хитростями и друзей и недруговъ. Послѣ этого я сдѣлался ростовщикомъ и вымогательствами, обманомъ, грабительствомъ и другими уловками неправнаго маклера, въ одинъ годъ наполнилъ тюрьмы банкротами, а богадѣльни — сиротами. Не прошло мѣсяца, чтобы по моей милости кто-нибудь не сходилъ съ ума, — а отъ времени до времени, я заставлялъ повѣситься отъ тоски кого-нибудь съ длиннымъ листомъ на груди, исписаннымъ счетомъ процентовъ, которыми я вогналъ въ петлю бѣдняка. И смотри, какъ пошло мнѣ въ прокъ все зло, сдѣланное людямъ; у меня хватить капиталовъ на покупку всего города!» Это хвастливое признаніе, открывающее рядъ несообразностей, о которыхъ мы уже говорили, вызываетъ подобное признаніе со стороны купленнаго раба. Жидъ скрѣпляетъ мошенническій союзъ слѣдующими словами: «Полагайся на меня, какъ на товарища. Мы оба злодѣи, оба обрѣзанцы, мы равно ненавидимъ христіанъ. Будь вѣренъ и скрытенъ, въ золотѣ тебѣ не будетъ недостатка». Такое без-

стыдство, эта, такъ сказать, развязность въ преступленіи, имѣютъ конечно весьма мало драматическаго, какъ то весьма справедливо замѣчаетъ Вильменъ (можетъ быть съ невольнымъ примѣненіемъ къ Французской драмѣ, столь богатой искони злодѣями *сop amote*). Однако надо же было чѣмъ нибудь мотивировать внезапную привязанность Варавы къ купленному рабу; во всякомъ случаѣ, мошенническое чутье, руководившее этой покупкой, гораздо лучше идетъ къ его характеру, чѣмъ неограниченная довѣренность къ будущему сообщнику и исполнителю его замысловъ.

Орудіе мести найдено, — союзники начинаютъ дѣйствовать. Абиганль, любимая Дономъ Маттіасомъ, любитъ его взаимно, и общаена ему отцемъ. Но Варава заманиваетъ къ себѣ Людовика, сына коменданта, и убѣждаетъ дочь влюбить его въ себя ласковымъ пріемомъ. Абиганль, хоть нехотя, а повинуется. Прелести ея, козни жиды, искусно выполненные достойнымъ его сотрудникомъ, доводятъ юношей до поединка, и они оба остаются на мѣстѣ.

Но вотъ уже жиду приходится пожинать горькіе плоды своей ребяческой довѣренности къ Итамору. Нескромная радость раба открываетъ Абиганли участь ея любовника. По смерти Абдчали, Итамора отыскиваетъ факторъ одной куртизанки и уводитъ его къ своей госпожѣ. Встрѣча злораднаго раба и повѣреннаго куртизанки, одного изъ тѣхъ *бравов* (*desperadoes*), столь обычныхъ во время Марло, на мѣстѣ, самомъ приличномъ для обоихъ, домъ куртизанки, пріемъ Итамара — все это написано мастерски и энергически и приправлено шутками, конечно площадными, но оживленными и достаточно-юмористическими. Итаморъ предается всѣмъ долго сдержаннымъ страстямъ обѣлаго раба. Онъ ласкаетъ продажную красавицу, пьетъ, поетъ, хвастаетъ, радъ, что его величаютъ, но при этомъ онъ покрытъ чуть-ли не рубищемъ. Что жъ, стоитъ ему только написать жиду, намекнуть на кое-что, и три раза добываетъ онъ такимъ способомъ деньги! Наконецъ совершенно упоенный виномъ и любовью, ослѣпленный страстью хвастовства, онъ передаетъ безсвязную, но полную повѣсть своихъ и Варавиныхъ злодѣйствъ. Куртизанка и бравы смекаютъ въ

чемъ дѣло и готовить доносъ коменданту; но прежде надо еще попользоваться жидамъ.

Эта отсрочка спасаетъ преступника.

Входитъ арфистъ-французъ, говоритъ ломанымъ Англійскимъ языкомъ и очень загадочнымъ французскимъ. Послѣ всѣхъ несообразностей драмы, читатели не удивятся, если найдутъ въ арфистѣ переодѣтаго Вараву. Онъ отравляетъ веселую компанію порошкомъ, брошеннымъ въ цвѣты и уходитъ. Ядъ дѣйствуетъ, но недовольно скоро для безонасности жиды. Полумертвыя жертвы его дотащились такъ до коменданта и сдѣлали свои показанія. Всѣхъ и Вараву бросаютъ въ тюрьму и вскорѣ узнаютъ, что всѣ умерли. Трупъ Варавы велитъ бросить за стѣну города. Между тѣмъ все готовится къ отпору Туркамъ, приближающимся на всѣхъ парусахъ. Варавы оживаетъ; разумѣется, онъ только прикинулся мертвымъ. Онъ предаетъ городъ Туркамъ, поставляется въ коменданты надъ имъ, глумится надъ рыцарями, бывшими его притѣснителями, и обѣщаетъ предать городъ снова въ руки прежняго коменданта. За планомъ измѣны дѣло не останавливается. Варавы угощаетъ Калимата, сына Султана и нашей его въ своемъ домѣ, а все войско Турецкое на другомъ концѣ города. Въ самомъ разгарѣ пира, войско должно было полетѣть на воздухъ отъ пороховаго взрыва; а при этомъ сигналъ, Варавы пустить въ ходъ машину—подъ Калиматомъ и его свитой провалится полъ столовой залы. Варавы препоручаетъ весь механизмъ этой западни (очень неудовлетворительно описанной), бывшему коменданту, съ которымъ условился о наградѣ за это новое и послѣднее злодѣйство. Но бывший комендантъ измѣняетъ, спасаетъ Калимата и его пашей—участь остальныхъ Турокъ остается неизвѣстной. Обманутый обманщикъ Варавы, попавшійся въ собственныхъ стѣяхъ, издыхаетъ отъ злобы. Турокъ отводятъ въ плѣнъ, христіане становятся опять хозяевами города и все обстоитъ благополучно.

Прослѣдивъ главные эпизоды этой драмы чудовищнаго безчеловѣчья — можно спросить себя, что новаго «Мальтійскій жидъ» внесъ въ возникающій театральнй міръ Англій? Чѣмъ онъ обогатилъ драматическія преданія, существованіе

которыхъ несомнѣнно? Однимъ словомъ, могъ ли Шекспиръ, что либо заимствовать изъ этой драмы, по успѣху, одной изъ славнѣйшихъ его замѣчательнаго предшественника»? Мы указали на переворотъ, произведенный «Тамерланомъ»; въ «Фаустѣ» — на появленія духовъ, возвѣщающихъ нѣмые ужавы Макбета; но на этотъ разъ Марло, кажется, измѣнилъ своему призванію относительно своего славнаго преемника. «Мальтійскій жидъ» Марло и «Венеціанскій купецъ» Шекспира, такъ же расходятся между собою, какъ различны вдохновенія, руководившія ихъ творцами. Венеціанскій купецъ на столько же (если не болѣе), превышаетъ нестройное произведеніе своего предшественника, на сколько, напримѣръ, грубая, ярмарочная баллада, послужившая источникомъ Марло, мало походить на изящную повеллу Сэръ-Джіовани (Ресогоне IV), изъ которой Шекспиръ могъ почерпнуть главные эпизоды своей драмы. Мы видѣли, какъ жидъ Марло мало походить на Шилока, какъ мало на человѣка вообще. Это скорѣе какая-то баснословная химера, скорѣе разрушительное и нечистое пламя, вырвавшееся изъ какой-то адской отдушины. Вообще, если Варава послужилъ Шекспиру въ пользу, то развѣ отрицательно, какъ указаніе того, чего надо избѣгать. Можно, конечно, и въ «Мальтійскомъ жидѣ» найти нѣчто, напоминающее мощную пружину Шекспировской драматургін — существенную невозможность скрывать преступленіе и вытекающую изъ него, какъ необходимымъ процессомъ, казнь преступника; но это нѣчто, не болѣе, какъ намеки слабые, разрозненные, какъ бы явившіеся независимо отъ произвола писателя. Самая натура дѣйствующихъ лицъ, злодѣевъ — дилетантовъ, нейдетъ къ такому нравственному возрѣнію. И наконецъ, если подобныя намеки на Немезиду не случайны, то они, по большей части, встрѣчаются во внѣшней сферѣ случайностей; ихъ можно скорѣе принять за добрыя или худыя примѣты, предвѣщающія успѣхъ или неудачу злодѣйскихъ предпріятій.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

АНТОНІЙ И КЛЕОПАТРА *)

ШЕКСПИРА

переводъ

А. ФЕТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

М. Антоній,
Октавій Цезарь, } триумвиры.

М. Эмилиій Лепидъ,
Секстъ Помпей.

Деметрій Энебарбъ,

Вентидій,

Эресь,

Снаръ,

Дерцетъ,

Димитрій,

Филоксъ.

} приверженцы Антонія.

Мецонатъ,

Агринна,

Долобелла,

Прокулъ,

Тирей,

Галлъ.

Менскратъ,

Варрій.

} приверженцы Цезаря.

} приверженцы Помпея.

Тауръ, военачальникъ у Цезаря.

Канидій, военачальникъ у Антонія.

Силій, одинъ изъ вождей у Вентидія.

Эвероній, посолъ Антонія къ Цезарю.

Александръ, Мардианъ, Селевиъ и Діомедъ, придворные Клеопатры. Гадатель. Нессалинцы.

Клеопатра, царица Египта.

Октавіа, сестра Цезаря и жена Антонія.

Хармианъ, } прислужницы Клеопатры.

Ира,

Вожди, воины, вѣстники и прочіе придворные.

Мѣсто дѣйствія въ различныхъ частяхъ Римской Имперіи.

*) Представляя на судъ образованной публики переводъ «Антонія и Клеопатры», считаю неизлишнимъ замѣтить, что я присоединилъ въ выноскахъ только необходимѣйшія объясненія текста и тѣ варьянты по экземпляру Коольфа, которые явно измѣняютъ въ данномъ мѣстѣ смыслъ, въ пользу дѣла. Читатели извинятъ немногіе 6-тистопные стихи, встрѣчающіеся въ моемъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что у Шекспира не только такіе стихи, но и лишеныя всякой мѣры, не рѣдкость.

Переводчикъ.

А К Т Ъ I.

СЦЕНА I.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

(Входятъ Димитрій и Филонъ).

Филонъ.

Нѣтъ, сумасбродство нашего вожда
Выходитъ изъ границъ; отважный взоръ,
Сверкавшій вдоль рядовъ и легионовъ,
Какъ панцырь Марса, нынѣ преклоненъ
Иль обращенъ, почтительный и страстный
На смуглое чело: героя сердце,
Что въ жаркихъ битвахъ заставляло пряжки
Срывать на груди — совсѣмъ не то —
И нынѣ служить мѣхомъ, опахаломъ
Жаръ Египтянки страстный охлаждать.
Смотри-ко! вотъ она идетъ сюда!

(Трубы. Входятъ Антоній и Клеопатра со свитой, звуку обмахиваютъ ее опахалами).

Вглядись получше: и увидишь въ немъ
Ты третій столпъ вселенной обращеннымъ
Въ шута развратной женщины. — Вглядись.

Клеопатра.

Пусть и любовь — но велика ль, скажи?

Антоній.

Жалка любовь, которой мѣра есть.

Клеопатра.

Я знать хочу предѣлъ твоей любви,

Антоній.

Такъ дай же небо новое и землю.

(Входитъ посланный).

Посланныкъ.

Изъ Рима вѣсть.

Антоній.

Не мучь — и въ двухъ словахъ....

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, выслушай, Антоній, ты его.
 Быть можетъ, Фульвія во гнѣвѣ; иль какъ знать,
 Быть можетъ, Цезарь безбородый шлетъ
 Тебѣ приказъ: «исполни то и то,
 Займи то царство, это защити;
 Слѣши и не гнѣви насъ».

АНТОНІЙ.

Какъ мой другъ?

КЛЕОПАТРА.

Быть можетъ, нѣтъ — всего вѣрнѣй, тебѣ
 Остаться долѣ здѣсь нельзя и Цезарь
 Зоветь тебя — такъ выслушай, Антоній,
 Чтожъ Фульвія? да — то есть Цезарь? — оба?
 Зови пословъ. Что вспыхнулъ ты Антоній,
 Безспорно какъ и то, что я царица.
 Въ честь Цезаря твой стыдъ, иль дань ланиты
 Крикливой брани Фульвіи. Послы!

АНТОНІЙ.

Пусть въ Тибрѣ тонетъ Римъ и мощный сводъ
 Большого царства рухнетъ! Вотъ мой міръ.
 Всѣ царства прахъ. Питаетъ тукъ земной
 Людей и скоть: все благородство жизни
 Вотъ въ чемъ: (*обнимаетъ ее*) когда два любящихъ дерзнуть
 Такъ сблизить жребіи, а въ этомъ мы
 (Подъ страхомъ казни объявляю свѣту)
 Недостижимы.

КЛЕОПАТРА.

Выспренная ложь!

Мужъ Фульвіи — чтожъ любить онъ ее?
 Пусть я кажуся глупой, но не буду.
 Антоній вѣчно вѣренъ самъ себѣ.

АНТОНІЙ.

Коль не взволнованъ Клеопатрой онъ. —
 О! изъ любви къ живымъ часамъ любви,

Не трать въ тяжелыхъ разговорахъ время;
Пусть нашей жизни каждый мигъ продленъ
Забавами. Чѣмъ скоротаемъ ночь?

КЛЕОПАТРА.

Прими пословъ.

АНТОНІЙ.

Эхъ, спорщица царица!
Которой все къ лицу и брань и смѣхъ
И слезы; каждый твой порокъ стремится
Быть красотой и вызвать поклоненье.
Что за послы! я твой и только твой!
Мы ночью городъ обойдемъ, вникая
Въ народный духъ. Пойдемъ моя царица —
Вчера звала. Не обращайтесь къ намъ.
(Уходятъ Антоній и Клеопатра со свитой).

ДИМИТРІЙ.

Иль Цезаря Антоній такъ не цѣнитъ?

ФИЛОНЪ.

Порой, когда онъ больше не Антоній,
Въ немъ и великихъ качествъ нѣтъ, какими
Украшенъ долженъ быть Антоній.

ДИМИТРІЙ.

Жаль,

Что общую онъ подтверждаетъ ложь
О немъ рассказовъ въ Римѣ. Но надѣюсь
Умнѣй онъ будетъ завтра. — Будь здоровъ.

СЦЕНА П.

Тамже, другая комната.

(Входятъ Хармианъ, Ира, Алексасъ и Гадатель).

ХАРМИАНЪ.

Послушай Алексасъ, милый Алексасъ, чудесный Алексасъ,
всенавчудеснѣйшій Алексасъ, гдѣ гадатель, котораго ты такъ

хвалилъ царицѣ. О! еслибы мнѣ узнать того человѣка, который, какъ ты говоришь, долженъ будетъ прикрывать рога свои вѣянкомъ *).

АЛЕКСАСЪ.

Гадатель!

ГАДАТЕЛЬ.

Что вамъ угодно?

ХАРМИАНЪ.

Такъ это онъ? Ты ль вѣдающій все?

ГАДАТЕЛЬ.

Я въ безконечной книгѣ тайнъ природы
Прочелъ не много.

АЛЕКСАСЪ.

Руку дай ему.
(Входитъ Энобарбъ).

ЭНОБАРБЪ.

Проворнѣй столъ внесите, да вина
Побольше — пить здоровье Клеопатры.

ХАРМИАНЪ.

Голубчикъ! счастье доброе мнѣ дай!

ГАДАТЕЛЬ.

Я не творю, — предвижу только я.

ХАРМИАНЪ.

Такъ сдѣлай милость, высмотри его.

ГАДАТЕЛЬ.

Еще пышнѣй ты будешь чѣмъ теперь.

ХАРМИАНЪ.

Онъ вѣрно говоритъ о полнотѣ.

*) Хармианъ говоритъ о своемъ будущемъ мужѣ, который, по словамъ Алексаса, будетъ по ея милости рогать.

ГАДАТЕЛЬ.

Нѣтъ, ты румянится подъ старость будешь.

ХАРМИАНЪ.

Лишь только бѣ не морщины.

АЛЕКСАСЪ.

Да не мѣшайте! слушайте его.

ХАРМИАНЪ.

Тсс....

ГАДАТЕЛЬ.

Влюбляться чаще, чѣмъ любимой быть.

ХАРМИАНЪ.

Такъ лучше же впрочемъ отогрѣваться.

АЛЕКСАСЪ.

Нѣтъ, выслушай его.

ХАРМИАНЪ.

Ну предскажи-ко отличное счастье. Заставь меня въ одно утро выйти замужъ за трехъ царей и овдовѣть послѣ ихъ всѣхъ, заставь на пятидесятомъ году имѣть ребенка. Устрой, чтобы я вышла за Октавія Цезаря и стала ровнею своей госпожѣ.

ГАДАТЕЛЬ.

Свою царицу ты переживешь.

ХАРМИАНЪ.

О превосходно! Долгая мнѣ жизнь
Дороже смоквъ *).

ГАДАТЕЛЬ.

Ты счастливѣй была

Досель, чѣмъ предстоитъ тебѣ.

*) Въ этомъ выраженіи уже намекъ на родъ смерти Клеопатры и Хармиани.

ХАРМИАНЬ.

Такъ вѣрно дѣти мои будутъ безъ имени. Скажи-ко, сколько у меня будетъ мальчиковъ и дѣвочекъ?

ГАДАТЕЛЬ.

Будь каждое твое желанье — лономъ,
И лономъ плодотворнымъ — миллионъ.

ХАРМИАНЬ.

Прочь дуракъ: прощаю тебя какъ, а, колдуна.

АЛЕКСАСЪ.

Ты думаешь одни простыни твои знаютъ про твои желанія?

ХАРМИАНЬ.

Ну расскажи-ко Ирѣ ты теперь.

АЛЕКСАСЪ.

Мы всѣ желаемъ знать свою судьбу.

ЭНОВАРЕЪ.

Мнѣ, да и большей части изъ васъ судьба нынѣшнюю ночь — пьяному въ постель.

ИРА.

Вотъ ладонь, предвѣщающая не порочность, если не что другое.

ХАРМИАНЬ.

Точно какъ разлитіе Нила предвѣщаетъ голодъ.

ИРА.

Прочь ты шутовка, гдѣ тебѣ гадать.

ХАРМИАНЬ.

Нѣтъ, если влажная ладонь не признакъ плодородія, то я даже не въ состояніи почесать у себя ухо *). Пожалуйста предскажи ей будничную судьбу.

*) Т. е. сдѣлать самой легкой вещи.

Г А Д А Т Е Л Ъ .

У васъ одинаковая судьба.

И Р А .

Но какъ же? какъ? рассказывай подробнѣй.

Г А Д А Т Е Л Ъ .

Я все сказалъ.

И Р А .

Не ужели моя судна ни на вершокъ не лучше ея?

Х А Р М І А Н Ъ .

Ну, а еслибы твоя судьба и была на вершокъ лучше моей, куда бы ты прибавила этотъ вершокъ?

И Р А .

Разумѣется, не къ носу моего мужа.

Х А Р М І А Н Ъ .

Да спасетъ насъ небо отъ дурныхъ помысловъ. Алексасъ, поди сюда; твою судьбу, твою судьбу! О! пусть онъ женится на женщинѣ, которая не можетъ ходить, милая Изида, умоляю тебя! и пусть она умретъ и дай ему еще худшую и за худшею еще худшую, пока самая худшая со смѣхомъ не проводить до могилы его, бывшего пятьдесятъ разъ рогопосцемъ. Хорошая Изида! услышь мою молитву, если и откажешь мнѣ въ болѣе важномъ. Хорошая Изида! умоляю тебя!

И Р А .

Аминь. Дрожайшая богиня, услышь молитву твоего народа, потому что на сколько сокрушительно видѣть красиваго мужчину съ женой легкаго поведенія, на столько убійственно — неприятно видѣть уродливаго малаго не рогагымъ; поэтому хорошая Изида! наблюдай приличіе и пошли ему достодолжную судьбу.

Х А Р М І А Н Ъ .

Аминь.

АЛЕКСАСЪ.

Посмотрите-ко! Если бы во власти ихъ состояло сдѣлать меня рогатымъ, онѣ сами готовы бы сдѣлаться распутными, чтобы этого добиться.

ЭНОБАРЬ.

Тсс! — Вотъ идетъ Антоній.

ХАРМИАНЪ.

Нѣтъ, — царица.

(Входитъ Клеопатра).

КЛЕОПАТРА.

Антонія вы не видали?

ЭНОБОРЬ.

Нѣтъ государыня.

КЛЕОПАТРА.

Онъ не былъ здѣсь?

ХАРМИАНЪ.

Нѣтъ, государыня.

КЛЕОПАТРА.

Онъ въ духѣ былъ веселомъ — вдругъ его схватила мысль о Римѣ. — Энобарь!

ЭНОБОРЬ.

Царца!

КЛЕОПАТРА.

Сыщи и приведи его. Алексасъ гдѣ?

АЛЕКСАСЪ.

Здѣсь, весь къ услугамъ. — Вождь сюда идетъ.

(Входитъ Антоній съ посланниками и свитой).

КЛЕОПАТРА.

Не будемъ на него смотрѣть. — Пойдемъ.

(Уходятъ Клеопатра, Энобарь, Алексасъ, Ира, Хармианъ, гадатель и свита).

Посланникъ.

Всѣхъ прежде Фульвія твоя пошла войной.

Антоній.

На Люція, на брата моего?

Посланникъ.

Да, но война не долго длилась. Время
Враговъ сдружило къ Цезарю враждой,
А тотъ счастливѣе въ бою, — изгналъ
Ихъ изъ Италіи при первой схваткѣ.

Антоній.

Ну хорошо. Еще похуже вѣсть?

Посланникъ.

Съ больныхъ вѣстей посламъ не по себѣ.

Антоній.

Коль рѣчь ведутъ съ глупцомъ или трусомъ. — Ну!
По моему, что было, то прошло;
Лишь правду говори — словамъ смертельнымъ
Внимаю будто лести.

Посланникъ.

Лабіенъ

(О злая вѣсть!) войска Парейшъ подвинулъ
И Азію съ Евфрата покорилъ.
Побѣды знамя въ Сирію онъ внесъ
И въ Лидію и въ Іонію; — межъ тѣмъ....

Антоній.

Антоній, хочешь ты сказать.

Посланникъ.

О вождь!

Антоній.

Будь прямъ, — молвы всеобщей не смягчай;
По римски называй ты Клеопатру,

Ругай словами Фульвию, брани
 Мои ошибки смѣло, такъ какъ злоба
 И ненависть ихъ видятъ. — О! безъ бурь
 Мы въ плевелахъ заглохнемъ. Насъ бранить
 Помоть насъ значить. — Будь здоровъ пока!

Посланникъ.

Высокой волѣ покоряюсь я. (*Уходитъ*).

Антоній.

Что въ Сикіонѣ новаго? скажи!

1-й слуга.

Изъ Сикіона вѣстникъ. Былъ онъ тутъ?

2-й слуга.

Онъ приказаній ждетъ.

Антоній.

Такъ пусть войдетъ.

Пора сорвать египетскую цѣпь,

(*Входитъ другой посланный*).

Иль въ сумасбродствѣ потонуть. Кто ты?

Посланникъ.

Твоя супруга Фульвія скончалась.

Антоній.

Гдѣ? —

Посланникъ.

Въ Сикіонѣ:

О времени болѣзни и другомъ

Важнѣйшемъ — самъ прочтешь.

(*Подаетъ письмо*).

Антоній.

Оставь меня. —

(*Посланникъ уходитъ*).

Почилъ великій духъ. Вѣдь я желаю.

Что часто мы съ презрѣнемъ отвергаемъ,

Желали бь воротить; что намъ пріятно,
 Становится отъ повторенья горькимъ
 И самому себѣ противурѣчить *)
 Вотъ и мила, за тѣмъ что умерла. —
 Готовъ бы руку дать ей безъ угрозъ.
 Пора бѣжать волшебницы царицы; —
 Сто тысячъ золь и безъ числа родитъ
 Бездѣйствіе мое. Гей! Энобарбъ!

ЭНОБАРБЪ.

Что ты прикажешь повелитель?

АНТОНІЙ.

Отсюда нужно мнѣ поторопиться.

ЭНОБАРБЪ.

Въ такомъ случаѣ мы погубимъ всѣхъ нашихъ женщинъ.
 Мы видимъ, какъ смертельно для нихъ даже невниманіе,
 а если нужно будетъ согласиться на нашъ отъѣздъ, имъ
 просто смерть.

АНТОНІЙ.

Я долженъ прочь уѣхать.

ЭНОБАРБЪ.

Изъ за важной причины пусть женщины умираютъ:
 истинная жалость бросать ихъ изъ за пустяковъ, но при
 важномъ обстоятельствѣ ихъ слѣдуетъ считать ни во что.
 Если Клеопатра хотя малость объ этомъ провѣдаетъ, то не-
 медленно умереть. Я видалъ ее двадцать разъ умирающею
 изъ за гораздо ничтожнѣйшей причины. Мнѣ кажется, въ
 смерти есть сила, дѣйствующая на нее какъ любовныя объ-
 ятія — до такой степени она на нее падка.

АНТОНІЙ.

Она хитрѣй, чѣмъ можетъ человѣкъ придумать.

*) Въ прежнихъ изданіяхъ было: *By revolution lowering*; у Кольтера: *By re-
 petition souring*.

ЭНОВАРЬЪ.

Нѣтъ, право нѣтъ! страсти ея состоятъ изъ тончайшихъ частицъ чистой любви. Эти бури и потоки нельзя назвать вздохами и слезами. Это ураганы и ненастья сильнѣйшія, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ календарь. Тутъ не можетъ быть притворства, а если есть, то оно пускаетъ ливень не хуже Юпитера.

АНТОНІЙ.

Лучше никогда бы мнѣ съ ней не встрѣчаться!

ЭНОВАРЬЪ.

О! тогда бы ты не видалъ совершеннѣйшаго созданія и отказавшись отъ такого наслажденія, лишилъ бы свое путешествіе всякаго значенія.

АНТОНІЙ.

Фульвія умерла.

ЭНОВАРЬЪ.

Повелитель?

АНТОНІЙ.

Фульвія умерла.

ЭНОВАРЬЪ.

Фульвія!

АНТОНІЙ.

Умерла.

ЭНОВАРЬЪ.

Ну такъ принеси богамъ благодарственную жертву. Когда ихъ божественности угодно отнять у мужа жену, то пусть онъ подумаетъ о портныхъ на сей землѣ и успокоится мыслию, что когда старыя платья изношены, они поставлены на то, чтобы шить новыя. Если бы кромѣ Фульвіи не было женщинъ, тебѣ дѣйствительно пришлось бы плохо и дѣло было бы плачевное; а теперь горе увѣичано утѣшеніемъ: изъ твоей старой женской рубашки выходитъ новая юбка. И дѣйствительно, слезы должны жить въ чеснокѣ, чтобы проливаться отъ подобнаго горя.

АНТОНІЙ.

Тревога, поднятая ею въ Римѣ,
Не терпѣтъ моего отсутвія.

ЭНОБАРЬЪ.

А тревога, поднятая тобою здѣсь, не терпѣтъ твоего отъѣзда. Особенно тревога Клеопатры, которая только и дышитъ твоимъ присутствіемъ.

АНТОНІЙ.

Довольно легкихъ словъ. Дай знать вождямъ
Рѣшенье наше. А причину я
Поспѣшности самъ объясню царяцѣ,
Проя любви отсрочки: не одна
Смерть Фульвія съ важнѣйшими другими
Причинами зоветъ насъ; много писемъ
Насъ дружески увѣщываютъ, въ Римъ
Немедленно вернуться. Секстъ Помпей
На Цезаря возсталъ и пріобрѣлъ
На морѣ власть: измѣнчивый народъ
(Который чувствомъ не почититъ заслуги
Пока жива заслуга) радъ признать
Все, что Помпей великій совершилъ,
За сыномъ: — этотъ, храбростью и силой
Возвыся власть и имя, во главѣ
Сталъ войскъ. Усилясь, онъ способенъ быть
Грозой вселенной. Многое въ зачатъи,
Что силой жизни только волосъ конскій *)
А не змѣя по яду. Объяви
Ты нашимъ подчиненнымъ, чтобы всѣ
Къ отъѣзду торопились.

ЭНОБАРЬЪ.

Всѣмъ скажу.

(Уходитъ.)

*) Понятіе о конскомъ волосѣ, превращающемся въ волосатика, еще сохранилось у нашего народа.

СЦЕНА III.

(Входят Клеопатра, Хармианъ, Ира и Алексасъ.)

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ онъ?

ХАРМИАНЪ.

Его съ тѣхъ поръ я не видала.

КЛЕОПАТРА.

Узнай гдѣ онъ, кто съ нимъ, чѣмъ занятъ онъ?

Не я тебя послала. — Если грустенъ,

Скажи ему, что я пляшу; а весель,

Что вдругъ занемогла. — Вернись скорѣй.

(Алексасъ уходитъ.)

ХАРМИАНЪ.

Коль точно любишь ты его, и хочешь
Любимой быть, то ты взялась не такъ.

КЛЕОПАТРА.

Что жъ дѣлать мнѣ, что упустила я?

ХАРМИАНЪ.

Все уступай, — ни въ чемъ не прекословь.

КЛЕОПАТРА.

Ты учишь съ дуру, какъ его утратить.

ХАРМИАНЪ.

Не мучь его, и разсуди: — что насъ

Пугаетъ часто, надоѣстъ какъ разъ.

(Входитъ Антоній.)

Вотъ и Антоній.

КЛЕОПАТРА.

Я больна, не въ духѣ.

АНТОНИЙ.

Мнѣ тяжело свой замысль ей открыть.

КЛЕОПАТРА.

На помощь Харміанъ, я упаду,
 Не выдержи и силы отказали
 Въ услугѣ мнѣ.

АНТОНІЙ.

Дражайшая царица!

КЛЕОПАТРА.

Прошу: — Не стой такъ близко.

АНТОНІЙ.

Что съ тобой?

КЛЕОПАТРА.

Въ твоихъ глазахъ прочла благую вѣсть.
 Что говоритъ супруга? — Къ ней ступай.
 Сюда бы ей тебя не отпускать.
 Пусть не сочтеть, что я тебя держу....
 Я надъ тобой не властна: ты ея.

АНТОНІЙ.

Богамъ извѣстно.....

КЛЕОПАТРА.

Никогда царица

Такъ не была обманута; хоть я
 Предвидѣла измѣну.

АНТОНІЙ.

Клеопатра!

КЛЕОПАТРА.

Какъ вѣрить, что ты преданъ, что ты мой,
 Хотя бъ клялся престолами боговъ,
 Коль измѣнилъ ты Фульвіи? Безумно
 Связать себя обѣтомъ, сокрушеннымъ
 Въ минуту клятвы.

АНТОНІЙ.

Милая царица!

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, свой побѣгъ не думай украшать.
 Скажи: прости! и въ путь: когда молилъ
 Остаться здѣсь — ни слова про отъѣздъ:
 Сулилъ и взоръ нашъ вѣчность и уста
 И нѣгу брови, не было частички
 Въ насъ не небесной; все осталось тожъ,
 Иль, величайшій полководецъ въ мірѣ,
 Ты величайшій лжецъ.

АНТОНІЙ.

Какъ это такъ!

КЛЕОПАТРА.

Будь я съ твоею силой, ты бѣ узналъ,
 Что сердце есть въ Египтѣ.

АНТОНІЙ.

Даи сказать.

Событій власть на службу насъ зоветъ
 На время только; сердцемъ я вполнѣ
 И нераздѣльно здѣсь съ тобой. Нашъ край
 Мечами гражданъ блещетъ. Секстъ Помпей
 Отважно къ Римскимъ пристанямъ спѣшитъ
 И двухъ властей домашнихъ ровный споръ
 Родитъ расколъ опасный. Ненавистныхъ
 Взлюбили за могущество; изнанникъ
 Помпей, богатъ заслугами отца,
 Прокрался въ души недовольныхъ всѣмъ
 Теперешнимъ, — но грозныхъ по числу.
 Больной застою миръ цѣленья ждетъ
 Отъ рѣзкихъ перемѣнъ. — Но извинить
 Въ твоихъ глазахъ отъѣздъ мой лучше всѣхъ
 Смерть Фульвіи.

КЛЕОПАТРА.

Хоть глупость отъ меня

Лѣта не отведутъ, но отвели
 Ребачество. Какъ Фульвіи скончатся?

АНТОНІЙ.

Она скончалась, вѣръ моя царица!
 Взгляни сюда, въ свободный часъ прочти
 Какой она затѣяла раздоръ.
 И лучшее ты подъ конецъ узнаешь:
 Гдѣ умерла.....

КЛЕОПАТРА.

О лживая любовь!

Гдѣ склянки тѣ, что ты наполнить долженъ
 Печали влагой? вижу, вижу въ смерти
 Я Фульвіи, какъ примешь ты мою.

АНТОНІЙ.

Не ссорься болѣ, но готовься слушать
 Про замыслы мои; — жить или пасть
 Имъ, какъ рѣшишь сама; клянусь огнемъ,
 Животворящимъ Нильскій иль: — пойду
 Отсель твоимъ борцемъ, слугой, неся
 Войну и миръ, какъ скажешь.

КЛЕОПАТРА.

Харміанъ!

Шнуровку! пѣтъ! то хуже мнѣ, то лучше,
 Такъ и Антоній любитъ.

АНТОНІЙ.

Нѣжный другъ!

Повѣрь его любви — ея ничто
 Не сокрушить.

КЛЕОПАТРА.

Мнѣ Фульвія — примѣръ.

Ты отвернись-ко, да поплачь объ ней,
 Потомъ скажи, прощаяся, что слезы
 Льешь объ Египтѣ; сцену разыграй
 Высокого притворства и увѣрь
 Что это честь.

АНТОНІЙ.

Ты злишь меня, оставь!

КЛЕОПАТРА.

Ты можешь лучше, — но и такъ къ лицу.

АНТОНІЙ.

Клянусь мечемъ я...

КЛЕОПАТРА.

И щитомъ. Теперь

Искуснѣй, но не все тутъ. Харміань!
Взгляни, какъ римскій Геркулесь хорошъ
Въ порывѣ глѣва.

АНТОНІЙ.

Я оставлю васъ.

КЛЕОПАТРА.

Мой витязь вѣжливый, одно лишь слово:
Такъ намъ разстаться должно, — нѣтъ — не то;
Любили оба мы. — Опять не то;
Ты это зналъ, — что я хочу сказать?
О! память у меня точь въ точь Антоній,
Я все забыла.

АНТОНІЙ.

Еслибъ не видалъ

Безумства я у ногъ твоихъ, то счелъ бы
Безумной самое тебя.

КЛЕОПАТРА.

Какъ тяжело

Носить безумство такъ у сердца близко,
Какъ носить Клеопатра. Но прости....
Смертеленъ каждый шагъ мой для меня,
Коль ты имъ недоволенъ. — Честь зоветъ
Тебя отсюда. — Глупыхъ словъ не слушай —
Пусть будутъ боги всѣ съ тобой и мечъ
Твой обовѣется лавромъ, — а успѣхъ
Передъ твоими стелется стопами.

АНТОНІЙ.

Пойдемъ.

Разлука такъ и медлитъ и спѣшитъ,
 Что ты идешь, здѣсь царствуя, за мною;
 А я, бѣжавъ — все остаюсь съ тобою.
 Пойдемъ!

(уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Римъ. Комната, въ домъ Цезаря.

(Входятъ Октавій Цезарь, Лепидъ и сеита.)

ЦЕЗАРЬ.

Ты видишь самъ Лепидъ и не забудь;
 Не Цезарское чувство ненавидѣть
 Великаго совмѣстника: вотъ слухи
 Александрійскіе: онъ ловитъ рыбу, пьетъ,
 Жжетъ факелы въ ночныхъ пирахъ — и самъ
 Мужчиной сталъ не больше Клеопатры;
 А Птолемея вдова ни чѣмъ
 Не женственнѣй его. Пословъ онъ слушалъ всколзь,
 Забывъ о соправителяхъ. Ты въ немъ
 Отыщешь всѣ возможные пороки,
 Которымъ люди слѣдуютъ.

ЛЕПИДЪ.

Едваль

Они затмѣтъ въ немъ доблестное могутъ.
 Его ошибки словно звѣзды въ небѣ
 Еще пышнѣй горятъ во тьмѣ, скорѣй
 Въ крови, а не въ привычкахъ, жребій больше
 Чѣмъ произволь.

ЦЕЗАРЬ.

Ты слишкомъ снисходителенъ. Положимъ
 Простительно мять ложе Птолемея,
 Платить за шутки царствами, на споръ
 По правиламъ искусства пить съ рабами,
 Шататься днемъ по улицамъ, бороться
 Съ вонючей чернью — это все пустякъ,

(Хотя какихъ достоинствъ незатмятъ
 Такія вещи) но ни чѣмъ Антоній
 Не извинить того, что намъ вести
 Его безумствъ такъ тяжело бремя. — Если
 Досуги онъ на мѣгу расточаетъ,
 То отвращенье, да изсохшій мозгъ
 О томъ напоминать; но терять часы,
 Зовущіе на подвигъ барабаномъ
 И воплемъ государства — это стоитъ
 Бранить, какъ мальчика бранять, который
 Все отдаетъ за радость въ настоящемъ
 На перекорь уму.

(Входитъ посланникъ.)

Лепидъ.
 Вотъ снова вѣсть.

Посланникъ.
 Приказъ исполненъ твой и каждый часъ
 Ты, благородный Цезарь, будешь слышать
 О ходѣ дѣлъ. Помней владѣетъ моремъ
 И кажется склонилъ онъ тѣхъ, кому
 Былъ Цезарь только страшенъ. — Къ кораблямъ (*)
 Уже толпы стеклися недовольныхъ
 И ропщутъ на тебя.

Цезарь.
 Я это зналъ.

Мы можемъ видѣть съ первыхъ государствъ,
 Что кто высокъ и милъ, пока высокъ,
 А кто упалъ, хоть не былъ вѣкъ любимъ
 И быть не могъ, — сталъ милъ, какъ нѣтъ его.
 Похожа чернь на зыбкій флагъ рѣчной,
 Что взадъ впередъ какъ рабъ слѣдитъ за вѣтромъ
 И треплется движеньемъ.

Посланникъ.
 Цезарь! я
 Съ извѣстіемъ, что Менекрытъ и Менасъ

*) Въ прежнихъ изданіяхъ: to the ports; у Кольтера: to the fleets.

Извѣстные пираты, овладѣвъ
 Морскимъ пространствомъ, всѣхъ родовъ клями
 Его браздятъ; не первый ужъ набѣгъ
 Въ Италію проникъ, приморскій житель
 Дрожитъ, и вся въ волненьи молодежь!
 Чуть судно гдѣ покажется, берутъ
 Лишь бы завидѣть, а Помпея имя
 Опаснѣе всѣхъ силъ его.

Цезарь.

Антоній!

Брось кубки сладострастія. Когда
 Разбитый ты спѣшилъ изъ подъ Мутины,
 Гдѣ самъ убилъ и Гирція и Панзу,
 Двухъ консуловъ, — шелъ голодъ по твоимъ
 Пятамъ. Но ты, изнѣженный, сносишь
 Его съ терпѣньемъ дикаря, ты жажду
 Мочею конской утолялъ, да ржавой
 Водой болотной, что и скотъ не пьетъ;
 Не презиралъ ты самыхъ дикихъ ягодъ
 И какъ олень, когда поля въ снѣгу,
 Ты грызъ кору древесную; на Альпахъ,
 (Ты по рассказамъ) ѣлъ такое мясо,
 Что видъ его смертеленъ былъ — и это
 (О срамъ, о стыдъ тебѣ мои слова)
 Ты все сносишь такъ твердо, что ланиты
 Твои не поблѣднѣли.

Лепидъ.

Жаль его.

Цезарь.

Хотя бы стыдъ его обратно въ Римъ
 Прогналъ. Давно пора намъ сообща
 На полѣ показаться; собери
 Для этой цѣли мнѣ совѣтъ; Помпей
 Растетъ отъ нашей лѣни.

Лепидъ.

Завтра Цезарь

Я буду въ состояннн донести,
Что могъ собрать на морѣ и на сушѣ
Въ отпоръ годинѣ злой.

Цезарь.

До той поры

О томъ же позабочусь самъ. — Прощай.

Лепидъ.

Прощай же Цезарь. Если вѣсть придетъ
О вѣшнихъ происшествiяхъ, — прошу
Не медля, дай мнѣ знать.

Цезарь.

Не сомнѣвайся;

Смотрѣть на это буду какъ на долгъ.

(уходятъ.)

СЦЕНА V.

Александриѣ. Комната во дворцѣ.

(сходятъ Клеопатра, Хармианъ, Ира и Мардианъ.)

КЛЕОПАТРА.

Хармианъ!

ХАРМИАНЪ.

Государыня!

КЛЕОПАТРА.

Ахъ, ахъ!

Дай мандрагоры выпить мнѣ.

ХАРМИАНЪ.

За чѣмъ?

КЛЕОПАТРА.

Чтобъ времени заспать пробѣлъ огромный,
Когда Антонiй мой не здѣсь.

ХАРМИАНЪ.

Ты слишкомъ

Имъ занята.

КЛЕОПАТРА.

Измѣнница!

ХАРМІАНЪ.

О нѣтъ!

КЛЕОПАТРА.

Ты, эвнухъ, Мардіанъ.

МАРДІАНЪ.

Что вамъ угодно?

КЛЕОПАТРА.

Не пѣть тебя теперь заставлю. — Мнѣ
Все въ эвнухѣ противно. Счастливъ ты,
Что, обезсиливъ, твой свободный умъ
Не мчится изъ Египта. Есть ли страсти
Въ тебѣ?

МАРДІАНЪ.

Да, есть, Царица.

КЛЕОПАТРА.

Въ самомъ дѣлѣ?

МАРДІАНЪ.

Нѣтъ не на дѣлѣ. Вѣдь на дѣлѣ я
Способенъ лишь на честныя дѣла,
Но есть порывъ о томъ размыслить, что
Съ Венерой дѣлалъ Марсъ.

КЛЕОПАТРА.

О Харміанъ!

Гдѣ онъ по твоему? Стоитъ? Сидитъ?
Иль ходитъ гдѣ? Иль ѣдетъ на конѣ?
Счастливецъ конь, Антонія ты носишь.
Гордися конь! Ты знаешь ли кто онъ?
Поль-Атласа земли ты носишь; — щить
Вселенной! Что молчитъ онъ или шепчетъ:
«Гдѣ ты, моя змѣя у нильскихъ водъ?»

Такъ онъ зоветъ меня. А я теперь
 Впиваю ядъ сладчайшій, пусть онъ помнитъ
 Меня, хоть я отъ устъ влюбленныхъ Феба
 Черна и поддаюсь годамъ. — Когда
 Ты былъ въ живыхъ широколобый Цезарь
 Кусочикъ царскій я была; Великій
 Помяней, свой взоръ въ мои вперяя брови,
 Стоялъ и бросить якорь здѣсь желалъ,
 Теряясь въ созерцаньи.

АЛЕКСАСЪ.

Владычицѣ Египта мой привѣтъ.

КЛЕОПАТРА.

Какъ съ Маркомъ ты Антоніемъ не сложи!
 Но прибылъ отъ него и драгоценный
 Растворъ позолотилъ тебя. Скажи,
 Что дѣлаетъ мой храбрый Маркъ Антоній?

АЛЕКСАСЪ.

Послѣднимъ дѣломъ, свѣтлая царица,
 Былъ поцалуй, послѣдній изъ упавшихъ
 На этотъ перлъ, слова вонзились въ сердце.

КЛЕОПАТРА.

Пусть ихъ мое исторгнетъ ухо.

АЛЕКСАСЪ.

«Другъ»,

Сказалъ онъ, «передай мои слова:
 Шлетъ вѣрный Римлянинъ вотъ этотъ перлъ
 Великой Египтянкѣ и у ногъ
 Ея, чтобъ даръ возвыситъ скудный, брошу
 Я царства передъ пышный тронъ: Востокъ
 Весь назоветъ ее своей царицей.»
 Тутъ мнѣ кивнулъ и сѣлъ онъ на коня,
 Который ржалъ такъ громко, что отвѣтъ
 Мой заглушенъ былъ.

КЛЕОПАТРА.

Скученъ онъ или веселъ?

АЛЕКСАСЪ.

Похожъ на время года; межъ теплою
И холодою — ни скученъ и ни веселъ.

КЛЕОПАТРА.

О соразмѣрность чудная! замѣть!
Замѣть! голубка Хармианъ! вотъ мужъ!
Онъ не былъ скученъ, чтобъ казаться яснымъ
Въ глазахъ приверженцевъ; — онъ не былъ веселъ,
Чтобъ не сказали, что оставилъ радость
Въ Египтѣ онъ, а такъ ни то, ни сѣ.
О что за смѣсь! ни радость и ни грусть.
И обѣ крайности тебѣ къ лицу,
Какъ никому. Встрѣчалъ моихъ пословъ?

АЛЕКСАСЪ.

Да я ихъ встрѣтилъ двадцать. Для чего
Ихъ плешь такъ много?

КЛЕОПАТРА.

Кто рожденъ въ тотъ день,
Какъ я писать къ Антонию забыла,
Пусть будетъ нищимъ. Хармианъ, бумаги!
Спасибо Алексасъ. — Что Хармианъ!
Былъ Цезарь мнѣ такъ милъ?

ХАРМИАНЪ.

О дивный Цезарь!

КЛЕОПАТРА.

Похвалишь вновь, такъ подавись! тверди:
«О дивный Маркъ Антоній!

ХАРМИАНЪ.

Храбрый Цезарь!

КЛЕОПАТРА.

Клянусь Изидой, что полетется кровь
Изъ зубъ твоихъ, коль съ Цезаремъ сравнишь
Мужчину изъ мужчинъ.

ХАРМИАНЪ.

Я, не во гнѣвъ,

Пою на голосъ вашъ.

КЛЕОПАТРА.

Въ порѣ незрѣлой,

Когда мой разумъ зеленъ былъ, могла

Я хладнокровно это говорить!

Пойдемъ, дай мнѣ бумаги и черниль:

Пусть каждый день онъ слышитъ мой привѣтъ,

Пока въ Египтѣ хватить населенья.

А К Т Ъ II.

СЦЕНА I.

Мессина. Комната въ домѣ Помпея.

(Входятъ Помпей, Менекратъ и Менасъ.)

ПОМПЕЙ.

Коль боги правосудны, то они
Помогутъ дѣлу правыхъ.

МЕНЕКРАТЪ.

Знай Помпей,

Ихъ медленность не есть еще отказъ.

ПОМПЕЙ.

Пока мы молимъ ихъ у алтаря,
О чемъ мы просимъ — вянеть.

МЕНЕКРАТЪ.

Мы слѣпцы.

Себѣ не рѣдко молимъ зла, въ которомъ
Отказываетъ промыслъ и отказъ
На пользу намъ.

ПОМПЕЙ.

Надѣюсь на успѣхъ:

Народъ мнѣ преданъ, море все мое,
Я властью — новый мѣсяць, но предвижу

Надеждой полнолуные. Маркъ Антоній,
 Въ Египтѣ сидя за трапезой, въ поле
 Не выйдетъ, Цезарь накопляетъ деньги,
 Сердца теряя, а Лепидъ, обоимъ
 Имъ льстя за лесть, не любить никого;
 А самъ не милъ имъ.

МЕНЕКРАТЪ.

Цезарь и Лепидъ
 Явились въ полѣ съ силою большой. *

ПОМПЕЙ.

Кто вѣсть принесъ? Все это ложно.

МЕНЕКРАТЪ.

Сильвій.

ПОМПЕЙ.

Онъ бредить. Мнѣ извѣстно, что они
 Антонія ждуть въ Римѣ. Но любовь
 Да усладить уста у Клеопатры!
 И дастъ волшебной ей красы и нѣги,
 Чтобъ вѣчными пирами отуманенъ
 Былъ сластолюбецъ. Яства Эпикура
 Пускай манять и дразнятъ аппетитъ,
 А сонъ и пища погружаютъ доблесть
 Въ летейскій сумракъ. — Ты что скажешь Варрій?

(Входитъ Варрій.)

ВАРРІЙ.

Бесспорно то, что долженъ я сказать.
 Антонія ждуть ежечасно въ Римѣ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ выбылъ изъ Египта, — могъ
 Онъ долгій кончить путь.

ПОМПЕЙ.

Полегче вѣсть
 Была бы мнѣ пріятнѣй. Менасъ, я
 Не думалъ, чтобъ влюбленный сластолюбецъ
 Рѣшился племъ надѣть изъ пустяковъ.

Отд. I.

6

Онъ ихъ обоихъ стоитъ какъ солдатъ,
 Но возгордимся тѣмъ, что нашъ дорывъ
 Сорвалъ съ колѣнъ Египетской вдовы
 Антонія, столь падкаго на пѣгу.

МЕНАСЪ.

Что Цезарь другъ Антонию — не вѣрю;
 Его женой покойной оскорбленъ
 Былъ Цезарь; братъ его съ нимъ воевалъ,
 Хоть кажется невиненъ въ томъ Антоній.

ПОМПЕЙ.

Не знаю Менасъ, какъ вражды меньшія
 Даютъ дорогу большимъ. Не возстань
 На нихъ, они сцѣпились бы другъ съ другомъ.
 Причинъ у нихъ довольно, обнажить
 Свои мечи. Но знать еще нельзя,
 Какъ свяжетъ намъ возбужденный страхъ
 Ихъ разногласья меньшія и споры.
 Будь что богамъ угодно! Уберечь
 И жизнь и честь намъ можетъ только мечъ.
 Въ путь Менасъ!

(уходятъ.)

СЦЕНА II.

Римъ. Комната въ домѣ Лепида.
(Входятъ Энобарбъ и Лепидъ.)

ЛЕПИДЪ.

Любезный Энобарбъ! благое дѣло
 Ты сдѣлаешь, склоня вожда: въ рѣчахъ
 Быть кроткимъ, вѣжливымъ.

ЭНОБАРБЪ.

Я попрошу его
 Самимъ собою быть: затронеть Цезарь,
 Пусть Цезаря Антоній смѣрнитъ взглядомъ
 И закричитъ какъ Марсъ. Клянусь Зевесомъ,
 Будь борода Антонія моею,
 Сегодня-бъ я не сбрилъ ее.

ЛЕПИДЪ.

Не время
Теперь на частные раздоры.

ЭНОВАРЕБЪ.

Время
Всегда на то, что происходитъ въ немъ.

ЛЕПИДЪ.

Но пусть большому меньшее уступить.

ЭНОВАРЕБЪ.

Нѣтъ, козь начнется съ меньшаго. —

ЛЕПИДЪ.

Прошу
Не горячись и не копай въ золѣ.
Вотъ Маркъ Антоній самъ.

(Входитъ Антоній и Вспидій.)

ЭНОВАРЕБЪ.

А вотъ и Цезарь.

(Входитъ Цезарь и Агриппа.)

АНТОНІЙ.

Мы если здѣсь поладимъ, — то ступай
Ты въ Парейю Вентидій.

ЦЕЗАРЬ.

Я не знаю,
Спроси Агриппу, Меценать!

ЛЕПИДЪ.

Друзья,
Что насъ свело такъ важно. — Не дозволимъ
Бездѣлкамъ насъ разъединять. — Упреки
Примите кротко. Если нашъ раздоръ
Возвыситъ голосъ, то убьетъ цѣленье
Онъ язвъ. И такъ высокіе друзья
(Тѣмъ болѣе, чѣмъ пристальнѣй прошу)

Опасныхъ мѣстъ касайтесь, мягкимъ словомъ,
Чтобъ не умножить зла.

АНТОНІЙ.

Благая рѣчь!

У войска, передъ битвой, я бы думалъ
Вотъ — такъ.

ЦЕЗАРЬ.

Съ приѣздомъ въ Римъ

АНТОНІЙ.

Благодарю.

ЦЕЗАРЬ.

Прошу, садись.

АНТОНІЙ.

Нѣтъ ты садись.

ЦЕЗАРЬ.

Вотъ, такъ!

АНТОНІЙ.

Я слышалъ, дѣломъ ты смущенъ ничтожнымъ,
Иль чуждымъ для тебя.

ЦЕЗАРЬ.

Я бь сталъ смѣшенъ,

Когдабъ напрасно, иль изъ пустяковъ
Считалъ себя обиженнымъ; тобой
Тѣмъ болѣе; еще смѣшнѣй, когда бы
Съ упрекомъ помнилъ тебя, — да мнѣ
И называть тебя не приходилось.

АНТОНІЙ.

Я жилъ въ Египтѣ, чтожъ ты въ томъ нашель?

ЦЕЗАРЬ.

Не болѣе, чѣмъ въ Римской жизни ты
Моей нашель въ Египтѣ. Еслижъ противъ

Меня ты шель, то жизнь твоя въ Египтѣ
Другой вопросъ!

Антоній.

Какъ слово шель понять?

Цезарь.

Ты удостой понять изъ всего,
Что я здѣсь вынесъ: братъ твой и жена
Возстали на меня и ты у нихъ
Предлогомъ былъ и лозунгомъ войны.

Антоній.

Ты въ заблужденьи: никогда мой братъ
Не опирался на меня. Я самъ
О томъ развѣдалъ и узналъ отъ лицъ,
Тебѣ мечемъ служившихъ. Развѣ онъ
Мнѣ не былъ также вреденъ, какъ тебѣ?
Не возставалъ ли онъ на убѣжденья
Намъ общія? Мои всѣ письма могутъ
Завѣрить въ томъ. — Но если хочешь ссору
Натягивать, (изъ цѣльнаго не выйдетъ)
Возьми другое.

Цезарь.

Самъ себя хваля,
Мои сужденья ты хулишь; а самъ
Натягиваешь извиненья.

Антоній.

Нѣтъ!

Не можешь ты (я въ этомъ убѣжденъ)
Не согласиться съ истинной, что я
Товарищъ твой въ дѣлахъ враждебныхъ брату,
Не могъ смотрѣть съ отрадой на войну,
Во вредъ мнѣ самому. — Моя жена —
Желалъ бы я тебѣ имѣть такую!
Вселенной треть твоя и ты легко
Съ ней справишься, но не съ такой женой.

ЭНОБАРГЪ.

Пусть бы у всѣхъ насъ были такія жены, чтобы мужья
ходили на войну вмѣстѣ съ бабами.

АНТОНІЙ.

Такъ непреклонна въ злобномъ крикѣ, Цезарь!
Что гнѣвъ ея (однако не лишennyй
И тошкостн), я съ грустью говорю,
Тебѣ былъ въ тягость. Но сознайся, тутъ
Не могъ помочь я.

ЦЕЗАРЬ.

Я тебѣ писалъ;
Но на пирахъ Александрійскихъ, ты
Въ карманъ мой клалъ письма, и посла,
Не выслушавъ, съ насмѣшкой проводилъ.

АНТОНІЙ.

Онъ безъ доклада ворвался: я только
Трехъ угостилъ царей и не былъ тѣмъ
Какъ былъ съ утра, но на другой же день
Я самъ о томъ сказалъ ему, что значить
Почти просить прощенья. Оставь
Ты парня своего теперь: его
Изъ нашихъ преній вычеркни.

ЦЕЗАРЬ.

Ты клятву
Свою нарушилъ въ главномъ, а меня
Не упрекнешь ты въ томъ.

ЛЕНИДЪ.

Полегче Цезарь!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ Ленидъ! пускай онъ говоритъ;
Священна честь, которую онъ тронулъ,
Сочтя меня не вѣрнымъ. Дальше Цезарь;
Я въ главномъ поклялся....

ЦЕЗАРЬ.

Дать помощь мнѣ и войскъ, когда спрошу,
Въ томъ и другомъ ты отказалъ.

АНТОНИЙ.

СКОРБЬ

Забылъ въ часы, когда я былъ сознанья
Лишенъ отравою. На сколько можно
Передъ тобой винюсь; но добродушье
Пусть не въ ущербъ величью будетъ; слзу
Свою я помню. — Правда, Фульвія,
Меня желая вызвать изъ Египта,
Съ тобой боролась, — я, невинный поводъ
Вражды, прошу прощенія, на сколько
Дозволить честь.

ЛЕНЦИДЪ.

Вотъ благородство рѣчи.

МЕЦЕНАТЬ.

Когда бы вамъ угодно было бросить
Взаимную вражду и позабыть,
То вспомните, какъ все зоветъ теперь
Васъ къ мировой.

ЛЕНЦИДЪ.

Прекрасно Меценать

ЭНОБАРЬ.

Или если вы на срокъ займете другъ у друга любви,
то можете, когда о Помпей не будетъ и помину, возратить
каждому свое: будетъ у васъ время ссориться, когда дѣлать
станетъ нечего.

АНТОНИЙ.

Во всемъ солдатъ! ты лучше замолчи.

ЭНОБАРЬ.

Я и забылъ, что правда должна молчать.

АНТОНІЙ.

Ты оскорбляешь всѣхъ, — и такъ молчи.

ЭНОБАРЬЪ.

Ну хорошо; я вашъ покорнѣйшій камень.

ЦЕЗАРЬ.

Его рѣчей не смыслъ я осуждаю,
А только выраженья; невозможно
Быть дружбѣ тамъ, гдѣ мысли и дѣла
Въ такомъ разладѣ. Но когдабъ я зналъ
Звѣно, могущее связать насъ, ябъ его
Изъ края въ край искалъ.

АГРИППА.

Позволь мнѣ Цезарь, —

ЦЕЗАРЬ.

Агриппа говори.

АГРИППА.

Есть у тебя отъ матери сестра,
Прекрасная Октавія: Антоній
Теперь вдовецъ.

ЦЕЗАРЬ.

Что за слова Агриппа?

Услыша это, Клеопатра вправѣ
Назвать неразсудительнымъ тебя.

АНТОНІЙ.

Я не женатъ; позволь мнѣ Цезарь слышать
Дальнѣйшія слова Агриппы.

АГРИППА.

Чтобъ дружбою васъ прочной сочетать,
Какъ братьевъ и союзомъ неразрывнымъ
Связать сердца, Антонию бы должно
Жениться на Октавіи, достойной

По красотѣ быть за мужемъ за лучшимъ
 Мужчиною и свѣтлой добротой,
 Украшенной превыше всякихъ словъ: —
 Весь мелкій споръ, что кажется великъ
 И страхъ большой, грозящій намъ теперь,
 Исчезнуть въ этомъ бракѣ. Правда станетъ
 Такой же сказкой, какъ полунамекъ
 Теперь намъ правдой. Общая любовь
 Послѣдуетъ за вашей обоюдной. —
 Простите мнѣ слова мои; я ихъ
 Обдумывалъ не разъ.

Антоній.

Что скажетъ Цезарь?

Цезарь.

Не прежде, чѣмъ услышптъ замѣчанья
 Антонія.

Антоній.

Чѣмъ можетъ тутъ Агриппа,
 Хоть я скажу: Агриппа по рукамъ!
 Дать дѣлу ходъ?

Цезарь.

Всей цезаревой властью
 И властью надъ Октавіей.

Антоній.

Мнѣ даже
 Не снится быть помѣхой предложенью,
 Столь свѣтлому. Дай руку мнѣ свою.
 Скрѣпи союзъ прекрасный и отнынѣ,
 Пусть нами править братская любовь,
 Для славныхъ цѣлей.

Цезарь.

Вотъ моя рука.
 Передаю тебѣ сестру; иѣжнѣй
 Чѣмъ я не можетъ брать любить; она

Да свяжетъ наши царства и сердца.
Не избѣгай насъ снова.

Лепидъ.

Въ добрый часъ.

Антоній.

Не думалъ я мечемъ грозить Помпею;
Недавно онъ великую услугу
Миѣ оказалъ и отблагодарить
Я долженъ, чтобъ не слыть неблагодарнымъ.
Покончивъ, вызову его.

Лепидъ.

Пора!

Иль мы должны искать Помпея, или
Онъ насъ найдетъ.

Антоній.

Гдѣ флотъ его стоитъ?

Цезарь.

Передъ горой Мизенума.

Антоній.

Какъ силенъ

На сушѣ онъ?

Цезарь.

Войскъ множится, а моремъ
Владѣеть онъ одинъ.

Антоній.

По слухамъ такъ. —

Жаль, съ нимъ не говорилъ я! поспѣшимъ;
Но прежде, чѣмъ вооружимся, кончимъ
То, что хвалили.

Цезарь.

Съ радостью великой.

И я теперь зову тебя къ сестрѣ
Отсюда прямо.

АНТОНІЙ.

Будь такъ добръ Лепидъ,
Не оставляй насъ.

ЛЕПИДЪ.

Доблестный Антоній,
Не остановитъ и болѣзнь меня.

(Трубы. — Уходятъ Цезарь, Антоній и Лепидъ.)

МЕЦЕНАТЪ.

Поздравляю съ прїѣздомъ изъ Египта.

ЭНОБАРЬ.

Половина Цезарева сердца, достойный Меценатъ! мой почтенный другъ Агриппа!

АГРИППА.

Добрый Энобарбъ.

МЕЦЕНАТЪ.

Намъ есть чему порадоваться, что все дѣла такъ хорошо распутались. А ты, между прочимъ, повеселился въ Египтѣ?

ЭНОБАРЬ.

Да, дѣйствительно: мы спали такъ, что бѣлому дню становилось стыдно, а ночи освѣщали попойками.

МЕЦЕНАТЪ.

Восемь жареныхъ венрей на завтракъ и только на двѣнадцать человѣкъ; правда ли это?

ЭНОБАРЬ.

Это только муха въ сравненіи съ орломъ; на пирахъ у насъ бывало много другихъ чудовищныхъ продѣлокъ, на которыя стоило обратить вниманіе.

МЕЦЕНАТЪ.

Она, должно быть, роскошнѣйшая женщина, если судить по слухамъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Когда она увидѣла въ первый разъ Марка Антонія, то похитила его сердце. Это было на рѣкѣ Цидиѣ.

АГРИППА.

Тамъ она дѣйствительно показала себя, или мой рассказчикъ много выдумалъ въ ея пользу.

ЭНОБАРЬЪ.

Я расскажу вамъ :
 Ея галера, какъ блестящій тронъ
 Горѣла на водѣ, корма лптал
 Изъ золота; пурпурныя вѣтрила
 Благоухали такъ, что вѣтеръ страстный
 Въ нихъ замиралъ; — серебряныя весла
 Подъ звуки флейтъ ложились мѣрно, такъ
 Что къ нимъ вода, влюбленная въ удары,
 Рѣзвѣй текла. Но передъ ней самой
 Скудѣеть описанье: распростерта
 Въ своей палаткѣ (свѣтлой, парчевой)
 Она была прелестнѣй той Венеры,
 Въ которой кисть природу превзошла.
 Вокругъ ея мальчишки купидоны
 Съ улыбками и тѣнью опахаль,
 Въ которой жаръ ланить, какъ бы не гасъ,
 А лице рдѣлъ.

АГРИППА.

Антоній вѣрно таялъ!

ЭНОБАРЬЪ.

Ея служанки — словно Нереиды
 Или Сирены, ей служили взглядомъ
 И съ прелестью въ движеніяхъ. Сирена
 Рулемъ водила; шелковыя снасти
 Давленію цвѣточно — пѣжныхъ рукъ
 Покорствовали. Отъ галеры тихо
 Сладчайшее несло благоуханье
 Къ обонмъ берегамъ, куда стеклись

Всѣ городскіе жители. Антоній
 Одинъ сидѣлъ на площади и воздухъ
 *) Присвистываеъ, который, еслибъ можно
 Быть пустотѣ, ушелъ бы къ Клеопатрѣ,
 Оставя свѣтъ пустымъ.

Агриппа.

О Египтянка!

Энобарьѣ.

Когда она причалила, Антоній
 Ее позвалъ на ужинъ; но она
 Сказавъ, что лучше онъ пусть будетъ гостемъ,
 Его позвала. Вѣжливый Антоній
 Нашъ, женщинѣ сказать не въ силахъ: «нѣтъ.»
 Побритый десять разъ, идетъ на пиръ,
 И тамъ то заплатилъ за все онъ сердцемъ,
 Что только ѣлъ глазами.

Агриппа.

Чародѣйка!

Великій Цезарь самъ къ ней бросилъ мечъ
 На ложе. Онъ пахалъ, — она пожалала.

Энобарьѣ.

Я видѣлъ, какъ отъ сорока прыжковъ
 По улицѣ, ей захватило духъ.
 Начавши рѣчь, она смолкала вновь;
 Но недостатокъ обратя въ красу,
 И бездыханная дышала силой.

Меценатъ.

Теперь Антоній долженъ съ ней разстаться.

Энобарьѣ.

Нисколько. — Не захочетъ онъ. Надъ ней
 Лѣта беспильны; съ нею наслажденье
 Не увядаетъ. Женщины другія

*) Какъ присвистываютъ собаки.

Насъ пресыщаютъ, а она все больше
Родитъ желанья. Низкое въ ней даже,
Такъ благородно, что жрецы готовы
Благословлять ея паденье.

МЕЦЕНАТЬ.

Когда краса и умъ и скромность могутъ
Плѣнить Антоніево сердце, то
Октавія ему счастливый жребій.

АГРИППА.

Пойдемъ мой Энобарбъ, будь гостемъ мнѣ
Пока ты здѣсь.

ЭНОБАРБЪ.

Благодарю покорно.

СЦЕНА. III.

(Тамъ же въ домѣ Цезаря.)

(*Входятъ: Цезарь, Антоній, между ними Октавія. За ними свита.*)

АНТОНІЙ.

Порою мѣръ и долгъ меня лишать
Твоихъ объятій.

ОКТАВІЯ.

Я все это время
Молиться стану за тебя богамъ.

АНТОНІЙ.

(*Цезарю*) Покойной ночи. — Нѣтъ Октавія,
Изъ устъ молвы не слушай мнѣ хулы:
Я не всегда зналъ мѣру, но теперь
Все въ колею войдетъ. — Покойной ночи —
Возлюбленная! Доброй ночи Цезарь!

ЦЕЗАРЬ.

Покойной ночи. (*Уходятъ Цезарь и Октавія*)
(*сходитъ гадатель.*)

АНТОНІЙ.

Что другъ? Скучаешь вѣрно по Египту?

ГАДАТЕЛЬ.

Его бы мнѣ не покидать, — тебѣ же
Не посѣщать.

АНТОНІЙ.

Скажи-ко почему?

ГАДАТЕЛЬ.

Я это вижу чувствомъ, но не въ страхъ
Сказать, а ты спѣши назадъ въ Египетъ.

АНТОНІЙ.

Скажи ты мнѣ, чье счастье станетъ выше
Мое или Цезарево?

ГАДАТЕЛЬ.

Цезарево.

По этому не будь ты съ нимъ Антоній,
Твой демонъ, — духъ — защитникъ благородень,
Высокъ, отваженъ и недостижимъ,
Когда съ нимъ Цезарева нѣтъ; но рядомъ
Съ нимъ твой робѣеть, словно побѣжденный; —
Будь розно съ нимъ.

АНТОНІЙ.

Ты такъ не говори.

ГАДАТЕЛЬ.

Другому, нѣтъ; — но одному тебѣ:
Сыграй ты съ нимъ въ игру какую хочешь
Ты проиграешь. Онъ природнымъ счастьемъ
Тебя всегда побѣдетъ. Твой меркнетъ блескъ,
Коль рядомъ свѣтитъ онъ. И такъ послушай:
Вблизи его твой духъ терлетъ власть,
А порознь съ нимъ, онъ благородень.

АНТОНІЙ.

Прочь!

Вентидію скажи, что я зову. (*Гадатель уходитъ*)
 Онъ ѣдетъ въ Парѳію. — Судьба или случай,
 Онъ правъ. — Ему послушны даже кости
 И въ играхъ съ нимъ расчетъ мой побѣжденъ
 Его удачей: жребій брось — онъ вынетъ.
 Его пѣтухъ всегда моихъ побьетъ
 На переборъ всему; перепела
 Его дерутъ моихъ. — Скорѣй въ Египеть!
 Хотя женюсь я здѣсь для примиренья, —
 Моя вся радость тамъ. — (*Входитъ Вентидій*) сюда Вентидій!
 Ты ѣхать въ Парѳію готовься. — Порученье
 Твое написано. Пойдемъ. Возьми его.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА IV.

(Тамъ же. На улицѣ.)

(*Входятъ Лепидъ, Меценатъ и Агриппа.*)

Лепидъ.

Не безпокойтесь больше; — поспѣшите
 За вашими вождями.

Агриппа.

Маркъ Антоній

Хотѣлъ обнять Октавію и въ путь.

Лепидъ.

Пока въ доспѣхахъ встрѣчу васъ, въ которыхъ
 Вы оба молоды, — прощайте.

Меценатъ.

Мы,

Когда не ошибаюсь, будемъ тамъ
 Скорѣй тебя Лепидъ.

Лепидъ.

Вашъ путь короче, —

Мой планъ ведетъ окольною дорогой; —
 Вы будете дня за два до меня.

МЕЦЕНАТЪ И АГРИППА.

Ну въ добрый часъ.

Лепидъ.

Прощайте!

(всѣ уходятъ.)

СЦЕНА V.

Александрія. Комната во дворцѣ.

(Входятъ Клеопатра, Харміанъ, Ира и Алексасъ.)

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ музыканты? музыка отраднѣ
Для насъ влюбленныхъ

СЛУГА.

Музыка сюда!

(Входитъ Мардіанъ.)

КЛЕОПАТРА.

Оставь. — Съиграемъ въ кегли Харміанъ.

ХАРМІАНЪ.

Рука болятъ. Съиграйте съ Мардіаномъ.

КЛЕОПАТРА.

Вѣдь женщинѣ, что съ эвнухомъ играть,
Что съ женщиной. Съиграешь ли со мной?

МАРДІАНЪ.

Царица, какъ умѣю.

КЛЕОПАТРА.

Готовность и плохому игроку
Простить заставить. Но оставимъ это —
Дай удочку. Пойдемъ къ рѣкѣ и тамъ
Подъ звуки дальной музыки, дурачить
Я стану златоперыхъ рыбъ, ловя ихъ
Крючкомъ за скользкій ротъ, — и что поймаю,
При каждой буду думать: вотъ Антоній,
И говорить: ага! попался ты!

Отд. I.

7

ХИРМИАНЪ.

Какъ весело вамъ было удить вмѣстѣ,
Побившись объ закладъ, въ тотъ разъ, когда
Твой водолазъ ему на крюкъ вздѣлъ рыбу
Соленую, а онъ тащилъ.

КЛЕОПАТРА.

О время!

Смѣясь, его покой смутила я;
Смѣясь и успокоила; а утромъ
Часу въ девятомъ на постель сполла,
Ему надѣла свой покровъ и платье,
Сама же Филиппинскій мечъ его.

(Входитъ вѣстникъ.)

О! Изъ Итали? Наполни праздный слухъ
Ты добрыми вѣстями мнѣ.

Вѣстникъ.

Царица!

Царица!

КЛЕОПАТРА.

Что? Антоній умеръ? Если

Ты это скажешь рабъ, — убьешь меня, —
А скажешь: онъ свободенъ, счастливъ — можешь
Брать золото — и голубую жилку
Сыскать, лобзая руку, что Цари
Дрожащими устами цѣловали.

Вѣстникъ.

Да, онъ здоровъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ золото еще.

Но слушай рабъ! Мы часто говоримъ:
Кто умеръ, сталъ здоровъ; коль это смыслъ
Твоихъ рѣчей, то золото расплавя,
Вольютъ въ твои зловѣщія уста.

Вѣстникъ.

Царица! выслушай меня.

КЛЕОПАТРА.

Ну продолжай.

Но не добромъ ты смотришь. Коль Антоній
Свободенъ и здоровъ, зачѣмъ грустить
Неся такую вѣсть. — А если боленъ,
То Фурией предстань, въ вѣнкѣ изъ змѣй,
А не мущиной.

Вѣстникъ.

Выслушать угодно?

КЛЕОПАТРА.

Хочу прибить, не выслушавъ тебя.
Но если скажешь, что Антоній живъ,
Здоровъ, другъ Цезарю и не въ плѣну,
Тебя осыплю золотомъ и градомъ
Жемчужнымъ.

Вѣстникъ.

Онъ здоровъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ хорошо.

Вѣстникъ.

Другъ Цезарю.

КЛЕОПАТРА.

Ты честный человѣкъ.

Вѣстникъ.

Вѣкъ съ Цезаремъ такъ друженъ не былъ онъ.

КЛЕОПАТРА.

Проси богатствъ.

Вѣстникъ.

Царица! Но, однако—

КЛЕОПАТРА.

Не нравится мнѣ это *но*, въ немъ гибнетъ
Все предъдущее, къ чему тутъ: *но!*

Но, это стражъ темничный и ведетъ
Ужаснаго преступника.—Мой другъ
Дай мнѣ твою услышать вѣсть вполне
Съ худымъ и добрымъ. Цезарю онъ другъ,
Здоровъ, сказалъ ты, и свободенъ онъ?

Вѣстникъ.

Свободенъ?—Нѣтъ! Сказать я такъ не могъ:
Съ Октавіей онъ связанъ.

Клеопатра.

Для чего?

Вѣстникъ.

Для ложа.

Клеопатра.

Я блѣднѣю Харміанъ!

Вѣстникъ.

Царица! Онъ Октавіи супругъ.

Клеопатра.

Чтобъ ты пропалъ отъ самой злой чумы! (*бьетъ его.*)

Вѣстникъ.

О успокойся!

Клеопатра.

Что сказалъ ты? Прочь!
Ничтожный рабъ! Иль я твои глаза
Швырну какъ мячъ; повырву волоса (*бьетъ его и онъ
падаетъ.*)
Сѣчь проволокой прикажу, велю
Сварить въ соли.

Вѣстникъ.

Царица! пощади!

И вѣсть принеси; но ихъ женимъ не я.

КЛЕОПАТРА.

Скажи, что нѣтъ, — отдамъ тебѣ страну
И вознесу тебя, — тотъ мой ударъ
Зачти за то, что ввелъ меня во гнѣвъ,
И дамъ тебѣ всего, чѣмъ можно скромность
Вознаградить.

ВѢСТНИКЪ.

Царица! онъ женатъ.

КЛЕОПАТРА.

(Хватаетъ ножъ.) Подлецъ! ты слишкомъ долго жилъ.

ВѢСТНИКЪ.

Уйду!

За чтожъ Царица? Я не виноватъ.

(Уходитъ.)

ХАРМИАНЪ.

О государыня! приди въ себя:
Вѣдь точно, онъ не виноватъ ни въ чемъ.

КЛЕОПАТРА.

И неповинныхъ также громъ разитъ.
Нилъ! утопи Египетъ! Дѣти сердцемъ
Всѣ обратитесь въ змѣй. — Верни раба!
Хотя бѣшусь — не укушу. — Верни.

ХАРМИАНЪ.

Онъ и взойти боится.

КЛЕОПАТРА.

Я не трону.

И такъ моимъ рукамъ безчестье, бить
Того, кто беззащитенъ. Вѣдь всему
Причиной я сама. — Войди сюда!

(Вѣстникъ возвращается.)

Хоть честно, да не ловко сообщать
Дурныя вѣсти; радости давай
Сто языковъ, а горестныхъ вѣстей
Не нужно слушать, чувствуешь ихъ самъ.

ВѢСТНИКЪ.

Я долгъ исполнилъ свой.

КЛЕОПАТРА.

Чтожь, онъ женатъ?

Не будешь мнѣ противнѣй, чѣмъ теперь,
Коль скажешь: «да»

ВѢСТНИКЪ.

Царица, онъ женатъ.

КЛЕОПАТРА.

Будь проклятъ! Ты стоишь все на своемъ?

ВѢСТНИКЪ.

Ужель мнѣ лгать?

КЛЕОПАТРА.

О, еслибъ ты солгалъ

И пусть бы полъ—Египта залило
Для размноженья гадкихъ змѣй. Уйди,—
Будь ты Нарциссомъ, тыбъ казался мнѣ
Чудовищемъ. Такъ точно онъ женатъ?

ВѢСТНИКЪ.

Прошу меня простить.

КЛЕОПАТРА.

Такъ онъ женатъ?

ВѢСТНИКЪ.

Не гнѣвайся, гнѣвить я не хочу;
Но какъ винить за то, что я тебѣ
Послушенъ. Онъ Октавіи супругъ.

КЛЕОПАТРА.

О, еслибъ только отъ его вины
Ты сталъ лжецомъ! Такъ это вѣрно? Прочь!
Товаръ, который ты привезъ изъ Рима
Мнѣ слишкомъ не по деньгамъ. Пропадай
Ты съ нимъ.

(Вѣстникъ уходитъ.)

ХАРМІАНЬ.

Ваше Величество! терпѣнье!

КЛЕОПАТРА.

А я еще, Антонія хваля,
Хулила Цезаря.

ХАРМІАНЬ.

О! сколько разъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ мнѣ награда! уведи меня!
Мнѣ дурно. Ира! Харміань!—нѣтъ, нѣтъ.
Ты вѣстника спроси мой Алексась:
Что, какова Октавія собой?
Узнай лѣта, наклонности ея
И цвѣтъ волосъ.—Вернись и расскажи.

(Алексась уходитъ.)

Пусть пропадетъ на вѣкъ.—Нѣтъ Харміань
Хоть будь съ одной онъ стороны Горгона,
Съ другой онъ Марсь.—Пусть спроситъ Алексась:
Она какого росту? Сжался Харміань,
Не говори со мной.—Пойдемъ ко мнѣ.

(Уходятъ всѣ.)

СЦЕНА VI.

Близъ Мизенума.

(Входятъ съ одной стороны Помпей и Менасъ съ трубами и литаврами; съ другой Цезарь, Антоній, Лепидъ, Энобарбъ и Меценатъ съ войскомъ.)

ПОМПЕЙ.

Заложники мои у васъ, а ваши
Здѣсь у меня: поговоримъ до битвы.

ЦЕЗАРЬ.

Похвально объясниться. Мы за тѣмъ
Въ письмѣ къ тебѣ послали предложенья.
Согласенъ ты на нихъ—такъ дай намъ знать;
Удержатъ ли онѣ твой гнѣвный мечъ
И молодежь вернется ль безъ урона,
Въ Сицилію?

Помпей.

Послушайте вы трое

Единые властители земли,
Предстатели безсмертных! — я не знаю
За что отецъ мой будетъ не отмщенъ
Друзьями сына, если Юлій Цезарь,
Явившись къ Бруту тѣню, — при Филиппахъ
Увидѣлъ васъ въ бою изъ за него?
Чѣмъ блѣдный Кассій ввергнулъ въ заговоръ?
За что своею кровью честный Брутъ
И прочіе ревнители свободы
Кропили Капитолій? Не за толь,
Чтобъ былъ одинъ не больше, чѣмъ другой?
На то и я воздвигнулъ флотъ, который
Своею ношей дразнить пѣну волнъ,
Чтобъ покарать неблагодарность Рима
Къ великому отцу.

Цезарь.

Обдумай время.

Антоній.

Ты флотомъ насъ не устранишь Помпей.
На морѣ мы посмотримъ, — а на сушѣ
Ты знаешь, мы сильнѣй.

Помпей.

На сушѣ — такъ;
Ты сталъ богатъ, занявъ мой отчий домъ;
И какъ себѣ кукушка гнѣздъ не вьетъ,
Живи покуда въ немъ.

Лепидъ.

Нельзяль узнать
(Чтобъ не увлечься въ сторону) какъ принялъ
Ты предложенье наше.

Цезарь.

Въ немъ вопросъ.

АНТОНІЙ.

Не просьбамъ уступай, а только взвѣсь
Свой выигрышъ.

ЦЕЗАРЬ.

И то, что можетъ быть
Твоимъ великимъ счастьемъ.

ПОМПЕЙ.

Предлагали

Сицилію съ Сардиніей вы мнѣ,
Чтобъ я моря очистилъ отъ пиратовъ
И Римъ снабдилъ пшеницей. Если я
Такъ поступлю, не иззубримъ мечей
И не погнемъ щитовъ.

Цезарь, Антоній и Лепидъ.

Мы такъ писали.

ПОМПЕЙ.

Такъ знайте, я пришлеъ сюда принять
Условия ваши. Только Маркъ Антоній
Меня выводитъ изъ терпѣнья. Пусть
Разсказъ мой повредитъ мнѣ; только знай:
Когда твой братъ на Цезаря возсталъ,
То ваша мать въ Сициліи нашла
Приемъ радушный.

АНТОНІЙ.

Слышалъ я Помпей

Объ этомъ и давно тебя хотѣлъ
Благодарить.

ПОМПЕЙ.

Дай руку мнѣ свою.
Не думалъ я здѣсь встрѣтиться съ тобой.

АНТОНІЙ.

Постели мягки на Востокѣ. Ты
Нечаянно меня, спасибо, вызвалъ
На пользу мнѣ.

ЦЕЗАРЬ.

Съ послѣдней нашей встрѣчи
Въ тебѣ есть перемѣна.

ПОМПЕЙ.

Я незнаю
Какъ злобный рокъ браздитъ мое лицо,
Но онъ не можетъ въ грудь мою проникнуть
И сердце покорить.

ЛЕПИДЪ.

Я радъ тебѣ.

ПОМПЕЙ.

Надѣюсь. я, Лепидъ.— Вотъ мы сошлись;
Желалъ бы я все видѣть на бумагѣ
За нашей скрѣпой.

ЦЕЗАРЬ.

Этимъ мы займемся.

ПОМПЕЙ.

Мы угостимъ другъ друга на прощаньи
По жребію: съ кого начать?

АНТОНИЙ.

Съ меня!

ПОМПЕЙ.

Нѣтъ, нѣтъ Антоній! лучше бросимъ жребій,
Но кухнею Египетской своей
Ты насъ затмишь. Я слышалъ, Юлій Цезарь
Тамъ растолстѣлъ.

АНТОНИЙ.

Ты слишкомъ много слышалъ.

ПОМПЕЙ.

Вѣрь, что худого я не помышлялъ.

АНТОНІЙ.

И не сказалъ.

ПОМПЕЙ.

Ну хорошо. — Я слышалъ. —

И слышалъ что Аполлодоръ пронесъ —

ЭНОВАРЪ.

Не продолжай. Онъ несъ. —

ПОМПЕЙ.

Что, сдѣлай милость?

ЭНОВАРЪ.

Да, знать, Царицу къ Цезарю въ коврѣ.

ПОМПЕЙ.

Тебя узналъ я! вопшь, какъ живешь?

ЭНОВАРЪ.

Не дурно, да не дурно и впередъ:

Жду четырехъ пировъ.

ПОМПЕЙ.

Дай руку мнѣ:

Твоимъ врагомъ я не былъ: — признаюсь,

Я съ завистью видалъ тебя въ бояхъ.

ЭНОВАРЪ.

Я не любилъ тебя; но долженъ былъ
Хвалить, когда ты стоилъ десять разъ
Моихъ похвалъ.

ПОМПЕЙ.

Храни свой правъ простой

Онъ такъ тебѣ присталъ. — Я всѣхъ

Зову на свой корабль. — Кому впередъ

Угодно.

ЦЕЗАРЬ, АНТОНИЙ И ЛЕПИДЪ.

Самъ ты насъ веди.

ПОМПЕЙ.

Пойдемте.

(Уходятъ Помпей, Цезарь, Антоній, Лепидъ, солдаты и сѣма.)

МЕНАСЪ.

(Въ сторону.) Отецъ твой, Помпей! никогда бы не согласился на такой договоръ. — Мы кажется съ тобой встречались?

ЭНОБАРЬЪ.

На морѣ кажется.

МЕНАСЪ.

Такъ точно.

ЭНОБАРЬЪ.

Ты на морѣ держался превосходно.

МЕНАСЪ.

А ты на сушѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Я радъ всякаго хвалить, кто меня похвалить, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать моихъ подвиговъ на сушѣ.

МЕНАСЪ.

Ни подвиговъ моихъ на морѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Да, — но ты многое могъ бы скрывать для собственной безопасности: ты былъ ужаснымъ воромъ на морѣ.

МЕНАСЪ.

А ты на сушѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Въ этомъ случаѣ я отказываюсь отъ подвиговъ на сушѣ. Но дай мнѣ руку Менасъ. Если бы глаза наши имѣли право надзора, то увидали бы, какъ два вора цалуются.

МЕНАСЪ.

У всякаго человѣка лицо честно, каковы бы ни были руки.

ЭНОБАРЬ.

Но ни у одной хорошенькой женщины нѣтъ честнаго лица.

МЕНАСЪ.

Это не упрекъ: онѣ воруютъ сердца.

ЭНОБАРЬ.

Мы прибыли сюда сражаться съ вамп.

МЕНАСЪ.

Я собственно жалѣю, что это обратилось въ пиршество. Пошней сегодняшнимъ смѣхомъ просмѣять свое счастье.

ЭНОБАРЬ.

Если это правда, то онъ уже не воротитъ его слезами.

МЕНАСЪ.

Дѣйствительно такъ. Мы не думали найти здѣсь Марка Антонія. Скажи пожалуйста женатъ онъ на Клеопатрѣ?

ЭНОБАРЬ.

Сестру Цезаря зовутъ Октавіей.

МЕНАСЪ.

Правда. Она была замужемъ за Каемъ Марцелломъ.

ЭНОБАРЬ.

А теперь замужемъ за Маркомъ Антоніемъ.

МЕНАСЪ.

Что ты говоришь!

ЭНОБАРЬ.

Точно такъ.

МЕНАСЪ.

Такъ Цезарь и онъ связаны теперь на вѣки.

ЭНОВАРЬ.

Если бы я долженъ былъ пророчить на счетъ этой связи, я бы предсказалъ не то.

МЕНАСЪ.

Я думаю, политика болѣе дѣйствовала въ этомъ бракѣ, чѣмъ взаимная любовь.

ЭНОВАРЬ.

Я тоже думаю. Но ты увидишь, что узы, назначенныя скрѣпить ихъ пріязнь, задушатъ ихъ дружбу. Октавія благочестива, холодна и тихаго нрава.

МЕНАСЪ.

Ктожь бы не желалъ имѣть такой жены?

ЭНОВАРЬ.

Только не тотъ, кто самъ не таковъ; а Маркъ Антоній не таковъ. Его тянетъ къ Египетскимъ пиршествамъ. Тогда вздохи Октавіи раздуютъ въ Цезарѣ пламя и какъ я уже сказалъ: что должно было связать ихъ дружбу, станетъ непосредственной причиной ихъ разрыва. Антоній осуществитъ любовь свою тамъ, гдѣ она находится; здѣсь женился онъ случайно.

МЕНАСЪ.

Такъ оно вѣрно и случится. Послушай, пойдешь ты на корабль? у меня есть кубокъ про тебя.

ЭНОВАРЬ.

Я его принимаю. Мы напрактиковали горло въ Египтѣ.

МЕНАСЪ.

Такъ пойдешь же.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VII.

На палубѣ Помпеева корабля. Близъ Мизенума.

(Музыка. Входятъ два или три служителя, неся пиршественный столъ.)

1-й СЛУГА.

Они сейчасъ будутъ сюда, товарищъ, уже нѣкоторые

изъ этихъ благородныхъ деревьевъ не крѣпко стоятъ. Матерійшій вѣтеръ можетъ ихъ свалить.

2-й Слуга.

Лепидъ весь раскраснѣлся.

1-й Слуга.

Они, изъ милости, давали ему пить свой излишекъ.

2-й Слуга.

Чуть кто коснется большого мѣста у другаго, онъ кричитъ «довольно» и обращаетъ ихъ снова къ единомыслию, а себя къ пнтью.

1-й Слуга.

Но тѣмъ сильнѣй война между нимъ и благоразуміемъ.

2-й Слуга.

Вотъ что значить быть товарищемъ великихъ людей. По мнѣ ужъ лучше держать въ рукахъ бѣзполезный тростынкъ, чѣмъ бердышъ, который я не могу поднять.

1-й Слуга.

Быть призваннымъ въ высшій кругъ и не умѣть въ немъ вращаться, тоже что имѣть дыры тамъ, гдѣ нужны глаза. Только безобразить лице.

(Звукъ рожка. Входятъ Цезарь, Антоній, Помпей, Лепидъ, Атриппа, Меценатъ, Энобарбъ, Менахъ и другіе начальники.)

Антоній.

(Цезарю.) Таковъ обычай. Измѣряютъ Нилъ

Ступеньками у Пирамидъ и судятъ:

По низкой, средней иль большой водѣ

О голодѣ иль уражаѣ. Чѣмъ

Полнѣ Нилъ, тѣмъ болѣе надеждъ. —

Когда спадетъ онъ, сѣютъ прямо въ илъ

И земледѣль снимаетъ скоро жатву.

Лепидъ.

Тамъ змѣи есть большія.

АНТОНІЙ.

Да, Лепидъ.

ЛЕПИДЪ.

Ваши Египетскія змѣи, сказываютъ, родятся тоже изъ илу, при содѣйствіи вашего солнца; также и крокодилъ вашъ.

АНТОНІЙ.

Да, это такъ.

ПОМПЕЙ.

Сядись. — Вина за здравіе Лепида!

ЛЕПИДЪ.

Я не совсѣмъ здоровъ, какъ бы долженъ быть, но отъ вина не откажусь.

ЭНОБАРЬЪ.

Пока не уснешь, а до тѣхъ поръ, я думаю, все будешь около него.

ЛЕНИДЪ.

Нѣтъ, дѣйствительно, я слышала — эти Птолемеи пирамиды прелестныя вещицы. Нѣтъ, не возражайте, я это слышала.

МЕНАСЪ.

(тихо) Помпей, два слова.

ПОМПЕЙ.

На ухо скажи.

МЕНАСЪ.

(тихо) Прошу тебя, встань съ мѣста своего. — И выслушай два слова.

ПОМПЕЙ.

Погоди.

Еще вина Лепиду!

ЛЕПИДЪ.

Скажи, какого рода вещь вашъ крокодилъ?

АНТОНІЙ.

Онъ видомъ похожъ на самаго себя и шириной во всю свою ширину; высотой онъ ровенъ съ самимъ собою и движется собственными членами. Питается онъ своею обыкновенною пищею и когда составныя его части разрушаются, то онъ переходитъ въ новое созданіе.

ЛЕНИДЬ.

Какого онъ цвѣта?

АНТОНІЙ.

Своего собственнаго.

ЛЕНИДЬ.

Вотъ странная гадина.

АНТОНІЙ.

Это правда. И его слезы мокры.

ЦЕЗАРЬ.

Удовлетворить ли его это описаніе?

АНТОНІЙ.

Послѣ всѣхъ кубковъ, подносимыхъ ему Помпеемъ; вѣдь онъ настоящій Эпикуреецъ.

ПОМПЕЙ.

(тихо Менасу.) Поди повѣсься. Что присталъ? ступай!
И дѣлай что велѣлъ я. Гдѣ мой кубокъ?

МЕНАСЬ.

За всѣ мои заслуги, согласись:
Поди сюда.

ПОМПЕЙ.

Ты спятилъ. — Что тебѣ?

МЕНАСЬ.

Я кланялся предъ счастіемъ твоимъ.

Отд. I.

8

Помпей.

Ты честно мнѣ всегда служилъ. Такъ чтожь?
Гуляйте господа!

Антоній.

Смотри Лепидъ.

Не сядь на мель, ты можешь потонуть.

Менасъ.

Владыкой свѣта хочешь быть?

Помпей.

Какъ, что?

Менасъ.

Владыкой свѣта хочешь быть? скажи.

Помпей.

Да какъ же это?

Менасъ.

Только согласи.

И пусть я бѣденъ съ виду, но могу
Тебѣ весь свѣтъ отдать.

Помпей.

Ты вѣрно знаешь.

Менасъ.

О пѣть Помпей! я кубка пзбѣгалъ.
Дерзай — и будь Юпитеромъ земнымъ:
И вся земля по дальній Океанъ
Твоя, коль хочешь.

Помпей.

Да скажи мнѣ какъ?

Менасъ.

Вотъ эти три властителя земли
На корабль твоёмъ. Перерублю канаты.

Въ открытомъ морѣ ихъ свачу за горло
И все твое.

ПОМПЕЙ.

Эхъ! сдѣлалъ бы ты такъ
А не болталъ. Во мнѣ все это было бѣ подлость,
Въ тебѣ же ревность къ службѣ. Не забудь,
Что у меня не польза править честью,
Честь — пользою. Жалѣй, что твой языкъ
Такъ предалъ дѣло; — сдѣлай это тайно,
Я бѣ все потомъ въ прошедшемъ оправдалъ,
Теперь же осуждаю. — Брось и пей.

МЕНАСЪ.

(тихо) Отнынѣ

За шаткимъ счастьемъ я твоимъ пойду.
Кто ищетъ и находки не беретъ, —
Вѣкъ не найдетъ.

ПОМПЕЙ.

За здравіе Лепида!

АНТОНІЙ.

Его бѣ на берегъ снести. Я за него.

ЭНОБАРБЪ.

Твой, Менасъ! тостъ.

МЕНАСЪ.

Спасибо Энобарбу!

ПОМПЕЙ.

Лей въ кубки! лей по самые края.

ЭНОБАРБЪ.

Вотъ сильный малый, Менасъ. (Указываетъ на слугу,
который тащитъ Лепида.)

МЕНАСЪ.

Чѣмъ же?

ЭНОБАРЬЪ.

Онъ

Вселенной треть несетъ, иль ты не видишь!

МЕНАСЪ.

Но треть пьяна. Когда бы всё три части —
Весь міръ кружись.

ЭНОБАРЬЪ.

Ты пей да веселись!

МЕНАСЪ.

Не увывай!

ПОМПЕЙ.

Нашъ пиръ еще не пиръ Александрійскій.

АНТОНІЙ.

Но доспѣваетъ. Сдвинемъ кубки — О!!
Въ честь Цезаря.

ЦЕЗАРЬ.

По мнѣ — такъ и не надо.
Безумный трудъ, хотѣть свой мозгъ отмыть
И пуще пачкать.

АНТОНІЙ.

Сыномъ будь минуты.

ЦЕЗАРЬ.

Пей! Я съ тобой. Хоть радъ скорѣй не ѣсть
Четыре дня, чѣмъ такъ пропить одинъ.

ЭНОБАРЬЪ.

(Антонію) О! храбрый повелитель! Въ честь вина —
Египетскихъ — то Вакханалій намъ
Не проплясать ли?

ПОМПЕЙ.

Славно храбрый воинъ!

АНТОНІЙ.

Пойдемъ, другъ другу руки подадимъ.
Пока вино возбѣдно не опуститъ
Насъ тихо въ Лету.

ЭНОБАРБЪ.

За руки беритесь.

Пусть музыка гремитъ у насъ въ ушахъ.
Я васъ разставлю. — Мальчикъ пѣснь начнетъ
И каждый съ нимъ на столько громко пой,
На сколько хватитъ крѣпкой груди.
(Музыка играетъ. Энобарбъ заставляетъ ихъ подать другъ другу руки.)

Пѣсня.

Приходи съ жезломъ въ рукахъ
Толстый Вакхъ, съ огнемъ въ глазахъ.
Мы печаль зальемъ виномъ,
Въ кудри грозды заплетемъ.
Лей! чтобъ свѣтъ пошелъ кругомъ!
Лей! чтобъ свѣтъ пошелъ кругомъ!

ЦЕЗАРЬ.

Чегожъ еще? Помпей! покойной ночи,
Братъ! намъ пора: заняться наши роншутъ
На эту шалость. — Время господа! —
Ланиты рдѣютъ. Сильный Энобарбъ
Слабѣй вина, и у меня языкъ
Дробить слова. — Отъ пьянства стали мы
Шутами всѣ. — Что толковать? прощайте.
Антоній! руку!

ПОМПЕЙ.

Мы еще сочтемся.

АНТОНІЙ.

И хорошо. — Дай руку.

ПОМПЕЙ.

О Антоній.

Ты взялъ мой домъ! но чтожъ? вѣдь мы друзья.
Пойдемте въ лодку.

ЭНОБАРЬЪ.

Да не упадите.

(Уходят Помпей, Цезарь, Антоній и сеита.)

Я, Менасъ, на берегъ нейду.

МЕНАСЪ.

Пойдемъ кониѣ

Въ каюту. — Гей! литавры, бубны, флейты!

Пускай Нептунъ услышитъ, какъ мужей

Великихъ провожаютъ. — Громче дуй!

ЭНОБАРЬЪ.

Кричи ура! Вотъ шанку я швырну!

МЕНАСЪ.

Ура! мой храбрый капитанъ. Пойдемъ.

(Уходятъ.)

А К Т Ъ III.

СЦЕНА I.

Равнина въ Сириі.

(Вентидій входитъ съ триумфомъ, съ нимъ Силій и другіе римскіе начальники и солдаты. Впереди несутъ трупъ Пакора.)

ВЕНТИДІЙ

Вотъ гордый Пароѣ ты побѣжденъ, и мнѣ

Судьбой дано отмстить за Марка Красса.

Царевича передъ войсками трупъ

Нести. Пакоромъ платишь ты Ородъ (*)

За Марка Красса.

СИЛІЙ.

Доблестный Вентидій

Пока твой мечъ согрѣтъ въ крови Пароянъ,

Ты въ Мидію преслѣдуй бѣглецовъ

(*) Пакортъ, сынъ Пароянскаго царя Орода.

Въ Месопотамію и всѣ углы,
Куда уйдутъ: тогда твой вождь Антоній
Почтить тебя триумфомъ и вѣнкомъ
Чело твое украситъ.

ВЕНТИДІЙ.

Силій! Силій!

Съ мени довольно. Знай, что подчиненный
Не слишкомъ отлѣчайся. Вѣрь мнѣ Силій,
Не дѣлать лучше ничего, чѣмъ славу
Стяжать, когда начальникъ нашъ вдали.
И Цезарь я Антоній вѣчно брали
Черезъ подчиненныхъ; а не сами. Соссій,
Который тѣмъ былъ въ Сири, чѣмъ я,
За то, что въ мигъ добиться громкой славы
Сумѣлъ. — его всю милость потерялъ.
Кто сдѣлалъ больше, чѣмъ начальникъ самъ,
Тотъ сталъ уже начальнику начальникъ;
А честолюбье, страсть вождей, — уронъ
Обидной имъ побѣдѣ предпочтеть.
Я бѣ сдѣлалъ для Антонія и больше,
Но оскорбилъ его. — и подвигъ мой
Тогда пропалъ.

Силій.

Ты всѣмъ богатъ Вентидій,
Что война и мечъ его ведетъ
Къ отлѣченію. — Антонію напишеть?

ВЕНТИДІЙ.

Означу скромно все, что совершилъ
Я именемъ его волшебнымъ въ битвахъ.
Какъ отъ его знаменъ и вѣрныхъ войскъ
Непобѣдимой конницѣ Пароянъ
Пришлось бѣжать.

Силій.

Гдѣ самъ то онъ теперь?

ВЕНТИДІЙ.

Предполагалъ въ Аоніахъ бытъ. Туда,
Какъ намъ обозъ позволить, послѣшимъ
И явимся предъ нимъ. — И такъ впередъ.
(*угодать.*)

СЦЕНА II.

(*Передія въ домъ Цезаря. Встрѣчаются Агриппа и Энобарбъ.*)

АГРИППА.

Что! какъ разстались братья?

ЭНОБАРБЪ.

Сошлся съ Помпеемъ. Тотъ уѣхалъ. — Всѣмъ
Скрѣплять дано. Октавія въ слезахъ:
Жаль Рима. Цезарь грустенъ, а Лепидъ,
Какъ Менасъ говоритъ, желтухой боленъ
Съ Помпеевой пирушки.

АГРИППА.

Другъ Лепидъ!

ЭНОБАРБЪ.

А вѣдь добрякъ: какъ Цезаря онъ любитъ!

АГРИППА.

Нѣтъ, Маркъ Антоній для него кумирь.

ЭНОБАРБЪ.

А Цезарь? Да вѣдь это нашъ Зевесъ.

АГРИППА.

А чтожъ Антоній? Онъ Зевесу богъ.

ЭНОБАРБЪ.

Кто? Цезарь чтоль? О! онъ недостижимъ!

АГРИППА.

Антоній! О! Арабскій Фениксъ нашъ!

ЭНОБАРЬЪ.

Ты Цезаря хваля, скажи лишь, Цезарь.

АГРИППА.

Да онъ обонмъ сыплеть похвалы.

ЭНОБАРЬЪ.

Но Цезарь милъ ему;—милъ и Антоній
 Не можетъ умъ, языкъ, рѣзецъ, поэтъ,
 Постичь, изрѣчь, изобразить, воспѣтъ
 Его любви къ Антонію.—А Цезарь?
 Ницъ, ницъ предъ нимъ.

АГРИППА.

Онъ любитъ ихъ обоихъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Они вѣдъ крылышки ему, онъ жукъ.

(звукъ трубы.)

Чу! значить: на коня!—прощай Агриппа!

АГРИППА.

Счастливо!—добрый воинъ и прощай!

(Входятъ Цезарь, Антоній, Лепидъ и Октавія.)

АНТОНИЙ.

Не безпокойся дальше.

ЦЕЗАРЬ.

Часть лучшую меня берешь съ собой;
 Въ ней чтя меня.—Сестра! ты будь женой,
 Какой тебя я представлялъ—и будь
 Дружна со мной. Мой доблестный Антоній
 Пусть эта добродѣтель въ ней—межъ насъ
 Цементомъ будетъ дружбы обоюдной
 Для связи зданія, а не тараномъ
 Для разрушенья. Лучшебъ безъ нея
 Друзьями быть, чѣмъ намъ такую связь
 Не почитать.

Антоній.

Не оскорбляй меня
Сомнѣніемъ.

Цезарь.

Я кончилъ

Антоній.

Никогда

Во мнѣ причинь малѣйшихъ не откроешь
Такъ опасаться. Да хранить же боги
Тебя, склоняя римскія сердца
Къ твоимъ желаньямъ. — Мы простимся здѣсь.

Цезарь.

Прощай сестра дрожайшая! Прощай!
Пусть ласковы къ тебѣ стихіи будутъ
И духъ въ тебѣ развеселятъ! Прощай.

Октавія.

Мой благородный братъ!

Антоній.

Апрѣль въ твоихъ глазахъ, — весна любви,
А слезы дождь весенній. — Не грусти.

Октавія.

Братъ пригляди за домомъ мужа. И —

Цезарь.

Ну чтожь Октавія?

Октавія.

Я на ухо скажу.

Антоній.

Языкъ не хочетъ слушать сердца, сердце
Не въ силахъ научить языкъ; такъ нухъ
Лебяжій чистъ стоитъ надъ глубиной,
Не наклоняясь никуда.

ЭНОБАРЬЪ.

Заплачетъ Цезарь? *(тихо Агриппѣ.)*

АГРИППА.

Грусть въ его лицѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Будь онъ конемъ и то бы дрянью сталъ,
А то мущина.

АГРИППА.

Какъ же Энобарьъ.

Антоній увидавъ, что Юлій Цезарь
Убитъ, стоналъ на взрыдъ—и при Филиппахъ
Заплакалъ, отыскавши Брутовъ трупъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Знать въ этотъ годъ онъ съ насморкомъ былъ. Плакать
Надъ тѣмъ, кого сгубилъ.—Вѣрь, въ это, если
Заплачу самъ.

ЦЕЗАРЬ.

Октавія моя

Писать я буду часто: не заставитъ
Ничто забыть тебя.

АНТОНІЙ.

(Цезарю) Скорѣй, скорѣй

Съ тобой хочу вступить въ борьбу любви:
Вотъ такъ, держу тебя,—вотъ отпустилъ
И передалъ богамъ.

ЦЕЗАРЬ.

Прощай будь счастливъ!

ЛЕПИДЪ.

Всѣ сонмы звѣздъ да освѣщаютъ вашъ
Отрадный путь.

ЦЕЗАРЬ.

Прощай, прощай. (*Целуетъ Октавію.*)

АНТОНІЙ.

Прощай.

(Уходятъ при звукѣ трубъ.)

СЦЕНА III.

Александрія. — Комната въ дворцѣ.

(Входятъ Клеопатра, Хармианъ, Ира и Алексасъ.)

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ этотъ малый?

АЛЕКСАСЪ.

Онъ войти боится.

КЛЕОПАТРА.

Смѣлѣй, смѣлѣй. — Поди сюда! *(входитъ вѣстникъ.)*

АЛЕКСАСЪ.

Царица!

Еврейскій Иродъ не войдетъ къ тебѣ,
Коль ты не въ духѣ.

КЛЕОПАТРА.

Головы хочу

Я Ирода; но не со мной Антоній,
Такъ ктожъ её добудетъ? — Подойди!

ВѢСТНИКЪ.

Великая Царица!

КЛЕОПАТРА.

Видѣлъ ты

Октавію?

ВѢСТНИКЪ.

Да, видѣлъ.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ же.

ВѢСТНИКЪ.

Въ Римѣ

Ее въ лицо я видѣлъ, какъ вели
Ее вдвоемъ и братъ и Маркъ Антоній.

КЛЕОПАТРА.

Она съ меня ли ростомъ?

ВѢСТНИКЪ.

Нѣтъ, Царица.

КЛЕОПАТРА.

А слышалъ голосъ? звонокъ или тихъ?

ВѢСТНИКЪ.

Царица, слышалъ; голосъ тихъ у ней.

КЛЕОПАТРА.

Такъ, плохо: долго онъ ее любить не можетъ.

ХАРМИАНЪ.

Ее любить? О небо! невозможно!

КЛЕОПАТРА.

Надѣюсь Хармианъ! хрипла, мала!
Есть въ поступи величіе у ней?
Припомни! если ты видалъ величье.

ВѢСТНИКЪ.

Она плетется. Ходитъ, какъ стоитъ
И съ виду трупъ скорый, чѣмъ существо,
Какъ статуя безъ жизни.

КЛЕОПАТРА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Иль наблюдать не мастеръ я.

ХАРМИАНЬ.

Въ Египтѣ

Трехъ зоркихъ не найдешь такихъ.

КЛЕОПАТРА.

Онъ съ толкомъ,

Мнѣ кажется. — Знать ничего въ ней нѣтъ.

Вѣдь малый могъ бы разсудить.

ХАРМИАНЬ.

Отлично.

КЛЕОПАТРА.

Смекнулъ ли ты лѣта ея?

ВѢСТНИКЪ.

Она

Была вдовой.

КЛЕОПАТРА.

Вдовой? О Хармиань!

Ты слышишь?

ВѢСТНИКЪ.

Ей, я думаю, лѣтъ тридцать.

КЛЕОПАТРА.

Лице ты помнишь? Длинно или кругло?

ВѢСТНИКЪ.

До безобразья кругло.

КЛЕОПАТРА.

Большей частью

Тотъ, у кого лицо такое, глупъ.

А цвѣтъ волосъ каковъ?

ВѢСТНИКЪ.

Царица, черныйй.

А лобъ у ней такъ малъ, какъ только ты
Желать могла.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ золото тебѣ.

Ты не сердись за давичный мой пылъ.

Пошлю тебя обратно. — Вижу я:

Ты дѣловой. — Ступай и собирайся,

Я письма приготовлю.

ХАРМИАНЪ.

Славный малый.

КЛЕОПАТРА.

Дѣйствительно. Жалѣю, что его

Прибила я. — А по его словамъ

Добра въ ней очень мало.

ХАРМИАНЪ.

Ничего.

КЛЕОПАТРА.

Веллчье онъ видалъ и могъ судить.

ХАРМИАНЪ.

Видалъ ли онъ? Спаси его Изид!

Служилъ тебѣ такъ долго!

КЛЕОПАТРА.

У меня

Къ нему еще вопросъ есть, Хармианъ;

Но не снѣши. Введи его ко мнѣ,

Когда начну писать. Авось удется!

ХАРМИАНЪ.

Царица, будь покойна.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Лоины. Комната въ домѣ Антонія.

(Входятъ Антоній и Октавія.)

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ Октавія, одна вина

Была бы извинительна, и это

И тысячу вещей въ подобномъ родѣ,
 Но онъ Помпею вновь грозить войной, —
 И свой уставъ, народу объявилъ,
 Меня судилъ легко, а принужденный
 Съ почетомъ поминалъ, онъ поминалъ
 Въ размѣрахъ скудныхъ, холодно и вяло:
 Гдѣ случай предстоялъ хвалить, онъ только
 Сквозь зубы бормоталъ.

О К Т А В И Я.

О мой супругъ!

Не вѣрь всему, а выслуженный вѣрять,
 Не возмущайся. Если вашъ разрывъ
 Возможенъ, то несчастіе меня
 Быть женщиной нельзя, молясь за двухъ. —
 Я насмѣшу боговъ, взывая къ нимъ:
 «О защитите моего супруга.»
 И заглушая ту мольбу другой:
 «О защитите брата моего.»
 Прося тому и этому побѣды,
 Вредишь мольбамъ; — межъ крайностей такихъ
 Дороги нѣтъ.

А н т о н и й.

Октавія моя,

Склони любовь свою къ тому, кто лучшей
 Защитой будетъ ей. Но честь забыть —
 Забыть себя. Скорѣй не быть твоимъ,
 Чѣмъ въ нищетѣ такой твоимъ. Но ты
 Просилась примирить насъ. Я межъ тѣмъ
 Вооружусь, чтобъ брата твоего
 Унять. — Слѣпи — и всѣ твои желанья
 Исполнятся.

О К Т А В И Я.

Благодарю супругъ мой.

Юпитерь силъ да дастъ мнѣ слабей, слабей,
 Васъ примирить. Возникни между вами

Война, все то же, еслибъ треснулъ міръ
И трупами наполнилася пропасть.

Антоній.

Когда увидишь, кто виной раздора,
Того и осуждай; не можемъ быть
Мы такъ равно виновны, чтобъ любовь,
Твоя дѣлилась поровну. — Готовься
Къ отъѣзду. Спутниковъ назначь сама
И полагай издержекъ сколько хочешь.

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Другая комната тамъ же.
(Встрѣчаются Энобарбъ и Эросъ.)

ЭНОБАРБЪ.

Что новаго, другъ Эросъ?

Эросъ.

Странныя новости.

ЭНОБАРБЪ.

Что такое?

Эросъ.

Цезарь и Лепидъ объявили войну Помпею.

ЭНОБАРБЪ.

Это старо. Что же далѣе?

Эросъ.

Цезарь, употребивши его въ войнѣ противъ Помпея, отказываетъ ему въ славѣ содѣйствія; и мало того, обвиняетъ за письма, которыя онъ будто бы писалъ къ Помпею. По собственному обвиненію засадилъ его, и теперь, несчастная треть сидитъ, пока смерть не расширитъ его владѣній.

ЭНОБАРБЪ.

Такъ міръ, — ты съ парой челюстей остался
И пусть межъ нихъ ты весь свой бросишь кормъ,
Онѣ другъ друга смѣлуютъ. — Гдѣ Антоній?

Отд. I.

Эросъ.

Въ саду. Вотъ ходитъ такъ — и бьетъ ногой
Тростникъ, крича: «безумецъ ты Лепидъ»
И радъ за горло война схватить,
Убившаго Помпея.

Энобарбъ.

Флотъ нашъ двинуть.

Эросъ.

Въ Италию, на Цезаря. — Да кстати
Тебя Домицій повелитель звалъ,
А новости скажу потомъ.

Энобарбъ.

Вздоръ вѣрно;

Но пусть. — Сведи къ Антонию меня.

Эросъ.

Пойдемъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VI.

Римъ. Комната въ домѣ Цезаря.

(Входятъ Цезарь, Агриппа и Меценатъ.)

ЦЕЗАРЬ.

Презрѣнье къ Риму выражасть онъ
Въ Александри: вотъ одинъ примѣръ.
Публично на серебряной трибунѣ
И тронахъ золотыхъ, онъ съ Клеопатрой
Сидѣлъ на площади. — У ногъ сидѣлъ
Цезаріонъ, который, по словамъ ихъ,
Сынъ моего отца и съ нимъ всѣ дѣти,
Плоды ихъ сладострастья. Какъ царицѣ
Самодержавной, придавъ онъ къ Египту
Ей Сирию и Лидію и Кипръ.

МЕЦЕНАТЪ.

И это все въ глазахъ народа?

ЦЕЗАРЬ.

На площади для зрѣлищъ объявилъ
Своихъ сынковъ царями онъ царей,
Армянъ, Пароянъ и Медовъ Александру
Вручилъ; а Птоломею Финикію,
Киликію и Сирію. — Она
Въ тотъ день была богинею Изидой
Одѣта. Часто, слышно, ужъ она
Пословъ такъ принимала.

МЕЦЕНАТЬ.

Разгласи

Все это въ Римѣ.

АГРИППА.

Раздраженъ давно, —
Такимъ нахальствомъ, онъ къ нему остынетъ.

ЦЕЗАРЬ.

Народъ все знаетъ. Отъ него онъ тоже
Всѣ жалобы пріемлетъ.

АГРИППА.

На кого?

ЦЕЗАРЬ.

На Цезаря: за то что у Помпея,
Сицилію отнявши, половины
Ему не отдалъ; дальше, будто я
Взявъ корабли въ займы — не возвратилъ.
Потомъ за то, что власти триумвира
Лишилъ Лепида, а его доходъ
Себѣ оставилъ.

АГРИППА.

Дай на все отвѣтъ.

ЦЕЗАРЬ.

Все сдѣлано, и вѣстникъ мой отправленъ;
Пишу ему, что сталъ Лепидъ жестокъ,

Что власть свою употреблялъ во зло
И заслужилъ паденье. Что добычу
Я раздѣлю, но требую того же
Въ Арменіи и прочихъ государствахъ,
Имъ покоренныхъ.

МЕЦЕНАТЬ.

Онъ не согласится.

ЦЕЗАРЬ.

Тогда и мы не согласимся съ нимъ.

(Входитъ Октавіа со свитой.)

ОКТАВІА.

Мой Цезарь! Здравствуй Цезарь дорогой!

ЦЕЗАРЬ.

Пришлось тебя отверженной назвать!

ОКТАВІА.

Такъ не называй ты, да и нѣтъ причинъ.

ЦЕЗАРЬ.

Ты развѣ не украдкой здѣсь? Не такъ
Сестрѣ бы Цезаря пріѣхать должно.
Во слѣдъ женѣ Антоніи войска
Идти должны, и ржаніе коней
Заранѣ возвѣщать о ней, деревья
Быть вдоль всего пути людей полны,
Алкающихъ ее увидѣть. Пыль,
Которую взметутъ толпы народа
Должна до неба встать. А ты пришла
Торговкой въ Римъ, предупреждая знаки
Любви народной. А любви не требуй
Ея не будетъ. На морѣ и сушѣ
Должны бы мы встрѣчать тебя; съ почетомъ
У каждаго ночлега.

ОКТАВІА.

Милый братъ!

Пріѣхала я такъ, не поневолю,

А по желанью. Мужъ мой, Маркъ Антоній,
Узнавъ, что ты готовишься къ войнѣ
Мнѣ сообщили о томъ — и я просилась
Домой.

ЦЕЗАРЬ.

А онъ и радъ, чтобъ не стояла
Ты между нимъ и похотью его.

ОКТАВІА.

Ты такъ не думай.

ЦЕЗАРЬ.

Я за нимъ слѣжу
И вѣтеръ мнѣ приноситъ вѣсть о немъ.
Гдѣ онъ теперь?

ОКТАВІА.

Въ Аоннахъ, милый братъ.

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, бѣдная сестра. Ужъ Клеопатра
Его сманила. Власть свою вручилъ
Онъ женщинѣ распутной и они
Царей земли собираютъ для войны:
У нихъ и Вокхъ союзникъ — царь Ливійскій
И Архелай, Каппадокійскій царь
И Пафлагонскій Филадельфъ и Малхъ
Арабскій и Адалъ Фракійскій,
Понтійскій царь и Иродъ Іудейскій,
И Комагенскій Митридатъ; Аминтъ
И Полемонъ, Мидійскій, Ликаонскій,
И рядъ иныхъ державъ.

ОКТАВІА.

О горе мнѣ,
Что сердце я двумъ раздѣлила милымъ,
Враждующимъ другъ съ другомъ.

ЦЕЗАРЬ.

Здѣсь живи.

Ты письмами разрывъ нашъ замедляла;

Но я узналъ, что ты оскорблена
 И что опасно медлить. — Не грусти,
 Не возмущайся временной грозою,
 Могущею нарушить твой покой.
 Гляди на всё рѣшенія судьбы
 Безъ слезъ впередъ. Ты въ Римѣ мнѣ теперь
 Милѣ чѣмъ была. Ты безконечно
 Оскорблена и за тебя отмстить
 Въ служители свои избрали боги
 Меня и всѣхъ, кому ты дорога.
 Такъ будь теперь покойна.

АГРИППА.

Въ добрый часъ.

МЕЦЕНАТЪ.

Услышь привѣтъ мой! Въ Римѣ всѣ сердца
 Полны къ тебѣ любви и состраданья.
 Одинъ тебѣ Анотній измѣнилъ:
 Онъ позабылъ тебя среди разврата
 И женщинѣ безпутной власть свою
 Сдалъ противъ насъ.

ОКТАВІЯ.

Ужели это правда?

ЦЕЗАРЬ.

Къ несчастью такъ сестра. Но сдѣлай милость
 Будь терпѣлива. — Милая сестра!

(Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА VII.

Лагерь Антонія близъ мыса Акціума.
(Входятъ Клеопатра и Энобарръ.)

КЛЕОПАТРА.

Я разочтусь съ тобой за это, вѣрь.

ЭНОБАРРЪ.

За что, за что, за что?

КЛЕОПАТРА.

Ты говорилъ, что быть мнѣ на войнѣ
Не слѣдуетъ.

ЭНОБАРЬЪ.

А развѣ я не правъ?

КЛЕОПАТРА.

На насъ идутъ; ужели лично намъ
Не защищаться?

ЭНОБАРЬЪ. (*Тихо*).

Я бѣ отвѣтилъ ей;

Когда на службѣ жеребецъ съ кобылой,
То лишній жеребецъ, — а то кобыла
Носи коня и всадника.

КЛЕОПАТРА.

Что? что?

ЭНОБАРЬЪ.

Антонія ты станешь только путать,
Запявши сердце, мозгъ его и время,
Столь нужныя тогда. И такъ его
За вѣтренность бранять, а въ Римѣ слухи,
Что поведутъ войну Эвпухъ Фотинъ,
Да женщины твои.

КЛЕОПАТРА.

Будь проклятъ Римъ,

Языкъ отсохни у клеветниковъ. —
Война со мною и глава страны,
Я воинномъ явлюсь. — Не возражай!
Я не отстану.

ЭНОБАРЬЪ.

Нѣтъ, — я замолчу.

Вотъ повелитель.

(*Входятъ Антоній и Кандидій.*)

Антоній.

Странно мнѣ Канидій,
Что изъ Тарента и Брундузія
Онъ море Іонійское такъ быстро
Разсѣкъ и взялъ Торпнъ? — Ты не слыжала?

Клеопатра.

Поспѣшности дивится больше всѣхъ,
Тотъ, кто небреженъ самъ.

Антоній.

Упрекъ хорошъ.
Онъ честь бы сдѣлалъ опытному мужу,
Бранящему лѣнпвыхъ. Мы Канидій
Выходимъ въ море.

Клеопатра.

Да, безспорно, въ море!

Канидій.

Но почему?

Антоній.

Онъ насъ туда зоветъ.

Энобарь.

Ты жъ на единоборство звалъ его.

Канидій.

Да, чтобы съ нимъ сойтися при Фарсалѣ,
Гдѣ Цезарь и Помпей сражались; но
Опасныя условья онъ отвергнулъ; —
Ты сдѣлай тожъ.

Энобарь.

На корабляхъ твоихъ
Плоха прислуга: настухи, крестьяне
И всякій сбродъ; у Цезаря во флотѣ
Она все та же, что дралась съ Помпеемъ.
Его суда быстрѣй, твои тяжелѣ. —

Не стыдно битвы не принять морской
И выйдти къ бою въ поле.

АНТОНІЙ.

Въ море, въ море!

ЭНОБАРЬЪ.

Великій вождь, отвергнешь этимъ ты
Все, чѣмъ на сушѣ такъ могучь. Смутяшь
Войска, въ которыхъ большее число
Отборная пѣхота; все искусство
Свое оставишь празднымъ и покинувь
Вѣрнѣйшій путь къ успѣху, ты себя
Отадашь на произволь судьбы, лишаась
Увѣренности твердой.

АНТОНІЙ.

Выйдемъ въ море.

КЛЕОПАТРА.

Я шестьдесятъ дамъ кораблей, какихъ
У Цезаря нѣтъ лучше.

АНТОНІЙ.

Мы излишекъ

Судовъ сождемъ и съ остальными встрѣтимъ
У Акціума Цезаря. — Не будетъ

(Входитъ вѣстникъ.)

Успѣха, выйдемъ въ поле. — Ты что скажешь?

Вѣстникъ.

Вѣсть несомнѣнна: видѣли, какъ Цезарь
Ториномъ овладѣлъ.

АНТОНІЙ.

Онъ могъ ли тамъ быть лично? — Невозможно.

Ужъ много, что войска дошли. Канидій

На девятнадцать легионовъ — тысячъ

Двѣнадцать конныхъ здѣсь возьми. А мы

(Входитъ солдатъ.)

Къ судамъ. — Пойдемъ моя Тетида! Что ты?

Солдатъ.

О! повелитель! въ море не ходи;
 Не вѣрь гнилымъ доскамъ! иль ты не цѣнишь
 Мой мечъ и эти раны? Египтянамъ
 Да Финикійцамъ предоставь пырять,
 А мы привыкли побѣждать на сушѣ,
 Сходясь въ упоръ.

Антоній.

Ну хорошо. — Ступай.

(Уходятъ Клеопатра, Антоній и Энobarбъ.)

Солдатъ.

Клянусь Иракломъ! кажется я правъ.

Кланидій.

Солдатъ ты правъ, но всѣ егò дѣла
 Не отъ себя: вождя другіе водятъ
 И всѣ мы слуги женскіе.

Солдатъ.

На сушѣ

Вся конница съ тобой и легіоны?

Кланидій.

Да, Маркъ Октавій, Маркъ Юстей, еще
 Публикола и Целій выйдутъ въ море,
 А мы на сушѣ остаемся. — Цезарь
 Невѣроятно быстръ.

Солдатъ.

Его войска

Шли такъ въ раздробъ изъ Рима, что онъ сбилъ
 Всѣ наблюденья.

Кланидій.

Кто ведетъ ихъ, слышалъ?

СОЛДАТЪ.

Да говорятъ, что Тавръ.

КЛАНДИЙ.

Его я знаю.

(Входитъ вѣстникъ.)

ВѢСТНИКЪ.

Кандія зоветъ нашъ повелитель.

КЛАНДИЙ.

Теперь чревато новостями время
И каждый часъ рождаетъ что инбудь.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VIII.

Равнина близь Акціума.

(Входятъ Цезарь, Тавръ, начальники и свита.)

ЦЕЗАРЬ.

Тавръ!

ТАВРЪ.

Повелитель!

ЦЕЗАРЬ.

Въ битву не вступай.

Не нападай, дай на морѣ намъ кончить.

Исполни все, что въ свиткѣ здѣсь пишу.

Всю намъ судьбу рѣшишь одинъ ударъ.

*(Уходитъ.)**(Входятъ Антоній и Энобарбъ.)*

АНТОНІЙ.

Все наше войско выставь за холмомъ

Въ виду у Цезаревыхъ войскъ. — Оттуда

Пересчитать удобно корабли

И по движеньямъ ихъ соображаться.

(Уходятъ.)

*(Кандій проходитъ по одной сторонѣ сцены съ своими легионами, по дру-
гой Тавръ, военачальникъ Цезаря съ своими. Вскорѣ послѣ того, какъ они
прошли, слышится шумъ морскаго сраженія.)*

ЭНОБАРЬЪ.

Срамъ, сущій срамъ! я видѣть не могу
 Антоніада, главное изъ всѣхъ
 Египетскихъ судовъ, бѣжитъ и съ нею
 Всѣ шестьдесятъ. Глядѣть такъ жжетъ глаза.
 (Входитъ Скаръ.)

СКАРЪ.

О боги и богини.

ЭНОБАРЬЪ.

Что съ тобой?

СКАРЪ.

Часть лучшая вселенной пропадаетъ
 Отъ глупости. — Мы царства и владѣнья
 Прощѣловали.

ЭНОБАРЬЪ.

Битва какъ идетъ?

СКАРЪ.

На нашей сторонѣ повальный моръ
 И смерть вѣрна. Колдунья *) Египтянка!
 Чума бы на нее! Въ развалѣ битвы,
 Когда успѣхъ былъ парой близнецовъ
 Ровестниковъ, и чуть ли нашъ не старшій,
 Какъ отъ июльскихъ оводовъ корова,
 Она подливши парусъ понеслась.

ЭНОБАРЬЪ.

Я это видѣлъ: взору было больно —
 Не вынесъ я.

СКАРЪ.

Едва она ушла

Подъ вѣтеръ, — жертва чаръ ея — Антоній,
 Какъ селезень влюбленный, поднялъ крылья

*) Въ прежнихъ изданіяхъ «паг» клеперь, у Колльера «паг» колдунья.

И бросивъ бой, за нею полетѣлъ.
 Поступка я не видывалъ постыднѣй:
 Честь, мужество и опытъ никогда
 Себя такъ не срамили.

Энобаръ.

Горе! горе!

(Входитъ Кандій.)

Кандій.

На морѣ счастью нашему конецъ
 Оно печально тонетъ. Будь нашъ вождь,
 Какимъ бывалъ, — все шло бы хорошо.
 О! что за страшный подалъ онъ примѣръ
 Намъ бѣгствомъ собственнымъ.

Энобаръ.

Вотъ какъ дѣла? Ну такъ скажи всему
 Прощай.

Кандій.

Они ушли къ Пелопонезу.

Скаръ.

Достичь его легко. — Тамъ буду ждать
 Дальнѣйшаго.

Кандій.

Я Цезарю хочу
 Сдать конницу и легіоны: шесть
 Уже царей оружіе сложили.

Энобаръ.

Пойду еще за раненой судьбою
 Антонія, хотя разсудокъ мой
 Противнымъ вѣтромъ вѣетъ на меня.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IX.

Александрія. Комната во дворцѣ.

(Входятъ Антоній и слуги.)

АНТОНІЙ.

Послушайте! земля мной тяготится
И стыдно ей меня носить. Друзья!
Я въ мірѣ запоздался и на вѣкъ
Дорогу потерялъ. Есть у меня
Корабль съ казной — дѣлитесь и бѣгите,
А Цезарь приметъ васъ.

Всѣ.

Бѣжать! Не намъ!

АНТОНІЙ.

Я самъ бѣжалъ и трусамъ далъ примѣръ
Затылокъ обращать. Друзья ступайте!
Избралъ себѣ дорогу я теперь,
Въ которой вы ненужны мнѣ. — Ступайте!
Вонъ тотъ корабль; все заберите. — О!
Краснѣю передъ тѣмъ, зачѣмъ я шелъ
И волоса мои подъемяютъ споръ:
Сѣдые въ черныхъ вѣтреность поносятъ,
А эти слабость, трусость въ тѣхъ. — Друзья
Ступайте. — Дамъ къ пріятелямъ вамъ письма,
Которыя вашъ сгладятъ путь. Прошу
Васъ не печальтесь и не возражайте;
Съ отчаяньемъ скажу: да будетъ тотъ
Оставленъ, кто себя оставитъ. Вашъ
Теперь корабль съ казной. — Идите въ море.
Меня, прошу, оставьте на минуту.
Нѣтъ! не могу уже повелѣвать,
И такъ прошу. — Я скоро васъ увижу.

*(Садится.)**(Входятъ Эросъ и Клеопатра, поддерживаемая Харміанью и Прой.)*

ЭРОСЪ.

Царица, подойди, утѣшь его.

ИРА.

Утѣшь его, царица дорогая.

ХАРМИАНЪ.

Да, да, утѣшь. — Что жъ можешь ты еще?

КЛЕОПАТРА.

Дай я здѣсь сяду. — О Юнона!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

ЭРОСЪ.

Взгляни сюда, мой вождь!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, прочь, прочь, прочь!

ИРА.

Царица! повелительница наша!

ЭРОСЪ.

Нашъ повелитель!

АНТОНІЙ.

Да, другъ мой, точно. — При Филиппахъ онъ
 Владѣлъ мечемъ не лучше скомороха,
 Когда суровый, сухопарый Кассій
 Былъ мной сраженъ и сумасшедшій Брутъ:
 Онъ на другихъ все выѣзжалъ, въ войнѣ
 Не опытный; теперь же. — Такъ и быть.

КЛЕОПАТРА.

О! помогите!

ЭРОСЪ.

Царица, вождь! царица.

ИРА.

Пойди, царица, съ нимъ поговори;
 Онъ самъ себя не помнитъ отъ стыда.

КЛЕОПАТРА.

Ну хорошо. Меня вы поддержите. О!

Эросъ.

Встань благородный вождь; идетъ царица,
Главу склоня, и смерть ея близка. —
Одинъ лишь твой привѣтъ ея спасеть.

АНТОНІЙ.

Я честь свою нарушилъ этимъ бѣгствомъ
Не благороднымъ.

Эросъ.

Добрый вождь, царица!

АНТОНІЙ.

О! до чего дошелъ я Египтянка!
Смотри, какъ стыдно мнѣ встрѣчать твой взоръ!
Когда взгляну назадъ и вижу все,
Что погубилъ въ безчестьи.

КЛЕОПАТРА.

Другъ мой, другъ!

Прости вѣтриламъ робкимъ. Я не знала,
Что ты уйдешь за мною.

АНТОНІЙ.

Египтянка!

Ты знала, тто къ твоей кормѣ привязанъ
Я сердцемъ и что ты меня влечешь.
Ты знала, что душою я твой рабъ —
И что твой взглядъ мнѣ воспретить могъ волю
Боговъ исполнить.

КЛЕОПАТРА.

О прости!

АНТОНІЙ.

Теперь

У юноши молять пощады долженъ

И кланяться смиренно я, который
 По прихоти своей игралъ поль-міромъ,
 Творя судьбы и руша. — Знала ты,
 Что ты владѣла мной и что мой мечъ
 Ослабленъ страстію, тебѣ во всемъ
 Покоренъ будетъ.

КЛЕОПАТРА.

О прости, прости!

АНТОНИЙ.

Не лей же слезъ — и знай; одна изъ нихъ
 Мнѣ всѣхъ утратъ дороже. — Поцѣлуй! —
 Вотъ мнѣ награда. — Твой учитель посланъ;
 Вернулся онъ? Я весь какъ изъ свинца! —
 Вина и яствъ сюда! Я надъ судьбой
 Тѣмъ злѣй смѣюсь, чѣмъ злѣй она со мной.
(Уходитъ.)

СЦЕНА X.

Цезаревъ лагерь въ Египтѣ.

(Входятъ Цезарь, Долобелла, Тирей и другіе.)

ЦЕЗАРЬ.

Пускай войдетъ Антоніевъ посоль. —
 Его ты знаешь?

ДОЛОБЕЛЛА.

Онъ у нихъ учитель.

Ты видишь; какъ онъ голъ, когда прислалъ
 Изъ своего крыла перо такое.
 Давно ли могъ съ вѣстями онъ излишнихъ
 Царей послать.

(Входитъ Эвфроній.)

ЦЕЗАРЬ.

Войди и говори.

ЭВФРОНИЙ.

Антоніемъ я посланъ вотъ какъ есть.
 Не давно я въ дѣлахъ его былъ малъ,
 Отд. I.

Какъ на листочкѣ миртовомъ росинка
Въ сравненіи съ моремъ.

ЦЕЗАРЬ.

Ну, съ чѣмъ присланъ ты?

ЭВФРОНІЙ.

Тебя признавъ владыкой, проситъ онъ:
Позволь ему въ Египтѣ жить, а если
Откажешь въ томъ, онъ просьбу уменьшаетъ:
Позволь ему межъ небомъ и землей
Дышать въ Аоннахъ частнымъ гражданиномъ.
Объ этомъ проситъ онъ. А Клеопатра,
Предъ властію твоей склоняясь, молитъ
Для сышвей престола Птолемеевъ,
Коль согласишь только.

ЦЕЗАРЬ.

На мольбы

Антонія я глухъ. — Но для царицы
Готовъ исполнить просьбу; пусть она
Покрытаго теперь позоромъ друга
Прогонитъ изъ Египта, ихъ убьетъ. —
Тогда исполню просьбу. — Вотъ и все.

ЭВФРОНІЙ.

Будь счастливъ.

ЦЕЗАРЬ.

Проводитъ его за лагерь.

ЭВФРОНІЙ. (*Уходитъ. Тирею*).

Вотъ краснорѣчье докажи свое:
Антонія отбей отъ Клеопатры.
Ступай и отъ меня сули ей все,
Чего захочетъ, — самъ еще прибавь. —
Вѣдь женщины и въ счастья-то не тверды,
А въ горѣ и весталка измѣнитъ.
Тирей, будь покуснѣй, а награду
Себѣ придумай.

Т И Р Е Й.

Цезарь, я иду.

Ц Е З А Р Ъ.

Скажи мнѣ: какъ бѣду Антоній сноситъ
И что въ его движеніи каждомъ ты
Могъ подсмотрѣть?

Т И Р Е Й.

Я постараюсь Цезарь.

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА XI.

Александрія. Комната во дворцѣ.

(*Входятъ Клеопатра, Энобарбъ, Хармианъ и Ира.*)

К Л Е О П А Т Р А.

Что, Энобарбъ, мнѣ дѣлать?

Э Н О Б А Р Б Ъ.

Что? умри.

К Л Е О П А Т Р А.

Кто виновать, Антоній или я?

Э Н О Б А Р Б Ъ.

Однѣ Антоній, давши волѣ власть
Надъ разумомъ. Пускай бѣжала ты
Отъ грознаго лица войны, пугавшей
Строй строемъ; — онъ зачѣмъ бѣжалъ съ тобой?
Какъ допустить, чтобы любовный зудъ
Сбилъ полководца, да еще въ минуту,
Когда полъ-міра борется съ полъ-міромъ,
А самъ онъ спорный пунктъ. — Тутъ равень стыдъ
Потерѣ, гнаться за бѣгущимъ флагомъ —
И бросить флотъ.

К Л Е О П А Т Р А.

Прошу, не говори.

(*Входятъ Антоній и Есфроній.*)

Антоній.

Такъ вотъ его отвѣтъ?

Эвфроній.

Да, повелитель.

Антоній.

Царицу милость ждетъ, коли она
Продастъ меня.

Эвфроній.

Такъ точно.

Антоній.

Ты скажи ей:

Пошли вотъ эту голову съдую,
И мальчикъ Цезарь царствами тебя
Засыплеть.

Клеопатра.

Эту голову, мой вождь?

Антоній.

Ступай, скажи, что молодости розой
Украшенный, предъ міромъ онъ въ долгу:
Его суда, монеты, легіоны
Могли бы быть у труса, а войска —
Сражаться также храбро у ребенка,
Какъ и у Цезаря. — За тѣмъ ему
Я предлагаю, пусть забывъ надменность,
Со мною падшимъ, мечь противъ меча
Сразится. Лучше напишу. Пойдемъ.

(Уходятъ Антоній и Эвфроній).

Энобаръ.

Да, жди, чтобы побѣдоносный Цезарь
Свое унизилъ счастье и схватился
Съ борцомъ. Я вижу умъ людей, частица
Ихъ счастья, — и вишіе предметы
Вліяють такъ на внутреннюю жизнь,

Что вмѣстѣ страждутъ. Какъ имѣя смыслъ,
Могъ онъ мечтать, чтобъ пышный Цезарь рядомъ
Съ нимъ тощимъ сталъ? О, Цезарь, въ немъ и умъ
Ты побѣдилъ.

(*Входитъ слуга*).

СЛУГА.

Отъ Цезаря посоль.

КЛЕОПАТРА.

Ужель безъ всякой пышности? Смотрите,
Какъ тѣ горды передъ увядшей розой,
Что предъ шипкомъ склонялись. Пусть войдетъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Споръ между мной и честностью возникъ, (*отъ сторону*)
А преданность, достоинство глупцовъ,
Доводитъ долгъ до глупости. Но тотъ,
Кто слѣдуетъ за падшимъ властелиномъ,
Одержитъ верхъ надъ одержавшимъ верхъ
И не забвенъ.

(*Входитъ Тирей*).

КЛЕОПАТРА.

Что Цезарю угодно?

ТИРЕЙ.

Прими меня одна.

КЛЕОПАТРА.

Здѣсь все друзья, не бойся!

ТИРЕЙ.

И стало быть Антонію друзья.

ЭНОБАРЬЪ.

Какъ Цезарю, такъ и ему мы пужны
Или ненужны. Если Цезарь хочетъ,
Начальникъ нашъ въ немъ друга радъ снискать,
А мы за нимъ, да къ Цезарю.

ТИРЕЙ.

И такъ
Знай, славная царица: Цезарь проситъ
Тебя не забывать никакъ, что онъ,
Все Цезарь.

КЛЕОПАТРА.

Дальше. — Истинно по-царски!

ТИРЕЙ.

Онъ знаетъ, что съ Антоніемъ тебя
Не такъ любовь, какъ страхъ связуетъ.

КЛЕОПАТРА.

О!

ТИРЕЙ.

По этому жалѣеть онъ о чести,
Въ которой ты должна терпѣть пятно,
Не заслужа его.

КЛЕОПАТРА.

Онъ богъ и знаетъ
Всю правду. Честь моя не отдапа,
А отнята скорѣй.

ЭНОБАРЬ.

Чтобъ знать вѣрнѣй
Спрошу Антонія. О! какъ ты утлъ!
Оставимъ утопать тебя, когда
Всѣмъ милымъ ты покинуть.

ТИРЕЙ.

Передать
Мнѣ Цезарю твои желанья? Онъ
Ждетъ просьбъ твоихъ, чтобъ ихъ исполнить. Лучшей
Мечтой его, чтобъ ты себѣ опорой
Его избрала счастье. Но вспыхнетъ
Въ немъ духъ, при вѣсти, что забыла ты

Антонія, скрываясь подъ защитою
Владыки міра.

КЛЕОПАТРА.

Какъ тебя зовуть?

ТИРЕЙ.

Меня зовуть Тиреемъ.

КЛЕОПАТРА.

Добрый вѣстникъ

Скажи владыкѣ Цезарю, что я
У побѣдителя цѣлую руку,
Что свой вѣнецъ кладу къ его ногамъ
И на колѣняхъ жду изъ устъ всесмѣльныхъ
Судьбы Египта.

ТИРЕЙ.

Вотъ твой лучший путь.

Когда въ борьбу со счастьемъ вступишь умъ,
Пусть онъ дерзаетъ, сколько хватитъ силъ —
Не будетъ неудачъ. Позволь свой долгъ
Запечатлѣть мнѣ на рукѣ твоей.

КЛЕОПАТРА.

Да, Цезаревъ отецъ, исполненъ думъ
Властительныхъ, нерѣдко къ недостойной
Рукѣ моей съ лобзаньемъ приникалъ.

(Входитъ Антоній и Энобарбъ).

АНТОНІЙ.

Любезности! клянусь громами неба!
Ты кто таковъ?

ТИРЕЙ.

Я исполнитель воли

Первѣйшаго владыки, чьи слова
Законъ для всѣхъ.

ЭНОБАРБЪ.

Ты высѣченъ быть хочешь.

АНТОНІЙ.

Гей, кто тамъ? — Ахъ ты коршунъ! Адъ и небо!
Безсиленъ я. Бывало крикну: «гей»!
И какъ мальчишки, всѣ въ залуски
Кричатъ: «что вамъ угодно». Слышишь! Я
Еще Антоній. Шельму взять и высѣчь.

ЭНОБАРЬЕЪ.

Играть со львенкомъ лучше, чѣмъ со львомъ,
Передъ концомъ его.

АНТОНІЙ.

Луна и звѣзды!

Поря его! Будь двадцать тутъ пословъ
Отъ Цезаря — и я бѣ засталъ ихъ дерзость
Съ рукой — вотъ этой, какъ ее зовутъ,
Что звали Клеопатрой? Сѣчь его
Пока, какъ мальчикъ, онъ лица не скорчить,
Моля пощады. — Вытащить его.

ТИРЕЙ.

Антоній!

АНТОНІЙ.

Вытащить и конча сѣчь,
Привести назадъ, — шутъ Цезаря снесетъ
Къ нему всѣ наши порученья (*слуги уводятъ Тирея*).
Какъ мы сошлись, ты отцвѣтала. Что?
Я бросилъ ложе неизмятымъ въ Римѣ,
Прижить дѣтей законныхъ не хотѣлъ,
Съ безцѣнной женщиной, чтобы меня
Позорили съ рабами?

КЛЕОПАТРА.

Добрый другъ.

АНТОНІЙ.

Измѣнницею ты была всегда,
Но стоитъ намъ въ порокахъ очерствѣть,

(О, горе)! боги ослѣпляютъ насъ.
 Глазамъ нашъ гной мѣшаетъ видѣть ясно,
 Мы грѣхъ свой обожаемъ — и смѣшно имъ
 Какъ гибнемъ мы.

КЛЕОПАТРА.

О! до чего дошло?

АНТОНИЙ.

Обѣдкомъ я нашелъ тебя, остывшимъ
 На цезарской тарелкѣ; да, огрызкомъ
 Кнея Помпея, краше тѣхъ часовъ
 Горячихъ, неотмѣченныхъ молвой,
 Которыхъ нѣгу ты вкушала. Вѣрно:
 Хотя могла постигнуть чистоту,
 Ея не знала ты.

КЛЕОПАТРА.

За что мнѣ это?

АНТОНИЙ.

Терпѣть, чтобъ рабъ, который могъ сказать
 За грошъ спасибо, избранную мной
 Твою смѣлъ тронуть руку, царскій даръ,
 Залогъ сердецъ высокихъ! О! зачѣмъ
 Я не могу съ Базанскаго холма
 Рогатый скотъ перекричать съ досады;
 Быть вѣжливымъ теперь мнѣ тоже, что
 Съ веревкою на шеѣ, за проворство,
 Благодарить учтиво палача.

(Слуги приводятъ Турел).

Что высѣкли его вы?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Пренсправно!

АНТОНИЙ.

Кричалъ? Просилъ пощады онъ?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Молилъ, чтобъ сжалились надъ нимъ.

АНТОНІЙ.

Колю живѣ отецъ твой, пусть жалѣетъ онъ,
 Что ты не дочь, а ты жалѣй, зачѣмъ
 За Цезарскимъ триумфомъ шель, съ тѣхъ поръ
 Какъ высѣкли тебя за то; отнынѣ
 Знаю тебя при видѣ дамскихъ рукъ,
 Какъ въ лихорадкѣ. Къ Цезарю вернись
 И расскажи пріемъ свой, да скажи,
 Что сердитъ онъ меня. Какъ видно, онъ
 Надменъ и гордъ и видитъ, чѣмъ я сталь,
 Забывъ, чѣмъ былъ я; бѣситъ онъ меня.
 Успѣть не трудно въ этомъ съ той поры,
 Какъ добрыя, свѣтившія мнѣ звѣзды,
 Оставили свой путь и въ бездну ада
 Умчали свѣтъ свой. Если жъ не по сердцу
 Ему, что говорю и что случилось,
 Скажи, что тамъ мой бывший рабъ Гиппархъ;
 Пусть вѣшаетъ его, сѣчетъ, казнить, —
 И мы сочлѣсь. Ты самъ же подстрекни.
 Теперь съ своими прочь рубцами! — Вонъ!

(Тирей уходитъ).

КЛЕОПАТРА.

Ты кончилъ ли?

АНТОНІЙ.

Увы! земной нашъ мѣсяцъ
 Затмился, это ужъ одно сулитъ
 Антонію конецъ.

КЛЕОПАТРА.

Я пережду.

АНТОНІЙ.

Лѣтя Цезарю, ты будешь глазки дѣлать
 Его слугѣ?

КЛЕОПАТРА.

Ты не повѣришь мнѣ?

АНТОНІЙ.

Ты холодна ко мнѣ.

КЛЕОПАТРА.

О, милый! если

Я холодна, пусть небо градъ родитъ,
Его отравитъ и ударитъ первымъ
Кускомъ въ меня, — и какъ растаетъ онъ
Пусть жизнь моя исчезнетъ! а второй
Сразитъ Цезаріона, чтобъ мой родъ
Былъ позабытъ, а добрые мои
Египтяне лежали послѣ бури
Безъ погребенья, нильскимъ комарамъ
Въ добычу.

АНТОНІЙ.

Позно! Вѣрю я теперь.

Сбярется въ Александрію Цезарь.
Сойдемся тамъ. Войска у насъ дрались
На сушѣ славно; флотъ разъединенный
Нашъ собрался и грозенъ на волнахъ.
Гдѣ ты моя отвага? Слышишь, другъ?
Коль съ поля я вернусь, чтобы лобзать
Твои уста, я появлюсь въ крови.
Мой мечъ и я для хроники жнецы:
Еще надежда есть.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ мой герой!

АНТОНІЙ.

Съ тройною силой, сердцемъ и дыханьемъ,
Сражаться буду зло. Во дни, когда
Легко жилось, за шутку я щадилъ
Чужую жизнь; теперь я стисну зубы
И въ тартаръ всѣхъ, кто схватится со мной.
Пойдемъ еще весельемъ встрѣтимъ ночь.
Зови вождей печальныхъ. Кубки вспѣнь.
Опять раздразимъ ночь.

КЛЕОПАТРА.

Мой день рожденья нынѣ
Я скромно думала провести его; но ты
Антоній вновь, я буду Клеопатрой.

АНТОНІЙ.

Мы справимся еще.

КЛЕОПАТРА.

Всѣхъ благородныхъ
Начальниковъ звать къ нашему вождю.

АНТОНІЙ.

Да съ ними я поговорю, а ночью
Вино изъ ранъ ихъ проступитъ заставлю.
Пойдемъ, царица, сокъ еще въ насъ есть.
Въ бою меня полюбитъ смерть, — берусь
Помочь ея язвительной косѣ.

(Уходятъ Антоній и Клеопатра).

ЭНОБАРЬЕЪ.

Теперь онъ съ молніей заспоритъ. Кто взбѣшенъ,
Спасается отъ страха. Въ этомъ духѣ
Радъ голубь строуса клевать. Я вижу вновь,
Что у вождя, какъ мозгу станетъ меньше
Прибудетъ сердце. Во враждѣ съ умомъ
Отвага гложетъ мечъ свой. Надо мнѣ
Подумать, какъ его оставить.

А К Т Ъ І V.

СЦЕНА І.

Лагерь Цезаря близъ Александріи.

(Входятъ Цезарь, читая письмо, Агриппа, Меценатъ и другіе).

ЦЕЗАРЬ.

Меня бранить онъ мальчикомъ, какъ-будто
Прогнать меня онъ въ силахъ изъ Египта,

Посла онъ сѣкъ, зоветь на поединокъ
 Антоній Цезаря: — рубака старый,
 Знай: къ смерти много есть дорогъ, и мнѣ
 Смѣшенъ твой вызовъ.

МЕЦЕНАТЬ.

Ты подумай Цезарь;
 Когда взбѣшенъ такой властитель, значить
 Пришло не въ мочь. Не дай ему очнуться
 Воспользуйся его смущеньемъ. Ярость
 Всегда оборонялась плохо.

ЦЕЗАРЬ.

Всѣмъ
 Вождамъ скажи, что завтра въ бой послѣдній
 Вступаемъ мы. Въ рядахъ у насъ довольно,
 Служившихъ у Антонія недавно,
 Чтобъ намъ его поймать. Распорядись;
 Да угости войска: запасовъ много —
 И есть за что имъ дать. Бѣднякъ Антоній!

СЦЕНА II.

Александриѣ. Комната во дворцѣ.

(*Входятъ Антоній, Клеопатра, Энобарбъ, Хармианъ, Ира, Алексасъ и
 другіе.*)

АНТОНИЙ.

Со мной неидетъ онъ въ бой, Домицій.

ЭНОБАРЬ.

Нѣтъ.

АНТОНИЙ.

Да отчего же нѣтъ?

ЭНОБАРЬ.

Онъ думаетъ, что въ двадцать разъ счастливѣй
 Онъ будетъ двадцать противъ одного.

АНТОНИЙ.

Сразимся завтра на морѣ и сушѣ:

Живъ буду иль омою честь въ крови, —
И это жизнь. Ты храбро будешь драться?

Энобарбъ.

Рубиться и кряться: «Все сгинь!»

Антоній.

Отлично!

Ступай зови ко мнѣ домашнихъ слугъ.

(Входятъ слуги).

Пируйте эту ночь. Дай руку мнѣ,
Ты честенъ былъ дѣйствительно. Ты тоже
И ты, — и ты, и ты: служили славно:
Цари вамъ были равны.

Клеопатра.

Это что?

Энобарбъ.

Одна изъ тѣхъ причудъ, въ которыхъ горе
Изъ сердца рвется.

Антоній.

Честенъ былъ и ты
Желалъ бы стать я всѣми вами вдругъ
И вмѣстѣ всѣхъ васъ тутъ же превратить
Въ Антонія, чтобъ послужить вамъ такъ,
Какъ вы служили мнѣ.

Слуга.

• Избави Богъ!

Антоній.

Друзья, еще мнѣ послужите ночь
И кубки наливайте мнѣ, какъ-будто
Мои владѣнья съ вами заодно
Еще покорны мнѣ.

Клеопатра.

Чего онъ хочетъ?

ЭНОБАРЬЕЪ.

Заставить плакать ихъ.

Антоній.

Пробудьте ночь,
 Быть можетъ, съ ней конецъ и службѣ вашей.
 И не видать меня вамъ, или видѣтъ
 Печальной тѣнью: завтра, можетъ быть
 Поступите къ другому господину.
 Смотрю на васъ, какъ-будто на прощаньи.
 Друзья мои не отсылаю васъ;
 Мнѣ ваша служба дорога по смерти.
 Вы прослужите два часа, не больше
 И награди васъ боги!

Энобарьеъ.

Для чего

Ихъ такъ смущать? они, ты видишь, плачутъ
 И я осель почуялъ лукъ: — стыдись, —
 Не обращай насъ въ женщинъ.

Антоній.

Ха, ха, ха!

Чтобъ я пропалъ, коль этого хотѣлъ,
 Пусть эти слезы къ счастью! Друзья,
 Вы поняли меня въ печальномъ смыслѣ,
 Я васъ хотѣлъ утѣшить и прошу,
 Чтобъ факеловъ зажгли вы. Знайте дѣти,
 Надѣюсь, я на завтра поведу васъ
 Туда, гдѣ жду побѣдоносной жизни,
 А не почетной смерти. Ужинъ ждетъ,
 Пойдемъ зальемъ заботы.

СЦЕНА Ш.

Тамъ же. Передъ дворцомъ.
 (Входятъ два солдата на часы).

1-й солдатъ.

Братъ, доброй ночи. Что-то будетъ завтра.

2-й солдатъ.

Вся наша будущность рѣшится. Ну прощай.
Ты ничего вдоль улицъ не слышалъ?

1-й солдатъ.

Нѣтъ. Что такое?

2-й солдатъ.

Быть можетъ, только слухи. Доброй ночи.

1-й солдатъ.

Спасибо. Доброй ночи.

(Входятъ еще два солдата).

2-й солдатъ.

Солдаты, будьте чутки на часахъ,

3-й солдатъ.

Вы тоже. Доброй ночи, доброй ночи.

(Два первыхъ становятся на свои мѣста).

4-й солдатъ.

Намъ здѣсь, *(становятся на мѣста)*, а завтра, если только флоту

Удача будетъ, я вполне увѣренъ,
На сушѣ постоять.

3-й солдатъ.

Лихое войско —

И полное надеждъ. *(Подъ сценой слышна музыка гобоевъ).*

4-й солдатъ.

Постой! что тамъ за шумъ?

1-й солдатъ.

Чу! чу!

2-й солдатъ.

Слышь!

1-й солдатъ.

То музыка въ воздухѣ.

3-й солдатъ.

Нѣтъ, подь землю.

4-й солдатъ.

Хорошій знакъ, какъ полагаешь?

3-й солдатъ.

Нѣтъ.

1-й солдатъ.

Тссъ.... говорятъ вамъ. Что-то это значить?

2-й солдатъ.

Богъ Геркулесъ, Антоніемъ любимый,
Съ нимъ расстаётся.

1-й солдатъ.

Пойдемъ: узнаемъ, слышали ль другіе,
То, что и мы. *(Они идутъ къ другимъ часовымъ).*

2-й солдатъ.

Гей, вы ребята!

Всѣ.

Гей, гей,

Гей, гей, вы слышали? *(говорятъ между собой).*

1-й солдатъ.

Да, это что-то странно.

3-й солдатъ.

Вы слышите, вы слышите, друзья?

1-й солдатъ.

Пойдемъ за звукомъ вдоль своихъ постовъ,
Посмотримъ, что-то будетъ.

Всѣ.

Точно, странно.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же, комната во дворцѣ.

(*Входятъ Антоній, Клеопатра, Хармианъ и другіе слуги*).

АНТОНІЙ.

Эросъ! мой панцырь!

КЛЕОПАТРА.

Отдохни немножко!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, голубка. Эросъ! панцырь, Эросъ!

(*Входитъ Эросъ съ панцыремъ*).

Поди-ка другъ и въ сталь меня *) одѣнь,
Коль нынѣ бросить насъ фортуна, то
За непочетъ къ ней. — Дай!

КЛЕОПАТРА.

Я помогу.

Куда вотъ это?

АНТОНІЙ.

Ахъ, оставь! оруженосецъ
Ты сердца моего — не такъ, — такъ, — такъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ помогла! Такъ быть должно.

АНТОНІЙ.

Прекрасно;

Теперь мы молодцы. Товарищъ, видишь?
Ступай и ты вооружись.

ЭРОСЪ.

Сейчасъ.

КЛЕОПАТРА.

Что, дурно застегнула?

*) Въ прежнихъ издавіяхъ: thine, у Колера: mine.

Антоній.

Славно, славно

Кто разстегнетъ вотъ это, прежде чѣмъ
Сниму его на отдыхъ, встрѣтитъ бурю.
Ты Эросъ, плохъ; моя царица лучше
Тебя, оруженосецъ. Ну! — О другъ мой!
Когда бъ могла меня ты видѣть въ битвѣ,
И въ этомъ царскомъ дѣлѣ знала толкъ,
Сказала бъ нынче ты «вотъ мастеръ».

*(Входитъ начальникъ въ полномъ воору-
женіи).*

Здравствуй!

На видъ одинъ, ты опытный боецъ:
Встаемъ съ зарей на милую работу
И весело идемъ къ ней.

Начальникъ.

Какъ ни рано,

А тысячи стоятъ уже въ бронѣ,
На берегу и ждутъ тебя. *(Клики, звуки трубъ).*
(Входятъ начальникъ и солдаты).

2-й начальникъ.

Какое утро! Съ добрымъ утромъ, вождь!

Всѣ.

Вождь, съ добрымъ утромъ.

Антоній.

Славный звукъ ребяга!

Какъ юный умъ, который хочетъ быстро
Развиться, — утро рано началось,
Такъ, такъ; подай сюда вотъ; — хорошо.
Прощай подруга: будь со мной, что будетъ,
Прими лобзанья вошна. Теперь *(цалуетъ ее)*
Мнѣ было бъ стыдно, совѣстно съ тобой
Въ любезности пускаться. Я прощусь,
Какъ человѣкъ стальной. Кто хочетъ въ битву
Иди за мной! Введу въ нее. Прощай!

*(Уходятъ Антоній, Эросъ, начальникъ
и солдаты).*

ХАРМИАНЪ.

Угодноль въ вашу комнату?

КЛЕОНАТРА.

Пойдемъ.

Ушелъ героемъ. Еслибъ онъ да Цезарь
Теперь войну рѣшили поединкомъ!

Тогда бѣ Антоній, — нѣтъ ужъ, — пусть! пойдёмъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Лагерь Антонія у Александрии.

(Звукъ трубъ. Входятъ Антоній и Эросъ, на встрѣчу имъ выходитъ солдатъ.)

СОЛДАТЪ.

Антонию дай Богъ сегодня счастья!

АНТОНІЙ.

Когда бѣ тебя, и ранъ твоихъ тогда
Послушалъ я, да вышелъ въ поле

СОЛДАТЪ.

То бы

Возставшіе теперь царя и воинъ
Оставившіи тебя сегодня, шли
Еще съ тобой.

АНТОНІЙ.

Кто жъ насъ оставилъ?

СОЛДАТЪ.

Кто?

Тебѣ ближайшій: кликну Энобарба,
Онъ не услышитъ иль во станѣ вражемъ
Отвѣтитъ: «я не твой».

АНТОНІЙ.

Да что ты?

СОЛДАТЪ.

ОНЪ

У Цезаря.

ЭРОСЪ.

Онъ ящиковъ съ богатствомъ
Своимъ не бралъ.

АНТОНІЙ.

Ушелъ онъ?

СОЛДАТЪ.

Несомнѣнно.

АНТОНІЙ.

Пошли къ нему его богатства, Эросъ
Все до соринки, слышишь! передай
(Я подпишусь) привѣтъ и благодарность:
Скажи, что я желаю, чтобы онъ
Ужъ болѣе не находилъ причинъ
Мѣнять вожда. О! жребій мой ты портишь
И честныхъ. Торопись же. Энобарбъ!

СЦЕНА. VI.

Лагерь Цезаря передъ Александріей.

(Звукъ трубъ. Входятъ Цезарь съ Агриппой, Энобарбъ и другіе).

ЦЕЗАРЬ.

Ступай Агриппа, битву самъ начни.
Хочу чтобъ былъ Антоній взятъ живымъ.
Такъ ты и объяви.

АГРИППА.

Исполню Цезарь.

(Агриппа уходитъ).

ЦЕЗАРЬ.

Всеобщій миръ уже не далеко:
Удайся нынѣ — и три части свѣта
Украсятся оливою свободы.

(Входитъ встникъ).

ВѢСТНИКЪ.

Антоній въ полѣ.

ЦЕЗАРЬ.

Передай Агриппѣ:

Перебѣжавшихъ выставить впередъ,
Чтобы Антоній злость свою излилъ
Какъ-будто на себя же.

(Уходитъ Цезарь со свитой).

ЭНОБАРЬ.

Алексаъ измѣнилъ. Въ землѣ Еврейской
Антоніевъ посолъ, уговорилъ
Онъ Ирода Антонія оставить
Для Цезаря. За этотъ трудъ повѣшенъ
Онъ Цезаремъ. Конидій и другіе
Измѣнники — имѣютъ сдержанье,
А не почетъ. Я сгзерино поступилъ
И такъ за то клянусь себя, что мнѣ
Ничто не мило.

(Входитъ солдатъ Цезаря).

СОЛДАТЪ.

Энобарбъ! Антоній

Прислалъ тебѣ богатства всѣ твои
Съ своимъ привѣтомъ: посланный его
Нашелъ меня; онъ у твоей палатки
Муловъ развьючилъ.

ЭНОБАРЬ.

Все тебѣ дарю.

СОЛДАТЪ.

Не смѣйся надо мною Энобарбъ
Я правду говорю. Ты проводи
Погощника за лагерь; мнѣ на службу,
А то бъ я самъ провель. Вашъ повелитель
Все истинный Зевесъ.

(Солдатъ уходитъ).

ЭНОБАРЬЪ.

Нѣтъ на землѣ безчестнѣе меня,
 Я въ этомъ убѣдился. О Антоній!
 Источникъ доброты, какъ бы воздалъ
 Ты честной службѣ, ежели и подлость
 Засыпалъ золотомъ! Изныло сердце
 И коль оно не лопнетъ съ горя, горю
 Я подсоблю; — убьетъ и горе — правда.
 Противъ тебя мнѣ драться? Нѣтъ канаву
 Сыщу, чтобъ умереть въ ней: чѣмъ грязнѣй,
 Тѣмъ моему приличнѣе постушку.

СЦЕНА VII.

Поле битвы между обоими лагерями.

(Крикъ. Барабаны и трубы. Входитъ Агриппа и другіе).

АГРИППА.

Назадъ! Мы слишкомъ зарвались впередъ.
 И Цезарю работа есть: ихъ натискъ
 Всѣ наши ожиданья превзошелъ.

(Уходитъ).

(Крикъ. Входитъ Антоній и Скаръ раненый).

СКАРЪ.

Мой храбрый повелитель! вотъ такъ бой!
 Дерись мы такъ сперва, мы бъ ихъ прогнали
 Съ пробитыми башками.

АНТОНІЙ.

Ты въ крови?

СКАРЪ.

Была на I моя похожа рана,
 А вышелъ N теперь.

АНТОНІЙ.

Они бѣгутъ.

С К А Р Ъ .

Мы ихъ загонимъ въ норы. У меня
Еще царянинъ на шесть мѣста хватитъ.
(Входитъ Эросъ).

Э Р О С Ъ .

Они разбиты. Нашъ усѣхъ привелъ
Къ побѣдѣ свѣтлой.

С К А Р Ъ .

Въ спину ихъ луны
И догоняй какъ зайцевъ. Трусовъ гнать
Забава.

А Н Т О Н И Й .

Награжу тебя сперва
За добрыя слова и въ десять разъ
За доблести. Пойдемъ.

С К А Р Ъ .

Я ползетусь.

С Ц Е Н А V I I I .

Подъ стѣнами Александрии.

(Крики. Входитъ Антоній маршемъ, Скаръ и войска).

А Н Т О Н И Й .

Мы въ лагерь ихъ прогнали. Побѣгите
Нашъ подвигъ возвѣститъ царяцѣ. Завтра,
До восхода солнца, выпустимъ ту кровь,
Что имъ пришлось спасти сегодня. Всѣхъ
Благодарю за храбрость. Вы сражались
Не только въ пользу дѣла, но какъ-будто
Всякъ за себя. Всѣ Гекторами были.
Войдите въ городъ: женъ обнять, друзей,
Въ веселіи. Пусть радостныя слезы
Омоютъ вашу кровь, а поцалун
Залечать раны чести. *(Скару)* Дай мнѣ руку.
(Входитъ Клеопатра со свитой).

Великой Фен ласки, мой герой,
Тебя благословятъ. О солнце міра!
Ко мнѣ на шею, и во всемъ нарядѣ
Сквозь панцырь мой на сердце мнѣ: скакать
На радостныхъ біеньяхъ.

КЛЕОПАТРА.

Вожь вождей!

О доблесть! Ты смѣешься, — избѣжавъ
Великой сѣти міра.

Антоній.

Соловей мой,

Мы ихъ угнали спать! Дня мое!
Пусть сѣдна есть въ чернотѣ у насъ,
Но мозгъ еще питаетъ нервы, такъ
Что съ юными поспоритъ. Видишь вотъ онъ.
Его устамъ дай руку ты свою.
Цалуй мой храбрый. Нынѣ онъ сражался
Какъ-будто богъ, враждебный людямъ, бьетъ
Ихъ въ образѣ его.

КЛЕОПАТРА.

Тебѣ я, другъ,

Дамъ панцырь весь изъ золота. Онъ царскій.

Антоній.

Онъ заслуженъ, хоть будь онъ изъ рубиновъ,
Какъ колесница Феба. Дай мнѣ руку.
Торжественно войдемъ въ Александрію,
Впередъ нашъ щитъ изрубленный несите,
Какъ подобаетъ. Помѣстись мы всѣ
Въ большомъ дворцѣ, — поужинали бъ вмѣстѣ
И выпили бъ за завтрешній успѣхъ,
Опасностью манящій царской. Трубачи,
Будите ревомъ мѣди слухъ гражданъ,
Сливайте трескъ свой съ дробью барабанной,
Пусть вамъ земля и небо отвѣчаютъ
Привѣтствіемъ на наше приближеніе.

СЦЕНА IX.

Лагерь Цезаря.

(Солдаты на часахъ. Входитъ Энобарбъ).

1-й солдатъ.

Коль насъ не смѣнять въ этотъ часъ, то мы
Вернемся къ караулу. Ночь ясна.
И говорятъ, что во второмъ часу
Утра начнется бой.

2-й солдатъ.

Вчера для насъ
Былъ тяжкій день.

Энобарбъ.

О! ночь, услышь меня!

3-й солдатъ.

Кто этотъ человѣкъ?

2-й солдатъ.

Молчи и слушай.

Энобарбъ.

Свидѣтельствуй, о мѣсяцъ благосклонный!
Когда съ презрѣньемъ будутъ поминать,
Измѣнниковъ, что бѣдный Энобарбъ
Раскаялся, какъ видишь.

1-й солдатъ.

Энобарбъ!

3-й солдатъ.

Тссъ! — слушай дальше.

Энобарбъ.

О мощная владычица печали!
Обдай меня зловѣщимъ паромъ ночи,
Чтобъ эта жизнь, враждебная желанью,
Меня не тяготила больше: сокруши

Мнѣ сердце о скалу моеѣ вины,
 Пускай тоска его разсыплетъ въ прахъ
 И съ нимъ все зло исчезнетъ. О Антоній!
 Ты столько же высокъ, какъ низокъ я,
 Прости меня въ душѣ своей, и пусть
 Меня включаетъ свѣтъ въ презрѣнный списокъ
 Измѣнниковъ и бѣглецовъ,
 Антоній! О Антоній!

(Умираетъ).

2-й солдатъ.

Пойдемъ, поговоримъ мы съ нимъ.

1-й солдатъ.

Нѣтъ, слушай: рѣчь его важна быть можетъ
 Для Цезаря.

3-й солдатъ.

И то. Да онъ уснулъ.

1-й солдатъ.

Не обмеръ ли? Молиться такъ нельзя
 На сонъ грядущій.

2-й солдатъ.

Подойдемъ къ нему.

3-й солдатъ.

Проснись, проснись, промолви слово!

2-й солдатъ.

Слышишь?

1-й солдатъ.

Его постигла смерть. Слышь! барабаны
 Сурово будятъ спящихъ. Въ караулъ
 Снесемъ его. Онъ не простой: свой часъ
 Уже мы отстояли.

3-й солдатъ.

Такъ поидемъ,

Быть можетъ онъ охнется.

(Уходятъ, унося труны).

СЦЕНА X.

Между двумя лагерями.

(Входитъ Антоній и Скаръ съ войсками).

Антоній.

Они готовятъ бой морской: мы имъ
Не правимся на сушѣ.

Скаръ.

Тамъ и здѣсь.

Антоній.

Пусть вызовутъ на воздухъ, или въ огонь
И тамъ сразимся съ ними. Только вотъ что:
На пригородныхъ мы холмахъ должны;
Оставить пѣшихъ съ нами (флоту отданъ
Приказъ, и онъ изъ пристани пошелъ);
Съ холмовъ замѣтнѣй положенье ихъ
И видны всѣ движенья.

(Уходятъ. Входитъ Цезарь съ своими войсками).

Цезарь.

Не нападутъ, такъ должно намъ стоять
На сушѣ смирно: лучшей свой народъ
Они во флотъ послали. Вы ступайте
Въ долины и держитесь крѣпче тамъ.

(Уходятъ. снова входятъ Антоній и Скаръ).

Антоній.

Не встрѣтились еще. Вонъ изъ подъ той
Сосны увижу все и расскажу,
Что видѣлъ.

(уходитъ.)

С К А Р Ъ .

Ласточки навили

Гнѣздъ въ парусахъ у Клеопатры; наши
 Авгуры мрачны, — говорятъ: не знаемъ —
 И не хотятъ намъ говорить. Антоній
 Отваженъ и уныль; онъ въ шаткомъ счастьи
 Межъ страхомъ и надеждой передъ тѣмъ,
 Что есть и что возможно.

(Крики вдали, какъ бы отъ морскаго сраженія. Входитъ Антоній).

Антоній.

Все пропало!

Злодѣйка Египтянка измѣнила;
 Мой флотъ передался врагу; и вошь
 Они кидаютъ шапки, какъ при встрѣчѣ
 Съ давишими друзьями. Трижды шельма!
 Я проданъ новичку! И я въ душѣ
 Враждую лишь съ тобой. Пусть всѣ бѣгутъ.
 Я отомщу коварной чародѣйкѣ
 И кончу. Всѣмъ вели бѣжать; — ступай.

(Скаръ уходитъ).

О! солнце, мнѣ тебя ужъ не видать.
 Со счастьемъ здѣсь Антоній разстается.
 И руку жметъ ему. Какъ это случилось?
 У ногъ моихъ лежавшія сердца
 Любимцевъ измѣнили мнѣ и таютъ
 Предъ Цезарскимъ разцвѣтомъ; оголили
 Сосну, царившую надъ всѣми. Проданъ я.
 О лживый духъ Египта! сила чарь!
 Твои глаза меня кидали въ битву;
 Мнѣ грудь твоя была вѣнцомъ и цѣлю,
 Но какъ цыганка ты играла мной
 И обманула, пресытивъ несчастьемъ.
 Гей! Эросъ, Эросъ!

(Иходитъ Клеопатра).

А, колдунья! Прочь!

Клеопатра.

Что такъ мой другъ на милую взбѣшенъ?

АНТОНІЙ.

Прочь, или я съ тобою разплачусь
 И Цезарю триумфъ разстрою. Пусть онъ
 Ликующимъ тебя плебеямъ кажетъ;
 Ступай за колесницей, какъ пятно
 Веѣмъ женщинамъ. Пусть смотрятъ на тебя
 Какъ на чудовище, за грошъ, и пусть
 Смиренная Октавія изрѣжетъ
 Тебѣ лице погтями.

(Клеопатра уходитъ).

Хорошо,

Что ты ушла, коль точно хорошо
 Чтобъ ты жила, но лучше бы тебѣ
 Поднасть подъ гнѣвъ мой, тутъ бы смерть одна
 Спасла тебя отъ многихъ. Эросъ, гей!
 На мнѣ рубашка Несса. Научи
 Меня Алкидъ, мой предокъ, ярой злобѣ,
 Дай на луну мнѣ зашвырнуть Ликаса
 И дай рукой, привычной къ булаваѣ,
 Не пощадить себя. Колдуныѣ смерть!
 Я римскому мальчишкѣ ея продаю
 И гибну такъ. За то и смерть ей. Эросъ!

(Уходитъ).

СЦЕНА XI.

Александрія, комната во дворцѣ.

(Входятъ Клеопатра, Хармианъ, Ира и Мардіанъ).

КЛЕОПАТРА.

О помогите! Злѣй онъ чѣмъ Аяксъ
 Былъ надъ щитомъ; — и Оссалійскій венръ
 Такъ не былъ лютъ.

ХАРМИАНЪ.

Вотъ памятникъ! Заприся —
 И вѣсть ему пошли, что ты скопчалась.
 Душѣ разетаться съ тѣломъ легче, чѣмъ
 Съ величемъ.

КЛЕОПАТРА.

Въ памятникъ! Ты Мардіанъ

Скажи, что я себя лишила жизни

И что послѣдній зовъ мой былъ: Антоній!

Прошу, ты это погрустиѣй скажи.

Дай Мардіанъ мнѣ знать, какъ приметъ онъ

Мою кончину. Въ памятникъ скорѣй!

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА XII.

Тамъ же, другая комната.

(Входитъ Антоній и Эросъ).

Антоній.

Еще меня ты видишь, Эросъ?

Эросъ.

Впью.

Антоній.

Порой, намъ туча кажется дракономъ

Иль облако порой медвѣдемъ, львомъ,

Градской стѣной, наклонною скалой,

Зубчатой голубою цѣпью горъ,

Съ деревьями, — одинъ обманъ воздушный

Для глазъ: ты призраки видалъ такіе

Въ вечерній сумракъ?

Эросъ.

Да, мой повелитель.

Антоній.

То, что сейчасъ конемъ казалось, въ мигъ

Распылось въ облакахъ, и незамѣтно

Какъ на водѣ вода.

Эросъ.

Да, точно такъ.

Антоній.

Мой добрый Эросъ, вотъ начальникъ твой
 Такой же призракъ: я еще Антоній,
 Но видимый свой образъ не могу.
 Я болѣе удерживать, мой другъ,
 Я бился за Египеть; а царица....
 Я вѣрилъ ей, я сердце отдалъ ей,
 Съ ней вмѣстѣ шли за мною милліоны,
 Теперь отпавшихъ: Эросъ, а она
 Смѣшала карты съ Цезаремъ и славу
 Мою, его триумфу проиграла.
 Не плачь мой Эросъ! Мы еще съ собою
 Покончимъ самп. О безстыдница твоя!

(Входитъ Мардіанъ).

Она мой мечъ украла.

Мардіанъ.

Нѣтъ, Антоній;

Она тебя любила и связала
 Свою судьбу съ твоей.

Антоній.

Прочь, наглый эвнухъ!

Я проданъ и за то она умереть.

Мардіанъ.

Долгъ смерти можно только разъ отдать;
 Она сдала свой. Замысль твой исполнень
 Ея рукой. Последнія ея
 Слова: «Антоній! дивный мой Антоній»!
 Тутъ тяжкій вздохъ прервалъ внезапно пня
 Антонія, — она его дѣла
 Межъ сердцемъ и устами, схоронила
 Въ себѣ.

Антоній.

Такъ умерла?

Мардіанъ.

Да, умерла.

АНТОНІЙ.

Снимай съ меня оружье, Эрось. Трудъ
 Дневной поконченъ; — спать пора. — Что цѣль
 Уйдешь, тебѣ богатая награда
 За трудъ твой. Вонъ, — ну — убирайся! — вонъ!

(Мардианъ уходитъ).

И щить Аякса, о семи листахъ,
 Не спасъ бы сердца моего отъ бури.
 О! лопни грудь! Ты сердце разорва
 Свой углый склепъ. Скорѣ Эрось! я
 Уже не воинъ: прочь уборъ измятый,
 Ты съ честью мнѣ служилъ. Уйди на время.

(Эросъ уходитъ).

Тебя я Клеопатра догоню.
 Чтобъ выплакать прощенье. Рѣшено. —
 Отсрочка — мука. — Свѣточъ твой угасъ;
 Усни и успокойся. Всякій трудъ
 Теперь лишь порча; да — всю силу свяжутъ
 Усилья. Запечаталъ и покончилъ.
 Эрось! — иду царица! — Эрось! — Жди!
 Въ садахъ блаженныхъ мы рука съ рукой
 Пойдемъ и намъ дивиться стануть духи.
 Эней съ Дидоной будетъ позабытъ
 И все столжится къ намъ. Гей! Эрось! Эрось!

Эрось.

Что повелитель?

АНТОНІЙ.

Съ смерти Клеопатры
 Такъ жизнь моя безчестна, что богамъ
 Моя противна низость. Я, — мечемъ
 Дѣлившій свѣтъ и на хребтѣ Нептуна
 Сдвигавшій города судовъ, — смущень
 Отвагой женской. Я слабѣ той,
 Въ чьей смерти Цезарь услыхалъ: «сама
 Себя я побѣдила». Эрось ты
 Клялся; когда придетъ нужда, (она
 Теперь пришла) когда я за собой

Отд. I.

12

Увижу неизбежную погоню
 Бѣды и страха, — ты по первой просьбѣ
 Убьешь меня. Исполни жь, часъ насталъ.
 Ударъ не мнѣ, то Цезарю ударъ,
 Ты не бѣднѣй.

Эросъ.

Да возбранять мнѣ боги!
 То сдѣлать, что всѣ дротики Парейнъ
 Желая сдѣлать не сдумѣли.

Антоній.

Эросъ!

Хотѣлъ ли бь видѣть, въ Римѣ изъ окна,
 Ты господина своего въ цѣпяхъ,
 Съ поникшей головой, съ лицомъ, покрытымъ
 Огнемъ стыда, межъ тѣмъ какъ передъ нимъ
 Счастливый Цезарь, съ колесницы, трусость
 Его клеймилъ?

Эросъ.

Нѣтъ не хотѣлъ бы видѣть.

Антоній.

Ну! — твой одинъ ударъ меня излечилъ.
 Вынь честный мечъ, которымъ ты отчизнѣ
 Полезенъ былъ.

Эросъ.

Нѣтъ, пощади меня.

Антоній.

Когда тебѣ я волю далъ, ты это
 Исполнить, не клялся ль, когда скажу?
 Исполни же, иль вся бывая служба
 Твоя одна случайность. Вынь свой мечъ.

Эросъ.

Такъ отверни же отъ меня лице:
 Я въ немъ еще кумпръ вселенной вижу,

АНТОНІЙ.

Такъ ну же (*отворачивается отъ него*).

Эросъ.

Мечъ обнаженъ.

АНТОНІЙ.

Исполни жъ разомъ то,
За чѣмъ его извлекъ.

Эросъ.

Мой добрый вождь,
Мой господинъ, мой повелитель, дай мнѣ,
Пока не палъ ударъ, сказать прости.

АНТОНІЙ.

Ужъ ты его сказалъ; прощай и ты.

Эросъ.

Прости мой вождь. Ударить что ль?

АНТОНІЙ.

Ну, Эросъ!

Эросъ.

Вотъ же: (*падаетъ на свой мечъ*), Антоніи смерти не увижу
Твоей.

АНТОНІЙ.

Меня ты втрос благороднѣй!
 Ты храбрый Эросъ указалъ мой долгъ,
 Тебѣ столь тяжкій. Эросъ и царица
 Своей отвагой превзойдутъ меня
 Въ преданьяхъ славы: но пойду теперь
 На встрѣчу смерти, какъ женихъ, и лягу
 Какъ бы на ложе милой. Видишь Эросъ,
 Твой вождь умретъ твоимъ ученикомъ.
 Ты научилъ (*падаетъ на свой мечъ*). Какъ! нѣтъ?
 не умерь я?

Гей, стража! приколите!

(Входитъ Держецъ и стража).

1-й СТРАЖЪ.

Что за шумъ?

АНТОНІЙ.

Друзья, я худо началъ дѣло; вы
Докончите его.

2-й СТРАЖЪ.

Звѣзда скатилась.

1-й СТРАЖЪ.

И часъ его пробилъ.

Всѣ.

Увы! о горе!

АНТОНІЙ.

Кто преданъ мнѣ, убей меня.

1-й СТРАЖЪ.

Не я.

2-й СТРАЖЪ.

Да и не я.

3-й СТРАЖЪ.

Да и никто изъ насъ.

(Стража уходитъ).

ДЕРЦЕТЪ.

Твой рокъ и смерть всѣхъ приближенныхъ гонять.
Снеси я къ Цезарю вотъ этотъ мечъ и вѣсть,
Къ нему войду я въ милость.

(Входитъ Диомедъ).

ДИОМЕДЪ.

Гдѣ тутъ Антоній?

ДЕРЦЕТЪ.

Здѣсь. Диомедъ, вотъ здѣсь.

ДІОМЕДЪ.

Онъ живъ?

Что жъ ты отвѣта не даешь?

(Держитъ уходитъ).

АНТОНІЙ.

Ты ль Діомедъ? Своимъ мечемъ меня
Ты приколи.

ДІОМЕДЪ.

Великій повелитель

Меня къ тебѣ послала Клеопатра.

АНТОНІЙ.

Давно ль послала?

ДІОМЕДЪ.

Тотчасъ.

АНТОНІЙ.

Гдѣ она?

ДІОМЕДЪ.

Въ свой памятникъ ушла. Невольный страхъ
Предрекъ ей все, что быть должно. Замѣтивъ,
(Хоть это все несбыточно), что ты
Ее въ сношеньяхъ съ Цезаремъ считаешь
И бѣспшсья — она тебѣ о смерти
Своей послала вѣсть; но устрасась
Ея послѣдствій, шлетъ меня сказать
Всю правду. Да боюсь, пришелъ я поздно.

АНТОНІЙ.

Да поздно Діомедъ. Покличь мнѣ стражу.

ДІОМЕДЪ.

Гей! стража полководца! — стража! Гей!

Сюда! — начальникъ васъ зоветъ.

(Входитъ стража).

Антоній.

Меня, друзья, снесите къ Клеопатрѣ.
Въ послѣдній разъ прошу у васъ услуги.

1-й стражъ.

О! горе намъ, что ты не пережилъ
Всѣхъ вѣрныхъ слугъ своихъ.

Всѣ.

Ужасный день!

Антоній.

Нѣтъ, добрые друзья, — судьбѣ жестокой
Не льстите вашимъ горемъ; пусть она идетъ
Насъ наказать, — а мы ее накажемъ
Тѣмъ, что легко все стерпимъ. Подымите
Меня. Я часто васъ друзья водилъ;
Теперь меня снесите и примите
Мою признательность за все.

(Уходятъ, унося Антонія).

СЦЕНА XIII.

Тамъ же памятникъ.

(На вергу появляется Клеопатра, Хармианъ и Ира.)

КЛЕОПАТРА.

О Хармианъ! отсюда я не выйду.

ХАРМИАНЪ.

Царица, успокойся.

КЛЕОПАТРА.

Никогда!

Всѣмъ горестямъ и ужасамъ я рада
И горекъ мнѣ покой. Моя печаль
Съ причиною соразмѣрна — какъ она
Должно быть велика. Что? умеръ онъ?

ДИОМЕДЪ.

Ужъ смерть надъ нимъ, но все не умеръ онъ.
Ты съ памятника можешь видѣть: стража
Съ той стороны сюда его несетъ.

(Внизу стража вноситъ Антонія).

КЛЕОПАТРА.

О солнце!

Сожги свой ясный кругъ! оставь во тьмѣ
Вселенную. Антоній! о Антоній!

На помощь Харміань! на помощь Ира!

(Внизу столицемъ).

Друзья, поднять его намъ помогите.

АНТОНІЙ.

Тише!

Не Цезаремъ Антоній побѣжденъ,
Самъ надъ собой Антоній торжествуетъ.

КЛЕОПАТРА.

Такъ быть должно: Антонія сразить
Лишь могъ Антоній, по увѣ! зачѣмъ же!

АНТОНІЙ.

Слабью, Египтянка, умираю,
Но мигъ прошу у смерти, чтобъ изъ тысячъ
Еще послѣдній, бѣдный поцалуй
Отдать твоимъ устамъ.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, я не смѣю
(Прости мой добрый другъ) боюсь, меня
Поймають: нѣтъ, не будетъ украшаться
Мной торжество у Цезаря счастливца;
Пока у яда, у ножа, у змѣй
Есть сила, или жало — я свободна!
Октавія, съ холодностью въ очахъ
И скромностью, — не доживетъ до чести
Смѣяться мнѣ. Сюда, сюда Антоній!
Подруги помогите мнѣ его
Поднять *(внизъ)* и вы.

АНТОНІЙ.

Скорѣй, не то умру.

КЛЕОПАТРА.

Какъ трудно *). Какъ ты сталъ тяжелъ, мой другъ.
 Вся наша сила въ горе перешла
 И вотъ намъ тяжело: будь я Юноной
 Тебя бь Меркурій крѣпкокрылый поднялъ
 И посадилъ съ Зевесомъ. Ближе, ближе!
 Глупъ, кто желаетъ. О скорѣй, скорѣй

(Они подымаютъ Антонія на сержъ).

Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь, умри теперь, гдѣ жилъ.
 Очнись въ лобзаньяхъ: будь онѣ цѣлебны,
 Я бь усть не пощадила.

Всѣ.

Грустный видъ.

АНТОНІЙ.

Я умираю, другъ мой, умираю:
 Дай мнѣ вина, чтобъ могъ я говорить.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, говорить позволь мнѣ и Фортуну
 Бранить, пока со злости колеса
 Она не сломить.

АНТОНІЙ.

Другъ, одно лишь слово:
 Ввѣрь Цезарю и честь и счастье. О!

КЛЕОПАТРА.

Двѣ вещи несомѣстныхъ.

АНТОНІЙ.

Слушай другъ мой:
 У Цезаря вѣръ только Прокулею.

КЛЕОПАТРА.

Отвагѣ и рукѣ своей я вѣрю,
 А не придворнымъ Цезаря.

*) Въ прежнихъ изданіяхъ sport шутка, у Колльера port тяжесть.

АНТОНІЙ.

О горестной судьбѣ моей и смерти
 Не сокрушайся, лучше вспомниай
 Мое бывшее счастье, когда
 Я былъ первѣйшимъ властелиномъ міра
 И благороднѣйшимъ; да и умру
 Не подло: предъ согражданиномъ снялъ
 Я шлемъ и Римляниномъ Римлянинъ
 Былъ побѣжденъ. Мой отлетаетъ духъ
 Я не могу.

(Умираетъ).

КЛЕОПАТРА.

Великій мужъ, ты умеръ?
 Тебѣ не жаль меня? иль мнѣ остаться
 Во мрачномъ мірѣ? безъ тебя онъ мнѣ
 Не лучше стояла! Видите подруги
 Вѣнецъ земли разсыпался. Мой другъ!
 Увы! исчезъ военный лавръ и знамя
 Утрачено: мальчишки и дѣвчонки
 Съ мужчинами равны; отличья нѣтъ,
 И ничего достойнаго не видитъ
 Уже луна.

(Падаетъ въ обморокъ).

ХАРМИАНЪ.

Царица, успокойся.

ИРА.

Да и она скончалась.

ХАРМИАНЪ.

О!

ИРА.

Царица!

ХАРМИАНЪ.

О госпожа!

И РА.

Владычица Египта!

Императрица!

ХАРМИАНЬ.

Тише, тише, Ира!

КЛЕОПАТРА.

Не болѣе какъ женщина; и горю
Подвластна, какъ доющая служанка
И въ самой низкой должности. Готова
Теперь швырнуть я скипетръ злымъ богамъ,
Сказавъ, что міръ былъ міру ихъ подобенъ
Пока они алмазь нашъ не украли.
Все вздоръ: терпѣнье глупость, нетерпѣнье
Прилично бѣшеной собакѣ: чтожъ, грѣшно
Врыватьсѣ къ смерти въ тайный домъ, пока
Она къ намъ не придетъ? Какъ ваше мнѣнье?
Что, что? не бойтесь! Что ты Хармиань!
Мои подруги! Видите ль подруги!
Нашъ свѣтъ угасъ (*стражкъ внизу*). Друзья! скрѣпите
сердце;
Его мы похоронимъ съ полной честью
По Римскому обряду, чтобы смерть
Гордилась нашей встрѣчею. Пойдемъ:
Великій духъ, твой домъ захламлять.
Пойдемте! — есть отрада для сердець —
Рѣшимость и немедленный конецъ.

А К Т Ъ V.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря передъ Александріей.

(Входятъ Цезарь, Атриппа, Долабелла, Меценатъ, Галль, Прокутей и друг.)

Цезарь.

Скажи ты Долабелла, чтобы онъ сдался;
Вѣдь это все напрасно, — да скажи,
Что вѣрно на смѣхъ намъ такъ медлить онъ.

ДОЛАБЕЛЛА.

Сейчасъ отправлюсь Цезарь.

*(Долабелла уходитъ).**(Входитъ Дерцетъ съ мечемъ Антонія).*

ЦЕЗАРЬ.

Что это значить? Кто ты, что дерзнулъ
Къ намъ такъ войти?

ДЕРЦЕТЪ.

Меня зовутъ Дерцетомъ.

Антонію служилъ я; стоилъ онъ
Хорошихъ слугъ. Пока онъ могъ стоять
И говорить, я жизни не щадилъ
Противъ его враговъ. Коль сонзволишь,
Прими меня къ себѣ; чѣмъ былъ ему,
Тѣмъ Цезарю я буду; — не угодно, —
Вотъ жизнь моя.

ЦЕЗАРЬ.

Что хочешь ты сказать?

ДЕРЦЕТЪ.

Сказать, о Цезарь! что Антоній умеръ.

ЦЕЗАРЬ.

Надломъ такой великой вещи громче
Раздаться долженъ. Содроганье свѣта
Должно бы львовъ по улицамъ погнать,
А гражданъ по вертенамъ. Не одинъ
Антоній умеръ: именемъ его
Полсвѣта звали мы.

ДЕРЦЕТЪ.

Онъ умеръ Цезарь.

Не отъ руки привычной палача,
Не отъ ножа убійцы; пѣтъ, рука,
Которой онъ чертилъ дѣлянъ славы,
Направлена отвагою сердечной,
Пронзила это сердце. Вотъ и мечъ,

Изъ раны я извлекъ его. На немъ
Слѣдъ благородной крови.

ЦЕЗАРЬ.

Вы печальны
Друзья. Да, эта вѣсть, клянусь, царей
Заставитъ плакать.

АГРИППА.

Странно, что природа
Въ насъ возбуждаетъ плачь надъ тѣмъ, чего
Мы добивались.

МЕЦЕНАТЬ.

По ровну въ немъ было
Добра и зла.

АГРИППА.

Подобный духъ еще
Не правилъ человѣкомъ; но, вы боги!
Вложили въ насъ большіе недостатки
Чтобы людьми насъ сдѣлать. Цезарь тронуть.

МЕЦЕНАТЬ.

Въ такомъ огромномъ зеркалѣ, конечно,
Себя онъ долженъ видѣть.

ЦЕЗАРЬ.

О, Антоній!

Я къ этому привелъ тебя; но мы
Взрѣзаемъ и болячки. Должно было,
Чтобъ день паденья моего ты видѣлъ,
Иль твой увидѣлъ я: обонмъ намъ
Быль тѣсенъ міръ. Теперь дай плакать мнѣ,
Какъ-будто кровью сердца плачу я,
Надъ тѣмъ, что ты, мой братъ, мой соревнитель,
Въ дѣлахъ высокихъ, ровня мой по власти,
Другъ и товарищъ предъ лицемъ войны,
Десница тѣла моего и сердце,

Которымъ я отогрѣвалъ свое,
 Что наши звѣзды такъ непримиримо
 Насъ раздѣлили. Слушайте, друзья:
 Нѣтъ, лучше расскажу въ другое время.

(Входитъ посланный).

И видъ его о вѣсти говорить.
 Послушаемъ, что скажетъ. Ты откуда?

Посланный.

Да бѣдный я Египтянинъ. Царица,
 Въ свой памятникъ сокрывшись подъ конецъ,
 Желаетъ знать намѣренья твои,
 Чтобы на все себя приготовить,
 Что ты рѣшишь.

Цезарь.

Скажи, чтобъ не боялась.

Я скоро дамъ ей знать черезъ своихъ,
 Какъ наше къ ней почтительно и кротко
 Рѣшеніе. Не можетъ Цезарь жить
 И быть жестокъ.

Посланный.

Такъ, будь хранимъ богами.

(Уходитъ.)

Цезарь.

Послушай, Прокулей, ступай, скажи:
 Ее стыдить мы не хотимъ; старайся
 Ее по мѣрѣ скорби утѣшать,
 Чтобы она великодушной смертью
 Не побѣдила насъ. Живая въ Римѣ
 Она составитъ вѣчный намъ триумфъ.
 Ступай, немедля принеси отвѣтъ
 И какъ се машель ты.

Прокулей.

Тотчасъ Цезарь.

(Уходитъ.)

ЦЕЗАРЬ.

Галль, ты ступай съ нимъ. Гдѣ же Долабелла,
Идти за Прокулеемъ?

Всѣ.

Долабелла!

ЦЕЗАРЬ.

Оставьте вы его; сейчасъ я вспомнилъ,
Зачѣмъ его послалъ: онъ скоро будетъ.
Пойдемъ въ палатку, докажу вамъ всѣмъ,
Какъ тяжело было мнѣ начать войну,
Какъ въ письмахъ я и вѣжливымъ и кроткимъ
Старался быть. Пойдемте всѣ за мной,
Все покажу, чѣмъ васъ увѣрить можно.

(Всѣ уходятъ),

СЦЕНА II.

Александрія. Комната въ памятникѣ.
(Входятъ Клеопатра, Хармианъ и Ира).

КЛЕОПАТРА.

Отчаянье мнѣ позволяетъ вновь
Покойнѣй видѣть жизнь. Какъ бѣденъ Цезарь!
Не бывъ фортуной, онъ лишь рабъ фортуны,
Слуга ея причудъ. Великій подвигъ
То сдѣлать, что кончаетъ всѣ дѣла,
Связуетъ рокъ, оказывается случай; —
Уснулъ и ужъ не хочется той грязи,
Которою и нищій сытъ и Цезарь.

*(Прокулей, Галль и солдаты подходятъ къ памятнику и останавливаются
у осери).*

ПРОКУЛЕЙ.

Отъ Цезаря Египетской царицѣ
Привѣтъ и просьба: обсуди, чѣмъ можетъ
Тебѣ служить онъ.

КЛЕОПАТРА.

Какъ тебя зовутъ?

ПРОКУЛЕЙ.

Мнѣ имя Прокулей.

КЛЕОПАТРА.

АНТОНІЙ МНѢ

Совѣтовалъ довѣриться тебѣ;
 Но мнѣ обманъ не страшенъ съ той поры,
 Какъ вѣрность мнѣ не въ пользу. Если вождь твой
 Царицу хочетъ видѣть попрошайкой,
 Скажи ему: величье не позволить
 Просить мнѣ меньше царства. Пусть отдастъ
 Онъ сыну моему Египетъ снова;
 Онъ дастъ мнѣ тѣмъ такъ много моего,
 Что преклоню колѣни.

ПРОКУЛЕЙ.

Будь покойна;

Ты въ царственныхъ рукахъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
 Вполнѣ довѣрься моему владыкѣ,
 Онъ полонъ такъ щедротъ, что ихъ на всѣхъ
 Несчастныхъ разливаетъ. Я ему
 Скажу, какъ ты смирилась; и тебя
 О томъ просить твой повелитель станетъ,
 Чего теперъ ты молишь на колѣняхъ.

КЛЕОПАТРА.

Скажи, что я, его покорна счастью,
 Въ немъ признаю владыку. Ежечасно
 Учусь повиновенью и желала бь
 Лицо его увидѣть.

ПРОКУЛЕЙ.

Передамъ,

Не безпокойся: жребій твой прискорбенъ,
 Я знаю, и виновнику его.

ГАЛЛЪ.

Ты видишь какъ легко ее схватить,

(Прокулей и два солдата влзаютъ на палатникъ по лестницѣ и окружаютъ Клеопатру. Солдаты отодвигаютъ засовы и открываютъ двери)

ИРА.

Царица! государыня!

ХАРМИАНЪ.

О, Клеопатра! Ты въ плѣну царица!

КЛЕОПАТРА.

Сжорѣй моя рука.

(Выхватываетъ кинжалъ!).

ПРОКУЛЕЙ.

(Хватаетъ и обезоруживаетъ ее). Стой, стой, царица!
Не наноси себѣ вреда; не предавь
Тебя, а спась я.

КЛЕОПАТРА.

Какъ, отъ смерти даже?
Собака, и тѣхъ она отъ мукъ спасаетъ

ПРОКУЛЕЙ.

Не избѣгай ты милостей вождя,
Самоубійствомъ: дай увидѣть свѣту
Все благородство дѣлъ его, ты ихъ
Своею смертью удержишь.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ ты, смерть?
Сюда, приди, приди, возьми царяцу,
Какъ женщинѣ да ребячь!

ПРОКУЛЕЙ.

О, успокойся!

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, я не буду ѣсть, не буду пить,
А ежели начнутъ пустые толки,
Не буду спать. Свой бранный домъ разрушу,
А Цезарь дѣлай, что онъ можетъ. Знай,
Я не пойду въ цѣпяхъ къ его двору,
Смущать не будетъ трезвыми очами

Октавія меня. Ужели мнѣ
 Посмѣшищемъ обрадованной черни
 Явится въ Римѣ? Лучше лечь въ Египтѣ
 Въ трясины! Лучше въ Нильскій иль меня
 Нагую бросьте, чтобъ отъ комаровъ
 Я вспухла безобразно! Лучше, сдѣлавъ
 Изъ пирамиды висѣлицу, вы
 Меня въ цѣпяхъ повѣсьте.

ПРОКУЛЕЙ.

Ты рисуешь

Въ ужасныхъ краскахъ все; но ждетъ тебя
 У Цезаря иное.

(Входитъ Долабелла.)

ДОЛАБЕЛЛА.

Прокулей,

Все, что ты сдѣлалъ, Цезарю извѣстно.
 Онъ за тобою шлетъ, а у царицы
 Я буду сторожить.

ПРОКУЛЕЙ.

Что жъ, Долабелла.

Я очень радъ. Повѣжливѣй съ ней будь. *(Клеопатрѣ.)*
 Я Цезарю скажу, чего ты хочешь,
 Коль довѣряешь мнѣ.

КЛЕОПАТРА.

Скажи, что смерти.

(Уходятъ Прокулей и солдаты.)

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица, ты слыхала про меня?

КЛЕОПАТРА.

Не знаю.

ДОЛАБЕЛЛА.

Вѣрю, ты меня ужъ знаешь.

КЛЕОПАТРА.

Слышала или знаю, все равно.
Смѣшно вамъ сны дѣтей или женщинъ слушать;
Не правда ли?

ДОЛАБЕЛЛА.

Я не пойму, царица.

КЛЕОПАТРА.

Мнѣ снилось, будто властвовала Антоній,
О! вновь бы сонъ такой, чтобы опять
Такого мужа видѣть!

ДОЛАБЕЛЛА.

Если хочешь....

КЛЕОПАТРА.

Былъ ликъ его подобенъ небу: въ немъ
Блистало солнце и луна, свѣтя
На крошку землю.

ДОЛАБЕЛЛА.

Мощное созданье.

КЛЕОПАТРА.

Ногами онъ шагаль за океанъ,
Его рука была короной міру *),
А голосъ чище всѣхъ поющихъ сферъ,
Но для друзей; когда жъ онъ имъ хотѣлъ
Потрясть испуганную землю, — то
Гремѣлъ какъ громъ. А доброта его —
Зимы не зная, знала только осень
Еще пышнѣй растущую отъ жатвъ.
Онъ въ радостяхъ напоминалъ дельфина,
Весь никогда не погружаясь въ нихъ;
Короны, царства, острова, какъ мелочь,
Онъ сыпалъ изъ кармановъ.

*) Геральдическое сравненіе взятое съ гербовъ, у которыхъ вмѣсто короны рука съ поднятымъ мечемъ.

ДОЛАБЕЛЛА.

Нѣтъ царица.

КЛЕОПАТРА.

Ты лжешь и оскорбляешь слухъ боговъ.
 Но если есть или былъ когда такой,
 То онъ превыше всякихъ сновъ: природа
 Всегда мечтамъ уступитъ; но создавъ
 Антонія, природа бьетъ мечтанья,
 Назвавъ тѣнями ихъ.

ДОЛАБЕЛЛА.

Позволь, царица,
 Какъ ты сама, велика скорбь твоя
 И ты несешь, какъ можешь, эту ношу;
 Но пусть ни въ чемъ успѣха не найду,
 Коль грусть твоя не перешла ко мнѣ
 До глубины души.

КЛЕОПАТРА.

Благодарю.

Ты знаешь ли что Цезарь мнѣ готовить?

ДОЛАБЕЛЛА.

Мнѣ тяжело объ этомъ сообщать.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, я прошу.

ДОЛАБЕЛЛА.

Какъ онъ ни благородень....

КЛЕОПАТРА.

Онъ хочетъ увести меня въ триумфъ?

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица, это мысль его, я знаю.

(За сценой.) Дорогу дайте! Цезарь!

(Входятъ Цезарь, Галлы, Прокулей, Меценатъ, Селевскъ и свита.)

ЦЕЗАРЬ.

Которая царица тутъ Египта?

ДОЛАБЕЛЛА.

Вотъ повелитель нашъ, царица.

(Клеопатра падаетъ на колѣни.)

ЦЕЗАРЬ.

Встань, не должна ты преклонять колѣнъ,
Прошу, царица, встань же, встань!

КЛЕОПАТРА.

Богамъ

Угодно, чтобы предъ своимъ владыкой
Смирилась я.

ЦЕЗАРЬ.

Не будь ты такъ мрачна.
О всѣхъ обидахъ, нанесенныхъ мнѣ,
Хотя и кровныхъ, я какъ о случайныхъ
Готовъ забыть.

КЛЕОПАТРА.

Единый царь земли!

Я дѣлъ своихъ не въ силахъ выставлять
Въ блестящемъ свѣтѣ; сознаюсь, во мнѣ
Пороки есть, которые нерѣдко
Стыдили полъ нашъ.

ЦЕЗАРЬ.

Клеопатра, знай:

Мы извинимъ скорѣй, чѣмъ увеличимъ:
И если ты исполнишь замысль мой
(Къ тебѣ столь благосклонный), то найдешь
Въ размѣнъ прибыль; если же меня
Жестокимъ выставишь, идя путемъ
Аптонія, то ты себя лишишь
Благихъ моихъ даровъ, дѣтей повергнешь
Въ бѣду, какой я не готовилъ имъ,
Коль довѣряешь мнѣ. Я ухожу.

КЛЕОПАТРА.

Ступай, весь міръ тебѣ открыть: онъ твой;
А мы, значки твоей побѣды, будемъ
Гдѣ помѣстишь. Сюда, мой повелитель.

ЦЕЗАРЬ.

Ты мнѣ совѣтуй въ домѣ Клеопатры.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ списокъ денегъ, блюдь и украшеній
Моихъ: тутъ все подробно сочтено;
Бездѣлки не забыто. Гдѣ Селевкъ?

СЕЛЕВКЪ.

Я здѣсь царица.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ мой казнохранитель; пусть онъ скажетъ,
Подъ страхомъ казни, утаила ль я
Что для себя. — Ты говори Селевкъ!

СЕЛЕВКЪ.

Царица!

Скорѣй съ печатью буду на устахъ,
Чѣмъ тутъ скажу неправду.

КЛЕОПАТРА.

Чтожь я скрыла?

СЕЛЕВКЪ.

На скрытое объявленное купишь.

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, Клеопатра, не краснѣй! твою
Я мудрость одобряю.

КЛЕОПАТРА.

Видишь, Цезарь!

Какъ тянетъ власть къ себѣ: мои теперь твои;
Смѣнный ты рокъ: твои мои будутъ.

Неблагодарность этого Селевка,
 Такъ злитъ меня. О, рабъ! ты не вѣришь
 Любви паемной! — Что бѣжишь? — Уйдешь —
 Вѣрь; но глаза твои поймаю, дай
 Хоть крылья имъ. Бездушный рабъ, собака!
 Какой подлецъ!

ЦЕЗАРЬ.

Приди въ себя, царица!

КЛЕОПАТРА.

О Цезарь! какъ обиденъ этотъ стыдъ;
 Когда меня почтилъ ты посѣщеньемъ
 И удостоилъ взора своего
 Меня въ бѣдѣ, — мой собственный слуга
 Теперь мое несчастье умножаетъ
 Своею злобой! Еслибъ даже, Цезарь!
 Я скрыла нѣсколько бездѣлокъ женскихъ,
 Пустыхъ игрушекъ, изъ такихъ вещей,
 Которыми дарятъ знакомыхъ, — еслибъ
 И отложила поцѣниже вещи,
 Для Ливіи и для Октавіи,
 Чтобъ ихъ смягчить, ужели измѣнять
 Мнѣ долженъ тотъ, кто взросъ при мнѣ? О Боже!
 Пастъ было легче. Сдѣлай милость, прочь! *(Селевку.)*
 Иль духъ мой бросить искры изъ золы
 Моихъ несчастій. Будь ты человѣкъ,
 Ты бь пожалѣлъ меня.

ЦЕЗАРЬ.

Уйди, Селевкъ.

(Селевкъ уходитъ.)

КЛЕОПАТРА.

Ты знаешь, намъ великимъ не простятъ
 Чужихъ пороковъ; — ежели мы пали,
 То именемъ отвѣтимъ за другихъ —
 И никому не жаль насъ.

ЦЕЗАРЬ.

Клеопатра,

Ни скрытаго, ни явленнаго мы
 Къ добычѣ не причислимъ: все твое,
 Располагай по волѣ всѣмъ; и знай,
 Что Цезарь не купецъ, чтобы искать
 Продажныхъ у тебя вещей. Не бойся;
 Не дѣлай мрачныхъ думъ своею тюрьмой;
 Нѣтъ, нѣтъ, царица, мы съ тобой поступимъ
 По твоему совѣту. Тѣшь и спи:
 Намъ такъ близка судьба твоя и грусть,
 Что я на вѣкъ твой другъ; и такъ прощай.

КЛЕОПАТРА.

Мой повелитель!

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, не такъ. Прощай.

(Трубный звукъ. Цезарь со свитой уходитъ.)

КЛЕОПАТРА.

Слова, подруги, все слова, чтобъ я
 Забыла честь. Послушай Хармианъ
(Шепчетъ Хармиани.)

ИРА.

Кончай, царица; минулъ свѣтлый день
 И мы идемъ во мракъ.

КЛЕОПАТРА.

Скорѣй вернись:

Я тамъ уже сказала; все готово;
 Ступай, поторопи.

ХАРМИАНЪ.

Сейчасъ, царица.

(Входитъ Долабелла.)

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица гдѣ?

ХАРМИАНЬ.

Ты видишь.

(Хармиань уходитъ.)

КЛЕОПАТРА.

Долабелла?

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица, призванъ волею твоей,
 Которой я, какъ бы святынѣ преданъ,
 Скажу тебѣ: что Цезарь положилъ,
 Черезъ Сирію идти и черезъ три дни
 Тебя съ дѣтьми твоими шлетъ впередъ.
 Воспользуйся извѣстьемъ; твой приказъ я
 Какъ обѣщаль исполнилъ.

КЛЕОПАТРА.

Долабелла,

Твоя должница я.

ДОЛАБЕЛЛА.

Я твой слуга.

Прощай, царица; къ Цезарю спѣшу.

КЛЕОПАТРА.

Прощай, спасибо. *(Долабелла уходитъ.)* Ты что скажешь Ира?
 Египетская куколка и ты
 На выставку со мной поступишь въ Римѣ;
 Рабочіе съ передниками въ салѣ,
 Съ кирками, съ молотками, приподымуть
 Насъ на показъ и будемъ мы вдыхать
 Ихъ смраднѣй запахъ.

ИРА.

Да спасутъ насъ боги!

КЛЕОПАТРА.

Да, Ира, такъ-то. Лякторы нахалы
 Насъ схватятъ какъ блудницъ, а риэмоплеты,

Поршивцы, воспоютъ насъ: скоморохи
 Сейчасъ же насъ сыграютъ и представятъ
 Пирѣ Александрійскіе: Антоній
 Представленъ будетъ пьянымъ; а мальчишка,
 Пища, придастъ великой Клеопатрѣ
 Движенія развратницы.

Ира.

О боги!

КЛЕОПАТРА.

Да это несомнѣнно.

Ира.

Мнѣ этого не видѣть; знаю ногти
 Мои покрѣпче глазъ.

КЛЕОПАТРА.

Да! это путь:

Сбить ихъ приготовленья, осмѣяться
 Расчетамъ вѣрнымъ *) ихъ — Что, Харміанъ?

(Харміанъ возвращается.)

Подруги, дайте лучшей мой нарядъ:
 Царицею отправлюсь къ Цидну вновь,
 Антонія встрѣчать. Скорѣе Ира.
 Да, Харміанъ, мы кончимъ непремѣнно.
 Сегодня долгъ исполня свой, ступай
 Гулять на вѣкъ. Подай вѣнецъ и все.
 Что тамъ за шумъ?

(Ира уходитъ.)

(За сценой шумъ. Входитъ одинъ изъ стражей.)

СТРАЖЪ.

Поселянинъ какой-то

Тебя желаетъ видѣть непремѣнно;
 Онъ смоквъ тебѣ принесъ.

*) Въ прежнихъ изданіяхъ: absurd нелѣпымъ; у Колльера: assur's вѣрнымъ.

КЛЕОПАТРА.

Впусти. Какое бѣдное орудье

(Стражъ уходитъ.)

Великаго. Онъ мнѣ принесть свободу.

Рѣшилась я; и ничего во мнѣ

Нѣтъ женскаго: отъ головы до ногъ

Вся мраморъ я; непостоянный мѣсяць

Ужъ не моя планета.

(Стражъ возвращается съ поселяниномъ, несущимъ корзину.)

СТРАЖЪ.

Вотъ онъ самъ.

КЛЕОПАТРА.

Уйди, и здѣсь его оставь.

(Стражъ уходитъ.)

Съ тобою ли красотка Нила, змѣйка,

Которой ядъ безъ боли убиваетъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Да, со мной; но я не изъ тѣхъ, которые тебѣ бы совѣтывали ее трогать. Ея укушеніе безсмертно. Тѣ которые отъ него умирають, рѣдко или никогда не выздоравливають.

КЛЕОПАТРА.

Не помнишь ли, кто умеръ отъ нея?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Очень многіе мужчины да женщины. Не далѣе какъ вчера, я слышалъ отъ одной: славная женщина, только отчасти охотница солгать, чего женщинѣ дѣлать не слѣдуетъ, развѣ честнымъ путемъ. Вотъ она рассказывала, какъ она умерла отъ ея укушенія и какія терпѣла боли. Дѣйствительно она прекрасно отзывается о змѣйкѣ; но кто повѣрить всему, что они говорятъ, не найдетъ проку и въ половинѣ того, что онѣ дѣлають. Но эта не безприменная правда, что эта змѣйка единственная змѣйка.

КЛЕОПАТРА.

Ступай себѣ: прощай.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Желаю тебѣ вдоволь натѣшиться надъ змѣйкой.

КЛЕОПАТРА.

Прощай.

(Поселянинъ ставовитъ на полъ корзину.)

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Ты должна подумать, видишь ли, что змѣя все-таки змѣиное отродье.

КЛЕОПАТРА.

Да, да; прощай.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Видишь ли, змѣѣ вѣрить нельзя, развѣ въ рукахъ у людей знающихъ; вѣдь въ змѣѣ нѣтъ ничего добраго.

КЛЕОПАТРА.

Не безпокойся, мы за ней присмотримъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

И хорошо. Не давайте ей пожалуйста ночью, потому что она не стоитъ корма.

КЛЕОПАТРА.

Что, съѣсть она меня?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Не думай, чтобы я былъ такъ простъ; я знаю, что самъ чортъ не съѣсть женщину; я знаю: женщина блюдо для боговъ, если только чортъ его не приготовилъ: но дѣйстви-тельно эти подлецы черти дѣлаютъ въ отношеніи женщинъ много горя богамъ, потому что изъ десяти ими созданныхъ, черти навѣрное испортятъ пять.

КЛЕОПАТРА.

Ну, хорошо, ступай же, прощай.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Точно такъ: желаю тебѣ натѣшиться змѣйкой.

(Уходитъ.)

(Ира возвращается съ платьемъ, короной и проч.)

КЛЕОПАТРА.

Дай платье и надѣнь вѣнецъ: во мнѣ
 Позывъ къ безсмертію. Ужъ соку гроздія
 Египетскихъ не освѣжать мнѣ устѣ.
 Проворихъ Ира. Кажется я слышу:
 Зоветь Антоній; вижу онъ возсталъ,
 Хвалить мой подвигъ; слышу онъ смѣется
 Надъ Цезаревымъ счастьемъ; боги имъ
 Дарятъ людей, чтобъ извинить потомъ
 Свою немплость. Я иду, супругъ!
 Отважная, такъ звать тебя не въ правѣ!
 Вся воздухъ, вся огонь другимъ стихіямъ
 Жизнь низшую отдамъ. Что, вы совсѣмъ?
 Примите жъ съ устѣ моихъ послѣдній жаръ.
 Другъ Харміанъ! На вѣки, Ира!

(Цалуетъ изъ. Ира падаетъ и умираетъ.)

Иль поцалуй мой жалить? Ты упала?
 Коль съ жизнью такъ легко разсталась ты,
 То смерть разить, какъ-будто щиплетъ милый:
 Съ пріятной болью. Какъ недвижна ты?
 Такъ, отходя, ты міру говоришь,
 Что съ нимъ не стоять и прощаться.

ХАРМІАНЪ.

Пролейте тучи дождь и я скажу,
 Что сами боги плачуть.

КЛЕОПАТРА.

Стыдно мнѣ:

Кудрявый къ ней Антоній выйдетъ къ первой,
 Распроситъ обо мнѣ и передастъ
 Ей поцалуй, въ которомъ неба жду.
 Скорѣ гадъ! *(къ аспиду, которая достала изъ корзины.)*
 Разрѣжь смертельнымъ зубомъ узелъ жизни

Запутанный: — бѣднякъ мой ядовитый,
Позлись и кончи. О! когда бѣ ты могъ
Проговорить, ты бѣ Цезаря назвалъ
Осломя.

ХАРМИАНЪ.

Звѣзда Востока!

КЛЕОПАТРА.

Тише, тише!

Малютка, видишь, грудь мою сосеть
И усыпить кормилицу.

ХАРМИАНЪ.

О, сердце!

КЛЕОПАТРА.

Какъ нектаръ сладко, нѣжно какъ дыханье
И — О Антоній! Нѣтъ, возьму еще.

(Прикладываетъ другою аспидою къ руцѣ.)

Чего мнѣ ждаты. *(Падаетъ на ложе и умираетъ.)*

ХАРМИАНЪ.

Въ пустынномъ этомъ мѣрѣ? Да, прощай.
Гордись же смерть, ты женщину пріяла,
Какихъ ужъ нѣтъ. Пушистыя окошки
Закройтесь. Золотой не встрѣтитъ Фебъ
Подобныхъ глазъ! Корона покачнулася
На ней, поправлю — и потомъ гулять.

(Вбѣгаютъ стражи.)

1-й СТРАЖЪ.

А гдѣ царица?

ХАРМИАНЪ.

Тише, не буди.

1-й СТРАЖЪ.

Цезарь прислалъ.

ХАРМИАНЬ.

Лѣнвиваго посла.

(Прикладываетъ къ себѣ аспидъ.)

Скорѣй, кончай; чуть слышу я тебя.

1-й СТРАЖЪ.

Гей, вы! Здѣсь плохо: здѣсь обмануть Цезарь.

2-й СТРАЖЪ.

Онъ Долабеллу шлетъ: покличь его.

1-й СТРАЖЪ.

Чтожь, Хармиань? Благое это дѣло?

ХАРМИАНЬ.

Прекрасное, достойное царицы,
 Которой предки длинный рядъ царей.
 А! Воинъ!

*(Умираетъ.)**(Входитъ Долабелла.)*

ДОЛАБЕЛЛА.

Что здѣсь?

2-й СТРАЖЪ.

Всѣ умерли.

ДОЛАБЕЛЛА.

Не даромъ, Цезарь,

Ты этого боялся: самъ придешь
 Взглянуть на то, что такъ всегда желалъ
 Предотвратить. *(За сценой.)*

Прочь! — Цезарю дорогу!

(Входитъ Цезарь со свитой.)

ДОЛАБЕЛЛА.

О, властелинъ! ты истинный авгуръ:
 Твой страхъ сбылся

ЦЕЗАРЬ.

Геройская кончина:

Смекнула все и царственно пошла
Своимъ путемъ. — Какъ умерли онѣ?
Не вижу крови.

ДОЛАБЕЛЛА.

Кто тутъ былъ послѣдній?

1-й СТРАЖЪ.

Простой поселянинъ принесъ ей смоквѣ.
Вотъ и корзина.

ЦЕЗАРЬ.

Значить ядъ.

1-й СТРАЖЪ.

О, Цезарь!

Вотъ Харміанъ стояла, говорила,
При мнѣ она поправила корону
На мертвой госпожѣ; да затряслась
И покатилась.

ЦЕЗАРЬ.

Доблестная слабость!

У нихъ отъ яду опухоль была бѣ
Наружная; она же словно спитъ
И ждетъ, чтобъ въ сѣтъ красы другой Антоній
Запутался.

ДОЛАБЕЛЛА.

Здѣсь на груди у ней

Есть капля крови, да немного вспухло,
И также на рукѣ.

1-й СТРАЖЪ.

То аспидовъ слѣды; на листьяхъ смоквѣ
Есть слизь, какую аспидъ оставляетъ
Въ пещерахъ Нила.

ЦЕЗАРЬ.

Очень вѣроятно,
Что умерла она отъ нихъ; мнѣ врачъ ея
Разсказывалъ, какъ родъ легчайшій смерти
Она искала. — Съ ложемъ взять ея
И женщину съ ней изъ памятника вынести.
Съ Антоніемъ ее похоронить:
И ни въ одной могилѣ на землѣ
Такой четы не будетъ. Власть такихъ
Событій и на ихъ творца вліяетъ.
Потомства жалость не уступить славѣ
Виновника несчастья. Наше войско
Торжественно отправить погребенье,
И въ Римъ. Стань, Долабелла, во главѣ
Порядка при великомъ торжествѣ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ДО ВОСШЕСТВІЯ СВОЕГО НА ПРЕСТОЛЪ. 1709 — 1741.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Алекс. Иванович. Семевскому.)

Грѣхъ ради, наказа насъ Господь частыми монарховъ перемѣнами, и остави насъ в школъ неблагополучія, предаде насъ, под видомъ гѣхъ, в неизбѣжныя руки жестокихъ и немилостивыхъ приставниковъ: изблочи насъ рабскими хъ тайнохщнымъ прзвлениемъ!...

(Слово Геромонаха Нарзицкаго, говоренное 4 авг. 1742).

I.

Рожденіе Елизаветы. — Воспитаніе и воспитатели. — Ассамблеи. — Взглядъ на нравы современнаго общества. — Наружность царевны. — Празднованіе ея совершеннолѣтія. — Переговоры съ Европейскими дворами о бракосочетаніи Елизаветы. — Смерть Петра I-го.

1709 — 1725.

18 декабря 1709 года, въ десять часовъ утра, при громѣ пушечной пальбы, при гулѣ колокольнаго звона — въ главѣ Россійскихъ полковъ, въ сопровожденіи великолѣпной свиты генераловъ и знаменитѣйшихъ Шведскихъ плѣнныхъ, начался торжественный въѣздъ Петра въ первопрестольную Москву. Въѣздъ этотъ напоминалъ Римскія триумфальныя шествія. Массы народа тѣснились на пути: съ заборовъ, стѣнъ, крышъ — отовсюду видѣлись головы любопытныхъ, отовсюду раздавался несмолкаемый крикъ: «да здравствуетъ государь, отецъ нашъ, да здравствуетъ нашъ батюшка!» Громкое ура какъ бы спорило съ оглушительнымъ звономъ колоколовъ, съ боемъ литавръ и барабановъ, съ пушечными залпами!

Въ эту великую минуту полнѣйшаго торжества преобразователя Россіи, онъ получилъ вѣсть о рожденіи царевны Елизаветы. Шествіе было остановлено. Въ избыткѣ радостнаго чувства, Петръ сказалъ приближеннымъ: «Господь Богъ усугубилъ радость торжества въ честь Полтавской побѣды, рожденіемъ мнѣ дочери. Того ради, отложимъ празднество и поспѣшимъ поздравить со вшествіемъ въ міръ дочь мою, яко ея счастливымъ предвозвѣщаніемъ вождѣннаго мира!» (2).

Государь послѣшилъ со всѣмъ генералитетомъ въ Успенскій Соборъ. Начался молебенъ. При пѣніи: «Тебѣ Бога хвалимъ», Петръ присоединилъ свой голосъ къ хору. Снова Кремлевскія стѣны поддернулись облаками дыма и затряслись отъ грома пушечныхъ залповъ. Колокола загудѣли, то Петръ извѣщалъ Москву о своей радости, о рожденіи Елизаветы.

Послѣ благодарственнаго молебствія, государь, въ сопровожденіи множества сановниковъ, иностранныхъ министровъ и духовенства, отправился во дворецъ села Коломенскаго (3). Какъ супругу свою, такъ и новорожденную, Петръ нашелъ внѣ опасности. Вся свита была приглашена къ торжественному обѣду. Въ весельи монарха участвовали и пѣльные Шведы. Въ Коломенскомъ дворцѣ ихъ угостили великопѣннымъ пиромъ. Нижнимъ чинамъ выставили всякаго рода яства и выкатили бочки съ виномъ.

Всѣ, отъ перваго сановника до послѣдняго нищаго, вслѣдъ за государемъ, пили за здоровье новорожденной царевны Елизаветы. Только 21 декабря кончились пиры и празднества въ честь сего событія; начались другія въ память Полтавской побѣды.

При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ родилась будущая императрица. Самое мѣсто ея рожденія, село Коломенское, славное историческими воспоминаніями, любимое жилище царя Алексѣя, долго считавшееся мѣстомъ рожденія преобразователя Россіи, какъ бы служило предзнаменованіемъ счастливой судьбы, постигшей Елизавету (4).

До насъ мало дошло извѣстій о первыхъ годахъ молодости Елизаветы, немного мы имѣемъ свѣдѣній и о годахъ, первыхъ приставникахъ, ея воспитателяхъ....

Извѣстно, какой разумный наказъ былъ подписанъ Петромъ въ 1703 году, о томъ, какъ воспитывать и обучать царевича Алексѣя. Въ этомъ наказѣ, составленномъ просвѣщеннымъ Гейсеномъ (Huyzen), сказано было между прочимъ: «обратить особенное вниманіе на французскій языкъ, какъ языкъ легчайшій и употребительнѣйшій». На французскій же языкъ было обращено особенное вниманіе при обученіи Елизаветы Петровны.

Царевна въ послѣдствіи сама рассказывала Штелину (5), что однажды, во время уроковъ, пришелъ къ ней государь и заставъ ее за чтеніемъ французскихъ писемъ госпожи Ламбертъ, Петръ попросилъ перевести одну страницу. Царевна перевела. «Счастливы вы дѣти, замѣтилъ послѣ этого государь, обращаясь къ дочерямъ, (6) счастливы вы, что васъ воспитываютъ, что въ молодыхъ годахъ пріучаютъ васъ къ чтенію полезныхъ книгъ.... Въ своей молодости я былъ лишень и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ».

Изъ всѣхъ учителей царевны намъ извѣстенъ только нидерландецъ Глюкъ.

Вообще, о Елизаветѣ до 1717 года мало говорятъ, какъ русскіе современники, такъ и иностранные послы, бывшіе при нашемъ дворѣ. Только съ этого времени, какъ русскіе, такъ въ особенности иностранцы стали обращать вниманіе на замѣчательную красоту средней дочери Петра (6).

Такъ въ 1717 году, на Елизавету обратилъ вниманіе, по случаю возвращенія государя изъ-за границы. 10 октября обѣ царевны Анна и Елизавета выѣхали на встрѣчу къ отцу въ испанскихъ костюмахъ. По замѣчанію посла французскаго, нарядъ этотъ чрезвычайно шель къ восьми-лѣтней Елизаветѣ. Провожаемый супругой и дочерьми, государь вошелъ во дворецъ. При входѣ въ него, на маленькой, шотландской лошаdkѣ сидѣлъ двухъ-лѣтній Петръ Петровичъ. Отъ лица его Меншиковъ сказалъ привѣтственную рѣчь, за нимъ говорили привѣтствіе Анна и Елизавета Петровны (7).

Съ начала 1718 года началось слѣдствіе; строгій Монархъ предалъ суду своего старшаго сына. Страшный эпизодъ человѣческой лѣтописи! 6 февраля, въ Петербургѣ получено было повелѣніе самодержца присягнуть новому наслѣднику

престола, Петру Петровичу. Стукъ барабановъ созвалъ жителей на Троицкую площадь. Народу прочитали отрѣченіе Алексѣя отъ престола, манифестъ о его винахъ и никто не поколебался исполнить приказъ монарха. Въ Троицкомъ Соборѣ, послѣ обѣдни, въ присутствіи мамютки Петра Петровича, Меньшиковъ привелъ къ присягѣ весь дворъ, Анну и Елизавету Петровну.

Тяжелъ былъ этотъ годъ для Петра I, тяжелъ и для его подданныхъ. По донесенію Ла-Ви, до 300 человекъ было арестовано по дѣлу царевича; казни, пытки, розыски начались и продолжались въ Москвѣ, Преображенскомъ, Суздали и кончились только спустя почти годъ, въ Петербургѣ. Отъ однихъ конфискованныхъ имѣній, собрано было нѣсколько миліоновъ рублей (8).

Въ это время Петръ велѣлъ устроить на иностранный манеръ *ассамблеи*, танцевальныя вечера. Приказъ государя былъ исполняемъ по очереди всѣми сановниками. Вечера начинались у государя и оканчивались у Оберъ-Полиціймейстера. На послѣднемъ лежала обязанность въ началѣ каждой зимы, публиковать роспись (обыкновенно составляемую самимъ государемъ) по которой вельможи чередовались.

Всѣ должны были съѣзжаться на балъ къ тремъ часамъ пополудни, въ богатѣйшихъ нарядахъ. Къ пяти пріѣзжалъ государь, вслѣдъ за нимъ являлась Екатерина съ дочерьми. Наряды государыни и царевень отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. На царевняхъ бывали надѣты желтыя бѣлыя или цвѣтныя платья, изъ лучшихъ матерій, обшитыя золотомъ и серебромъ. Головные уборы были залиты брилліантами (9).

Балы открывались монотонными, церемоніальными танцами. Музыканты играли родъ погребальнаго марша. Каждая пара поочередно дѣлала *реверансы*. За тѣмъ слѣдовалъ *Польскій*, которымъ и оканчивались церемоніальныя танцы. Маршалъ, дирижировавшій танцующими, ударялъ жезломъ и провозглашалъ, что каждый можетъ танцевать, какъ и что ему вздумается.

Первое время посѣтители ассамблей были печальны, задумчивы, хотя боясь гнѣва царскаго, старались казаться

веселымъ. Ежедневные аресты и казни у всякаго были передъ глазами.

Желая разсѣять мрачное настроеніе общества и приучить его къ *заморскимъ* увеселеніямъ, Петръ вмѣстѣ съ семьей, постоянно являлся на ассамблеи. Ни одно собраніе не обходилось безъ его присутствія. Юныя царевны были постоянными посѣлительницами танцевальныхъ собраній (10).

Мало по малу, старанія государя увѣнчивались успѣхомъ. Ассамблеи стали составляться безъ принужденій, между дамами и дѣвицами явились страстные любительницы этого рода удовольствій. Однадцати-лѣтняя Елизавета небольшая была любительница *церемональныхъ* танцевъ, но въ *нецеремональныхъ*, она показывала большую ловкость, много живости и искусства. Минуетъ, англійскій кадрили и польскій, тогдашніе обыкновенные танцы, давали полную возможность царевнѣ плѣнять граціозностью своею всѣхъ присутствовавшихъ. Вмѣстѣ съ другими дѣвицами и дамами, Елизавета безпрестанно выдумывала новыя фигуры, танцевала въ залахъ, переходила въ другія комнаты, подымалась во второй этажъ. Шведскіе плѣнные офицеры были первыми учителями танцевъ, но ученики и въ особенности ученицы скоро превзошли своихъ наставниковъ. Вмѣстѣ съ царевною славились красотой и искусствомъ въ танцахъ: дочь Г. И. Головкина, Княгиня Черкаская, Кантеміръ и Долгорукая, впоследствии невѣста императора Петра II.

Царедворцы, желая угодить государю, чаще и чаще съ каждымъ годомъ устроивали ассамблеи. Но они вполне отражали на себѣ вѣкъ преобразованій, въ которомъ, на ряду съ хорошимъ, было много дурнаго или по крайнѣй мѣрѣ смѣшнаго. Въ комнатахъ, гдѣ танцевали царскія дочери вмѣстѣ со всѣми другими дамами, зрители курили скверный табакъ, пили и напивались до-пьяна, играли въ шашки, ссорились, бранились. Въ комнатахъ была вонь, стукотня, шумъ, крикъ. Между танцами дамы, по обычаю, не говорили съ мужчинами. Весь вечеръ проходилъ въ бѣганьи, поклонахъ, прыжкахъ, а молодые люди не проронивали ни слова, слушая въ тоже время перебранки напившихся игроковъ (10).

Изъ этого можно вывести заключеніе, во многомъ ли были полезны, и были ли въ чемъ нибудь полезны ассамблеи для подрастающей царевны? А она съ каждымъ годомъ дѣлалась прелестнѣе. Вотъ первый, довольно полный портретъ Лизаветы, оставленный Ла-Ви (11): «Княжна эта прелестна, писалъ онъ въ 1719 году, очень стройна и могла бы считаться совершенною красавицею, если бы цвѣтъ волосъ ея не былъ немного рыжеватъ, что впрочемъ можетъ замѣниться съ лѣтами. Она умна, добродушна и сострадательна».

«Царевна бѣлокура очень нѣжна», говоритъ Берггольдъ, встрѣтивъ Елизавету впервые въ Лѣтнемъ саду, въ 1721 году, «руки ея прекрасны; лице, какъ и у Анны Петровны, чрезвычайно доброе и пріятное (11). Она меньше ростомъ своей сестры, но гораздо живѣе и полнѣе ея. Въ этотъ разъ (25 іюня) сестры были одѣты одинаково, но младшая имѣла еще крылышки, у старшей они были недавно отрѣзаны, но еще не сняты, а только зашпурованы. Сдѣланы эти крылышки прекрасно. Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой, двухъ-цвѣтной матеріи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугомъ, по новѣйшей французской модѣ съ изяществомъ, которое бы сдѣлало честь лучшему парижскому парикмахеру» (12).

Въ нарядахъ и танцахъ проходила молодость царевны. Удовольствіямъ посвящала большую часть своего времени Лизавета. Вотъ почему, мы должны обратить вниманіе на современные забавы и потѣхи, чтобы судить, какое вліяніе они имѣли на образованіе дочери Петра.

Всѣ празднества того времени дѣлились на лѣтнія и зимнія. Лѣтнія давались въ Лѣтнемъ саду (на Фонтанкѣ). Зимнія въ царской *австеріи*, гостинницѣ на Петербургской сторонѣ, у крѣпости, либо тамъ же въ зданіи Сената, либо въ Почтовомъ дворѣ, гдѣ былъ Мраморный дворецъ.

Кромѣ танцевальныхъ ассамблей, были катанья на Невѣ. Впереди флотилии всевозможныхъ лодокъ ѣхала царская яхта. Петръ, въ шкиперскомъ костюмѣ, управлялъ ею. Здѣсь сидѣли: государыня, царевны Анна и Лизавета Петровны, Катерина, Анна и Прасковья Ивановны. Всѣ они

въ подобныхъ случаяхъ одѣвались, подобно женамъ Сардамскихъ корабельщиковъ, въ канифасовыхъ кофточкахъ, юпкахъ изъ красной матеріи и небольшихъ, круглыхъ шляпахъ. Цѣль катаній, большею частію, былъ Екатеринбургъ, гдѣ, послѣ великолѣпной закуски, нерѣдко устраивались танцы (12).

Нева и въ зимнее время была мѣстомъ катаній. Отъ дворца до крѣпости расчищали ледъ; съѣзжались ботики, поставленные на коньки или желѣзные полозья, подымали паруса, и оригинальная флотилія дѣлала всевозможныя эволюціи за адмиральскимъ ботомъ, которымъ управлялъ государь.

Царь дѣлалъ столь странные маневры для того, чтобъ не забыли морскихъ эволюцій. Потѣха тянулась нѣсколько часовъ сряду, въ часы отдыха, мужчины пили и напивались пуншемъ, а дамы глинтвейномъ.

Но чаще всѣхъ удовольствій и замѣчательнѣе ихъ были торжественные обѣды, на которые всегда являлся государь съ супругой, а нерѣдко и совсѣмъ семействомъ.

Спускъ новаго корабля, его закладка, тезоименитство когонибудь изъ членовъ царской фамиліи, воспоминаніе о какойнибудь побѣдѣ, орденскій или полковой праздникъ, свадьба когонибудь изъ придворныхъ — все служило поводомъ къ устройству торжественнаго обѣда. Эти то обѣды лучше всего выражали современные нравы.

Пиръ тянулся нѣсколько часовъ сряду; гости волею-неволею выпивали ужасное количество вина. Послѣ обѣда государь уходилъ отдыхать, но до его возвращенія никто не смѣлъ ослушиваться его приказа, т. е. никто не подымался изъ-за стола. Со скуки продолжалась попойка и тутъ почти всегда разыгрывались престранныя сцены. Вотъ рассказъ объ одномъ изъ такихъ обѣдовъ, рассказъ очевидца: «всѣ были пьяны, но еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ *Θ. М. Апраксинъ*, по обыкновенію, до того *натянулся*, что плакалъ, какъ ребенокъ. Князь *Меньшиковъ* такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво, и его люди принуждены были послать за княгиней и ея сестрою; она съ помощью разныхъ спиртовъ, съ величайшимъ тру-

домъ привели князя въ чувство и еще съ большимъ трудомъ испросили у царя позволеніе увезти пьянаго домой. Несовершенно пьяныхъ — не было; описаніе всѣхъ *дурачествъ*, совершавшихся въ нѣсколько часовъ, заняло бы нѣсколько листовъ: то князь Валахскій въ рукопашную схватывался съ оберъ-полиціймейстеромъ Девіеромъ, то начиналась въ другомъ углу ссора и драка, то слышалось чоканье бокаловъ на братство и дружбу.... Другіе, совершенно уже пьяные, лезли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями. Баронъ Бѣловъ всѣхъ бранилъ, со всѣми ссорился, вызывалъ всѣхъ на дуэль.....

Дамы, смотрѣли на эти сцены и смѣялись. Генераль-Маіоръ Штенфлихтъ, обезумѣвшій отъ попойки, колотилъ слугъ и вооруженный кортикомъ, надѣлалъ бы много бѣдъ, если бы его не схватили и силой не отправили бы домой. По угламъ, подъ столами валялось нѣсколько гостей, не устоявшихъ противъ бутылочныхъ батарей и не получившихъ дозволеніе заблаговременно уѣхать домой» (12).

На общественные маскарады, подъ опасеніемъ штрафа, никто не смѣлъ не являться; никто не имѣлъ право до указа выйти на улицу безъ маски и не въ потѣшномъ костюмѣ. Въ эти дни улицы покрывались всякаго рода шутовскими, скоморошинческими масками. Всюду раздавались звуки барабановъ, свистковъ, гудковъ, бубенъ, слышны были пѣсни удалыя, лилось вино.....

Танцы и попойка въ Сенатѣ или на Почтовомъ дворѣ совершали празднества. Нѣкоторыя важнѣйшія дамы рѣшились, подъ разными предлогами, не явиться на одно изъ подобныхъ пиршествъ въ 1721 году. Имъ приказано собраться въ зданіе Сената и въ наказаніе выпить столько же, сколько выпили *другіл*. Полиціймейстеру Девіеру и царскому денщику А. Д. Татищеву (извѣстному впослѣдствіи постройкой Ледянаго дома), поручено было строжайше слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна изъ дамъ не уклонилась отъ штрафа.

«Нечего и говорить», замѣчаетъ очевидецъ, «что приказъ былъ слѣпо выполненъ. Дѣло не обошлось для дамъ безъ головныхъ болей и другихъ несприятностей, Хуже всего при этомъ было то, что виновнымъ напередъ объявили, что ихъ

собирають съ одною цѣлью: опохъ за неявку въ послѣдній пирь. Эта онойка производилась самыми скверными винами и большими порціями чистой водки, которую всѣ должки были пить непременно (12).»

«Добрая генеральша Олсуфьева», рассказывает Беркгольць. «урожденная нѣмка, получивъ приказъ явиться въ Сенать поспѣшила во дворець съ мольбой: избавить ее отъ наказанія. Государыня отвѣчала, что на то воля Государя, генеральша, начала представлять, что она не изъ каприза оставалась въ прошедшее воскресенье дома, что уже болѣе недѣли не выходятъ со двора, что беременна въ послѣднемъ періодѣ, что ей крайне вредно пить, что это приведетъ къ полнѣйшему разстройству ея здоровья. Тогда пошли къ государю и просили его избавить на этотъ разъ Олсуфьеву отъ явки въ Сенать. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ этого сдѣлать, что другія знатныя русскія дамы оскорбятя такимъ предпочтеніемъ, оказываемымъ нѣмкѣ. Генеральша такъ терзалась во всю ночь, что на утро разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Исполняя указъ 1718 года о пополненіи кунсткамеры всѣми *монстрами и курьезами*, она должна была представить ребенка и отдать его на храненіе въ кунсткамеру. (перев. Аммона. Мос. 1858) (12)

Самые обыкновенные, семейные обѣды не обходились безъ странныхъ шутокъ. Зная слабость И. М. Головина (шуточнаго адмирала русскаго флота), слабость къ желе, Петръ приказывалъ ему отворять ротъ, вставлялъ съ мѣста и отдѣливъ желе ножомъ, стаканъ за стаканомъ опрокидывалъ въ раскрытую глотку любимца. (12)

Или по данному знаку княгиня Черкасская начинала щекотать подъ шейю князя Трубецкаго (впослѣдствіи судьи надъ Минихомъ, Остерманомъ и друг.) Князь всякой разъ принимался ревѣть какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что вызывало единодушный смѣхъ царевень и всѣхъ присутствовавшихъ (12).

Карниловичъ, описывая жизнь Петербургскаго общества, въ царствованіе Петра, пренаивно замѣчаетъ: что во время торжественныхъ обѣдовъ того времени *только изрѣдка бывали небольшой шумъ и споры.*

Вліяніе общества неотразимо дѣйствовало на отдѣльныя личности. Женщины усвоивали себѣ черты суровости и твердости въ характерахъ. Вотъ любопытный анекдотъ, рассказанный по сему случаю однимъ путешественникомъ. Красавица царица Анна Петровна сдѣлалась предметомъ обожанія юнаго графа Апраксина. Молодой человѣкъ рѣшился открыть ей свое сердце и молилъ вонзить ему мечъ въ грудь и тѣмъ прекратить его мученія. «Дайте мнѣ вашу шпагу, спокойно отвѣчала Анна, я вамъ покажу, что дочь государя вашего, сумѣетъ наказать безумнаго, забывшаго къ ней почтеніе!» Апраксинъ испугался, вложилъ въ ножны саблю и молилъ о прощеніи (12).

Обращаюсь къ прерванному разсказу. Царевны и дамы Петровскаго двора наряжались, неутомимо посѣщали ассамблеи, маскарады, пиршества. Неутомимо танцевали и танцевали, но ни одна изъ нихъ не умѣла занять кого бы то ни было бесѣдою; платя дань современной модѣ они были чрезвычайно молчаливы и застѣнчивы. Петръ не любилъ музыки, не любилъ театръ, и вся его семья, а за ней все общество презирало эти удовольствія. Только княгини Кантемиръ, Черкасская и графиня Головина кое какъ умѣли играть на фортепьяно, и то только потому, что нехотя выучились этой музыкѣ въ Швеціи, будучи тамъ съ своими родными; вообще же музыка была въ презрѣніи (12).

Отвлеченный дѣлами правленія отъ личнаго надзора за воспитаніемъ дочерей, государь предоставилъ это важное дѣло приставникамъ царевень. Сама Екатерина не могла быть руководительницею въ дѣлѣ воспитанія. Бѣдная сирота въ домѣ пастора Глюка, она такъ быстро дошла до престола, что не успѣла выучиться ни писать, ни читать. По свидѣтельству историковъ, достоверно то, что она не умѣла подписать свое имя.

Изъ гувернеровъ и гувернантокъ не было ни кого, который бы отличался многостороннимъ образованіемъ и могъ бы благотворно дѣйствовать на развитіе Елизаветы (13). Общество, ее окружавшее — намъ уже знакомо, и нѣтъ сомнѣнія, что на характеръ воспріимчивый царевны имѣло большое вліяніе нянюшки, мамушки; нѣтъ сомнѣнія, что отъ

нихъ она усвоила предразсудки и нѣкоторыя другіе недостатки, на которые мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, незабывая указать и на достоинства.

Вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ штатъ прислуги царевны: Мама Андрѣева. Дѣвушки: Крестьяновна, Акулина Толстая, Анна Біата (вѣрно иностранка), Анна Юрьева, Авдотья Лаврентьева. *Карлицы и шутихи*: Авдотья Павлова, Акулиня Тимофѣева. Мужчины: Петръ Климовъ, Алексѣй Полозовъ. Карликъ и шутъ, да трое калмыковъ (13).

Для того чтобы представить себѣ, хотя отчасти, будничное препровожденіе времени царевень, ихъ забавы у себя въ комнатахъ, виѣ ассамблей и официальныхъ празднествъ, мы передаемъ нѣсколько замѣтокъ наблюдательнаго Беркгольца о житиѣ Катерины Ивановны, Герцогини Мекленбургской, любительницы театровъ, долго жившей въ Германіи, женщины, не лишенной образованія (13).

«21 октября 1722 г., я воспользовался приглашеніемъ, ишеть Беркголецъ, и отправился къ герцогинѣ. Приемъ былъ очень любезный, мнѣ дали поцѣловать свои руки, какъ Катерина, такъ и Прасковья Ивановны. Последняя была больна; я ее встрѣтилъ въ спальнѣ, проходя въ гостиную. Когда я побылъ въ пріемной комнатѣ, герцогиня позвала насъ (Беркголецъ былъ не одинъ) въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, довольно новымъ и чистымъ. (Вообще, все убранство комнатъ очень плохо). Показывала намъ стоявшую тутъ кровать дочери, (впослѣдствіи правительницы Анны Леопольдовны), за тѣмъ заставила какого то полуслѣпаго, крайне невзрачнаго бандурщика, довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей любимыя пѣсни.....(13).

У нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая то старая, слѣпая, безобразная и глупая женщина, которой позволяли стоять въ углу около насъ. Принцесса часто заставляетъ плясать передъ собой эту старуху, весьма дурно одѣтую.....(14).

Но если образованіе царевны Лизаветы не могло быть удовлетворительно въ той средѣ, въ которой поставила ее судьба, то за то наружность ея отличалась красотой восхи-

тительною. Ея стройный станъ, ея большіе выразительныя глаза, ея бѣлокурые волоса, правильныя черты лица, наконецъ рѣзвость, живость и граціозность движеній всѣхъ плѣняли. Всѣ писатели единогласно называютъ ее *прекрасною* (14).

28 января 1722 года при празднованіи Ништатскаго мира въ Москвѣ, царица Лизавета, на 14-мъ году отъ рожденія, была объявлена совершеннолѣтнею. Въ обширномъ деревянномъ балаганѣ, выстроенномъ среди Красной площади, данъ былъ обѣдъ знатнѣйшимъ сановникамъ имперіи. За тѣмъ государь роздалъ золотыя медали, въ честь заключеннаго мира. По окончаніи роздачи, императоръ взялъ за руку Елизавету, и вывелъ ее передъ все собраніе духовенства и вельможъ. Ему подали ножницы и онъ, въ присутствіи супруги, царицы Анны Петровны, герцога Голштинскаго, Синода, Сената, иностранныхъ министровъ, знатнѣйшихъ дамъ — отрѣзалъ ей крылышки, которыя царица, по обычаю, до тѣхъ поръ носила сзади на платьѣ. Крылышки были переданы гувернанткѣ. Государь объявилъ царицу совершеннолѣтнею, обнялъ и пѣжно ее поцѣловалъ. Лизавета Петровна цѣловала руки отца и матери, за тѣмъ сама подносила всѣмъ присутствовавшимъ по стакану вина. Съ этого же времени, какъ она, такъ и Анна Петровна, вмѣсто царицы, стали титуловаться *цесаревнами* (14).

Еще на десятомъ году возраста Лизаветы, родители ея заботились о бракосочетаніи средней своей дочери. Основываясь на словахъ де-Лане, (выписаннаго въ Россію для мануфактуръ, сестра де-Лане была фрейлиною при царицѣ) посланникъ Ла-Ви еще въ 1719 году, таинственными шифрами, писалъ въ Парижъ: что Петръ имѣетъ въ виду современемъ выдать Лизавету за Людовика XV. Государыня не однажды говорила дочери, что она ничего не требуетъ отъ нея, какъ только большаго прилежанія при изученіи французскаго языка, и что есть важныя причины для того, чтобы царица Лизавета изучила этотъ языкъ, а не другой.

По поводу сего предположенія, государь писалъ нашему послу при французскомъ дворѣ, князю Долгорукову, отъ 21 мая 1721 года: «Понеже мы въ бытность свою во Фран-

ція, много говаривали Виллероу и мамѣ королевской о сватаньѣ за короля (одну) изъ нашихъ дочерей, а особливо за среднюю, понеже равнолѣтна ему, но пространно тогда, за скорымъ отъѣздомъ, не говорили, которое дѣло нынѣ вамъ поручаемъ, чтобы вы его, сколько возможность допустить производили, однакожь, чтобъ то тайно было отъ регента, въ чемъ приложите свой трудъ».

Трудъ этотъ не увѣщчался успѣхомъ. Французское правительство стало сватать за юнаго короля Испанскую инфантину. Обстоятельство это объясняется тогдашними отношеніями Англіи и другихъ государствъ къ Франціи и Россіи. Регентъ былъ другъ Георга I-го, а король Англіи — недоброжелательствовалъ Петру. Государь устраивалъ того и другаго отъ участія въ его сватовствѣ, и тотъ и другой были противъ него. Притомъ же бракъ Лизаветы съ Людовикомъ XV связывалъ родственнымъ союзомъ двѣ могущественныя державы, что возбуждало опасенія со стороны остальныхъ государствъ, которыя не забыли своихъ выгодъ и вслѣдствіи противились желанію Петра (15).

Но государь, ради политическихъ своихъ видовъ, сильно желалъ породниться съ французскимъ дворомъ. Онъ сталъ хлопотать о выдачѣ Лизаветы за Принца Шартрскаго.

Началась дѣятельная переписка. По внушенію канцлера Шафирова, французскій посланникъ Кампредонъ, въ донесеніи своемъ отъ 31 октября 1721 года, представлялъ на видъ всѣ выгоды сего брака. Онъ сообщалъ по секрету, что царь, въ случаѣ согласія, употребитъ всѣ успія къ возведенію принца на Польскій престолъ.

Версальскій дворъ молчалъ, а между тѣмъ въ С. Петербургѣ, въ слѣдствіе писемъ герцога Пармскаго, какой то Итальянскій аббатъ завелъ переговоры (въ апрѣлѣ 1722 г.), о бракѣ Лизаветы съ принцемъ Испанскимъ Дономъ-Карлосомъ. Они кончились въ Іюнь того же года ничѣмъ.

24 іюля (1722 г.), Кампредонъ снова пишетъ о томъ же самомъ предметѣ; разсыпается въ самыхъ лестныхъ похвалахъ Лизаветѣ, наконецъ заключаетъ донесеніе словами: цесаревна столь же умна, сколько и прекрасна.

На этотъ разъ старанія русскаго посла и донесенія Кампредона были успѣшнѣе. Въ октябрѣ французскій дворъ вошелъ въ переговоры, и сталъ дѣлать разныя предположенія по сему случаю.

Въ февралѣ 1723 г. Кампредонъ имѣлъ ауденцію у государя. Выславъ изъ комнаты Остермана, императоръ и императрица много и долго говорили съ посломъ о предстоящемъ супружествѣ Лизаветы. Хельницъ (?) сообщилъ французскому правительству, на какихъ условіяхъ можетъ совершиться сей бракъ. Переговоры шли безостановочно. 12 марта 1723 г. Кампредонъ послалъ проэктъ трактата о бракосочетаніи. Въ двухъ тайныхъ статьяхъ постановлялось, чтобы Россія доставила принцу Польскую корону. Посоль тутъ же писалъ, что препятствія на счетъ вѣры могли бы быть значительны, но что, вѣроятно, царь мало будетъ затрудняться симъ обстоятельствомъ, почему и имѣть нужды настаивать на этой статьѣ.

Дѣло быстро подвигалось къ развязкѣ, какъ вдругъ, къ счастью или несчастью Лизаветы, и къ большому огорченію ея родителей, французскій принцъ скончался въ декабрѣ 1723 года (16).

Спустя годъ снова представилась возможность Петру породниться съ Людовикомъ XV. Вслѣдствіи несогласія короля и другихъ обстоятельствъ, переговоры о бракѣ съ инфантинной прекратились, невѣста была отправлена въ Испанію. Государь, несказанно обрадованный, послалъ князя Куракина возобновить прежнее сватовство (17).

...Зѣло бы мы желали, писалъ онъ Куракину, 16 января 1725 года, чтобы король намъ зятемъ былъ; въ чемъ гораздо прошу всевозможные способы къ тому употребить и твой трудъ по крайней возможности».

Письма Куракина показываютъ, что онъ всячески старался выполнить волю монарха: переговоры ведены были съ большимъ жаромъ (17).

Къ этому же времени относится слѣдующее обстоятельство, имѣющее отношеніе къ ряду предположеній и переписокъ о бракосочетаніи Лизаветы. Петръ вызвалъ къ себѣ на службу принца Людовика Гессенъ-Гомбургскаго,

который поступилъ въ русскую службу, въ чинѣ Полковника. Манштейнъ повѣствуетъ, что Петръ готовъ былъ выдать за принца-полковника свою дочь Лизавету, что смерть Петра уничтожила это намѣреніе, объ которомъ никто больше и не думалъ. Извѣстіе это не заслуживаетъ вѣроятія. Императоръ не рѣшился бы никогда выдать дочь за чловека, не имѣвшаго политическаго значенія, ничтожнаго въ нравственномъ. Принцъ Гессенъ - Гамбургскій, по свидѣтельству Манштейна, былъ чловекъ безъ всякаго образованія, безъ правилъ, безъ вкуса, сварливый, слабый . . (17).

Не хорошо аттестовалъ его впоследствии и фельдмаршалъ Минихъ: «Принцъ Гессенъ - Гамбургскій весьма вспыльчивъ и золъ, несоблюдаетъ никакого чинопочитанія, имѣетъ блѣдное лицо, не имѣетъ во время боя твердой рѣшимости, не годится къ полевой службѣ» (17).

Въ то время какъ шли переговоры съ Франціей, 28 января 1725 года не стало Петра. 10 марта тѣло государя отнесено была, вмѣстѣ съ тѣломъ его семилѣтней дочери Натальи, въ это же время умершей отъ оспы, въ Петропавловскій соборъ. Въ печальной, похоронной процессіи шла 16-ти-лѣтняя Лизавета, заливаясь горячими слезами (17).

II.

Заговоръ противъ Екатерины и царевни. — Переговоры о бракосочетаніи Лизаветы. — Предложеніе Остермана. — Свадьба Анны Петровны. — Празднества. — Приѣздъ принца епископа Любскаго. — Смерть Екатерины I.

1725 — 1727.

Съ кончиною преобразователя Россіи, повѣствуютъ нѣкоторые писатели, государынѣ и цесаревнамъ угрожала большая опасность. Князья Голицыны, Трубецкіе, Долгоруковы, Куракины, Рѣпинны, Лопухины, Нарышкины и др. составили обширный заговоръ. Цѣль замысла не была у всѣхъ общая. Одни настаивали на введеніи конституціоннаго правленія, другіе стояли за воцареніе Петра II-го, вмѣстѣ съ восстановленіемъ старинныхъ обычаевъ; но та и другая партія сходились на одномъ: на необходимости заточить въ монастырь Катерину съ ея дочерьми. Дѣятельныя мѣры, принятыя Ягужинскимъ, графомъ Бассевичемъ

и въ особенности княземъ Меньщниковымъ разрушили замысль; Екатерина была провозглашена императрицей; вельможи и войско поспѣшили присягою закрѣпить ей свою вѣрность (18).

Когда новый порядокъ вещей утвердился, когда броженіе умовъ успокоилось, Екатерина снова обратилась къ исканію достойнаго жениха Лизаветѣ. Князь Меньщиковъ неоднократно представлялъ французскому послу всѣ выгоды бракосочетанія Людовика XV съ русской цесаревной. Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о ея свойствахъ и достоинствахъ, увѣрялъ, что по своему характеру, она легко приспособится къ французскимъ нравамъ, что въ отпущеніи вѣры не встрѣтится никакихъ затрудненій, что вмѣстѣ съ рукою цесаревны, король приобрѣтетъ въ Россіи могущественную союзницу, которая поддержитъ его притязанія на Польскую корону (18).

На всѣ эти доводы Кампредонъ отвѣчалъ, что предложеніе князя щекотливо, что король, отославъ пифантину, вѣроятно, принялъ другое намѣреніе на счетъ своей женитьбы. Было бы лучше, заключилъ посланникъ, если бы императрица сдѣлала это предложеніе черезъ своего министра въ Парижѣ (18). «Этого то именно она и не хочетъ, отвѣчалъ Меньщиковъ, государыня имѣетъ къ вамъ довѣренность и увѣрена, что вы исполните ея порученіе со всевозможнымъ усердіемъ.»

Кампредонъ обѣщалъ и, исполняя обѣщаніе, возобновилъ переписку по сему дѣлу. Расхваливая Лизавету, посолъ доносилъ такъ: цесаревна пишетъ и хорошо говорить по-французски; говорить по-нѣмецки и ловка въ обращеніи, не смотря на *малыя дарованія особы, заботившихся о ея воспитаніи.*

Въ отвѣтъ на эти письма и предложенія, государыня съ величайшею досадою узнала, что Людовикъ XV заключилъ брачный договоръ съ Англійскою принцессою, второю дочерью принца Валлійскаго.

Начались толки о женитьбѣ герцога Бурбонскаго съ Лизаветою, но герцогъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ предложеніи, онъ просилъ руки нѣмецкой принцессы. Между

тѣмъ, Петербургскій дворъ узналъ, что брачный договоръ съ Англійскою принцессою разстроился; Меншиковъ снова обратился къ Кампредону. Удивлялся тому, что Франція сама не блюдетъ своихъ выгодъ; заключала же она съ Россіей родственные союзы — Генриха I-го съ Анною Ярославною, что тогдашнее значеніе Россіи было ничтожно въ сравненіи съ нынѣшнимъ и проч. Чтобы побудить французское правительство на согласіе, распущена была молва: будто бы Англійскій король искалъ руки Лизаветы для одного изъ своихъ внуковъ.

Только съ извѣстіемъ о бракосочетаніи Людовика XV съ Маріей, дочерью короля Польскаго, Станислава Лещинскаго, Екатерина перестала надѣяться видѣть свою дочь на французскомъ престолѣ.

Разсказываютъ современники еще объ одномъ проэктѣ: выдать цесаревну за сына Маркграфа Альберта и отдать въ приданое Курляндію; но едва ли и существовало подобное предположеніе (19).

Между тѣмъ царствованіе Екатерины было весьма не спокойно. Перемѣны въ административномъ управленіи, кончившіяся разъединеніемъ властей, ослабленіе власти Сената и Синода, деспотизмъ князя Меншикова, управлявшаго Россіей, какъ своей вотчиною, все это возбуждало всеобщій ропоть. Партія недовольныхъ росла. Въ народѣ бродили тревожные слухи.... Тайная канцелярія, по настоянію Меншикова, терзала въ застѣнкахъ обвиненныхъ, виновныхъ и чаще невинныхъ (20).

Правительство сильно было встревожено волненіемъ умовъ и со страхомъ ждало сильныхъ переворотовъ въ государствѣ. Члены Верховнаго Совѣта (Верховники, какъ ихъ тогда называли), предлагали различные проэктъы къ огражденію престола отъ возможныхъ потрясеній. Замѣчательнѣе всѣхъ была мысль барона Остермана. Онъ предлагалъ, какъ лучшее средство къ водворенію спокойствія въ имперіи, сочетать бракомъ великаго князя Петра Алексѣевича (род. 12 октября 1715 г.), съ его теткой родной Лизаветой (род. 18 Декабря 1709 г.) Остерманъ слѣдующими доводами уничто-

жалъ препятствіа къ сему браку, т. е. близость родства и разность лѣтъ:

«Никакого вящаго несчастія государству приключиться не можетъ», писалъ Остерманъ, «и никакое раздѣленіе такъ опасно есть, какъ когда у онаго формальнаго наслѣдственнаго порядка и наслѣдника нѣтъ....» Далѣе говоритъ онъ, «что супружеское сіе обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, можетъ касаться только до однихъ подданныхъ, живущихъ *подъ правительствомъ*, по не до высокихъ государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предковъ своихъ законы, но оныя по своему изволенію и волѣ отмѣнять свободную власть и силу имѣеть, особливо когда отъ того зависитъ спасеніе и благополучіе толь многихъ миліоновъ людей....» и т. д. (20).

Представленіе Остермана, пишутъ Арсеньевъ и Каменскій, по странности своей и рѣшительному несогласію съ догматами вѣры, было отвергнуто. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова на чемъ нибудь основаны. Тѣмъ не менѣе, какъ отраженіе слуховъ и толковъ того времени, для насъ любопытны донесенія Кампредона:

Должно быть, по предложенію Басевича, (писалъ агентъ французскій, въ ноябрѣ 1725 г.), государыня приказала узнать мнѣніе Синода о томъ, можетъ ли великій князь Петръ жениться на своей теткѣ. Синодъ отвѣчалъ, что это не можетъ быть дозволено, ни Божескими, ни человѣческими законами (20). Не смотря на мнѣніе Синода, доносятъ Кампредонъ въ декабрѣ того же года, послано просить у вселенскихъ патріарховъ разрѣшеніе на этотъ столь страшный бракъ. Очень многіе были убѣждены, что разрѣшеніе выйдеть, бракъ состоится и престолъ утвердится за обвинчавшимися племянникомъ и теткой. Нашъ дворъ велъ по этому поводу переговоры съ Вѣскимъ правительствомъ, и на всѣхъ празднествахъ и балахъ, Петръ являлся не разлучнымъ съ Лизаветой (21).

Въ то время, какъ для Елизаветы, послѣ тщетныхъ поисковъ достойнаго жениха между иностранными принцами,

нашли его среди кровныхъ родственниковъ, сестру ея Анну выдали за Карла Фридриха герцога Голштейнъ-Готторбскаго.

21 мая 1725 года, въ Троицкомъ Соборѣ, что на Петербургской сторонѣ, совершенъ былъ обрядъ вѣчанія. Въ особо устроенномъ залѣ лѣтняго дворца, шумно и весело отпраздновали свадьбу. Вся царская фамилія принимала живѣйшее участіе въ торжествѣ, цесаревна Лизавета и великая княжна Наталья Алексѣевна были ближними дѣвицами невѣсты. Всѣ блистали необыкновенною пышностью нарядовъ и головныхъ уборовъ (21).

Вообще празднества на разные случаи и ассамблеи скоро возобновились послѣ смерти Петра. При Катеринѣ онѣ приняли болѣе приличный видъ. Комнаты, гдѣ танцевали, очистились отъ табачнаго дыма, перестали опивать изъ штрафнаго кубка водкой; толпы шутовъ, дураковъ и скомороховъ на время выгнаны и изъ дворца, и изъ общественныхъ собраній. Стали заводиться карточныя игры. Между дамами и дѣвицами незнаніе танцевъ уже считалось стыдомъ.

Семнадцатилѣтняя красавица Лизавета блистала на всѣхъ собраніяхъ. Ловкая, живая, граціозная и веселая, она была царицею баловъ. Но суровые сановники съ неудовольствіемъ видѣли въ ней излишнее пристрастіе къ подобнымъ забавамъ, и осуждали вѣтреность ея характера.

Государыня страстно любила своихъ дочерей. Съ выдчей за мужъ старшей, младшая при ней была безотлучно. Лизавета читала матери нужные бумаги и акты, она же, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, подписывала всѣ указы именемъ своей матери (21).

Въ началѣ 1726 года, императрица возложила на Лизавету орденъ Св. Екатерины; тотъ же орденъ получила и Д. М. княгиня Меншикова. Но въ то время, когда все улыбалось любимцу счастья, большая партія его противниковъ воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы низпровергнуть временщика. Отъѣздомъ его въ Курляндію Девиеръ, Толстой, Ушаковъ и друг., воспользовались какъ нельзя лучше. Императрица была возбуждена противъ своего любимца; надъ нимъ нарядили комиссію, всѣ съ нетерпѣніемъ

ждали гибели Меншикова. Но Бассевичъ, пріятель князя, убѣдилъ заступиться за него герцога Голштинскаго. Слабый, безхарактерный герцогъ, противъ своихъ выгодъ, спасъ фаворита. Онъ остался въ прежней силѣ и съ прежнею властію правителя, которой и воспользоваться для страшной мести надъ своими врагами....

Для насъ этотъ случай важенъ по слѣдующему обстоятельству. Неумѣстное заступничество герцога возбудило противъ него и вообще противъ голштинцевъ злобу всѣхъ Верховниковъ, министровъ, вельможъ, придворныхъ, всѣхъ многочисленныхъ недоброжелателей Меншикова (22).

Негодование до того было явно, что когда прибылъ въ Петербургъ, въ 1726 г. 11 октября, двоюродный братъ герцога, принцъ епископъ Любскій Карлъ Августъ, то императрица, сильно желавшая выдать за него Лизвету, старалась всячески скрыть это намѣреніе и свое благоволеніе къ принцу. Не раньше, какъ только въ своемъ завѣщаніи государыня рѣшилась назвать его женихомъ своей дочери.

Вечеромъ 6-го мая 1727 года, Катерина скончалась на 44 году отъ рожденія.

III.

Завѣщаніе императрицы. — Отъѣздъ герцогини Голштинской Анны Петровны. — Паденіе Меншикова. Партія. — Переговоры о бракосочетаніи Лизветы. — А. Б. Бутурлинъ. — Ссора цесаревны съ государемъ. — Смерть Петра II-го. —
1727 — 1730.

Лишь только скончалась государыня, Меншиковъ поставилъ у всѣхъ выходовъ дворца сильные караулы и на другой же день, рано по утру, пригласилъ во дворецъ великаго князя Петра Алексѣевича, герцога и герцогиню Голштинскихъ, цесаревну Елизавету, вельможъ и именитѣйшее духовенство. Предъ всѣмъ собраніемъ Меншиковъ громозласно прочелъ завѣщаніе Екатерины.

Завѣщаніе это было сочинено графомъ Бассевичемъ (23), разумѣется подъ диктовку Меншикова. «Всѣ бумаги и указы въ царствованіе Екатерины подписывались цесаревной Елизаветой, герцогомъ Голштинскимъ и Меншиковымъ, о томъ положительно извѣстно, пишетъ Саксонскій посолъ Дефортъ

27 сентября 1727 года, что большая государыня не только не читала, но и ничего не знала о завѣщаніи, составленномъ отъ ея имени».

Справедливо или несправедливо это извѣстіе, но великій князь Петръ Алексѣевичъ, на основаніи сего акта, былъ объявленъ императоромъ. За его малолѣтствомъ, надъ нимъ учреждалось регентство изъ десяти лицъ. Въ числѣ ихъ были герцогъ съ герцогинею Голштинскою и Елизавета. Слѣдующіе пункты завѣщанія относились къ нимъ.

8. Если великій князь скончается безъ послѣдниковъ, то послѣ него вступаетъ на престолъ герцогиня Голштинская, потомъ цесаревна Елизавета, и наконецъ великая княгиня Наталья Алексѣевна съ ихъ потомствами, такъ однако, чтобы мужское колѣно имѣло преимущество предъ женскимъ; если же не останется никого изъ потомковъ фамиліи нашей, то наследовать престолъ долженъ ближайшій и старшій родственникъ нынѣ царствующей въ Россіи фамиліи, мужскаго пола; но ни одна изъ царствующихъ уже гдѣ либо особъ, или исповѣдующихъ грекороссійскій законъ, не можетъ быть на престолѣ Россійскомъ.

9. Такъ какъ обѣ наши дочери уступаютъ свое право на престолъ великому князю, то должно выдать каждой изъ нихъ, кромѣ приданого, состоящаго изъ 300,000 рубл., по милліону рублей, которые выслать, если не вдругъ, то въ продолженіе малолѣтства великаго князя. Деньги сіи, равно какъ и приданое, ни подъ какимъ предлогомъ, ни отъ нихъ, ни отъ супруговъ или дѣтей не требовать; также послѣ нашей кончины обѣ дочери наши наследуютъ брилліанты, золото, серебро, мебели, экипажи, лично намъ принадлежащіе. Что касается до деревень, нашу собственность составляющихъ, то онѣ должны быть раздѣлены между ближайшими, кровными нашими родственниками.

10. Во время пребыванія обѣихъ нашихъ дочерей въ Россіи, кромѣ назначенныхъ имъ въ предвидущей статьѣ денегъ, выдавать имъ ежегодно по 100,000 рублей.

11. Дочь наша, цесаревна Елизавета Петровна имѣетъ сочетаться бракомъ съ Голштинскимъ герцогомъ и еписко-

помъ Любскимъ, на что мы даемъ наше материнское благословеніе п. т. д.

Ручательство Римскаго императора гарантировало исполненіе сего завѣщанія, которому суждено было не исполниться во многихъ статьяxъ. Такъ смерть лишила цесаревну новаго, на этотъ разъ ей завѣщаннаго жениха: епископъ Любскій скончался прежде обрученія, отъ сильной простуды, 1-го іюня 1727 года, въ Петербургѣ. (24)

И такъ этотъ пунктъ духовной не могъ быть выполненъ; что касается до остальныхъ, то и они были нарушены властолюбивымъ Меньщиковымъ. Въ его полной власти находился державный отрокъ. Онъ былъ окруженъ семействомъ, за нимъ слѣдили клеветы и сторонники временщика. Меньщиковъ сдѣлался единственнымъ опекуномъ Петра, и не потитлу, а по существу былъ истиннымъ регентомъ.— Совѣтъ или вовсе не собирался, или созывался только тогда, когда Меньщиковъ хотѣлъ изумить своихъ сочленовъ какимъ либо новымъ свидѣтельствомъ своего возвеличенія (24).

Надменный правитель, недовольствуясь всѣми почестями и безпредѣльною властію, имъ самимъ присвоенною, интриговалъ еще противъ важнѣйшихъ своихъ сочленовъ: противъ герцога и герцогини Голштинскихъ. Опасаясь ихъ вмѣшательства въ дѣла правленія, онъ долго и упорно ихъ преслѣдовалъ; отказывалъ въ просьбахъ, обращался съ ними сурово-надменно и презрительно. Несчастный герцогъ рѣшился уклониться отъ преслѣдованій. Въ концѣ іюля 1727 года, онъ оставилъ Россію навсегда. 4-го Мая слѣдующаго года Анна Петровна скончалась, произведши на свѣтъ сына Карла-Петра-Ульриха, въ послѣдствіи императоръ Петръ III.

Съ отъѣздомъ сестры, 18-ти лѣтняя цесаревна Лизавета, во всемъ блескѣ красоты, осталась одна посреди обольщеній свѣта; безъ руководителей и просвѣщенныхъ наставниковъ, она не получила любви ни къ дѣламъ государственнымъ, ни къ какимъ либо серьезнымъ занятіямъ; чужда была желанія господствовать въ Совѣтѣ, уклонялась отъ всякаго участія въ правленіи, пламенно любила придворные праздники, всякаго рода увеселенія, забавы и танцы. Вотъ почему она не имѣла значенія, не внушала и того уваженія,

которое оказывали ей сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, бывшей, по словамъ современника: *умильною собой, пріемной и умной*. Напротивъ, на цесаревну не обращали вниманія и гордый временщикъ не считалъ нужнымъ противъ нее крамольничать. Елизавета была равнодушна ко всему этому, она и незамѣчала той незавидной роли, которая выдалась ей въ числѣ *верховниковъ* государства. Она довольствовалась внѣшнимъ почетомъ, который продолжали ей оказывать, какъ теткѣ императора. (25)

Въ числѣ главныхъ дѣятелей сего времени былъ Остерманъ. Подъ его вѣдѣніемъ находилось множество дѣлъ, онъ умѣлъ сдѣлаться столь полезнымъ, что ни въ одной Коллегіи перѣшались дѣла безъ его вліянія. Бude собирались члены для рѣшенія какого нибудь дѣла и между ними не было Остермана, они только пили водку и всегда кончали тѣмъ, что обращались за совѣтомъ къ Остерману, который какъ нельзя лучше, управлялъ ими. Этотъ-то искусный чело-вѣкъ сталъ во главѣ партіи недовольныхъ Меньщиковымъ. Ловко снискавши уваженіе всѣхъ членовъ царской фамиліи и даже цесаревны Елизаветы, всегда его не любившей, Остерманъ ниспровергнулъ Меньщикова въ минуту, когда тотъ достигъ всего, чего можетъ только достигнуть подданный. (25)

Но съ ссылкой временщика въ Березовъ, положеніе двора не улучшилось. Открылись интриги; окружающіе государя раздѣлились на враждебныя другъ другу партіи. Каждая изъ нихъ старалась захватить въ свои руки кормило правленія, выпущенное изъ отроческихъ рукъ государя. Дворъ наполнился честолюбивыми вельможами, ссорившимися, терзавшими другъ друга и цѣлую Россію. (26)

Въ этой общей неурядицѣ, поведеніе Елизаветы, державшей себя, по своему характеру, вдали отъ всѣхъ козней и интригъ, было очень благоразумнымъ. Дюкъ Липрійскій хвалитъ за это цесаревну. Но Елизавета Петровна дѣйствовала такъ не столько по расчетамъ благоразумія и политики, сколько по своей безнечности Какъ-бы то ни было; но ласковое обращеніе ея съ вельможами, уваженіе къ Остерману, все это приобрѣло ей довѣренность и расположе-

ніе молодого государя. Пользуясь этимъ, цесаревна могла бы, властвовать его именемъ и подавить крамолы вельможъ. Но для этого у нея не было ни твердости, ни рѣшимости.

А между тѣмъ расположеніе государя къ теткѣ уже вызывало боязнъ со стороны Долгорукихъ, ревниво оберегавшихъ власть надъ юнымъ самодержцемъ. Супружество было лучшимъ предлогомъ удалить отъ двора опасную цесаревну. Графъ Морицъ Саксонскій просилъ ея руки. Верховники благосклонно приняли его просьбу. Въ то же самое время, престарѣлый герцогъ Курляндскій Фердинандъ, не думая о смерти, думалъ о женитьбѣ: онъ также сватался за дочь Петра I. Но ей удалось сохранить свою независимость, устранивъ предложеніе какъ герцога Курляндскаго, такъ и претендента на его корону (26).

Спокойно, весело и беззаботно проводилъ время царь, среди тревожнаго двора своего, вовсе не подозрѣвая партій столъ гибельныхъ для имперіи. Не любя наставленій Остермана, не любя серьезныхъ занятій, онъ проводилъ время въ пріятномъ для него обществѣ Ивана Долгорукаго, тетки Лизаветы и сестры Наталіи. Къ нимъ государь питалъ почти одинакую любовь и расположеніе. «Но я не ручаюсь впрочемъ, писалъ Дюкъ Лирійскій въ январѣ 1728 г., надолго останется подобное положеніе дѣлъ. Не ручаюсь, чтобъ черезъ недѣлю не случилось чего нибудь, совершенно противнаго нынѣшнему состоянію двора, ибо нѣтъ въ Европѣ двора, непостояннѣе здѣшняго» (27).

Испанскій посоль былъ правъ. Алексѣй Долгорукій, стремясь къ исключительному управленію государемъ и государствомъ, съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ охладить дружбу и любовь Петра къ сестрѣ, а потомъ и къ теткѣ.

Не проникнувъ замысла лукаваго царедворца, Лизавета, возбуждаемая его клеветами, стала съ презрѣніемъ и холодностью обращаться съ Натальей.—Во вредъ себѣ стала вооружать государя противъ сестры. Въ это же время Иванъ Долгорукій, орудіе отца своего, всячески отдалялъ монарха отъ княжны и старался сблизить его съ красавицей-теткой. Очарованный ея прелестями, Петръ предался теткѣ со всѣмъ

пыломъ молодости, являлъ ей торжественно свою любовь, ее только искалъ въ собраніяхъ, слѣпо исполнялъ ея просьбы.

«Принцесса Елизавета, писалъ Англійскій посолъ Рондо, пользуется въ настоящее время особымъ расположеніемъ царя. Она прекрасна, любитъ все то, что нравится царю, т. е. танцы, охоту, въ которую государь просто влюбленъ. Не стану говорить о другихъ склонностяхъ общихъ теткѣ и ея племяннику..... До сихъ поръ цесаревна вовсе не мѣшается въ дѣла государственныя, она вся погружена въ забавы, и всюду, на всѣхъ празднествахъ, юный монархъ отъ нея не отходитъ» (27).

Это то расположеніе царя къ теткѣ вызываетъ новыя козни. Власть Елизаветы пугаетъ Долгорукихъ, они стараются очернить ее предъ государемъ и посѣять между ними раздоръ.

Князя Голицыны, партія враждебная Долгорукимъ, чрезъ посредство Елизаветы, вознамѣрились завладѣть Петромъ. Орудіемъ своей интриги они употребили А. Б. Бутурлина (27). Молодой Бутурлинъ, какъ камергеръ двора Елизаветы, имѣлъ къ ней свободный доступъ и успѣлъ вызвать расположеніе со стороны цесаревны. Это обстоятельство доставило Бутурлину любовь и дружбу государя, потомъ орденъ Св. Александра Невскаго, чинъ генераль-маіора, мѣсто въ рядахъ кавалергардскаго корпуса (28).

Но скоро расположеніе Елизаветы было представлено государю въ дурномъ свѣтѣ. Петръ пересталъ съ ней говорить, пересталъ кланяться. 5-го сентября 1728 года, въ день своихъ именинъ, цесаревна созвала въ свой дворецъ много гостей къ именинному обѣду. Государь пріѣхалъ къ самому ужину и, по окончаніи его, не дождавшись начала бала, уѣхалъ. Никогда еще, пишетъ очевидецъ, не показывалъ его величество такого явнаго нерасположенія къ своей теткѣ. Но та не замѣчала, или умышленно не обращала на это вниманія, была весела и много танцевала.

Въ октябрѣ того же года, посолъ Прусскій, графъ Вратиславскій, въ слѣдствіе повелѣнія своего кабинета, сдѣлалъ предложеніе о бракосочетаніи цесаревны съ Карломъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ Байретейтскимъ. Переговоры

объ этомъ предложеніи были прерваны государемъ. Думая, что бракъ этотъ пріятенъ Лизаветѣ, Петръ, изъ личнаго къ ней нерасположенія, отказалъ жениху. (28)

Впрочемъ, авторъ замѣчаній на записки Манштейна говоритъ, что переговоры тянулись до смерти Петра II-го. Съ воцареніемъ Анны Ивановны, Прусскій дворъ перемѣнилъ предметъ своихъ исканій. Онъ всячески старался женить принца на царской племянницѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ. Дѣло шло успѣшно, портретъ Маркграфа висѣлъ уже въ кабинетѣ цевѣсты, но интриги Вѣнскаго двора измѣнили ходъ переговоровъ. Портретъ сняли, а руку Анны Леопольдовны отдали Антону-Ульриху, племяннику императора Карла VI. (28)

Въ февралѣ 1729 года дворъ, вслѣдъ за государемъ и его теткой, переѣхалъ въ Москву. Бутурлинъ былъ отправленъ въ Украину, съ полками, въ апрѣлѣ 1729 года. Съ этого то времени Елизавета не имѣла при дворѣ ни партіи, ни подпоры, она даже находилась подъ стѣснительнымъ надзоромъ Долгорукихъ.

Петръ проводилъ время на охотѣ, въ обществѣ своихъ любимцевъ. — Нелюбезная ему тетка, проводила весну и лѣто въ селѣ Покровскомъ, отсюда ѣздила въ Измайлово, гдѣ, въ обществѣ Катерины Ивановны и ея родныхъ, занималась рукодѣліями, пряла шелкъ, ткала холсты, вышивала церковныя облаченія и пелены. Зимой тамъ строились для катаній сибѣжныя горы; преданіе гласитъ, что цесаревна особенно любила кататься на конькахъ, на пруду. — Въ Измайловѣ имѣло доступъ и драматическое искусство. Катерина Ивановна сама распоряжалась ходомъ спектаклей. Въ антрактахъ выходили на сцену шуты и шутихи, они потѣшали невзыскательныхъ зрителей плясками съ припѣвами и всякаго рода фарсами. Въ Измайловѣ и Покровскомъ цесаревна развлекала себя охотою за зайцами, бывали и псовыя охоты. (29)

7-го Мая 1729 года въ память восшествія на престолъ государя, былъ большой балъ. Цесаревна, подъ предлогомъ нездоровья, не явилась на него, а на другой же день выздоровѣла. Подобныя поступки конечно не могли примирить ее съ племянникомъ; Долгорукіе, искусно распаливши ссору, имѣли въ виду заточить Лизавету въ монастырь и вѣроятно

успѣли бы въ своемъ намѣреніи, еслибы сами его не оставили, какъ дѣло совершенно бесполезное: Елизавета не была уже для нихъ опасна (29)!

19-го Января 1730 года императоръ скончался, послѣ непродолжительной, но жестокой болѣзни оспою, на 15-мъ году отъ рожденія. Съ смертію Петра II-го пресѣклось мужеское колѣно дома Романовыхъ.

IV.

Дѣйствія Верховнаго Совѣта при избраніи государя. — Анна Ивановна принимаетъ власть самодержицы. — Замыслы въ пользу цесаревны Елизаветы. — Ея жизнь въ селѣ Покровскомъ. — Шубинь. — Мысль о заточеніи Елизаветы въ монастырь. — Жизнь въ Петербургѣ. — Аудіенція Китайскаго посла. — Праздникъ по случаю взятія Данцига. — Бракъ Анны Леопольдовны. — Казни Долгорукихъ. — Миръ съ Турками. — Забавы при дворѣ Анны Ивановны. — Рожденіе Іоанна. — Распоряженія о престолонаслѣдіи. — Болѣзнь и смерть Анны Ивановны.

1730 — 1740.

При одрѣ умирающаго государя Долгорукіе соединились съ Голицыными и рѣшили, не упуская удобнаго случая, при избраніи новаго монарха, ограничить власть самодержавную. Всѣ верховники, исключая уклончиваго Остермана, согласились съ этимъ предложеніемъ. Начались долгіе споры о лицахъ, достойныхъ взойти на престоль. Слышались различныя предложенія за государыню — невѣсту (такъ называлась Катерина Долгорукая), (30) за Авдотью Ѳедоровну Лопухину, бабу покойнаго императора. Завѣщаніе Катерины I-й, своевременно обнародованное и отпечатанное въ вѣдомостяхъ, было всѣмъ извѣстно и всѣ избиратели единогласно отрицали права Елизаветы на отцовскій престоль. Ея двухъ-лѣтній племянникъ, сынъ покойной Анны, и она, цесаревна, — въ силу завѣщанія, были ближайшими наслѣдниками престола. Но Голицыны, Долгорукіе, а за ними и другіе сановники, не упоминая о Петрѣ III-мъ, говорили, что Елизавета слишкомъ молода (ей шелъ 21-й годъ), слишкомъ любитъ развлечения и забавы. Во всемъ собраніи сановниковъ не раздавался ни одинъ голосъ въ защиту прекрасной царевны. Вотъ что писалъ объ этомъ Французскій посолъ Маньянъ, два мѣсяца спустя, 3-го апрѣля: (30).

«Принцесса Елизавета вовсе не показывалась въ Москвѣ въ продолженіе всѣхъ толковъ о томъ, кто будетъ избранъ на престолъ. Она жила въ деревнѣ и, не смотря на просьбы своихъ друзей, готовыхъ ее поддержать, друзей, которые умоляли ее явиться въ Москву и своимъ присутствіемъ дать благопріятный оборотъ дѣлу, Елизавета не раньше явилась въ городъ, какъ по избраніи Анны Ивановны. Впрочемъ, говоритъ Маньянъ, если бы она и явилась своевременно, то и тогда бы не приобрѣла себѣ сторонниковъ среди именитыхъ сановниковъ, располагавшихъ судьбою царства. Царствованіе Екатерины 1-й, ознаменованное деспотизмомъ Меншикова, еще слишкомъ было свѣжо въ ихъ памяти боялись повторенія его со вступленіемъ на престолъ Елизаветы.

Машштейнъ рассказываетъ, что вопреки всѣмъ дѣйствіямъ Верховнаго Совѣта, Елизавета могла бы воспользоваться своими правами на престолъ и получила бы корону, если бы послѣдовала совѣтамъ своего доктора Лестока. Государь скончался въ два часа ночи. Докторъ, въ ту-же ночь получа о семъ извѣстіе, паскоро одѣлся, поспѣшилъ въ спальню спавшей цесаревны, разбудилъ и настойчиво просилъ ее собрать гвардію, показаться народу и отправиться въ Сенатъ, гдѣ предъявить свои права на корону (31).

Достовѣрно извѣстно, что кончавшаяся уже болѣзнь, не дозволила цесаревнѣ явиться гвардіи, народу и Сенату. Въ рѣшительную минуту она не могла оставить покоевъ, герцогиня Курляндская была избрана на царство. 20 Января 1730 Маньянъ (31) писалъ въ своей депешѣ: Министры и уполномоченные разныхъ дво-ровъ были изумлены подобнымъ выборомъ. Никто изъ нихъ и не думалъ о дочеряхъ Ивана Алексѣевича. Всѣ были убѣждены, что корона достанется кому-нибудь изъ трехъ: сыну герцога Голштинскаго, цесаревнѣ Елизаветѣ или Катеринѣ Долгорукой. Но лишь только сдѣлались извѣстны условія, съ которыми предложена корона герцогинѣ Курляндской, тогда сейчасъ же объяснилась тайная причина столь страннаго предпочтенія (32).

Дѣйствія верховниковъ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Составился обширный заговоръ упросить госуда-

ршию принять, вмѣсто власти ограниченной, власть самодержавную, ничѣмъ не ограниченную. Написаны и подписаны два прошенія. Явилась и введена къ императрицѣ толпа просителей... Всѣ подробности, относящіяся къ восшествію на престолъ Анны Ивановны, необыкновенно интересны, но, разумѣется, не въ сочиненіи льстиваго, и лукаваго Прокоповича, а въ сочиненіяхъ, подобныхъ: *La Cour de la Russie il y a cent ans, 1725 — 1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français.* Berlin 1858 (73).

Къ этой книгѣ отсылаемъ читателей нашего очерка, позволяя себѣ остановиться на отрывкѣ изъ письма de Bussy, французскаго агента, который въ слѣдующихъ словахъ отъ 25 февраля 1730 рисуетъ любопытную сцену моленій толпы дворянъ, о принятіи царицей власти предшественниковъ ея. «Гвардейскіе и другіе офицеры, стоявшіе предъ трономъ, объявили, что они не хотятъ налагать законы на ихъ государыню, что власть ея должна быть столь же не ограничена, какъ и власть ея предшественниковъ. Энтузіазмъ ихъ до того увеличился, что они распростерлись у ея ногъ съ криками: «Государыня, мы твои слуги, твои подданные Мы служили твоимъ предшественникамъ, и мы готовы пожертвовать жизнью на службу вашему величеству, но мы не можемъ страдать отъ тираніи нѣсколькихъ вельможъ. Скажите слово, и мы повергнемъ къ ногамъ вашего величества головы тирановъ!» Но уже верховники и безъ того потеряли головы отъ страха: что предпринять въ столь опасномъ дѣлѣ; нерѣшительность и ненаходчивость спасла имъ на этотъ разъ жизнь. «Если бы они,» пишетъ Мапьянъ, «рѣшились бы на какуюнибудь мѣру, на какую-нибудь оппозицію, то дворянство и офицеры, въ порывахъ пламеннаго энтузіазма, выкинули бы ихъ за окошки (33).

Просьбы, моленія энтузіастовъ были услышаны. 23-го февраля Анна Ивановна, приняла самодержавіе. Все предстоящее дворянство пало къ ногамъ и съ униженіемъ лобызало руку, въ благодарность за столь высокую милость. Верховники, бывшіе тутъ же, до того растерялись, что также благодарили императрицу, хотя дѣло, за которое они униженно цѣловали ея руку, приводило ихъ въ ужасъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, было видно на горизонтѣ сѣверное сіяніе; кровавымъ заревомъ освѣщало оно все небо. Это явленіе сильно поразило какъ простой народъ, такъ и суетворное дворянство. Всѣ съ ужасомъ видѣли въ этомъ явленіи предзнаменованіе правленія ужаснаго, свирѣпаго, въ продолженіе котораго польются потоки крови. Вѣрноподаническая радость смѣнилась страхомъ и боязливымъ ожиданіемъ (33)!

Съ первыхъ же дѣйствій новаго правительства, дворянство разочаровалось. Съ неудовольствіемъ видѣло оно, что государыня окружила себя иностранцами. Что курляндецъ Биронъ, осыпанный почестями и титулами, пользуется особенною ея любовью. Что соотечественники фаворита заняли важнѣйшія мѣста въ дѣлѣ управленія Россіи.... Старыя аристократическія фамиліи русскія были жестоко оскорблены этимъ незаслуженнымъ предпочтеніемъ. Слѣдствіемъ сего недовольства было то, что многіе родовые князья и дворяне стали сожалѣть о своей опрометчивости, раскаявались въ сдѣланной ими ошибкѣ и стали искать случая поправить дѣло. Случаемъ подобнымъ могло быть возведеніе на престолъ Лизаветы. На нее возложили свои надежды недовольные правленіемъ курляндцевъ, на эту цесаревну, на которую столь недавно, не обращали почти никакого вниманія и оставляли проводить жизнь въ той сферѣ, которая болѣе другихъ приходилась по ея вкусу (33). Но теперь наступило другое время; она была русская по сердцу и по характеру. «Множество дворянъ», писалъ Рондо, «вмѣстѣ съ гвардейскими офицерами уже толкуютъ межъ собой секретно и превозносятъ Елизавету, любовь къ памяти ея отца еще болѣе возвышаетъ Лизавету въ глазахъ недовольныхъ дворянъ. Составляется заговоръ; цѣль его обязать императрицу объявить наслѣдницею престола не племянницу свою, дочь Катерины Ивановны, а цесаревну Лизавету» (34).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ состояніи умовъ, при всеобщемъ неудовольствіи противъ Бирона, цесаревна Елизавета сильно смущала государыню, и заставляла трепетать ее за свою корону. Но дочь Петра, въ настоящее время, менѣе всего думала о престолѣ (35)

По распоряженію Бирона уже начались ссылки и аресты: въ числѣ первыхъ схваченныхъ былъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. Вотъ немногія подробности о немъ: Шубинъ, былъ молодой человѣкъ, статный, красивый, съ умомъ предпріимчивымъ; арестованный, по особому повелѣнію, онъ долго томился въ оковахъ, въ застѣпкѣ, въ такъ называемомъ *каменномъ мышкѣ*, гдѣ нельзя было ни стать, ни лечь. Послѣ ужаснаго заточенія, подъ строгимъ карауломъ, несчастный красавецъ, по обычаю того времени, безъ слѣдствія и суда, былъ сосланъ подъ другимъ именемъ въ Камчатку, гдѣ, противъ воли, его обвиняли съ Камчадалкою. Каменскій видѣлъ въ Москвѣ, у одного любителя старинныхъ рукописей, пѣсню, сочиненную и писанную дѣвицею, которая страстно любила Шубина. Слогъ устарѣлъ, но пѣсня дышетъ огненнымъ чувствомъ:

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легчебъ-тя не знати, нежели такъ страдати
Всегда по тебѣ и т. д. (85).

Въ продолженіе всего этого времени (1731 годъ) цесаревна прожила въ любимомъ ея селѣ Покровскомъ. Въ деревянныхъ хоромахъ дворца, нѣкогда видѣвшаго въ своихъ стѣнахъ царей Михаила и Алексѣя, проводила время цесаревна вмѣстѣ съ своими родственниками Скавронскими и Гендриковыми. Въ двухъ обширныхъ фруктовыхъ садахъ, широко раскинувшихся вокругъ дворца, прогуливалась Лизавета, сажала цвѣты, наблюдала за разбивкой цвѣтничковъ, пересадкой фруктовыхъ деревъ; въ густыхъ липовыхъ аллеяхъ устраивался, по ея повелѣнію, бесѣдки; на широкихъ лугахъ высидились качели, на прудахъ зимою возвышались горы. Между садомъ и дворцомъ, въ прекрасномъ пруду, выложенномъ бѣлыми камнями, водились щуки и караси; по звуку колокольчика приплывали они къ берегу, и цесаревна изъ своихъ рукъ кормила рыбъ. На лугу, съ красными сѣнными дѣвушками, Лизавета любила водить хороводы, сама пѣла пѣсни. До сихъ поръ, по словамъ Снегирева, сохранилась пѣсня, приписываемая Елизаветѣ; пѣсня напоминаетъ

про ея здѣсь житье. «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» и проч. Зимую цесаревна любила кататься съ горъ и въ пошевняхъ....

Верховники и бояре были правы; двадцатилѣтняя Елизавета была еще слишкомъ молода для престола и управления государствомъ. Если жизнь и ея занятія многимъ не нравились, то красота ея ослѣпляла, приводила въ восторгъ. «Цесаревна такая красавица», пишетъ Дюкъ Лирийскій въ 1731 году, проѣхавшій по всей Европѣ, «такая красавица, какихъ я никогда не видалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высока ростомъ и жива необыкновенно. Танцуетъ хорошо, ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много пріятнаго....» (36).

Какъ ни безопасно вела себя Елизавета, тѣмъ не менѣе ея права на престолъ возбуждали опасенія со стороны Анны Ивановны, ревниво оберегавшей свою власть. Въ слѣдствіе сего опасенія, императрица издала указъ, повелѣвая всѣмъ учинить присягу въ томъ, что они признаютъ наследникомъ того, кого угодно будетъ ей назначить. Эта формальность, заведенная Петромъ въ 1722-мъ году, тѣмъ не менѣе была исполнена, хотя она и не спасала государство отъ переворотовъ. Въ это же время, императрица думала заключить въ монастырь цесаревну, чтобы лишить ее вовсе надежды когда нибудь взойти на престолъ. Государыня какъ нельзя лучше понимала, что вопреки всевозможнымъ присягамъ корона не удержится на главѣ ея избраннаго наследника, если близъ трона будетъ находиться дочь Петра I. Только ревностное заступничество Бирона спасло Елизавету отъ постриженія и *тѣснаго* заточенія въ отдаленнѣйшемъ монастырѣ. Герцогъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, дѣйствовалъ не по влеченію сердца, у него сердечныхъ, благородныхъ порывовъ и небыло (36), а изъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Празднества по случаю коронаціи поражали своимъ великолѣпіемъ. «Вы не можете вообразить», писалъ резидентъ англійскій, «какъ великолѣпенъ здѣшній дворъ съ новымъ царствованіемъ, хотя въ казначействѣ нѣтъ ни одного шиллинга. При всеобщемъ безденежьи куртизаны входятъ въ неоплат-

ные долги, чтобы дѣлать великолѣпные наряды къ маскарадамъ» (37).

Только въ январѣ 1732 года весь дворъ, послѣ цѣлаго ряда самыхъ блестящихъ празднествъ, возвратился въ Петербургъ, забытый покойнымъ государемъ. Послѣ новыхъ блестящихъ празднествъ, данныхъ въ Петербургѣ, жизнь императрицы и цесаревны потянулась довольно однообразно. Великая княжна жила въ особомъ дворцѣ (нынѣ Пажескій корпусъ, на Садовой), имѣла свой дворъ и проводила время однообразно. Въ ея дворцѣ не было ни маскарадовъ, ни баловъ, ни собраній. Все это изрѣдка бывало во дворцѣ императрицы, куда должна была являться и цесаревна. Но и эти собранія не имѣли и тѣни той веселости, той свободы, того оживленія, которыми они столь нравились Лизаветѣ въ царствованіе Екатерины I и Петра II. Напротивъ, серьезный видъ государыни, присутствіе ненавистнаго Бирона, дѣлали вечера необыкновенно монотонными и скучными. Карты почти выгѣснили танцы, даже Лизавета, страстная любительница танцевъ, должна была покоряться модѣ, и терпѣливо просиживать цѣлые вечера за картами, вмѣстѣ съ императрицей, ея сестрой, Бирономъ или другими именитыми особами, работѣнно занимавшимися всѣмъ тѣмъ что только нравилось государынѣ. Лѣто и весну цесаревна проводила въ лѣтнемъ своемъ домѣ, построенномъ въ 1720 году, въ деревнѣ Смольной, что противъ Охты, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается соборъ Учебныхъ Заведеній (37).

Этикетъ при дворѣ наблюдался самый строгій. Прежде чѣмъ явиться къ государынѣ, Лизавета должна была посылать съ просьбой, могутъ ли ее принять. Въ утро дней своего рожденія или именинъ, принявъ поздравленія у себя во дворцѣ, цесаревна вечеромъ должна была являться на балъ къ императрицѣ. У себя она не имѣла права сдѣлать ассамблею. Свадьбы придворныхъ, торжественные обѣды, приѣмы пословъ, не много разнообразили время. Одна изъ подобныхъ аудіенцій важна и для нашего очерка. Въ январѣ 1734 года, въ обширной залѣ дворца, (бывшаго у Польцейскаго моста), представлялся китайскій посланникъ. Послѣ официальныхъ рѣчей, императрица спросила через пе-

реводчика: «какая дама здѣсь прелестнѣ всѣхъ?» Китаецъ уклончиво отвѣчалъ: «смотря на небо въ звѣздную ночь, можно ли сказать, которая звѣзда болѣе блеститъ». Императрица просила прямаго и рѣшительнаго отвѣта. Тогда Китаецъ вѣжливо поклонился Елизаветѣ и сказалъ: «изъ числа всѣхъ этихъ прелестныхъ дамъ, я считаю эту прекраснѣйшею, и еслибъ только у нея были не такъ велики глаза, то никто бы не могъ, взглянувши на нее разъ, не умереть послѣ этого отъ любви (38)».

Во всякой странѣ свои понятія о красотѣ. По словамъ современниковъ, хорошо знавшихъ цесаревну, у нея были прекрасные, большіе глаза.

Де-Лане въ 1718 г. писалъ, что у цесаревны волоса *рыжеватые*; жена англійскаго посла, спустя 15 лѣтъ, находить цвѣтъ этихъ волосъ каштановымъ, почти чернымъ. Вотъ какъ описываетъ Рондо наружность цесаревны. «У нея большіе, выразительные, голубые глаза, прекрасные зубы и очаровательныя уста. Можетъ быть, съ годами княжна сдѣлается толста, но теперь она прелестна, совершенная красавица и танцуетъ лучше всѣхъ женщинъ, сколько я ихъ ни видала. Говоритъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно веселаго нрава (38)».

На великолѣпномъ праздникѣ, данномъ императрицей, въ іюнѣ 1734 года, по случаю взятія Данцига, цесаревна вызвала единодушныя похвалы своей наружности отъ французскихъ плѣнныхъ, приглашенныхъ на праздникъ съ начальникомъ ихъ Де-ла-Мотъ. Обѣдъ и танцы были въ Лѣтнемъ саду, разукрашенномъ по сему случаю. Послѣ любезнаго привѣтствія, сказаннаго императрицей плѣнникамъ, дамамъ и Елизаветѣ поручено было ихъ занимать. Последняя блистала и своей красотой, и своимъ костюмомъ; онъ состоялъ изъ цвѣтной робы съ накрахмаленнымъ, газовымъ чехломъ, съ вышитыми по немъ серсбрыными цвѣтами; роскошныя волосы царевны не были обезображены пудрою, а завитыя въ локоны, перевитыя цвѣтами, они ниспадали на бѣлыя плечи. Умѣнье говорить по-французски, свѣтскость, живость и веселость царевны сдѣлали ее, по словамъ очевидца, феей праздника, богиней веселья.

Но тѣ же современники, которые восхищаются красотой, упрекаютъ красавицу въ ея безпечности, съ которою и въ царствованіе Анны она оставалась равнодушною зрительницею всѣхъ событій въ государствѣ, не вспоминала о прошедшемъ, не хлопотала и не заботилась о будущемъ, но не могла быть довольною и настоящимъ. Только въ 1739 году, она была какъ бы выведена изъ обычной апатіи по слѣдующему случаю. Еще въ 1733 году привезенъ былъ въ Петербургъ 14-ти-лѣтній принцъ Брауншвейгскій Антонъ-Ульрихъ. Съ тѣхъ поръ его воспитывали вмѣстѣ съ Анной Леопольдовной, чѣмъ надѣялись поселить въ нихъ взаимную привязанность. Но принцъ не могъ поправиться скромной и умной племянницѣ государыни. При статной фигурѣ и пріятномъ лицѣ, принцъ получилъ самое нелѣное воспитаніе. Его держали въ отдаленіи отъ людей, безъ хорошихъ наставниковъ, съ нимъ обращались сурово, деспотически. Антонъ-Ульрихъ сдѣлался дикъ, застѣчивъ, молчаливъ, говоря заикался и вообще былъ страшно неловокъ въ обращеніи. Въ походахъ Миниха онъ участвовалъ, какъ волонтеръ, и, кромѣ храбрости не ознаменовалъ себя ничѣмъ. Пользуясь отсутствіемъ принца и нерасположеніемъ къ нему княжны, Биронъ надѣялся соединить ея руку съ рукою своего сына. Но Анна Леопольдовна рѣшилась лучше выйти за нелюбимаго герцога, нежели за сына ненавистнаго ей Бирона. Въ іюль 1739 года свадьба была отпразднована съ азіятскою пышностью (39).

Въ минуту торжественнаго обрученія, печальная невѣста упала въ объятія государыни и стала плакать. Императрица держала себя сначала съ важностью, но скоро и она смѣшала свои слезы съ слезами племянницы. Послѣ обмѣна колецъ, императрица повѣсила на руку невѣсты портретъ жениха и, крѣпко поцѣловавъ, поздравила. Затѣмъ подошла поздравить Анну Леопольдовну цесаревна. Обнявъ ее, она залилась горячими слезами. Что было причиною этихъ слезъ? Искреннее ли сожалѣніе о несчастной принцессѣ, выходящей за немилаго человѣка? Но цесаревна никогда не была близка съ принцессой, никогда не была дружна. Не о себѣ ли, не о своей ли судьбѣ плакала Елизавета, обнимая бу-

душую правительницу Россіи? Съ этимъ бракомъ терлась для нея послѣдняя надежда наслѣдовать прародительскій престолъ....

Свадебное торжество поражало великолѣпіемъ. Дамскіе наряды были чрезвычайно роскошны. Такъ напр. Лизавета (постояннымъ кавалеромъ ея во время церемоній, былъ сынъ Бирона, Петръ герцогъ Курляндскій), была одѣта въ малиновое платье, шитое серебромъ и убранное множествомъ камней.... Свадьба была въ іюлѣ, въ самую жаркую пору и ни одна дама не была въ легкомъ платьѣ, ихъ не любила государыня (40).

Маскарады, балы, фейерверки, итальянскія оперы, торжественныя обѣды, продолжались недолго, не болѣе недѣли. На послѣднемъ маскарадѣ устроено было четыре кадрили. Первою управляли новобрачные; а второю Елизавета съ Курляндскимъ принцемъ, одѣтые въ зеленыя домино, съ золотыми кокардами на головахъ....

По случаю сего торжества, въ примѣчаніяхъ къ С. Петербургскимъ вѣдомостямъ, профессоръ Я. Штелинъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ оду, которая тогда же была переведена на русскій языкъ (40). Вотъ любопытныя отрывки изъ нея:

«Прочь, Венера» восклицаетъ Штелинъ, «со всею прелестью и роскошью своею! Древность могла восхищаться тобою; но то, чѣмъ очаровываетъ насъ красота Анны, помрачаетъ всю твою славу. Тогда лишь въ мысляхъ восхищались, въ одномъ воображеніи; а здѣсь самъ глазъ свидѣтель, что во взорѣ Анны дѣйствительно блеститъ все, что когда либо изображало искусство!»

«О, еслибы поэтъ могъ найти сравненіе, чтобы выразить твою красоту! И еще болѣе, если бъ могъ въ то же время изобразить высокія дарованія, украшающія твое сердце! Что въ немъ господствуетъ? Великодушіе, справедливость, любвеобильная милость, снисходительность, умиленная кротость, любовь къ добру, словомъ — одни небесныя влеченья».

«Переодѣйся, закрой маскою твое лицо; но ты пройдеши и тебя узнаютъ по твоимъ движеніямъ.... Твоя при-

родная грація, тотчасъ обнаружить тебя потому, что и ноступъ твой, и движенія отзываются высочайшимъ благородствомъ.... Кто не славить въ тебѣ полноту ума и вкуса, зрѣлость сужденій и благоразуміе рѣшеній?...» и т. д.

Наконецъ прекратились празднества съ своими обѣдами, проповѣдями, хвалебными и высокопарными одами. Для насъ торжество это важно въ томъ отношеніи, что во все продолженіе его, мы постоянно видимъ Петра Курляндскаго подлѣ цесаревны. Дѣло въ томъ, что Биронъ, не успѣвъ въ сватовствѣ принцессы Мекленбургской, задумалъ женить своего сына на Елизаветѣ.

«Цесаревна», рассказываетъ Манштейнъ, «сильно огорченная бракомъ принцессы Анны, положила за непремѣнное составить для себя партію. Дѣйствія ея при этомъ были столь благоразумны и хитры, что никто ее не могъ заподозрить въ честолюбивыхъ планахъ (41)».

Вотъ что говорить объ этомъ составитель книги: *La Cour de la Russie*. «Съ вѣстью о томъ, что престолъ переходитъ послѣ смерти государыни въ фамилію ея племянницы, всѣ тѣ, которые терпѣливо ждали востшествія на престолъ Лизаветы, пришли въ отчаяніе. Искра давно тлѣла подъ пепломъ, теперь она разгорѣлась съ новою силою. Составился обширный заговоръ. *Безъ сомнѣнія*, въ главѣ его стояли Долгорукіе, разосланные по Сибири, рассаженные по казаматамъ Шлиссельбургскимъ. Но дѣло было открыто (41)».

Не находя ни въ какихъ достовѣрныхъ источникахъ, ни въ депешахъ посольскихъ, подтвержденія своему разсказу составитель книги: *La Cour de la Russie* — цитируетъ письмо какого то офицера, найденное при депешѣ англійскаго посла въ Швецію отъ 1 августа 1740 года. Письмо это, замѣчаетъ онъ, проливаетъ яркій, хотя все еще не полный свѣтъ, на планы и намѣренія заговорщиковъ.

«Вамъ извѣстно», пишетъ офицеръ, «что вся нація и высшій классъ въ особенности, очень недовольны настоящимъ правленіемъ. Въ послѣдніе шесть лѣтъ слышится глухой ропотъ, постоянныя жалобы во 1-хъ на слѣпую привязанность императрицы къ герцогу Курляндскому, во 2-хъ на

невыносимо дерзкое и презрительное обращеніе фаворита, который первѣйшихъ сановниковъ третируетъ какъ негодьявъ, въ 3-хъ на любимца Биронова — жида Лишмана, придворнаго банкира, разорившаго купцовъ, въ 4-хъ на страшную растрату государственныхъ доходовъ, брошенныхъ на самыя нелѣпныя затѣи, въ 5-хъ на ужасныя наборы солдатъ, наборы опустошившіе земли помѣщиковъ; невоздѣланныя поля ихъ не приносятъ дохода и не даютъ средствъ выплачивать тягостныя подати, въ 5-хъ на запустѣніе флота, созданіе котораго стоило Петру много денегъ, еще больше трудовъ. — Чтобы уничтожить столько зла, заговорщики рѣшились сдѣлать переворотъ; ихъ ободряли неуспѣхъ войны 1738 года, плохое состояніе арміи, надежда, что Миннихъ погибнетъ въ стѣняхъ Молдавскихъ, бывшихъ столь гибельными для Петра I-го, наконецъ всеобщее недовольство. Они сносились съ Швеціею и Франціею, и условились, что тотчасъ, какъ Русская армія будетъ разбита въ смѣломъ походѣ 1739 года, Швеція двинетъ въ Россію 30,000 войска, заговорщики произведутъ возстаніе, заточатъ императрицу въ монастырь, еще круче обойдутся съ фаворитомъ, принцессу Анну съ мужемъ вышлютъ въ Германію, туда же прогонятъ всѣхъ нѣмцевъ, казнятъ нѣкоторыхъ и возведутъ на престолъ Лизавету (42).

Таковъ былъ планъ заговора. Все было приготовлено, ждали только пораженія Минниха, чтобы начать всеобщее возстаніе. Дворъ былъ заблаговременно предувѣдомленъ шпионами. Лица, заподозрѣнныя въ участіи въ заговорѣ, были схвачены и Долгорукіе, какъ главные виновники его, были преданы ужаснымъ казнямъ. Все это было вовсе скрыто отъ публики, ни слова не было сказано о заговорѣ въ бумагахъ, опубликованныхъ по случаю казней, а предлогомъ для ихъ послужило завѣщаніе Петра II-го, сочиненное Долгорукими въ 1730 году. Посольскія депеши молчатъ о заговорѣ еще болѣе удивительномъ. Во главѣ его стоялъ А. П. Волыскій, сложившій свою голову на плахѣ» (42).

Письмо это едва ли не подлогъ, сочиненіе досужаго издателя. Иначе нельзя объяснить себѣ то, что нигдѣ нѣтъ подтвержденія симъ страннымъ рассказамъ. Только одинъ

Яковлевъ, издавая въ 1814-мъ году маленькое жизнеописаніе Ашши Леопольдовны, между другими баснями своего сочиненія, помѣстилъ сказку, подобную письму мнимаго офицера. «Вельможы, недовольные возвышеніемъ нѣмецкой партіи, пишутъ Яковлевъ, рѣшились совершить переворотъ. Во время путешествія государыни въ Москву (гдѣ, вопреки словамъ г. Яковлева, Анна и не была послѣ коронаціи), русская партія готова была возвести на престолъ Лизавету. Заговоръ былъ открытъ и зачинщики его, князя Долгорукіе, казнены» (43).

Но причины новыхъ и послѣднихъ гоненій на эту несчастную фамилію весьма удовлетворительно объяснены Миниоми-сыномъ, Вейдемейеромъ и авторомъ «Сказаній о родѣ Долгорукихъ.» Здѣсь не мѣсто повторять эти рассказы, скажемъ только, что казни, совершенныя въ ноябрѣ 1739 года надъ Иваномъ, Алексѣемъ и Василиемъ Долгорукими, тѣсное заточеніе въ казематахъ Василія и Миханла Владиміровичей Долгорукихъ — ничего не имѣетъ общаго ни съ именемъ цесаревны, ни съ ея мнимымъ намѣреніемъ составить при дворѣ Анны Ивановны партію приверженцевъ-заговорщиковъ. Мы видѣли, что цесаревна не имѣла рѣшимости, не имѣла надлежащаго искусства и ловкости, чтобы вести придворныя интриги, а тѣмъ болѣе, чтобы составлять политическій заговоръ, въ виду 20.000 несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь *секретно*, т. е. безъ суда, безъ слѣдствія и допросовъ, по одному только подозрѣнію, за одно слово, а часто и вовсе ни за что. Трудно было стать въ главѣ партіи женщинѣ, каждое слово которой исправно доносилось шпіонами.

Вскорѣ послѣ торжества бракосочетанія, въ началѣ 1740 года, праздновано было заключеніе мира съ Турками (43). Многие были весьма щедро награждены. Довольно сказать, что одинъ изъ шутовъ царскихъ — за *ревностную службу*, состоявшую въ надзорѣ и ухаживаньи за любимую собачкою Анны Ивановны, получилъ 3,000 рублей. Тогда же, 6-го февраля, отпразднована была свадьба въ ледяномъ домѣ другаго шута, съ карлицей Бужениновой (43).

Вообще, въ удовольствіяхъ сего времени видна грубость и страшное невѣжество. Однообразное, бездѣтельное *уби-*

самые времени вызывало со стороны услужливых царедворцевъ всё усилія чѣмъ нибудь потѣшить скучающую императрицу. Концертовъ не любили; что касается до театровъ, то еще Петръ I-й имѣлъ нѣмецкую и очень северную труппу актеровъ; въ 1736-мъ году явилась при дворѣ итальянская опера, но она не пришлась по вкусу (44). Тогдашней именитой публики нравились комедіи, интермидіи, фарсы итальянскіе, въ которыхъ преобладалъ элементъ шутовства. Разыгрывались фарсы и изъ русскихъ сказокъ какъ напимѣръ: *Баба-Яга*, *Фениксово перышко* и друг. Придворныя же дамы и кавалеры выполняли роли, и обер-гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шенелевъ¹ приводилъ въ восторгъ своими шутовскими выходками, въ комическихъ роляхъ (44).

Шуты, карлики и карлицы состояли въ штатѣ каждаго изъ членовъ царской фамиліи, почти каждаго вельможи. Отъ шутовъ не требовалось ловкости, остроумія, довольно было усевердія въ дракахъ и перебранкахъ другъ съ другомъ, этимъ они уже вызывали единодушный хохотъ и одобренія. Смѣшная, уродливая наружность, глупость или только косноязычіе составляли, по словамъ Миниха, достаточныя качества, чтобы быть принятымъ въ число шутовъ (45).

Есть извѣстія, не подлежащія сомнѣнію, что въ послѣдніе годы своей жизни, наскучивъ дѣлами государственными, картами, стрѣляніемъ въ цѣль и другими забавами, государыня цѣлыя часы просиживала въ креслѣ, слушала болтовню шутовъ, любовалась потѣшными драками, смѣялась, глядя на ожесточеніе бойцевъ, нещадно царапавшихъ другъ друга. Сама цесаревна, не смотря на нѣкоторую мягкость въ характерѣ и свой болѣе утонченный вкусъ, забавлялась шутками, карликами, калмыками (45).

Когда и шуты надоѣдали, государыня приказывала приводить во дворецъ унтеръ-офицеровъ гвардіи съ ихъ женами. Они танцовали національныя пляски, и вельможи, также и члены царской фамиліи принимали участіе въ этомъ удовольствіи. Цесаревна Лизавета, ловкостью и граціозностью движеній въ русской пляскѣ, затмѣвала всѣхъ танцовавшихъ (45).

Съ іюня 1740 года стали постепенно стихать во дворцѣ нѣсни скожороховъ, крики шутовъ, шумъ танцоровъ; государыня сильно страдала припадками подагры и каменной болѣзни. Среди сильныхъ мученій, она была чрезвычайно обрадована рожденіемъ внука: Анна Леопольдовна разрѣшилась 12-го августа сыномъ Іоанномъ.

Сохранился любопытный анекдотъ, относящійся къ сему событію. Цесаревна Лизавета, по обычаю, должна была сдѣлать подарокъ родильницѣ. Она нѣсколько разъ посылала въ Гостинный дворъ торговать какую-то вазу, но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостиннодворцы какъ-то узнали, что вазу торгуетъ цесаревна, они немедленно уступили ее даромъ. Бартеньевъ, передавая этотъ случай, объясняетъ его тѣмъ, что Лизавета считалась въ мнѣніи народномъ представительницей русской партіи (45).

Съ рожденіемъ Іоанна, Лизавета окончательно потеряла надежду взойти на престолъ. Празднества, бывшія по случаю рожденія принца, не радовали ее... (46).

А во дворцѣ длиннѣе и длиннѣе вытягивались лица царедворцевъ. Да и было отъ чего: болѣзненные припадки государыни приняли самый дурной оборотъ. 6-го октября императрица слегла въ постель. Биронъ не терялъ ни головы, ни времени, ни случая; вспомошествоваемый А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, Минихомъ, Левенвольдомъ, княземъ Черкасскимъ, Татищевымъ, барономъ Остерманомъ, Менгденомъ онъ убѣдилъ умирающую подписать манифестъ о передачѣ ему регенства надъ малолѣтнимъ императоромъ. Двухъ-мѣсячный Іоаннъ объявленъ наследникомъ престола. Принцесса Анна съ мужемъ, цесаревна Елизавета, Биронъ, всѣ присягнули и клялись признать Іоанна за законнаго государя. Въ случаѣ его смерти, по завѣщанію государыни, престолъ долженъ былъ наследовать второй сынъ, *имлющій быть* отъ принцессы Анны, и такъ далѣе по праву первородства. Въ случаѣ смерти всѣхъ дѣтей ея, Регенту, обще съ главнѣйшими сановниками имперіи, предоставлялось избрать достойнаго государя (46).

Съ каждымъ днемъ страданія больной усиливались; не смотря на это, она каждый день принимала Лизавету, принцессу Анну и ея мужа. 17-го октября отнялась у ней лѣвая нога. Страданія ея были такъ ужасны, писалъ Финчъ, англійскій резидентъ, отъ 18-го октября, что люди, которымъ особенно дорога была жизнь императрицы, молили Бога о скорѣйшемъ наступленіи роковой минуты. Цесаревна вышла изъ комнаты страждущей за два часа до ея смерти, Биронъ остался до конца (46).

Анна Ивановна испустила духъ на 47-мъ году отъ рожденія, царствовавъ десять лѣтъ и восемь мѣсяцовъ.

V.

Вниманіе Бирона къ цесаревнѣ. Его правленіе: пытки, ссылки и казни. Замыслы регента о возведеніи на престолъ Елизаветы. Арестъ Бирона (47).
1740.

О событіяхъ 1740 и 1741 годовъ мы будемъ говорить на столько, на сколько они касаются цесаревны Елизаветы. По этому и здѣсь, какъ и въ предъидущихъ главахъ, мы не станемъ останавливаться на обстоятельствахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нашей задачѣ.

Въ первые же дни своего регенства, Биронъ посѣтилъ Елизавету Петровну и назначилъ ей 50,000 ежегоднаго дохода. (48) Вообще, первыя распоряженія его были довольно благоразумны. Но не прошло и недѣли, какъ возобновились аресты, пытки и ссылки въ Сибирь. Безъ всего этого, по мнѣнію Бирона, его власть не была надежна. На площадяхъ и перекресткахъ явились караулы, по улицамъ столицы расхаживали и разѣзжали патрули, шпионы подслушивали, прокрадывались въ дома, втирались въ семейные кружки и бесѣды задушевныхъ пріятелей, ловили слова налету и доносили патрону. Такъ, между прочимъ, узналъ Биронъ, что два гвардейскіе офицера: капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамановъ громко осуждали его правленіе, свободно толковали о его высокогерцогской особѣ, узналъ, что Ханыковъ бывалъ довольно часто во дворцѣ цесаревны. Офицеры были схвачены и преданы ужасной пыткѣ. Кровавыя истязанія обличили ихъ только въ неосторожности, съ которою они отзы-

вались о мучителѣ (48). Одинъ изъ Кабинетныхъ секретарей, показывая Лизаветѣ копію съ завѣщанія Анны Ивановны, изъявилъ свое неудовольствіе на новую форму правленія. Его схватили, пытали и бросили въ *каменной ящикъ* (48). Гоненія только усилили всеобщее негодованіе. Составился обширный заговоръ гвардейскихъ, преимущественно Семёновскаго полка, офицеровъ, съ цѣлью низвергнуть Бирона и вручить кормило правленія Аннѣ Леопольдовнѣ. Лазутчики и здѣсь показали всю свою преданность герцогу. Заключение въ казематы, пытки, наказаніе кнутомъ, которому подверглись арестованные, поразило всѣхъ ужасомъ. Принцъ Антонъ-Ульрихъ, отецъ императора, получилъ строжайшій выговоръ, былъ арестованъ, лишень званій и титуловъ и вмѣстѣ съ женой, страшась новыхъ гоненій со стороны Бирона, думалъ только объ одномъ, какъ бы ѣхать въ Германию (48).

При такомъ положеніи дѣлъ, при общемъ на него негодованіи, Биронъ ясно видѣлъ всю непрочность своей власти. Поддержку онъ рѣшился найти въ цесаревнѣ: «Ей онъ показываетъ, писалъ резидентъ англійскій 1 ноября, самое дружеское расположеніе и глубокую преданность. Оказываетъ всякаго рода услуги, повидимому, готовъ служить ея интересамъ, далъ ей средства расплатиться съ долгами и большою пенсіею обезпечилъ ее содержаніе» (48).

Герцогъ имѣлъ частыя и долгія свиданія съ Лизаветой; цѣлые часы проводили они въ тайныхъ бесѣдахъ. Однажды герцогъ, при многихъ придворныхъ, бывшихъ у ней, сказалъ, что если принцесса Анна сдѣлаетъ какое либо возмущеніе, онъ вышлетъ ее съ мужемъ въ Германию и призоветъ герцога Голштинскаго, сына Анны Петровны. Но не 12-ти лѣтній Петръ былъ предметомъ думъ правителя, онъ давно мечталъ своей собственной семьѣ проложить дорогу къ престолу. Женить сына на цесаревнѣ и вручить имъ скипетръ — вотъ его замысль. Рассказываютъ, что онъ ждалъ только похоронъ Анны Ивановны, чтобы немедленно приступить къ дѣлу (48).

Между тѣмъ Минихъ, первоначально не подозрѣвая этихъ замысловъ, внимательно слѣдя за дѣйствіями Лизаветы, воз-

вышнелія которой онъ изъ чувства самосохраненія всегда боялся, зналъ все, что она дѣлаетъ и обо всемъ тотчасъ же сообщаетъ регенту. Такъ узналъ онъ, что цесаревна показываетъ своимъ приближеннымъ портретъ племянника своего, принца Петра Голштинскаго, и съ восторженными похвалами отзывается объ оригиналѣ. (48) Минихъ донесъ объ этомъ Бирону, говоря, что онъ долженъ запретить Елизаветѣ показывать портретъ принца Голштинскаго, потому что она дѣлаетъ это не безъ цѣли и тронъ императора колеблется.

— Но какъ могу я это сдѣлать? отвѣчалъ Биронъ, — всякій воленъ имѣть портреты своихъ родственниковъ и показывать ихъ кому угодно. А вы хотите, чтобы я запретилъ это принцессѣ, уважаемой всѣмъ народомъ!

Минихъ замолчалъ, видя что разговоръ этотъ непріятенъ регенту.

Вскорѣ послѣ этого узналъ онъ, что довѣренный камердинеръ Лизаветы очень часто ходитъ въ домъ къ французскому посланнику, маркизу де-ла-Шетарди. Объ этомъ снова сообщено было регенту, при чемъ Минихъ снова настаивалъ на принятіи строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, говоря, что французскія интриги могутъ имѣть самыя опасныя послѣдствія. Увѣренный въ себѣ, Биронъ отвѣчалъ съ рѣшительнымъ спокойствіемъ:

— Повѣрьте, графъ, что это ничего не значущія связи. Впрочемъ, вы, вѣроятно, очень хорошо понимаете, что еслибъ Лизавета вздумала что нибудь предпринять, ей было бы очень не трудно исполнить свои планы: ее поддержитъ весь народъ.

— Я думаю, напротивъ, что народъ долженъ радоваться, имѣя надежду видѣть на престолѣ мужчину, сказалъ Минихъ. Но положимъ, что относительно народа вы правы; по крайней мѣрѣ, ручаюсь вамъ, что солдаты смотрятъ на это иначе.

— И за солдатъ вы не можете ручаться, возразилъ Биронъ; — даже за гвардейскій полкъ, который находится подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ.

— Этимъ вы доказываете еще больше необходимость строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, отвѣчалъ Минихъ; уже-

ли жъ мы вѣчно должны зависѣть отъ воли цесаревны? Уже-ли мы никогда не избавимся отъ опасности. Въ такихъ случаяхъ нельзя терять ни минуты. Петръ I-й заключилъ въ монастырь свою безпокойную сестру.....

При словѣ *монастырь*, регентъ съ испугомъ и недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Минниха и долго стоялъ въ глубокомъ раздумѣ; потомъ, видимо смущенный, но желая казаться спокойнымъ, сказалъ шутливымъ тономъ:

— Хорошо было-бы начать прямо съ этого.

— Отчегожъ бы и не начать, на нѣкоторое время? нерѣшительно замѣтилъ Миннихъ. Онъ ужъ самъ желалъ кончить этотъ щекотливый разговоръ, видя, что подозрительный регентъ начинаетъ какъ-то особенно на него поглядывать (48).

Съ этого разговора Миннихъ съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ссорами герцога съ родителями императора, и въ то же время, узнавая о тайныхъ и частыхъ бесѣдахъ Бирона съ Лизаветой, онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что честолюбецъ идетъ прямо къ рѣшительному перевороту въ пользу своего семейства. Фельдмаршалъ рѣшился предупредить Бирона, и хотя изъ личныхъ выгодъ, но спасти настоящее правительство.

Нѣкоторые писатели повѣствуютъ, что жидъ Липманъ предупредилъ регента объ опасности, но почему тотъ не принялъ мѣръ — неизвѣстно. Едва ли сіе извѣстіе справедливо, ибо за три часа до исполненія заговора, Биронъ обнадеживалъ фельдмаршала чрезъ его невѣстку въ своей милости и обѣщалъ щедрый подарокъ (49).

Въ два часа ночи, съ 8-го на 9-е ноября 1740 года, Миннихъ привелъ въ спальню правительницы офицеровъ, стоявшихъ въ тотъ день во дворцовомъ караулѣ. Трепещущая мать императора просила ихъ спасти ее отъ постыднаго и тяжкаго ига Бирона, дала имъ поцѣловать руку и съ приказомъ арестовать регента, отпустила ихъ. Фельдмаршалъ объявилъ этотъ приказъ солдатамъ, велѣлъ зарядить ружья и повелъ ко дворцу, что нынѣ у Прачешнаго моста, на Фонтанкѣ, здѣсь жилъ Биронъ (49).

Разсказываютъ, что Минихъ съ половины дороги возвратился, въ страхѣ, что за нимъ слѣдятъ шпионы правительницы, и что его подозрѣваютъ въ измѣнѣ. Только увѣрившись въ противномъ, онъ продолжалъ путь (50).

Не станемъ повторять всѣмъ извѣстныхъ фактовъ ареста герцога Курляндскаго. Всѣ обстоятельства сего событія подробно разсказаны героемъ сего дѣла Манштейномъ, записки котораго выдержали въ русскомъ переводѣ два изданія. Разсказъ этотъ повторенъ Вейдемейсромъ въ трехъ изданіяхъ его «Обзора событій съ кончины Петра I-го, до царствованія Елизаветы.»

Къ четыремъ часамъ утра все было кончено. Герцогъ и его жена, за два часа располагавшіе судьбою миллионъ стали въ рядъ тѣхъ несчастныхъ, кои гибли по одному ихъ слову. Но Анна Леопольдовна не имѣла и тѣни той злобы и мстительности, которыя отличали павшаго фаворита; онъ былъ слишкомъ легко наказанъ заточеніемъ и ссылкой за десятилѣтнее тиранство его въ Россіи (52).

VI.

Анна Леопольдовна, правительница Россіи. — Всеобщая радость. — Мизості. — Празднества. — Посольство Шаха-Надира, мнимое сватовство Елизаветы. — Приѣздъ принца Людовика Брауншвейгскаго. — Домашняя жизнь Анны. — Графъ Линаръ. — Война съ Швеціей. — Партія цесаревны. — Приготовленія къ перевороту. — Мѣры правительства къ предупрежденію опасности. — Докторъ Лестокъ. — Ночь на 25-е ноября. — Арестъ и ссылка Правительницы съ ея семействомъ. — Цесаревна Елизавета Петровна императрица всероссійская.

1740 — 1741.

Рано утромъ, 9-го ноября, дворецъ былъ окруженъ весѣлыми толпами народа. Радость была всеобщая, принцесса Анна, принявъ титулъ великой княгини и правительницы Россіи, принимала въ придворной церкви присягу отъ знатнѣйшихъ чиновъ государственныхъ. Не было ни одного человѣка, который бы не радовался отъ души, освободясь наконецъ отъ свирѣпой тираніи Бирона. Немедленно водворилось повсюду спокойствіе, сняли караулы, перестали посылать патрули. Но дальновидные люди, по словамъ современника, уже предвидѣли, что новый порядокъ вещей не долго удержится (51), что послѣдуетъ новый переворотъ

и виновники нынѣшняго будутъ низпровергнуты новыми. Легкій успѣхъ настоящаго переворота обнадеживалъ людей предпріимчивыхъ въ успѣхѣ будущаго. Замѣчательно, пишетъ Манштейнъ, что если бы хотя одинъ изъ множества часовыхъ, разставленныхъ въ Зимнемъ дворцѣ и въ домѣ регента поступилъ бы по своей должности, дѣло приняло бы другой оборотъ. Та же самая безпечность карауловъ и часовыхъ въ послѣдствіи облегчила предпріятіе цесаревны.

Вотъ что писалъ между прочимъ Французскій посолъ, въ депешѣ отъ 21-го ноября 1740 года: «гвардія, собравшаяся на площади, у Зимняго дворца, была разведена по домамъ не ранѣе 4-хъ часовъ по полудни. Радость ихъ была столь же велика, какъ безмѣрна была нѣкогда печаль, при вѣсти о томъ, что Биронъ принялъ званіе регента. Когда, вслѣдъ за Лизаветой, присягнули правительницѣ именитѣйшіе сановники, баталіоны гвардейскіе составили каре и подъ знаменами произнесли присягу. Не было никогда случая, чтобы дворъ былъ такъ многочисленъ и одушевленъ всеобщую, необыкновенною радостью, какъ въ сегодняшній день. Переворотъ, совершившійся въ такой тишинѣ, такъ неожиданно, разлилъ по всѣмъ лицамъ довольство и счастье. То и другое увеличилось вслѣдствіе милостей, изліянныхъ щедрою рукою правительницы.»

Въ 4 часа по полудни герцогъ и герцогиня Курляндскіе были отвезены въ Шлиссельбургъ. Они были отправлены въ маѣ 1741 года въ Пелымъ (52).

Добродушная правительница въ первые же дни своего регенства вспомнила о несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь, въ царствованіе Анны Ивановны и Бирона. Число сихъ несчастныхъ простиралось до 20,000, по инымъ писателямъ до 35,000. Если ихъ было и на половину того, что показываютъ иностранцы, такъ и тогда выйдетъ цифра ужасная. Все свободное время Анна Леопольдовна, по свидѣтельству ея оберъ-гофмаршала Минниха-сына, проводила за слушаніемъ дѣлъ важнѣйшихъ и почти всѣ приговоры были отмѣнены.

Грубое ласкательство, низость были изгнаны изъ дворца. Съ добродушіемъ (54) и острымъ умомъ мать импера-

тора соединяла ненависть къ притворству и принужденію. Свободно вздохнула Россія подъ ея кроткимъ правленіемъ. Весело встрѣтила столица день рожденія (7 декабря) Анны. Онъ былъ отпразднованъ, по словамъ вѣдомостей, *«съ великою радостью и всенародными восклицаніями. Всякъ ревностно старался, дабы искреннюю свою радость разнымъ образомъ публично засвидѣтельствовать»* (54).

Балы и всякаго рода празднества дѣлались часто. На нихъ всегда присутствовала Лизавета, ласкаемая и любимая правительницей. 16 февраля въ домѣ Миниха былъ особенно *богатый трапезникъ*. Именитыя гости провели у фельдмаршала все время съ 12 ч. до 8 вечера, при чемъ *«всячески забавляться благоволили»* (54).

Все вошло въ свою обычную колею. Самая наука, запуганная Бирономъ, опять выдвинулась впередъ. Въ вѣдомостяхъ было объявлено *«охотникамъ до физической науки»*, что профессоръ Георгъ Вольфгангъ Крафтъ намѣревается *«имѣть нынѣшнее гѣто, по изданной имъ книгѣ, публично показывать физическіе эксперименты, объясняя при томъ, по два раза въ недѣлю, на публичныхъ лекціяхъ все касающееся до науки: о движеніи, о воздухѣ, тяжести и стужѣ»* (54).

Около этого же времени Петербургъ увидѣлъ великолѣпное, многочисленное посольство. Посоль знаменитаго Тахмогъ Куды Хана Шаха Надира вѣхалъ въ столицу съ свитою 3000 человекъ, 14 слонами, 30 верблюдами и множествомъ драгоценнѣйшихъ камней, добытыхъ въ имперіи великаго Могола, все это т. е. слоны, верблюды и проч. было дары императору (55).

Вслѣдъ за Манштейномъ нѣкоторые историки утверждаютъ, что главнѣйшею причиною посольства шаха Надира было домогательство получить руку Лизаветы, что будто бы посланникъ, именемъ своего владыки, въ случаѣ согласья, изъявлялъ готовность ввести въ своемъ царствѣ христіанскую вѣру, и что правительница была не прочь исполнить желаніе Персидскаго завоевателя, если бы только этотъ шагъ не былъ бы уже слишкомъ отваженъ. *«Весь этотъ разговоръ, замѣчаетъ П. А. Остерманъ (55), пустѣйшая выдумка Манштейна. Упоенный побѣдами надъ великимъ»*

моголомъ, шахъ Надиръ вознамѣрился отнять у Турокъ ими завоеванныя области Персидской монархіи; для этого искалъ онъ содѣйствія въ Россіи, почему и отправилъ въ Петербургъ пышное посольство съ награбленными подарками.

Еще прежде пріѣзда Персидскаго посла, правительница была чрезвычайно обрадована прибытіемъ мужа брата герцога Лудвига Брауншвейгъ-Люнебургскаго, стараніями нашего двора избраннаго въ герцоги Курляндскіе.

Пріѣзжіи прельстилъ всѣхъ своимъ умомъ и ласковымъ обращеніемъ. Онъ показалъ большую любознательность, съ любопытствомъ осматривалъ достопримѣчательности Петербурга и въ одной Академіи пробылъ пять часовъ, внимательно осматривая съ *немалымъ удовольствіемъ* географическую, рисовальную, художественную, книжную палаты, кунсткамеру, натуральную камеру и медальный кабинетъ.

Въ *физической экспериментальной палатѣ* колдунъ чародѣй Крафтъ показывалъ физическіе опыты и курьезныя штуки (55).

Манштейнъ утверждаетъ, что правительница имѣла въ виду женить Людовика на Лизаветѣ, что къ этому браку она готова была принудить ее силою. Но и это извѣстіе не болѣе какъ выдумка досужаго француза. Мысль о семъ бракѣ, говоритъ Остерманъ, была мгновенная и тотчасъ забыта. Не только никогда не принуждали Лизавету выйти за Людовика, но ей никогда и не высказывали сего предложенія. Впрочемъ, если бы цесаревна сама бы заявила желаніе выйти за принца и тогда бы возникли новыя затрудненія: принцъ былъ *десятью* годами моложе цесаревны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности (56).

Вообще, правительница обращалась съ Лизаветой ласково и дружелюбно. Въ день своего рожденія она получила отъ великой княгини прекрасныя браслеты, а отъ имени императора золотую табакерку съ государственнымъ гербомъ на крышкѣ. Соляная контора, сверхъ того, получила приказаніе выдать цесаревнѣ на уплату долговъ (изъ которыхъ она никогда не выходила) 40,000 рублей. 24 іюля на крестинахъ дочери правительницы, Катерины, восприемницей была Лизавета съ герцогомъ Мекленбургскимъ, особу ко-

того представлялъ великій канцлеръ и кабинетъ-министръ Ал. Мих. Черкасскій (56).

12 августа, день рожденія Іоанна, праздновалось особымъ торжествомъ. Во время обѣдни пушечная пальба съ крѣпости и адмиралтейства не умолкала. На торжественномъ выходѣ, среди блестящаго двора былъ вынесенъ малютка императоръ. За тѣмъ: обѣдъ, задравные тосты, бѣглый огонь гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ въ парадѣ у дворца, спускъ 66-ти пушечнаго корабля *Іоаннъ*, балъ и сожженіе великолѣпнаго фейверка заключили праздникъ (56).

Достойно замѣчанія, что бессмертный Ломоносовъ (56), не за долго до этого прибывшій изъ Голландіи, привѣтствовалъ день рожденія Іоанна высокаторжественною одою, отъ имени *веселящейся Россіи*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ сего панегирика, растянутаго на 210 стиховъ:

Породы царской вѣтвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свѣтъ.
Счастливыхъ дней Аврора ясна
Монархъ, младенецъ, райской цвѣтъ,
Позволь твоей рабѣ низжайшей,
Въ твой новый годъ пѣть стихъ низжайшій....
Цѣлую васъ вы щедры очи,
Небесный въ конхъ блестяеть лучъ....
Цѣлую ручки, что къ державѣ
Природа мудра въ свѣтъ дала....
Лишь только *персти*къ вашъ погнется
Народъ безчисленъ вдругъ сберется
Готовъ идти, куда велишь....
Вы ножки, что лобзать желаютъ
Давно уста высокихъ лицъ,
Подданства знаки вамъ являютъ
Языки многи, павши ницъ.... и. т. д.

И.

Похвалы, щедро расточаемыя поэтомъ вѣнценосному малюткѣ и его матери, были не со всѣмъ преувеличены. Спокойствіе и довольство царю въ Россіи; кроткая правительница не переставала благодѣтельствовать всѣмъ и каждому, ни одианъ не имѣлъ повода быть ею недовольнымъ; о пыткахъ и казняхъ не было помину. Къ сожалѣнію и къ гибели правительницы, она стала оказывать неограниченную довѣренность Саксонскому послу графу де-Линару, (57) она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удалялась отъ

благomyслящихъ людей, отъ такихъ полезныхъ совѣтниковъ, какими были Остерманъ, Головкинъ, Черкасской и другіе.

Въ 1735 году графъ Линаръ былъ вызванъ къ своему двору. Съ паденіемъ Бирона, Линаръ снова явился при нашемъ дворѣ въ качествѣ посла курфирста Саксонскаго и при посредствѣ Юльяны Менгденъ, фрейлипы Анны Леопольдовны, имѣлъ съ ней частыя свиданія. Юльяна вышла потомъ за мужъ за Линара (58).

13 Августа, въ присутствіи правительницы, ея мужа, цесаревны Елизаветы и множества именитыхъ особъ совершили брачный сговоръ. Вскорѣ послѣ него Линаръ уѣхалъ въ Саксонію для устройства своихъ дѣлъ, и, къ счастью своему, не успѣлъ скоро вернуться, иначе онъ былъ бы сосланъ въ Сибирь вмѣстѣ съ Минихомъ и другими.

Между правительницею и ея мужемъ давно не существовало согласія. Они не говорили другъ съ другомъ по дѣльнымъ недѣлямъ. Согласія между министрами также не было. Великая княгиня болѣе и болѣе тяготилась дѣлами государственными, любила уединеніе, страстно привязалась къ чтенію книгъ, при чемъ съ особеннымъ удовольствіемъ читала драматическія сочиненія. Она любила видѣть себя въ небольшомъ кружку людей, ею избранныхъ (58).

Между тѣмъ, Швеція не въ состояніи будучи помириться съ мыслию, что она навсегда потеряла земли, завоеванныя у нее Петромъ, нашла настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи удобнымъ временемъ для возобновленія съ нею войны. Любопытно, что между причинами объявленія войны со стороны Стокгольмскаго правительства были слѣдующіе: «отлученіе цесаревны Лизаветы и герцога Голштинскаго отъ Русскаго престола и неограниченна власть, какую иностранцы присвоили себѣ надъ Русскимъ народомъ» (58). Съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и достоинства отвѣчало наше правительство на объявленіе Шведами войны. (смотри. Петер. Вѣд. 1741 г. N 67 Авг. 14).

Въ то время, когда на югѣ Финляндіи генералы Кейтъ и Ласси начали военныя дѣйствія и быстро ознаменовали себя рядомъ блестящихъ успѣховъ (59), при Петербургскомъ дворѣ съ торжествомъ и весельемъ отпраздновали 29 августа, день

ангела императора; 30-ое, праздникъ ордена Александра Невскаго, 5-го сентября, день именинъ цесаревны Лизаветы (59).

Вообще поведеніе правительницы относительно цесаревны рѣшительно опровергаетъ всѣ рассказы Манштейна и друг. о стѣснительномъ положеніи цесаревны, о ея преслѣдованіи Анной и проч. Лизавета жила какъ ей угодно, ее не подслушивали, за ней не подсматривали, по крайней мѣрѣ этого не приказывала Анна, и во все время ея правленія жизнь цесаревны, замѣчаетъ современникъ, относительно прежнихъ царствованій была тоже, что свобода относительно тюремнаго заключенія. Правда, говоритъ Остерманъ, люди недобросовѣстные старались посягнуть раздоръ между Анной и Лизаветой, увѣряли первую, что Минихъ, недовольный удаленіемъ его изъ министерства, имѣетъ тайныя свиданія съ цесаревной, съ цѣлью доставить ей престолъ, но и эти клеветы не поссорили добродушную правительницу съ цесаревной (59).

Въ началѣ ноября 1741 г. нѣкоторые министры совѣтовали великой княгинѣ принять титулъ императрицы, съ властью самодержицы, во избѣжаніи неудобствъ, могущихъ случиться по кончинѣ императора малолѣтнимъ. Совѣтъ былъ одобренъ, принять и неосторожная правительница думала привести его въ исполненіе 7-го декабря, въ день своего рожденія, (она родил. въ 1718 году) (59). Въ Петербургѣ готовились по этому случаю къ празднествамъ, наградамъ; а Шведскій военачальникъ Левенгаунтъ, вторгнувшись въ рускую Финляндію, объявлялъ, что Шведы воюютъ не съ народомъ, а съ толпою чужеземцевъ, завладѣвшихъ верховною властію, что цѣль войны освободить Россію отъ иноземнаго ига, и дать ей государыню болѣе способною управлять монархіей, болѣе *народною!*

Съ жадностью читались эти прокламаціи приверженцами Лизаветы; они сознавали ея права на престолъ, видѣли слабость правительницы, рассчитывали на помощь Шведовъ (60).

Маркизь де-ла-Шетарди, ради политики своего двора, не жалѣлъ ни денегъ, ни происковъ въ пользу какого бы то ни было переворота, долженствующаго ослабить Россію. Но силскать любовь гвардейцевъ было необходимо. Побуждае-

мая безпокойнымъ Лестокомъ (60) и пронырливымъ Шетарди, цесаревна стала посѣщать казармы; по улицамъ Петербургскимъ, зачастую, проносились широкія открытыя сани. На запяткахъ стояли гвардейцы..... Не проходило дня, чтобы цесаревна у когонибудь изъ нихъ не крестила или не была на именинахъ.... Ее звали «*матушкой, государыней!*» Гренадеры Преображенскіе приходили во дворецъ и всегда видѣли свою *матушку*, исполнявшею всѣ обряды, наблюдавшею всѣ обычаи простаго народа. Все это быстро разносилось между солдатами и тѣмъ превозносили свою матушку. Двѣнадцати гренадерамъ Преображенскаго полка былъ открытъ замыселъ. Самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ былъ Грундштейнъ (60).

Планъ возвести на престолъ дочь Петра постепенно открывался и другимъ Преображенцамъ. Число знавшихъ умыселъ возрасло до 30-ти человекъ (61).

Но приверженцы цесаревны вели себя крайнѣ неосторожно, болтливый, вѣтреный Лестокъ, изъ хвастовства давалъ замѣтить знакомымъ своимъ о важности роли, которую ему скоро доведется играть; съ важностью утверждалъ что скоро, очень скоро, въ государствѣ произойдетъ важная перемѣна. Если такъ легкомысленно держалъ себя главный двигатель задуманнаго дѣла, то не чинились сбереженіемъ *секрета* и Преображенцы; они громко толковали о матушкѣ императрицѣ Лизаветѣ Петровнѣ, и о тѣхъ благахъ, какія испослетъ ея рука, съ возведеніемъ ея на престолъ.... (61).

Что же дѣлали Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Левенвольдъ, Черкасской и друг.? Они смотрѣли и видѣли все. Шпіоны доносили страждущему тѣломъ, но бодрому духомъ Остерману о поведеніи Лизаветы: онъ слышалъ съ донесеніями во дворецъ, говорилъ, просилъ, предостерегалъ, убѣждалъ съ жаромъ и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ; ему отвѣчала правительница добродушнымъ смѣхомъ, либо показывала новыя платья, сшитыя для императора и для нея. Маркизъ де Бота съ подробнымъ донесеніемъ о заговорѣ явился къ Аннѣ, именемъ Бога заклиналъ ее предостеречь отъ себя опасность. Та съ досадою отвѣчала, что все это пустыя розказни. Простодушная, напвная какъ ребенокъ,

она не могла вѣрить, что существуютъ люди, готовые за ея добро, отплатить ей зломъ! Тяготясь властію, тяготясь занятіями государственными она, вся отдавалась небольшому кружку своихъ друзей, читала книги и часто вспоминала восторженные рассказы своей воспитательницы (61) г-жи Адеркасъ, по происхожденію изъ Гамбурга, о прелестяхъ заграничной жизни. «Боже мой, говорила правительница, для чего я не могу жить въ Гамбургѣ, устраняясь отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величія?»

Удаляясь отъ умныхъ руководителей и достойныхъ совѣтниковъ, она быстрыми шагами приближалась къ погибели. Не могъ спасти ее и мужъ. Человѣкъ, по выраженію Фридриха II, храбрый, но слабый, безъ особеннаго ума, безъ воли и характера, онъ боялся и благоговѣлъ предъ своею супругою. Съ насмѣшкою и презрѣніемъ слушала она предостереженія мужа, котораго никогда не слушалась, ибо не уважала и не любила (62).

А между тѣмъ, партія цесаревны при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при неумѣнн и болтливости своихъ партизановъ, съ нетерпѣніемъ ждала удобнаго момента, чтобъ приступить къ дѣлу. Но съ приближеніемъ роковой минуты, цесаревна начинаетъ трепетать за свою свободу и даже жизнь. Каждый день она выслушивала настойчивыя просьбы Лестока поспѣшить, и всякій разъ откладывала день. Наконецъ, условились произвести переворотъ 6-го генваря, въ день крещенія. Планъ былъ необдуманый, вполнѣ достойный самонадѣяннаго и вѣтрснаго Лестока. Во время Крещенскаго парада, Лизавета готовилась предстать на льду Невы предъ гвардейскими полками и, увлекши рѣчью Преображенцевъ, привлечь на свою сторону остальные полки. Нѣтъ сомнѣнія, что при своей нерѣшимости Лизавета никогда бы не покусилась на поступокъ, результатомъ котораго могла быть ссылка или постриженіе ее въ монастырь. Судьба дала ей возможность скорѣе и легче достигнуть сего трона (62).

Анна Леопольдовна, убѣжденная своими совѣтниками, рѣшилась предупредить опасность. 23-го Ноября, вечеромъ, былъ при дворѣ съѣздъ. Великая княгиня, вставъ изъ за

стола, вызвала въ другую комнату цесаревну, до тѣхъ поръ спокойно игравшую въ карты. Съ простодушіемъ высказала мать императора всѣ слухи и опасенія, дошедшія до нея, всѣ совѣты и предостереженія ея друзей, она заключила свою рѣчь легкимъ упрекомъ. Ровный, спокойный, даже ласковый голосъ и видъ правительницы ободрилъ цесаревну. Съ ловкостью, которую нельзя было и подозрѣвать въ ней доселѣ, стала Лизавета увѣрять, что ей ничего подобнаго и въ голову не приходило. За тѣмъ Лизавета расплакалась и, въ припадкѣ сильнаго огорченія, упала въ объятія великой княгини. Хорошая женщина, увидавъ слезы, не выдержала, залилась слезами и, наплакавшись вдоволь, крѣпко обняла тетку, просила у ней извиненія въ томъ, что на минуту усомнилась въ ея поведеніи, наконецъ отпустила Лизавету съ самыми дружескими знаками любви (62).

Поздно вернулась во дворецъ цесаревна. Явился, по ея призыву, Лестокъ. Съ удивленіемъ и ужасомъ узналъ онъ о разыгравшейся мелодрамѣ. Въ ту же ночь готовъ онъ былъ приступить къ дѣлу, но сотоварищи не были предувѣдомлены, жили они въ разныхъ частяхъ города, собирать ихъ понадобилось бы много времени. Исполненіе плана отложено до слѣдующей ночи (62).

Любопытно, что за нѣсколько дней до роковаго дня, правительница, посѣтивъ Лизавету, возвратилась отъ нея въ большей задумчивости. Прощаясь съ ней, она споткнулась и упала. «Худое предзнаменованіе, сказала Анна приближеннымъ, боюсь, что придетъ время, когда я буду у ногъ Лизаветы.» Этотъ фактъ указываетъ на суевѣріе правительницы, вопреки свидѣтельству ея оберъ-гофмаршала, утверждавшаго, что Анна была чужда суевѣрій.

Утромъ 24-го ноября, во Вторникъ, въ 10-ть часовъ, Лестокъ вошелъ къ цесаревнѣ. Она сидѣла за туалетомъ. Вчерашняя рѣшимость ея смѣло приступить къ исполненію давнозадуманнаго дѣла пропала. На нее напало сомнѣніе въ успѣхѣ, явилась робость,
..... Лестокъ послѣ сильныхъ и рѣзкихъ убѣжденій подошелъ къ столу и нарисовалъ на игральной картѣ на одной сторонѣ: Лизавету въ царской коронѣ, на другой

ее же, но подъ монашескимъ покрываломъ, среди казней и орудій пытокъ. Выбирайте, сказалъ Лестокъ, показывая карту, выбирайте одно изъ двухъ. Или тронъ или монастырь? Что желаете вы? Быть самодержавной императрицей всей Россіи, или же видѣть на плахѣ и висѣлицахъ своихъ близкихъ друзей, своихъ вѣрныхъ слугъ?» (62).

Грубый фокусъ хирурга, хорошо знавшаго свою пациентку, сильно воздѣйствовалъ на больную. Онъ вылечилъ ее, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ отъ боязни и нерѣшительности. Та же ночь назначена для исполненія заговора.

А въ это время, герцогъ Антонъ Ульрихъ тщетно просить у жены позволенія разставить караулы и разсылать патрули на случай опасности. Ее нѣтъ, отвѣчаетъ Анна, Лизавета рѣшительно ни въ чемъ не виновата; слезы пролитыя ею предо мною вчера лучшее доказательство ея невинности!» (62).

Наступила ночь на 25-е ноября; ночь, по словамъ современнаго календаря, весьма холодная и ненастная (63).

Лестокъ велѣлъ въѣхать во дворъ дворца цесаревны (нынѣ зданіе Пажескаго корпуса) двумъ санямъ. Между тѣмъ, еще прежде докторъ назначилъ нѣкоторымъ изъ своихъ единомышленниковъ сойтись въ ближайшемъ трактирѣ, къ 8-ми часамъ вечера. На мѣстѣ свиданія встрѣтилъ онъ подозрительнаго человѣка, его нужно было удержать, не пустить въ городъ. Лестокъ воспользовался страстью шпиона къ игрѣ. Завлекъ его въ игру, проигралъ ему нѣсколько партій и дождался наконецъ прихода одного изъ сотоварищей. Тогда быстро окончивши игру, Лестокъ послѣшилъ къ дворцу правительницы, съ цѣлью осмотрѣть все ли тамъ благополучно. На площади онъ встрѣтилъ другаго товарища посланнаго къ домамъ Миниха и Остермана. Узнавъ отъ него, что и тамъ все спокойно, хирургъ возвратился къ цесаревнѣ и съ довольнымъ видомъ разсказалъ ей, что все идетъ пока благополучно (64).

Но при наступленіи рѣшительной минуты, едва не встрѣтилось непреодолимое препятствіе. Лизавета вновь оставила всѣ планы и предположенія, ничего не хотѣла о нихъ слышать. Только рѣшительныя убѣжденія Лестока могли

возвратить ей мужество. Трепещущая, она упала на колѣна предъ иконою Богоматери (65) и два часа, съ жаромъ и слезами, голосомъ взволнованнымъ отъ рыданій, молилась о дарованіи ей короны. Говорятъ, что въ эту минуту она дала обѣтъ при успѣхѣ предпріятія уничтожить смертную казнь (65). За тѣмъ успокоившись немного, цесаревна надѣла подъ платье латы, по совѣту Лестока возложила на себя орденъ св. Екатерины, взяла въ руки большой, серебряный крестъ и въ полночь на 25-ое ноября, сани тронулись со двора, увозя трепещущую Лизавету. Подлѣ нея сѣлъ Лестокъ, на запяткахъ стали камергеръ: М. В. Воронцовъ, камеръ - юнкеры: Петръ и Александръ Шуваловы, да въ другихъ саняхъ сидѣли Алексѣй Разумовской, Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, да три гренадера Преображенскаго полка стали у нихъ на запяткахъ. Маленькій поѣздъ быстро проѣхалъ по пустыннымъ улицамъ Петербургскимъ прямо къ сѣзжей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ соборъ Спаса - Преображенія, у Литейнаго проспекта.)

Увидавъ толпу пріѣзжихъ, ихъ странный видъ, вооруженіе, барабанщикъ, стоявшій въ сѣняхъ, хотѣлъ ударить въ барабанъ, Лестокъ быстро кинулся къ нему и кинжаломъ распоролъ кожу барабана. Нѣсколько гренадеръ съ нетерпѣніемъ ждали въ сѣзжей пріѣзда Лизаветы; увидавъ ее, они бросились въ казармы, скликая ихъ проворнѣй собраться къ ихней матушкѣ цесаревнѣ. Безъ шума, въ нѣсколько минутъ сбѣжалось почти половины роты, весьма немногіе изъ нихъ знали въ чѣмъ дѣло, и для чего ихъ зовутъ (66). Цесаревна въ краткихъ, но не безъ эффекта сказанныхъ словахъ высказала свои права на престолъ, рассказала о гоненіяхъ на нее правительницы, объявила, что ее насильно хотятъ либо выдать замужъ, либо постричь въ монастырь. Между тѣмъ, по одиначкѣ подходили остальные гренадеры той же роты и молча присоединялись къ слушателямъ. Прекрасная царица (ей шелъ 33-й годъ) заключила словами, что она намѣрена возвратить незаконно похищенный у нея престолъ, что въ этомъ послѣ Бога—возлагаетъ надежду на любезныхъ ей Преображенцевъ, и такъ:

заклѣчила она, зная чья я дочь, готовы ли вы идти за мною?»

Рота закричала: «готовы наша матушка, да здравствуетъ Лизавета Петровна!» Громкое ура огласило темныя и закопченныя казармы Преображенцевъ. Солдаты присягнули новой императрицѣ, цѣлуя серебряный крестъ и ея руку.

Первымъ дѣломъ было арестованіе дежурнаго офицера, спокойно спавшаго въ своей комнатѣ, то былъ иностранецъ *Гревсъ*. За тѣмъ вся рота, въ составѣ 360 человекъ рядовыхъ двинулась къ Зимнему дворцу (онъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшней дворцовой площадкѣ, у адмиралтейства.) Впереди шла Лизавета съ крестомъ въ рукахъ (66). На походѣ Лестокъ отдѣлилъ четыре отряда, каждый въ 25 человекъ для арестованія Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда и друг. По прибытіи ко дворцу, съ остальными солдатами цесаревна вошла въ караульню и повторила слова, сказанныя въ сѣзжей

И во дворцовомъ караулѣ солдаты и офицеры не поколебались предоставить цесаревнѣ дѣйствовать какъ она хочетъ. Караулъ присягнувъ ей въ вѣрности, а Лестокъ въ это время смѣнилъ всѣхъ старыхъ часовыхъ солдатами своего отряда, и приказалъ тридцати рядовымъ арестовать правительницу съ мужемъ. Съ шумомъ вбѣжали солдаты къ Аннѣ Леопольдовнѣ и объявили ей, что она должна слѣдовать за ними. Тренещущая отъ страха, великая княгиня, кой-какъ одѣвшись, молила о свиданіи съ Лизаветой. Ей отказали и торопили одѣваться. Обезумѣвшій отъ страха принцъ сидѣлъ какъ ошеломленный. Съ грустью и отчаяніемъ упрекнулъ онъ жену въ ея безпечности и непослузаніи благороднымъ совѣтамъ. «Слава Богу еще, отвѣчала правительница, и тутъ не измѣнившая своей кротости и добросердечію, слава Богу, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, что Лизавета достигла своей цѣли безъ пролитія крови, за эту милость надо благодарить Господа.» Тихо выронила скипетръ Анна Леопольдовна изъ своей слабой руки.

Но супругамъ не дали время на разговоры; вслѣдъ за Анной увлекли ея мужа; тщательно укутавъ ихъ, посадили обоихъ въ сани и закрыли шубою. Ихъ повезли во дво-

рець цесаревны (67). Солдаты перешли въ комнату императора; невинный младенецъ спалъ въ колыбелькѣ. Исполняя приказъ цесаревны, гренандеры не будили его, и въ молчаніи окружали царственную колыбель. Спустя часъ, Іоаннъ проснулся; гренандеры съ шумомъ заспорили о томъ, кому изъ нихъ взять младенца на руки. Испуганный ребенокъ, при видѣ оружія, усатыхъ, грозныхъ лицъ, заплакалъ и закричалъ. На плачь прибѣжала кормилица, трепеща отъ страха, взяла она его на руки и въ сопровожденіи гренандеръ, сошла въ караульню. Сюда же явились посланные съ извѣстіями, что генераль-фельдмаршалъ графъ *Минихъ*, кабинетъ-министры: *Остерманъ* и *Головкинъ*, оберъ-гофмаршалъ графъ *Левенвольдъ*, президентъ коммерцъ-коллегіи баронъ *Менденъ* (братъ дѣвнцы Юліаны), дѣйств. стат. совѣт. коллегіи экономіи членъ *Темирязевъ* и кабинетный секретарь Андрей *Яковлевъ* арестованы, и отправлены уже въ казематы Петропавловской крѣпости.

Окруженная ликующими гвардейцами, при громкомъ несмолкаемомъ ура, Лизавета, взявъ на руки развѣчанаго младенца, отправилась въ свой дворець, на большую Садовую улицу. Крики ура развеселили ребенка; онъ сталъ подпрыгивать, махать ручками, подражая тому же крику. «Бѣдняжка, сказала сердобольная цесаревна, ты не знаешь, что эти клики, лишаютъ тебя короны» (68).

Въ 3 часа ночи Лизавета была въ своемъ дворцѣ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ посланъ къ Шетарди съ извѣстіемъ о благополучномъ восшествіи на престолъ цесаревны. Французъ, болѣе оглушенный, нежели обрадованный сею вѣстью, внутренно досадуя, что переворотъ совершился безъ смуты, безъ вмѣшательства Швеціи, безъ уступокъ Петровскихъ завоеваній, словомъ — безъ внутреннихъ и внѣшнихъ неурядицъ, тѣмъ не менѣе поспѣшалъ съ льстивымъ поздравленіемъ къ новой императрицѣ.

Тогда же извѣстилъ Лестокъ и фельдмаршала Ласси (68), бывшаго въ то время въ С. Петербургѣ, о всемъ случившемся и передалъ ему повелѣніе государыни, не опасаясь ничего, явиться къ ней съ поздравленіемъ и присягой. Курьеры развезли всѣмъ сенаторамъ, генералитету и инымъ санов-

никамъ приказъ: спѣшить во дворецъ. «Лишь только я уснулъ въ три часа, пишетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Я. Б. Шаховской, меня разбудилъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни. «Вставайте проворнѣй, одѣвайтесь, спѣшите во дворецъ, кричалъ голосъ сенатскаго эзекутора, цесаревна Лизавета взошла на престолъ, я спѣшу съ этою вѣстью къ остальнымъ сенаторамъ!» Проворно выпрыгнулъ я изъ постели, бросился къ окну съ разпросами, но гонецъ уже бѣжалъ далѣе. По улицамъ валилъ толпами народъ, всѣ бѣжали на Садовую, къ дворцу цесаревны. Отовсюду слышались крики, бѣжали люди съ факелами и фонарями, слышался громкій говоръ. Я поспѣшилъ выйти изъ дому. Ночь была темная и морозная, улицы и площади залиты народомъ. Чѣмъ ближе ко дворцу, тѣмъ чаще и чаще попадались гвардейскіе отряды. Тамъ и сямъ дымились разведенные костры, вокругъ нихъ грѣлись ликующіе солдаты; поздравляли другъ друга и распивали водку Шумъ, говоръ, захватскія пѣсни, громкое ура, крики воинствъ: «да здравствуетъ наша матушка, да здравствуетъ Лизавета Петровна!» все это сливалось въ одинъ гулъ. Сенаторы, генералы и придворные, въ своихъ раззолоченныхъ, парадныхъ костюмахъ, не могли проѣхать въ экипажахъ; они пѣшкомъ пробирались сквозь толпы народныя При входѣ въ залу, сановники робко смотрѣли другъ на друга, и въ недоумѣньи, шопотомъ спрашивали о всемъ случившемся. Временщики новаго царствованія, Шуваловы, обнимали, лбызали вельможъ и весело рассказывали о своемъ подвигѣ, поздравляя всѣхъ съ успѣхомъ. Сановники не могли не радоваться. Въ это время, говоритъ Шаховской, вбѣжалъ въ комнату генераль-полицмейстеръ Вас. Фед. Салтыковъ, который съ женой своей Марьей Алексѣвной не мало способствовалъ Лизаветѣ взойти на престолъ. Быстро подойдя, онъ схватилъ меня за руки. «Ну, что господа сенаторы? Что скажете господа?» говорилъ Салтыковъ? (69).

Сенаторы были смущены и не знали что отвѣчать «Что это значитъ, сказалъ Шаховской твердымъ голосомъ, обращаясь къ Салтыкову, что значитъ, что теперь, когда всѣ радуются, вы атакуете насъ, какъ людей, недоброжелатель-

ствующихъ государынѣ? (69). Не находите ли вы на насъ какойнибудь мѣтки? или поступаете такъ по особому повелѣнію, въ такомъ случаѣ, извольте объявить намъ это надлежащимъ образомъ, и мы во всемъ, по незазрѣнной, нашей совѣсти безбоязненно отвѣчать готовы.»

Объясненіе прервано было выходомъ императрицы. Она, пишеть сенаторъ, весьма милостиво соизволила принять наши вѣрноподадническія поздравленія и дозволила поцѣловать свою руку.

Принявъ присягу отъ Сената и Синода, императрица отправилась въ большой линейкѣ съ Лестокомъ и другими главѣйшими партизанами въ Зимній императорскій дворецъ. Вокругъ шли безпорядочною толпою Преображенцы. Шествіе это было совершено, по словамъ вѣдомостей, въ началѣ третьяго часа по полудни, при непрестанномъ, радостномъ восклицаніи въ безчисленномъ множествѣ собравшагося народа. Здѣсь, въ придворной церкви, отправленъ былъ благодарственный молебенъ, при громѣ пушечной пальбы (70), послѣ чего прочитанъ былъ на скоро сочиненный и уже отпечатанный, на большихъ листахъ сѣрой бумаги, манифестъ о вступленіи на престолъ Елизаветы (70).

На вопросъ: какъ приняли вѣсть о семъ событіи десятки миліоновъ людей, составлявшихъ население Россіи, отвѣчаетъ Даниловъ; безъ возгласовъ и разсужденій онъ внесъ въ свои любопытныя записки слѣдующія строки:

«Послѣ Анны Ивановны была великая переменна въ правленіи. Въ одинъ годъ мы три раза были приводимы къ присягѣ.» (71)

Привѣтствуя воцареніе Елизаветы, одинъ изъ тогдашнихъ академиковъ такъ писалъ въ вѣдомостяхъ (71):

«Промыслъ спалъ, статское искусство дремало! Вся російская имперія была театръ, на которомъ дикая злоба, честолюбіе, ярость и свирѣпство свое изліяло!.. Желаніе къ похищенію коронъ вмѣстѣ съ корыстью, сребролюбіемъ дѣла Петра I-го уничтожилъ и помрачил!.. Коронами играютъ яко бы мячами, сего ради встаньте сыны отечества и

вѣрные Россы! Спѣшите оборонять свою родину отъ честолюбивыхъ хищниковъ!»..

«Семнадцать лѣтъ протекло съ кончины Петра Великаго! Россія смѣло подвигалась по стезѣ, проложенной преобразователемъ ея; но, потрясаемая внутренними переменами, не успѣла еще вполне насладиться всѣми плодами мудрыхъ его предначертаній. Отрасль его, прерванная царствованіемъ Анны Ивановны, возвратилась съ Лизаветою Петровою на престолъ Россійскій, и съ тѣхъ поръ царствуетъ къ славѣ и благоденствію любезнаго нашего отечества!»

Сими словами Вейдемейера мы почли нужнымъ заключить нашъ разговоръ (72).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Кромѣ двухъ-трехъ статей, знакомящихъ насъ съ событіями отъ смерти Петра II до воцаренія Екатерины II, кромѣ *Обзора* Вейдемейера и его же брошюры подъ заглавіемъ: «Царствованіе Елизаветы Петровны», брошюра, давно уже признанной весьма неудовлетворительною, мы не имѣемъ связнаго разсказа объ этомъ любопытномъ времени. Думаемъ, что нашъ разсказъ будетъ поэтому не лишнимъ. Мы взяли себѣ задачею описать жизнь царевны Лизаветы до восшествія ея на престолъ, т. е. тотъ періодъ въ ея жизни, который не обратилъ на себя до сихъ поръ мчье вниманіе. Сгруппировать въ одинъ связный, хотя и краткій разсказъ, важнѣйшіе факты ея жизни въ это время, очертить общество, въ которомъ развился характеръ Лизаветы; ближе познакомить съ этимъ характеромъ, съ недостатками образованія Лизаветы, съ ея занятіями, ея наружностью — вотъ что было задачею сего очерка. По прочтеніи его, всякій можетъ вывести заключеніе: на сколько приготовлена была Лизавета къ наследованію престола, на сколько способна она была управлять столь обширною монархіею, какова Россія; чего ждали, чего надѣялись современники съ ея воцареніемъ, и чего вправдѣ они были ждать. Удалось ли намъ выполнить нашу задачу — пусть судятъ читатели.

(2) *Голковскій*, изд. 1842 г., т. IV, стр. 104—105; т. II, стр. 356—359. «Журналъ великославныхъ дѣлъ Петра I и проч.» т. XXVIII, содержащій въ себѣ глго 1709 г., собранный *И. И. Крекшинымъ* въ СПб. въ 1756 году. Рукопись въ листъ, страница 679. Странна судьба рукописей Новгородскаго дворянина Крекшина, знаменитаго *баснословеца* въ исторіи Петра. Его громадныя томы собственно-ручныхъ его работъ, никогда не бывши напечатанными, разошлись по Толкучему рынку, погибли въ печахъ, въ подвалахъ. Томъ XXVIII, вмѣщающій въ себѣ 700 страницъ убористаго письма, найденъ нами у г-жи Ш—и, которая готовилась уже употребить трудъ Крекшина, вмѣстѣ съ другими рукописями, на обклейку стѣнъ.

(3) Дворецъ этотъ — ветхое деревянное зданіе, вмѣщалъ въ себѣ 270 комнатъ съ 3000 оконъ.

(4) А. П. Сумароковъ, въ царствованіе Елизаветы, высокопарными стихами такъ воспѣлъ ея мѣсторожденіе:

Россійскій Вилеемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло!... и т. д.

«Трудол. Пчела,» 1759 г., Апрѣль.

(5) «Любопытныя и достопамятныя сказанія о Петрѣ I,» собранныя Я. Штормовымъ, СПб., 1787 г., стр. 49. *Голиковъ*, т. X, стр. 33. Царствованіе Петра II. *Арсеньева*, 1839 г. стр. 69.

(6) Старшая была Анна, младшая Наталья Петровны.

(7) Донесеніе франц. посла. «Акты историческіе, относящіяся къ Россіи,» извлеченныя А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ. *Голиковъ*, т. VI, стр. 632. «Жизніе Петра I,» 1788 г., СПб.

(8) Извѣстія собр. *Тургеневымъ*.

(9) Вообще любовь къ драгоценнымъ камнямъ, сильная между дамами Петровскаго времени, увеличилась необыкновенно при его преемникахъ. *Русская Старина*, изд. 1824 г., стр. 56—111.

(10) Собр. Тургенева, донесеніе Ла-Ви. *Бергольцъ*, стр. 207, 208, 116, 86; ч. II, стр. 102.

(11) Извѣст. Тургенева. Въ 1721 г. прибылъ въ Россію Герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ. Дневникъ, оставленный его камеръ-юнкеромъ Бергольцомъ — блестящая картина семейнаго и общественнаго быта русскихъ того времени. Драгоценный памятникъ этотъ напечатанъ Бюшпигомъ въ его «Magazin für die neue Historie und Geographie,» томы XIX, XX, XXI и XXII Прекрасный русскій переводъ г. Аммона, изданъ пока въ двухъ частяхъ въ Москвѣ.

(12) *Бергольцъ*, ч. I, стр. 193, 207, 116, 208, 86, 123—125, 196, 209, 210, 115. Русск. Старина *Корниловича*, стр. 56—90. Донесеніе Кампредона, 1721, сент., стр. 56—60. «Voyage philosophique, politique etc. en Russie, pendant les années 1788—1789, par Chantreau. Hambourg, 1794, t. II, p. 56—62. *Голиковъ*, т. X. *Нащокинъ*, стр. 16—48. Опытъ историч. родословія Апраксиныхъ, 1841 г. СПб. *Memoires sur la Russie, Вильбаа*, 1855 г., глава IV, стр. 67—101.

(13) *Голиковъ*, ч. VII, стр. 378; ч. II, стр. 7. *Корниловичъ*, стр. 97—111. Исторія Петра I, *Бермана*, 1837 г. *Бергольцъ*, ч. II, стр. 301. Записки о Петрѣ I, *Вильямса*, СПб., 1835 г., стр. 44—60. *Memoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russe, sous le règne de Pierre I par un ministre étranger. 1725.*

(14) Сколько намъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ портретовъ Елизаветы сдѣланъ былъ придворнымъ живописцемъ Диппенгауеромъ, урожденнымъ Саксонцемъ. Портретъ былъ нарисованъ въ 1722 г., и, по словамъ очевидца, отличался необыкновеннымъ сходствомъ. *Бергольцъ*, ч. II, стр. 167, 304, 62, 281.

(15) Извѣстія собр. Тургеневымъ. Донес. 25 іюля 1719 г. *Голиковъ*, т. VIII стр. 196—197. Царствованіе Петра II, *Арсеньева*, стр. 144—145.

(16) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 167, 174, 175, 99.

(17) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 100, 94, 117, 124, 131. *Голицевъ*, т. VIII, стр. 254. *Memoires historiques etc.*, t. II, p. 197—198. éd. 1771. Сѣверный Архивъ, 1822 г., N 3. «О свойствахъ генераловъ,» донесеніе Миниха, 1837 г. 29 декабря. *Голицевъ*, т. X, стр. 157.

(18) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 23—25, мартъ 1725 г. *Memoires du règne de Catherine I*, 1728 г.

(19) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 100—102. Царствованіе Екатерины I, 1856 г., *Арсеньевъ*, стр. 19.

(20) Царств. Екатерины I, *Арсеньевъ*, стр. 73—74. Словарь *Б. Каменскаго*, т. IV, 1836 г., стр. 68—69. Дѣянія полководцевъ и министровъ Петра I, Москва, 1821 г., стр. 8, *Manstein*, стр. 74, ч. I. Собр. Тургенева, стр. 27—30.

(21) *Тургеневъ*, стр. 19, 94, 102. «Описаніе бракосочетанія Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ,» изд. 1798 г., Москва, сочин. пугмена *Войкова*. Старина, *Корниловича*, стр. 115. *La Cour de la Russie il y a cent ans*. Berlin, 1858, p. 3; донесеніе саксонскаго министра Лефорта, 27 сент. 1727 г.

(22) Въ слѣдствіе сего негодованія, сынъ Анны, Петръ III, не былъ приглашенъ на царство въ 1730 году, когда ему было еще только 3 года. *La Russie*, 1858, p. 9. Собр. Тургенева, стр. 30—36. *Арсеньевъ*, стр. 58, 59, 39. *Memoires du duc de Lihria*. 1788, Paris, p. 2—3.

(23) Замѣчанія на «Записки Машштейна.» Отеч. Записки, 1825 г., ч. XXI, стр. 101. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858, p. 3.

(24) Языковъ ошибается, утверждая въ одномъ изъ примѣчаній къ запискамъ Лирійскаго, что епископъ Любскій умеръ 12 мая. Еще неправильнѣе извѣстіе Вейдемейера. Онъ увѣряетъ, что смерть Карла-Августа послѣдовала 7 мая. Умершій принцъ былъ родной дядя Екатерины II. Царств. Екатерины I, *Арсеньевъ*, стр. 64—66. *Memoires de Lihria*, стр. 3—5, 137—138. Обзоръ *Вейдемейера*, стр. 50—57. *Manstein*, I, стр. 40—42, 81.

(25) *Арсеньевъ*, царствованіе Петра II, стр. 4—18. *Вейдемейеръ*, стр. 40—41. *Manstein*, стр. 75. *Duc de Lihria*, стр. 11—15. Записки *Миниха-сына*, 1817 г., стр. 29. *La Russie il y a cent ans*. p. 22—23. *Le caprice de la Fortune ou Histoire de Menchikoff*, par *L. H. Marchand*, 1772. Paris.

(26) Словарь *Каменскаго*, ч. III, изд. 1836 г., стр. 148. *Memoires du duc de Lihria*, стр. 32—41, 80—85.

(27) *Extraits des dépêches des ambassadeurs*. Berlin, 1858, p. 5. *Арсеньевъ*, стр. 78—80. Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра I, состоялъ при немъ въ деньщикахъ съ двумя Татищевыми, Ив. Мих. Орловымъ и друг. Большая часть деньщиковъ Петра въ послѣдствіи достигли первѣйшихъ мѣстъ въ управленіи Россіи. Особенными милостями осыпаны они были съ 1742 года. *Корниловичъ*, стр. 29.

(28) *Memoires du duc de Lihria*, p. 42. *Manstein*, ч. I, стр. 82. Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи. Москва, 1814 г., соч. *П. Яковлева*, стр. 5. *Арсеньевъ*, стр. 105—108. Отеч. Записки, 1825 г., ч. XXI, стр. 107.

(29) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, сост. *Мартыновъ*, изд. 1848 г., ч. I, стр. 119—127. Въ своемъ нагребеніи Долгорукій самъ сознался предъ лютою казнію, совершенною надъ нимъ въ 1739 году. *Арсеньевъ*, стр. 130—145. Примѣчанія *Болтина*, 1788 г., т. II, стр. 516.

(30) «О восшествіи на престолъ Анны Ивановны,» соч. *Феофана Прокоповича*, Московскій Вѣстникъ 1830 г., ч. I, стр. 42. *Вейдемейеръ*, стр. 126—129. Отеч. Записки 1825 г., стр. 224. Extraits des dépêches, 1858, p. 8—12. *Арсеньевъ*, стр. 150, «Реляція о высококъ его импер. велич. обрученіи, какъ оно счастливо совершилось.» Москва, 1729 года.

(31) Лефорть писалъ 10 окт. 1729 г.: «Cette princesse vit dans une obscurité incroyable, et peu considérée»
Memoires *duc de Lhiria*, p. 157. Исторія Екатерины II, *Лефорта*, СПб. 1837 г., ч. I, стр. 107. *Вейдемейеръ*, стр. 123.

(32) La Cour de la Russie, p. 14, 36—40. Записки о родѣ Князей Голицыныхъ, 1853 г., СПб.

(33) Extraits des dépêches. *Маньяна*, отъ 20 января 1730 г. *Бюне*, отъ 24 февраля. *Маньяна*, 2 марта. *Rondo*, отъ 23 февраля и 20 апрѣля, стр. 14, 16, 36, 37, 39, 46, 47, 48. *Schmid's Materiablien* etc. Th. II, S. 391. *Hermann's Geschichte des Russischen Staates*. B. IV.

(34) La Cour de la Russie, стр. 48—49. Словарь *Каменскаго*, 1836 г., ч. III, стр. 548—550. *Manstein*, ч. II, стр. 201—205.

(35) Memoires sur la Russie par *Manstein*, Leipzig, 1771, p. 450. *Каменскій*, 1847 г., ч. III, стр. 350. Русская Старина въ памятникахъ, и проч. Текстъ *И. Снегирева*, Отеч. Записки, 1825 г., ч. LVIII, стр. 68—70.

(36) Memoires *duc de Lhiria*, стр. 115. *Manstein*, ч. I, стр. 132—134. Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ, СПб. 1840 г. Графъ Остенъ, посланникъ Вѣнскаго двора, пишетъ, что «когда Биронъ говорить о скотахъ или со скотами, то говорить какъ человекъ, но лишь только начнетъ говорить съ людьми или о людяхъ, то говорить какъ скотина.» стр. 257.

(37) La Cour de la Russie, стр. 50. Отеч. Записки 1826 г., ч. XXV, стр. 246; 1825 г., ч. XXII, стр. 246. Подробное описаніе коронаціи Анны I, изд. въ СПб. 1732 г. Отеч. Записки 1823 г. *Вейдемейеръ*, стр. 167. Описаніе С.-Петербурга съ 1701 по 1751 годъ, изд. *Рубана*, 1779 г. Дворъ Екатерины II, соч. *Вейдемейера*, 1846 г., ч. I, стр. 6. Lettres d'une dame anglaise, Rotterdam, 1796, p. 45—47. Кромѣ перевода этихъ писемъ, изданнаго въ 1836 г. *М. Касторскимъ*, въ Публичной Библіотекѣ хранится своеручный переводъ Осипова, сочинителя Енеиды, вывороченной на изнанку.

(38) Lettres d'une dame anglaise, стр. 95, 46—57. *Корниловичъ*, стр. 111—115. *Минихъ-сынъ*, стр. 59, 128—132. *Вейдемейеръ*, стр. 25—30. Одинъ изъ лучшихъ портретовъ цесаревны Елизаветы, относящійся къ этому времени, сдѣланъ былъ Челидовымъ, простымъ гвардейскимъ солдатомъ. Этотъ человекъ имѣлъ необыкновенный даръ рисовать перомъ. Талантъ его былъ чрезвычайный. Изображеніе Елизаветы было такъ искусно сдѣлано перомъ, какъ никакой бы граверъ не сдѣлалъ бы его рѣзцомъ. Портретъ изъ галереи Ив. Ив. Шувалова перешелъ къ священнику Семенову. Челидовъ умеръ академикомъ въ 1765 г. L'academie des beaux-arts. Petersbourg. 1807 г. стр. 11—12.

(39) *Manstein*, стр. 57. *Rondo*, стр. 86, 117—118.

(40) Lettres d'une dame anglaise, стр. 118—128. Записки *Миниха-сына*, стр. 138—142. Чрезвычайно любопытна статья: «О портретахъ и изображеніяхъ Анны Леопольдовны.» г. *К.* въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣлен., СПб. 1853 г., т. I, стр. 554—579. Также любопытно: «Слово въ день бракосочетанія принцессы Анны съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, говоренное *Амвросіемъ*, епископомъ Вологодскимъ. Въ листѣ, СПб., 1789 г.

Примѣчанія къ СПб. Вѣдомостямъ, 1739 г., стр. 241—248. Дамскіе наряды этого времени, при всей своей пышности, не могли похвалиться удобствомъ и красотой. Его обыкновенно составляли: узкой, костяной кирасъ, исчезавшій въ огромномъ фишбейнѣ; башмаки съ каблуками въ два вершка высоты, большія робы съ корсетомъ и длиннымъ шлейфомъ, обыкновенно парчевыя или штофныя, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ, но облаченные богатыми кружевами. *Корниловъ*, стр. 124—125.

(41) *Manstein*, t. II, p. 154, 85. *Миницъ-сынъ*, стр. 159. Отеч. Записки, 1826 г. замѣчанія на записки Манштейна, ч. XXV, стр. 229—236. *La Cour de la Russie*, стр. 56.

(42) *La Cour de la Russie il y a cent ans*, p. 50—60. Любопытныя подробности о Волинскомъ можно найти въ письмахъ Петцольца, изданныхъ *Германомъ* въ «*Gesch. des Russischen Staates.*» B. IV, S. 607—625.

(43) Стр. 4. *Supplément an corps universel diplomatique du droit des gens, contenant un recueil des Traitez.* Amsterdam. 1740, t. II, ч. II. *Histoire de la guerre, 1736—1739, Meratio*, Paris, 1786. Свадьба эта была подробно описана мною въ статьѣ: «Ледяной дождь, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны.» *Общез. Вѣстникъ*. 1857 г., N 16, стр. 1—50.

Кстати скажемъ, что когда статья наша о Ледяномъ дождѣ была уже въ наборѣ, въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1857 г. N 123, 128 и 130, между почтенными нашими библиографами, М. Н. Лонгиновымъ и княземъ Н. Голицынымъ возникъ интересный споръ о томъ, кто изъ Голицыныхъ былъ героемъ шутовской свадьбы. Г. Голицынъ утверждалъ титулъ шута за княземъ Василиемъ Петровичемъ, г. Лонгиновъ удачно отстоялъ его за княземъ Михаиломъ Алексѣевичемъ. Первый, между прочимъ, въ подтвержденіе своего невѣрнаго мнѣнія, ссылается на «Подробное и обстоятельное описаніе Ледянаго дома,» соч. *Крафта*, 1741, СПб. «Книга эта такъ рѣдка,» отвѣчалъ на эту ссылку г. Лонгиновъ, «что мнѣ остается только позавидовать тому, кто ее видѣлъ.» Мы имѣемъ удовольствіе не только видѣть, но и владѣть экземпляромъ, который лежитъ даже экземпляра Публичной Библиотеки, и смѣемъ завѣрить г. Н. Голицына, что Вольфгангъ Крафтъ въ своемъ описаніи не только ничего не говоритъ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ свадьбѣ, но даже и о самой свадьбѣ ни слова не упоминаетъ. Это молчаніе разъяснено въ нашей статьѣ.

(44) О началѣ русскаго театра, о духовныхъ мистеріяхъ, помѣщено въ *Современникѣ* 1857 года превосходное изслѣдованіе г. *Пекарскаго*. О театрѣ при дворѣ герцогини Мекленбургской, въ селѣ Измайловѣ, въ 1720 годахъ, разсѣяно много любопытныхъ замѣтокъ въ дневникѣ Беркгольца. О театрѣ же смотри Отеч. Записки 1820 г., ч. XII, стр. 290—295. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* 1779 г., августъ. О театрѣ до 1768 г., соч. *Шталлина*, стр. 80—85. Также въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. N 21. Историческое извѣстіе о Русскомъ театрѣ.

(45) *Manstein*, p. 50—67. *Миницъ-сынъ*, стр. 180—181. *Lettres d'une dame anglaise*, p. 106—110. Примѣчанія Языкова къ запискамъ Желябужскаго, изд. въ СПб. 1840 г., стр. 273—274. *Вейдемейеръ*, ч. II, стр. 127—140. Русская Бесѣда, 1857 г., т. I, стр. 6; біографія И. И. Шувалова, сост. *Бартемиевъ*.

(46) *Manstein*, t. II, p. 80—85. Примѣчанія *Болтина* на исторію Леклерка, 1788 г., ч. II, стр. 514—515, 519—520. Обзорніе царствованія Екатерины II, соч. *Сумарокова*, 1835 г., ч. I, стр. 4. *Миницъ-сынъ*, стр. 173—175, 190. *Вейдемейеръ*, ч. II, стр. 135—145. *La Cour de la Russie*, p. 66.

(47) Въ Отеч. Запискахъ 1858 г., N 5, помѣщена статья г. *Шишкина*, подъ заглавіемъ: «Событія въ С.-Петербургѣ въ 1740 и 1741 годахъ.» Она написана бойкимъ языкомъ, отличается рѣзкостью сужденій, живымъ описаніемъ и вообще написана очень остроумно. Статья составлена, по поводу новой книги: «La Cour de la Russie il y a cent ans.» 1858 г. Жаль только, что талантливый авторъ при составленіи своего мастерскаго очерка упустилъ изъ виду многіе источники: любопытныя Записки Миниха-сына, Примѣчанія на Записки Манштейна *И. А. Остермана*, (Отеч. Зап. 1820—1829 г.); Voyage en Sibirie, аббата *Шанна* вт. 1796 г., гдѣ есть интересныя подробности о Лестоукѣ и событіяхъ 1741 г., статья г. *К.* въ Ученыхъ Запискахъ Академіи наукъ по I и III Отдѣленіямъ, т. I и III, примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1741 г. (примѣчанія, сохранившіяся только въ одномъ экземплярѣ въ Академической Библиотекѣ, остальные не полны; изъ нихъ, по приказу Елизаветы, вырѣзано все, что относилось къ правленію Анны) проповѣди Амвросія 1740—1741 г. и другихъ проповѣдниковъ того времени, оды Штеллина, Юнкера и Ломоносова, описаніе фейверковъ и празднествъ 1740—1741 г., съ весьма любопытными, характеристическими предисловіями и отступленіями, записки Шаховскаго и многія другія сочиненія, на которыя мы дѣлаемъ ссылки — все это не было просмотрѣно, г. Шишкинымъ? Высказываемъ наше сомнѣніе тѣмъ съ большою смѣлостью, что онъ вслѣдъ за Манштейномъ и Вейдемейеромъ повторилъ басни о Менгденѣ, о мнимомъ принужденіи Елизаветы выйти за принца Людовика, о какомъ-то измѣненіи ея характера — въ чемъ? когда? и проч. Мы готовы указать г. Шишкину его промахи въ статьѣ, тѣмъ не менѣе имѣющей неоспоримаго достоинства. Еще одно слово: о какихъ это источникахъ, *недоступныхъ* для русской публики, говоритъ г. Шишкинъ? Мы не нашли ихъ въ числѣ *семи* сочиненій, на которыя ссылается авторъ? Ужъ не Биографіи ли Россійскихъ генералиссимусовъ, соч. *Баттышъ-Каменскаго*, считаете вы недоступнымъ источникомъ?

(48) *Вейдемейеръ*, стр. 11. *Минихъ-сынъ*, стр. 192. Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie par le comte de Münich (отецъ) стр. 111—125. Жизнь графа Миниха, соч. *Галема*, ч. I, стр. 180—190. La Cour de la Russie, стр. 72. Histotre de la Russie, *Leclerk*, Paris, 1783, t. VI.

(49) Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean Biren. *Büsching's Magazin*, B. IX. S. 380—388. *Яковлевъ*, 1814 г., стр. 16—20. Истор. XVIII вѣка, ч. IV, стр. 181. *Manstein*, t. II, p. 87—88, 93.

(50) Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761 par M. l'abbé *Chappe* d'Auderoche. Amsterdam. 1769, t. I, p. 181. Отеч. Записки 1825 г., ч. XXI, стр. 225—226.

(51) *Минихъ-сынъ*, стр. 213. La Cour de la Russie il y a cent ans. p. 74—75.

(52) Въ 92-мъ номерѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, 1749 года, 14 ноября, въ слѣдующихъ словахъ объявлено было о низложеніи Бирона: «Герцоть за многія свои, какъ государственнымъ правамъ, такъ и учиненному отъ его императорскаго величества, блаженной памяти, уставу противныя поступки и объявленныя при томъ дальновидныя и тайныя намѣренія, отъ регества отрѣшентъ, а правленіе имперіей, во время малолѣтства его величества, къ несказанной радости и удовольствію всѣхъ вѣрноподданныхъ — ея имп. высоч. государынѣ принцессѣ Аннѣ, съ принятіемъ титула великой княгини всероссійской, поручено и отдано.... Въ 105 части Вѣдомостей того же года,

30 декабря напечатано *Радостное Поздравленіе*, отъ академика Юнкера. Это интересный, историческій документъ: сочинитель выражаетъ радость о низложеніи Бирона. Называетъ правительницу основательницею общаго спокойствія, олицетвереніемъ доброты, правосудія, великодушія и проч.

(53) Еще въ 1732 г., июля 19, при посѣщеніи принцессою Академіи Наукъ, Юнкеръ привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Принцесса, славная добротой, украшенная умомъ и любознательностію!» и т. д. Пет. Вѣд. 1732 г.

(54) СПб. Вѣд. 1741 г. N 1. La Cour de la Russie. p. 73. СПб. Вѣд. 1741 г. N 15, N 29, адрѣл 15. Крафъ славился въ свое время астрологическими предсказаніями. Къ нему, какъ къ чародѣю, обращались за предсказаніями Анна Ивановна и ея дворъ. Штелинь сохранилъ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ по сему случаю. Объемъ нашего очерка не позволяетъ привести здѣсь эти характеристическіе рассказы. Въ Москвитинѣ 1842 г. т. I, стр. 50—60 помѣщены нѣкоторые изъ нихъ.

(55) Одинъ изъ подарковъ, поясъ супруги Великаго Могола, украшенный жемчугомъ и брилліантами. Правительница препроводила на храненіе въ музей Академіи Наукъ 13 октября, во время своего посѣщенія Академіи. Вѣдом. 1741 г. N 82. Въ С. Петербургѣ, съ 1736 по 1740 годъ, постоянно жилъ персидскій посоль, имѣвшій прощальную аудіенцію у Анны Ивановны въ іюнь 1740 года. Новый посланникъ прибылъ 29 сентября 1741 года. *Manstein*, t. II, p. 118. *Каменскаго* словарь, 1847 г., ч. I, стр. 30, Военно-Энцикл. Лексиконъ 1841 г., ч. V, стр. 414. Отеч. Записки 1829 г. ч. XXXVIII, стр. 11. Вѣдом. 1741 г., N 39, 52, 58, 59. О библиотекѣ и кабинетѣ Академіи, соч. *Бокмейстера*, 1779 г., СПб.

(56) Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 16—17. С.-Пет. Вѣдом. 1741 г., N 65. Здѣсь помѣщено весьма любопытное описаніе фейерверка, сожженного 12 августа. Смотри части 66—69, стр. 261—266. Въ наибольшей части примѣчаній, описаніи это вырѣзано.

Ломоносовъ прибылъ изъ Голландіи 8 іюня 1741 года. Академія была въ это время безъ президента. Дѣлами распорядился совѣтникъ канцеляріи Шумахеръ. Въ первое время онъ сильно покровительствовалъ Ломоносову и далъ ему работу для Примѣчаній къ Вѣдомостямъ. Въ нѣмецкихъ примѣчаніяхъ по случаю торжества 12 августа, была отпечатана ода Штелина, въ русскихъ Ломоносова, стр. 267—272.

(57) *Chanterau* увѣряетъ, что Минихъ имѣлъ сильное вліяніе на правленіе Анны Леопольдовны. Неправедливо. Фельдмаршалъ былъ въ большой немилости, и только, благодаря своему сыну, оберъ-гофмейстеру двора великой княгини, пользовался пустымъ вѣншимъ почетомъ. *Voyage en Russie, Hambourg*. 1794, t. II, p. 175. Біографіи Россійск. Фельдмаршаловъ, *Каменскаго*, СПб., 1840 г., ч. I, стр. 220—225.

(58) Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 202—216. *Manstein*, p. 190—198, t. II, p. 120—125. Вѣдом. 1741 г., N 66. *Rélation exacte de la guerre entre la Moscovie et la Suède*. 1740—1742. Utrecht. 1742 г., 2 части. Объ описаніяхъ русско-шведской войны 1741—1742 г. См. Учен. Записки Акад. Наукъ по I и III Отдѣленіямъ. Выпускъ I, СПб., т. II, 1853 г., стр. 144—155.

(59) Ода на 23 августа на побѣду при Вильманстрандѣ, Ломоносова. Примѣч. къ Вѣдом. стр. 289—296. Уничтожена во всѣхъ экземплярахъ, кромѣ Академическаго. Ода вмѣщаетъ въ себѣ 230 самыхъ напыщенныхъ «стиховъ», изо-

браженныхъ всеподданнѣйшимъ рабомъ Михайломъ Ломоносовымъ.» Она несравненно слабѣе оды на взятіе Хотина 1739 г. Вѣдом. № 83. Отеч. Записки 1828 г., ч. XXXVI, стр. 49—51. 1829 г., т. XXXVIII, стр. 13—20. Отеч. Записки ч. XII, стр. 366.

(60) *Levesque*, t. V, p. 220—222. *Manstein*, t. II, p. 133. Лестоку родился въ 1692 году. Въ 1713 году онъ поступилъ въ русскую службу. Петръ отличилъ его за познанія въ хирургіи. По клеветамъ завистниковъ, онъ былъ сосланъ въ Казань. Екатерина I опредѣлила его хирургомъ при Елизаветѣ; полную довѣренность ея онъ скоро приобрѣлъ. *Voyage en Siberie, Charpe*, 1769 г., t. I, p. 126.

(61) *Минихъ-сынъ*, стр. 214—215. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 210.

(62) *Manstein*, t. II, p. 75, 157—166. *Вейдемейеръ*, стр. 69—89. *Levesque*, t. V, p. 222—230. Исторія Екатерины II, соч. *Лефорта*, 1837 г., ч. I, стр. 86. *Минихъ-сынъ*, стр. 214. *Болтинъ*, 1788 г., ч. II, стр. 324. *La Cour de la Russie*, p. 85—95. *Histoire de Pierre III*, par *Montmorin*, Paris, 1767, t. I, p. 1—32.

(63) С.-Петербург. Календарь, изд. Академіей Наукъ на 1741 годъ. Даже экземпляръ, находящійся въ Академической Библіотекѣ, не пологъ. Изъ него вырѣзаны, по приказу имп. Елизаветы, всѣ дни, противъ которыхъ были напечатаны имена семейства правительницы. Вообще календари сего времени весьма интересны по астрологическимъ предсказаніямъ и живописнымъ *проностикамъ*, помѣщавшимся въ нихъ. Это дань современному невѣжеству и грубому суевѣрію.

(64) Аббатъ *Шаннъ* всѣ эти подробности слышалъ отъ самаго Лестока и напечаталъ ихъ въ своемъ *Voyage en Siberie*. 1769, t. I, p. 182—184. *Яковлевъ*, стр. 30—31. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 19.

(65) Образъ этотъ, если не ошибаюсь, нынѣ находится въ одной изъ часовень въ царскомъ Селѣ. Риза и украшенія его чрезвычайно драгоценны. Вейдемейеръ, ссылаясь на указъ 26 іюня 1746 года, указъ, которымъ запрещено *чинить* смертны казни внутри города обѣихъ столицъ, утверждаетъ, что обѣщаніе Елизаветы не было исполнено. Стр. 9. Царствованіе Елизаветы Петровны, изд. 1834 г.

(66) Казармы Преображенскія, деревянныя, отдѣльные домики, стали строиться по указу Екатерины I 1726 г. ноября 16-го, «*для лучшаго плезира въ прешпективѣ Литейной и для всякаго случая въ нуждѣ въ солдатахъ.*» Изд. 1743 г., стр. 245. По указу 1739 г., казармы эти отведены были для жилья гвардейцевъ, а офицеры продолжали жить внѣ полка, на обывательскихъ квартирахъ.

Изображеніе любопытной медали, выбитой въ послѣдствіи по сему случаю, можно видѣть въ изд. 1772 года. «*Medailles sur le principaux événements de Russie*, par *P. Ricaud de Firegale*. Potsdame, p. 76—79. Собраніе русскихъ медалей. СПб., изд. 1840 г., № 123, 124, 125.

(67) Лучшая статья на русскомъ языкѣ о дальнѣйшей судьбѣ Брауншвейгской Фамиліи принадлежитъ *Полънову*: «Отправленіе Брауншвейгской Фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія.» Труды Россійской Академіи. 1840 г., СПб., ч. I, стр. 108—120.

(68) *Voyage fait en Russie*, par *Chanterau*, Hambourg, 1794, t. II, p. 75—76. Отеч. Записки 1825 г., ч. XXII, стр. 48; 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 202. Петръ Петровичъ Ласси держался и былъ въ милости при всѣхъ правительствахъ,

ибо не вмѣшивался въ дворцовыя интриги, былъ человекъ самый кроткій обходительный, хладнокровный, повиновался всѣмъ, кому прикажутъ и былъ человекъ самый необидчивый. Стр. 48.

(69) Записки Якова Петровича Шаховскаго. 1821 г., СПб., ч. I, стр. 48—54. См. объявленіе о восшествіи на престолъ Елизаветы въ N 95 Вѣдом. 27-го ноября 1741 г.

(70) Вѣдомости N 96, 1741 года декабря 2-го. Мы имѣемъ экземпляръ манифеста, отпечатаннаго въ этотъ день. Типографскихъ и грамматическихъ ошибокъ бездна. Въ Полномъ Собран. Закон., т. XI, стр. 537, онъ отпечатанъ съ поправками.

(71) Записки артиллеріи маіора *М. В. Данилова*, Москва, 1842 г., стр. 57. Вѣдомости 1742 г., часть XLIX, Примѣчанія, стр. 193—196.

(72) Когда статья наша была уже въ наборѣ, въ 1 номерѣ «Русскаго Вѣстника» явилось сочиненіе *П. К. Щебальскаго*: «Вступленіе на престолъ Анны Ивановны». стр. 5 — 67. Новое и прекрасное сочиненіе достопочтеннаго нашего ученаго проливаетъ весьма яркій свѣтъ на столь интересныя событія 1730 года. Съ живымъ любопытствомъ прочитали мы это замѣчательное изслѣдованіе: если не такъ много собрано въ немъ фактовъ, какъ бы этого мы желали, то за то приведенные сгруппированы и про умерованы съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ уже давно знакомы читатели: «Правленія Софьи Алексѣевны» и друг. сочиненій *П. К. Щебальскаго*.

Въ названной нами статьѣ, о цесаревнѣ Елизаветѣ, какъ и надо было ожидать, по самой задачѣ сочиненія, почти ничего не говорится. *Г. Щебальской* привелъ однако одну замѣтку, относящуюся къ *А. Б. Бутурлину*. Замѣтку эту мы какъ то просмотрѣли и не привели въ III главѣ нашего разсказа, почему и помѣщаемъ ее здѣсь: «Бутурлинъ имѣлъ въ послѣдствіи случай выказать на обширномъ поприщѣ свою незначительность; онъ командовалъ нашею арміею противъ Фридриха II. Лефортъ, посоль Саксонскій, еще въ 1729 году, писалъ о Бутурлинѣ:» ein Mensch, der das Pulver nicht erfunden, den aber Gott im Zorn zum General-Major gemacht hatte. (Gesch. d. Russ. st. 531).

Михаилъ Семеновичъ.

Ноября 26-го 1858 года.
С. Петербургъ.

БЕЗТАЛАННЫЙ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПРОСТАРОДНАГО ВѢТА.

(Посвящается В—ю А—чу К—ву.)

ГЛАВА I.

— Что ты мнѣ молвилъ, а? Что — о?... На родителя ты руку поднйль.... Ну, Миколка, помни же ты, помни!.... Окромя того, что ты супротивничалъ.... Я тебѣ покажу, отецъ я тебѣ, али чужакъ, задыхающимся отъ гнѣва голосомъ проговорилъ крестьянинъ своему сыну и направился къ избной двери.

— Кузьма Петровичъ, радѣльщикъ, смилуйся ты надъ нимъ. Что еще аль!... Ужь Богъ его вѣдаетъ, что съ нимъ попритчилось; видишь, онъ и себя-то не помнитъ, не токма чтò.... Прости ты его, помилуй, забывшись это онъ тебѣ молвилъ.... Кланяйся Миколаха въ ноги отцу-то, випись, говорила мать, преграждая мужу выходъ изъ избы.

Сынъ, малый лѣтъ пятнадцати, стоялъ въ углу избы, блѣдный, дрожащій, изподлобья посматривая на отца.

— Пусти ты меня, пусти-и!... Что съ нимъ толковать; вишь ровно звѣрь смотритъ.... Ничего.... отцовской рукой брезгуеть, пусъ чужой отвѣдаетъ.... Пусти-и! сурово сказала Кузьма, оттолкнулъ отъ себя жену и вышелъ изъ избы, сильно хлопнувъ за собой дверью.

— Ну куда ты угодилъ, а? со слезами начала мать, подходя къ сыну.... Что ты это надѣлалъ, а? Отцовской руки на себѣ не перенесъ. Эко дѣло, подумаешь, ну хоть бы онъ тебя и поучилъ маненько; а то ну-ка ты что отцу родному молвилъ — не трошь де, поди прочь! Да опосля

зотсь и виннисья не хочешь, а? Повиннись, Миколаюшка, ну ужь что дѣлать-то!... На то онъ и отецъ, чтобъ учить. Вѣдь онъ себя не пожалѣть, ужь такой цдравъ у него.... А ты поклонись отцу-то земно, можетъ и помилуеть. На утрее-то и сходи, а теперь не замай — спать ложитса.... Повиннисья, а?... Молви мнѣ: повиннисья?

— Ну — у! отвѣтилъ неопредѣленно Николай и пошелъ къ двери.

— Куда ты? Али теперь повиннисья-то хочешь, подь съ Богомъ!...

— Нѣту, я спать.... въ сарай.

— А поисть-то ничего не хочешь? Проголодаешься къ утрею; перекусилъ бы чего.

Николай, вмѣсто отвѣта, махнулъ рукой и вышелъ изъ избы.

— Охъ горя, горя, тужила Аграфена, когда сынъ вышелъ. Экой отецъ, а? Что дѣлать, коли Господи-то чего не далъ... Колоткомъ-то, да биткомъ ничего не надѣлаешь.... Ни къ какому дѣлу не пригоденъ. Вѣдь не отъ него эта безталанность-то, отъ Господа.... Эку радость во всю-то жизнь жизненскую вижу.... Горькая моя доля, постылая.... Последнія слова она проговорила влѣзая на палати; вскорѣ одинъ храпъ раздавался по избѣ.

Такая сцена происходила въ домѣ Кузьмы Петрова, старосты села Стракова. За хорошаго человѣка слылъ между крестьянами Кузьма Петровъ. Двадцать лѣтъ, какъ онъ сидитъ въ старостахъ и не запомнятъ Страковцы, чтобъ сдѣлалъ что онъ не по правдѣ, не по истинѣ. Честный онъ мужикъ, прямой, не лихоимецъ, не воръ; уважаютъ его крестьяне и боятся; крутенекъ, говорятъ онъ, Кузьма Петровъ, да за то, Богъ съ нимъ, человѣкъ онъ справедливый, правду матку любить, на кривдѣ не выѣзжаетъ. Бѣда одна въ старостѣ—въ бѣдность онъ не вѣритъ. Откуда эта бѣдность, говоритъ онъ мужикамъ, и самъ же отвѣчаетъ: отъ лѣни; а лѣнь объясняетъ онъ отъ того, что языку волю даютъ, а работу забываютъ. А ужь куда какъ не долю-

бливаетъ бѣдныхъ Кузьма; на бѣдномъ онъ втрое болѣе спрашиваетъ противъ богатаго; богатый, разсуждалъ онъ, и себѣ и ближнему полезень, господамъ вѣрный слуга, а бѣдный и себѣ врагъ и ближнему зараза и барамъ въ тягость. Богатаго-то и побережь надо, а бѣднаго, что траву дурную, изъ поля вонь. И въ двадцать лѣтъ своего наибольшества, перевелъ онъ эту дурную траву во царевы полки, — наборы помогли ему въ этомъ. Отъ того видно онъ въ бѣдность не вѣрилъ, что самъ онъ мужикъ богатень. Въ любой окрестной деревнѣ спросите объ немъ, всякій его знаетъ. Скопилъ онъ себѣ денежку бережемъ, да умомъ, ремесломъ онъ ни какимъ отъ роду не занимался, торговать не торговывалъ, а видно въ самомъ дѣлѣ, онъ мало воли языку давалъ, но только стали его закромы полны, да и копѣйка завелась на черный день. Тысячникомъ звали его мужики въ окологдѣ.

Начетчикъ былъ Кузьма и по воскреснымъ днямъ читалъ Сирахову Премудрость. Не пропускалъ онъ по воскреснымъ днямъ ни обѣдни, ни заутрени; но милостыню подавалъ съ разборомъ. Помогалъ онъ мужику, коли видѣлъ, что бѣда приключалась не отъ него самаго, а отъ гнѣва Божьяго. Крутъ Кузьма и не сговорчивъ и своеобразенъ; всѣхъ онъ мѣрялъ на свой аршинъ, самъ онъ работалъ до поту лица и хотѣлъ, чтобъ все вокругъ него трудилось до упаду. Скупъ онъ былъ и роскоши ненавидѣлъ въ мужикѣ. Не запомнятъ Страковцы, чтобъ когда нибудь онъ вырядился въ синій кафтанъ; попа знаютъ и въ рогожѣ, говаривалъ онъ. Врагъ онъ всѣхъ хороводовъ и гуляній; онъ во всѣхъ видѣлъ себя и себя ставилъ примѣромъ для всѣхъ.

Странное прозвище у Кузьмы Петрова — Красный. Богъ вѣсть, кто и за что далъ такое прозваніе Кузьмѣ. Самъ онъ лицомъ смуглый, волосомъ черный, жена его баба не то, чтобы снѣговидной бѣлизны. Говорятъ, у него дѣдушка былъ красенъ волосомъ и лицомъ; по немъ, можетъ быть, дали ему такое прозваніе. Это бываетъ. Такъ, напримѣръ, одна барыня въ сосѣднемъ Стракову сельцѣ дала одному изъ мужиковъ названіе Телемака, на основаніи его склонности къ безпашпортнымъ путешествіямъ; съ тѣхъ

поръ весь его родъ зовется Теленковыми. Да не въ томъ дѣло! Пятнадцать лѣтъ, какъ женился Кузьма; женился онъ не по любви, не по увлеченію, а потому, что всѣ люди женятся, надо было и ему обзавестись домкомъ, отецъ съ матерью ветхи стали, стары; надо было ему молодую хозяйку въ домъ. Зналъ онъ на селѣ Аграфену бой-дѣвку; ткать ли, прясть ли, лѣтнія ли работы справлять, Аграфена всѣмъ взяла; одинъ водился за ней грѣшокъ—языкомъ почесать любила, слово на привязи не держала; Кузьма не смотрѣлъ на это много; женой будетъ, думалъ онъ, попривыкнетъ и смалчиватъ станеть.

Въ выборѣ жены онъ не ошибся; ввелъ въ домъ бабу работяху. Не мало дивовались въ селѣ Аграфенѣ, откуда что у бабы бралось. Лѣтнимъ дѣломъ она и печь истопить, варево сварить, пироговъ напечеть; все въ домѣ прибереть, перемоетъ, выйдетъ въ поле не рано, а сдѣлаеть много, всѣхъ бабъ опередить. Много слезъ пролила Аграфена въ первые годы замужства. Она была бабочка смазливая, молодая, веселая; ей бы какъ въ праздникъ въ хороводъ выйти, смотришь Кузьма и гонитъ ее домой, да еще поученье такое женѣ сдѣлаеть, что бѣдняжкѣ стыдно на людей взглянуть, глаза поднять. Загонялъ онъ бабу до того, что изъ веселой, живой, она сдѣлалась какой-то робкой, запуганной, вѣчно жалующейся на горькую судьбу свою. Но не смотря на это, хозяйство ихъ шло въ гору и чаще откладывалась копѣйка лишняя. Черезъ годъ послѣ женитьбы, имъ Богъ даровалъ сынка, на другой — втораго. Перваго назвалъ Кузьма — Васильемъ, втораго Николаемъ. Росли и крѣпли мальчики вмѣстѣ, дѣля пополамъ и дѣтское горе и дѣтскую радость. До десятилѣтняго возраста они мало чѣмъ разнились другъ отъ друга. Вмѣстѣ лазили въ горшокъ съ кашей и пачкали себѣ и безъ того грязныя рожицы; вмѣстѣ играли въ снѣжки по зимамъ и лѣтомъ баландались вмѣстѣ въ одной грязной лужѣ. Съ десятилѣтняго возраста въ нихъ замѣчалась большая перемена. Вася смотрѣлъ тихимъ, робкимъ мальчикомъ, Николаша озорничалъ на всю деревню. Въ первомъ проглядывала какая-то домовитость, крохоборство.

Пойдетъ ли отецъ лошадь запрягать, — Вася непременно ужь тащить или хомуть или седелку; матери случится корову доить, — Вася несетъ матери подойникъ. Николашу-же цѣлый день въ избу калачемъ не заманишь, вырѣжетъ онъ себѣ изъ рябины дудку, убѣжитъ, не оглядываясь, съ утра въ лѣсъ и дудить себѣ до самаго обѣда; послѣ обѣда ускользнетъ отъ отца, отправится съ поля на Волгу, спуститъ въ нее ноги гдѣ нибудь, присѣвши на камень, и поетъ себѣ во все горло до поздней ночи калину съ малиной. Знакомъ былъ Николаю за такія продѣлки зеленый березнякъ, да съ него все какъ съ гуся вода, отплачется, накричится, да опять въ лѣсъ или на Волгу. Задумывался Кузьма, глядя на сыновей своихъ, когда ужь ихъ возрастъ подходилъ къ шестнадцати годамъ, когда мальчикъ полъ тягла начинаетъ барину править, когда баринъ, заботящійся о умноженіи населенія въ своемъ имѣніи, собственноручно ставитъ противъ его имени крестикъ и противъ имени какой нибудь дѣвушки, достигшей четырнадцатилѣтняго возраста, и похлопывая по ревизской сказкѣ самодовольно, говоритъ: еще пара, еще тягло, а тамъ и новая душа! И въ этотъ полугражданскій возрастъ нашего крестьянина, Николай ни къ какому дѣлу не былъ пригоденъ. За всякое дѣло онъ брался съ охотой, но какъ скоро осиливалъ его, осваивался съ нимъ, то кидалъ и больше никогда не принимался за него. Тупѣе брался Вася за то же дѣло, труднѣе и долѣе ознакомлялся съ нимъ, и сдружался потомъ съ этимъ дѣломъ, рождался какъ-то съ нимъ. Послѣдній обѣщалъ въ себѣ втораго Кузьму, въ Николашѣ же проглядывало что то не мужицкое, не грубое и не одно чувственное; иногда онъ, лежа на травѣ, заслушивался далекой пѣсни; идучи по полю съ бороной, онъ засматривался на заходящее солнце и багряную зарю; въ такія минуты невольно летѣла съ языка его пѣсня. До того любилъ онъ эту пѣсню, что среди работы кидалъ и бороны и лошадь среди поля и бѣжалъ къ поющимъ, будь они хоть за двѣ версты отъ него. Надо правду сказать, сильно поучивалъ его Кузьма за такія продѣлки. Николай терпѣливо сносилъ это. Въ описанный нами вечеръ, было Николаю такое-же

родительское поученье, и Богъ знаетъ почему, онъ не снесъ въ этотъ разъ такого наставленія, а принялъ оборонительное положеніе, всталъ противъ родительской власти. Можетъ быть потому, что безталаннымъ его величали во всемъ селѣ, можетъ быть!

На слѣдующее утро Кузьма вошелъ къ сыну въ сарай, когда тотъ еще покоился богатырскомъ сномъ. Остановился Кузьма передъ спящимъ Николаемъ и долго смотрѣлъ на него; вставай! сказалъ онъ, вдругъ какъ бы опомнясь, или, можетъ быть, подавляя отцовское чувство — любви, жалости къ сыну. Мгновенно, какъ бы пораженный электрическимъ ударомъ, судорожно вскочилъ на ноги Николай. Подемъ со мной! отрывисто сказалъ Кузьма. Николай поспѣшно, не безъ робости, нахпнулъ на плечи кафтанъ, надѣлъ шапку и вышелъ изъ сарая вмѣстѣ съ отцемъ. У сарая стояла лошадь, запряженная въ телѣгу.

— Садись! произнесъ Кузьма, влѣзая въ телѣгу.

— Батюшка!... выговорилъ было Николай; но отецъ прервалъ его просьбу такимъ суровымъ ну! что Николай безъ дальнихъ объясненій сѣлъ въ телѣгу. Шажкомъ двинулась лошаденка, они проѣхали гумно и выѣхали было уже на околицу, какъ вдругъ изъ за угла крайняго въ селѣ овина выбѣжала Аграфена. Съ воплями и рыданіями кинулась она прямо на лошадь.

— Батюшка, кормилецъ, Кузьма Петровичъ, куда ты свое малое дѣтище везешь, погубишь ты его; смилуйся, своя чай кровь, вопила Аграфена, цѣпляясь за поводья. Кузьма сошелъ съ телѣги, осторожно отвелъ жену къ сторонѣ, и потомъ въ два прыжка очутился опять въ телѣгѣ и понукалъ лошадь. Запрыгала по коленямъ телѣга, затреножила, какимъ-то особеннымъ галопомъ, понеслась лошаденка и бѣдная мать порывисто бѣжала за удаляющимися мужемъ и сыномъ.

— Схватите вы его, ай батюшки, сердечушко.... убьетъ онъ его, убьетъ! Забыла Аграфена, что ее никто не слышитъ, никто ей не поможетъ; запуганное женское воображеніе увѣряло ее въ томъ, что Кузьма строгій и суровый,

привыкшій къ общему уваженію, къ общей покорности, не потерпѣть въ сынѣ супротивника отцовской власти и убѣтъ его.

Но вотъ круто повернула лѣсомъ телѣга, взвилась сѣрымъ столбомъ пыль по дорогѣ и Кузьма съ сыномъ скрылись изъ глазъ Аграфены. Какъ снопъ, повалилась на пыльную землю бѣдная мать и вѣтеръ отнесъ крикъ почти безчувственной уже Аграфены совершенно въ противоположную сторону удаляющемуся Николаю.

ГЛАВА II.

Поздно вечеромъ измученная лошаденка тихой рысцой ввезла Кузьму въ богатое, торговое село Вьюшково; на концѣ улицы Кузьма остановилъ ее, медленно слѣзъ съ телѣги, оглядѣлся кругомъ—улица была пуста, взялъ подъ уздцы лошадь и подвелъ къ одному изъ домовъ.

— Кумъ Власъ, а кумъ Власъ! кричалъ Кузьма, постукивая кнутовищемъ по рамѣ избнаго окошка, — отвѣта не было. Кузьма усилилъ удары, окно отворилось и изъ него высунулась повязанная платкомъ голова.

— Кто тута? спрашивала высунувшаяся.

— Кумъ Власъ дома? въ свою очередь спросилъ Кузьма.

— Власъ-то?... нѣту-ти... На что тебѣ-ко его?

— Гдѣ-жь онъ? сурово спросилъ Кузьма.

— Власъ-то?... нѣту моль, нѣту. На что тебѣ большака-то? съ недовѣрчивостію спрашивала хозяйка дома.

— Я тебя спрашиваю, гдѣ-жь онъ, ну! возвышая голосъ, сказалъ Кузьма.

— Власъ-то... Къ Воняченскому барину уѣхалъ, колеса увезъ, — отягать присылали... Да на что тебѣ его?...

— Надо, рѣзко перебилъ ее Кузьма, и немного помолчавши, промолвилъ: все едино, отвориай ворота.

— Да никакъ изъ Красавина, Кузьма Петровичъ, ась?

— Ну-у! сквозь зубы промычалъ Кузьма.

— Тотчасъ, тотчасъ отопру, родной. Мнѣ старымъ дѣломъ и не въ домекъ, слышу, ровно бы голосъ-то Кузьмы Петровича, а въ темп-то въ лицо признать и не могу, ровно...

— Нечего калякать-то, отпирай! перебилъ ее съ сердцемъ Кузьма.

— Тотчасъ, тотчасъ, батюшка! Голова скрылась. Черезъ пѣсколько минутъ, въ окошкѣ этой избенки сверкнулъ огонекъ, а потомъ и ворота со скрипомъ отворились. Кузьма въѣхалъ на дворъ. Курицы, пробужденныя шумомъ въѣхавшей телѣги, тяжело перелетѣли съ одного пашѣста на другой, а страдающій бессонницей пѣтухъ привѣтствовалъ нежданнаго гостя своей оглушительной, однообразной пѣсней.

— Добро пожаловать, кланяясь говорила приземистая, рябая старуха, освѣщая дворъ дымно пламеньющей лучиной. Изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ, все ли по добру, по здорову? Ай, батюшки, отцы родные, вскричала она, чтой-то это у тебя въ телѣгѣ-то, никакъ человѣкъ лежитъ. Не надѣлалось ли что съ тобой путемъ-то, дорогой?

— Слава Богу, ничего, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Кузьма, распрягая лошадь.

— Такъ кто-жъ этотъ-то? спросила старуха.

— Миколка! сквозь зубы отвѣтилъ Кузьма и вывелъ лошадь изъ оглоблей. Сѣно есть? спросилъ онъ.

— Какъ не быть, батюшка! Да за что-жъ ты его голубчика по рукамъ то перевязалъ?.. Али дѣтскимъ дѣломъ укралъ что?

— Такъ надо; гдѣ у тебя сѣно-то?

— А вонъ тамъ въ забенькѣ, въ уголку. Старуха показала пальцемъ темный уголъ двора.

— Такъ что-жъ ты его, роднаго не ослабодишь, продолжала она.

Кузьма не отвѣчалъ и повелъ лошадь къ сѣну.

Старуха робко подошла къ телѣгѣ, она подозрѣвала что-то недоброе, заглядывала въ телѣгу, освѣщая ее лучиной. Николай лежалъ въ глубинѣ телѣги, вверхъ лицомъ, руки были скручены у него позади спины, шапка валялась въ ногахъ; всклокоченные, какъ видно, чужой рукой волосы закрывали до половины его лица.

— Миколаюшка, а Миколаша? робко спрашивала Акулина, такъ звали хозяйку, подозрѣвая въ Николаѣ убитаго.

Николай вадумалъ было привстать, но силы измѣнили ему, онъ упалъ опять навзничъ въ телѣгу.

— Аль тебѣ не ловко, болѣзный, дай-ка я поправлю тебѣ, развяжу рученьки-то, соболѣзнуя говорила старуха.

— Не трошь его! повелительно вскричалъ Кузьма, услышавши намѣреніе старухи.

— Веди въ избу! сказалъ онъ, подходя къ телѣгѣ.

— А его-то какъ?... неужто такъ покинешь, чай избился онъ ѣдучи, смотри: силушки нѣтъ подняться.

— Пойдемъ въ избу, рѣзко проговорилъ Кузьма. Акулина взглянула еще разъ на Николая, — ей стало жаль его. Она обратилась съ рѣчью къ Кузьмѣ.

— Лѣто, — лѣто, а все ночь-то холодная, иззябнетъ онъ, глядь-ко, вѣдь въ одноѣмъ кафтанишкѣ лежитъ.

— Ничто ему. Какъ бы убѣжать не хотѣлъ, въ избѣ бы теперь спалъ. Подемъ!

Кузьма и Акулина скрылись за низенькой избной дверью. На дворѣ настала темнота и тишина, Николай лежалъ въ телѣгѣ съ открытыми глазами. Въ головѣ его было какъ-то пусто, дрожь пробирала его до костей, онъ силился заснуть и не могъ; нѣсколько разъ пробовалъ онъ повернуться съ одного бока на другой, но каждое движеніе паносило ему такую боль, что онъ вскрикивалъ. Среди ночи, когда Николай, какъ говорятъ, позабылся, кто-то подошелъ къ нему, развязалъ руки, стащилъ съ телѣги и проводилъ въ избу. Спи! сказалъ освободитель; по голосу Николай узналъ отца. Какъ ни силился Кузьма побѣдить въ себѣ родительское чувство, но оно взяло верхъ и вотъ почему онъ привелъ сына въ избу. Николай сунулся на первую лавку и заснулъ богатырскимъ спомъ. На другое утро разбудилъ его толчекъ въ плечо; онъ судорожно вскочилъ съ лавки; передъ нимъ стоялъ отецъ и массивный Власъ. Николай зналъ Власа — кузнеца еще въ первые дѣтскіе годы. Кузнецъ былъ страшилищемъ для всѣхъ мальчиковъ. Сажень безъ вершка росту, съ клинообразной сѣдой бородой, съ раскосыми, на выкатѣ, глазами, сутуловатый, вѣчно выпачканный сажей, смотрящій на свѣтъ Божій изъ подлобья, Власъ и не въ мальчикѣ производилъ непріятное,

отталкивающее впечатлѣніе. Матери, крестьянки пугали неугомонныхъ ребятъ Кузнецомъ Власомъ, и въ цѣломъ околodкѣ среди мальчишекъ Власъ слыль Кузнецомъ — букoй. Надо добавить къ портрету Кузнеца еще то, что онъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ было крайне угловатъ, поступь у него была такая, какъ будто онъ вмѣсто ногъ ставилъ на землю разомъ пудовъ десять; смотрѣль при разговорѣ всегда въ сторону, при отвѣтахъ всегда какъ-то грубо улыбался; а голосъ былъ у него такой сильный, такой неприятный, что однажды жена сотскаго сказала ему: «что ты, батька, говорить не умѣешь, только ротъ раскроешь, такъ словно лѣшій на колѣнѣ берцу переломить.» Можетъ быть слышала жена сотскаго, какъ лѣшій на колѣнѣ берцу ломаетъ, а можетъ быть и не слышала; но она имѣла право предполагать, что неприятно звучитъ у людей въ ухахъ, когда лѣшій примется березы на колѣнѣ ломать; на то онъ Лѣшій, чтобъ неприятное людямъ дѣлать.

Такъ вотъ каковъ былъ съ внѣшней стороны Кузнецъ Власъ.

— Вотъ тебѣ хозяинъ, указавъ на Кузнеца сказалъ Николаю Кузьма, уважай ему, слушайся, о побѣгѣ и думать забудь, перенимай его науку. Хорошо учиться станешь, на Петровки домой возьму, а то и не кажись лучше.

Кузьма взялся за шапку, помолился образамъ, потомъ обратился съ поклономъ къ Власу.

Ну, Кумъ, прощенья просимъ, такъ ужъ... значить.... объ чемъ я тебѣ говорилъ, такъ такъ чтобъ и было.

— Такъ чтобъ и было... идиотически усмѣхаясь, отвѣтилъ Власъ.

Кузьма еще разъ перекрестился, отдалъ поклонъ всѣмъ присутствовавшимъ въ избѣ и вышелъ за двери, за нимъ послѣдовали Кузнецъ и старуха Акулина.

Николай бросился было вслѣдъ за отцомъ, но потомъ мгновенно обернулся назадъ и не сѣлъ, а почти упалъ на лавку.

Въ ухахъ раздавалась послѣдняя фраза отца: а то и не кажись лучше, мысль же Николая замерла на томъ, что онъ работникъ, батракъ.

— Хошь завтракать? раздался надъ самымъ ухомъ Николая сильный голосъ кузнеца. Николай молчалъ, не до завтрака ему было.

— А не хошь, знать у тебя губа дура, на работу ступай, разомнись маненько, чѣмъ баринномъ-то сидѣть. Ступай за мной, насмѣшливо сказалъ Власъ и пошелъ вонъ изъ избы; за нимъ безсознательно побрелъ Николай.

Неподалеку отъ дома стоялъ какой то закоптѣлый, почернѣвшій сарай, это была кузница. Три рабочихъ били страшными молотами по раскаленному до бѣла желѣзу, когда вошли въ кузницу Власъ съ Николаемъ. Болѣзненно отдавались въ головѣ Николая эти удары молотами.

— Митяйка, отдайся отъ мѣховъ, слышь уйди, вскричалъ Власъ.

Грязный, въ рубищѣ Митяйка отошелъ.

— Мотри, говорилъ Власъ, взявши Николая за рукавъ зипуна. Вотъ какъ качай, въ перемежку, не сильно, не вдругъ, а въ перемежку, какъ слѣдовать должно. Вотъ тебѣ дѣло. Прймайся, пачинай.

Николай не слыхалъ наставленій Власа, онъ взялся машинально за дѣло. Дѣло не клеилось. Онъ поднялъ разомъ оба мѣха и вскричалъ отъ боли въ рукахъ, такъ сильно исколотило его дорогой.

— Чертъ, не такъ! съ какимъ-то дикимъ, звѣрскимъ взглядомъ вскричалъ Власъ, выбранилъ Николая еще крѣпчайшимъ словомъ и вмѣсто того, чтобъ вразумить малаго, сильно ударилъ его кулакомъ по затылку.

Этотъ ударъ возвратилъ Николая къ сознанию; онъ схватилъ близъ лежащій молотъ и кинулся вонъ изъ кузницы. Двое рабочихъ хотѣли было загородить ему дорогу, но поднятый молотъ и отчаянный взглядъ Николая заставили уступить ему выходъ изъ кузницы.

— Держи его, разбойника, держи! бѣшено кричалъ Власъ.

Тѣ-же двое работниковъ кинулись вслѣдъ Николаю. Последний не пробѣжалъ и десяти сажень, какъ отъ безсилія лежалъ на землѣ.

— Неси его, разбойника, въ сѣбникъ. Я тебя выучу, скорохода экого. Разъ другой поколочу, смириѣй будешь. Такіе совѣты давалъ кузнецъ безчувственному Николаю. Сонъ принялъ опять въ свои объятія Николая, какъ только его внесли въ сѣбникъ и бросили на полъ. Этотъ день и ночь Николай не открывалъ глазъ.

На слѣдующее утро, путемъ *поучивши* Николая, Власть отвелъ опять его въ кузницу и отдалъ его подъ строгій надзоръ рабочимъ. Николай принялся сначала за дѣло съ энергіей, но эта энергія скоро охладѣла въ немъ, въ барскомъ домѣ онъ такъ отвыкъ отъ работы, что самое легкое дѣло казалось ему чуть не каторжнымъ. Тяжелой, убійственной жизнью показалась Николаю жизнь кузнеца. Жаркая, душная атмосфера кузницы, грязь, чернота, повседневное однообразіе, вѣчно раскаленное желѣзо, подниманіе и опусканіе мѣховъ, крики рабочихъ, брань, суровость хозяина, все это опротивѣло Николаю. Жизнь въ кузнице представляла не болѣе отраднаго, она была чисто животнымъ отправленіемъ. Приходилъ Николай съ работы; рябая, впрочемъ добрая хозяйка подвигала ему и еще тремъ рабочимъ большую чашку со щами. Щи уничтожались мгновенно, за ними слѣдовала каша, за кашей — обремененіе желудка, дальше послѣбѣденный отдыхъ или сонъ. Просыпаясь, Николай встрѣчалъ тотъ-же тяжелый, черный, машинный трудъ

Живутъ-же люди! скажутъ на это.

Да, живутъ!.. отвѣчу я; но Николаю эта жизнь была не въ жизнь; видно онъ въ «безталанный часъ родился на свѣтъ».

Черезъ недѣлю Николая не было въ селѣ. Ночью, потихоньку онъ вышелъ изъ избы, долго молился на желтую Церковь сельскую и убѣжалъ. Куда?... Куда глаза глядѣли.

ГЛАВА III.

Вотъ именно благодатная сторонюшка. Вотъ вамъ напри- мѣръ приволжское село Красавино. Село это-деревня, какъ деревня: сѣрыя бревенчатыя избы, крытыя соломой, скром-

но поднимаютъ свои кони отъ такой же сѣрой земли. Вотъ выбѣжала впередъ избенка сѣрая, дряхлая и совѣстно ей стало выставять какъ будто на показъ свой старый срубъ, прикрыла она свою наготу развѣсистой, плакучей березой и спокойно доживаетъ подъ сѣнью ея свой вѣкъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ бобылемъ. А вотъ рядомъ съ ней другая изба; эта крѣпче, здоровѣе первой, не стыдится она своей молодцоватости, глядитъ прямо въ очи честному народу, не укрывается березой, терпитъ жаръ и стужу одна одинешенька. Крыша на ней не тесовая, да врядъ ли уступить тесовой,— не жалѣлъ мужикъ соломы, клалъ волю, крѣпко на крѣпко нажималъ ее ногами, еще крѣпче приперъ жердинами, чтобъ не торчала къ верху, не топорщилась, а лежала, какъ люди велѣли. Не много поодаль, изба — домъ. Строенъ онъ на широкую руку: крыша тесовая, окна въ двухъ этажахъ чистыя, свѣтлыя, хоть въ барскій домъ, такъ годятся. Подоконники съ вырѣзью, а конь-то вверху размахнулся, словно рога у стараго оленя, а сдѣлалъ его простой топоръ, да буравчикъ. А вонъ взгляните на конецъ околицы, стоитъ тутъ старуха, развалина-изба. И она была когда-то бодря и крѣпка, а теперь лежитъ совсѣмъ на боку; одна половинка воротъ еле-еле лѣпится на ржавой петлѣ; поросла дорожка къ ней бурьяномъ, травой-оконъ какъ будто и не бывало, объ огородномъ плетнѣ и помину нѣтъ, растаскалъ его расчетливый сосѣдъ мужикъ къ себѣ на растопку. Некому поправить ее, некому подновить, владѣлецъ ея бобыль давно лежитъ на погостѣ; одинъ вѣтеръ, въ осеннюю пору врываясь въ окна, гудитъ и шумитъ, нарушая покой ея. Сжалился надъ ней дубъ сосѣдъ, подставилъ ей свою грудь— стволъ, пускай-де опрется на меня старуха, поиѣжитъ свои старыя косточки, вѣдь не разломить меня, не отниметъ моей силы ни на волосъ. За этой избенкой выглядываютъ овины съ гладко уколоченными ладонями, стога сѣна, амбары; а на пригоркѣ съ миромъ стоитъ желтая церковь, окруженная сотней деревянныхъ, безъямянныхъ крестовъ, а дальше *магазея* съ потовымъ крестьянскимъ хлѣбомъ, отложеннымъ на черный день, а тамъ на выходѣ изъ села и часовня съ старыми образами и съ кружкой для доброхотныхъ дателей,

а дальше вьется и изливается среди зелени тележная дорога, а еще дальше блеститъ крутобережная покойная Волга съ десятками селъ и деревень, а на самомъ кругозорѣ лѣсъ плаваетъ въ синевѣ неба и машитъ къ себѣ въ непрозрачную даль. Въ одномъ изъ такихъ селъ былъ праздникъ годовой, гулянье шло во всю ивановскую. Отъ большого до малаго, все разодѣлось по праздничному. Кумачъ, синее сукно, сѣрое сукно, астраханка, китайка, ситець, штофъ пестрѣли на мужикахъ и бабахъ. День какъ нарочно для праздника выдался ясный, ни облачка на небѣ не видно, мужику это и по рукѣ, пусть-де грѣетъ солнце, паръ костей не ломить. На единственной улицѣ этого села, цѣлый рядъ бѣлыхъ холщевыхъ навѣсовъ привлекалъ женскій и дѣтскій взоръ разнообразіемъ лакомствъ, отъ неудоботающаго леденца до пряника—сушенника, все было тутъ въ усладу крестьянскому женскому и дѣтскому вкусу. Колоколь, шатерь, гдѣ продается вино, красовался въ сторонѣ. Безостановочно входили туда и выходили группы крестьянъ, то въ черезъ чуръ веселомъ, то въ черезъ чуръ раздраженномъ состояніи. Одни, поматывая головой и разводя руками, сплнлись доказать толпѣ, что въ мірѣ семъ все суета суетствъ, другіе же оплакивали двадцать лѣтъ умершихъ сродственниковъ. Третьи, о, на лицахъ третьихъ величайшій изъ психологовъ ничего бы не прочелъ, въ эти минуты отъ нихъ далека была всякая человѣческая мысль. Все на селѣ или плѣло, или ѣло, или плло. Среди общаго безпорядочнаго движенія, мѣрно плылъ хороводъ; то грустно, уныло неслась отъ него пѣсня, то вдругъ размахисто, бурливо, шумно подхватывалась сотней здоровыхъ мужскихъ голосовъ и далеко окликала окрестность. Уханьямъ, крикамъ, остротамъ, смѣху — конца не было. Все было весело, счастливо, шумно спллось въ одну семью.

— Медвѣдя ведутъ, медвѣдя ведутъ! раздалось въ толпѣ. Изъ устъ въ уста перенеслись эти клики, старый и малый, все кинулось на срѣтенье дорожному нежданному гостю. Въ концѣ улицы громадный бурый медвѣдь гордо выступалъ съ своимъ жожакомъ, около него подпрыгивала коза, пощелкивая своими деревянными скулами. Населеніе села густымъ кругомъ замкнулось около медвѣдя и съ замрані-

емъ сердца ждало зрѣлища. Зрѣлище началось, зрѣлище, знакомое всякому во всѣхъ своихъ подробностяхъ, кто хоть изрѣдка посѣщаетъ деревню. Не надоѣдаетъ оно нашему крестьянину потому, что это вызываетъ его на остроту и насмѣшку, а куда какъ любить русскій человѣкъ въ веселый часъ посмѣяться и сострить. Вотъ медвѣдь прихрамываетъ, тяжело ступаетъ; это онъ представляетъ, какъ старуха на барщину идетъ, немочь ее одоѣла, старость ее сломила. Слышатся въ толпѣ насмѣшки въ родѣ такомъ.

— Тетка Ѳекла, а тетка Ѳекла, вѣдь Марья—то Ивановна у тебя переняла, сейчасъ умереть, издѣвается какойнибудь весельчакъ паренъ надъ отживающей старухой.

Старуха въ свою очередь отгрызается.

— Полно хабалъ, не съ твоей ли бабушки родимой.

— Ить ты хватила, изъ ума знать выжила, бабушку-то вотъ четвертый десятокъ за упокой поминуютъ, а Марья-то Ивановна всего третій годъ за мужемъ, не коли перенять. А право ся ужъ что упираться, какъ есть съ тебя. Гляди, ребята, обращается насмѣшникъ къ толпѣ: ишь ты Марья—то ровно наша Ѳекла Спиридоновна ногу то колесомъ несетъ. Платомъ опояжи Марью Ивановну, все единственно будетъ Ѳекла Спиридоновна, наша то маненечко посмуглѣй будетъ.

Такъ ли? ха, ха, ха.

Такъ, вѣрно, вѣрно! раздается въ толпѣ. Иногда насмѣшка замѣняется такими разсужденіями:

— Ишь ты животина вѣдь, а слово понимаетъ наше, значить человѣкъ до всего можетъ дойти, все можетъ сдѣлать.

— Это что! перебиваетъ какойнибудь резонеръ старикъ. Это не диво, что наше русское, значить, слово понимаетъ; я тебѣ вотъ что скажу; значить татаре вотъ медвѣдей водятъ, такъ бормочетъ онъ это, ты самъ, значить, человѣкъ, а не звѣрь, въ толкъ не возьмешь, ровно мельница мелеть, а вотъ медвѣдь то понимаетъ, подижь ты и штуку разную представляетъ, вотъ что значить наука-то, ты не понимаешь, а медвѣдь понимаетъ.

— Понимаетъ? а? спрашиваютъ изъ толпы.

— Какъ есть! значить татаринъ ему слово свое скажетъ, ты не понимаешь какую онъ значить штуку долженъ приставить, а медвѣдь то приставляетъ, да, приставляетъ.

— Эка поря, подижъ ты! восклицаютъ мужики, почесывая затылокъ.

А гдѣ нибудь въ сторонкѣ раздаются пискливые возгласы крестьянокъ: Молчи, Варюха, гляди, ишь ты, ишь ты, хи, хи, хи! За смѣхомъ слѣдуютъ: поталкиваніе другъ друга локтями, ужиманья и перешептыванья. Все удовольствіе обыкновенно оканчивается тѣмъ, что медвѣдь, по приказанію вожака, троекратно кланяется до земли, потомъ получаетъ шанку съ головы своего хозяина и обходитъ на заднихъ лапахъ толпу. Пятаки и гривны, гроши сыплются туда довольно щедро, камердинеръ же графскій, во имя общественнаго мнѣнія, непременно кинетъ туда гривенника два, три и самодовольно озираетъ толпу. За тѣмъ медвѣдь уже нормальнымъ образомъ слѣдуетъ обратно. Толпа долго, долго провожаетъ его глазами, а ребяташки, вопреки всѣмъ запрещеніямъ матерей и тятекъ, проводятъ медвѣдя до слѣдующей деревни. На этотъ разъ крестьянамъ предстояло болѣе эстетическое наслажденіе. Вожакъ, собравши деньги, обратился къ толпѣ съ такой рѣчью:

— А вотъ моя коза, больно пѣть горазда, ужъ какъ затянетъ, да на балалайку подладить, ужъ ажно жарко, больно она у меня дѣшла до пѣсень-то.

— Дяче не спѣть, пой коза! раздалось изъ толпы. Хорошо споешь награжденье будетъ. Съ духомъ сберись! Со чувствіемъ пой. Снимай попяву-то, а то не ловко. Поняв снялась, коза преобразилась. Среди толпы стоялъ красавецъ парень, русые кудри бѣжали до плечъ и рѣзко окаймляли его загорѣлое лице; открытый, большой лобъ, голубые, полные свѣта и жизни глаза, крупность чертъ лица, все говорило о сильной, могучей натурѣ. На немъ былъ синій шугай, пли поддѣвка, ремень съ наборомъ стягивалъ его по бедрамъ, черезъ плечо висѣла на тесмѣ балалайка. Толпа приготовилась слушать, она чего то ждала отъ этого пѣвца, поразилъ ли ее чистый костюмъ, что рѣдко встрѣчается въ оборванной

козѣ, или физиономія самаго пѣвца поразила ее, но говоръ смолкъ. Пѣвецъ снялъ съ плечь балалайку и небрежно ударилъ по струнамъ. Мужички наострили и глаза и уши; да, правду сказать, было чего поглядѣть и послушать. Парень вошелъ въ пассію, все заговорило въ немъ, глаза переполнились свѣтомъ, плечи, руки, все было въ движеніи, пальцы бѣгали по струнамъ, голосъ то замиралъ, то усиливаясь, обдавалъ жаромъ слушающихъ. Въ толпѣ слышалось: важно!

— Эхъ, ма! Кабы годовъ десятокъ съ костей и я бы подтянулъ, ужъ оченно онъ забираетъ, эхъ вы! воспламеняясь, говорилъ беззубый старикъ и, подернувъ плечами, началъ было пѣть.

— Нишкни, слышь дѣдушка не гоже, ну гдѣ тебѣ съ кисельными зубами! Не мѣшай, поталкивая его, говорилъ молодой парень. Онъ весь обратился въ слухъ.

Ухъ вы! Держись шапка! вскрикнулъ пѣвецъ, раскатился свистомъ и перемѣнилъ пѣсню, раздалось

Ай во лузяхъ, ай во лузяхъ,
Таки во лузяхъ, зеленыхъ во лузяхъ
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая.
Разцвѣли, разцвѣли,
Разцвѣли цвѣты лазоревые

Толпа подхватывала пѣсню, подъухивала. Молодежь пустилась въ пляску. Пѣвецъ торжествовалъ, онъ видѣлъ, что онъ подвинулъ, воодушевилъ толпу; среди общей пляски онъ забылся, не видалъ ничего окружающаго. Сильнѣе и сильнѣе звучалъ его металлическій голосъ, все скорѣе и скорѣе бѣгали его правильные пальцы по струнамъ. Среди самаго разгара пѣсни онъ почувствовалъ, что кто-то ему сильно сжалъ плечо, онъ повернулся назадъ и поблѣднѣлъ, предъ нимъ стоялъ Кузьма, его отецъ. Опустились руки у Николая, голосъ прервался на самой высокой нотѣ. Толпа замѣтила, что пѣвецъ смолкъ, замѣтила его смущеніе и вотъ раздались крики: что жъ ты малой, ухнемъ! Николай молчалъ. Отецъ сказалъ ему сурово: подемъ. Николай закинулъ за плечо гитару, подошелъ къ вожаку и промолвилъ:

— Ну, спасибо братъ, теперь нѣтъ у меня своей влюшки. Домой иду. Спасибо за твою за хлѣбъ, за соль.

— Какъ такъ? спросилъ въ изумленіи вожакъ.

— Такъ, до.... мой, сквозь слезы, сказалъ Николай, не поминай лихомъ, коли добромъ не за что. Прости!

Пѣвецъ подошелъ къ Кузьмѣ, Кузьма глядѣлъ на него совершенно равнодушно, какъ будто и не былъ ему отцемъ, ему совѣстно было признаться предъ этой веселой толпой, что этотъ бродяга — пѣсельникъ его сынъ. Кузьма выходилъ изъ толпы, Николай безмолвно слѣдовалъ за нимъ.

Вожакъ былъ изумленъ такой внезапной неожиданной развязкѣ и безмысленно глядѣлъ вслѣдъ удаляющемуся Николаю. Не менѣе была поражена и толпа. Пѣсня смолкла, лица многихъ сдѣлались какъ то грустными, недовольными. Но Кузьма съ сыномъ уже былъ на краю улицы, вотъ и послѣдній домъ деревни миновали они, вышли уже и на дорогу. Кузьма молчитъ и тяжелой поступью подвигается впередъ, а Николай чаще и чаще оглядывается назадъ; на душѣ у него становится тяжеле и тяжеле, его пугаетъ безвыходное будущее положеніе, подчиненность, зависимость, а отрадное прошедшее кажется теряющимся на всегда.

— Такъ гдѣ ты пропадалъ цѣлые два года бездомокъ? вскричалъ внезапно оборотившійся Кузьма, когда уже деревня скрылась изъ глазъ. Стыдъ положилъ на мою голову, бродяга лѣсной, на селѣ-то пальцами тычутъ, какой де ты отецъ, а еще староста, сына не усмотрѣлъ, бродяжничать пустилъ. Ишь промыселъ какой нашелъ! Глаза Кузьмы блистали изъ подъ густо нависшихъ бровей, лице разгорѣлось и судорожно подергивалось. Николай молчалъ.

— Что молчишь, али говорить нечего. Съ матерью-то что сдѣлалъ, разбойникъ, ровно полоумная реветъ, всѣ ночи глазъ не осушить, а онъ пѣсни поетъ. У Кузьмы показались на глазахъ слезы и онъ мягкимъ голосомъ продолжалъ.

— Ду-у-ракъ, вѣдь ты одинъ у меня теперь, Вася-то померъ. Есть на кого надежа, эхъ ты! Старикъ какъ ни крѣпился, какъ ни силлся сурово встрѣтить сына, но не

могъ глубоко замаскировать отцовскаго чувства; теперь оно все сосредоточилось на Николаѣ, Василья Богъ взялъ.

— Да что съ тобой калякать! вдругъ сказалъ Кузьма, мѣняя ласковый тонъ на суровый. Вотъ тебѣ мое останное слово: коли ты да не справишься, лобъ тебѣ забрѣю къ зимѣ. Слышъ да помни: завтра барыня: пріѣдетъ, не введи меня въ слово. Теперь до деревни дойдемъ, а тамъ къ матери поѣдемъ.

У Николая брызнули слезы. Въ первый разъ съ ранняго дѣтства онъ услышалъ полуласковую рѣчь отца, съ ребяческой радостью хотѣлъ было онъ броситься къ нему на грудь, но Кузьма отвернулся отъ него и повелительно сказалъ: ступай! это повелительное, холодное «ступай» лишило Николая мгновенно той восторженной настроенности, какой онъ былъ полонъ за минуту; и съ тяжелымъ безотраднымъ чувствомъ пошелъ онъ за отцемъ.

ГЛАВА IV.

Охъ, лѣтнія проселочныя дороги, русскіе удобные пути и сообщенія! вздыхая, говаривалъ мой знакомый помѣщикъ, садясь въ таратайку для осмотра *своихъ собственныхъ*, какъ онъ выражался, лѣсовъ, которыхъ, между нами сказать, врядъ ли набралось бы у него до пяти десятинъ. У меня нѣтъ *своихъ собственныхъ* лѣсовъ, а потому я и не ѣзжу осматривать ихъ, но вполне сочувствую моему помѣщику, то есть не моему, ибо я не крѣпостной и обладаю полной юридической правоспособностью, а моему знакомому помѣщику. Что можетъ быть ужаснѣе, въ самомъ дѣлѣ, нашихъ выгодныхъ и удобныхъ проселковъ. Можетъ быть, это медицинская мѣра; хотя бы можетъ быть, чтобы русскій человекъ, отправляясь въ дорогу, ничего не ѣлъ, или не объѣдался, ибо сытому ѣхать по проселку ... Боже упаси! Прежде надо написать духовное завѣщаніе на все движимое и недвижимое имѣніе, да потомъ и садиться въ таратайку для осмотра *своихъ собственныхъ* лѣсовъ. Или, можетъ быть, это мѣра нравственная — приучить народъ русскій къ терпѣнію, и то можетъ быть; все у насъ можетъ быть. Такую удобность и выгодность чувствовала одна петербургская дама, ѣхав-

шая на житье въ свое родовое имѣніе, въ которомъ она ни разу не бывала. Дормезъ работы Іохима, не смотря на всю свою прочность, отказывался болѣе служить своей владѣтельному; его рессоры были опутаны веревками, а сзади кареты покосилось колесо, не вытерпѣвшее этой проселочной пытки. Измученная обывательская четверка лошадей насилу волочила ноги, а вмѣстѣ съ ними и дормезъ. Возница не жалѣлъ животовъ, нещадно билъ ихъ то плетью, то кнутовищемъ, но лошади только потряхивали гривами и не прибавляли шагу. Одна изъ нихъ, при каждомъ такомъ ударѣ, оборачивала голову къ кучеру и напоминала собой извѣстное положеніе людей, которые говорятъ, оборачивая свою голову назадъ: ваше благородіе, помилуйте, виновать! Но какъ отъ вашего благородія нельзя ждать скорого помилованія, такъ и отъ кучера прекращенія безчеловѣчныхъ ударовъ.

— Скоро ли мы приѣдемъ? спрашивала изъ окна кареты женщина съ худымъ, оливковаго цвѣта лицомъ, лѣтъ подъ 30.

— А вотъ... какъ Миколу-Тыки, село тутъ есть, проѣдемъ, такъ не такъ, чтобы далеко, снимая шапку отвѣчалъ кучеръ.

Не такъ чтобы далеко! *Quelle horreur!* съ сердцемъ воскликнула дама и скрылась въ глубинѣ кареты.

Эта желтая дама и была княгиня Мухтомская, ѣхавшая изъ Петербурга въ деревню поправлять свои *разстроенныя дѣла*. Тяжело ей было оставить *восхитительный* Петербургъ и ѣхать жить въ *отаратительную* деревню, но видно и князья-рабы обстоятельствъ. Со дня рожденія она жила въ Петербургѣ и о деревнѣ имѣла самыя дикія понятія. Взлѣбная въ богатой, аристократической семьѣ, съ колыбелю окруженная роємъ иностранныхъ гувернантокъ, она привыкла слышать, что нашъ мужикъ, кромѣ того что грубъ и глупъ, но что и готовъ на всякое злое дѣло, что у него не дрогнетъ рука ни за что ни прочто перерѣзать человѣку горло; что и стыдно и опасно говорить объ чемъ бы то ни было княгинѣ съ мужикомъ, что это могутъ дѣлать мѣлкопомѣстные, эта дрянь, которая сами съ ними и сѣетъ и оретъ, а что княгиня можетъ передавать свои приказанія и требо-

ванія черезъ лицъ, болѣе цивилизованныхъ и чистыхъ, какъ напримѣръ лакеевъ, т. е. домашнихъ, какъ называютъ ихъ у князей. Такія-то благоразумныя сентенціи глубоко западали въ душу молоденькой дѣвушки, будущей помѣщицы и гѣта зрѣлости не разбили въ ней ложности взгляда на нашего крестьянина; она вполне вѣрила своей гувернанткѣ Misse Mithe, которая доказывала ей, что крестьянинъ есть такой же звѣрь, какъ левъ, медвѣдь, тигръ, но только съ человѣческими формами, а что вовсе крестьянинъ не человѣкъ. Ее извиняетъ въ этомъ случаѣ то, что она не имѣла времени подумать объ этомъ; она была аристократка, развѣ у нашей современной дѣвушки-аристократки бываетъ время для подобныхъ размышленій. Съ тѣхъ поръ, какъ станъ ея начинаеть стягиваться пагубнымъ корсетомъ, всѣ ея мысли, вся ея нравственная и физическая жизнь отдана одному блеску бала, одной свѣтской суетѣ и нарядамъ. Такъ протекли невозвратимые, дорогіе дни молодости и для княгини Натальи Петровны Мухтомской. При жизни своихъ родителей, тоже князей, которые занимали не послѣднее мѣсто въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, она летала съ бала на концертъ, съ концерта въ театръ, пока не явился наконецъ съ Кавказа, а въ то время былъ въ модѣ Кавказъ, молодой князь Мухтомскій съ горской закаленной наружностію, съ георгіевскимъ крестомъ и подвязанной рукой. Онъ обворожилъ все высшее общество разказами о чудесахъ храбрости, которыми увѣнчался ихъ полкъ, особенно его рота. Печоринская разочарованность неразлучна была съ его физиономіей, что также въ былое время правилось нашимъ великосвѣтскимъ барынямъ. Его иначе не величали въ этомъ высшемъ свѣтѣ, какъ prince à boucles noirs. И вотъ этотъ prince à boucles noirs просить руки у Натальи Петровны. Не долго думали родители о судьбѣ своей Natalie, и великолѣпные пригласительные билеты объявили высшему Петербургскому міру о бракосочетаніи ея сіятельства, княжны Натальи Петровны Однаруковой съ его сіятельствомъ, княземъ Анатоліемъ Григорьевичемъ Мухтомскимъ. Чрезъ нѣсколько времени Наталья Петровна потеряла родителей, но за то со смертію ихъ открыла въ мужѣ много новыхъ

достоинствъ. Разочарованіе, неразрывный его спутникъ, исчезъ, рука болѣе не подвязывалась черной лентой, свободно метала на право и на лѣво и еще свободнѣе брала стаканъ съ завѣтнымъ виномъ. Это новая пора жизни для нашей княгини, пора новой ея свѣтской дѣятельности. Двери въ ея пышные салоны отворяются для всѣхъ львовъ столицы, она рисуется предъ ними молоденькой дѣвочкой, только что вышедшей на свѣтскую арену, и долго, долго послѣ посѣщенія этихъ львовъ, она разсматриваетъ въ зеркалѣ морщинку, какимъ то чудомъ явившуюся на ея прекрасномъ лбу. Мужъ ея въ кругу своихъ друзей каждый день увеличиваетъ кушъ проигрыша и пріемъ шампанскаго; къ женѣ съ каждымъ днемъ является все болѣе и болѣе львовъ.

Наконецъ въ одинъ изъ такихъ soirées княгинѣ дали знать, что мужъ ея умеръ апоплексическимъ ударомъ за карточнымъ столомъ. Истерикамъ и крикамъ конца не было; съ головы до ногъ она облеклась въ черное сукно и судорожно кинула горсть земли на гробъ мужа. Послѣ похоронъ явились кредиторы ея мужа, тутъ-то она увидѣла свое бѣдствіе! Долговъ было такъ много, что всѣхъ Петербургскихъ домовъ, дачъ, приморскихъ виллъ едва ставало на уплату ихъ. Дѣлать было нечего, оставаться долѣе въ Петербургѣ нельзя; насмѣшливая улыбка явилась на лицахъ всѣхъ тѣхъ львовъ, которые въ бывшее недавнее время дорожили однимъ взглядомъ княгини. Все знакомое ей отвернулось отъ нея. И вотъ она, сошедши съ пьедестала столичнаго величія, ѣдетъ, ужасно вымолвить, въ дальнюю деревушку; изъ гордой львицы хочетъ сдѣлаться смирной сельской овечкой. Но можно ли и въ такомъ положеніи отказаться отъ прежнихъ взглядовъ на жизнь, отъ прежнихъ убѣжденій? О, конечно нѣтъ! Она везетъ съ собой въ деревню красавца управляющаго, родомъ Француза, который жилъ въ одномъ изъ лучшихъ парфюмерныхъ магазиновъ Петербурга. Къ чести Француза надо сказать, что онъ прекрасно выполнялъ всѣ обязанности, возлагаемыя на него великосвѣтскими барынями. За это собственно и взяла его съ собой Наталья Петровна въ деревню. Обширная ливрейная дворня распущена по оброку, одинъ красавецъ грумъ,

да горничная ѣдутъ раздѣлять съ своей госпожей тяжелое бремя скучной деревенской жизни.

— Таперича, воно-тка ужъ видать Красавино! кричалъ кучеръ, постукивая въ переднее окно кареты своими грязными пальцами.

— Что тебѣ? спросила желтая, та же дама, выглядывая изъ кареты.

— Видать моля село-то, вона ужъ и кургузую горку сейчасъ увидимъ.

— Не разсуждать, когда не спрашиваютъ.... Кургузая горка. Quelle cocoonnerie! ворчала княгиня, скрываясь въ каретѣ. Кучеръ, недовольный такимъ обращеніемъ, началъ еще сильнѣе бичевать лошадей.

— Ты русскъ свинь, смѣять безпокоить Княгинь, я тебѣ!... Не смѣть не говорить съ Княгинь, запальчиво кричалъ изъ кареты Французъ.

— Ладно моля, ладно! ворчалъ про себя кучеръ, не поворачиваясь и нахлобучивая на самые глаза шляпу.

Въ каретѣ настало молчаніе, изрѣдко прерываемое храпомъ Француза. Барыня тоже спала. Сторы въ каретѣ были опущены. Одна горничная бодрствовала. Она строила въ головѣ своей планы будущей жизни. Она была не дурна собой, одѣвалась барыней; лице не первой свѣжести говорило, что она много пережила, много перенесла въ жизни. По волѣ барской, вырванная изъ крестьянской семьи и обученная въ лучшемъ швейномъ магазинѣ Петербурга, она жила, какъ всѣ наши модистки. До глубокаго вечера она работала въ магазинѣ, вечеромъ выходила на Невскій проспектъ искать приключеній. Сначала страдало ея нравственное чувство, но потомъ успокоивалось на новомъ бурнусѣ, на новой шляпкѣ. Когда она сознала цѣну себѣ, поле такой дѣятельности казалось ей очень узкимъ. Она положила правыми или неправыми путями, но нажить деньги, откупиться, а потомъ жить на свободѣ. У ней прибавлялись только новые наряды, а основательнаго денежнаго фонда не было. Она ѣдетъ въ деревню для этихъ цѣлей, можетъ быть въ деревенской глуши она и успѣетъ что-нибудь сдѣлать. Нить ея размышленій прервалась остановившейся каретой.

— Матушка ты наша, Каталья Петровна, ваше сіятельство, не обезсудь, прими, матушка, нашу хлѣбъ-соль, раздалось подь самымъ окномъ кареты. Княгиня подняла стору, выглянула изъ окна, толпы мужиковъ окружили карету; впереди всѣхъ стоялъ Кузьма Петровъ съ хлѣбомъ и солью, Наталья Петровна растерялась, ахнула, визгнула.

— Прочь, прочь, кричала она, мужики, бороды. Кучеръ пошелъ! Въ самомъ дѣлѣ какъ не испугаться,—ея сіятельству удалось увидѣть въ первый разъ до сотни бородъ вмѣстѣ?!!

Французъ, разбуженный крикомъ Княгини, проснулся и закричалъ на мужиковъ:

— Ви, о! Княгиня пугаятъ, я васъ будить. Кучеръ пошоль, ходи, ѣздитъ.

Карета запрыгала по колеямъ и оставила собравшихся на поклонъ мужиковъ въ самомъ странномъ положеніи.

— Эко поря, а?... Ну барыня, началъ одинъ изъ нихъ, примѣрно: бѣда! То есть хлѣба-соли не приняла на первый-то разъ. Да и что это братцы настранецъ-то, сросвенникъ что-ли?

— Какой сросвенникъ, управитель изъ нѣмцевъ! перебилъ его другой. Худо! продолжалъ онъ, разводя руками. Я тебѣ Кузьма говорилъ, что не слѣдъ встрѣчать ее за деревней, барскимъ дѣломъ измучилась дорогой-то. Будемъ говорить, встрѣтилъ-бы по приличеству, у крыльца, оно-бы превосходнѣе было. Кузьма долго молчалъ, онъ что-то соображалъ въ головѣ своей, наконецъ сказалъ мужикамъ:

— Не то вы, ребята, толкуете, все не то, покойника барина съ княгиней встрѣчали также, а ты смотри не туда, плохо намъ таперя. Управитель изъ настранцевъ, съ барыней въ одномъ кипажѣ сидить.... Пути не жди. Подемъ къ крыльцу.... Что не будетъ, а ужъ головы не сниметь!

Толпа повалила къ дому. Отъ мѣста встрѣчи до господскаго дому было не болѣе версты; карету уже распрягли, когда Кузьма съ крестьянами подошелъ къ крыльцу. Здѣсь собрались бабы съ полотенцами, ягодами и холстами. Имъ сдѣланъ былъ такой же пріемъ, какъ и мужикамъ. Французъ прогналъ ихъ всѣхъ, какъ только Княгиня въ сопро-

вожденіи горничной и грумма вступила на порогъ незнакомаго, но своего наслѣдственнаго, родоваго дома. Бабы обратились съ распросами къ Кузьмѣ, но этотъ не отвѣтилъ имъ и суровымъ возгласомъ: пошли по домамъ, заставилъ ихъ убраться во свояси.

Толпа мужиковъ безъ шапокъ стояла у крыльца, въ ней замѣтна была перѣшительность. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли кто охотно пошелъ бы на поклонъ послѣ такой встрѣчи. Миръ единогласно положилъ идти на поклонъ Кузьмѣ, на томъ основаніи, что онъ и староста, да и резонть свой имѣеть говорить. Въ первый разъ въ жизни Кузьма робко вступилъ на знакомое крыльцо барскаго дома, дрожащей рукой отворилъ дверь и скрылся за ней. Толпа не сводила глазъ съ этой роковой двери и въ молчаніи дожидалась возвращенія Кузьмы. Черезъ полчаса Кузьма возвратился; лице его носило еще болѣе обезпокоенный видъ; его чувство собственнаго достоинства такъ было глубоко оскорблено, что онъ рѣшился, вопреки своему обыкновенію, высказаться крестьянамъ.

— Ну, ребята, сказалъ онъ, и ума не приложу, какъ дѣлать, какъ быть?

— А что, что? спрашивала любопытная толпа. Подемъ къ домамъ, вы не шибко здѣсь. Вотъ какое дѣло-то: таперя мы примѣрно двадцать серебра съ души платили, барыня накинула еще по десяти рублей на душу. Я было туда, сюда; говорю, что больно мужички-то изобьются, обнищаютъ.... и, Господи! Управитель кинулся меня ругать.... не утаю ребята, шестой десятокъ доживаю, ни чьей руки на мнѣ кромѣ родительской не бывало, а управитель ударилъ....

— Ударилъ, ударилъ.... тебя, Кузьма Петровичъ? спрашивало нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Да, ребята, меня ударилъ. Изъ Нѣмцевъ, да этакъ безчинствуетъ, Богъ ему судья, старые-то князья окромя ласковаго слова ни чѣмъ не взыскивали, а этотъ.... Голосъ Кузьмы дрожалъ и прерывался.

— Вотъ что, Кузьма Петровичъ, началъ сѣдой мужикъ, съ открытымъ и добрымъ лицомъ. Мужикъ ты умный, при-

нялъ ты евакое безчестье за насъ, за всѣхъ, за вотчину, не введемъ тебя въ слово, выплатимъ, такъ-ли ребята?

— Резонтъ, такъ, такъ! Агаеонъ Петровичъ, раздалось изъ толпы.

— Да какъ же и не платить-то, продолжалъ Агаеонъ, власть управителя велика, а господская-то воля еще больше. Коли не правильно она требуетъ, такъ Господь на ней взыщеть, а мы потянемся, выплатимъ. Такъ-ли?

— Выплатимъ, выплатимъ!

— На томъ благодарю братцы, да вотъ еще какой приказъ: ни мнѣ, ни вамъ ко двору барскому отнюдь не ходить, а коли что надо, такъ горничную свою пришлетъ; а самъ, говоритъ онъ, ты и носу на господскій дворъ не кажи. Вотъ чего на старости выслужилъ, эхъ, ма! Окромя всего этого, вотъ еще какой приказъ: какъ есть, значить, всю лужайку отъ господскаго-то дома велѣли огородить, потому барынѣ наша борода претитъ, да! Кузьма размахнулъ руками.

— Эко дѣло, эко дѣло. Ну ребята, времена нонѣ пришли, говорилъ одинъ.

— Ты говори, все то не по родному, все то по новому.... вторилъ ему другой.

— Такъ подемъ, ребята, огородъ городить, сказалъ подумавши Кузьма.

— Подемъ, Кузьма Петровичъ, подемъ, батюшка.

Опустивши головы, широко разводя руками, мужички направились къ домамъ.

ГЛАВА V.

Хорошій обычай у нашихъ крестьянъ *пѣмочь*. Важное дѣло въ хозяйствѣ во время сжать траву, убрать хлѣбъ, подготовить землю къ посѣву. У инаго помѣщика силъ не хватить, народу мало, вотъ и зоветъ онъ сосѣдную вотчину въ праздникъ къ себѣ на помощь, на *пѣмочь*. Въ праздникъ на свою полосу работать не пойдетъ крестьянинъ, — Богъ не благословитъ его дѣло, земля не приметъ трудовъ его. Къ сосѣду-же идетъ съ охотой, потому что идетъ на доброе дѣло, на помощь, на *пѣмочь*. На такой-то помочи

были всѣ Красавицы. Баринъ, позвавшій ихъ, былъ добрякъ-помѣщикъ, не пожалѣлъ ни пироговъ, ни вина, ни пива для угощенія помощниковъ, или какъ ихъ называютъ въ простонародьи: помочниковъ. Досыта наѣвшись и напившись, до поту наработавшись, Красавицы, на закатѣ солнечномъ, возвращались домой. Парни, дѣвки и молодежи шли впереди, поодаль не много, старое поколѣнiе; всѣмъ было весело, всѣ были довольны. Извѣстно, коли Русскій мужикъ веселъ и доволенъ, то такъ и летитъ съ языка его пѣсня. Николка, съ неразлучной своей балалайкой, выступилъ впередъ, ударилъ по струнамъ и понеслось далеко по зарѣ:

Солнце на закатѣ,
 Время на утратѣ,
 Сѣли дѣвки на лужокъ,
 Гдѣ муравка и цвѣтокъ...

Сильный звучный голосъ Николая покрывалъ весь хоръ.

— Ну ужъ пѣвунъ, говорило между собой старое поколѣнiе, экой голосина-то, но-ли дрожъ пробираетъ, да и мастерь, не будь ему худо и пѣть-то. Ишь ты, ишь ты, какія колѣна откалываетъ, ровно соловей.

Съ такими пѣснями они подошли къ селу.

— Николка, не пой, дурачина, управитель заругаетъ, барыня-то пѣсенъ нашихъ не любитъ, говорила смазливая молодая бабенка.

— Гдѣ ей услышать, давеса съ управителемъ уѣхали въ кабрилеткѣ, по Волгѣ кататься, гдѣ ей услышать, не услышать! Валяй калину! отвѣчалъ съ жаромъ Николай.

Ватага поробнялась уже съ плетнемъ, отдѣлявшимъ бритый подбородокъ отъ небритаго, пѣсня такъ же шумно и далеко неслась. Вдругъ... все смолкло, какъ-будто въ одинъ моментъ все замерло — послышался стукъ ѣхавшей къ барскому дому кабриолетки. Безъ пѣсенъ подходили мужики къ своимъ домамъ и чрезъ полчаса улица опустѣла. Николаю сгрустнулось о прежней свободѣ, о прежнемъ раздолѣ; вышелъ онъ съ балалайкой передъ свой домъ и сѣлъ на завалинку. Его домъ былъ крайній и вслѣдъ почти за нимъ начинался барскій домовый садъ, если включить сюда также этотъ новый плетень. Сильно грустно сдѣлалось Николаю, онъ сна-

чала какъ-будто утѣшалъ себя, отгонялъ отъ себя тоску-кручину, потихоньку наигрывая наши простонародныя пѣсни, но потомъ опустилъ голову на руки и весь погрузился въ думу. Долго сидѣлъ онъ такъ; въ селѣ начали перелаяваться собаки, перекликаться безсонные сторожа-пѣтухи, и застучалъ въ чугунную доску при церкви кривой пономарь, сторожъ тожъ. Но вотъ онъ быстро всталъ, выпрямился, лице его приняло оживленный видъ, съ минуту онъ стоялъ, какъ-будто къ чему-то прислушиваясь, потомъ быстро побѣжалъ къ барскому плетню. За этимъ плетнемъ пѣла горничная Даша. Николай припалъ къ землѣ, чтобъ не быть замѣченнымъ и началъ вслушиваться въ незнакомые ему звуки романса. Даша владела свободнымъ легкимъ голоскомъ, она искусно управляла имъ. Николай впился въ нее взоромъ, ухо не проронило ни одного звука. Даша пѣла «матушку голубушку». Екало ретивое въ Николкѣ, ему хотѣлось подтянуть, но страхъ, что Даша перестанетъ пѣть, удерживалъ его. Онъ лежалъ, притаивъ дыханіе. Даша кончила. Николай вскопился; его прекрасное лице носило слѣды внутренней тревоги, глаза блестѣли, онъ дрожалъ всѣми членами, ему хотѣлось изломать этотъ щедущій плетень, обнять, крѣпко обнять Дашу и упрямить ее еще разъ повторить пѣсню. Даша давно замѣтила его, даже прежде, нежели онъ сошелъ съ завалины. Она и пѣла въ томъ ожиданіи, что авось либо Николка-пѣвунъ, какъ звали его въ деревнѣ, обратитъ на нее вниманіе. Она торжествовала, видя, что Николай былъ пораженъ ея пѣсней. Теперь онъ мой, думала она, теперь попался въ западню, начало сдѣлано, смѣлѣй, смѣлѣй впередъ!

— Ахъ, кто это? вскричала Даша испуганнымъ голосомъ. А, а! продолжала она, перемѣняя тонъ. Куда это собрались съ балалайкой-то, или любезную утѣшать идете? Идите, идите, слезами облилась, чай, дожидаячи-то.

Николая сильно поразило то, что Даша, рѣдко удостоивающая однимъ словомъ кого либо, первая заговорила съ нимъ. Дарья Васильевна, думалъ онъ, чуть не барыня, ходитъ всегда въ шляпкѣ и первая начинаетъ говорить съ тѣмъ, кого вся деревня называетъ безпуткомъ, пѣвунномъ.

Такой чести не удостоивался и самъ Кузьма Петровичъ, пользовавшійся уваженіемъ въ деревнѣ, считавшійся первымъ мужикомъ въ окологдѣ. Николлай забылъ всякое чиновочитаніе.

— Дарья Васильевна, родная моя, жизнь ты моя, говоришь-онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, спой ты мнѣ, коли я тебѣ не противенъ, еще разъ твою пѣсню.

— Какъ бы другихъ утѣшать не ходили, такъ бы спѣла, а то много и безъ меня найдется пѣсельницъ-то. Ступайте къ любезной-то, чего ждете, отвѣтила горничная, какъ бы съ упрекомъ, подобрала складки своего бѣлаго кисейнаго платья и мелкой рысцой побѣжала къ дому. У Николая застучало въ вискахъ. Богъ съ тобой, напраслину взводите на меня Дарья Васильевна, нѣтъ у меня никакой любезной.

Даша, какъ будто, не слыхала его отвѣта и продолжала бѣжать, рисуясь передъ Николаемъ своей гибкой таліей, чего положительно Николай не замѣтилъ. Онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока въ послѣдній разъ среди зелени мелькнуло бѣлое платье.

— Эхъ ты горе! сказалъ онъ, и скорыми шагами пошелъ туда, куда часто Русскій мужикъ тащить съ себя послѣднюю рубашку.

— Водки! закричалъ онъ, съ шумомъ захлопывая за собой закоптѣвшую дверь кабака.

— Давай деньги, за водкой дѣло не станетъ, холодно возразилъ тучный цаловальникъ.

— Деньги? сказалъ Николай подумавъ, нѣтъ со мной денегъ.

— Что-жъ ты фофономъ-то сюда ходишь, куда безъ денегъ и дороги нѣтъ, замѣтилъ тотъ-же тучный господинъ въ красной астраханской рубашкѣ.

— Вотъ тебѣ кафтанъ, давай штофъ! Николай снималъ съ плечь одежду. Цаловальникъ, не смотря на видимую тучность и неподвижность, быстро перескочилъ прилавокъ и началъ разсматривать кафтанъ. Кафтанишко-то не больно того!... промычалъ онъ, прищуривая лѣвый глазъ. Такъ значить вовся, или выкупишь.

— Не знаю.... насилу вымолвилъ Николай и сѣлъ на лавку у грязнаго стола.

Черезъ минуту *зелье*, какъ называютъ наши непьющіе мужики простое вино, явилось на столѣ. Николай судорожно схватилъ штофъ и налилъ полный стаканъ вина, залпомъ выпилъ онъ его и не поморщился, за этимъ послѣдовалъ другой, за вторымъ третій и четвертый, на сердцѣ сдѣлалось какъ бы легче, глаза же помутились.

— Все, сказалъ онъ, оборачивая дномъ штофъ.... все! Охъ ты горе, мое гореваньице. Онъ всталъ изъ-за стола, ноги писали мыслете; насилу пробрался онъ къ дверямъ и оцупалъ скобку.

— Что-жь выкупишь, аль нѣтъ? сурово спрашивалъ хозяинъ кабака.

Николай остановился, какъ-будто что-то соображая, но потомъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ воздухъ и вышелъ на улицу.

— Чтобъ тебя прорвало! привѣтствовала своего гостя при выходѣ тотъ же господинъ, который при всей своей тучности, такъ ловко перепрыгнулъ черезъ прилавокъ. По улицѣ раздавалась исковерканная пѣсня: матушка голубушка. Ее пѣлъ Николай; измѣняли ему и голосъ и память, а на сердцѣ послѣ минутнаго облегченія сдѣлалось еще тяжелѣе. Улица была пуста. Никто не видалъ Николая, только съ барской террасы раздавался смѣхъ, смѣялась же Даша надъ пьянымъ Николаемъ. У самыхъ воротъ Кузьминой избы встрѣтила Николая мать. Аграфена замѣтила, что сынъ хмѣленъ и робко подошла къ нему.

— Что ты эвто Николаюшка, съ какихъ ты эвто горей, а? говорила она. Подь, батюшка, сосни въ сараѣ, ночь-то теплая.

Николай отправился было по направленію къ сараю, но мать остановила его.

— А гдѣ у тебя кафтанишко-то?

— Тамъ, сказалъ Николай неопредѣленно, указывая рукой въ ту сторону, откуда многозначительно глядѣла выразительная на длинномъ шестѣ елка.

— Гдѣ тамъ? али въ кабакѣ забылъ?

Николай и на это отвѣтилъ своимъ односложнымъ тономъ.

— Заложилъ, а, заложилъ? добивалась мать.

— Т-а-а-мъ! невнятно и съ сердцемъ вымолвилъ Николай.

— Эко дѣло, эко дѣло, Бога только въ тебѣ нѣтъ, ну большакъ-то узнаеть, да онъ тогда и меня-то съ тобой, безстыжій ты человѣкъ. Будеть-ли въ тебѣ путь, когда ужъ изъ дому потащилъ.

Николай стоялъ опустивши голову и руки.

— Ж-ж-жетъ вотъ подъ самымъ подъ сердцемъ, т-тя-неть.... ну выпилъ, прррости ты меня.

— Ну, ну родной мой, говорила мать, глядя сына по спинѣ, подъ сосни, може легче будетъ, за много-ли ты заложилъ-то, за штофъ, что-ли.

— Д-да! горько сказалъ Николай.

— Подъ сосни.... а я выкуплю у него, у злодѣя, а то на утре отцу скажетъ.

Николай поплелся въ сарай.

— Эки дѣла, эки дѣла. Гляди коли этотъ толстый-то съ меня цѣлковаго не возьметъ. Охъ, ужъ родитель, отецъ своимъ дѣткамъ; нѣтъ чтобы сыну разгуляться праздничнымъ дѣломъ гривенникъ далъ. Какъ малому и не тосковать. Бѣжать выкупить, охъ горя, горя, говорила сама съ собой Аграфена и пошла въ избу достать денегъ на выкупъ кафтана.

ГЛАВА VI.

Грустно, безотрадно тянулось для Николая дни за днями. Не выходилъ онъ, какъ бывало прежде, въ хороводъ, ежедневно собиравшійся въ ближнемъ селѣ, не прохаживался тамъ молодцомъ, не выкидывалъ колѣнца на удивленье всѣмъ плясунамъ и плясуньямъ, а грустно опустивши голову, шелъ вечеромъ съ работы и до поздней ночи сидѣлъ на своей завалинѣ, вперивши взоръ въ барскій садъ.

— Что Миколаха съ тобой, ровно ты самъ не свой, говорили ему иногда дѣвки, возвращаясь съ работы. И گوشу-то не слышать.

— Такъ, ничего, холодно отвѣчалъ Николай.

— Какъ такъ! говорили кто побойчѣй.

— Знамо дѣло, что съ така ничего не прѣключается.

Ну споешь Лучину, може разоидется и подтянетъ.

Ошибались сельскія красавицы при звукахъ знакомой ему деревенской пѣсни, его лице принимало еще болѣе болѣзненный видъ и не одинъ разъ онъ незамѣтно исчезалъ изъ этой веселой толпы.

— Удивленье да и только, что съ парнемъ сдѣлалось! Этакой-то веселый, да этакой-то бойкій, да вдругъ!...

— Обошли, обошли, сглазили!...

— Надо полагать, что такъ. А парень-то.... этакого парня-то поискать!

Такъ тужили дѣвушки о перемѣнѣ, происшедшей въ Николай. Спустя недѣли двѣ послѣ разговора съ Дашей, Николай, возвратясь домой съ сѣнокоса, сидѣлъ по обыкновенію на завалинѣ. Въ деревню пригнали скоть; хлопотливыя крестьянки выбѣгали на встрѣчу стаду, чтобъ загнать въ клева своихъ буренокъ, лысенокъ. Мальчишки схватывали за рога упирающагося барана и тащили домой. Блеянье коровъ, овецъ раздавалось по улицѣ, имъ вторили пискливые крики крестьянокъ и рѣзко раздавался щелкъ пастушьего кнута. Николай ничего не видалъ и не слышалъ этого, въ колѣняхъ у него лежала коса, которую онъ клепалъ, готова къ утренней росѣ; но его не занимала эта работа, онъ исполнялъ ее машинально, мысли его носились около барскаго дома.

— Подъ ужинать! вскричала надъ головой Николая мать, высовывая половину своего лица въ окошко.

— Ёшь-те, я не хочу, отвѣтилъ Николай, не подымая головы.

— Какъ не хочешь, подь, родитель-то осерчаетъ.

— На что серчать.... ёшь-те, я не хочу. Окошко захлопнулось; опять Николай началъ справлять свою косу, постукивая молоткомъ по лезвію ея. Онъ не замѣтилъ, какъ приблизилась къ нему Даша. Одѣтая въ бѣлое кисейное платье, съ голубымъ цвѣткомъ въ черныхъ волосахъ, она была очень не дурна изъ дали. Играя зонтикомъ, она шла

той особенной походкой, какой ходятъ столичныя дамы, не имѣющія фамилій, а извѣстныя только по своему имени и отчеству. Тихо подкравшись къ самой завалинѣ, она ударила въ ладоши надъ самой головой Николая, послѣдній вздрогнулъ и поднялъ глаза.

— А испугались!... что это съ вами и голосу-то не слышать, люди пѣсни поютъ, а вы молчите, ровно монахъ, все въ землю смотрите,—кокетливо, скороговоркой, произнесла Даша.

— Здравія желаемъ.... Дарья Васильевна, выговорилъ не безъ волненія Николай, вставая съ завалины и снимая шляпу.

— Я къ вашему за дѣломъ, гдѣ Кузьма-то?

— Въ избѣ.... ужинаютъ. Николай пожиралъ ее глазами.

— А у васъ апетиту нѣтъ! сказала пронически Даша. Что-жъ или и въ домъ не пустите, на улицѣ стоимъ, прибавила она.

Николай, какъ вѣжливый кавалеръ, поспѣшилъ отворить верота, Даша впорхнула туда, онъ послѣдовалъ за ней. Войдя въ избу, Даша преобразилась въ *чуть не барыню*, въ гордую Дарью Васильевну. Кузьма и Аграфена встали изъ за стола и отдали ей по низкому поясному поклону. — Барыня велѣла тебѣ сказать, чтобъ ты завтра нарядилъ когонибудь въ садъ, траву по газонамъ обкосить, да смотри, чтобъ не въ рубашкѣ, а въ кафтанѣ пришелъ, а то у васъ въ рубашкахъ ходятъ, намъ противно это видѣть.

— Слушаю, матушка, Дарья Васильевна, слушаюсь.

— То-то слушаюсь, да чтобъ одѣлся не въ лохмотья, помни-же!

— Очень хорошо, матушка, говорилъ Кузьма кланаясь. Не устали-ли, матушка, присядьте, а то сотоваго медку не повелишь-ли покушать, я тотчасъ на пчельникъ сбѣгаю.

— Гдѣ у васъ сидѣтъ-то, вся выпачкаешься, эки диваны понадѣланы! говорила она, съ пренебреженіемъ указывая на лавки.

— Ужъ извѣстно, дѣло мужицкое, изба матушка.

— То-то изба.... дай-ка вотъ лучше огонька, папирску закурить. Смерть курить хочется!

Кузьма полезъ въ печку.

— Еще богачами зоветесь, а спичекъ нѣтъ, эхъ вы чернотѣлые!

— Да, это точно, спички-то перевелись, а въ городъ-то не удосужусь съѣздить. Даша закурила папироску.

— Такъ часовъ въ восемь пришли къ намъ. Она направилась къ двери, толкнула ее сначала рукой, потомъ ногой, дверь не подавалась.

— Что у васъ, или выпуску нѣтъ, отворите двери-то.

— Тотчасъ! сказалъ подвигаясь отъ стола Кузьма, но Николай предупредилъ его. Даша дернула его за кафтанъ, переступая избной порогъ. Николай понялъ это и вышелъ въ сѣни.

— Приходите косить-то! Такъ ужъ и быть спую пѣсню, лукаво сказала она и вышла за ворота. Даша скорыми шагами направилась къ барскому дому. Николай, и потомъ вышедшіе мать и отецъ долго провожали ее глазами.

— Ишь ты, говорилъ Кузьма, указывая на нее головой, ровно барыня. Съ зонтикомъ и эвту соску-то курить, а отецъ-то тоже гдѣ ни на есть земледерь, эхъ ма!

— И не говори отецъ, поддакивала Аграфена. Тетка Акулина, что помы у нихъ мыла, сказываетъ, что чу на фортоплясахъ играетъ ровно барыня.

— Миколка, а Миколахъ, обратился Кузьма къ сыну, слышь, что ровно глухой стоишь, снарядишь утромъ-то, да поди въ господской-то садъ.

— Ладно! какъ бы не-хотя сказалъ Николай, въ душѣ у него сдѣлалось какъ-то отраднѣе и сердце сильнѣе забилося въ груди.

— Ослободи ты его, робко сказала Аграфена, больно управитель-то озорливъ, не....

— Пустое!... возразилъ Кузьма. Подемъ-те спать. Заскрипѣли ворота и семья ушла на покой.

ГЛАВА VII.

Садъ при домѣ княгини Мухтомской носилъ на себѣ характеръ угрюмый. Онъ, какъ и всѣ отживающіе свой вѣкъ старинные барскіе сады, производилъ грустное впечатлѣніе. Густолиственные клены, старыя размашистыя липы, плачу-

ція березы съ самой земли и до листьевъ были обвиты повилкой, непроницаемой земной стѣной сплелися акаціи, завалились опавшимъ листомъ дорожки, густая крапива и твердый лопухъ явились на цвѣточныхъ клумбахъ, кой гдѣ только среди нихъ выказывалъ свою фіолетовую головку колокольчикъ, да порожала краснотой стойкая рожа. Въ сторонѣ, какъ островъ какого-то допотопнаго звѣря, стояли развалившіяся оранжереи и, сквозь чащи деревьевъ, глядѣли сѣрыя отъ времени, разбитыя статуи. Во всемъ этомъ садѣ такъ и отражается та пустая безцѣльная барская жизнь, ничего не оставляющая послѣ себя, кромѣ запустѣнія и разрушенія.

Съ ранняго утра Николай былъ уже въ этомъ саду. Въ черномъ кафтанѣ, съ сверкающей по росистой травѣ косой, онъ казался какимъ-то страшнымъ злымъ духомъ, который явился въ садъ съ цѣлюю отнять его послѣднее украшеніе,— срѣзать до корня его густо зеленую сочную траву. Николай часто оглядывался по сторонамъ, часто прислушивался, но ничего не видалъ и не слыхалъ. Трещали въ травѣ кузнечики, взвизгивала коса, прорѣзывая траву, да изрѣдко звенѣла она, ударяясь о камень. Но не смотря на эту тишину, Николай не переставалъ прислушиваться; вотъ почувся ему въ сторонѣ, какъ будто шелестъ платья. Онъ уперся косой въ землю и долго смотрѣлъ по направленію къ барскому дому. Опять все смолкало. И съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ начиналъ онъ подрѣзывать траву и сильнѣе взвизгивала коса и шире ложились пласты скошенной травы. Даша давно уже слѣдила за Николаемъ, она сидѣла въ мезонинѣ дома и изъ за неплотно прикрывавшей оконной сторы видѣла все, что дѣлалось въ саду.

Выйти, или нѣтъ? думала она.

Нѣтъ пусть дольше помучится, больше цѣнить меня будетъ; а вѣдь не дурень, только мужикъ.... вотъ что.... безъ понятій, въ грязи весь, а отецъ говорятъ богатъ, очень богатъ. Вслѣдъ за этой послѣдней мыслию, воображеніе ея унеслось далеко, на Неву. Вотъ она видитъ Невскій проспектъ съ двумя рядами блистающихъ магазиновъ; она несетя, развалиясь въ коляскѣ съ душкой гусаромъ, вотъ ей

клянются мимо летящіе уланы, кавалергарды, все съ сіятельными титулами, она преграціозно киваетъ имъ головой, вотъ она подѣхала къ своему дому, ливрейный слуга высаживаетъ ее изъ кареты и она съ легкостію птички взлетаетъ по отлогимъ ступенямъ мраморной лѣстницы, съ верху до низу уставленной тропическими растеніями, въ великолѣпномъ будуарѣ ее встрѣчаетъ горничная, а теперь.... я сама горничная, вотъ проснется желтая красавица, закричитъ: подай туфли, подай-то, подай другое, а чѣмъ я ее хуже, развѣ тѣмъ, что крѣпостная-то. Погоди, буду вольная, увидишь! вслухъ сказала Даша и не безъ сердца пошла на звукъ колокольчика, раздавагося изъ комнатъ княгини. Звонить, бормотала она сквозь зубы, вотъ и возись съ ней часа два! Погоди, буду вольная, сама лучше тебя буду, хошь ты и княгиня!

А Николай съ возрастающимъ нетерпѣніемъ дѣлалъ свое дѣло, уже ему осталось обкосить послѣднюю лужайку, въ головѣ его роились такого рода мысли: неужли она забыла, что обѣщалась выдти, неужли она издѣвается, смѣется надо мной; нѣтъ, быть не можетъ, она любитъ меня; еслибъ не любила, съ чего бы вдругъ она стала говорить со мной; всѣ называютъ меня безпуткомъ, пѣсенникомъ.... нѣтъ, она любитъ меня,.. а красота-то какая, экой красоты и не видать миѣ никогда, сами барышни ужь лучше то не бываютъ. Да коли она меня любитъ, то я за нее голову сложить не задумаюсь. Рядъ его размышленій прервался мелькнувшимъ платьемъ; Николай бросилъ косу, но не пошелъ на встрѣчу Дашѣ, ноги не слушались его, съ языка не сходило ни одного слова. Николай стоялъ въ той смѣшной со стороны позѣ, въ какой видишь новичка солдата, забывшаго было снять фуражку при встрѣчѣ съ грознымъ начальникомъ. Подошедши къ Николаю, Даша проговорила скороговоркой: моя то заболѣла, ужь на лугъ выходите, на Волгу къ стогамъ, теперь нельзя. Она круто повернулась отъ него и, скрываясь въ густыхъ акаціяхъ, крикнула Николаю: до свиданія! Она обернулась, чтобъ взглянуть на Николая на террасѣ; замѣтивши, что косарь стоялъ въ томъ же положеніи, она насмѣшливо улыбнулась. Не замѣтилъ Николай этой

улыбки, онъ былъ счастливъ, что ему удалось посмотрѣть красавицу Дашу, слышать, если не ея пѣсню, то ея рѣчи. А эта красавица давно уже была на своей обсерваторіи мезонинной и громко хохотала надъ смущеніемъ Николая. Веселѣе забѣгала коса по зеленому лугу и чрезъ полчаса Николай былъ уже дома. Веселый и покойный дожидаясь вечера, возвратился онъ въ село. Отецъ и мать сидѣли уже за столомъ, когда взошелъ Николай.

— Что обкосилъ? спросилъ отецъ, отрѣзывая толстый ломоть чернаго хлѣба отъ коровая, лежащаго на столѣ.

— Обкосилъ! отвѣчалъ Николай, вѣшая на гвоздикъ шляпу. Вслѣдъ за этимъ онъ подошелъ къ лахани, надъ которой висѣлъ о трехъ горлышкахъ глиняный умывальникъ, всплеснулъ себѣ на руки немного воды, обтеръ ихъ о грязное полотенце и сѣлъ къ столу около матери.

— Управителя не видалъ? спросилъ Кузьма.

— Гдѣ его видѣть-то, не видалъ, отвѣчалъ Николай.

Семья начала управляться съ варевомъ. Каждый разъ, проглотивши съ громкимъ фырканьемъ ложку щей, всѣ клали ложку на столъ вверхъ дномъ и отламывали по объемистому куску хлѣба, поглаживая или бороду или волосы.

— Ну, началъ Кузьма, когда на желудкѣ было не совсѣмъ пусто. Таперя ты у меня одинъ, мать стара стала домомъ заправлять, надо молодую хозяйку въ домъ. Ты дурь свою изъ головы выбрось вонъ, пора тебѣ жениться. Я ужъ сватовъ засылалъ, согласье на то есть, вотъ сѣнокосъ кончимъ, поѣдемъ невѣсту смотрѣть, я за тебя прочу Герасимову дочь, богатая невѣста.

— Батюшка, помилуй ты меня... отъ женитьбы я не прочь, барскаго приказу тутъ нѣтъ, повремени хошь маменько, дай мнѣ моей холостой жизнью пожить, говорилъ убѣдительно и сильно Николай.

— Что? али опять началъ блажить, ты у меня смотри, своей холостой жизнью жить, али опять въ бѣги захотѣлось. Барскаго приказу нѣтъ, мой есть, сурово и грозно сказалъ отецъ.

— Супротивъ твоего приказу, батюшка, я не пойду, а на томъ прошу, повремени. Николай поклонился отцу въ ноги. Аграфена послѣдовала его примѣру.

— Нечего временить! спокойно возразилъ Кузьма. Ты что еще разрюмилась, али бы въ зыбкѣ тебѣ все сына-то качать; говорю, что жениться пора, такъ значитъ надо. Не шестнадцатый годокъ, слава Богу.

— Воля твоя, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Николай, а я не женюсь.

— Что-о? Не женишься-а? Да какъ ты смѣешь родителю-то такъ говорить. Ты у меня смотри, я съ тобой много возиться не стану, супротивничать почнешь и въ солдаты уйдешь.

— Куда хошь, а я не женюсь, твердо сказалъ Николай и отошелъ отъ стола.

— Такъ я тебѣ говорю, родительскимъ словомъ своимъ приказываю жениться. Не послушаешься, въ тѣ поры я въ себѣ не воленъ. Слышишь, я тебя не пожалѣю, запальчиво произнесъ Кузьма, брови его сурово сдвинулись.

— Власть твоя, сказалъ Николай и сѣлъ задумчиво въ дальній уголъ избы, Аграфена съ горькими слезами бросилась къ мужу въ ноги.

— Радѣльщикъ, Кузьма Петровичъ, пожалѣй ты свое дѣтище малое, гдѣ ему мужнинымъ дѣломъ заправлять, дай ему годокъ, другой справиться, парень и не Герасимовой дочери такъ понравится, что онъ еще ровно какъ малое дѣтище, за собой углядѣть не можетъ, не то что за женой.

При подобныхъ сценахъ Кузьма дѣлался молчаливъ и холоденъ. На всѣ слезы и просьбы онъ ничего не отвѣчалъ, и Аграфена, наплакавшись вволю и нажалобившись, отходила къ сторонѣ, подпиралась рукой и, изрѣдка всхлипывая, отирала глаза передникомъ. Онъ держался и въ настоящемъ случаѣ той же тактики. Когда жена отошла отъ него, онъ всталъ съ лавки, взялъ съ палатей шапку и уже подошедши къ самой двери, сказалъ повелительно и сурово: пошелъ на работу, ничего сиднемъ-то сидѣть! Вслѣдъ за этимъ захлопнулась дверь и въ избѣ остались Аграфена и Николай. Вслхлипыванья матери тяжелымъ камнемъ лежи-

лась на сердце Николаю и сильнѣе овладѣвала имъ тоска. Вотъ, думалъ онъ, отняли у меня свободу, связали мою волюшку, да и теперь хотятъ отнять послѣднее дорогое для меня — мою холостую жизнь. Не отдамъ я ее такъ, лучше въ солдаты уйду, а не разстанусь съ ней.

— Что, Миколаюшка, дѣлать-то, говорила Аграфена, подходя къ сыну, не перечь родителю, покорись ему, знаешь онъ какой, себя не пожалѣть. Николай думалъ, что по крайней мѣрѣ мать на его сторонѣ, но теперь горько разочаровался; онъ увидѣлъ, что и она поддается влиянію Кузмы, боясь навлечь гнѣвъ его на весь домъ.

— Да что я въ правду ему достался, ровно у меня своего ума нѣтъ, не ему жениться-то, а мнѣ, кошь бы сначала поспрошалъ: по нраву ли дескать невѣста-то, а то прямо и въ церковь.

— Ты говори!... отвѣчала мать. Ужь у него нравъ такой, голова своему дому, что захочетъ, такъ не перечь. А ужь ты, родной, покорись воли родительской, знамо дѣло, что жениться то не охота, да что дѣлать-то.

— Богъ съ нимъ! съ родителемъ, сказалъ съ горечью Николай, снялъ съ гвоздика шляпу и направился къ дверямъ.

— Такъ какъ-же родной? говорила вслѣдъ ему мать, али положилъ жениться то?

— Ну-у! неопредѣленно сказалъ Николай, и вышелъ изъ избы.

— Вотъ сынъ-то, такъ сынъ! Подай ему Господи. Хорошъ отецъ, ровно ему господа приказъ отдали женить.... Э, эхъ! Грѣхи людскіе, со вздохомъ говорила Аграфена, прибирая крохи со стола послѣ обѣденной трапезы.

ГЛАВА VIII.

На лугу, прилегающемъ къ Волгѣ съ одной стороны и Красавину съ другой, двигалась чья то фигура; тѣнь отъ нея въ громадныхъ размѣрахъ ложилась на сжатой травѣ и какъ будто спорпла своей громадностію со стогами, которые неподвижно стояли среди луга и въ темнотѣ казались какими-то черными, какъ бы изъ камня выбитыми конуса-

ми. Фигура эта то скрывалась за стогами, то опять выходила изъ за нихъ; движенія ея были порывисты, въ нихъ проглядывала и робость и нетерпѣніе. По тѣни ясно можно было замѣтить, что фигура мужская; всякій узналъ конечно въ ней Николая. Ускоренно билось его сердце, какая-то дрожь временемъ пробѣгала по его тѣлу и кровь бросалась къ головѣ. Онъ былъ уже съ часъ на лугу, а Даша все еще не показывалась. Вечеръ былъ чудный июльскій. Сѣнокосъ былъ на исходѣ, на лугу благоухало сжатимъ сѣномъ. Обнаженные стожиры уже начали закутываться въ свою травяную зимнюю шубу и стоги мало по малу поднимали свои верхушки все выше и выше. Отрадно послѣ деннаго жара кинуться, въ прохладный июльскій вечеръ, на это благоуханное сѣно, когда уже все спитъ въ деревнѣ, когда небесныя свѣчи зажгутся въ вышинѣ, какъ бы въ замѣнъ той дымопламенѣющей лучины, которую тушить труженикъ крестьянинъ, отходя ко сну. Все мертво тогда въ деревнѣ, не крикнетъ утка на болотѣ, не пролетитъ по дымящейся туманомъ рѣкѣ куликъ, не трещатъ въ сжатой травѣ кузнечикъ, не жужжать, не летаютъ роями комары по воздуху, не шелеститъ береза и не шумитъ не сжатая нива, все тихо и мирно. Въ одинъ изъ такихъ-то вечеровъ, именно въ тотъ, въ который Николай поджидалъ на лугу свою Дашу, въ барскомъ Красавинскомъ домѣ уже потухли огни; въ одномъ крайнемъ окошкѣ дрожалъ свѣтъ, пробиваясь сквозь опущенную стору, падалъ свѣтлой полосой на куртину сирени, но и онъ померкъ. Ясно, что огонекъ свѣтился въ комнатѣ Даши, которая наряжалась, собираясь выдти на лугъ. Черезъ нѣсколько минутъ около барскаго плетня показалась Даша. Николай вздрогнулъ, онъ замѣтилъ ее, холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу. Въ походкѣ Даши не было замѣтно робости и волненія. Она шла очень плавно, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ. Она была увѣрена, что ее никто не замѣтитъ, да еслибъ и замѣтили, то не бѣда; она Дарья Васильевна, кто-же смѣетъ чтонибудь сказать про нее дурное, вѣдь она не Николка-безпутокъ, она *чуть не бариня*. Николай не смѣло шелъ къ ней на встрѣчу.

— Дарья Васи... Дарюша... неужто вы... неужто ты гля... меня вышла. Голосъ Николая прерывался, онъ сбивался въ разговорѣ то на вы, то на ты, то на Дарья Васильевна, то на Дарюха.

— Да для васъ, отвѣчала Даша, устремляя такой страстный взглядъ на Николая, отъ котораго бы растаялъ ледъ изъ львовъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, я гулять хочу. Николай хотѣлъ было обнять ее, но Даша оттолкнула его рукой и гордо сказала: вы забываетесь, если вы станете вольничать, то я сейчасъ ухожу.

— Дарья Васильевна, Даша, не уходи, радость вы моя, умоляющимъ голосомъ просилъ Николай.

— То-то-же! Ну, давайте руку. Николай протянулъ во всю длину свою могучую руку и не понималъ, зачѣмъ понадобилась Дашѣ именно рука, а не что нибудь другое.

— И руки-то подать не умѣете! сказала она насмѣшливо и потомъ показавъ, какъ подаютъ руку *въжливой* дамѣ, какъ выразилась она, пошла гулять съ нимъ подъ руку. Уродливо держалъ Николай Дашину руку, онъ напоминалъ собой барича-провинціала, котораго столичный танцмейстеръ иностранецъ училъ танцовать трудные па изъ качучи.

Они пошли къ берегу Волги.

— Что вы скучны? спросила Даша своего ловкаго кавалера.

— Эхъ, Дарья Васильевна, бѣда моя пришла, отецъ женить хочетъ.

— На комъ это? какъ бы съ участіемъ спросила Даша.

— И говорить-то не охота.... За Герасима плотника дочь, то есть противность и глядѣть-то на нее.

— Ну что-же, счастливо заживете, плотникъ богатъ, одна дочь, не сегодня, такъ завтра умереть, все вамъ достанется. Жена полюбитъ васъ, вы красавецъ! съ ироніей произнесла Даша.

— Не смѣйся надо мной Дарья Васильевна, какая ужъ тутъ любовь, рожа-то ровно лукошко, да и слова сказать не умѣеть. Эхъ Даша, Даша! т. е. какъ я увидѣлъ тебя, съ

тѣхъ норъ ровно мнѣ весь свѣтъ опостыглъ, спокую себѣ сыскать не могу.

— Повѣрь вамъ!... можетъ вы и плотниковой-то дочери прежде тоже говорили, а теперь и противна стала. Известно, мы дѣвушки, за насъ не кому вступиться, съ поддѣльной наивностію говорила Даша.

— Не такъ ты смѣкаешь обо мнѣ Дарья Васильевна, може не то что!.. Одинъ Богъ вѣдаетъ! Николай отеръ слезу.

— Всѣ мужчины на одинъ покрой. Я тоже любила одного офицера улана, а ужъ онъ-то вотъ точно вы любезень, на пистолетахъ хотѣлъ за меня драться, да въ тоже время другой предложеніе сдѣлалъ и женился. Знаемъ мы, что мужчинамъ нужно! Даша лгала, она никогда никого не любила, да врядъ ли и могла любить. Она знала, живши въ Петербургѣ, не одного, а многихъ офицеровъ и если это она называла любовью, то она была права, она дѣйствительно любила.

— Противень знать я тебѣ, Дарья Васильевна!... Да за тебя я голову радъ сложить, да коли ты любишь... меня! Онъ не окончилъ рѣчи, голосъ его дрожалъ и прерывался.

— Не вѣрю, сказала Даша и отняла свою руку отъ руки Николая.

Деревня осталась далеко назадъ. Одна широкая, тихая Волга, да мѣсяцъ съ своими звѣздами—подругами были свидѣтелями этого разговора. Вдалекѣ видѣлись на горизонтѣ огоньки, разложенные на судахъ, да свѣтлыми точками видѣлись фонари, зажженные на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были клинуты якоря отъ судовъ. Даша сѣла около самой рѣки на камень, картинно драпируясь въ складкахъ своего платья. Николай всталъ въ сторонѣ и грустно смотрѣлъ на тихую Волгу. Даша оглянулась назадъ, село еле видно было вдалекѣ. Она запѣла пѣсню, чтобъ рѣшительнѣе дѣйствовать на впечатлительную натуру Николая. Она пѣла всѣмъ извѣстный романсъ, который въ настоящее время не раздается въ устахъ свѣтскихъ красавицъ, а по праву наследства въ большомъ ходу среди модистокъ, горничныхъ и

особаго рода дамъ, которымъ нѣтъ имени въ печати. Она пѣла: «онъ меня разлюбилъ, онъ меня погубилъ!» Звуки далеко летѣли по Волгѣ и дальній лѣсъ вторилъ высокимъ нотамъ романса. Даша кончила. Мелкой дробью разнеслось по воздуху «онъ меня погубилъ» и сосновый лѣсъ глухимъ эхомъ откликнулся на этотъ послѣдній стихъ. Съ дикой восторженностью кинулся Николай цѣловать Дашу, забывши всякое чинопочитаніе. — Ахъ, Боже мой! Что это вы, что это вы, је не реух рас, говорила Даша, впрочемъ не высвобождаясь пока изъ его объятій.

— Радость, жизнь ты моя, счастье, говорилъ Николай, цѣлуя ее. Выдь ты за меня замужъ, слуга я твой вѣрный буду...

— Этого нельзя! перебила его Даша, вырвавшись изъ его объятій. Прощайте.

— Постой, — не уходи Даша, молви ты мнѣ, противенъ я тебѣ, не любишь ты меня.

— Нѣтъ... Я люблю тебя, но что-же дѣлать, мнѣ надо выкупиться, выкупиться и тебѣ, а у насъ нѣтъ денегъ; а такъ барыня не выдастъ меня за тебя. Прощайте!

— Неужто ты меня любишь..., стой Даша..., молви мнѣ, любишь ты меня?

— Да я люблю васъ, люблю сильно, но что же дѣлать? Достань денегъ на выкупъ, тогда я твоя.

— Да я вотъ какъ опоясала этого, ночи не стану спать, работать стану, съ голоду помру, да достану, скоплю денегъ на выкупъ.

— Нѣтъ этого долго ждать... Да и не выработаешь; барыня мнѣ сказала, что она меня такъ любитъ, что меньше за одну меня, безъ семьи, двухъ тысячъ серебромъ не возьметъ. Возьми у отца, отецъ дастъ тебѣ. Николай опять цѣловалъ и обнималъ Дашу.

— Онъ не дастъ, скряга эдакой. Охъ родитель, изсушилъ ты меня! съ какой-то подавленной злобой сказалъ Николай.

— А не дастъ, такъ самъ возьми, сказала Даша, незамѣтно подходя и садясь на тотъ же камень. Николай при-

легъ ей на колѣни, она разбирала руками его русыя кудри, а онъ ловилъ эти руки и жадно цѣловалъ ихъ.

— Какъ взять-то? Сговоришь ли съ нимъ. Украсть? выговорилъ Николай и самъ испугался своего слова.

— Ужь и украсть! спокойно произнесла Даша, развѣ у отцевъ воруютъ. Ты одинъ у него, у тебя не должно быть съ нимъ ничего дѣленаго, вѣдь умереть, такъ все тебѣ пойдетъ. Возьми потихоньку самъ, я тебя выкуплю у барыни, цѣлые дни мы съ тобой пѣсни будемъ пѣть, уѣдемъ въ Петербургъ, то-то заживемъ.

— Нѣтъ Даша, взять невозможно, это украсть выходятъ, у родного отца украсть.

— Вы меня не любите, пустите меня, живите да радуйтесь съ своей плотничихой, а мнѣ видно всю свою жизнь тосковать придется. Она закрыла глаза руками и притворно рыдала. Въ Николаѣ происходила борьба, чувство любви боролось съ чувствомъ чести.

— Радость ты моя,... Господи, согрѣшилъ я, говорилъ съ участіемъ Николай. Да не реви родная! Онъ взялъ изъ рукъ ея платокъ.

— Не любишь ты меня, Богъ... съ тобой, всхлипывая перебила его Даша.

— Богъ видитъ, какъ я люблю тебя Даша, да что мнѣ дѣлать-то.

— Я вамъ ужъ сказала.

— Да какъ взять то? Украсть—грѣхъ, совѣсть зазритъ, такъ онъ не дастъ. Научи ты меня, какъ мнѣ сдѣлать-то это? Николай взялъ было ее за руку, но Даша вырвала свою руку и сказала:

— Прощайте, теперь все кончено, я вижу чего вамъ отъ меня надо, больше мы не увидимся! Она зарыдала и скорыми шагами пошла по направленію къ деревнѣ. Николай стоялъ съ минуту, какъ будто прикованный къ одному мѣсту; холодный потъ выступалъ мгновенно по всему тѣлу и вслѣдъ за тѣмъ его бросило въ жаръ. Вотъ онъ судорожно бросился вслѣдъ за Дашей и остановилъ ее.

— Радость ты моя, скажи ты мнѣ то есть передъ истиннымъ Богомъ, любишь ты меня, аль нѣтъ. Побожись ты мнѣ.

— Люблю, ей Богу люблю, отвѣчала она, устремляя на Николая свои томные глаза; голосъ не измѣнилъ ей, она сказала это «ей Богу» такъ, что болѣе опытный человѣкъ и лучше знающій сердце женщины, чѣмъ Николка, не усумнился бы въ справедливости этихъ словъ.

— Ну! вскричалъ Николай рѣшительно, пропадай моя голова совсѣмъ; видно мнѣ на роду такъ написано. Жди меня здѣсь Даша, я скоро ворочусь. Онъ обнялъ Дашу и цѣловалъ ее долго, долго, какъ будто съ этимъ долгимъ поцѣлуемъ укрѣплялась въ немъ его рѣшимость. Даша не противилась теперь, она напротивъ крѣпко прижала его къ своей груди. Николай бѣгомъ пустился къ селу.

Есть разнаго рода радости; инымъ изъ нихъ и названія нѣтъ, но онѣ все таки радости. Радуется мать при встрѣчѣ съ сыномъ, котораго долго не видала, своей особой, материнской радостію. Не перечестъ видовъ радости, они иногда неуловимы; но все это благодатныя, добрыя радости. Есть-же такія радости, которыхъ лучше еслибъ и не было, при воспоминаніи о которыхъ сердце обливается кровью и волосъ стоитъ дыбомъ; но къ несчастію, онѣ существуютъ и существуютъ во всей страшной дѣйствительности. Это злодѣйскія радости. Ими радуется разбойникъ, среди дня убившій человѣка, воръ, обобравшій цѣлый домъ, гдѣ на каждомъ шагу онъ могъ наткнуться на спящаго. Этого же рода радость овладѣла и горничной, какъ только Николай рѣшился на преступленіе. Она глядѣла вслѣдъ бѣгущему Николаю восторженно—адскимъ взоромъ, лице ея покрылось отвратительной улыбкой и когда Николай скрылся, она даже вспрыгнула, погладила сама себя по головѣ и даже проговорила: «умница Даша, теперь ты будешь барыней, ты стоишь быть барыней». И опять въ воображеніи ея запестрѣли и Невскій Проспектъ и магазины и гусары и турецкія шали и брюссельскія кружева и чего, чего только ей не снилось на яву.

Черезъ часъ воротился Николай. Мѣсяцъ озарялъ его блѣдное лице, самъ онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Ни слова не говоря, онъ подаль Дашѣ засаленный, толстый кожаный бумажникъ. Проворно развязала Даша веревочку

бумажника и увидѣла кучу сторублевыхъ ассигнацій, глазки ея забѣгали. Она бросилась наивно на шею къ Николаю.

— Вѣрно, вѣрно, говорила она, что ты меня любишь, мы теперь будемъ, должны быть счастливы.

Николай обнялъ ее и они скрылись за крутымъ поворотомъ Волги.

Раздался легкій плескъ воды. Даша кинула туда пустой бумажникъ. Опять настала тишина, изрѣдко прерываемая поцѣлуйми *двухъ страстно и искренно влюбленныхъ!*

ГЛАВА IX.

Звонили въ Красавицкой сельской церкви ко всенощной. Колоколь гудѣлъ и созывалъ православную крестьянскую братію на молитву. Чистый воздухъ позволялъ далеко разноситься по Волгѣ этому отрадному гулу. Ласточки вились надъ колокольней, прорѣзывая воздухъ по различнымъ направлѣніямъ. На паперти собиралась толпа калѣкъ и пищихъ, старичекъ священникъ съ большимъ посохомъ прошелъ въ церковь, отъ деревень густыми толпами валлъ народъ. Вотъ подошелъ къ церкви дѣдушка Еремей, безродный старикъ бобыль, благоговѣнно снялъ ошь на паперти шляпу, дунулъ на свои исхудалыя руки, отеръ ихъ о зеленую траву и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вошелъ въ церковь, прося у Господа христіанской кончины. А вотъ за нимъ съ такими же чувствами проходила въ церковь цѣлая семья. Впереди шли незамужнія дѣвушки и неженатые парни, ведя за собой босоногихъ племянниковъ и племянницъ, за ними въ молчаніи шли парни съ женами, а сзади всѣхъ, въ раздумьѣ, брела чета ихъ родителей стариковъ. И благодарили старики Господа, что Онъ сподобилъ ихъ увидѣть свое племя на возрастѣ, которое они воспитывали на пользу, утѣху боярскую, да на подкрѣпленіе себѣ при старости лѣтъ. Не забыта была и пища братья, всякій почти входящій одѣлалъ ихъ по силамъ своимъ отъ потовыхъ трудовъ своихъ. Не одна вдовицына лепта упала на оловянное церковное блюдо и не было тутъ фарисейской молитвы. Колоколь замолкъ, однѣ ласточки не переставали щебетать и кружиться около колокольни.

Послѣ всѣхъ къ храму подошелъ Николай. Не тверда была его поступь, глаза не смотрѣли прямо и чисто, какъ бывало прежде, да и лице не носило уже того прежняго откровеннаго характера, вызывающаго на довѣріе и расположеніе съ первой встрѣчи. Онъ какъ то осунулся въ это время. Блѣдное лице, глаза, опущенные въ землю и изрѣдка, боязливо посматривающіе по сторонамъ, наклоненная, какъ бы сваливающаяся съ плечъ голова, руки, опущенныя вдоль тѣла, брови, туго сдвинутыя на лбу, все это производило непріятное впечатлѣніе и съ перваго взгляду уже говорило, что у парня не чисто на душѣ. И маялся не мало Николай послѣ преступнаго вечера; дня два онъ не могъ уснуть, ему грезилось то, что его гонять въ колодкахъ среди арестантовъ какимъ то снѣжнымъ, безлюднымъ полемъ, а въ сторонѣ слышится веселый звонкій смѣхъ Даши, то сама Даша подходила къ нему съ пожемъ въ рукахъ и говорила, что она зарѣжетъ его, а сама уѣдетъ въ Петербургъ съ другимъ, потому что онъ воръ, преступникъ. Отецъ замѣчалъ перемѣну въ парнѣ и не однажды говорилъ ему: ты у меня, смотри, не чуди, плохо будетъ, я своей крови не пожалѣю. Не одинъ разъ плакала Аграфена у ногъ Кузьмы и просила освободить Николая отъ напасти, но кромѣ холоднаго молчанія ничего не выплакивала у своего мужа. Цѣлая недѣля прошла послѣ перваго свиданія Даши съ Николаемъ, послѣдній часто вечеромъ подходилъ къ барскому плетню, и хоть бы на смѣхъ когда вышла Даша въ садъ, отвела пѣсней душу Николаю. Ей было не до него, — она въ это время хлопотала о своей свободѣ. Барыня, по ея просьбамъ, согласилась за пятьсотъ рублей дать ей вольную. Тѣмъ охотиѣ княгиня давала эту вольную, что въ послѣднее время она какъ то случайно, а можетъ быть и не случайно, услышала черезъ чуръ дружескій разговоръ между ей и Французомъ, что, безъ сомнѣнія, оскорбило ея личное, княжеское расположеніе къ послѣднему. Въ то самое время, когда Николай вступилъ на наперть церкви, Даша приняла изъ рукъ княгини законный актъ на полученіе свободы. Робко взошелъ Николай въ церковь, на душѣ у него сегодня было особенно непокойно, онъ предчувствовалъ что-то

не доброе. Онъ всталъ позади почти всѣхъ у окна, выходящаго на Волгу, предъ нимъ на церковномъ столбѣ висѣлъ образъ Феодоровской Божіей Матери, особенно чтимой въ К...ской губерніи. Онъ не поднималъ глазъ на эту икону. Сельское церковное пѣніе своими старыми, безискусственными напѣвами производитъ въ душѣ отрадное впечатлѣніе, успокоительно дѣйствуетъ на мірскую душу; но въ душѣ Николая сильнѣе бушевала тоска, въ черныхъ, погребальныхъ краскахъ возставалъ въ воображеніи его совершенный имъ поступокъ. Молитва далеко была отъ него и онъ не рѣдко обращалъ свой взоръ на гладкую Волгу. Ему показалось, что вдали на берегу, у самаго лѣса Даша, идущая подъ руку съ управителемъ, онъ подумалъ не дьявольское ли это навожденіе и сталъ пристальнѣе всматриваться. Вотъ они сѣли около того же камня, гдѣ нѣкогда сидѣлъ Николай, они объ чемъ то любовно толкуютъ, Даша обнимаетъ управляющаго, управляющій ее, они идутъ къ крутому повороту рѣки. Вскипѣла вся кровь въ Николаѣ, онъ схватилъ валяющуюся въ ногахъ шляпу и почти выбѣжалъ изъ церкви.

— Безпутокъ, безпутокъ и есть, говорила одна старуха-колотовка другой. Обѣ онѣ были съ барскаго двора, а потому имъ не было уему и въ церкви, какъ говорили про нихъ въ деревнѣ. — Много-ли разъ рожу-то перекрестилъ и посмотришь-то ровно во-оръ, прости Господи! Старуха положила земной поклонъ.

— Не говори, matka, отвѣчала ея пріятельница, какъ ему и не тужить-то. Варюха-то плотникова, разѣ что изъ себя-то толста, а то не больно, чтобы рукодѣльщица, не находка для Миколахи-то, какъ ему и не тужить, супротивъ воли женить хотять.

— Да чѣмъ бы Варюха-то не жена, еще вотъ разе убѣжить да пьянствовать станеть, безпутокъ! Согрѣшила я грѣшная, прости Господи! И старуха опять клала земной поклонъ.

— Отецъ приневоливаетъ, а...

— Нишкни! возразила ей по тихоньку пріятельница. Батюшка кадитъ идетъ. Обѣ старухи начали усердно класть

поклоны. Старичекъ священникъ прошелъ мимо ихъ, старухи поклонились ему въ поясъ; когда же священникъ отошелъ къ другимъ богомольцамъ, разговоръ возобновился.

— А ли-моль Кузьма - то приневоливать, спрашивала первая старуха.

— Нешто отецъ. Да парень-то больно озорливъ. Почить, умѣй будетъ. А то ну-ка matka, несу я о запрошлымъ лѣтомъ съ барскаго огорода, картошку съ огорода, а ужъ вечерѣло, только я какъ вышла, а онъ какъ ухнетъ надъ самымъ-то ухомъ, ровно вѣдь лѣшій ухнулъ, прости Господи... старуха положила земной поклонъ, — весь картофель-то разыскала, а онъ стоитъ да хохочетъ.

— Ты говори, озорливъ, озорливъ, неча сказать.

Вдругъ предъ окончаніемъ всеобщей раздачей набатъ. Ай Господи согрѣшили! разнеслось по церкви. Миряне кинулись къ дверямъ, старухи, бабы и мальчишки плакали и голосили, смятеніе произошло общее, крики, плачь, давка въ дверяхъ паперти. Толпа выбѣжала изъ церкви и смотрѣла на деревню, деревня была какъ на ладони, но ни дыму, ни пламени не видно было надъ ней. Толпа остановилась.

— Эй ты коса! кричалъ одинъ изъ мужиковъ кривому пономарю, который съ какимъ то особымъ артистическимъ наслажденіемъ билъ въ большой колоколъ. Глухарь! Слышь, что ты съ пьяна, чтоль, ей слышь!

— Миколка, старостинъ сынъ, тонетъ, кричалъ во всю глотку пономарь съ колокольні.

— Ой ли? гдѣ? спросили нѣсколько голосовъ вдругъ.

— У лѣсу, въ косахъ, въ Волгѣ.

— Ты видѣлъ?

— Ась, что?

— Видѣ-ѣлъ моль ты, видѣ-ѣлъ, кричалъ одинъ голосистый мужикъ, самъ что-ль видѣлъ?

— Власевна прибѣгала, говоритъ, батюшки говоритъ, тонетъ! Да опять и побѣжала къ Волгѣ.

Мужики пустились бѣгомъ, за ними ихъ жены и во все горло ревѣли мальчишки, не могущіе быстротой ногъ похвалиться съ матерями. Впереди всѣхъ бѣжалъ Кузьма, на немъ лица не было, на бѣгу онъ оборачивался и зады-

хающимся голосомъ говорилъ толпѣ: братцы, не отставайте, радѣльщики, поскорѣй, ой согрѣшилъ я! Може откачаемъ, поскорѣй, родные! Не отстанемъ Кузьма Петровичъ! отвѣчали въ толпѣ и ватага неслась къ Волгѣ. Отъ церкви до Волги было добрыхъ версты двѣ. Какъ разъ на половинѣ дороги Кузьма встрѣтилъ Власьевну; толпа на минуту при-остановилась.

— Гдѣ тоиеть-то, гдѣ? спрашивалъ Кузьма.

— Утонулъ ужь... Согрешили! отвѣчала Власьевна, старуха низенькая, сморщившаяся и полуглухая, она утирала слезы своимъ грубымъ снннмъ передникомъ.

— Да гдѣ, гдѣ утонулъ-то онъ? съ нетерпѣніемъ спрашивалъ Кузьма.

— Вдругъ батюшка, вдругъ, стою это я...

— Да въ коемъ мѣстѣ онъ въ воду-то упалъ, рѣзко и поспѣшно спросилъ Кузьма.

— Глуха я стала нонѣ, Кузьма Петровичъ.

— Охъ ты старая! Побѣжимъ ребята, отъ нее ничего не узнаешь.

Мужики побѣжали, а бабы окружили Власьевну, и по-бабьему любопытству начали ее спрашивать. Власьевна, какъ старуха, обрадовалась, что ей предстоитъ говорить и что ее будутъ слушать, а старухъ рѣдко кто слушаетъ, начала свой разсказъ съ полнымъ старческимъ женскимъ краснорѣчіемъ, т. е. сопровождала его вздохами, оханьями, утираньемъ слезъ и т. д.

— Стою я это, матки мои, у ключа, воды хотѣла ве-дѣрки принести къ утрею, а молодуха-то въ церковь ушла; только стою я это усамого-то у ключа; вдругъ, матки мои, вдругъ, Миколка-то, это по горѣ-то, по обрыву бѣжитъ, лица на немъ пѣтъ, — измеръ весь. Охъ, матушки, къ лѣсу-то подбѣжалъ это онъ, а я смотрю; да молитву читаю; ужь очень онъ страшенъ изъ себя. Безъ шапки, волосы-то растрепаны, ахъ! Въ лѣсу-то въ тѣ поры Французъ съ Дарьсей Васильевной гулял; только подбѣжалъ онъ къ нимъ, да какъ на Дарью-то Васильевну замахнется: погубила, говоритъ, ты меня! Да еще ровно бы что сказалъ, да недо-слышала я, глуха нонѣ стала. Та знаемо — дѣло женское,

звизгнула, да за Француза-то и спряталась. А онъ ровно помѣшанный, добѣжалъ до бугорка-то, глазаща-то выпучилъ.... ахъ, страшный такой. Добѣжалъ до бугорка-то, перекрестился, да въ Волгу. Только его и видѣли! Эхъ бѣды, бѣды! Раза два вышырнулъ, да видно въ косы-то попалъ и затащило и пошелъ ко дну; такъ у меня и въ глазахъ потемнѣло. Я что не есть духу къ церкви-то побѣжала, чтобъ Кузьму то повѣстить, да ужъ моченьки моей иѣтъ; благо, что Василій пономарь встрѣтился на дорогѣ, ему ужъ я и молвила, онъ видно народъ-то и сколотилъ.... Вотъ и сижу здѣсь отдыхаю, а сплушки-то и иѣтъ до Волги-то добѣжать посмѣтрѣть, какъ они его ловить-то, бѣднаго, стануть.

— Парень-то какой, а? Неумолила видно Аграфена у Господа. И Васюха-то померъ, да и этотъ-то! говорила плотная, красная баба, напоминающая собой лубочныя картинки съ подписью внизу: «Красавица Бобелина.»

— Ты говори, видно ужъ планда такая у него Господня на роду положена. Безталанный ужъ онъ такой.

— Ну озорливъ былъ, ужъ такой-то облай, что и Господи!

— Ну matka, знамо дѣло молодой парень, батька-то у него крутъ былъ, что чай Миколай-то не жилъ, ласкова слова отъ него не слыхалъ. А что Аграфена-то реветъ?

— Знамо, чай, реветъ. Варюшка побѣжала къ ней въ домъ молвить ей объ ея эвдакомъ горѣ.

— Бѣжать посмѣтрѣть, какъ они Миколаху-то искать будутъ.

Бабы забыли и Власьевну и Аграфену и пустились къ Волгѣ. Онѣ прибѣжали на берегъ, въ то время, когда Кузьма съ двумя мужиками сидѣлъ въ лодкѣ и кидалъ неводъ, взятый у ближнихъ рыбаковъ. Грустно сидѣлъ Кузьма на днѣ лодки, онъ обвинялъ себя въ томъ, что можетъ быть принужденіе къ женитьбѣ заставило Николая утопиться.

Неводъ закипули, толпа дружно потащила его къ берегу.

— Ничто тяжело идетъ! говорилъ одинъ мужикъ.

— Гришка клади неводъ-то! собирай, да мотрите, какъ вы-тащите, на земь-то не кладите, а то не откачаешь, на руки прймай, слышь? кричалъ рыбакъ изъ лодки.

Ладно! отвѣчали громко съ берега.

— Ну, православные, ну, разомъ, ну, ну-у! кричалъ коренастый мужикъ, изо всѣхъ силъ таща неводъ.

Наконецъ показалась мошня, въ ней лежалъ трупъ Николая. Среди бабъ, стоявшихъ на берегу, слышались рыданія. Мужики приняли на руки трупъ Николая и сильно качали его изъ стороны въ сторону. Страшенъ былъ трупъ Николая. Волосы, облѣпившія блѣдное лицо его, открытые на выкатѣ глаза, искривленный неприятно ротъ вызывали невольно трепеть. Кузьма стоялъ предъ трупомъ молча, онъ не въ состояніи былъ произнести ни слова; онъ весь замеръ въ одномъ желаніи, чтобъ сына откачали. Долго качали мужики Николая, но никакого признака жизни не открыли въ немъ.

— Что ребята, видно ужъ Божій онъ слуга, не откачать намъ его, ужъ такой онъ. знать безталацный, не положить-ли, говорилъ одинъ изъ качавшихъ.

— Ну вотъ ужъ и уморился, покачаемъ, може и отрыгнетъ, говорилъ другой.

— Гдѣ отрыгнуть, слышалось въ толпѣ, не отрыгнетъ, безъ мала часъ качаемъ.

— Батюшки, братцы, родные, выговорилъ Кузьма, будьте отцы, откачайте. Самъ бы помогъ — силушки моей пѣть. Миръ честной потрудись! Староста упалъ въ ноги народу.

— Полно Кузьма Петровичъ, грѣхъ тебѣ. Сама рады бы были, кабы отошелъ. Покачать покачаемъ: Блѣднѣе и блѣднѣе становился Кузьма, когда терялась всякая надежда на возвращеніе къ жизни Николая, укорачивалось его дыханіе и щемило его грудь, но слезы не облегчали его горя. Наконецъ мужики молча положили трупъ на землю и отошли къ сторонѣ.

Въ толпѣ слышалось: мать бѣжить, мать! Аграфена, безъ платка на головѣ, съ растрепанными волосами бѣжала къ народу. Какъ увидѣла она трупъ своего дорогаго: безталаннаго Николая, такъ и упала на него безъ чувствъ.

Бабы наострили уши, мужики молча стояли и почесывали затылки.

— Даромъ, что ровно полоумная прибѣжала, а не голоситъ, говорила одна колотовка-старуха.

— Эка прытка больно, вишь ты, знамо материнское дѣло, замерла. Погоди, заголосить.

Въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько минутъ раздался ужасный истеричный вопль Аграфены: батюшко, родной ты мой, безталанный сынъ, на кого ты меня покинулъ горькую, загубилъ тебя не злой ворогъ, загубилъ тебя родитель твой, ужъ какъ стану я жить безъ тебя безталаннаго, ужъ не мигъ мнѣ свѣтъ, не мила мнѣ жизнь. Опять на Аграфену напало безчувствіе. Во все время причитанья, она то обнимала холодный трупъ сына, то кидалась ему головой на грудь, то прижимала его голову къ своей груди.

— Уведите ее, родную, уведите, что дѣлать-то, всѣ мы подь Богомъ ходимъ, говорила изъ толпы рыдавшая старуха.

Двое сосѣдей Кузьмы подняли было Аграфену и хотѣли отнести домой, но она въ эту минуту пришла въ себя, съ силой вырвалась изъ ихъ рукъ и опять бросилась къ трупу.

— Убей ты меня горькую, заголосила мать, своей крови губитель, для своего сына не родитель, а разбойникъ злой. Охъ, мой батюшко, мой безталанный сынъ, загубилъ тебя не разбойникъ злой, загубилъ тебя твой родной батюшко, одноутробный твой. И зачѣмъ ты, мой любезный сынъ, не вымолвишь слова, голоса, погляди глазкомъ на свою матушку горькую. Мужики подошли и съ силой оттащили Аграфену отъ сыновняго трупа. Металась въ рукахъ ихъ Аграфена, съ смертію сына потерявшая всю цѣль своего земнаго существованія. Долго раздавались ся отчаянные истерическіе крики, хотя мужики отвели ее далеко отъ Волги. Кузьма долго безъ всякаго движенія стоялъ предъ трупомъ Николая, потомъ началъ молиться земно на церковь. Толпа тоже сняла шапки и молилась вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ онъ благословилъ сына, поклонился ему и побрелъ домой, еле передвигая ноги. Толпа послѣдовала за нимъ. Мужики разводили руками, выбрали изъ среды себя ка-

раульщиковъ трупѣ, по приказу управляющаго, который нарочно для этого прислалъ верховаго, и въ молчаніи шли другъ возлѣ дружки домой. Бабы же не переставали толковать между собой.

— Ну ужъ, матка, Аграфена мастерица выть и про сына-то она и про отца-то и про себя-то, мастерица! говорила баба.

— Вѣдь какъ и не ревѣть-то и не выть-то, на одномъ-то году, да сколько горя-то: одного Богъ взялъ, а другой самъ на себя руку поднялъ, вторила первой другая.

— А онъ-то Николаха, подхватывала третья, и ротъ-то перетянуло и глаза-то ровно ложка.... а и то молвить, жаль, безталанный, какъ есть безталанный.

Ушли и бабы. Разгорался костеръ, который разложили не вдалекѣ отъ трупѣ караульщики, чтобы охотнѣе было сторожить. Шумѣлъ валежникъ въ сосѣдномъ сосновомъ лѣсу, небо закуталось тучами, Волга плескалась на берега, и этотъ шумъ откликался въ лѣсу. Огонь освѣщалъ какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ сѣдыхъ караульщиковъ, съ длинными дубинами, которыми запаслись они на случай волковъ, ибо здѣсь ихъ водилось не мало. Блѣдное лице мертвеца среди ночи и при огнѣ, казалось еще блѣднѣе, глаза сильнѣе блестяли, съ искривленнаго рта казалось такъ и слетитъ болѣзненный крикъ. Ужасная, страшная картина. Пускай тухнетъ скорѣй этотъ костеръ, пускай скорѣй закроютъ рогожкой тѣло утопленнаго и пускай мракъ ночи скроетъ отъ глазъ эту картину, да не подумаютъ, что мало вѣры въ загробную жизнь въ нашемъ мужикѣ.

ГЛАВА X.

— Пусти меня, слышь пусти, не то.... Да пусти — и! Блѣдный, съ сверкающими глазами, ломился Кузьма въ залъ княжескаго дома. Ливрейный мальчишка изъ всѣхъ сплѣ старался удержать его.

— Куды ты, куды, говорилъ онъ визгливо, аль очумѣлъ, въ барскій залъ ломиться, что тебѣ надо, ея сіятельство васъ къ себѣ не приказала допускать. Уйди! А не то я доложу, что тебѣ надо.

— Слышь, говорю, пусти, безпремѣнно надо саму княгиню видѣть.... слышь.

— Не пущу! азартно сказалъ лакей, вставая въ дверяхъ на подобіе буквы Х.

— Что тамъ такое? Пустить, кому меня надо? слышался изъ гостиной голосъ Натальи Петровны; мальчишка обратился мгновенно въ десятиричное и Кузьма взошелъ въ залъ.

— *Qu'est ce que c'est? Что это значить?* изумленно вскрикнула Княгиня. *Monsieur Adolphe, venez-ici plus vite, plus vite!*

— Ваше сіятельство! матушка, Наталья Петровна, помилуй... Обокрала, матушка, она Дарья Васильевна, обокрала, вотъ и сына сгубила и обокрала. Двадцать лѣтъ твоей милости вѣрой и правдой служилъ; яви Божескую милость, отыми у нее деньги, нищій вѣдь я, матушка, нищій, твой вѣрный слуга, матушка. Кузьма валялся въ ногахъ у княгини, слезы невольно текли по его грубымъ щекамъ.

— *O, mon Dieu! monsieur Adolphe, monsieur Adolphe!* Что это! почти кричала гнѣвная княгиня.

— Вотъ и платокъ ея, матушка, ваше сіятельство, какъ обирала-то съ моимъ-то безпутнымъ, звать вмѣстѣ и его поясъ, матушка; въ анбарѣ напелъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и деньги-то у меня лежали, вотъ и оставили они это. Отыми у ее деньги, матушка.

— *Adolphe, Adolphe!*

— *Toute suite, toute suite!* откликнулся французъ и быстро вбѣжалъ въ комнату. Онъ былъ изумленъ не менѣе княгини. *Quelle explication! c'est le second Don Juan!* сказалъ онъ насмѣшливо!

— *Quelle audace!...* ломая руки, говорила княгиня.

— Пошелъ вонъ! а ты, смѣить, я тебѣ будить, ходи, сейчасъ!

— Матушка, ваше сіятельство, не вставая съ колѣней, говорилъ Кузьма, разсуди меня.

— Тебѣ говорить, поди вонъ! гордо сказала княгиня.

— Ну, барыня, не великъ я человекъ, а большой ты

дашь отвѣтъ за меня Господу. Я что, я.... голосъ его прервался.

— Хадить! Тебѣ изнанка ворочать будить! вонь!

— Уйду, сударь, уйду. Подай вамъ Господи милости Божеской! сказалъ гордо Кузьма и вышелъ изъ лакейской.

На слѣдующее утро наѣхалъ изъ уѣзднаго городка судъ; тѣло вскрыли и, по словамъ доктора, у него видны были нѣкоторые признаки легкаго помѣшательства. Резолюція суда послѣдовала такая: погребсти умершаго, цѣло отдать на волю Божию и донести о семъ начальнику губерніи.

Кому не извѣстна наша Нижегородская ярмарка? Если кто не бывалъ на ней, то, по крайней мѣрѣ, слышалъ объ этомъ милліонѣ торговаго народа, съ утра до вечера бряцающаго серебряными, золотыми, мѣдными деньгами, съѣхавшагося сюда не только изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, но изъ Бухаріи и Франціи, Персіи и Англіи, Америки и Китая, Бельгіи и Арменіи. Врядъ ли гдѣ встрѣтится такая разноплеменность, разнохарактерность народностей. Вся эта масса разноплеменностей сталкивается, сближается, толкуеть, дружится, ссорится, шумитъ, беретъ задатокъ и распиваетъ могарычь, божится и ругается, объѣдается и голодаетъ.... и все это дѣлается во имя пріобрѣтенія, вездѣ цѣль личнаго обогащенія. И въ какихъ разнообразныхъ формахъ проглядываетъ эта цѣль! Вотъ тянется на Сибирскую пристань десятковъ шесть арбѣ; лѣнивый Чумакъ хладнокровно покрываетъ гопъ, какъ будто онъ не въ Нижнемѣ, а только вышелъ изъ своей хаты послѣ обѣда. Что везешь? спрашиваютъ вы его; — изюмъ или орѣхи! отвѣчаетъ вамъ онъ. А за чѣмъ? Продать. А вотъ въ главномъ домѣ, ловкій французикъ, своимъ милымъ обращеніемъ привлекаетъ къ себѣ десятки покупателей дамъ и сбываетъ провинціалкамъ втридорога французское дрянцо; на площади, въ нарочно выстроенныхъ балаганахъ, висятъ разнообразныя вывѣски: тутъ и Судъ Царя Соломона, показываютъ и Синопское сраженіе и движущуюся картинку рѣки Мисиссипи, тутъ же разныя панорамы, діорамы и Олимпійскіе цирки и самокаты; а въ сторонкѣ гдѣ нибудь расвѣщикъ прилѣпился съ своей передвижной панорамой, и за мѣдную гривну, моритъ

со смѣху гримасами и прибаутками десятокъ мальчишекъ. А по плашкотному мосту летятъ сотни экипажей и слышатся только крики казаковъ; легче, легче! И снуетъ по этому мосту народъ, точно муравьи изъ раззореннаго муравейника, а фонарные столбы сверху до низу оклеены разнообразными объявленіями: здѣсь виднѣется и театральная саженная афиша, и такса на извозчиковъ и объявленіе отъ вывѣснаго живописца и о *бесплатномъ* леченіи всѣхъ заблѣвающихъ на ярмаркѣ, какимъ-то докторомъ. И грустно, что все это дѣлается ради капитала, ради денегъ!

На самомъ бойкомъ, людномъ мѣстѣ, у входа на плашкотный мостъ, съ образомъ на груди и книжкою въ рукахъ, стоялъ сѣдой, какъ лунъ старикъ. Лице его, изрѣзанное глубокими морщинами, говорило о сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ. На построеніе храма Святителя Николая! смиренно кланяясь въ поясъ, говорилъ онъ каждому проходящему. И падали на эту книжку то копѣйка, то гривна, вынутая изъ кожанаго, кошелька или просто изъ-за сапожнаго голенища грязной и грубой рукой. Рука же, зятанутая во французскую перчатку, не протягивалась сюда. Она не могла положить маленькій вкладъ, потому что была въ перчаткѣ, да къ тому же во французской, большія же пожертвованія она берегла для общественной благотворительности, болѣе официальной.

— Откелева дѣдушка? спрашивалъ сборщика проходившій мимо старичекъ купецъ.

— Издалека, родной! отвѣчалъ тотъ.

— А какъ примѣромъ?

— Да верстъ сотъ шесть будетъ безъ мала, изъ села Стракова.

— Издалека, знать по обѣщанью?

— По обѣщанью кормилецъ, сыновній грѣхъ замаливаю.

— Благослови тебя Господь! Помяни Ивана.

На книжку упалъ золотой, купецъ пошелъ своей дорогой, старикъ перекрестился съ такимъ же точно чувствомъ, съ какимъ молился, получая истертую семитку.

Такъ вотъ къ чему привели Кузьму невозвратимая по-

теря сына и кровью нажитое крестьянское богатство, вот где онъ нашель отраду и исцѣленіе своему больному сердцу.

На самомъ загородѣ Нижняго, въ торговомъ тоже своего рода селѣ Кунавниѣ, до сихъ поръ стоитъ сѣрый, заброшенный, старый каменный домъ. На длинномъ доскутѣ жести съ трудомъ можно разобрать надпись: «Гостиница Новой Свѣтъ и блины пекутъ». Въ этотъ грязный Новый Свѣтъ по вечерамъ стекаются мелкіе торговцы, чтобъ распить въ пріятельскомъ кругу паръ пять пива, потѣшиться, усладить сердце крѣпкимъ національнымъ. Изрѣдка забѣжитъ сюда купеческій сынокъ, заставляющій всѣхъ присутствующихъ чувствовать нѣкоторый страхъ, смѣшанный съ уваженіемъ, значительнымъ возгласомъ: подюжины Редерёру!

Въ одинъ изъ такпхъ вечеровъ, въ Нижегородскомъ Новомъ Свѣтѣ раздавались звуки органа. Трое полупьяныхъ прикащиковъ сидѣли за столомъ и предъ ними, неистово размахивая руками, пѣли дребезжащимъ, разбитымъ голосомъ, цыганскую пѣсню, желтая, исхудалая, изнеможенная женщина, лѣтъ подь сорокъ, ей аккомпанировалъ на шпичащемъ органѣ старикъ шарманщикъ.

— Важно! Даша, спой еще «Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ», больно оно чувствительно, говорилъ одинъ прикащикъ.

— Дашь ли еще полтинничекъ, да водочкой угостишь?

— Поднеси ей рюмку водки! Вотъ тебѣ полтинникъ.

— Душка, какой ты добрый! сказала Даша и нагло протянула руку за этимъ полтинникомъ и еще наглѣе выпила залпомъ, не поморщившись, рюмку простой водки. И опять неистово замахала она руками и опять запѣла своего «Мальбрука». Неужели это наша Даша? Куда же дѣвались ея пышныя мечты о полуосвѣщенномъ будуарѣ, о блестящихъ магазинахъ, гусарахъ и рысакахъ? Онѣ улетучились вмѣстѣ съ ея потерянной, стцвѣтшей красотой, вмѣстѣ съ прожатыми Николая деньгами.

■ ■ — т — х — нъ.

ПТИЧКА.

Есть у птички клетка; позолотой яркой
Блещутъ ея стѣнки. Подъ высокой аркой

На шнуркѣ шелковомъ, зеленью увита,
Къ потолку рѣзному клетка та прибита.

Есть у птички много и воды и сѣмя.
Каждый день служанка, наблюдая время,

Кормъ перемѣняетъ въ клеткѣ ручкой бѣлой
И сосудъ хрустальный наливаетъ цѣлый.

Птичку-фаворитку барыня лелѣетъ,
Собственнымъ дыханьемъ ея носикъ грѣетъ.

Гладитъ нѣжный пальчикъ, перья, чуть касаясь,
И уста цѣлуютъ птичку, улыбаясь.

Только бы, казалось, въ холѣ беззаботной
Пѣть бы пѣсни птичекъ въ клеткѣ позолотной.

Ну хоть въ поученье бѣднымъ про богатыхъ,
Какъ живутъ ихъ братья въ дорогихъ палатахъ.

Какъ ихъ убѣжденья,—искренни ль и прямы,
Каковы мужчины, каковы тамъ дамы,

Какъ умовъ лощеныхъ злы и остры сшибки,
И полны значенья женскія улыбки.

Звѣзды и сужденья старцевъ важныхъ вѣски,
И блестящихъ франтовъ приговоры рѣзки.

Что бы этой птичкѣ подсмотрѣть плутовкѣ
Чудный дѣтскій профиль маленькой головки.

Отд. I.

Какъ въ тѣни камелій тихо у окошка
Дѣвочка садится помечтать немножко.

По плечамъ рѣзвухи вьются кудри-змѣйки,
Оттѣнная формы лебединой шейки.

Въ глазкахъ плутоватыхъ блещетъ пламень смѣлый —
Женщины зародышь въ дѣвочкѣ незрѣлой.

И зачѣмъ порою такъ она пугливо
Черныя рѣсницы клонить торопливо.

Сердце бьется чаще подъ ея платочкомъ
И стѣдливый пламень бѣгаетъ по щечкамъ.

Что бы этой птичкѣ средь гостинной свѣтской
Разсказать про тайны груди полудѣтской.

Прелести такъ кратокъ мигъ вѣдь настоящій,
Скоро будетъ ангелъ барыней блестящей.

И съ осанкой гордой, подъ руку, по заламъ,
Холодно пройдетъ съ мужемъ генераломъ.

Всѣ ея движенья лгать привыкнуть тонко
Не узнаетъ птичка прежняго ребенка!

Или чтобы птичкѣ... ахъ, да мало ль пѣсенъ...
Иль для свѣтлой думы душный уголъ тѣсенъ.

Иль ея не вырвать кормомъ и уходомъ.
Знать родится пѣсня подъ открытымъ сводомъ.

Знать для счастья мало жить въ теплѣ и холѣ
И исчахнетъ сердце безъ любви и воли.

■. Крѣзь.

К Р И Т И К А.

Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.
Статья первая. — Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь,
Лермонтовъ.

I.

Въ 1834 году въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ, пользовавшемся весьма небольшимъ успѣхомъ, но въ замѣнъ того отличавшемся серьезностію взгляда и тона — впервые появилось съ особенною яркостію имя, которому суждено было долго играть истинно—путеводную роль въ нашей литературѣ. Въ «Молвѣ», издававшейся при «Телескопѣ» Надеждина, появлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ статьи подъ названіемъ: «литературныя мечтанія». Эти статьи изумляли невольно своей безпощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостію, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ поставленіемъ вопросовъ, наконецъ тою видимою молодостію энергіи, которая дорога даже и тогда, когда впадаетъ въ ошибки — дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. «Мечтанія» такъ и дышали вѣрою въ эти стремленія и, не щадя никакого кумиро-поклоненія, во имя идеаловъ разбивали простѣйшимъ образомъ всякіе авторитеты, неподходявшіе подъ мѣрку идеаловъ. Въ нихъ выразилось первое сознательное *чувство* нашей критики — я говорю *чувство*, а не *взглядъ* — ибо въ нихъ все было *чувство*. Такъ какъ по общему органическому закону мірозданія, ни одна мысль не является въ стройной формѣ, не пройдя напередъ нѣсколько формъ такъ сказать доцотѣ-

ныхъ — то и «литературнымъ мечтаніямъ» Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго (подъ ними подписался онъ еще такимъ образомъ: — онъ инскій. Чембарь. 1834 г. дек. 12 дня, но все молодое поколѣніе знало хорошо имя того, кто такъ смѣло и честно высказалъ то, что жило во всѣхъ, носилось въ воздухѣ эпохи) — и «литературнымъ мечтаніямъ» — говорю я — предшествовали критическія *диноверіумы* Никодима Надоумки — смѣлыя, рѣзкія, но неуклюжія и безвкусныя выходки противъ застарѣлыхъ мыслей... Но какая разнища обличалась съ перваго же раза между дѣятельностію Бѣлинскаго и дѣятельностію Никодима Надоумки. Вся правда и энергія Никодима Аристарховича пропадали даромъ вслѣдствіе семинарскаго безвкусія тона и положительнаго отсутствія чувства изящнаго: всѣ заблужденія и промахи Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ яркомъ и истинно-поэтическомъ пониманіи. И только при такихъ условіяхъ могло пройти столько истинъ и только при такихъ условіяхъ могло начаться то дѣло, котораго «литературныя мечтанія» были первымъ камнемъ.

«Литературныя мечтанія» — ни болѣе ни менѣе — какъ ставили на очную ставку всю русскую литературу со временъ реформы Петра, литературу, въ которой невзыскательные современники и почтительные потомки насчитывали уже нѣсколько геніевъ, которую привыкли уже считать за какое то *sacrum* — и развѣ только подъ часъ какіе нибудь пересмѣшники повторяли стихъ ихъ старика Вольтера: «*sacrés ils sont, car personne n'y touche.*» Пересмѣшниковъ благомыслящіе и почтенные люди не слушали и торжественно раздавались гимны не только Ломоносову и Державину, но даже Хераскову и чуть ли не Николеву; всякое критическое замѣчаніе на счетъ Карамзина считалось святотатствомъ, а геніальность Пушкина надобно было еще отстаивать, а поэзію первыхъ Гоголевскихъ созданій почувствовали еще очень не многіе и изъ этихъ не многихъ во первыхъ самъ *Пушкинъ*, а во вторыхъ авторъ «литературныхъ мечтаній».

Между тѣмъ умственно—общественная ложь была слишкомъ очевидна. Хераскова уже положительно никто не чи-

талъ, Державина читали немногіе, да и то не цѣликомъ; читалась исторія Карамзина, но не читались его повѣсти и разсужденія. Сознать эту ложь внутри души могли многіе, но сознательно почувствовать ее до того, чтобы сознательно и смѣло высказать всѣмъ — могъ только призванный чело-вѣкъ и такимъ то именно чело-вѣкомъ былъ Виссаріонъ Бѣлинскій.

Дѣло, начатое имъ въ «литературныхъ мечтаніяхъ», было до того смѣло и ново, что чрезъ много лѣтъ потомъ казалось еще болѣе чѣмъ смѣлымъ — дерзкимъ и разрушительнымъ всѣмъ почтительнымъ потомкамъ невзыскательныхъ дѣдовъ, — что чрезъ много лѣтъ потомъ оно вызывало юридическіе акты въ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ — не поэтъ!

но — страннымъ образомъ, — начало этого дѣла въ «литературныхъ мечтаніяхъ» не возбудило еще ожесточенныхъ криковъ. До этихъ криковъ уже потомъ *добрались* Бѣлинскій *своихъ противниковъ*, — хотя весь онъ съ его пламенною *вѣрою* въ развитіе вылился въ своемъ юношескомъ произведеніи, — хотя множество взглядовъ и мыслей цѣликомъ перешли изъ «литературныхъ мечтаній» въ послѣдующую его дѣятельность — и хотя наконецъ, — положительно можно сказать, съ этой минуты онъ, въ глазахъ всѣхъ насъ, тогдашняго молодого племени, сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія

Въ ту эпоху, которой первымъ сознаниемъ были «литературныя мечтанія», — кромѣ старыхъ, уже не читаемыхъ, а только воспоминаемыхъ авторитетовъ, былъ еще живой авторитетъ Пушкинъ, — только что появился почти въ печати Грибоѣдовъ — и только что вышли еще «вечера на Хуторѣ близъ Диканьки». Въ эту эпоху впрочемъ, не Пушкинъ, не Грибоѣдовъ и не «вечера на Хуторѣ» тревожили умы и внушали всеобщій интересъ. Публика охладѣла на время къ Пушкину, съ жаромъ читала Марлинскаго, добродушно принимала за правду и настоящее дѣло разные историческіе романы, появлявшіеся дюжинами въ мѣсяцъ, съ тайной тревогою прислушивалась къ соблазнительнымъ отголоскамъ юной

французской словесности въ разсказахъ барона Брамбеуса и подъ рукою почитывала переводные романы Поль-де-Кока.

Бѣлинскій былъ слишкомъ живая натура, чтобы не увлечься хоть нѣсколько стремленіями окружавшаго его міра и впечатлительность его выразилась въ «литературныхъ мечтаніяхъ» двумя сторонами: негодованіемъ на тогдашнюю дѣятельность Пушкина и лихорадочнымъ сочувствіемъ къ стремленіямъ молодой французской литературы. Изъ этихъ сторонъ только первая требуетъ поясненія, — вторая въ немъ не нуждается. Бѣлинскій не былъ бы Бѣлинскимъ, не былъ бы гениальнымъ критикомъ, если бы полнымъ сердцемъ не отозвался на все то, что тревожило поколѣніе, котораго онъ былъ могущественнымъ голосомъ. Чтобы идти впередъ нашего пониманія, онъ долженъ былъ понимать насъ, наши сочувствія и вражды, долженъ былъ пережить поклоненія Бальзаковскому Феррагусу и Notre Dame В. Гюго. Человѣкъ гораздо старше его лѣтами и можетъ быть пониманіемъ, хотя гораздо слабѣйшій его относительно даровитости, Н. И. Надеждинъ написалъ въ своей статьѣ «Баронъ Брамбеусъ и юная словесность» нѣсколько страницъ въ защиту этой словесности, въ которой онъ видѣлъ необходимую для человѣчества анатомію и, безъ всякаго сомнѣнія, подобная защита была и выше и разумнѣе въ свое время пустыхъ пасмѣшекъ. *Не сочувствовать* юной словесности имѣлъ тогда право можетъ быть только Пушкинъ, ибо въ немъ одномъ такое несочувствіе было прямое, художнически-разумное и чуждое заднихъ мыслей. Его орлиный взглядъ видѣлъ далеко впередъ, такъ далеко, какъ мы и теперь еще можетъ быть не видимъ. Остальные, исключая развѣ того немногочисленнаго мыслящаго кружка, котораго представителемъ былъ И. В. Киреевскій — авторъ перваго философскаго обзорѣнія нашей словесности, — или лукавили въ своемъ несочувствіи, или не сочувствовали потому, что давно потеряли способность чему либо серьезно и душевно сочувствовать, или наконецъ въ основу своего несочувствія клали узенькія моральныя сентенціи и — что еще хуже — побужденія, вовсе не литературныя. А Бѣлинскій не былъ ни уединеннымъ, строго логическимъ мыслителемъ какъ И. В. Киреев-

скій, ни однимъ изъ опекуновъ нравственности и русскаго языка — онъ былъ человѣкъ борьбы и жизни. Всѣ наши сомнѣнія и надежды, выносилъ онъ въ своей душѣ — и оттого-то всѣ мы жадно слушали его вулканическую рѣчь, шли за нимъ какъ за путеводителемъ — въ продолженіе цѣлаго литературнаго періода, до тѣхъ поръ, пока... переворотъ, совершившійся въ художественной дѣятельности Гоголя, не раздѣлялъ всѣхъ мыслящихъ людей на двѣ литературныя партіи.

Но объ этомъ рѣчь впереди. Имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени, которыя мы поставили въ заглавіи статьи — силелось съ ними такъ, что говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія, — постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою не многимъ изъ критиковъ! — едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ этотъ удѣлъ совершенно по праву. Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду — онъ не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто нанерекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ, — заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ *никогда* не ошибался. У него былъ ключъ къ *словамъ* его эпохи и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. У него, — теоретики назовутъ это слабостію, а мы великою силою — никогда не

достало бы духу развѣнчать во имя теоріи сегодня, то, что созналъ онъ великимъ и прекраснымъ вчера. Онъ не могъ холодно отвернуться отъ Гоголя, онъ не написалъ бы никогда, что г. N или Z, какъ проводители принциповъ, имѣютъ въ нашей литературѣ значеніе высшее чѣмъ Пушкинъ.

И между тѣмъ, Бѣлинскій началъ свое дѣло тѣмъ, что вмѣстѣ съ толпою, горевалъ объ утратѣ прежняго Пушкина, т. е. Пушкина Кавказскаго плѣнника, первыхъ главъ Онѣгина и проч. Какъ объяснить этотъ странный фактъ?... И прежде всего, не говоритъ ли этотъ фактъ противъ легкости въ перемѣнѣ взглядовъ и убѣжденій, въ которой упрекали Бѣлинскаго его враги? Бѣлинскій слишкомъ глубоко воспринялъ въ себя первую, юношескую дѣятельность Пушкина, слишкомъ крѣпко сжился съ нею, чтобы разомъ перейти вмѣстѣ съ поэтомъ въ нныя, высшія сферы. Онъ и перешелъ потомъ, перешелъ искренне, но только тогда, когда сжился съ этимъ новымъ воздухомъ. Вполнѣ дитя своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его. Чѣмъ дольше боролся онъ съ новою правдою жизни или искусства, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на поколѣніе, его окружавшее, его обращенія къ новой правдѣ. Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы возвышенное свойство своей природы: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни....

Есть нѣчто неотразимо увлекательное въ страницахъ «литературныхъ мечтаній», посвященныхъ Пушкипу: чувство горячей любви бьетъ изъ нихъ ключемъ — наивность непониманія новыхъ сторонъ поэта идетъ объ руку съ глубокимъ, душою прочувствованнымъ пониманіемъ прежнихъ и многое, сказанное по поводу этихъ прежнихъ сторонъ — никогда можетъ быть уже такъ свѣжо и дѣвственно-страстно не скажется!

II.

«Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чутьемъ и удивительною способностію принимать и отражать всевозмож-

ныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность вѣковыхъ правилъ, самую мудростію извлеченныхъ изъ писаній великихъ гениевъ (слова эти — курсивомъ въ оригиналѣ и относятся къ тогдашнему поклоненію установленнымъ авторитетамъ) и съ удивленіемъ узнавая о другихъ мірахъ мыслей и понятій и новыхъ, неизвѣстныхъ ей до того, взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ: Байронъ владелъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да — Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, — *но міра русскаго, но человѣчества русскаго*. Что дѣлать? Мы всѣ генія-самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все пріобрѣли, веселясь и играя, словомъ

Мы всѣ учились по немногу
Чему нибудь и какъ нибудь.

Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду:

«Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ» отъ труда опять къ молодымъ играмъ, сладкому бездѣлю и легкокрылому похмѣлью. Ему недоставало только нѣмецко-художественнаго воспитанія (?) «Баловень природы, онъ шаяла и играя похмѣлялъ у ней плѣнительные образы и формы и, снисходительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ чародѣй, онъ въ одно и тоже время исторгалъ у насъ и смѣхъ и слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ — и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слышала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ первыя ея жизни! Я

помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни, изъ растворенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, *подобные шуму воды или журчанью ручья* (курсивомъ въ оригиналѣ).

«Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданий и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать всѣ деревья и цвѣты Армидина сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части *все поэмы*: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его «Андрей Шенье», его могучая бесѣда съ «Моремъ», его вѣщая дума о «Наполеонѣ» — поэмы. Но самые драгоценные алмазы его поэческаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ». Я никогда не кончилъ бы, если бы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.

«Пушкинъ царствовалъ въ литературѣ десять лѣтъ: «Борисъ Годуновъ» былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній, замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское «быть или небыть» скрывается во мглѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ «Анджело» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ «Новосельѣ» и «Библіотекѣ для чтенія», мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю. Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось бывало то удалое разгулье, то сердечная тоска; гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи вмѣстѣ злой и тоскливой, которая поражала умъ своею игрою; гдѣ теперь эти картины жизни и природы, предъ которыми были блѣдна жизнь и природа?... *Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми римами, съ нѣтъчестными вольностями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали Архимандритъ Аполлосъ и г. Остолоповъ!*... Странная вещь,

непонятная вещь! Неужели Пушкина, котораго не могли убить ни изступленные похвалы энтузіастовъ, ни сильныя, нерѣдко справедливыя, нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило «Новоселье» г. Смирдина?... *И однакожь, не будемъ слишкомъ поспѣшны и опрометчивы въ нашихъ заключеніяхъ, предоставимъ времени рѣшить этотъ запутанный вопросъ. О Пушкинѣ судить не легко. Вы вѣрно читали его элегію въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія»? Вы вѣрно были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это созданіе. Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую вѣрную характеристику Пушкина какъ художника*

Порой опять гармоніей упоюсь

Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

«Да, я свято вѣрю, что онъ вполне раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки, или своей милкительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазій: что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденій; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко и упивался дикою любовью Земфиры, что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и слѣзою... Пусть скажутъ, что это—пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что Пушкинъ мистифируетъ «Библіотеку для чтенія», чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. Я вѣрю, думаю и мнѣ отрадно вѣрить и думать, что Пушкинъ подаритъ намъ новыя созданія, которыя будутъ выше прежнихъ»... (Молва. 1834 г. ч. VIII. стр. 397 — 400).

Сколько размысленій возбуждаютъ эти пылкія юношескія страницы, на которыхъ, повторю опять, глубокое пониманіе идетъ объ руку съ страннымъ непониманіемъ. Не ясно ли, что самое непониманіе новыхъ сторонъ, открывавшихся въ Пушкинѣ, было слѣдствіемъ слишкомъ живаго проникновенія натуры критика прежними его созданіями! Иначе

какъ объяснить, что человекъ, который равно цѣнилъ и лирическія и юмористическія стороны генія Пушкина — стало быть и «Цыганъ» и «графа Нулина» (а надобно припомнить *непристойную* статью Никодима Надоумки по поводу графа Нулина!) — не понялъ «Гусара», напечатаннаго въ «Библиотекѣ для чтенія», не понялъ стремленія Пушкина къ Шекспиру, выразившагося въ «Анджело?» И между тѣмъ, этотъ юноша, не понявшій «Анджело» и «Гусара», *вѣритъ* упорно въ Пушкина, видитъ въ немъ выраженіе современнаго ему міра, «*но міра русскаго*», — вѣритъ наконецъ въ душу поэта, разлитую въ его созданія и тѣсно съ ними соединенную, живущую одною съ ними жизнію! Не говорю уже о томъ, что юноша, ставши мужемъ, понялъ и «Анджело» и «Гусара» и «Каменнаго Гостя!»

Все это въ 1834 году.

А въ 1857 и 1858 годахъ являются въ журналахъ нашихъ статьи, гдѣ, то оправдываются отношенія Полеваго къ Пушкину и Полевой ставится выше *по убѣжденіямъ* — то гг. N N, Z Z приписывается, какъ проводителямъ принциповъ, больше значенія въ Русской литературѣ, чѣмъ Пушкину, — то поклоняясь произведенію, дѣйствительно достойному уваженія, какъ «Семейная хроника», вовсе забываютъ о «Капитанской дочкѣ» и «Дубровскомъ»!... А въ 1859 году является статья, исполненная искренней любви и искренняго поклоненія великому поэту, но такой любви, отъ которой не поздоровится, такого поклоненія, которое лишаетъ поэта сего великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнію сочувствій, его высокаго общественнаго значенія, — которое сводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряца — щей, громкаго и равнодушнаго эха, — сладко поющей птицы! Все это развѣнчаніе совершается съ наивѣйшею любовью, во имя поэтической непосредственности....

Да! вопросъ о Пушкинѣ мало подвинулся къ своему разрѣшенію со временъ «литературныхъ мечтаній», — а безъ разрѣшенія этого вопроса, мы не можемъ уразумѣть настоящаго положенія нашей литературы. Одни хотятъ видѣть въ Пушкинѣ отрѣшеннаго художника, вѣря въ какое то отрѣшенное, не связанное съ жизнію и не жизнію рож-

денное искусство, — другіе заставили бы жреца «взять метлу и служить ихъ условнымъ теоріямъ.... Лучшее, что было сказано о Пушкинѣ въ послѣднее время, сказалось въ статьяхъ Дружинина, но и Дружининъ взглянулъ на Пушкина только какъ на нашего эстетическаго воспитателя.

А Пушкинъ — наше все: Пушкинъ — представитель всего нашего *душевнаго, особеннаго*, такого, что остается нашимъ *душевному, особенному* послѣ всѣхъ столкновений съ чужимъ, съ другими мірами. *Пушкинъ* — пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородокъ, принимавшій въ себя, при всевозможныхъ столкновенияхъ съ другими особенностями и организмами, — все то, что принять слѣдуетъ, отбрасывавшій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ народной нашей сущности, — образъ, который мы долго еще будемъ отѣнять красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего до него бывшаго и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически — нашего. Сочувствія Ломоносовскія, Державинскія, Новиковскія, Карамзинскія — сочувствія старой русской жизни и стремленія новой — все вошло въ его полную натуру, въ той стройной мѣрѣ, въ какой бытіе послѣ-потопное является сравнительно съ бытіемъ до-потопнымъ, въ той мѣрѣ, которая опредѣляется русскою душою. Когда мы говоримъ здѣсь о русской сущности, о русской душѣ, — мы разумѣемъ не сущность народную до-Петровскую, и не сущность послѣ-Петровскую а органическую цѣлость: мы вѣримъ въ Русь, какова она есть, какой она оказалась или оказывается послѣ столкновений съ другими жизнями, съ другими народными организмами, послѣ того какъ она, воспринимая въ себя различные элементы — одни брала и беретъ какъ родственные, другіе отрицала и отрицаетъ какъ чуждые и враждебные.... Пушкинъ-то и есть наша такая, на первый разъ очеркомъ, но полно и цѣльно, обозначившаяся душевная фізіономія, фізіономія, выдѣлившаяся, вырѣзавшаяся уже ясно изъ круга другихъ народныхъ, *типовыхъ* фізіономій, — обособившаяся сознательно, именно вслѣдствіе того, что уже вступила въ кругъ ихъ. Это — нашъ самобыт-

ный типъ, уже мѣрившійся съ другими европейскими типами, переходившій сознаниемъ тѣ фазисы развитія, которые они проходили, но братавшійся съ ними сознаниемъ,—но вынесшій изъ этого процесса свою физиологическую, типовую самостоятельность.

Показать, какъ изъ всякаго броженія выходило въ Пушкинѣ цѣльнымъ это *типовое*, было бы задачей труда огромнаго. Въ великой натурѣ Пушкина, ничего не исключаящей: ни тревожно-романтическаго начала, ни юмора здраваго разсудка, ни страстности, ни сѣверной рефлексіи—въ натурѣ, на все отозвавшейся, по отозвавшейся въ мѣру русской души—заключается оправданіе и примиреніе для всѣхъ нашихъ теперешнихъ, по видимому столь враждебно раздвоившихся сочувствій.

Въ настоящую минуту мы видимъ только раздвоеніе. Смѣясь надъ нашими недавними сочувствіями, относясь къ нимъ теперь постоянно-критически, мы собственно смѣемся надъ ними, а надъ ихъ напряженностію. И до Пушкина и послѣ Пушкина, мы въ сочувствіяхъ и враждахъ постоянно пересаливали: въ немъ одномъ, какъ нашемъ единственномъ цѣльномъ геніѣ, заключается правильная, художественно-нравственная мѣра, мѣра уже дознанная, уже окрѣпшая въ различныхъ столкновеніяхъ. Въ его натурѣ—очерками обозначились наши физиономическія особенности полно и цѣльно, хотя еще безъ красокъ—и все современное литературное движеніе есть только наполненіе красками рафаэлевски правдивыхъ и изящныхъ очерковъ.

Пушкинъ выносилъ въ себѣ все. Онъ долго, напримѣръ, носилъ въ себѣ въ юности мутно-чувственную струю ложнаго классицизма, (эпоха лицейскихъ и первыхъ послѣ лицейскихъ стихотвореній) изъ нея онъ вышелъ навнѣ и чистъ, да еще съ богатымъ запасомъ живучихъ силъ для противодѣйствія романтической туманности, отъ которой ничто не защищало несравненно менѣе цѣльный талантъ Жуковскаго. Эта мутная струя впоследствии очистилась у него до наивнаго пластицизма древности и, благодаря стройной мѣрѣ его натуры, ни одна словесность не представитъ такихъ чистыхъ и совершенно ваятельныхъ стихотвореній

какъ Пушкинскія. Но и въ этомъ отношеніи, какъ онъ самъ, такъ и все, что пошло отъ него по прямой линіи (Майковъ, Фетъ въ ихъ антологическихъ стихотвореніяхъ), умѣли уберечься въ границахъ здраваго, яснаго смысла и здраваго, достойнаго разумно-нравственнаго существа сочувствія. Молодое кипѣніе этой струи отразилось у самаго Пушкина въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ молодости, отражалось, благодаря его на половину-африканской крови, и въ послѣдующія эпохи стихотвореніями удивительными и пламенными, («Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ») которыя однако онъ не хотѣлъ видѣть въ печати. Оно обособилось въ пламенномъ Языковѣ, но и тотъ искалъ потомъ успокоенія своему жгучему лиризму или въ высшихъ сферахъ вдохновенія, или въ созданіяхъ, болѣе объективныхъ и спокойныхъ, какова на примѣръ «сказка о сѣромъ волкѣ и Иванѣ царевичѣ», красоту которой, говоря *par parenthèse*, мы потеряли способность цѣнить, избалованные судорожными вдохновеніями современныхъ музъ. Напряженность же, насильственно подогрѣтое клокотаніе этой струи—истощило въ наши времена талантъ г. Щербины и весьма еще недавно вылилось въ мутно-сладоэстрастныхъ стихахъ молодаго, только что начинающаго поэта, г. Тура; — но не слѣдуетъ по злоупотребленіямъ, противнымъ здоровому русскому чувству, умозаключать, что самая струя, въ мѣру взятая, ему противна....

Вообще же, не только въ мірѣ художественныхъ, но и въ мірѣ всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ нашихъ сочувствій—Пушкинъ есть первый и полный представитель нашей фізіономіи. Гоголь явился только мѣркою нашихъ антипатій и живымъ органомъ ихъ законности, поэтомъ чисто-отрицательнымъ; симпатій же нашихъ кровныхъ, племенныхъ, жизненныхъ онъ олицетворить не могъ, во первыхъ какъ малороссъ, а во вторыхъ какъ уединенный и болѣзненный аскетъ.

III.

Въ русской натурѣ вообще заключается одинаковое, равномѣрное богатство силъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Нещадно смѣясь надъ всѣмъ, что несооб-

разно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ, чѣмъ мы и отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ Нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комическому взгляду, мы столь же мало способны къ строгой, однообразной чинности, кладущей на все печать уровня внѣшняго порядка и составной цѣльности. Любя *праздники* и цѣлую жизнь *проживая* иногда въ праздношатательствѣ и круженіи, мы не можемъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и, дѣлая дѣло, сладострастно наслаждаться въ немъ мыслію о приготовленіи себѣ извѣстной *порціи* законнаго бездѣлья; — чѣмъ опять таки мы отличаемся отъ Нѣмцевъ: нѣтъ! мы всѣ говоримъ, какъ одинъ изъ нашихъ типическихъ героевъ, Грибоѣдовскій Чацкій:

Когда дѣла — я отъ веселья прячусь,
 Когда дурачиться — дурачусь.
 А смѣшивать два этихъ ремесла
 Есть тѣмъ охотниковъ — я не изъ ихъ числа!

Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ съ важно-стію дѣлать *ничего*, *il far niente*, какъ Итальянцы. А съ другой стороны мы не можемъ помириться съ *вѣчной суетой* и толкотней общественно-буднишной жизни, не можемъ заглушить въ ней тревожнаго голоса *своихъ* высшихъ духовныхъ интересовъ или *впадаетъ въ хандру* — и вотъ почему, изъ всѣхъ произвольно составленныхъ утопій общественныхъ, нѣтъ для русской души противнѣе утопіи Фурье, хотя нѣтъ племени, въ которомъ братство, любовь, незлобіе и общеніе были бы такъ просты и непосредственны.

Пока эта природа съ богатыми стихійными началами и съ беспощаднымъ здравымъ смысломъ живетъ еще сама въ себѣ, т. е. живетъ безсознательно, безъ столкновенія съ другими живыми организмами, — какъ-то было до реформы Петра, она еще спокойно вѣрится въ свою стихійную жизнь, еще не опредѣляетъ, не разлагаетъ своихъ стихійныхъ началъ, довольствуясь тѣми формами, въ которыя свободно уложилось все ея стихійное....

Стольникъ, напрімѣръ, Лихачевъ, ѣздившій отъ царя Алек-

сѣя Михайловича править посольство во градъ Флоренскъ къ Дуку Фердинандусу, носилъ въ душѣ крѣпко-сложившіеся, вѣковые типы, которыхъ онъ никогда не разлагалъ, въ которыхъ онъ никогда не сомнѣвался и дальше которыхъ онъ ничего не видѣлъ. Его непосредственное отношеніе къ жизни, вовсе ему чуждой, такъ дорого, что нельзя безъ искреннаго умиленія читать у него, хоть бы вотъ это: «Въ Ли-ворнѣ церковь Греческая во имя Николая Чудотворца и «протопопъ Аванасій—да въ Венеціи церковь же Греческая, *ка больше того, отъ Рима до Кольскаго острога ишдѣ нѣтъ благочестія*». Вы нисколько не заподозрите также его искренности, когда онъ съ вершины своихъ типовыхъ, никогда не разложенныхъ имъ убѣжденій, рассказываетъ вамъ объ аудіенціи у Дука Фердинандуса *). Вы понимаете всю неразорванность этого взгляда, всю цѣльность и извѣстную красоту типа, лежащаго въ его основаніи. Типъ этотъ, наслѣдованный отъ предковъ,—завѣщанный предками,—ни разу еще не сличалъ себя съ другими жизненно—историческими типами. Онъ есть до того простое и наивное вѣрованіе, что скажется скорѣе комическимъ взглядомъ на всѣ другіе типы, чѣмъ сомнѣніемъ въ самомъ себѣ и своей исключительной законности — и, будетъ ли это Лихачевъ во Флоренціи, Чемодановъ въ Венеціи, Потемкинъ во Франціи, наконецъ, въ эпоху позднѣйшую даже Денисъ Фонвизинъ въ разныхъ иностранныхъ земляхъ,—вы въ нихъ вѣрите, вы ихъ понимаете, вы ихъ любите,—разумѣется, если вы — кровный русскій. Вы понимаете, какъ съ пезыблемо утвержденныхъ основъ своего типа—должны они смотрѣть на все чуждое, что имъ представляется; вы цѣните тонкую ловкость Чемоданова, хитро выпрашивающаго Венеціанъ на счетъ разныхъ полезныхъ вещей и не потребуете отъ него, конечно,

*) И Царскаго Величества здоровье сказано было отъ посланниковъ Флоренскому князю Фердинандусу въ городѣ Пизѣ. И князь у посланниковъ принялъ государеву грамоту и поцѣловалъ ее и началъ плакать, а намъ говорилъ чрезъ толмача по италійски: *за что меня, холопа своего вашъ пресловутый во вѣсѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь Алексѣй Михайловичъ... поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислать. А онъ великій государь, что небо отъ земли отстоитъ, то и онъ великій государь и т. д.*

чтобы онъ восхищался фантастическою, мрачно пестрою, трагически-сладострастною Венеціею и приходилъ въ лиризмъ.

Съ Венеціанкой молодой,
То говорливой, то нѣмой
Плывя въ таинственной гондолѣ.

Вы не возмущаетесь тѣмъ, что Денису Фонвизину, въ Варшавскомъ театрѣ, звуки Польскаго языка кажутся *подлыми* — и поражаетесь скорѣе мѣткостью и злой правдивостію его замѣчаній, въ родѣ того что: «разсудка Французъ не имѣеть, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастіе». Всѣ эти черты стараго типа вамъ понятны, любезны и почтенны. Типъ хранится этими людьми такъ вѣрно, такъ искренно, что они и понять не могутъ ничего того, что ихъ типу противорѣчить. Потемкинъ во Франціи, оскорбленный откупщикомъ «маршалка де Граммона», хотѣвшаго взять пошлину съ окладовъ св. иконъ, прямо называетъ его «врагомъ креста Христова и псомъ несытымъ» — и знать не хочетъ, что откупщикъ дѣйствуетъ на основаніи *своихъ* правъ....

Такова крѣпость *типа* въ его, еще покойномъ, безсознательномъ состояніи.... Естественно, что въ этой цѣльности и замкнутости, онъ остаться не можетъ при столкновеніи съ другими типами.

Эта же самая природа съ богатыми стихійными силами и съ безопадно-критическимъ здравымъ смысломъ — вдругъ поставлена и поставлена уже не случайно, не на время, а на всегда, съ нною, доселѣ чуждою ей жизнію, съ иными крѣпко же и притомъ роскошно и полно сложившимися идеалами. Пусть на первый разъ она, какъ Фонвизинъ, отнеслась къ этимъ чуждымъ ей типамъ только критически. Но потомъ происходитъ неминуемо другой процессъ. Тронутыя съ мѣста, стихійныя начала встаютъ какъ морскія волны, поднятыя бурей, и начинается страшная ломка, выворачивается вся внутренняя, бездонная пропасть. Оказывается, какъ только старый исключительный типъ разложился, что въ насъ есть сочувствіе ко всѣмъ идеаламъ, т. е. существуютъ стихіи для созданія многообразныхъ идеаловъ.

Сущность наша, личность, т. е. типовая мѣра, душевная единица на время позабывается: дѣйствуютъ только силы, страшныя, дикія, необузданныя. Каждая хочетъ сдѣлаться центромъ души — и, пожалуй, могла бы, если бы не было другой, третьей, многихъ, равно просящихъ работы, равно зиждительныхъ и, стало быть, равно разрушительныхъ, и если бы въ каждой силѣ не заключалась ея равномѣрная отрицательная сторона, указывающая неумолимо на всѣ неправильныя, смѣшныя — протвѣсныя типовой душевной мѣрѣ уклоненія.

Способность силъ доходить до крайнихъ предѣловъ, соединенная съ типовой болѣзненно-критическою отрывкою, порождаетъ состояніе страшной борьбы. Въ этой борьбѣ закруживаются неминуемо природы могущественныя, но не гармоническія, природы до-потопныхъ образованій: — и часто мрачное fatum уноситъ и гармоническія природы, попавшія въ водоворотъ.

Наши великіе, бывшіе доселѣ, рѣшительно представляются съ этой точки могучими заклинателями страшныхъ силъ, пробующими во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ служебную дѣятельность стихій, но забывающими порою, что не всегда можно пускать на свободу эти порожденія душевной бездны. Стоитъ только стихіи вырваться изъ центра на периферію, чтобы, по общему закону организмовъ — она стала обособляться, сосредоточиваться около собственного центра и получила свое отдѣльное, цѣльное и реальное бытіе....

И тогда — горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поколику онъ человекъ.... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко, — Лермонтова — тотъ страшный идеалъ, который сіялъ предъ нимъ «какъ царь нѣмой и гордый» и отъ мрачной красоты котораго самому ему «было страшно и душа тоскою сжималась», — Кольцова-та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклиналъ онъ своими «Думами». А сколько могучихъ, но негармоническихъ личностей закружили стихійныя начала: — Милонова, Кострова, Радищева въ

прошломъ вѣкъ, — Полежаева, Мочалова, Варламова на нашей памяти.

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное начало вовсе не то, что *личность*. Личность Пушкинская не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, отъ лица котораго онъ любилъ рассказывать свои повѣсти; личность Пушкинская — самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій, какъ личность Лермонтовская не Арбенинъ и не Печоринъ, а самъ онъ

Еще невѣдомый избранникъ

и, можетъ быть, по словамъ Гоголя, «будущій великій живописецъ русскаго быта». Прасоль Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговья дѣла, спасъ бы намъ надолго жизнь великаго лирика Кольцова, — еслибъ не пожрала его, вырвавшись за предѣлы, та раздражающаяся дѣйствительностію, недовольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою.

О гори лампада
Ярче предъ Распятъемъ....
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Въ Пушкинѣ, по преимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской природы, очеркѣ, въ которомъ обозначились и объемъ и границы ея сочувствій, — отразилась эта борьба, высказался этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высокой степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами, борьбы, изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо, что напримѣръ общаго между Онѣгинымъ и Чайльдъ—Гарольдомъ Байрона, что общаго между Пушкинскимъ и Байроновскимъ или Мольеровскимъ Французскимъ или наконецъ Испанскимъ Донъ Жуаномъ?... Это типы совершенно различные, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлинскаго, былъ *представителемъ міра Русскаго, человечества Русскаго*. Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ

Чайльдъ — Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣгина хандрою отъ враздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностію здороваго русскаго смысла, т. е. природною, а не приобрѣтенною критическою способностію, который — критикъ, потому что даровитъ, а не потому что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настроенія въ озлобленіи, и которому та же критическая способность можетъ — того и гляди — указать дорогу выйдти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны, Донъ Жуанъ южныхъ легендъ, это сладострастное кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера, и которымъ до опьянѣнія восторгается Нѣмецъ Гюфманъ — эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то безпечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное даровитое чувство красоты, въ способность «по узенькой пяткѣ» дорисовать весь образъ, способность находить «странную пріятность» въ «потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазкахъ черноокой Инесы»; — типъ создается, однимъ словомъ, изъ южной, даже африканской страстности, но смягченной русскимъ тонко критическимъ чувствомъ, — изъ чисто русской удали, безпечности, какой-то дерзкой шутки съ прожигаемою жизнію, какой-то безусталой гоньбы за впечатлѣніями, — такъ что чуть впечатлѣніе принято душою, душа уже далеко и только «на снѣговой порошѣ» остался слѣдъ «не зайки не горностайки» а Чурилы Плешковича, этого Донъ Жуана мнѣческихъ временъ, порожденія нашей народной фантазіи.

Взгляните еще на борьбу Пушкинскую, т. е. идеально — русской натуры, съ тѣмъ типомъ, въ которомъ

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

На эту схватку съ совершенно-сложившимся исторически типомъ могучихъ, но еще неуходившихся стихійныхъ началъ, въ которыхъ идеалъ, мѣрка недоросли еще до сознанія, а

между тѣмъ, бессознательно сказываются, подають свой гѣлосъ при всякомъ лишнемъ шагѣ и невольно ихъ обуздывають.

Эта, поучительная для насъ борьба и въ геніально-юношескомъ лепетѣ Кавказскаго плѣнника и въ Алеко, и въ Гирей (не даромъ же, печальной памяти, Маякъ объявляя героевъ Пушкина уголовными преступниками!) и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и вмѣстѣ сухомъ тонѣ «Пиковой дамы» и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо, въ повѣсти: «Выстрѣлъ». На каждой изъ этихъ ступеней, борьба стоитъ подробнѣйшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная непослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоемому ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Ясно видно, что въ тѣлѣ есть для этой души что-то неотразимо-влекущее и есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чему она постоянно измѣняетъ, что, стало быть, рѣшительно не по ней. Я позволяю себѣ думать, что глубокое психологическое изученіе этихъ душевныхъ Пушкинскихъ отношеній внесло бы въ наше сознаніе гораздо больше ясности, чѣмъ возгласы о томъ, что Пушкинъ и Гоголь, извольте видѣть, не сознавали принциповъ, а г. N N или г. Z Z ихъ сознають и стало быть имѣють большее для насъ значеніе. Я — и авось либо не одинъ я — не знаю, да и знать не хочу, какіе принципы и какое ученіе сознавалъ Пушкинъ, — а знаю, что для нашей русской природы онъ все болѣе и болѣе будетъ становиться мѣркою принциповъ. Въ немъ заключается все наше — все, отъ отношеній, совершенно двойственныхъ нашего сознанія къ Петру и его дѣлу — до нашихъ тщетныхъ усилій насильственно создать въ себѣ и утвердить въ душѣ обаятельные призраки и идеалы чужой жизни, до нашей столь же тщетной теперешней борьбы съ этими идеалами и столь же тщетныхъ усилій вовсе отъ нихъ оторваться и замѣнить ихъ чисто-отрицательными и смиренными идеалами. И всѣ истинныя, правдивыя стремленія современной нашей литературы находятся въ духовномъ родствѣ съ Пушкинскими стремленіями, отъ нихъ по прямой

линіи ведутъ свое начало. Въ Пушкинѣ надолго, если не навсегда, завершился, обрисовавшись широкимъ очеркомъ, весь нашъ душевный процессъ — и тайна этого процесса въ его слѣдующемъ, глубоко-душевномъ и благоухающемъ стихотвореніи:

Художникъ варваръ кистью сонной
 Картину генія чернитъ
 И свой рисунокъ беззаконный
 На ней безмысленно чертитъ.
 Но краски чуждыя съ лѣтами
 Спадаютъ ветхой чешуей,
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней чистотой.
 Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Этотъ процессъ со всѣми нами въ отдѣльности и съ нашею общественною жизнью совершался и понынѣ совершается. Кто не видитъ могучихъ произрастаній типоваго, кореннаго, народнаго — того природа обдѣлила зрѣніемъ и вообще чутьемъ.

IV.

Случайно, или пожалуй и не случайно, наше славянское коренное и типовое есть вмѣстѣ и наиболѣе удобная подкладка для истинно-человѣческаго, т. е. христіанскаго — но только подкладка, не болѣе. И таковою подкладкой является оно вслѣдствіе своихъ отрицательныхъ качествъ, страдательныхъ съ одной стороны, критическихъ съ другой. Благодаря тѣмъ и другимъ, мы не можемъ долго и насильственно поддерживать въ себѣ поклоненія какому бы ни было человѣческому типу, какому бы ни было кумпру, изъ какого бы драгоценнаго металла или мрамора этотъ кумпръ ни былъ созданъ и какъ бы изящно онъ ни созданъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ во всякомъ типѣ мы видимъ и слабыя его стороны — и тотчасъ же относимся къ нимъ комически, какъ бы дурной типъ намъ ни былъ.

Въ этомъ-то отношеніи, въ цѣльной натурѣ Пушкина и въ ея борьбѣ съ различными, тревожившими ея и пережитыми ею типами — и заключается для насъ слово разгадки.... Повторяю еще разъ: Пушкинъ все наше переживалъ, (разумѣется, только какъ поэтъ, въ благоуханіи) отъ любви къ загнанной старинѣ («Родословная моего героя») до сочувствій реформѣ («Мѣдный всадникъ»), отъ нашихъ страстныхъ увлеченій эгоистически-обаятельными идеалами, до смиреннаго служенія Савелья («Капитанская дочка»), отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды «матери пустыни» и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія и весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита, — смерть, которая унесла его столь же преждевременно какъ братьевъ его по духу, такихъ же набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, Рафаэля Санціо и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все, разметывающееся въ ширину и коренится какъ дубъ односторонняя глубина....

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, но одними очерками обозначенные идеалы, и такая-то натура была у Пушкина. Онъ наше все — не устану повторять я, не устану *во первыхъ* потому, что находятся въ наше время критики, даже *историки* литературы, которые, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, объявляютъ, что Пушкинъ умеръ весьма кстати, ибо иначе не сталъ бы въ уровень съ современнымъ движеніемъ и пережилъ бы самого себя, — *во вторыхъ* потому, что есть мыслители, не подобнымъ критикамъ и историкамъ чета, а достойные уваженія по честности и серьезности взгляда, которые къ Пушкину находятся немного въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находились Пуритане къ Шекспиру — и наконецъ потому, что многіе блестящіе и проницательные умы, сознавая великое значеніе въ нашей жизни Пушкина, какъ воспитателя художественнаго, не обращаютъ вниманія на его нравственно-общественное для насъ значеніе, на то, что въ немъ крайнія, хотя только обрисованныя, набросанныя опредѣленія всѣхъ на-

шихъ сочувствій, что во всей современной литературѣ нѣтъ ничего истинно замѣчательнаго и правильнаго, что бы, въ зародышѣ своемъ не находилось у Пушкина.

Объ этомъ я буду говорить въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.... Здѣсь позволю себѣ замѣтить только, что всѣ простыя, не преувеличенныя юмористически и не идеализированныя трагически отношенія литературы къ окружающей дѣйствительности и къ рускому быту — по прямой линіи ведутъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же душевное состояніе выразилъ намъ поэтъ въ этомъ типѣ и каково его собственно душевное отношеніе къ этому типу, влѣзая въ кожу, принимая взглядъ котораго, и онъ рассказываетъ намъ столь многія добродушныя исторіи, между прочимъ лѣтопись села Горохина и семейную хронику Гриневыхъ, эту родоначальницу всѣхъ теперешнихъ «семейныхъ хроникъ?»

Помните ли вы, мои читатели, мѣсто въ отрывкахъ главы, не вошедшей въ поэму объ Онѣгинѣ, и нѣкогда предназначавшейся на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновения съ русской жизнію и русской землею, какъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія строфы, — привести эту праздную, тяготящуюся собою жизнь на разные очныя ставки съ дѣятельною, суетливо-хлопочущею жизнію?... Эти отрывки, хотя они и отрывки, но весьма значительны.

Дѣло объѣзжать Россію и сталкиваться съ различными слоями ея жизни, Пушкинъ поручилъ потомъ не Онѣгину а извѣстному «плутоватому человѣку» Павлу Ивановичу Чичикову (Гоголь самъ говоритъ, что идея «мертвыхъ душъ» дана ему Пушкинымъ), — но между тѣмъ, въ этихъ отрывочныхъ строфахъ, Онѣгинъ является для насъ съ новой стороны, какъ лице, которому, не смотря на всю прожитую бурно жизнь, все таки некуда дѣвать здоровья и жизни:

За чѣмъ какъ Тульской засѣдатель,

Я не лежу въ параличѣ?

За чѣмъ не чувствую въ плечѣ

Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка....
 Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Да! тоскою о томъ, что много еще силъ, много здоровья и крѣпости жизни — долженъ кончить Онѣгинъ, какъ отраженіе извѣстной минуты душевнаго процесса — но не тоскою одной кончаетъ живая, многообъемлющая натура самаго поэта:

Порой дождливою наемдн
 Я, завернувъ на скотный дворъ....
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бакчисарая,
 Такія ль мысли мнѣ на умъ
 Вводилъ твой безконечный шумъ?

Эта выходка поэта — негодованіе на прозаизмъ и мелочность окружающей его обстановки, но вмѣстѣ и невольное сознаніе того, что этотъ прозаизмъ имѣетъ неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался какъ отсадокъ послѣ всего броженія, послѣ всѣхъ напряженій, послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ окамениться въ Байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственной душою и негодованіе на то, что послѣ борьбы остался именно такой отсадокъ — одинаково знаменательны:

Какія бь чувства ни таились
 Тогда во мнѣ, — теперь ихъ нѣтъ:
 Онѣ прошли иль измѣнились,
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны ✕
 Пустыни, водъ края жемчужны
 И моря шумъ и груды скалъ,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безыменныя страданья....
 ✕ Другіе дни, другіе сны!
 Смпрились вы моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
 И въ поэтическій бокаль
 Воды я много подмѣшалъ.
 Иныя нужны мнѣ картины;

Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи,
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ;
 Раздолье утокъ молодыхъ....
 Теперь мила мнѣ базалайка,
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака;
 Мой идеаль теперь — хозяйка,
 Мои желанія — покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой...!

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ, негодованія и желанія набросить на картину колоритъ самый сѣрый съ невольной любовію къ картинѣ, съ чувствомъ ся особенной, самобытной красоты! Эти строфы — ключъ къ самому Пушкину и къ нашей русской натурѣ вообще, ключъ, гораздо болѣе важный чѣмъ *принципы* г. NN или г. ZZ.... Это чувство есть наше типовое.... Оно только что очнулось отъ тревожно-лихорадочнаго сна, только что вырвалось изъ кипящаго, страшнаго омута, оглядывается на божій свѣтъ, встряхиваетъ кудрями, чувствуетъ что и все вокругъ его то же, такое же какъ было до сна, и само оно то же, тѣкое же какъ было до борьбы съ призраками и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводными чудовищами...

Но кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознание видѣло такіе сны и образы ихъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними или, лучше сказать, мѣряться съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя. Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и, какъ же, испытавши столько, оно опять видитъ предъ собою прежнюю обстановку?... Вѣдь въ борьбѣ, хотя и призрачной *) оно узнало само себя,

*) Замѣчательно, что Марлинскій, этотъ огромный талантъ допотопной формации, оканчиваетъ свою повѣсть: «Страшное гаданье» мыслію — что призрачный міръ, если только онъ глубоко воспринятъ душой, оставляетъ въ ней такой же слѣдъ, какъ и міръ дѣйствительный.

узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы ни была эта другая сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ — оно разъяснило себя въ чуждой обстановкѣ, т. е. пусть на первый разъ мѣра силъ познана въ примѣркѣ къ чужому, для нихъ призрачному,—да силы то ужъ себя знаютъ и знаютъ уже кромѣ того, что имъ мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности.

А между тѣмъ и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ тѣнями, силы чувствовали минутами припадки непонятнаго влеченія къ этой самой, по видимому столь узкой и скудной обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодование силъ, извѣдавшихъ уже «добрая и злая», — выразившись у Пушкина въ вышеприведенныхъ строфахъ, еще сильнѣй отразилось въ стихотвореніи, которое онъ самъ называлъ «капризомъ».

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой
и отъ котораго пошло въ нашей литературѣ столько стихотвореній — и Лермонтовскихъ, и Огаревскихъ и Некрасовскихъ.... Но у Пушкина негодование перешло въ серьезную мужескую думу о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и къ міру дѣйствительному.

Въ тѣ дни, когда муза, по словамъ его, услаждала ему

Путь нѣмой

Волшебствомъ тайнаго разсказа

когда.... но, пусть лучше говоритъ онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа

Она Ленорой при лунѣ

Со мной скакала на конѣ....

Какъ часто по брегамъ Тавриды,

Она меня во мглѣ ночной

Водила слушать шумъ морской

Немолчный шопоть Неренды,

Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,

Хвалебный гимнь Отцу міровъ.

Въ эти дни молодаго и кипучаго вдохновенія, великая натура мѣряла свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣ-

тѣла даннымъ и готовымъ, подвергаясь равномерно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ. Оказалось *во первыхъ*, что на «вся добрая и злая» — у нея есть удивительная отзывчивость; *во вторыхъ*, что эта отзывчивость не можетъ остановиться на среднемъ пути, а ведетъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ и *съ третьихъ* наконецъ, что все таки не можетъ оно перестать любить своего тивоваго, не можетъ не искать его и не можетъ забыть своей почвы.... Эта любовь скажется то радостію «замѣтить разность» между Онѣгинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ «пѣсенъ въ двадцать пять» съ мирнымъ, семейнымъ характеромъ.... мало ли чѣмъ наконецъ? — записываніемъ сказокъ старой няньки или анекдотовъ о старинѣ!...

Когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самаго себя въ очевидность всѣ эти, повидимому совершенно противоположныя явленія, совершавшіяся въ его собственной натурѣ, — то, прежде всего правдивый и искренній, онъ умалилъ себя, когда-то Гирея, плѣнника, Алеко до образа Ивана Петровича Бѣлкина.... Я говорю: умалилъ себя, а не поставилъ въ надлежащія границы, ибо трудно представить себѣ дѣйствительно Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, натуру, которая и прежде мѣрялась, да и не переставала мѣряться силами съ самыми могучими типами, ибо въ то же самое время геній поэта прощкалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно жаждущую жизни натуру Донъ Жуана — стало быть вовсе не сосредоточивалась исключительно въ существованіи Бѣлкина.

Въ этомъ типѣ узаконивалось и притомъ только на время, только отрицательно, критически, чисто типовая сторона. Въ существованіе Бѣлкина пошелъ только критическій отсaddockъ борьбы, а отнюдь не вся личность поэта, — ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отречься отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противузаконными, — какъ это готовы дѣлать иногда мы. Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, — а просто критическая сторона души, ибо иначе, откуда взялась бы въ душѣ поэта другая сторона ея, сторона широкихъ и пламенныхъ сочувствій.

Недавно — года два тому назадъ, одинъ критикъ, разби-

рая «Семейную хронику» Аксакова и повергая къ ея подножию всю русскую литературу, упрекалъ Лермонтова въ маломъ уваженіи его къ личности Максима Максимыча. Но мы были бы народъ весьма не щедро надѣленный природою, если бы героями нашими были Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ и Максимъ Максимычъ. Тотъ и другой вовсе не герои, а только контрасты типовъ, которыхъ величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ.

Что такое Пушкинскій Бѣлкинъ, тотъ Бѣлкинъ, который плачется въ повѣстяхъ Тургенева о томъ, что онъ вѣчный Бѣлкинъ, что онъ принадлежитъ къ числу «лишнихъ людей», или «куцыхъ», — которому въ Писемскомъ смерть хотѣлось бы, но совершенно тщетно — посмѣяться надъ блестящимъ и страстнымъ типомъ, котораго хочетъ не въ мѣру и насильственно поэтизировать Толстой и предъ которымъ, даже Петръ Ильичъ драмы Островскаго: «Не такъ живи какъ хочется», — смиряется.... по крайней мѣрѣ до новой масляницы и до новой Груши?

Бѣлкинъ Пушкинскій есть простой здравый толкъ и здоровое чувство, кроткое и смиренное, — вопіющій законно противъ злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать: стало быть начало только отрицательное, — правое только какъ отрицательное, ибо, предоставьте его самому себѣ — оно перейдетъ въ застой, мертвящую лѣнь, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у Пушкина — вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ и съ его взглядомъ на жизнь.... Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, ошеломленный его мрачной сосредоточенностію въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, — онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать: только въ наше время, въ повѣстяхъ Толстаго дошелъ онъ анализомъ до предположенія, что такихъ людей, какъ Сильвіо, не бываетъ. У Пушкина онъ знаетъ только, что самъ онъ вовсе не Сильвіо и боится этого типа. «Нѣтъ ужъ» — говоритъ онъ — «лучше пойду я къ людямъ попроче и первый опускается въ простые и, такъ называемые низшіе слои жизни. Въ «Гробов-

щкѣ» — зерно всѣхъ нашихъ теперешнихъ отношеній въ этихъ слояхъ жизни, а въ «Станціономъ Смотрителѣ» зерно всей натуральной школы.

Но съ этой жизнію попроще, куда онъ хочетъ спуститься, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой какимъ образованіемъ, а главное, онъ уже смотритъ на нее съ высотыэтого кой-какого образованія.

Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя обязаннымъ по своему образованію смотрѣть какъ на нѣчто себѣ чуждое, на то, съ чѣмъ у него гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ приобрѣтенными имъ вершушками образованности— является необыкновенно ярко въ лицѣ Бѣлкина, автора «Лѣтописи села Горохина».... Эта лѣтопись — тончайшая и вмѣстѣ добродушно — поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковой полосой нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностію, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности.... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши прошлые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы

Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы.

то фразами, какъ напимѣръ, «Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами», или «отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной», — по удивительному поэтическому предвѣденію, скрыты такъ же какъ и всѣ теперешнія наши отношенія къ дѣйствительности.

И вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ гениальныхъ страницахъ — бездна самой безощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ обязанностію писать съ важностію древнихъ историковъ о странѣ, называемой Горохинымъ, и живописуетъ вычурнымъ тономъ нравы ея обитателей, — откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно правяльное къ нимъ отношеніе?... О сказки Ирины Родіоновны, — пробивавшіяся въ натурѣ нашего

поэта сквозь всё искусственные произрастания, — вы хранили такую свѣжую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по-французски барича, — что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословеніемъ, забывши разные принципы, сознательнымъ проведеніемъ которыхъ гг. NN, ZZ и иные, стоятъ *якобы* выше Пушкина и Гоголя!

Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, и, въ настоящую минуту, литература наша развиваетъ только его задачи — въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ «Капитанской дочкѣ» хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и «хронику семейства Багровыхъ» — Бѣлкинъ и у Тургенева и у Писемскаго, Бѣлкинъ отчасти и у Толстаго — ибо Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грѣзились ей различные міры.

Но чтобы понять Бѣлкина и оцѣнить его не выше, ни ниже того, чего онъ дѣйствительно стоитъ, т. е. чтобы разяснить себѣ эту критическую сторону нашей души — должно по пристальнѣе взглядѣться и въ тотъ нестрѣй сонъ, въ которомъ душа наша осваивалась съ многообразными мірами, предъ ней мелькавшими, боролась съ многими для нея обаятельными призраками. Въ отношеніяхъ, хотя и напряженныхъ къ этимъ призракамъ — сказались однако существенныя свойства нашей души, ея сочувствія или вражды, широта ея захвата, предѣлы ея снѣ: это были пробы ея самостоятельной жизни.

Если бы начать донскиваться, какіе *принципы* руководили Пушкина въ созданіи лицъ Плѣбника, Гирся, Алеко, Сильвіо, Гусманна — то можно было бы дойти только до обвиненія его въ томъ, что герои его—уголовные преступники или до противоположныхъ негѣпостей. Ни къ чему иному исцанье *принциповъ* обыкновенно не приводитъ, да и привести не можетъ. Не мудрено отыскать принципы въ *обличительной* и *полезной* литературѣ, но

Позабывъ свое служенье,
Олтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

хотя съ другой стороны — великіе жрецы и не суть жрецы какого-то отвлеченнаго отъ жизни, безсѣменнаго и бесплоднаго искусства.

Живое созданіе не укладывается въ тѣсныя рамки, назначаемыя принципами — какъ и жизнь сама въ нихъ не укладывается. Жизнь весьма часто пронически смѣется надъ самыми вѣрными принципами, которыми хотятъ ее опредѣлить. Вдругъ порою покажетъ она нежданно-негаданно такія силы, которыя способны создавать новые міры, когда вы думаете, что совершенно вызнали ея ходъ, что проникли ея тайную думу — когда вы увѣрены, что она вотъ такъ и будетъ двигаться по предъузнанному вами направленію!

V.

Въ ту же эпоху, съ которой я начинаю свое обозрѣніе, впервые появилась въ печати безсмертная комедія Грибоѣдова, и вотъ что писалъ о ней Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ.»

«Грибоѣдова комедія или драма (я не совсѣмъ хорошо понимаю различіе между этими словами, значеніе же слова *трагедія*, совсѣмъ не понимаю) давно ходила въ рукописи. О Грибоѣдовѣ, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ; ему завидовали нѣкоторые наши геніи, въ то же время удивлявшіеся «Ябедѣ» Капниста; ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, которые удивлялись гг. АВ, СD, ЕF. Но публика разсудила иначе: еще до печати и представленія, рукописная комедія Грибоѣдова разлилась по Россіи бурнымъ потокомъ.

Комедія, по моему мнѣнію, есть такая же драма, какъ и то, что обыкновенно называется *трагедією*; ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчій съ идеей жизни; ея элементъ есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ, изъ одного желанія позубоскалить, нѣтъ: ея элементъ есть этотъ желчный *гуморъ*, это грозное негодованіе, которое не улыбается шутливо, а хочеть яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграммами, а сарказмами. Комедія Грибоѣдова есть истинная *Divina comedia*! Это совсѣмъ не смѣшной

анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются *Добряковыми*, *Плутоватыными*, *Обдираловыми* и проч.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія «Горя отъ Ума» и, однакожь, вы удивляетесь нѣ какъ какъ явленіямъ, совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтического вымысла! Люди, созданные *Грибоедовымъ*, сняты съ природы во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, но они заклеены печатью своего ничтожества, заклеены мстительною рукою палача-художника. Каждый стихъ Грибоедова есть сарказмъ, вырвавшийся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть, *par excellence*, разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ *Грибоедовъ* умѣлъ переложить на стихи разговоръ нашего общества; безъ всякаго сомнѣнія, это не стоило ему ни малѣйшаго труда, и тѣмъ не менѣе, это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ.... Но я уже обѣщался не говорить о нашихъ комикахъ.... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта *Грибоедова*, первою русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, гениальнымъ произведеніемъ и не въ русской литературѣ, которая въ *Грибоедовѣ* лишилась *Шекспира* комедій.»

Замѣчательна опять въ этой юношеской страницѣ, удивительная вѣрность *основъ* взгляда. Впослѣдствіи, великій критикъ, поддавшись новымъ и сильнымъ увлеченіямъ, пзмѣнилъ во многомъ этому взгляду, уступивши неволью и бессознательно различнымъ воплямъ, до того могущественнымъ, что и доселѣ еще вопросъ о комедіи Грибоедова пмн запутанъ. Но въ сущности, этотъ вопросъ распутывается весьма просто. Комедія Грибоедова есть единственное произведеніе, представляющее художественно сферу нашего, такъ называемаго, свѣтскаго быта, а съ другой стороны, Чац-

кѣй Грибоѣдова есть единственное, истинно героическое лице нашей литературы.... Постараюсь пояснить два этихъ положенія. Всякій разъ, когда великое дарованіе, носитъ ли оно имя Гоголя или имя Островскаго, откроетъ новую руду общественной жизни и начнетъ увѣковѣчивать ея типы (Гоголь типы малороссійскіе, Островскій типы великорусскіе), всякій разъ въ читающей публикѣ, а иногда даже и въ критикѣ (къ большому, впрочемъ, стыду сей послѣдней) слышатся возгласы о низменности избранной поэтомъ среды жизни, объ односторонности направленія и т. п. — всякій разъ высказываются наивнѣйшія ожиданія, что вотъ-вотъ явится писатель, который представитъ намъ типы и отношенія изъ высшихъ слоевъ жизни. Ни мѣщанская часть публики, ни мѣщанское направленіе критики, въ которыхъ слышатся подобныя возгласы и которые живутъ подобными ожиданіями, не подозрѣваютъ въ наивности своей, что если только какой либо слой общественной жизни выдается своими типами, если отношенія, его отличающія, стоятъ на одномъ изъ первыхъ плановъ въ движущейся картинѣ жизни народнаго организма, то искусство неминуемо отразитъ и увѣковѣчитъ его типы, анализируетъ и осмыслитъ его отношенія. Великая истина Шеллинизма, что «гдѣ жизнь, тамъ и поэзія», истина, которую проповѣдывалъ нѣкогда такъ блистательно нашъ глубокомысленный Надеждинъ, какъ-то не дается до сихъ поръ въ руки ни нашей публикѣ, ни нѣкоторымъ направленіямъ нашей критики. Эта истина или вовсе не понята или понята очень поверхностно. Не все то есть жизнь, что называется жизнію, какъ не все то золото, что блеститъ. У поэзія вообще есть великое, только ей данное чутье на различеніе жизни настоящей отъ миражей жизни: явленія первой она увѣковѣчиваетъ, ибо онѣ суть типическія, имѣютъ корни и вѣтви: къ миражамъ она относится и можетъ относиться только комически, — да и комическаго отношенія удостоиваетъ она ихъ только тогда, когда они соприкасаются съ жизнію дѣйствительною. Какъ можетъ художество, имѣющее вѣчною задачею своею правду, и одну только правду, создавать образы, не имѣющіе существеннаго содержанія, анализировать такого ро-

Отд. II.

да исключительныя отношенія, которыхъ исключительность есть нѣчто произвольное, условное, натянутое?... Антояъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій или какой нибудь Китъ Китычъ Брусковъ суть лица, имѣющія свое собственное, имъ только свойственное, типическое существованіе, но какой нибудь Чельскій въ романѣ «Племянница», какой нибудь Сафьевъ въ повѣсти «Большой свѣтъ», взяты напрокатъ изъ другой, французской или англійской жизни. Пусть они въ такъ называемой великосвѣтской жизни и встрѣчаются, — да художеству-то нѣтъ до нихъ никакого дѣла, ибо художество не возсоздаетъ повтореній; а въ самомъ повтореніи, если таковое попадаетъ въ жизни, ищетъ чертъ существенныхъ, самостоятельныхъ. Такъ напримѣръ, если бы неминуемо пришлось искусству настоящему имѣть дѣло съ однимъ изъ упомянутыхъ мною героевъ, оно отыскало бы въ нихъ ту тонкую черту, которая отдѣляетъ эти коміи отъ французскихъ или англійскихъ оригиналовъ (какъ Гоголь отыскалъ тонкую черту, отдѣляющую художника Пискарева отъ художниковъ другихъ странъ, его жизнь отъ ихъ жизни), и на этой чертѣ основало бы свое созданіе: естественно, что созерцаніе вышло бы комическое, да инымъ оно и быть не можетъ, инымъ ему и не зачѣмъ быть! Художество есть дѣло серьезное, дѣло народное. Какая ему нужда до того, что въ извѣстномъ господинѣ или въ извѣстной госпожѣ развились чрезъ мѣру утонченныя потребности? Если онѣ комичны предъ судомъ христіанскаго и человѣчески-народнаго созерцанія — казни ихъ комизмомъ безъ всякаго милосердія, какъ казнить комизмомъ то, что стоятъ такой казни, Грибоѣдовъ, какъ казнить Гоголь Марью Александровну въ «Отрывкѣ», какъ казнить Островскій Мерича, Писемскій — т-ше Мамилову. Все, что само по себѣ глупо или безнравственно съ высшихъ точекъ самой жизни, колыми паче глупо и безнравственно предъ искусствомъ, да и знаетъ очень хорошо въ этомъ случаѣ свои задачи искусство: все глупое и безнравственное въ жизни оно казнить, какъ только глупое и безнравственное рельефно выставится на первый планъ.

Не за предметъ, а за отношеніе къ предмету долженъ быть хвалимъ или порицаемъ художникъ. Предметъ почти

что не зависеть даже отъ его выбора: вѣроятно, графъ Толстой, напримѣръ, болѣе всѣхъ другихъ былъ бы способенъ изображать великосвѣтскую сферу жизни и выполнять главныя ожиданія многихъ, страдающихъ тоскою по этимъ изображеніямъ, но высшія задачи таланта влекутъ его не къ этому дѣлу, а къ искреннѣйшему анализу души человѣческой.

Но прежде всего, что разумѣть подѣ сферой большаго свѣта? Принадлежатъ ли къ ней, напримѣръ, типы въ родѣ Фонвизинскихъ Сорванцевъ и княгини Халдиной, принадлежитъ ли къ ней весь міръ, созданный безсмертной комедіей Грибоѣдова? Почему жъ бы имъ, кажется, и не принадлежать? Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ

англійскаго клуба,

Старинный, вѣрный членъ до гроба

и находится въ извѣстномъ близкомъ отношеніи, можетъ быть даже родственномъ, съ «княгиней Марьей Алексѣвной», — Репетиловъ, безъ сомнѣнія, большой баринъ, хотя и промотавшійся баринъ; графиня Хрюмина и княгиня Тугоуховская, равно какъ и Фонвизинская княгиня Халдина, суть несомнѣнно лица, ведущія роды свои весьма издалика; а между тѣмъ, скажите-ко, что Фон-визинъ и Грибоѣдовъ изображали большой свѣтъ, — въ отвѣтъ вы получите презрительно-величавую улыбку!

Съ другой стороны, почему какой либо офицеръ Печоринъ у Лермонтова или офицеръ Сережа у графа Сологуба люди большаго свѣта и принадлежатъ несомнѣнно къ сферѣ этаго свѣта? Неужели отъ того только, что они принадлежатъ

Къ любимцамъ гвардіи, гвардейцамъ, гвардіонцамъ, о которыхъ съ такою досадою говоритъ Скалозубъ. Отъ чего несомнѣнно же принадлежитъ къ сферѣ большаго свѣта княгиня Лиговская, которая въ сущности есть та же Фонвизинская княгиня Халдина? Отъ чего несомнѣнно же принадлежатъ къ этой сферѣ всѣ скучныя лица скучныхъ романовъ г-жи Евгеніи Туръ? Явно, что не сфера родовыхъ преимуществъ, не сфера бюрократическихъ верхушекъ разумѣется въ жизни и въ литературѣ подѣ сферою большаго свѣта. Багровы, напримѣръ, никакъ уже не люди большаго свѣта, да едва

ли бы и захотѣли принадлежать къ нему. Фамусовъ и его міръ—не тотъ міръ, въ которомъ сіяетъ графиня Воротынская, въ которомъ проваливается Леонидъ и безнаказанно кобенится Сафьевъ и дѣйствуютъ въ такомъ же духѣ другіе герои графа Соллогуба или г-жи Евгеніи Туръ. Да ужъ полно, не воображаемый ли только этотъ міръ? спрашиваете вы себя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Не одна ли мечта литературы, мечта, основанная на двухъ, трехъ, много десяти домахъ въ той и другой столицѣ? Въ жизни вы встрѣчаете или міры, которыхъ существенные признаки сводятся къ чертамъ уважаемыхъ и любимыхъ вами Багровыхъ, или съ дикими и въ сущности всегда одинаковыми понятіями Фамусовыхъ и Гоголевской Марьи Александровны.

А между тѣмъ, въ мѣщанскихъ кругахъ общезитія и литературы (вотъ эти круги такъ ужъ несомнѣнно существуютъ) вы только и слышите что слова: большой свѣтъ, *comme il faut*, высокий тонъ. Вы подходите къ явленіямъ, на которыя мѣщанство указываетъ какъ на представителей того и другаго и третьяго — и простымъ глазомъ видите или Багровыхъ или міръ Фамусова; нервныхъ вы уважаете за возвышенность ихъ взгляда, хотя можете и не дѣлать съ ними нѣкоторой упорной ихъ закоренѣлости, — къ послѣднимъ и не можете и не должны отнестись иначе, какъ отпесся къ нимъ великій компкъ. Тотъ или другой міръ хотя и правда выдѣлать себя иногда на англійскій или французскій манеръ: по при великой способности къ выдѣлкѣ, въ русскомъ человѣкѣ совершенно недостаетъ выдержки. Какаянибудь блпстательная графиня Воротынская, того и гляди кончитъ какъ Грибоѣдовская Софья Павловна; какойнибудь князь Чельскій можетъ, съ *теченіемъ времени*, дойти до *метеорскаго* состоянія, хоть до легонькаго. Это и бываетъ зачастую. Одни Багровы останутся всегда себѣ вѣрными, потому что въ нихъ есть крѣпкія, коренныя, хотя и узкія начала.

Вотъ почему леденящій ироническій тонъ слышенъ во всемъ томъ, въ чемъ Пушкинъ касался такъ называемаго большаго свѣта, отъ Пиковой Дамы до Египетскихъ ночей и другихъ отрывковъ,—и вотъ почему никакой ироніи у него

не слышно въ изображеніяхъ старика Гринева и Кирилы Троекурова: иронія не приложима къ жизни, хотя бы жизнь и была груба до звѣрства. Иронія есть нѣчто не полное, состояніе духа несвободное, нѣсколько зависимое, слѣдствіе душевнаго раздвоенія, слѣдствіе такого состоянія души, въ которомъ и сознаешь ложь обстановки и давить вмѣстѣ съ тѣмъ обстановка, какъ давить она Пушкинскаго Чарскаго. Едва ли бы нашъ великій учитель и окончилъ когда нибудь эти многіе отрывки, оставшіеся намъ въ его сочиненіяхъ. Настоящій тонъ его свѣтлой души былъ не ироническій, а душевный и искренній.

Та же иронія, только ядовитѣе, злѣе и въ Лермонтовѣ. Когда Печоринъ замѣчаетъ въ книгѣ Лиговской склонность къ двусмысленнымъ анекдотамъ, — передъ зрителемъ поднимается задняя занавѣсъ и за этой занавѣсью открывается давно знакомый міръ, міръ Фонвизинскій и Грибоедовскій. И поднимать эту занавѣсъ есть настоящее дѣло серьезной литературы. Ее поднимаетъ даже и графъ Сологубъ, какъ писатель, все таки весьма даровитый, но поднимаетъ какъ то невзначай, безъ убѣжденія, тотчасъ же опять и опуская ее, тотчасъ же опять вѣря и желая другихъ заставить вѣрить въ свою кукольную комедію. Въ его «Львѣ», напримѣръ, есть страница, гдѣ онъ очень смѣло приступаетъ къ поднятію задней занавѣси, гдѣ онъ прямо говоритъ о томъ, что за выдѣланными, взятыми на прокатъ формами большаго свѣта, кроются часто черты совершенно простыя, даже пошлыя, — но вся бѣда въ томъ, что только эти черты кажутся ему пошлыми, тогда какъ выдѣланныя гораздо пошлѣе. Возьмемъ самый крайній случай: положимъ, что подкладка (тщательно скрытая) какого нибудь свѣтскаго господина, усвоившаго себѣ и англійскій флегматизмъ и французскую наглость, есть просто натура избалованнаго барченка, или положимъ, что одна изъ блестящихъ героинь графа Сологуба, въ родѣ графини Воротиной, вся *сдѣланная*, вся воздушная — наединѣ съ своей горничной выскажетъ тоже натуру обыкновенной и по русски избалованной барыни, — настоящая натура героя или героини, все таки лучше (пожалуй хоть только въ художе-

ственномъ смыслѣ) ея или его *дѣланной* натуры; ужъ потому только, что дѣланная натура есть всегда повторенная.

Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ нашихъ писателей, принимавшихся за сферу большаго свѣта, одинъ только художникъ сумѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія — Грибоѣдовъ. Его Чацкій былъ, есть и долго будетъ непонять — именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую называлъ я однажды и называлъ кажется справедливо: *болѣзнію моральнаго лакейства*. Болѣзнь эта выражалась въ различныхъ симптомахъ — но источникъ ея былъ всегда одинъ: преувеличеніе призрачныхъ явленій, обобщеніе частныхъ фактовъ. Отъ этой болѣзни былъ совершенно свободенъ Грибоѣдовъ, — отъ этой болѣзни свободенъ Толстой, — но, хотя это и страшно сказать, — отъ нея не былъ свободенъ Лермонтовъ. Возвышенная натура Чацкаго, который ненавидитъ ложь, зло и тупоуміе какъ челоуѣкъ вообще, а не какъ условный *порядочный* челоуѣкъ и смѣло обличаетъ всякую гадость, хотя бы его и не слушали: менѣе сильная, но не менѣе честная личность героя «Юности», который, при встрѣчѣ съ кружкомъ умныхъ и энергическихъ, хотя и не порядочныхъ, хоть даже и пьющихъ молодыхъ людей, вдругъ сознаетъ всю свою мелочность предъ ними и въ нравственномъ и въ умственномъ развитіи, явленія, смѣю сказать болѣе жизненныя, т. е. болѣе идеальныя, нежели натура господина, который изъ какого-то условнаго, натянутаго взгляда на жизнь и отношенія, едва подаетъ руку Максиму Максимычу, хотя и дѣлалъ съ нимъ когда-то радость и горе! Будетъ ужъ намъ подобныя явленія считать за живыя и пора отречься отъ дикаго мнѣнія, что Чацкій — Донъ Кихоть. Пора намъ убраться въ противномъ, т. е. въ томъ, что наши львы, фешенебли какъ взятые на прокатъ — Донъ Кихоты; что собственная, тщательно ими скрываема я натура ихъ самихъ и добрѣе и лучше той, которую берутъ они займы.

Самое представленіе о сферѣ большаго свѣта, какъ о чемъ-то давящемъ, гнетущемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельнымъ, — родилось не въ жизни, а въ литературѣ и литературоу взято на прокатъ изъ Франціи и Англии. *Звонкіе*,

Грешины и *Лидины*, являвшіеся въ повѣстяхъ Марлинскаго, конечно очень смѣшны, но графы Слапачинскіе, Гг. Бондаревскіе и иные—даже самые Печорины, съ тѣхъ поръ, какъ Печоринъ появился во множествѣ экземпляровъ, смѣшны точно такъ же, если не больше! Серьезной литературѣ до нихъ еще меньше дѣла, чѣмъ до Звонскихъ, Гремныхъ и Лидиныхъ. Въ нихъ нельзя ничего принимать взаправду, а изображать ихъ такими, какими они кажутся, значить только угождать мѣщанской части публики, той самой «ки э каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ» и вздыхаетъ о вечерахъ графини Воротынской.

Другое отношеніе возможно еще къ сферѣ большаго свѣта и выразилось въ литературѣ — желчное раздраженіе. Имъ проникнуты напримѣръ повѣсти Н. Ф. Павлова, въ особенности его «Милліонъ» — но и это отношеніе есть точно такъ же слѣдствіе преувеличенія и обличало недостатокъ сознанія собственнаго достоинства. Это-крайность, которая, того и гляди, перейдетъ въ другую противоположную; борьба съ призракомъ, созданнымъ не жизнію, а Бальзакомъ, борьба и утомительная и бесплодная; хожденіе на муху съ обухомъ.

Рѣшительно можно сказать, что представленіе о большемъ свѣтѣ не есть ничто рожденное въ нашей литературѣ, а напротивъ занятое ею и притомъ занятое не у Англичанъ, а у Французовъ. Оно явилось не ранѣе тридцатыхъ годовъ, не ранѣе и не позднѣе Бальзака. Прежде, общественные слои представлялись въ иномъ видѣ простому, ничѣмъ не помраченному взгляду нашихъ писателей. Фон-визинъ, человекъ высшаго общества, не видитъ ничего грандіознаго и поэтическаго — не говорю уже въ своей *Совѣтницѣ* или въ своемъ *Ивануцкѣ* (къ бюрократіи и наша современная литература умѣла относиться комически), но въ своей *княгинѣ Халдиной* и въ своемъ *Сорванцевѣ*—хотя и та и другой, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ числу *des gens comme il faut* ихъ времени: сатирическая литература временъ Фон-визина (и до него) казнить невѣжество барства, но не видитъ никакого особаго *comme il faut*'наго міра, живущаго какъ *status in statu* по особеннымъ, ему свойствен-

нымъ, имъ и другимъ признаваемымъ законамъ. Грибоѣдовъ казнить невѣжество и хамство, но казнить ихъ не во имя сошме il faut'наго условнаго идеала, а во имя высшихъ законовъ христіанскаго и человѣчески-народнаго взгляда. Фигуру своего борца, своего Яфета, Чацкаго, онъ отѣнилъ фигурою хама Репетилова, не говоря уже о хамѣ Фамусовѣ и хамѣ Молчаливѣ. Вся комедія есть комедія о хамствѣ, къ которому равнодушнаго или даже нѣсколько боѣе спокойнаго отношенія незаконно и требовать отъ такой возвышенной натуры, какова натура Чацкаго. Говорятъ обыкновенно, что *свѣтскій* человѣкъ въ *свѣтскомъ* обществѣ, во первыхъ *не позволитъ* себѣ говорить того, что говоритъ Чацкій, а во вторыхъ *не станетъ* сражаться съ вѣтренными мельницами, проповѣдывать Фамусовымъ, Молчаливымъ и инымъ. Да съ чего вы взяли, господа, говорящіе, такъ — что Чацкій *свѣтскій* человѣкъ, въ вашемъ смыслѣ, что Чацкій похожъ сколько нибудь на разныхъ князей Чельскихъ, графовъ Слупачинскихъ, графовъ Воротынскихъ, которыхъ вы напустили впоследствии въ литературу съ легкой руки французскихъ романистовъ? Онъ столько же не похожъ на нихъ, сколько не похожъ на Звонскихъ, Греминыхъ и Лидныхъ. Въ Чацкомъ только правдивая натура, которая никакой мерзости не спуститъ — вотъ и все: и позволить онъ себѣ все, что позволить себѣ его правдивая натура. А что правдивыя натуры есть и были въ жизни — вотъ вамъ на лице доказательства: старикъ Гриневъ, старикъ Багровъ, старикъ Дубровскій. Такую же натуру наследоваль должно быть если не отъ отца, то отъ дѣда или прадѣда Александръ Андреевичъ Чацкій. Другой вопросъ, *сталъ* ли бы Чацкій говорить такъ съ людьми, которыхъ онъ презираетъ?... А вы забываете при этомъ вопросѣ, что Фамусовъ, на котораго изливаетъ онъ «всю желчь и всю досаду», для него не просто такое-то или такое-то лице, а живое воспоминаніе дѣтства, «когда его возили на поклонъ» къ господину, который согналъ на многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ, отторженныхъ дѣтей.

А вы забываете, какая сладость есть для энергической души въ томъ, чтобы, по слову другаго поэта

тревожить язвы старых ранъ!

или

смутить веселье ихъ

И дерзко бросить имъ въ лице желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Успокойтесь: Чацкій менѣе чѣмъ вы сами; вѣрить въ пользу своей проповѣди, но въ немъ желчь накипѣла, въ немъ чувство прагды оскорблено. А онъ еще кромѣ того влюбленъ: знаете ли вы, какъ любятъ такіе люди? Не эту подлюю (извините за прямоту выраженія) и недостойною мужичны любовью, которая поглощаетъ все существованіе въ мысль о любимомъ предметѣ и приноситъ въ жертву этой мысли все, даже идею нравственного совершенствованія. Чацкій любитъ страстно, безумно и говоритъ правду Софьѣ, что

дышалъ я вами, жплъ, былъ занятъ непрерывно

но это значитъ только, что мысль о ней сливалась для него съ каждымъ благороднымъ помысломъ или дѣломъ чести и добра. Правду же говоритъ онъ, спрашивая ее о Молчалинѣ

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та

Чтобъ кромѣ васъ ему, міръ цѣлый

Казался прахъ и суета?

но подъ этою правдою кроется мечта о его Софьѣ, какъ способной понять, что «міръ цѣлый» есть «прахъ и суета», предъ идеей правды и добра или, по крайней мѣрѣ, способной *оцѣнить* это вѣрованіе въ любимомъ ею человѣкѣ, способной любить за это человѣка. Такую только *идеальную* Софью онъ и любитъ: другой ему не надобно; другую онъ отринетъ и съ разбитымъ сердцемъ пойдетъ

искать по свѣту

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Посмотрите, съ какой глубокой психологической вѣрностию веденъ весь разговоръ Чацкаго съ Софьей въ III актѣ. Чацкій все допытывается, чѣмъ Молчалинъ его *выше* и *лучше*; онъ съ нимъ даже вступаетъ въ разговоръ, стараясь отыскать въ немъ

умъ бойкій, геній зрѣлый,

и все-таки не можетъ, не въ силахъ понять, что Софья любитъ Молчалина, именно за свойства, противоположныя свойствамъ его, Чацкаго, за свойства мелочныя и пошлыя (*подлыхъ* чертъ Молчалина она еще не видитъ). Только убѣдившись въ этомъ, онъ покидаетъ свою мечту — но покидаетъ какъ мужъ — безповоротно! — видитъ уже ясно и безтрепетно правду. Тогда онъ говоритъ ей:

Вы помиритеcь съ нимъ по размышленнѣ зрѣломъ.

Себя крушить! и для чего?

Вы можете его

Бранить и пеленать и посылать за дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женскихъ пажей

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Вы господа, считающіе Чацкаго Донъ-Кихотомъ, напираете въ особенности на монологъ, которымъ кончается III дѣйствіе? Но *во-первыхъ*, самъ поэтъ поставилъ здѣсь своего героя въ комическое положеніе — и оставаясь вѣрнымъ высокой психологической задачѣ, показалъ, какой комическій исходъ можетъ принять энергія несвоевременная; а *во-вторыхъ*, опять-таки, вы должно быть не вдумались въ то, какъ любить люди, подобные Чацкому, въ то, какъ вообще любятъ люди съ задатками даже *какой-нибудь* нравственной энергіи. Все, что говоритъ онъ въ этомъ монологе; онъ говоритъ для Софьи: всѣ силы души онъ собираетъ, всею натурою своей хочетъ раскрыться, все хочетъ передать ей разомъ, какъ въ «Доходномъ мѣстѣ», Жадовъ своей Полинь, въ послѣднія минуты своей, хотя и слабой (по его натурѣ), но благородной борьбы. Тутъ сказывается послѣдняя вѣра Чацкаго въ природу Софьи, (какъ у Жадова напротивъ, послѣдняя вѣра въ силу и дѣйствіе того, что считаетъ онъ своимъ убѣжденіемъ), тутъ для Чацкаго вопросъ о жизни или смерти цѣлой половины его нравственнаго бытія. Что этотъ личный вопросъ слился съ общественнымъ вопросомъ — это опять-таки вѣрно натурѣ героя, который является единственнымъ типомъ нравственной и мужеской борьбы въ той сферѣ жизни, которую избралъ поэтъ, — единственнымъ до сихъ поръ даже человѣкомъ съ плотію и кровію, посреди

всѣхъ этихъ князей Чельскихъ, графовъ Воротынскихъ и другихъ господъ, рассказывающихъ съ англійскою важно-стію по мечтательному міру нашей великосвѣтской литературы.

Да! Чацкій есть — повторяю опять, нашъ единственный герой, т. е. единственный положительно борющійся въ той средѣ, куда судьба и страсть его бросили. Другой отрицательно борющійся герой нашъ, явился въ неполномъ художественно, но глубоко прочувствованномъ образѣ господина, который 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ недослужилъ до пряжки. Но никакимъ образомъ уже Русская жизнь не признаетъ своимъ героемъ *длительнаго* господина Калиновича, въ «Тысяча душъ», Писемскаго, да мы желаемъ думать, что и самъ Писемскій не считаетъ его таковымъ.

VI.

Гоголь еще только что выступилъ тогда на литературное поприще. и не многіе понимали еще все его будущее великое значеніе для нашей литературы и нашей общественной жизни. Положительно можно сказать, что вполнѣ понимавшими громадность этого, тогда только что выступившаго таланта были *Пушкинъ*, благословившій его, какъ нѣкогда «старикъ Державинъ» благословилъ самого Пушкина — *Бѣлинскій* и *Плетневъ*.

«Г. Гоголь», говоритъ Бѣлинскій въ тѣхъ же «Литературныхъ мечтаніяхъ» — «принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому неизвѣстны его «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки»? Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности? Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя ему о себѣ надежды!»

Думалъ ли самъ критикъ, когда писалъ онъ эти немногія, но глубоко сочувственныя строки, о томъ, въ какой мѣрѣ суждено и осуществиться и потомъ разбиться его надеждамъ.... Разумѣется нѣтъ. Онъ шелъ потомъ съ Гоголемъ рука объ руку, толкуя, поясняя его, разливая на массу свѣтъ его высокихъ произведеній. Гоголь сталъ литературнымъ вѣрованіемъ Бѣлинскаго, и цѣлой эпохи — и,

здѣсь мѣсто опредѣлить свойства его великой художественной натуры, до минуты ея болѣзненнаго разложенія — ибо этими свойствами опредѣляются и степень и значеніе вліянія его на всю послѣдующую эпоху литературнаго движенія.

Всякое дѣло получаетъ значеніе по плодамъ его и каковъ бы ни былъ талантъ поэта, одного только таланта, какъ таланта, еще недостаточно. Важное дѣло въ поэтѣ то, для чего у нѣмцевъ существуетъ общепонятный и общепотребительный терминъ *die Weltanschauung*, что у насъ *tant bien, que mal*, переводится міросозерцаніемъ.

Міросозерцаніе или проще, — взглядъ поэта на жизнь, не есть что либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Широта или узость міросозерцанія обуславливается эпохой, страной, однимъ словомъ временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Гениальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является, такъ сказать, фокусомъ, отражающимъ крайніе истинные предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю истинную степень развитія общественныхъ понятій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней, по слову Гоголя, въ «перль созданія», очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Гениальная натура носитъ въ себѣ какъ бы кладъ всего неперемѣннаго, что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но, отражая эти стремленія, она не служитъ имъ рабски, а владычествуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь.

Отношеніе такой гениальной натуры къ окружающей ее и отражающейся въ ея созданіяхъ дѣйствительности, только на первый взглядъ представляется иногда враждебнымъ. Вглядитесь глубже, и во враждѣ, въ желчномъ негодованіи уразумѣете вы любовь, только разумную, а не слѣпую; за мрачнымъ колоритомъ картины ясно будетъ сквозить для васъ сіяніе вѣчнаго идеала, и, къ изумленію вашему, нравственно выше, благороднѣе, чище выйдете вы изъ адскихъ терзаній Отелло, изъ безвыходныхъ мукъ моральнаго сез-

силія Гамлета, — изъ грязной тины мелкихъ гражданскихъ преступленій, раскрывающейся предъ вами въ Ревизорѣ, и пусть холодъ сжималъ ваше сердце при чтеніи «Шинеля», вы чувствуете, что этотъ холодъ освѣжилъ и отрезвилъ васъ, и нѣтъ въ вашемъ наслажденіи ничего судорожнаго, и на душѣ у васъ какъ-то торжественно. Міросозерцаніе поэта, невидимо присутствующее въ созданіи, привмирло васъ, уяснивши вамъ смѣслъ жизни. По этому-то, созданіе истиннаго художника въ высокой степени нравственно, не въ томъ конечно пошломъ и условномъ смѣслѣ, надъ которымъ по-дѣломъ смѣется нашъ вѣкъ: избави васъ небо отъ той нравственности, которая до сихъ поръ еще готова видѣть въ Пушкинѣ безнравственнаго поэта и въ герояхъ его уголовныхъ преступниковъ, которая до сихъ поръ еще не прощаетъ Мольеру его Тартюфа и доискивается атензма въ Шекспирѣ. Нѣтъ, созданіе истиннаго художника нравственно въ томъ смѣслѣ,—что оно живое созданіе. Оживите передъ вами лица Шекспировыхъ драмъ, обойдитесь съ ними, какъ съ живыми личностями, призовите ихъ вторично на судъ, и вы убѣдитесь, что Немезида, покаравшая или помиловавшая ихъ, полна любви и разума. Даже не нужно и убѣждаться въ томъ, что совершенно непосредственно сознается, осязательно чувствуется.

Въ сердцѣ у человѣка лежатъ простыя вѣчныя истины, и по преимуществу ясны онѣ истинно гениальной натурѣ. Отъ этого, и сущность міросозерцанія одинакова у всѣхъ истинныхъ представителей литературныхъ эпохъ, различенъ только цвѣтъ. Одну и ту же глубокую, живую вѣру и правду, — одно и то же тонкое чувство красоты и благоговѣнія къ ней, встрѣтите вы въ Шекспирѣ, въ Гоголѣ, въ Гѣте и въ Пушкинѣ, — та же самая нота звучитъ и въ напряженномъ паосѣ Гоголя, и въ мѣрно-ровномъ, блестящемъ теченіи творчества Гѣте и въ благоуханной простотѣ Пушкина и въ строго-безукоризненномъ величій Шекспира. Различіе можетъ быть только въ степени и въ цвѣтѣ чувствованія. Мы вѣримъ Гѣте, когда слышимъ изъ устъ его слово его жизни, спокойное и твердое слово юноши-старца:

Das Wahre war schon längst gefunden,
 Hat edle Geisterschaft verbunden;
 Das alte Wahre fass es an *)

и понимаемъ, что эта великая натура, вопреки воплямъ Менцелей и писку разныхъ насѣкомыхъ, отъ сердца сказала: «о высокихъ мысляхъ и чистомъ сердцѣ должны мы просить Бога». Мы вѣримъ Пушкину, когда говорить онъ намъ:

Но не хочу, о други умирать,
 Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
 И знаю, будутъ мнѣ минуты наслажденья
 Средь горестей, заботъ и тревоженья...

Мы, повсюду за живыми лицами Шекспировыхъ драмъ, сочувствуемъ великой мужеской личности самого творца и внимаемъ разумно-любовному слову жизни; мы слышимъ тоску по идеалѣ въ созданіяхъ Гоголя, все-равно, съ кѣмъ ни знакомишь онъ насъ, съ Тарасомъ ли Бульбой или съ Маняловымъ, съ Акакіемъ ли Акакіевичемъ, или съ ослѣпляющей, какъ молнія, красотой Аннунціаты. И какое таинственное чутье указываетъ гениальной натурѣ предѣлы въ созданіи, что охраняетъ ее отъ двухъ золъ: отъ рабской копировки явленій жизни и отъ ходульной идеализаціи, что заставляетъ ее остановиться во время, что наконецъ хранить въ ней самой такъ свято, такъ неприкосновенно, завѣщанное ей ея слово жизни?... Одна бы, кажется, недомолвка, — и Акакій Акакіевичъ поразилъ бы васъ не трагическимъ, а сантиментально-плаксивымъ впечатлѣніемъ; еще бы одна черта, — и «Миньона» Гёте стала бы фальшивой, хотя блестящей Эмеральдой; лишняя минута въ жизни Татьяны, или лишній порывъ въ простомъ разказѣ о «капитанской дочкѣ», и эти созданія потеряли бы свою недосыгаемую простоту; немного гуще краски въ изображеніи Офеліи или Дездемоны, — и гармонія, цѣлость, полнота Отелло и Гамлета были бы нарушены!

Истинный художникъ самъ вѣруетъ въ разумность создаваемой имъ жизни, свято дорожитъ правдою, и оттого

*) Отъ вѣка правда пребывала
 И лучшихъ всѣхъ соединяла.
 Наполни правдой старой грудь!

мы въ него вѣруемъ, и оттого въ прозрачномъ его произведеніи сквозитъ очевидно созерцаемый имъ идеаль: фигуры его рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгали изъ рамъ; за ними есть еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному, что ихъ самихъ связываетъ незримою связью съ безконечнымъ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Гоголь въ своемъ глубокомъ по смыслу «Портретѣ», предметы видимаго міра отразились сперва въ душѣ самого художника — и оттуда уже вышли не мертвыми сколками съ видимыхъ явленій, а живыми, самостоятельными созданіями, въ которыхъ, какъ Гоголь же говоритъ, «просвѣчиваетъ душа создавашаго.»

Гоголь, одна изъ такихъ предъизбранныхъ геніальныхъ натуръ, пояснилъ намъ отчасти процессъ такого изнутри выходящаго творчества. Вотъ это многознаменательное, хотя болѣзненное признаніе, подавшее поводъ въ свое время къ различнымъ толкамъ. Великій художникъ, яснѣе и враговъ своихъ и поклонниковъ, опредѣляетъ здѣсь и свойство и значеніе своего таланта и пружины своего творчества, и наконецъ даже свою историческую задачу. (Переп. съ друзьями, стр. 141).

«Герои мои», говоритъ Гоголь, «потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирали кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара *выставлять такъ ярко пошлость жизни*, уметь очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. *Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго нѣтъ у другихъ писателей.*»

Останавливаемся нѣсколько здѣсь, и замѣтимъ, что поэтъ напрасно боялся открыть это душевное обстоятельство. Оно, по нашему мнѣнію, относится не къ человѣку-Гоголю, а къ художнику, въ широкой натурѣ котораго заключены и

«добрая и злая». Гоголь, какъ художникъ, долженъ былъ быть таковымъ, чтобы сказать міру свое слово, и все, что говорить онъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, должно относиться къ художнику.

«И такъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство», продолжаетъ онъ, «но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

«Во мнѣ не было какого нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую нибудь картинную наружность, но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой по немногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. *Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу.* Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ, но лучшее изъ нихъ было *желаніе быть лучшимъ.* Я сталъ,» говоритъ далѣе поэтъ, «надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: *взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ,* старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, *чѣмъ ты попадаю.* Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего въ началѣ для меня самого, онъ бы точно содрогнулся.»

Здѣсь мы оставляемъ нравственную, лично-человѣческую сторону, забываемъ странное смѣшеніе признаній нравственныхъ съ эстетическими: беремъ эти мѣста какъ матеріалъ, бросающій ясный свѣтъ на процессъ художническаго творчества, о чемъ Гоголь, разумѣется, не думалъ въ своей странной книгѣ. Для насъ — это ключъ къ гениальной на-

турѣ и къ ея творчеству. Двѣ черты ярко обозначаются въ этомъ саморазложеніи: съ одной стороны природа многосторонняя, въ которой Божій міръ отражается со всѣмъ разнообразіемъ дурнаго и хорошаго, съ другой стороны, природа сосредоточенно-страстная, тонко чувствующая, болѣзненно-раздражительная. Эта сосредоточенная страстность, эта способность болѣзненно, т. е. слишкомъ чутко отзываться на все, и составляетъ, вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ къ идеалу, особенный цвѣтъ гоголевской гениальности. Гёте спокойно, ясно отражалъ въ себѣ дѣйствительность — и, столько же многообразная, но сангвиническая натура — отбрасывалъ ее отъ себя, какъ шелуху, высвобождаясь безпрестанно изъ-подъ ея вліянія, устанавливая въ себѣ одномъ центръ. Пушкинъ былъ чистымъ, возвышеннымъ и гармоническимъ эхомъ всего, все претворяя въ красоту и гармонію; — Шекспиръ постоянно носилъ въ себѣ свѣтлый характеръ Генриха V, и, какъ тотъ изъ отношеній съ Фольстафомъ, — выходилъ цѣль и съ яснымъ челомъ, съ вѣчнымъ сознаніемъ собственныхъ силъ, изъ мукъ Макбета, Отелло и Гамлета. Гоголю дано было всѣ язвы износить на себѣ и слѣды этихъ язвъ вѣчно въ себѣ оставить. — Натура холерически-меланхолическая, склонная къ безконечной вдумчивости, подверженная борьбѣ со всѣми темными началами, и между тѣмъ сама въ себѣ носящая залогъ спасенія, — «желаніе быть лучшимъ», стремленіе къ идеалу, стремленіе, обусловленное въ своей возможности той же страстностію и раздражительностію. Какъ до непомѣрно громадныхъ размѣровъ разрастаются въ этой душѣ различныя противорѣчія дѣйствительности, такъ отзывается же она и на красоту, истину и добро. Творецъ Акакія Акакіевича, съ тѣмъ вмѣстѣ и жарко чувствуетъ красоту Аннунціаты, хотя по особенному свойству таланта, не въ страхъ создать самъ живаго образа красоты. Въ одну изъ страшныхъ минутъ своей моральной жизни, эта великая натура высказала стонами и воплями свое отношеніе къ идеалу. «Зампраетъ отъ ужаса душа,» говоритъ поэтъ, какъ бы пожираемый огнемъ той таинственной любви, которая и свѣтитъ тихимъ свѣтомъ, и жжетъ пламенемъ

неугасимымъ, и поражаетъ какъ мечъ, обоюду острый, — при «одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь вами зримыхъ и васъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя неполнскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли «въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшница «отъ нихъ подымутся.»

Отношеніе подобной природы къ дѣйствительности, ее окружающей и ею отражаемой, выразилось, опять таки по ее же свойству въ юморъ и при томъ въ юморѣ страстномъ, гиперболическомъ. Историческая задача ея была: сказать, что «дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ,» «выставить пошлость пошлаго человѣка,» свести съ ходуль такъ называемаго *добродѣтельнаго* человѣка, уничтожить все фальшивое самообольщеніе, привести однимъ словомъ къ полному христіанскому сознанію, но спокойно, безстрастно она сдѣлать этого не могла. Двойкій путь предстоялъ художнику въ обращеніи съ этою дѣйствительностію: или дать волю собственному болѣзненному раздраженію и негодованію, или просто списывать. Ни того ни другаго Гоголь по натурѣ своей сдѣлать не могъ. Не могъ онъ холодно списывать, потому что самъ на себѣ носилъ язвы, имъ изображаемыя; не увлекся онъ и личною раздражительностію, потому что весь проникнутъ былъ желаніемъ усовершенствованія. Тѣ чудовища, которыя выливались по его признанію изъ-подъ пера его, для него были чудовищами, и явились на свѣтъ Божій въ произведеніяхъ другихъ, которые пошли по его пути, но не руководились его свѣтомъ, явились въ господиѣ Голядкинѣ, господиѣ Прохарчинѣ и другихъ, запечатлѣнныхъ, порою, высокою даровитостію, но явно болѣзненныхъ произведеніяхъ самаго блестящаго изъ представителей натуральной школы. Съ другой стороны и голая копия дѣйствительности выступила ярко во многихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ другая крайняя сторона того же Гоголя. Въ произведеніяхъ этихъ двухъ вѣтвей натуральной школы, безпорно, высказалось много таланта, но какъ въ болѣзненномъ до чудовищности юморѣ, подъ влія-

и́емъ котораго рождалсь различныя чудовища безъ формы и вида, съ одной громадной и вмѣстѣ мелочной претензіей личности, такъ и въ дагерротипномъ изображеніи различныхъ повседневныхъ явленій раздвоился полный и цѣльный Гоголь.

VII.

Гоголь впервые выступилъ на литературное поприще съ своими «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки.» Это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ, какъ юморъ народа; еще не слышать того грустнаго смѣха, который послѣ является единственнымъ честнымъ лицомъ въ произведеніяхъ Гоголя, и самое особенное свойство таланта поэта, «свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка,» выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, и легко и свѣтло отъ того на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самаго поэта: надъ нимъ какъ будто еще развернулось сплнмъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны. Здѣсь проявляется въ особенности необычайная тонкость его поэтическаго чувства. Можетъ быть ни одинъ писатель не одаренъ былъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигалъ такъ пластической красоты, красоты полной, «существующей для всѣхъ и каждаго,» никто наконецъ такъ не полною былъ сознанія о «прекрасномъ» физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому самому ни одинъ писатель не обдастъ души вашей такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разбираетъ человѣка.... Въ *Вечерахъ на хуторѣ*, еще не видать этого безпощаднаго анализа; юморъ еще только причудливо граціозенъ: въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленника, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Федоровича Шпоньки, въ которомъ таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Въ этомъ бытъ,

простомъ и вмѣстѣ поэтическомъ бытѣ Украйны, поэтъ еще видитъ свою красавицу *Оксану*, свою *Галю* — чудное существо, которое спитъ въ «божественную ночь. очаровательную ночь,» спитъ, распустивъ черныя косы, подъ Украинскимъ небомъ, когда на этомъ небѣ «серпомъ стоитъ мѣсяцъ;» тутъ все еще полно таинственнаго обаяннiя, и прозрачность озера и фантастическiя пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы — панночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А Сорочинская ярмарка съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскiе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ, эти Дантовскiе образы народныхъ преданiй? Все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чудно, какъ лепеть ребенка, какъ сказки старухи няни.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостiю художника, воссоздавая этотъ бытъ. Онъ кончилъ его апотеозу эпопеею о Тарасѣ Бульбѣ и легендой о Вiѣ, гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, и гдѣ между тѣмъ въ тоскѣ безысходной, въ замиранiи сердца, мчащагося съ вѣдьмою по безконечной степи философа Хомя Брута, слышится тоска самаго поэта и невольно переходитъ на читателя. Раздѣлавшись навсегда съ обаянiемъ своего роднаго края въ этой части своего «Миргорода», Гоголь уже взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, принялся было онъ чертить истинно челоѳическiя фигуры Афонасiя Ивановича и Пульхерiи Ивановны и остановился въ тяжеломъ раздумьѣ надъ страшнымъ трагическимъ *Fatum*, лежащимъ въ самой крѣпости, въ самой непосредственности ихъ отношенiя: съ гиперболически-веселымъ юморомъ изобразилъ безплоднаго существованiя Ивана Ивановича и Ивана Никиѳоровича, и, кончая свою картину, вынужденъ былъ воскликнуть: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Съ этой минуты онъ уже взялъ въ руки анатомическiй ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже «сквозь зримый міру смѣхъ незримыя слезы.» Но страшно ошиблись бы тѣ, которые въ этихъ слезахъ увидѣли бы только слезы негодованiя. Вездѣ Гоголя вы-

ручаетъ юморъ, и этотъ юморъ полонъ любви къ жизни и стремленія къ идеалу, вездѣ, однимъ словомъ, видѣнъ поэтъ, чуждый всякой задней мысли. Этотъ юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ «Носѣ», оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и вмѣстѣ съ тѣмъ все—въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія, и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію....

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и наконецъ въ Ревизорѣ, одинъ уже смѣхъ только выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе этой комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ, но въ массѣ тяжкихъ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностію передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и словно развороченная однимъ прикосновеніемъ нустаго проѣзжаго чиновника, этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона, глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую брентную удочку, — все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ еще удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ, или недобросовѣстности, озлобленной на русскую литературу вообще и на одного пзъ великихъ ея представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразности этого произшествія, вовсе не понимаютъ ни поэтической гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что чѣмъ пустѣе, чѣмъ глаже и безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ очевиднѣе комическая Немезида падъ беззаконіями города.

Мы сказали, что особенное свойство Гоголевскаго юмора обусловлено отношеніемъ природы его къ дѣйствительности. Съ одной стороны это натура, по признанію самого Гоголя,

многосторонняя и, стало быть, способная отражать въ себѣ дѣйствительность со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ея явленій, и при томъ, отражать ярко и цѣльно, — съ другой стороны, это — натура въ высшей степени страстная, на которую всѣ противорѣчія идеалу дѣйствуютъ болѣзненно. Руководи Гоголя только личное раздраженіе, будь оиъ, однимъ словомъ, не въ такой степени исполненъ чутья жизни, онъ былъ бы только великимъ лирикомъ-дидактикомъ; будь въ немъ меньше настоящаго стремленія къ идеалу, раздраженіе его противорѣчіями дѣйствительности отзывалось бы паоосомъ, нѣсколько натянутымъ. Вещи познаются по сравненію, и чтобы оцѣнить Гоголя, стоитъ только сравнить его произведенія съ другими, тоже талантливыми произведеніями. Есть, напримѣръ, на первый взглядъ, нѣчто общее между паоосомъ «Насмѣшки мертвеца», «Города безъ имени», «квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ», и другихъ произведеній талантливаго и мыслящаго кн. Одоевскаго, и паоосомъ «Невскаго Проспекта», «Записокъ сумасшедшаго», «Шинели», «Рима», но взгляните пристальнѣе, и вы увидите безконечную разницу, вслушайтесь внимательнѣе — и въ прекрасныхъ дидактическихъ разсказахъ Одоевскаго вы услышите только отрицательный паоосъ, паоосъ негодованія, пополамъ съ горькою процію Гамлета, съ улыбкою скорби скептика, съ неопредѣленными стремленіями мистика. Вы чувствуете, что вражда не осилила здѣсь дѣйствительности, не обладаетъ ею мужески, и только плачетъ надъ нею, только обѣщаетъ что-то лучшее въ туманной безграничной дали. Въ паоосѣ Гоголя и въ самыхъ капризныхъ причудахъ его юмора, вы чувствуете живое чутье къ жизни, любовь къ жизни; его идеалы красоты и правды существуютъ для него въ крѣпкихъ осязаемыхъ формахъ. — Съ другой стороны, сравните, напримѣръ, «Шинель» съ однородною почти съ нею по основнымъ мыслямъ, повѣстію даровитаго писателя Н. Ф. Павлова: «Демонъ». Сравните хоть сцену съ начальникомъ у того и другаго писателя! А между тѣмъ вы не можете не сознаться, читая «Демона», что талантъ тутъ явно присутствуетъ, что анализъ тутъ чрезвычайно глубокъ; можетъ быть даже отъ того это и дѣйствуетъ, что ана-

лизъ черезъ чуръ уже старается быть глубокимъ, что талантъ принимаетъ чудовища фантастически настроеннаго воображенія за дѣйствительныя, живыя созданія, и страданія бѣднаго Ивана Петровича, помѣшавшагося на мысли, что бѣдная жизнь заѣсть вѣкъ его хорошенькой половины, растутъ до невѣроятно колоссальныхъ размѣровъ, и странно то, что чѣмъ больше они стараются расти, тѣмъ меньше вы становитесь способны имъ сочувствовать, и весь паоосъ автора пропадаетъ задаромъ. Напротивъ, какъ просто сказано обхожденіе чиновниковъ съ Акакіемъ Акакіевичемъ и его горе при потерѣ шинели, а сердце ваше сжимается и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то упоеніи восторга наслаждаетесь вы этимъ вѣрнымъ, художественнымъ анализомъ. Мы не хотимъ сравнивать Гоголя съ позднѣйшими произведеніями школы, которая была представительницею крайности его болѣзненнаго юмора; мы не напоминаемъ этихъ страшныхъ, чудовищныхъ сновъ, гдѣ наконецъ самые сапоги получаютъ фізіономію и являются фантастическими существами. Возьмите, напримѣръ, двѣ повѣсти Гоголя, гдѣ онъ изобразилъ намъ типъ, чрезвычайно исключительный, типъ художника. Музыкантовъ, поэтовъ, живописцевъ, вообще художниковъ—и до него и послѣ него, весьма часто изображали въ нашей литературѣ; это была даже общая тема повѣстей тридцатыхъ годовъ нашей словесности, тема, успѣвшая уже въ сороковыхъ годахъ стать совершенно избитою темою; но крайней мѣрѣ въ эти годы, уже потерялъ всякій кредитъ и совершенно ошошился романтическій способъ представленія художниковъ и поэтовъ въ манерѣ повѣстей Полеваго и драмъ г. Кукольника. У Полеваго, разъ весьма наивно обличилась разгадка этого способа, послѣднее слово направленія сказалось у него въ «Аббадоннѣ», гдѣ поэты и художники ставятся на одну доску съ сумасшедшими. Наивно сказалось это слово потому, что ничего дурнаго не подразумевалъ въ такомъ сопоставленіи романтистъ, написавшій даже повѣсть подъ заглавіемъ: «блаженство безумія.» Дѣйствительно: художники и поэты гг. Полеваго, Кукольника, Тимофеева, заговаривающіеся ли какъ «Домшникино», до дѣтскаго лепета, въ родѣ: «Цаца ляля, цаца ляля!» — отвер-

гающіе ли всякія права ума въ земномъ мірѣ, какъ Джакобо Санназаръ, достойны по всей справедливости, заключенія иногда въ сумасшедшіе, иногда въ смирительные дома. Должно сказать при томъ, что появленіе въ литературѣ нашей этого типа, правильно или неправильно взятаго, произошло вовсе не изъ потребностей общежитія и что самое отношеніе къ типу было неоригинально.

Гоголь, призванный разоблачать фальшь всего того, что въ нашей жизни взято на прокатъ изъ чужихъ жизней, или что, подъ вліяніемъ виѣшняго формализма, развилось въ ней въ неорганической наростъ, — Гоголь разомъ порѣшилъ и въ этомъ дѣлѣ всѣ фальшивыя отношенія мысли къ типу въ своемъ «Невскомъ проспектѣ». Какую поразительную черту провелъ онъ здѣсь между положеніемъ художника въ другихъ странахъ и положеніемъ его въ нашемъ общежитіи! Какъ отгѣнилъ онъ лице художника Пискарева сопоставленіемъ жизни и трагической судьбы его съ судьбою поручика Пирогова! Какую скорбною и вмѣстѣ возвышеннѣйшею ироніею проникнуть поэтъ въ свои отношенія къ этому лицу, которому онъ при всей ироніи своей, обращенной на его *экзотичность*, глубоко и болѣзненно сочувствуетъ и къ которому глубокое же и болѣзненное сочувствіе возбуждаетъ онъ въ читателяхъ, а съ другой стороны, какъ свелъ онъ съ ходуль и возвратилъ въ простую дѣйствительность этотъ типъ, доведенный до крайности смѣшнаго повѣстаніи тридцатыхъ годовъ, получившихъ его изъ германской романтической реакціи или даже изъ вторыхъ рукъ французскаго романтизма. Въ «Невскомъ проспектѣ» и въ первой части «Портрета», Гоголь почти исчерпалъ всѣ наличныя отношенія художника къ жизни, отношенія трагическія въ обоихъ этихъ произведеніяхъ: въ одномъ трагическое отношеніе мечтательнаго идеализма художнической натуры къ общежитію, въ другомъ не менѣе трагическое поглощеніе художническаго идеализма искушеніями формальнаго общежитія, официальнойности, свѣтскости, виѣшнимъ лоскомъ и рутинерствомъ.

Еще и прежде впрочемъ, Пушкинъ, не менѣе глубоко отнесся къ типу художника, взявши его въ самой условнѣй-

шей средѣ общежитія. Его «Чарскій», стыдящійся своего поэтическаго призванія, запирающійся, когда нападетъ на него блажь писать стихи и между тѣмъ сознающійся, что никогда онъ не бываетъ такъ счастливъ, какъ въ эпохи этой блажи — то же созданъ подъ вліяніемъ созерцанія ироническаго, подъ вліяніемъ мысли, весьма не утѣшительной о разъединенности художества съ жизнью общества, о томъ, что художники и художество суть въ общежитіи растенія экзотическія. Замѣчательно, что именно тѣ писатели, которые вывели наше искусство изъ теплицъ на вольный воздухъ жизни, развили въ обществѣ внутреннюю потребность искусства, воспитали въ немъ пониманіе искусства — высказали также ироническое воззрѣніе. Сравнивая юморъ Гоголя съ юморомъ другихъ юмористовъ: Стерна, Ж. П. Рихтера, Диккенса, Гофманна — мы наглядно можемъ убѣдиться въ его особенности. Въ Жанъ-Полѣ, на примѣръ, при всей оригинальной его геніальности, нельзя не видать нѣмецкаго мѣщанства, *Kleinstädtisches Wesen*. — Юморъ Гофмана только въ эксцентричностяхъ находитъ спасеніе отъ удушливой тюрьмы, мѣщанства и филистерства; юморъ Стерна весь вышелъ изъ скептицизма XVIII вѣка, и разлагается на двѣ составныя части, на слезливую сантиментальность и на скептическую прошію Гамлета надъ черепомъ Йорика. Юморъ же Гоголя полонъ, цѣленъ, неразложимъ; Диккенсъ также пожалуй исполненъ любви, какъ Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его жизненное примиреніе, по крайней мѣрѣ для насъ русскихъ, довольно неудовлетворительно, чтобы не сказать пошло; его братцы Чарльсы и другіе добрые герои для насъ приторны. И у насъ на Руси найдутся пожалуй образы, которые съ перваго взгляда покажутся похожи на братьевъ Чарльсовъ, и мы любимъ душевно эти образы, эти добрыя личности. Но, *во первыхъ*, въ нихъ нѣтъ методически-пуританской добродѣтели по заданнымъ себѣ напередъ темамъ, — а *во вторыхъ*, надобно спросить себя самихъ: что именно мы въ нихъ любимъ? Одну ли только доброту? Какъ бы не такъ! Мы любимъ въ нихъ смышенность, здоровый умъ, извѣстный юморъ — соединенные съ добро-

тою. Мы скорѣе за означенныя качества легко перевариваемъ въ человѣкѣ примѣсь маленькой грязцы, дрянн, мошенничества,—нежели уважимъ тупоуміе за одну доброту. Не даромъ же у насъ пословица, что «простота хуже воровства».

Мы привели уже мѣсто, гдѣ самъ поэтъ высказалъ съ величайшею искренностію и простотою побудительныя причины своего юмора. «Не думай однакоже, послѣ моей исповѣди», — оканчиваетъ онъ свое третье письмо по поводу Мертвыхъ душъ (переп. съ друзьями, стр. 149), «чтобы я «самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои: нѣтъ, я не «похожъ на нихъ. *Я люблю добро, я щу его и стараю имъ,* «но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, «какъ мои герои, я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду «воевать и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, я «это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто «человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ «школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: «только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, «ихъ осмѣялъ въ нихъ, и заставилъ другихъ также надъ «ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, «что *лишивши картиннаго вида и рыцарской маски,* подъ «которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ тою гадостью, которая всѣмъ видна. «Тебѣ объяснится также и то, почему не выставилъ я до «сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ, и не избралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. *Ихъ съ голоавъ не выдумасишь.* Пока не станешь самъ хотя сколько нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ «и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ,— «мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ «земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумывать «кошмаровъ я такъ же не выдумывалъ: кошмары эти давали собственную мою душу: что было въ душѣ, то изъ «нес и вышло».

Такова была цѣльная и гармоническая художественная натура поэта, до эпохи ея болѣзненнаго уклоненія, до эпохи того страшнаго переворота, который окончательно содѣйствовалъ къ раздвоенію направленій Русской мысли. Но объ этой несчастной эпохѣ говорить еще здѣсь не мѣсто. — Мы начинаемъ здѣсь съ того, во что еще полно и цѣльно вѣрилъ энергичнѣйшій представитель нашего критическаго сознанія, Виссаріонъ Бѣлинскій.

VIII.

Къ числу его глубочайшихъ литературныхъ вѣрованій принадлежала и поэзія Лермонтова.... На этомъ основаніи, мы, прежде чѣмъ обозрѣть литературу тридцатыхъ годовъ—захватываемъ въ общихъ чертахъ и это необыкновенное явленіе, оставившее такой глубокой слѣдъ на сороковыхъ годахъ.

По крайней мѣрѣ, мы позволимъ себѣ опредѣлить главныя свойства этой совершенно трагической природы.

Въ Лермонтовѣ — двѣ стороны. Эти двѣ стороны: *Арбенинъ* (я беру нарочно самую рѣзкую сторону типа) и *Печоринъ*. Арбенинъ, (или все равно: *Мцыри*, *Арсеній* и т. д.) это — необузданная страстность, рвущаяся ни широкой просторъ, почти-что безумная сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ (припомните воспитаніе Арбенина или Арбеньева, какъ названо это лице въ извѣстномъ Лермонтовскомъ отрывкѣ), вопіющая противъ всякихъ общественныхъ понятій и исполненная къ нимъ ненависти или презрѣнія, сила, которая сознаетъ на себѣ «печать проклятья» и гордо носитъ эту печать; сила, отчасти звѣрская и которая сама въ лицѣ «Мцыри» радуется братству съ барсами и волками. Пояснить возможность такого настроенія души поэта, не можетъ, кажется ниѣ, одно вліяніе музыки Байрона. Положимъ что Лара Ньюстида обаяніемъ своей поэзіи, такъ сказать, подкрѣпилъ, оправдалъ тревожныя требованія души поэта,—но самые элементы такого настроенія могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы *Мцыри* и *Арсенія*, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія *Арбенина*.

Представьте же подобнаго рода, подъ гнетомъ ли, на просторѣ ли развившіяся стремленія, въ столкновеніи съ общежитіемъ и притомъ съ условнѣйшею изъ условныхъ сферъ его, съ сферою свѣтскою! Если эти стремленія,—точно то, за что онѣ выдаютъ себя или, лучше сказать, чѣмъ онѣ сами себѣ кажутся, — то онѣ суть совсѣмъ противоположенныя общественныя стремленія, не только что противоположенныя въ смыслѣ условномъ; и — паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуемо. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и особенно ясно въ стихотвореніи: «не смѣйся надъ моею пророческою тоскою». Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, — выросшія опять таки подъ гнетомъ или на дикомъ просторѣ, среди своевольныхъ беззаконій обстановки, то первое, что закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими, или встрѣтившаго отпоръ имъ въ общежитіи, будетъ конечно сомнѣніе, но еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ личности, въ средствахъ ея.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностію набросанную, хаотическую драму: «Маскарадъ» и слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя *Звѣздича*, котораго одна изъ героинь опредѣляетъ такъ:

безнравственный, безбожный

Себялюбивый, злой, — но слабый человѣкъ!

Въ созданіи *Звѣздича* — выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ стихотвореній, изъ которыхъ одно замѣчательно наиболѣе по строфѣ, опредѣляющей вполне минуту подобнаго душевнаго настроенія:

Любить? но кого же? на время не стоитъ труда,

А вѣчно любить невозможно!

*Въ себя ли залянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость и горе и все такъ ничтожно!*

И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновении съ свѣтскою сферою жизни Сологубовскими Леопиными, — отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія: одни только Звѣздичи остались собою совершенно довольны.

Между тѣмъ, лице Звѣздича и нѣсколько подобныхъ стихотвореній — это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной, т. е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т. е. комическое и притомъ безошадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ. Но гордость рѣдко можетъ допустить такой поворотъ.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку неприятно и тяжело сознать свои слабыя стороны, это конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: задача здѣсь заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, безошадною справедливостію. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ — уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе, несравненно болѣе тонкое и опасное; именно: преувеличить свои слабости, до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость, и пожалуй, даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка — величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомню обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ, не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура, — но Печорина и Ловласа — психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ

британской музы небылицы

Тревожатъ сонъ отроковицы...

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою — ваше трагич-

ческое воззрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Гоголевскимъ Собачкинымъ, скучнымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печорнымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло, Грушницкимъ, чѣмъ Милашнымъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ волонъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ! сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость*, сколько гаденькихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху: «удалиться подъ сѣнь струй»; Меричъ, въ «Бѣдной невѣстѣ» самодовольно проситъ Марью Андреевну, простить его, что онъ: «возмутилъ миръ ея невинной души». Тамаринъ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т. е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость, вмѣсто прямого поворота, предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсильную страстность души, признать ея требованія все таки правыми: переживши минуты презрѣнія съ самому себѣ и къ своей личности, сохранять однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности. Посредствомъ такого изворота, лице Звѣздича, въ процессѣ Лермонтовскаго развитія, переходитъ въ типъ Печорина. Въ сущности что такое Печоринъ? Смѣсь Арбенинскихъ беззаконій съ свѣтскою холодностію и безсовѣстностію Звѣздича, котораго всѣ неблестящія и невыгодныя стороны пошли въ созданіе Грушницкаго, существующаго въ романѣ исключительно только для того, чтобы Печоринъ, глядя на него, какъ можно болѣе любовался собою и чтобы другіе, глядя на Грушницкаго, болѣе любовались Печориннымъ. Что такое Печоринъ? — существо совершенно двойственное,

человѣкъ, смотрящійся въ зеркало передъ дуэлью съ Грушницкимъ и рыдающій, почти грызущій землю, какъ звѣре-нокъ «Мцыри,» послѣ тщетной погони за Вѣрою. Что такое Печоринъ? Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола! Арбенинъ съ своими необузданно самолюбивыми требованіями *провалился* въ такъ называемомъ свѣтѣ: онъ явился снова въ костюмѣ Печорина, искупенный сомнѣніемъ въ самомъ себѣ, болѣе уже хитрый, чѣмъ заносчивый и такъ называемый *свѣтъ* ему поклонился....

Аполломъ Григорьевъ.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ Ѳ. ТЮТЧЕВА.

А. А. Григорьеву.

«Oui, j'écris rarement, et me plais de le faire:
Non pas que la paresse en moi soit ordinaire;
Mais, sitôt que je prends la plume à ce dessein,
Je crois prendre en galère une rame à la main.»

A. de Musset.

Давно хотѣлось мнѣ поговорить о небольшой книжкѣ стихотвореній Ѳ. Тютчева, появившейся въ 1854 году, надѣлавшей столько шуму въ тѣсныхъ кружкахъ любителей изящнаго и увы! относительно къ своему достоянію понятъ, мало еще распространенной въ массѣ? Что поэтъ мо-

Въ подлежащихъ замѣтъ мыслитель, увидимъ дальше; щаюсь къ тебѣ: это изба и то, что можно быть величай- начинать ab ovo и толковать, не будучи мыслителемъ, въ которыхъ ты на столько философскомъ. Нельзя же мысли строки. ревнуя. Сатира къ козамъ, де-

Масса читающей публики къ области философскаго мышленія; домъ въ изумительныя видѣть торжества искусства въ пьесѣ

современное книгопосмотрѣть на статъ fier éroux que la chèvre desire....

вная теорія. Сказать о поэзии: она для него закрыта. Ма-

она спрашиваетъ высокая мысль о человѣкѣ, душѣ или при- основывается; аемая вами поэту, какъ величайшая находка,

идти въ немъ только смѣхъ, тогда какъ под-

чаѣ вѣрять? Что касается до меня, то отсылая невѣрующихъ къ авторитетамъ такихъ поэтовъ — мыслителей, какъ Шиллеръ Гёте и Пушкинъ, ясно и тонко понимавшихъ значеніе и сущность своего дѣла, прибавлю отъ себя, что вопросы: о правахъ гражданства поэзіи между прочими человѣческими дѣятельностями, о ея нравственномъ значеніи, о современности въ данную эпоху и т. п. считаю кошмарами, отъ которыхъ давно и навсегда отдѣлался. Знаю, что если бы, обращаясь къ тебѣ и пародируя возраженіе Лепида, (въ Антоніѣ и Клеопатрѣ Шекспира) я сказалъ:

«Не время

Теперь писать стихотворенья.»

ты бы съ нѣкоторой терпкостью Энобарба отвѣтилъ:

«Время

Всегда на то, что происходитъ въ немъ.»

И такъ, оставляя въ сторонѣ всѣ подобныя вопросы, спросимъ прямо: что такое поэзія и какое главное качество поэта? и коснемся этого вопроса на столько, на сколько уразумѣніе его намъ въ настоящемъ случаѣ необходимо.

Поэзія или вообще художество есть чистое воспроизведеніе не предмета, а только односторонняго его идеала; воспроизведеніе самаго предмета было бы не только ненужнымъ, но и невозможнымъ его повтореніемъ. У всякаго предмета тысячи сторонъ ~~и~~ и не только одно, данное поставить на своемъ строго ограниченными средствами, но ея требованія все тѣлості не въ силахъ возсоздать всего зрѣнія съ самому себѣ и къ с. средствами повторятъ они нако вражду и презрѣніе къ жизни? Но въ томъ то и ствомъ такого изворота, лице только одна сторона предметовскаго развитія, переходить, какъ математику дороги сущности что такое Печоринъ? Смѣрасота разлита по всеконій съ свѣтскою холодностію и безроды, влияетъ ~~на~~ на котораго всѣ недостатки и невыгоды ~~издуть~~ и въ созданіе Грушницкаго, существующаго его ~~существо~~ исключительно только для того, чтобы Печоринъ ~~сознавалъ~~ ~~его~~ ~~какъ~~ ~~можно~~ ~~болѣе~~ ~~любовался~~ ~~собою~~ ~~и~~ ~~въ~~ ~~то~~ ~~и~~ ~~лу~~ ~~глядя~~ ~~на~~ ~~Грушницкаго~~, ~~болѣе~~ ~~любовались~~ ~~Печ~~ ~~хотя~~ ~~и~~ ~~такое~~ ~~Печоринъ~~? — существо совершенно , ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~

смутно ощущаемъ — онъ еще не поэтъ: Китайскій живописецъ не видитъ въ природѣ тѣней; кто изъ не посвященныхъ въ тайну живописи видитъ на молодомъ лицѣ всѣ радужные цвѣта и ихъ тончайшія соединенія? а между тѣмъ развѣ они не существуютъ и развѣ Ванъ-Дикъ или Рембрандтъ ихъ не видятъ?

И такъ поэтическая дѣятельность, очевидно, слагается изъ двухъ элементовъ: объективнаго, представляемаго міромъ внѣшнимъ и субъективнаго, зоркости поэта — этого шестаго чувства, не зависящаго ни отъ какихъ другихъ качествъ художника. Можно обладать всѣми качествами извѣстнаго поэта и не имѣть его зоркости, чутья, а слѣдовательно и не быть поэтомъ. Такъ какъ міръ во всѣхъ своихъ частяхъ равно прекрасенъ, то внѣшній, предметный элементъ поэтического творчества безразличенъ. За то другой, внутренній: степень поэтической зоркости, ясно-видѣнія — всё. Ты видишь ли или чувствуешь въ мірѣ то, что видѣли или чули въ немъ Фидій, Шекспиръ, Бетховенъ? «Нѣтъ.» Ступай! ты не Фидій, не Шекспиръ, не Бетховенъ, но благодари Бога и за то, если тебѣ дано хотя воспринимать красоту, которую они за тебя подслушали и подсмотрѣли въ природѣ.

Какъ часто слышится фраза: «такой-то поэтъ богатъ или бѣденъ содержаніемъ, мыслями». Фраза переходитъ изъ устъ въ уста, но многіе ли дали себѣ трудъ понять, что такое поэтическое содержаніе, мысль? Что поэтъ можетъ быть въ то же время и мыслитель, увидимъ дальше; тѣмъ не менѣе справедливо и то, что можно быть величайшимъ художникомъ — поэтомъ, не будучи мыслителемъ, въ смыслѣ житейскомъ или философскомъ. Нельзя же мысли въ родѣ той, что козель, ревнуя Сатира къ козамъ, дерется съ нимъ, отгнати къ области философскаго мышленія; а между тѣмъ кто не видитъ торжества искусства въ пьесѣ Андрея Шенъе:

L'insouciant fier époux que la chèvre desire...

не долженъ токовать о поэзии: она для него закрыта. Мало того; самая высокая мысль о человѣкѣ, душѣ или природѣ, предлагаемая вами поэту, какъ величайшая находка, можетъ возбудить въ немъ только смѣхъ, тогда какъ под-

равшіея воробыи могутъ внушитьъ ему мастерское произведе-
 ніе. Другое дѣло, если вдохновеніе нечаянно наведетъ
 его на точку, съ которой въ вашей мысли онъ увидитъ для
 себя такую же богатую жатву, такую нечаянно представила
 ему драка воробьевъ. И все таки торжество будетъ на
 сторонѣ его зоркости, а не вашей quasi—высокой мысли.
 Такъ называемое содержаніе все таки принесетъ, добудетъ
 своею зоркостію онъ, а не получитъ въ грубой мысли. —
 «Луна, мечта, дѣва! тряпки, тряпки!» Да, дѣйствительно
 они превращались въ тряпки, которыми одинъ лѣнливый не
 немькалъ. Приступавшіе къ нимъ съ своимъ лирами были
 увѣрены, что стоитъ избрать хорошенькій поэтически-ро-
 мантический предметъ и дѣло уладится само собою.

Съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ, съ какою зорко-
 стію онъ самъ подходитъ къ предмету? объ этомъ онъ не
 хлопочетъ. Но едва только свѣжій, зоркій художникъ взгля-
 деть на ту же «луну, мечту или дѣву»—эти холодные, обезо-
 браженные и несомъ забвенія занесенные камни, подобно Мем-
 вону, наполняютъ пустынный воздухъ сладостными звуками.

Давно ли раздавались свѣшныя въ настоящее время сло-
 ва: «отличный человекъ и владѣть перомъ», въ значеніи:
 хороший писатель? Что же значитъ подобный отзывъ? Раз-
 вѣ человекъ, владѣющій только перомъ, мыслить какъ по-
 этъ? и въ то же время развѣ мыслить человекъ, одарен-
 ный поэтической зоркостію, который не владѣлъ бы перомъ,
 рѣзцомъ, кистью и проч.? Если такой человекъ и не вла-
 дѣетъ перомъ, чему бывали примѣры, за то какъ онъ вла-
 дѣетъ языкомъ! Если на немъ и будутъ грамматическія
 пятна, за то какъ ярко выступитъ его идеалъ! я вовсе не
 проповѣдаю грамматическаго неряшества, но говоря о поэти-
 ческой зоркости, даже забываю, что существуетъ перо.
 Дайте намъ прежде всего въ поэтѣ его зоркость въ стис-
 шеніи къ красотѣ, а остальное на заднемъ планѣ. Чѣмъ
 эта зоркость отрѣшеннѣе, объективнѣе (сильнѣе) даже при
 самой своей субъективности, тѣмъ сильнѣе поэтъ и тѣмъ вѣ-
 ковѣчнѣе его созданія. Пусть предметомъ вѣснн будутъ лич-
 ные впечатлѣнія: ненависть, грусть, любовь и пр., но чѣмъ
 дальше поэтъ отодвинетъ ихъ отъ себя какъ объектъ, чѣмъ

съ большей зоркостію провидитъ онъ оттѣнки собственнаго чувства, тѣмъ чище выступитъ его идеаль. Съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе самое чувство будетъ развѣдать созерцательнѣе силу, тѣмъ слабѣе, смутнѣе идеаль и брѣннѣй его выраженіе. Я не говорю, чтобы творенія (дѣти) могучихъ художниковъ не имѣли съ ними и между собой кровнаго сходства: возьмите нашего Пушкина, въ что двумъ стихамъ узнаете чьи они; но строгій рѣзецъ художника перерѣзалъ всякую, такъ сказать, внѣшнюю связь ихъ съ нимъ самимъ и возсоздатель собственныхъ чувствъ совладѣлъ съ ними какъ съ предметами, внѣ его находившимися. Какимъ образомъ происходитъ подобное раздвоеніе чувства и зоркаго созерцанія? — тайна жизни, какъ и самая жизнь. Довольно того, что тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ и не подозрѣваетъ красоты, художникъ ее видитъ, отвлекаетъ отъ всѣхъ остальныхъ качествъ предмета, кладетъ на нее чисто человѣческое клеймо и выставляетъ на всеобщее уразумѣніе. Въ этомъ смыслѣ всякое искусство — антропоморфизмъ и тутъ, быть можетъ, кроется причина того, что во всякомъ монотенизмѣ, отъ мугаметанскаго востока до строгаго протестантизма звучала заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира». Воплощая идеаль, человѣкъ неминуемо воплощаетъ человѣка. Но довольно о самомъ творчествѣ. Приступая къ стихотвореніямъ г. Тютчева, хотѣлось бы не только указать на ихъ достоинства и энтузіазмъ, возбужденный ими въ тѣсномъ кружкѣ знатоковъ, но въ то же время и на тѣ ихъ свойства, которыя до сихъ поръ мѣшаютъ ихъ популярности.

Два года тому назадъ, въ тихую, осеннюю ночь, стоялъ я въ темномъ переходѣ Колизея и смотрѣлъ въ одно изъ оконныхъ отверстій на звѣздное небо. Крупныя звѣзды пристально и лучезарно глядѣли мнѣ въ глаза и, по мѣрѣ того, какъ я всматривался въ тонкую синеву, другія звѣзды выступали передо мною и глядѣли на меня такъ же таинственно и такъ же краснорѣчиво, какъ и первыя. За ними мерцали во глубинѣ еще тончайшія блески и мало по малу всплывали въ свою очередь. Ограниченные темными массами стѣнъ, глаза мои видѣли только небольшую часть неба, но я чувствовалъ, что оно необъятно и что нѣтъ конца его

красотѣ. Съ подобными же ощущеніями раскрываю стихотворенія О. Тютчева. Можно ли въ такую тѣсную рамку, (я говорю о небольшомъ объемѣ книги) вмѣстить столько красоты, глубины, силы, однимъ словомъ поэзіи! Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снялъ бы дагерротипически все небо г. Тютчева съ его звѣздами 1-й и 2-й величины; т. е. переписалъ бы всѣ его стихотворенія. Каждое изъ нихъ—солнце, т. е. самобытный, свѣтящій міръ, хотя на иныхъ и есть пятна; но думая о солнцѣ, забываешь о пятнахъ.

Говоря выше о поэтическомъ содержаніи, мысли, мы смѣшивали эти два понятія, какъ это дѣлаютъ обыкновенно; но смѣшивать ихъ никакъ не должно, потому что содержаніе хотя и включаетъ понятіе о мысли, но относится къ ней какъ весь человѣкъ къ душѣ, а никто не смѣшаетъ этихъ двухъ понятій. Что же такое поэтическая мысль, чѣмъ она различается отъ мысли философской и какое мѣсто занимаетъ въ архитектурической перспективѣ поэтическаго произведенія? Какъ самая поэзія—воспроизведеніе не всего предмета, а только его красоты, поэтическая мысль только отраженіе мысли философской и опять таки отраженіе ея красоты; до другихъ ея сторонъ поэзіи нѣтъ дѣла. Чѣмъ рѣзче, точнѣе философская мысль, чѣмъ вѣрнѣе обозначена ея сфера, чѣмъ ближе подходитъ она къ неизблемой аксіомѣ, тѣмъ выше ея достоинство. Въ мірѣ поэзіи на оборотъ. Чѣмъ общѣй поэтическая мысль, при всей своей яркости и силѣ, чѣмъ шире, тоньше и неуловимѣй расходится кругъ ея, тѣмъ она поэтичнѣй. Она не предназначена, какъ философская мысль, лежать твердымъ камнемъ въ общемъ зданіи человѣческаго мышленія и служить точкою опоры для послѣдующихъ выводовъ; ея назначеніе—озарять передній планъ архитектурической перспективы поэтическаго произведенія, или тонко и едва замѣтно свѣтить въ ея безконечной глубинѣ. Нѣтъ въ мірѣ предмета безъ соотвѣтственной ему идеи въ душѣ человѣка, нѣтъ перспективы безъ озаряющаго ее свѣта, нѣтъ поэтическаго созерцанія безъ поэтической мысли. Поэтому, приступая къ произведенію истинно прекрасному, напрасно съ такой настойчивостію требуютъ мысли.

Если требованія относятся къ мысли въ чисто философскомъ значеніи, то отъ подобныхъ требованій надо лечиться, а еще лучше того родиться такъ, чтобы различать двѣ совершенно различныхъ вещи. Если же поиски за мыслью поэтической, тогда нужно вглядываться въ поэтическую перспективу. Въ произведеніи истинно прекрасномъ есть и мысль; она тутъ, но нельзя, не имѣя предъ глазами самого произведенія, опредѣлить, гдѣ именно надо ее искать: на первомъ планѣ, на второмъ, третьемъ и т. д. или въ нескончаемой дали? Но что она тутъ, за это ручается тайное сродство природы и духа или даже ихъ тождество, какъ объ этомъ говоритъ нашъ поэтъ на могучемъ языкѣ своемъ: стр. 135. CVII.

Душа за душой, волна за волной —
 Два проявленья *стихи одной!*
 Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
 Здѣсь—въ заключеніи, тамъ на просторѣ:
 Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
 Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

Опредѣлить вполнѣ заранѣе придуманной теоріей отношенія внѣшней стороны явленій въ поэтическомъ произведеніи къ его мысли — невозможно. Можно только сказать, что отношеніе ихъ другъ къ другу и къ степени художественнаго достоинства обратно. Мы уже сказали, что чѣмъ тоньше и общѣй поэтическая мысль, тѣмъ она выше; но за то, чѣмъ сосредоточеннѣй внѣшняя сторона явленій въ созданіи поэтическомъ, чѣмъ рельефнѣй выдается, съ данной точки зрѣнія, главная,—одна его часть, (*pars pro toto*) тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣй производимое имъ впечатлѣніе.

Придайте поэтической мысли рѣзкость и неизбежность аксіомы, — она сейчасъ станетъ въ ряду великихъ истинъ, воспрещающихъ казно — коно и платкокрадство; вдайтесь въ подробности, или окружите поэтическое явленіе равносильными ему другими и оно поблѣднѣетъ до ничтожества. Изваяйте изъ мрамора море и поставьте на его волнахъ каменную нимфу, — всѣ захохочутъ; а придайте у ногъ этой же нимфы, — одной каменной волнѣ форму движенія, и ваша нимфа будетъ качаться по бурному морю. Стань Горацій въ

лирическомъ произведеніи подробно описывать троянскій бой, всё заснуть. Но онъ говорить:

«Увы! въ какомъ поту и мужи и кони»

или:

«Какъ черепъ, весь въ пыли Троянской Меріонъ.»

и битва передъ вами. Тѣмъ не менѣе, оба эти элемента поэзіи, при обратномъ своемъ отношеніи, ведутъ каждый въ свою очередь къ одному и тому же результату. Образъ своей замкнутостію, а мысль своей общностію и безгранично-стію вызываютъ душу созерцателя на восполненіе недосказаннаго, — на новое творчество, и такимъ образомъ гармонически содѣлываютъ его соучастникомъ художественнаго наслажденія. Произведеніе, не трогающее соотвѣтственной струны въ душѣ человѣка — трупъ.

Мы указали только на взаимное отношеніе образа и мысли, на ихъ, такъ сказать, удѣльный вѣсъ; мѣсто же, занимаемое ими въ перспективѣ произведенія, зависитъ единственно отъ устройства души художника и его настроенія въ данный мигъ. У одного мысль выдвигается на первый планъ, у другаго непосредственно за образомъ носится чувство и за чувствомъ уже свѣтится мысль, какъ это, напримеръ, въ Гетевскомъ Рыбакѣ (Der Fischer). За ви́шней формой баллады стихійное чувство: соблазнительная область влаги, и на днѣ этого чувства, мысль о непреодолимой, таинственной силѣ, влекущей человѣка въ невѣдомый міръ. Прошу немедленно всепрощенія у тѣни великаго поэта за переложеніе въ прозу того, что онъ такъ художественно сказалъ своимъ Рыбакомъ. Мнѣ хотѣлось только указать на присутствіе въ произведеніи того, что въ немъ дѣйствительно заключается, и, не пускаясь въ новыя опредѣленія, вывести въ примѣрѣ элементъ чувства, о которомъ не хочу распространяться, такъ какъ на его счетъ всё болѣе или менѣе согласны. Въ иныхъ художественныхъ произведеніяхъ мысль такъ тонка и до того сливается съ чувствомъ, что даже написавши много, трудно высказать ее ясно, что однако нисколько не вредитъ богатству содержанія и достоинству цѣлаго. Вспомните:

Тучу (Пушкина).

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.
 Ты небо недавно кругомъ облегла,
 И молнія грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный громъ
 И алчную землю попла дождемъ.
 Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освѣжилась и буря протчалась
 И вѣтеръ, лаская листочки дресвь,
 Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Кто не видитъ чудной замкнутости этого образа, не чувствуетъ свѣжести, которою онъ вѣетъ, и не подозреваетъ мысли о просвѣтленіи, тому я ничего не могу сказать. Нельзя, безумно желать болѣе роскошнаго содержанія. Кого оно не удовлетворяетъ, тому одно прибѣжище—аксіомы: о неприкосновенности чужихъ платковъ. Не рѣшаюсь сказать, что подобное отношеніе формы, чувства и мысли самое гармоническое. Да это было бы и несправедливо. Я только заявляю фактъ и рядомъ съ нимъ укажу на другія творческія натуры, у которыхъ, при первомъ взглядѣ на предметъ, ярко загараются мысль и выступаетъ на первый планъ, или непосредственно на второй, сливаясь съ чувствомъ, или отодвигая его въ глубину перспективы. Къ такимъ художникамъ безспорно принадлежитъ г. Тютчевъ. Чтобы нагляднѣй объяснить нашу мысль, возьмемъ стихотворенія двухъ поэтовъ, написанныя на одну и ту же тему.

Сожженное письмо (Пушкина).

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталъ: гори письмо любви!
 Готовъ я; ничему душа моя не вмешать.
 Ужь пламя жадное листы твои приемень...
 Минуту!... Вспыхнули... пылають... легкій дымъ
 Віась теряется съ моленіемъ моимъ.

Ужь перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
 Растопленный сургучъ кипить. О провидѣнье!
 Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
 Бѣлѣють.... Грудь моя стѣснилась. Пепельъ мной,
 Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ сомной на горестной груди....

Съ готовымъ чувствомъ безконечной грусти и покорности приступаетъ поэтъ къ сожженію письма. Прежде чѣмъ загорается передъ вами драгоценное письмо, Пушкинъ уже вводитъ васъ въ свою грусть словами: «прощай, письмо любви прощай! она велѣла»....

Первые четыре стиха вызываютъ отчаянную рѣшимость и вмѣстѣ съ поэтомъ, вы готовы воскликнуть: «готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ».

Въ слѣдъ за тѣмъ мастерское описаніе процесса горѣнія, своей послѣдовательной точностію, вѣрнѣе всякихъ восклицаній, говоритъ о страдательной напряженности вниманія. Отъ словъ: «ужь пламя жадное» — до «бѣлѣють», при каждомъ новомъ явленіи горѣнія, вы какъ будто не вѣрите въ еще полнѣйшее разрушеніе драгоценнаго письма. Все описаніе подложено самымъ яркимъ чувствомъ. Стихотвореніе кончается примирительнымъ воплемъ, — опять чувство. Во всей пьесѣ чувство рѣшительно на второмъ планѣ и ясно проглядываетъ между образами перваго плана, а въ иныхъ мѣстахъ вырывается и на первый, какъ напримѣръ въ возгласахъ: «О провидѣнье! Свершилось!» За то живая мысль стихотворенія улетѣла въ непредѣльную глубину перспективы и вѣетъ тамъ—общая, неуловимая, свѣтло-примирительная. Она до того тонка и отдаленна, что о ней можно спорить, какъ о формѣ легкаго, вечерняго облака. Но такова она и должна быть по всему строю стихотворенія; обозначенная яснѣй, она бы закричала и разрушила гармонию цѣлаго.

Совершенную противоположность представляетъ сожженное письмо г. Тютчева, стр. 23:

XVIII.

*Какъ надъ горячею золой
 Дымится свитокъ и сгараеть*

И огонь, *сокрытый и глухой,*
 Слова и строки пожираетъ,
 Такъ грустно тлится жизнь моя
 И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
 Такъ постепенно гасну я
 Въ однообразьи нестерпимомъ.
 О! Небо, если бы хоть разъ
 Сей пламень развился по волѣ
 И, не томясь, не мучась долѣ,
 Я просіялъ бы и погасъ.

Первое слово: «какъ», управляющее всѣмъ куплетомъ, доказываетъ, что процессъ горѣнія, такъ мощно и тонко обрисованный, одинъ предлогъ высказать задушевную мысль. Не даромъ огонь, пожирающій слова и строки: «*сокрытый и глухой;*» чувствуешь, что онъ одновременно ходитъ и по извивамъ свитка и по изгибамъ души поэта. Наше ожиданіе сбывается вполне: поэтическая мысль уже ясно выступаетъ во второмъ куплетѣ, а въ третьемъ вспыхиваетъ такъ ярко, что самый образъ пылающаго письма блѣднѣетъ передъ ея сіяніемъ. Въ этомъ стихотвореніи чувство на заднемъ планѣ, хотя и не на такой глубинѣ, на какой мысль въ стихотвореніи Пушкина.

Говоря о мысли, мы вездѣ будемъ подразумѣвать — *поэтическую*; до другихъ намъ дѣла нѣтъ, и въ отношеніи къ ней, г. Тютчевъ постоянно является полнымъ, самобытнымъ, а потому нерѣдко причудливымъ и даже капризнымъ ея властелиномъ. Поэтическая сила, т. е. зоркость г. Тютчева — изумительна. Онъ не только видитъ предметъ съ самобытной точки зрѣнія, — онъ видитъ его тончайшіе фибры и оттѣнки. Ужъ если кого либо нельзя упрекнуть въ рутинности, такъ это нашего поэта.

Раскрывая на удачу книгу стихотвореній, какъ бы въ подтвержденіе словъ моихъ, нахожу на 6 стр.

VI.

Осенній вечеръ.

*Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
 Умильная, таинственная прелесть....
 Зловещій блескъ и пестрота деревьевъ,
 Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ*

Туманная и *тихая* лазурь
 Надъ грустно *сиротливою* землею,
 И, какъ *предчувствіе* сходящихъ бурь,
 Порывистый, холодный вѣтръ порою
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
 Та *кроткая улыбка* увяданья,
 Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Въ изображеніи осенняго вечера, поэтъ какъ бы идетъ мимо всего обще извѣстнаго и останавливается на чертахъ, которыя подсмотрѣлъ самъ, а потому прямо начинаетъ стихотвореніе формою рѣчи, указывающею на присутствіе не всѣми видимаго :

Есть въ свѣтлости и т. д. Мы подчеркнули выраженія, которыя своею топкой прелестью и смѣлостью особенно кидаются въ глаза, хотя все стихотвореніе изумительно поэтично и выдержано, отъ перваго до послѣдняго слова. Однокое, вполнѣ Тютчевское слово: «ущербъ» — ненаглядно. Два заключительныхъ стиха являются, какъ будто, въ видѣ сравненія, но это вовсе не сравненіе. Нерѣдко образъ бездушной природы вызываетъ въ душѣ поэта подобіе изъ міра человѣческаго, или на оборотъ: такъ у Пушкина:

«Журчить во мраморѣ вода

.

Такъ плачетъ мать во дни печали»

Или

«Живу печальный одинокій

И жду придетъ ли мой конецъ.

«Такъ позднимъ хладомъ пораженной

.

Трепещетъ запоздалый листъ.»

Двустипшіе, которымъ заканчивается «Осенній вечеръ», не быстрый переходъ отъ явленія въ мірѣ неодушевленномъ, къ міру человѣческому, а только новый отгѣнокъ одухотворенной осени. Ея пышная мантия только полнѣе расстелнулась съ послѣдними шагами, но подъ нею все время пре-

детала живая человѣческая мысль. То же самое и въ слѣдующемъ за тѣмъ стихотвореніи, стр. 7, VII

«Что ты юнишь надъ водою....»

По свойству своего таланта, Г. Тютчевъ не можетъ смотрѣть на природу безъ того, чтобы въ душѣ его одновременно не возникла соотвѣтственная яркая мысль. До какой степени природа является передъ нимъ одухотворенной, лучше всего выражаетъ онъ самъ, стр. 15.

XII.

Не то, что мните вы, природа
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ....

Не продолжая выписки, замѣтимъ, что не только каждое стихотвореніе, почти каждый стихъ нашего поэта дышетъ какою нибудь тайной природы, которую она ревниво скрываетъ отъ глазъ непосвященныхъ. Какою эдемскою свѣжестію вѣетъ его весна и югъ! Какимъ всеильнымъ чародѣемъ проникаетъ г. Тютчевъ въ завѣтную область сна и какъ это субъективнѣйшее явленіе отдѣлено у него отъ человѣка, и мощно выдвинуто на всеобщее уразумѣніе. Прислушайтесь къ тому, что ночной вѣтеръ напѣваетъ нашему поэту, — и вамъ станетъ страшно. Но всего не перечесть. Называя г. Тютчева поэтомъ мысли, мы указали только на главное свойство его природы, но она такъ богата, что и другія ея стороны не менѣе блестящи. Кромѣ глубины, созданія его отличаются неуловимой тонкостію и граціей, вѣрнѣйшимъ доказательствомъ силы. Не даромъ Гёте говоритъ:
«Willst du schon zierlich erscheinen, und bist nicht sicher? Vergebens!

Nur aus vollendeter Kraft blicket die Anmuth hervor.»

«Ты не твердь, а хочешь казаться изящнымъ? Напрасно!

Только изъ замкнутыхъ силъ тонкая прелесть сквозить.»

Все живое состоитъ изъ противоположностей; моментъ ихъ гармоническаго соединенія неуловимъ, и лиризмъ, этотъ цвѣтъ и вершина жизни, по своей сущности, на всегда остается тайной. Лирическая дѣятельность тоже требуетъ крайне противоположныхъ качествъ, какъ напр. безумной,

слѣпой отваги и величайшей осторожности (тончайшаго чувства мѣры). Кто не въ состояніи броситься съ седьмага этажа внизъ головой, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху, тотъ не лирикъ. Но рядомъ съ подобной дерзостію, въ душѣ поэта должно неугасимо горѣть чувство мѣры. Какъ ни громадна лирическая смѣлость, — скажу болѣе, — дерзновенная отвага г. Тютчева — не менѣе сильно въ немъ и чувство мѣры. До какой бы степени не поразили васъ съ разу смѣлый, неожиданный эпитетъ или бойкая метафора нашего поэта, не вѣрьте первому впечатлѣнію и знайте напередъ, что это яркія краски живыхъ цвѣтовъ; онѣ блестящи, но никогда между собой не враждуютъ. Присмотритесь по пристальнѣе къ поразившей васъ метафорѣ, и она въ глазахъ вашихъ начнетъ таять и сливаться съ окружающей картиной, придавая ей новую прелесть. И пусть въ слѣдующей пьесѣ, стр. 98:

LXXXII.

Силеть солнце, воды блещутъ,
 На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
 Деревья радостно трепещутъ,
 Кушаясь въ небѣ голубомъ.

*Поютъ деревья, блещутъ воды,
 Любовью воздухъ растворенъ,
 И міръ, цвѣтущій міръ природы,
 Избыткомъ жизни упоенъ.*

Но и въ избыткѣ упоенья
 Нѣтъ упоенія сильнѣй
 Одной улыбки умненья
 Измученной души твоей.

деревья поютъ у г. Тютчева! Не станемъ, подобно классическимъ комментаторамъ, объяснять это выраженіе тѣмъ, что тутъ поютъ сидяція на деревьяхъ птицы, — это слишкомъ разсудочно; нѣтъ! намъ пріятнѣе понимать, что деревья поютъ своими мелодическими весенними формами, поютъ стройностію, какъ небесныя сферы. За то какимъ скачкомъ рвется впередъ, со втораго куплета, призмъ стихотворенія, и безъ того погружающаго читателя съ перваго

полустишія въ море весеняго восторга. Стихотвореніе — все чувство, все восторгъ, но и въ немъ, при последнемъ куплетѣ, поэтъ не ушелъ отъ вѣчной рефлексіи. Чувственъ, что и въ минуту наслажденія природой, онъ ясно видитъ причину своего восторга.

Такимъ же магическимъ толкователемъ тончайшихъ чувствъ является г. Тютчевъ въ стихотвореніяхъ, стр. 54,

XLVI.

«Еще томлюсь тоской желаній»

или, стр. 66.

LVII.

«Тихой ночью позднимъ гѣтомъ»

или, стр. 99.

LXXXIII.

«Не остывшая отъ зною»,

хотя въ последнемъ присутствіе мысли ошутительнѣй, чѣмъ въ двухъ первыхъ.

Искусство ревниво; оно въ одномъ и томъ же произведеніи не допускаетъ двухъ равновѣсныхъ центровъ. Хотя мысль и чувство постоянно сливаются въ художественномъ произведеніи, но властвовать раздѣльно и одновременно всей пьесой они не могутъ. Богатый тѣмъ и другимъ элементомъ, г. Тютчевъ, какъ строгій художникъ, почти никогда не позволяетъ произведенію падать подъ избыткомъ содержанія.

Мы уже замѣтили, что художественность формы — прямое слѣдствіе полноты содержанія. Самый вылощенный стихъ, выливающийся подъ перомъ стихотворца-непоэта, даже въ отношеніи виѣшности, не выдерживаетъ и отдаленнаго сравненія съ самымъ, на первый взглядъ, неуклюжимъ стихомъ истиннаго поэта. Фаустъ написанъ стихами ломанными, языкомъ нерѣдко изнасилованнымъ, а посмотрите какой стальной силой отзываются эти дубинные стихи (Knüttelverse). Поэты-художники не выдумываютъ красоты своихъ стиховъ, какъ истинныя красавицы не придумываютъ чарующей улыбки. Не одного Сальери приводилъ этотъ фактъ въ отчаяніе, — но тутъ не чѣмъ помочь бѣдѣ. А предосадно!

Одинъ трудится, пыхтитъ, и ничего не выходитъ, или вых-
одитъ безобразіе, а другой, какъ будто шутитъ, а

«Пошла шутка въ дѣло»

Никто, ни даже самъ г. Тютчевъ, не скажетъ ни за что,
почему у него въ стихѣ:

«Грова пропала — еще, курясь, лежатъ!»

Цезура, какъ гильотина, отрубивъ одинъ образъ отъ другого?
Почему его стихи то какъ:

«Чи-то грозныя зеницы
Загорались надъ землею»,

то, подаваясь впередъ медленными, легко-отрывистыми вздо-
хами

«А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма»

разрѣшаются женскимъ, нѣжнымъ, какъ призракъ, разле-
тающимся звукомъ: *ма?* Также гармонически сливаются на
77 стр. LXVII, въ стихотвореніи «Послѣдняя любовь», два
различныхъ размѣра:

«О какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй...»

и не отыскивалъ поэтъ тѣхъ мужественныхъ созвучій, ко-
торыя такъ энергично разбиваютъ послѣдній стихъ, стр. 51.

XLIII.

«Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ.»

Мастерство, съ перваго стиха вводитъ читателя въ нѣ-
дро поэтического содержанія, у г. Тютчева общее со всѣми
истинными поэтами. Незнакомаго лирическаго стихотворенія
нечего читать дальше перваго стиха: и по немъ можно су-
дить, стоитъ ли продолжать чтеніе.

Выписываемъ еще стихотвореніе, стр. 19, единственно
потому, что оно наглядно объясняетъ сказанное въ преды-
дущихъ параграфахъ.

XV.

Италянская вилла.

И распростясъ съ тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь,
Влаженной тѣнью, — тѣнью елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ тому ужъ вѣка два пль болѣ
Волшебномъ мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

По прежнему фонтанъ въ углу лепечеть,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечеть....
И спать она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошлн: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ недвижимо и стройно
Сосѣднй кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ; и нѣкій чудный лепеть
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ.

Что это, другъ! пль злая жизнь не даромъ, —
Та жизнь — увы! — что въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Какъ-то странно видѣть замкнутое стихотвореніе, начинающееся союзомъ и, какъ бы указывающимъ на связь съ предыдущимъ и сообщающимъ пьесѣ отрывочный характеръ. Дѣйствительно, у этого стихотворенія есть предыдущее; — цѣлый обаятельный міръ, связанный со звукомъ: Италія....

Есть рѣчи, — значенье
Темно пль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Этотъ-то полуволшебный міръ вѣялъ вокругъ поэта, когда онъ приступалъ къ стихотворенію, — и художникъ понималъ, что отдаться этому міру вполне можно только въ

ущербъ *силлы*, а тонкій, эфирный на него намекъ посредствомъ частицы: *и*, окружить *силлу* атмосферой сладостныхъ грезъ. Совладѣвъ такъ мастерски съ содержаніемъ въ началѣ стихотворенія, поэтъ подъ конецъ увлекся своимъ господствующимъ элементомъ — рефлексією. Весь поэтический образъ стихотворенія подложенъ чувствомъ, хотя и принадлежащимъ человѣку мысли. Допустимъ, что нельзя было остановиться на прелестномъ образѣ:

«Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.»

Читатель вправѣ спросить: что жъ изъ этого? Слѣдовало кончить, но не новымъ элементомъ мысли, которая могла бы послужить содержаніемъ отдѣльному стихотворенію, а здѣсь, представляя новый разнородный центръ, даетъ концу пьесы видъ придуманности, хотя онъ вовсе не придуманъ, а вытекъ изъ рефлексивной природы поэта, съ которой онъ на этотъ разъ не совладѣлъ и не отодвинулъ отъ себя собственнаго я, такъ же мощно, какъ это онъ дѣлаетъ вездѣ. Разбираемое нами стихотвореніе великаго мастера — многозначительный урокъ съ одной стороны для лирическихъ поэтовъ, сознающихъ свое дѣло, а съ другой для критиковъ, бессознательно и настойчиво требующихъ содержанія. Художественная прелесть этого стихотворенія погибла отъ избытка содержанія. Новое содержаніе: новая мысль, независимо отъ прежней, едва замѣтно трепетавшей во глубинѣ картины, неожиданно всплыла на первый планъ и закричала на немъ пятномъ. Но что значитъ подобная дисгармонія въ одномъ или двухъ стихотвореніяхъ поэта, у котораго самыя недостатки происходятъ отъ избытка силы. Повторяемъ: пусть подъ вдохновеннымъ перомъ его попадаютъ устарѣлыя формы; въ родѣ *сѣдинять*, *вспоминанья*; *облакъ* вмѣсто *облако*, *листья* вмѣсто *листа* (хотя слово *листья* очень ловко) и невѣрные ударенія, въ родѣ: *завѣсу* вмѣсто *завѣсу*, *змии* вмѣсто *змии*, — все это мелочь, на минуту неприятно поражающая слухъ, но неспособная набросить и малѣйшей тѣни на художественную прелесть стихотвореній г. Тютчева.

Радуюсь, что немногія изъ нихъ даютъ мигъ поводъ высказаться касательно одной стороны критическихъ требованій.

Я говорю о стихотвореніяхъ на современные случаи и лица (*Gelegenheitsgedichte*). Опытъ доказываетъ, что дѣятельность въ этомъ направленіи была всегда самой больной стороной поэтовъ, отъ которой такъ или сякъ имъ приходилось страдать.

Однихъ преслѣдовали вѣчные упрёки въ равнодушіи къ современнымъ интересамъ, другіе — и великіе поэты, уступая просьбамъ или собственному сочувствію къ современности, подобно Гёте, писали дюжинами *Gelegenheitsgedichte* и писали ихъ плохо; иные же, что всего хуже, увлекшись современностію, давали возможность заподозривать ихъ въ пристрастіи, а быть можетъ, и въ чувствахъ еще болѣе зазорныхъ.

Разсматривая этотъ вопросъ, надо сдѣлать строгое различіе между такими стихотвореніями. Однѣ пишутся по заказу, и слѣдовательно не принадлежатъ къ свободному творчеству. Другія, хотя и современные — плоды вдохновенія. О нихъ только и можно говорить.

Какъ ни различенъ предметъ (объектъ), уловляемый дагерротипомъ, отъ предмета, возсоздаваемого искусствомъ, и какъ ни противоположны результаты здѣсь и тамъ, возьмемъ все-таки для сравненія дагерротипъ, въ томъ вниманіи, что и бездушный аппаратъ и одухотворенный глазъ художника уловляютъ извѣстные очерки предмета. Ни тотъ, ни другой не могутъ снимать предметовъ движущихся. Изображая движеніе, искусство застаётъ его только въ данный мигъ и въ немъ увѣковѣчиваетъ. Изъ этого закона не изъята и самая драма, вся основанная на движеніи.

Въ силу этого непреложнаго закона, художники съ одной стороны инстинктивно отворачиваются отъ современнаго содержанія, а съ другой подвергаются нареканіямъ. Избирая предметомъ пѣсни вѣковѣчныя явленія міра внутренняго или внѣшняго: *«луну, мечту, дѣву»*, художникъ не рискуетъ тѣмъ, что ихъ не узнаютъ въ его произведеніи. Положимъ, луна показала ему сегодня золотой, а завтра покажется серебряной, но есть надежда, что она и ему и читателю когда нибудь снова предстанетъ золотой. То же можно сказать о событіяхъ и лицахъ, отодвинувшихся въ такую глубину

прошлаго, что онѣ установились на одной степени неподвижности съ горою и полярной звѣздой. Въ этомъ смыслѣ, прелестнаго стихотворенія г. Тютчева:

«Эти бѣдныя селеня,
Эта бѣдная природа...»

нельзя назвать современнымъ. Оно точно такъ же было бы современнымъ за двѣ тысячи лѣтъ, какъ, вѣроятно, и будетъ еще на неопредѣленное время. Съ неустановившимся историческимъ образами бѣда самому первоклассному поэту. Положимъ, что силою волшебнаго жезла, онъ остановилъ движущійся образъ и возсоздалъ изящную его сторону; завтра же, по законамъ движенія, всѣ прелестныя линіи изломались и возбуждаютъ всеобщее недовѣріе къ добросовѣстности художника. Изъ сказаннаго, сатира уже потому дѣлаетъ исключеніе, что идеальная сторона зла гораздо меньше зыбка. Порокъ примитивнѣе, а слѣдовательно неподвижнѣе добродѣтели, которая предполагаетъ сознаніе. Развѣ инстинктивное желаніе отыскать въ ближнемъ темную сторону — не вѣчно? Равнодушныя къ чистому искусству могутъ допускать все; но я не устыжусь моего къ нему сочувствія и смѣло говорю: люди, у которыхъ хотя однажды во всю жизнь вырвались, въ сочетаніи съ содержаніемъ, такія рюшмы, какъ:

«Недвижимъ онъ лежать, и *страненъ*

Быль томный миръ его чела.

Подъ грудь онъ былъ навывлетъ *раненъ;*»

пріобрѣли право подвергаться подозрѣніямъ въ недобросовѣстности, основаннымъ только на несомнѣнныхъ данныхъ.

Стихотворенія г. Тютчева, исполненныя свѣтлыхъ, высоко-человѣчныхъ мотивовъ, какъ напр.

«Пошли Господь свою отраду»

дали намъ только поводъ намекнуть на законы, вслѣдствіе которыхъ современныя стихотворенія, написанныя вчера, нерѣдко блѣднѣютъ сегодня. Но утѣшьте вдохновенные! Муза не обманываетъ своихъ поклонниковъ. Пусть ваши современные образы блѣднѣютъ въ яркомъ калейдоскопѣ насущной суеты; придетъ пора, они отодвинутся во глубь прошедшаго, умолкнетъ разногласица дня, первообразъ вашъ

дойдетъ до тихой неподвижности и поэтической контуръ его, въ минуту вашего вдохновенія, получить первообытныя права на всеобщее сочувствіе.

Предназначенно избѣгнувъ, въ началѣ замѣтокъ, вопроса о нравственномъ значеніи художественной дѣятельности, мы теперь сошлемся только на критическую статью редактора «Библиотеки для Чтенія», въ октябрьской книжкѣ 1858 года: *Очеркъ Исторіи Русской Поэзіи.*

Въ концѣ статьи въ особенности ясно, спокойно и благородно указано на высокое это значеніе. Вполнѣ раздѣляя воззрѣніе автора, мы въ то же время твердо увѣрены, что яркому поэтическому огню г. Тютчева суждена завидная будущность не только освѣщать, но и согрѣвать грядущія поколѣнія.

Рѣшаюсь выписать еще одно стихотвореніе, стр. 48:

XL.

Сонъ на морѣ.

И море и буря качали нашъ чолнъ;
 Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ.
 И двѣ безпредѣльности были во мнѣ —
 И мной своевольно играли онѣ.
 Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
 И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
 Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
 Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ....
 Богѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой,
 Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
 Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ,
 Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ....
 Сады, лабиринты, чертоги, столпы....
 И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
 Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ:
 Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ, —
 По высямъ творенья я гордо шагалъ,
 И міръ подо мною недвижно сіялъ....
 Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
 Лишь слышался грохотъ пучины морской,
 И въ тихую область влдѣній и сновъ
 Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Развѣ не гигантское вдохновеніе, не могучее искусство создали эти образы? Не могу воздержаться отъ зазорнаго вопроса: у кого изъ современныхъ лириковъ такая мощь? У Гейбеля что ли, расходящагося десятками тысячъ экземпляровъ? «За то, — замѣтятъ мнѣ, — его всѣ понимаютъ.» — Великая сила! да что тамъ понимать-то? — Дѣйствительно, первое условіе художественности — ясность; но ясность ясности рознь. Не потому г. Тютчевъ могучій поэтъ, что играетъ отвлеченностями, какъ другой играетъ образами, а потому, что онъ въ своемъ предметѣ такъ же уловляетъ сторону красоты, какъ другой уловляетъ ее въ предметахъ болѣе наглядныхъ. А что міръ отвлеченный не всѣмъ равно доступенъ, а для иныхъ и вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ, сознательно, — это другое дѣло. Скажите или растолкуйте неграмотному самое слово: *отвлеченность*, пойметъ ли онъ въ чемъ дѣло? а между тѣмъ, это понятіе ничуть не туманнѣе понятія о рѣпѣ.

Не малаго требуетъ г. Тютчевъ отъ читателей, обращаясь къ ихъ сочувствію. До сихъ поръ большинство не отозвалось, да и не могло отозваться на его голосъ. Но тѣмъ больше славы поколѣнію, породившему такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Тютчевъ и Кольцовъ, и тѣмъ больше чести народу, къ которому поэтъ обращается съ такими высокими требованіями. Теперь за нами очередь оправдать его тайныя надежды.

А. Фетъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Die Frauen in die Kunstgeschichte, von Ernst Guhl.
Berlin. 1858.

Томы были написаны о вопросѣ: уступаютъ ли женщины мужчинамъ въ силѣ умственныхъ способностей. Женщины, говорятъ защитники современнаго взгляда на вопросъ, не внесли ничего новаго въ область нашей умственной дѣ-

тельности; онѣ не произвели ничего истинно великаго ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни въ литературѣ; правда, были исключенія, но исключеніе еще не составляетъ правила. Чего онѣ не могли сдѣлать въ теченіе восемнадцати вѣковъ, того, конечно, не сдѣлаютъ въ девятнадцатомъ. Толкуютъ о трудностяхъ воспитанія и прочихъ обязанностяхъ, лежащихъ на женщинѣ, но истинный гений не падаетъ ни подъ какимъ гнетомъ; онъ всюду прокладываетъ себѣ дорогу, не нуждаясь ни въ какой искусственной помощи или возбуждательныхъ средствахъ. Женщины, отвѣчаютъ ихъ противники, еще никогда не играли въ обществѣ свойственной имъ роли. Стѣсненные во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, поверхностно образованныя, исключенныя изъ обществъ, въ которыхъ могли бы поддерживать отношенія съ людьми, достигшими высшаго умственнаго развитія, замкнутыя въ узкомъ кругу своихъ домашнихъ обязанностей, принужденныя проводить время то у плиты, то за пальцами, или увлеченныя въ вихрь пустой великосвѣтской жизни — онѣ, незаметно для себя самихъ, подавляютъ свои природныя способности, не давъ имъ развиться вполне, и закрываютъ для себя сферу мысли, которая облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка. Общественная и гражданская подчиненность, тяготящая до сихъ поръ надъ женщиной, стѣсняетъ естественное развитіе ея духа, какъ бы ни были велики его силы.— Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ есть доля правды.

Достаточно вспомнить Елизавету Англійскую, Екатерину Великую, Изабеллу Кастильскую, Марію Терезію, чтобы убѣдиться въ способности женщинъ къ политической дѣятельности; длинный рядъ живущихъ и умершихъ знаменитостей доказываетъ ихъ литературныя дарованія. Но должно сознаться, что труды ихъ въ области искусства никогда не увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Мы не только не знаемъ женщинъ — живописцевъ, которыя могли бы равняться съ Рафаэлемъ, Микель-Анжело (равно какъ не знаемъ женщинъ, равныхъ Гомеру, Шекспиру, Мильтону), но даже второстепенные гении рѣдки между ними. Фактъ этотъ съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ. Живопись есть занятіе, во многихъ отношеніяхъ особенно свой-

ственное женщинъ. Оно не требуетъ никакого пожертвованія ни отъ дѣвической скромности, ни степенности пожилой дамы; оно не дѣлаетъ ее свидѣтельницей шумныхъ и непристойныхъ пооекъ; оно не выводитъ ее на подмостки, не выставляетъ предъ толпой зрителей, которая въ своемъ увлеченіи забываетъ въ артисткѣ женщину. Оно — по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степеніи — возможно въ семейномъ кругу. Но съ другой стороны, живописи дается только тѣмъ, кто совершенно предался ей; она требуетъ строгаго изученія, напряженнаго и непрерывнаго труда.

Одно вдохновеніе, какъ бы возвышенно оно ни было, не составляетъ артиста. Онъ долженъ образовать свою руку также, какъ и умъ, — а это требуетъ долгихъ и постоянныхъ усилій; онъ долженъ изучить анатомію, которую общественный предразсудокъ исключаетъ изъ круга знаній, свойственныхъ женщинамъ. Нерѣдко высказывались сомнѣнія и въ творческой силѣ женской фантазіи. Но такія имена, какъ Елизавета Серани, Марія Робусти, Анжелика Кауфманнъ, Лавинія Фонтана и Роза Бонёръ, доказываютъ, что женщины не вовсе лишены этой способности.

Небольшое сочиненіе профессора Гуля, прибрѣтается въ Германіи замѣчательную популярность въ весьма непродолжительное время, представляетъ новыя данныя для рѣшенія вопроса объ умственныхъ способностяхъ женщинъ. Оно написано просто, безъ всякихъ притязаній на глубинѣ мысли, оригинальность взгляда и совершенно лишено философскихъ тенденцій, свойственныхъ германской натурѣ; но оно можетъ заинтересовать всякаго, кому любопытно прослѣдить, по собраннымъ фактамъ, развитіе женщинъ вообще и успѣхи ихъ въ живописи.

О живописи древнихъ Грековъ мы знаемъ очень не много. Количество дошедшихъ до насъ архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній совершенно достаточно, чтобы судить о степени развитія этихъ искусствъ. Наперекоръ времени, наперекоръ опустошеніямъ древнихъ и новыхъ варваровъ, остатки Пантеона до настоящаго времени свидѣтельствуютъ о славіи и гениѣ Иктинія, Каллкрата. Что же осталось отъ произведеній Апеллеса и Зевксія? Незначи-

тельные остатки древней живописи, пощажённые временемъ и грабежемъ, относятся ко временамъ Римской имперіи; и ни фрески, открытыя въ купальняхъ Тита, ни стѣнная живопись въ Геркуланѣ и Помпеѣ, ни даже двѣ или три картины, найденныя въ этихъ городахъ, не могутъ быть признаны произведеніями вполне развившагося искусства.

Судя по всѣмъ даж. Н. можно заключить, что живопись совершенствовалась несравненно медленнѣе, чѣмъ скульптура. Плиній говоритъ, что, въ то время, когда послѣдняя находилась въ блестящемъ состояніи, первая была еще въ младенествѣ; что до Апполодора (*) не было ни одного артиста, достойнаго вниманія. Но въ то же время онъ упоминаетъ о произведеніяхъ, достойныхъ вниманія, и отзывается о нихъ съ такимъ же почтеніемъ, какъ объ Юпитерѣ Фидія.

Можемъ ли по этому думать, что въ живописи мы уступаемъ древнимъ такъ точно, какъ въ скульптурѣ? что *послѣдняя вечеря* Леонардо да Винчи, *Мадонна Рафаэля*, *дѣвушка Корреджіо* или *Мурильо* — ничто въ сравненіи съ *Пенелопею* и *Юпитеромъ* Цевксія, *Венерою* Апеллеса, *Бахусомъ* и *Ариадною* Аристиды? Такой выводъ, по нашему мнѣнію, былъ бы совершенно безоснователенъ. Что мы уступили и уступаемъ Грекамъ въ скульптурѣ — это объясняется весьма просто. Сущность скульптуры составляютъ красота, грація, симетрія, пропорціональность, говоря проще — форма; а гдѣ форма достигла полнѣйшаго и изящнѣйшаго развитія, какъ не у Грековъ, у народа, который все полагалъ въ красотѣ и изощрилъ свое чувство прекраснаго до высочайшей степени? Живопись требуетъ совсѣмъ другаго. Въ ней должно преобладать чувство, внутреннее движеніе, вытекающее нерѣдко изъ сложныхъ и разнообразныхъ побужденій; а эти элементы принадлежатъ уже христіанству.

Древніе Греки олицетворяли скульптуру и живопись въ образѣ женщинъ; но весьма немногія женщины были съ ними знакомы. Нужно однакожь удивляться, что, не смотря на общее невѣжество женщинъ, на утомительное однообразіе жизни, какую онѣ вели, наконецъ, на ихъ отчуж-

(*) Жившаго за 408 л. до Р. Х.

денность отъ общества, мы находимъ въ числѣ именъ художниковъ и женское имя — имя Кора, дочери коринѳянина Дабутада. Плиній рассказываетъ, что Кора, желая оставить въ памяти портретъ своего любовника, съ которымъ должна была разстаться на вѣки, нарисовала его профиль по тѣни, падавшей на стѣну; отецъ ея по этому рисунку вылѣпилъ силуэтъ изъ глины. Такимъ образомъ явился первый портретъ. Въ этомъ разказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. И до Коры, и послѣ нея, любовь не разъ являлась наставницею человѣка.

Сверхъ того, Плиній упоминаетъ о Тимаратѣ, произведенія которой ему случилось видѣть въ Эфесѣ. Во времена Александра Великаго извѣстны были три женщины — артистки: Цирена, Аристарита и Калипсо. Послѣдняя была жанристка и ей приписываютъ — трудно сказать, основательно ли? — небольшую, но прекрасно отдѣланную картину — мать, наблюдающая за туалетомъ своихъ дочерей — найденную въ Помпѣяхъ и теперь хранящуюся въ Неаполѣ. Плиній говоритъ, что написанные ею портреты извѣстнаго танцовщика Адистена и колдуна Теодора, заслужили общее одобреніе.

Въ лѣтописяхъ Рима находимъ только одну женщину — артистку и та была гречанка. Имя ея Лайа. Она жила за сто лѣтъ до Рождества Христова, то есть въ тѣ времена, когда женщины пользовались большою свободою и, слѣдовательно, имѣли болѣе возможности развить свои артистическія способности. Но здѣсь необходимо вспомнить, что у Римлянъ, у этого боеваго народа, искусство никогда не было такимъ существеннымъ элементомъ жизни, какъ у Грековъ. Въ лучшія времена республики, оно было оставлено въ пренебреженіи, и развитіе его относится ко времени упадка мужественной силы, поработившей весь историческій міръ отъ знойныхъ песковъ Африки до мрачныхъ береговъ Альбіона.

До насъ дошли немногія свѣдѣнія о Лайи; но и изъ этихъ свѣдѣній можно уже заключить, что она пользовалась огромною извѣстностію, какъ портретистка. Плиній говоритъ, что произведенія ея цѣнились весьма высоко и что

она всю жизнь посвятила искусству. Послѣ паденія Римской имперіи, въ теченіе цѣлыхъ семи вѣковъ не находимъ ни одной женщины — артистки. Но самое искусство никогда не погибало, что доказывается нѣсколькими Византійскими памятниками и мозаическими работами, относящимися къ пятому вѣку, и открытыми въ Римскихъ, Венеціанскихъ и Пизанскихъ монастыряхъ. Но древній характеръ искусства, не совмѣстный съ идеею христіанства, долженъ былъ совершенно исчезнуть. Язычники боготворили въ своихъ Юпитерахъ и Аполлонахъ величественную красоту, физическое совершенство; въ слѣдствіе этого, воображали, что и Спасителя должно представлять столь же совершеннымъ физически и основывали это мнѣніе на буквальномъ значеніи словъ пророковъ, предсказывавшихъ его пришествіе въ блескѣ и славѣ. По мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось и укоренялось, древнія понятія объ изящномъ уступали мѣсто повымъ, а въ VIII вѣкѣ послѣдовала папская булла, подтвердившая идеи, высказанныя св. Иеронимомъ, Августиномъ и Амвросіемъ; они требовали, чтобы Спасителя изображали со всѣми атрибутами красоты божественной, а не человѣческой. Такое требованіе, исшедшее отъ лица представителей церкви, было весьма полезно, потому что искусство совершенно пало и кое-какъ поддерживалось миньятюрною живописью на пергаментѣ. Этотъ родъ живописи существовалъ у Грековъ и Римлянъ и, можетъ быть, по причинѣ своей простоты и легкости, сдѣлался постояннымъ, любимымъ занятіемъ монаховъ и отшельниковъ. Рукописи и религіозныя книги считались не совсѣмъ оконченными, если не были украшены подобными рисунками. Нечего и говорить, что они далеко не удовлетворяли самымъ первымъ, существеннымъ требованіямъ искусства; однакожъ находимъ извѣстія о нѣсколькихъ лицахъ, прославившихся въ этомъ родѣ живописи, и глѣтъ за восемьдесятъ до Андрея дель Кондіа, упоминается о Кведлинбергской настоятельницѣ Агнесѣ, приобрѣтшей обширную славу на этомъ поприщѣ.

Художники этого періода раздѣлялись на два разряда: миньятюристовъ, собственно такъ называемыхъ, и миньятюристовъ-каллиграфовъ. Послѣдніе, извѣстные также подѣ

именем *Pulchri Scriptores*, писали книги и письма, первые иллюстрировали ихъ. Это занятіе считалось дѣломъ религіознымъ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало мирной и замкнутой монастырской жизни. Оно не требовало ни знанія человѣческаго сердца, ни наблюденій въ сферѣ жизни, столь необходимыхъ для искусства въ настоящемъ его значеніи. Около этого же времени появилась живопись на стеклѣ, процвѣтавшая въ нѣсколькихъ монастыряхъ.

Испорченность, проникшая въ послѣдствіи въ нравы монастырей, изгладилъ въ нашей памяти воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ ими человѣчеству; мы забыли, что они сохранили для будущихъ вѣковъ зерно мысли, среди непроходимого мрака, покрывавшаго весь историческій міръ. Среди варварства и невѣжества, монастыри были единственнымъ убѣжищемъ. Между тѣмъ какъ графы, бароны, принцы предавались войнѣ, грабежу, разбоямъ и пиршествамъ, монахи скромно трудились въ своихъ келіяхъ надъ вопросами науки и искусства; хотя взглядъ ихъ былъ крайне ограниченъ и заключался формулами религіознаго ученія, труды ихъ принесли плоды, которыми до настоящаго времени пользуется человѣчество. Они сохраняли и изучали творенія древнихъ; они поддерживали существованіе литературы; они воздвигали храмы, которыми справедливо гордятся народы запада; они наконецъ спасли искусство отъ угрожавшей ему гибели. Рожеръ Бэконъ, Патеръ Александро, Анжелико да Фіесоло, Бартоломео спасаютъ средне-вѣковыхъ монаховъ отъ общаго обвиненія въ лѣности и невѣжествѣ. Монахи того времени также не оставались безъ дѣла. Онѣ занимались переписываніемъ рукописей и богослужебныхъ книгъ; которыя почти всегда украшались рисунками самой мелкой работы. Онѣ управляли хозяйствомъ обширныхъ имѣній, принадлежавшихъ ихъ монастырямъ; посѣщали больныхъ и бѣдныхъ и при всемъ томъ находили время заниматься живописью и другими искусствами. Такъ монахи доминиканскаго ордена флорентинскаго монастыря, основаннаго въ 1292 году, прославили свой орденъ преданностію искусству вообще и въ особенности книгопечатанію.

Въ 1476 году Доменико да Пистойа и Пиетра да Пиза, духовные отцы этого монастыря, открыли въ немъ типографію; монахины явились авторами и съ 1476 по 1484 годъ было отпечатано здѣсь нѣсколько весьма замѣчательныхъ произведеній. Но по смерти да Пистойа, онѣ принуждены были оставить свое занятіе.

Миньютюрная живопись процвѣтала въ теченіе XIII, XIV и XV столѣтій и даже великіе люди того времени съ почтеніемъ о ней отзывались. Данте упоминаетъ двухъ живописцевъ, помѣщенныхъ имъ въ «чистилищѣ», гдѣ они должны были страдать за гордость, внушенную имъ успѣхами на землѣ. Въ началѣ XVI вѣка этотъ родъ живописи началъ падать и, мало-по-малу, уступилъ мѣсто гравированію. Но произведенія этого періода далеко превосходятъ миньютюрныя работы прежнихъ временъ правильностію рисунка, выраженіемъ и тщательностію отдѣлки. Въ числѣ художниковъ, прославившихся въ это время, находимъ одну монахиню доминиканскаго ордена, Плаутиліа Нелли, дочь флорентинскаго патриція, учившуюся у Бартоломео. Объ ней упоминаетъ также Вазари во второмъ изданіи своего классическаго сочиненія «Storia di Pittura».

Въ 1405 году въ Германіи прибрѣла извѣстность Сабина фонъ Штейнбахъ, которую можно назвать гага avis между женщинами. Съ ранняго дѣтства она обнаруживала склонность къ скульптурѣ и отецъ ея Эрвинъ фонъ Штейнбергъ, также весьма замѣчательный скульпторъ, произведенія котораго составляютъ украшеніе стразбургскаго собора, былъ ея первымъ наставникомъ. Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что группа, украшающая порталъ южнаго входа въ храмъ, и вызывающая общее удивленіе граціею и красотою, есть произведеніе двадцатилѣтней дѣвушки. Группа эта есть аллегорическое изображеніе Христіанства и Гебраизма. Первая представляетъ величественную прекрасную статую съ діадемой на челѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и чашей въ другой. Послѣдняя наклонена внизъ; лице ея выражаетъ стыдъ и печаль; въ рукѣ у нея сломанная стрѣла и разбитыя таблицы законовъ. «Въ этой группѣ», говоритъ Гуль, «соединяется все, что было возвышеннѣйшаго и прекраснѣй-

шаго въ средневѣковой скульптурѣ; женская рука одушевила ее глубокимъ и чистымъ чувствомъ.

Преданіе прибавляетъ, что, по желанію архіепископа, Сабина сама присутствовала при томъ, какъ ставили эти статуи въ назначенныя для нихъ ниши, что святитель, встрѣтивъ ее со всѣмъ духовенствомъ, возложилъ на ея голову лавровый вѣнокъ, имъ самымъ освященный. Преданіе это было весьма популярное, что доказываетъ небольшая и незамѣчательная по отдѣлкѣ картина, находящаяся въ Страсбургѣ, на которой Сабина представлена стоящею на колѣнахъ предъ архіепископомъ и принимающею его благословеніе и драгоценную награду.

Начало XV вѣка, столь важное въ исторіи человѣчества, ознаменованное особенно напряженною умственной дѣятельностію, очень бѣдно женщинами-артистами и вообще геніальными женщинами, въ сравненіи, по крайней мѣрѣ, съ послѣдующими вѣками. Событія, потрясавшія міръ въ теченіе этого столѣтія, почти такъ же неблагоприятно дѣйствовали на умственное развитіе женщинъ, какъ и на ихъ общественное положеніе. Въ XIII и XIV вѣкѣ женщина была предметомъ особеннаго почитенія. Ея красота была постоянно темою министрелей; ея вниманіе — наградою рыцарской доблести. Женщина, стоявшая на вершинѣ общества, безспорно имѣла множество средствъ развивать свои таланты, насколько позволяло общее состояніе искусства и науки. Но Трубадуры и Миннезингеры пчезли; царство рыцарства прошло — вмѣсто ихъ явились тысяча новыхъ интересовъ. Теперь мужчинамъ нѣкогда было бродить отъ замка къ замку и прославлять своихъ царицъ сердца; женщина упала съ своего пьедестала, на который была поднята хотя благородными, чистыми, но все-таки экзальтированными чувствами мужчины, и стала въ уровень съ обыкновенною будничною жизнію.

Состояніе искусства въ XV вѣкѣ и преимущественно въ началѣ его было такого рода, что не могло питать или развивать таланты, особенно женскіе. Оно мало-по-малу стало сбрасывать съ себя идеальный и сверхчеловѣческій характеръ, составлявшій отличительную черту среднихъ вѣковъ.

То былъ періодъ непрерывнаго, утомительнаго труда, приведшаго человечество къ великимъ результатамъ. Теперь должны были явиться на полотнѣ земныя страсти и побужденія, не находившія мѣста въ религіозной живописи прежнихъ временъ, не гармонировавшія съ строгими произведеніями Анжелико да Фіесоле или торжественными, исполненными достоинства фигурами Бартоломео. Все это требовало серьезнаго изученія — слишкомъ тяжелаго и сухаго для женщины. Не смотря на то, мы можемъ назвать нѣсколько женщинъ, одолевшихъ всѣ трудности и достигшихъ извѣстности въ этотъ тяжелый періодъ. Изъ нихъ наибольшую извѣстностію пользовалась Маргарета фонъ Эккъ, сестра Губерто фонъ Экка, который произвелъ переворотъ въ искусствѣ введеніемъ маслянныхъ красокъ. Маргарета впрочемъ не принимала участія въ этомъ дѣлѣ; она посвятила себя исключительно миньютюрной живописи и роскошный Бургундскій дворъ доставлялъ ей множество работъ. Случалось, братъ и сестра работали вмѣстѣ; такъ, они иллюстрировали служебникъ герцога Бредфордскаго, женившагося въ 1423 г. на сестрѣ Филиппа Добраго; нынѣ этотъ экземпляръ хранится въ Парижской библіотекѣ. Маргарета была хорошо извѣстна своимъ современникамъ, что доказывается словами Карла фонъ Мандера, древнѣйшаго историка фламандскаго искусства, который называетъ ее Минервою и прибавляетъ, что, подобно Минервѣ, она смѣялась надъ узами Гименея.

Не много позже, въ мирной Нюрембергской обители, другая Маргарета трудилась надъ перепискою и иллюстрированіемъ религіозныхъ книгъ. Восемь фолиантовъ были переписаны и украшены рукою этой набожной и неутомимой отшельницы. Но прежде, нежели перейдемъ къ послѣдующему періоду, упомянемъ о двухъ женщинахъ, весьма замѣчательныхъ. Въ Болонской пинакотекѣ, въ числѣ произведеній XIV и XV вѣковъ, находится изображеніе св. Урсулы, исполненное святаго, кроткаго выраженія, превосходящее въ правильности рисунка большую часть произведеній того времени. Картина эта приписывается Катеринѣ Вигри, Болонской уроженкѣ, родившейся въ 1403 г. и окончившей свои дни монахиней въ монастырѣ Капо ди Кристи, гдѣ до настоящаго

времени можно видѣть картины ея работы. Изъ числа ихъ наиболѣе замѣчательно изображеніе Иисуса младенца, которому въ теченіе долгаго времени приписывали чудотворную силу и въ народныхъ сказаніяхъ сохранилось множество фактовъ, подтверждающихъ это повѣрье.

Другая женщина была Оронато Рудіано, съ одинаковымъ искусствомъ владѣвшая кистью и мечемъ. Исторія ея полна драматическихъ сценъ и положеній, такъ что должно удивляться, какъ она до сихъ поръ не сдѣлалась героинею романа или драмы. На двадцать третьемъ году она пользовалась уже такою извѣстностію, что Габрино Фондоло, тиранъ Кремонскій, предложилъ ей работы въ своемъ дворцѣ. Оронато хотѣла-было уклониться отъ этой чести, но противиться волѣ этого мстительнаго и безсовѣстнаго человѣка было опасно.

Впрочемъ она не долго работала во дворцѣ тирана. Однажды, когда она была занята своимъ дѣломъ, вошелъ въ комнату одинъ изъ придворныхъ, человѣкъ, какъ говорятъ ея біографы, развратной жизни, и весьма дерзко обошелся съ нею. Оронато съ негодованіемъ потребовала, чтобы онъ удался, но придворный отвѣчалъ презрительною насмѣшкой; тогда артистка выхватила кинжалъ, скрытый подъ ея платьемъ, и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, поразила его въ грудь. Послѣ того она убѣжала изъ дворца и скрылась въ горахъ, объявивъ, что скорѣе умереть въ изгнаніи голодною смертію, нежели запятнаеть свою честь. Фондоло пришелъ въ бѣшенство отъ поступка артистки и разослалъ создать во всѣ стороны, приказавъ, чтобы они представили ее живую или мертвую. Попытки оказались тщетными, и такъ какъ Маркизь не могъ найти художника, который въ состояніи былъ бы продолжать работу, начатую Оронатою, то обѣщалъ ей совершенное прощеніе, если она возвратится. Оронато отвергла это предложеніе и вступила въ шайку комодотери, опустошавшихъ тогда Италію; необыкновенная храбрость и твердость воли доставили ей вскорѣ титулъ начальницы шайки, что еще болѣе развило въ ней воинственные наклонности и до самой смерти не оставяла она ни меча, ни кисти. Въ 1472 г. ея родной го-

родъ Каstellіоне былъ осажденъ Венеціанами; узнавъ объ этомъ, Оронато немедленно явилась къ нему на помощь со своей шайкою; дѣйствія ея были такъ успѣшны, что Венеціаны принуждены были снять осаду. Но здѣсь, въ одной схваткѣ, она была смертельно ранена и умерла спустя нѣсколько дней.

XV вѣкъ, какъ мы замѣтили выше, былъ вѣкомъ труда; плоды этого труда явились въ XVI столѣтіи, когда искусство и преимущественно живопись достигли самаго полнаго совершенства. Въ короткій промежутокъ времени съ 1590 по 1620 годъ явились величайшіе гении искусства: Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микель-Анжело, Корреджіо, Тиціанъ, Жіоржіоне, составляющіе славу и гордость Итали. За этими великими именами пачезли имена женщинъ-артистокъ, которыя въ другое время выдвинулись бы на первый планъ. Было бы несправедливо, еслибы мы прошли ихъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что въ свое время онѣ пользовались извѣстностію и уваженіемъ. Славнѣе другихъ была Марія Робусты, дочь Тринторетто, соперника — хотя далеко не равнаго — Тиціана. Дарованія Маріи признавались безусловно. Короли и императоры старались привлечь ее къ своимъ дворамъ; но она ствергала всѣ ихъ предложенія и до самой смерти оставалась въ Венеціи, не покидая отцовской кровли, не смотря на то, что была за богатымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Рудольфи въ своемъ сичиненіи *Maraviglia della pittura Veneziana* съ большимъ уваженіемъ отзывается о ея дарованіи и высоко цѣнитъ ея произведенія. Профессоръ Гуль здѣсь упоминаетъ много женскихъ именъ, прославленныхъ современниками, но забытыхъ потомствомъ. Изъ числа ихъ мы укажемъ на Ирину ди Спиллибергъ, Уддинскую урожденку, происходившую отъ древней фамили, молодую, прекрасную, даровитую артистку, бывшую въ тѣ времена предметомъ общаго удивленія. Тассо прославилъ ее въ своихъ сонетахъ; Тиціанъ, наставникъ ея, обезсмертилъ ее своею кистью; въ собраніи рѣчей Градениго, издаанныхъ лѣтъ двадцать спустя послѣ его смерти, она названа гордостію и славой своего вѣка; Рудольфи причисляетъ ее къ разряду необыкновенныхъ явленій. Можетъ быть, ся юность, кра-

сота и ранняя смерть — она умерла на восемнадцатомъ году, — преувеличили въ глазахъ современныхъ судій ея достоинства. Во всякомъ случаѣ, восторженные отзывы ихъ доказываютъ, что она общалась очень много. И въ самомъ дѣлѣ, что осталось бы послѣ Леонардо да Винчи или Рафаэля, еслибы они умерли въ ея лѣта?

Фламандскія женщины также принимали участіе — хотя въ несравненно меньшей степени — въ этомъ быстромъ развитіи искусства. Албрехтъ Дюреръ въ своемъ журналѣ (1521 г.), говоритъ съ удивленіемъ объ одной семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, встрѣченной имъ во время путешествія. «Ее звали Сусанною», пишетъ онъ, «она рисовала картинки для какой-то книги, и я далъ ей за то червонецъ. Чрезвычайно удивительно, что женщина (Weibsbild) въ состояніи такъ много сдѣлать». Мнѣніе Дюрера о женскихъ способностяхъ — конечно, не очень лестное, — было господствующимъ въ Германіи въ XVI вѣкѣ.

Въ XVII столѣтіи находимъ нѣсколько артистокъ, о которыхъ нельзя не упомянуть, хотя ихъ произведенія и не могутъ быть поставлены на ряду съ произведеніями великихъ мастеровъ того времени. Но въ трудахъ Лавиніи Фонтаны, Артемизы Джентилески, Елизаветы Серани и Маріи Шурманъ, нельзя не признать положительныхъ достоинствъ. Первые три принадлежали къ Болонской школѣ. Лавинія была дочь Просперо Фонтана, наставника Людовика Караччи, который до такой степени ошибался въ своемъ ученикѣ, что называлъ его *быкомъ* и считалъ способнымъ только тереть краски. Но впоследствии, когда Караччи, воспользовавшись наставленіями Тиціана, Корреджіо, Джуліо Романо и другихъ великихъ художниковъ, явился самостоятельнымъ дѣятелемъ, старикъ Фонтана пожалѣлъ, что не могъ сдѣлаться его ученикомъ. Эта честь досталась его дочери, и если она не превзошла своего учителя, то по крайней мѣрѣ усвоила себѣ его мягкость, нѣжность и искусство придавать лицамъ равное выраженіе. Портреты ея работы считались тогда лучшими, и многія тогдашнія львицы добивались чести имѣть снятый ею портретъ, за что платили огромныя суммы. Папа Григорій XIII назначилъ ее своимъ

постояннымъ живописцемъ. Необыкновенная красота и другія личныя достоинства Лавиніи привлекали къ ней общее вниманіе; она постоянно была окружена толпою знатныхъ искателей, но отвергла ихъ и предпочитала имъ молодаго человѣка, низкаго происхожденія, который привлекъ ея вниманіе, работая въ мастерской ея отца.

Гораздо выше Лавиніи критики ставятъ Елизавету Серани, также Болонскую урожденку, ученицу Гвидо Рени. Она вполне усвоила себѣ изящную манеру своего наставника, съ которою соединила силу и энергію выраженія, почти невѣроятною для женщины, и совершенно свободную отъ той рѣзкости, которую такъ часто принимаютъ за силу. Въ церкви Certosa въ Болоньи, находится ея картина — Иисусъ на Иорданѣ — отъ которой не отказался бы самъ Гвидо Рени; въ томъ же городѣ въ Палаццо ди Піетро хранится другая картина — Св. Магдалина, — которая по красотѣ, граціи, выраженію, достойна особеннаго вниманія. Елизавета съ большимъ успѣхомъ занималась также музыкою и скульптурою. Съ этими талантами она соединяла всѣ лучшія женскія добродѣтели, и никогда не позволяла себѣ пренебречь своими скромными домашними обязанностями. Цвѣтущая молодостью и красотою, достигшая огромной извѣстности, Серани была постигнута печальною судьбою. Ранняя смерть ея до настоящаго времени покрыта непроницаемою тайною и всѣ усилія разсѣять эту таинственность остаются безплодными. Акты, составленные судьями — (она умерла такъ внезапно, что возбудила общее подозрѣніе) — существуютъ до сихъ поръ, но мало объясняютъ дѣло. Вообще полагали, что она была отравлена кѣмъ либо изъ завистливыхъ соперниковъ; иныя утверждали, что она погибла отъ руки какого-то знатнаго лица, тщетно домогавшагося ея любви. Смерть ея возбудила волненіе въ городѣ; похоронная церемонія была совершена съ необыкновеннымъ великолѣніемъ и гробницу ея, находящуюся въ церкви Мадонны дель Розаріо, рядомъ съ гробницею Гвидо Рени, долгое время посѣщали пилигримы изъ разныхъ странъ Италіи.

Артемизія Джентилески, также ученица Гвидо Рени, родилась въ Неаполѣ, но въ ранней юности переелилась въ

Болонью со своимъ семействомъ. Она прославилась въ портретной живописи и вскорѣ была приглашена въ Англію Карломъ I, при дворѣ котораго провела нѣсколько лѣтъ, постоянно занимаясь своимъ искусствомъ. Англичане щедро наградили ея труды, такъ что возвратясь на родину, она жила до самой смерти чрезвычайно роскошно. Переписка ея съ Кавалеромъ дель Поццо, недавно изданная, обнаруживаетъ въ ней замѣчательныя умственныя способности и доказываетъ, что она была столь же замѣчательна въ жизни, какъ и въ своей мастерской. Одна изъ лучшихъ ея картинъ, Юдишь, находится въ Палаццо Питти во Флоренціи.

Марія Шурманъ извѣстна необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ дарованій. Она родилась въ Кельнѣ, но была Фламандскаго происхожденія. Удивительныя умственныя способности ея обнаружались весьма рано. Присутствуя при урокахъ брата, она въ весьма короткое время побѣдила всѣ трудности Латинскаго языка, безъ всякой помощи учителя. Пробужденная любовь къ знаніямъ не находила нигдѣ преграды. Одиннадцатилѣтней дѣвочкой, она хорошо владѣла Греческимъ и Еврейскимъ языкомъ и совершенно легко читала Гомера, Эсхила и Библию въ оригиналѣ. Сверхъ того она была знакома съ Арабскимъ, Сирійскимъ, Самаританскимъ языками, говорила совершенно свободно на нѣсколькихъ Европейскихъ языкахъ, и прославилась въ скульптурѣ, въ музыкѣ и въ живописи. Не знаемъ, чему болѣе удивляться въ этой необыкновенной женщинѣ — или ея способностямъ, или скромности. Ученѣйшіе люди того времени съ почтеніемъ говорили о ней; Сальмасіусъ, Фоссіусъ, Гензіусъ и другіе вели съ нею интимную переписку; всѣ знаменитости, посѣщавшія Кельнъ, добивались чести быть ей представленными; но она уклонялась отъ этихъ почестей, жила въ скромномъ загородномъ домикѣ, посвятивъ себя вполне искусству и литературѣ.

Смерть отца ея и братьевъ, къ которымъ она была страстно привязана, произвела на нее весьма сильное впечатлѣніе; она предалась сначала серьезнымъ размышленіямъ, а потомъ впала въ меланхолію. Въ это время Марія познакомилась съ Ламни, человѣкомъ, считавшимъ себя новымъ

Мессіей, и обладавшимъ чрезвычайно сильными умственными способностями и такимъ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, что увлекалъ всѣхъ, съ кѣмъ только приходилъ въ близкія сношенія. Марія скоро покорилась его вліянію, сдѣлалась самой жаркой его послѣдовательницею и, оставивъ свои прежнія занятія, со всею страстію предалась изученію богословія. По смерти Лабади, въ 1674 году, она рѣшилась распространять его ученіе и ревностно разсѣвала его. Собравъ нѣсколькихъ изъ сектаторовъ Лабади, она отправилась въ Вивертъ, въ Фрисландію, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ и гдѣ видѣлъ ее знаменитый Вилліамъ Пеннъ, сказавшій, что «она говорила замѣчательно важнымъ и торжественнымъ тономъ». Залужденіе Маріи Шурманъ было совершенно искреннее; это доказывается тѣмъ, что она раздала все свое имѣніе бѣднымъ и умерла въ крайней нищетѣ въ 1678 году.

• Рашель Рейчъ была другая Фламандка, достойная полного уваженія, какъ артистка и какъ женщина. Она родилась въ Амстердамѣ, въ 1664 году, на шестнадцатомъ году вышла за мужъ и была матерью десяти дѣтей, которыхъ воспитывала съ примѣрною заботливостію. Какъ она могла, при весьма ограниченныхъ средствахъ, соединить съ мелочными, но тѣмъ не менѣ важными материнскими заботами, занятія живописью, требующія также постояннаго и усерднаго труда — не легко понять; но истинный геній безъ малѣйшаго труда производитъ то, что для обыкновенныхъ умовъ кажется физически невозможнымъ. Спеціальность Рашели были цвѣты — и въ этой отрасли живописи она долгое время не находила соперниковъ. Слава ея быстро распространилась, и даже за предѣлами отечества она стала извѣстна, какъ замѣчательная артистка, такъ что Іоаннъ, Курфирстъ Пфальцскій, пригласилъ ее къ своему двору и убѣдилъ ее впоследствии поселиться совѣмъ въ его столицѣ. По смерти Курфирста, она возвратилась въ Голландію и по прежнему продолжала трудиться. Она умерла въ 1750 году, окруженная любовію и уваженіемъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о французскихъ женщинахъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ теченіе этого періода своими артистическими способностями. Въ XVII

столятии женщины играли весьма видную роль въ исторіи Франціи, хотя эта роль часто была несовѣстна съ достоинствомъ и добродѣтелью женскою; искусство и литература привлекали къ себѣ весьма немногихъ. Изъ числа ихъ мы можемъ упомянуть Елизавету Шеронъ, бывшую членомъ Парижской академіи. Объ ней одинъ изъ академиковъ, Фермаль Гюпсъ, выразился въ рѣчи, произнесенной на ея могилѣ, что она можетъ стать на ряду съ знаменитѣйшими артистками своего вѣка. Картины ея, едва ли достойныя такой рѣзкой похвалы, до настоящаго времени высоко цѣнятся критиками; онѣ отличаются мягкостію и полнотою выраженія. Одаренная умомъ, красотой и добрымъ сердцемъ, Елизавета Шеронъ всегда пользовалась любовью и уваженіемъ своихъ соотечественниковъ.

Между тѣмъ какъ Франція можетъ указать на Елизавету Шеронъ, Англіи остается только похвалиться нѣсколькими женщинами, одаренными большими артистическими способностями и дѣйствительно обѣщавшими очень много, но никогда не достигшими полного развитія.

Германія въ этомъ отношеніи бѣднѣе Англіи. Въ искусствѣ, какъ въ литературѣ — съ весьма немногими исключеніями — Германія того времени далеко уступала своимъ сосѣдямъ. Такъ называемая Кельнская школа умерла, между тѣмъ какъ состояніе страны уничтожало всякую возможность дальнѣйшаго развитія искусства. Тридцатилѣтняя война опустошала Германію, не доставляя ей даже тѣхъ выгодъ, какія обыкновенно доставляютъ междоусобныя войны, вызывающія благородную энергію; напротивъ, она дала просторъ низкимъ страстямъ и самымъ нечистымъ побужденіямъ. Что въ это тяжкое время не явилась ни одна замѣчательная артистка — этому нельзя удивляться. Мы должны замѣтить, что въ странахъ протестантскихъ вообще положеніе женщины было гораздо хуже, нежели въ странахъ католическихъ.

Объявивъ, что бракъ есть единственное призваніе женщины, что въ этомъ, и только въ этомъ, заключается все, что предназначено женщинѣ провидѣніемъ, Лютеръ положилъ границу развитія женскихъ способностей, выходящихъ

за границу тѣснаго семейнаго быта. Католицизмъ возвысилъ женщину почти до степени святости; онъ внушилъ ей героизмъ мучениковъ, причисливъ славнѣйшихъ къ лику святыхъ и давъ имъ мѣсто на ряду съ іерархами. Всѣмъ, которыя отвергли узы брака, которымъ онъ не были суждены судьбою, онъ открылъ благородное поприще — сестеръ милосердія и далъ убѣжище въ монастыряхъ. Реформація отняла все это у женщины. Она сѣзнула ея сферу, уменьшила ея вліяніе и ограничила ея дѣятельность будничнымъ семейнымъ кругомъ. Католицизмъ въ лицѣ дѣвы Маріи католицизмъ облекъ женщину атрибутами святости; онъ поставилъ ее между человѣчествомъ и его творцомъ, какъ воплощеніе чистоты и гуманности. Эта идея выразилась вполне въ картинѣ страшнаго суда Микель-Анжело. Но въ настоящее время, даже въ католическихъ государствахъ, женщинамъ отказываютъ въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя были имъ дарованы католицизмомъ. Въ лѣтописяхъ главнѣйшихъ городовъ Италіи находимъ имена женщинъ, занимавшихъ профессорскія кафедры, читавшихъ математику, астрономію, преподававшихъ греческій, латинскій, еврейскій языкъ; находимъ членовъ академіи, о которыхъ съ почтеніемъ отзывались ученѣйшіе люди.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія явилось нѣсколько художниковъ, прославившихся и дарованіями и обширнымъ вліяніемъ. Итальянская школа окончила свое развитіе и уступила первенство французской, которая пріобрѣла безусловное господство въ области искусства. Въ это время и въ Германіи оно не было въ совершенномъ застоѣ: его представляли Рафаэль Менгсъ и Карстенсъ. Но исторія живописи поставила между ними женщину, умѣвшую соединить ихъ достоинства и уклониться отъ ихъ недостатковъ.

Въ знаменитой галлерей Питти во Флоренціи вниманіе посѣтителя обращаютъ на себя три женскіе портрета, писанные самими оригиналами; первый изъ нихъ представляетъ женщину, черты которой обличаютъ въ ней сильныя мужественныя способности ума — это Марія Робусти Тинторето. По первому взгляду на второй, самый неопытный глазъ отличить французженку, жпвую, остроумную, граціозную, —

это мадам Лебрюнь. Третій портретъ составляетъ рѣшительный контрастъ съ портретомъ прекрасной парижанки; на немъ представлена женщина въ цвѣтѣ лѣтъ, съ серьезнымъ, задумчивымъ, почти меланхолическимъ выраженіемъ; но въ ней нѣтъ ничего блестящаго, кидющагося въ глаза. Она сидитъ на камнѣ, съ портфелемъ въ одной рукѣ, и карандашемъ въ другой; кругомъ ея разстилается прекрасный ландшафтъ. При первомъ взглядѣ вы чувствуете, что она всею душой предана своему призванію. Это Анжелика Кауфманнъ, почти единственная артистка, которою можетъ хвалиться Германія, но которая превзошла всѣхъ женщинъ — артистокъ, упомянутыхъ нами, за исключеніемъ одной развѣ Елизаветы Серанн.

Исторія Анжелики Кауфманнъ хорошо извѣстна; поэтому намъ нѣтъ надобности входить въ подробности ея дѣтства, ея простой, невозмутимо спокойной юности, проведенной частью среди прекрасныхъ холмовъ своей родины, покрытыхъ виноградниками и дикими лѣсами, частью на берегахъ Комо; мы не станемъ говорить объ ея страстной любви къ искусству, объ ея гени, успѣхахъ, пребываніи въ Англии, громкихъ рукоплесканіяхъ, общемъ восторгѣ, наконецъ о ея несчастномъ замужествѣ; — все это повторялось не разъ. Но подробности ея брака или скорѣе обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему, не совсѣмъ извѣстны. Еще въ ранней юности, путешествуя съ отцемъ своимъ изъ Швейцаріи въ Германію, она встрѣтилась въ первый разъ съ человѣкомъ, который въ послѣдствіи имѣлъ такое пагубное вліяніе на ея судьбу. Анжеликѣ было тогда семнадцать лѣтъ; ея талантъ уже привлекалъ къ себѣ общее вниманіе; но отецъ ея былъ бѣденъ и они принуждены были путешествовать пѣшкомъ, останавливаясь на ночь въ трактирахъ, лежавшихъ по большой дорогѣ. Однажды вечеромъ, когда путешественники наши, утомленные продолжительной ходьбой, вошли въ скромный постоялый дворъ, хозяинъ его объявилъ имъ, что для нихъ нѣтъ мѣста, потому что всѣ комнаты заняты двумя *grands seigneurs* и ихъ прислугой. Они настаивали, чтобы и имъ дано было пристанище, но хозяинъ оставался непреклоненъ; во время этого спора вышелъ

одинъ изъ путешествовавшихъ джентельменовъ и, съ необыкновенной любезностію, попросилъ ихъ войти въ столовую и отужинать вмѣстѣ съ ними. Кауфманнъ, честная и откровенная душа котораго была всегда чужда подозрѣній, тотчасъ же принялъ предложеніе, не обративъ вниманія на протестъ дочери, высказанный шопотомъ; она естественнымъ женскимъ инстинктомъ поняла, что въ этомъ любезномъ приглашеніи кроется нѣчто оскорбительное. Она не ошиблась; за столомъ Лордъ Е. позволилъ себѣ вольности, оскорбительныя для дѣвушки. Анжелика попыталась было остановить его; но это, кажется, еще болѣе ободрило Лорда; тогда она съ негодованіемъ встала изъ за стола, увлекла за собой отца и немедленно удалась изъ дому. Прошли года. Часть этого времени Анжелика провела у своего дяди, честнаго фермера, умѣвшаго мириться съ своимъ довольно печальнымъ положеніемъ. Сначала Анжелика, привыкшая къ чудесамъ искусства и великолѣпію италіанскихъ городовъ, съ трудомъ переносила скучное и монотонное существованіе въ кругу простяка фермера. Грубыя манеры окружающихъ ее людей, полное отсутствіе вкуса и изящества возбуждали ея негодованіе и внушали отвращеніе. Но мало по малу спасительная привычка подавила первыя непріятныя впечатлѣнія, и она полюбила скромную простоту гостепріимнаго жилища, съ незатѣйливымъ фронтономъ, съ узенькими окнами, — тишину и мракъ сосновой рощи, сквозь которую съ трудомъ пробивались солнечные лучи, — и перестала тосковать о мраморныхъ дворцахъ Милана, объ апельсиновыхъ аллеяхъ Комо. Впрочемъ, ей мало оставалось времени для этихъ безплодныхъ сожалѣній; отецъ ея, получившій заказы для сосѣдней церкви, предоставилъ ей часть работы, и успѣхъ ея превзошелъ ожиданія старика.

Спустя нѣкоторое время, она опять отправилась въ Италію, посѣтила Флоренцію, Неаполь и Римъ. Въ Римѣ она познакомилась съ Винкельманомъ, который скоро почувствовалъ къ ней почти отеческую привязанность. Шестидесятилѣтній старецъ, прошедшій жизнь свою въ серьезныхъ тяжелыхъ трудахъ, и молоденькая дѣвушка, полная энергіи, надеждъ и вдохновенія, представляли собою прекрасное зрѣ-

лице, когда вмѣстѣ, рука объ руку, бродили они по классическимъ развалинамъ вѣчнаго города, или когда она рисовала портретъ своего почтеннаго друга. Портретъ Винкельмана есть одно изъ лучшихъ произведеній Анжелики; сходство поразительное, краски удивительно живы.

Анжеликѣ было двадцать шесть лѣтъ и она уже пользовалась значительною извѣстностію, когда ей предложили посѣтить Англію. Тамъ она была встрѣчена съ энтузіазмомъ; даровитѣйшіе и знатнѣйшіе люди искали ея знакомства; судьба, казалось, улыбалась ей. Но въ Лондонѣ она опять встрѣтилась съ тѣмъ человѣкомъ, который за десять лѣтъ предъ тѣмъ такъ глубоко оскорбилъ ея дѣвическую скромность. Она увидѣла его въ блестящемъ кругу, гдѣ собраны были всѣ beaux-esprits Лондона. Лордъ Е. совершенно потерявшій ее изъ виду, крайне удивился, узнавъ въ прекрасной и знаменитой артисткѣ скромную путешественницу, шедшую когда то пѣшкомъ по Швейцарскимъ горамъ. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на его воображеніе, что онъ рѣшился добиться ея вниманія. Притворное раскаяніе въ прошломъ, увѣренія въ самой слѣпой преданности, лесть, вкрадчивая любезность, — все было употреблено въ дѣло — и не безъ успѣха. Анжелика повѣрила; но заблужденіе ея продолжалось только до тѣхъ поръ, пока Лордъ не вообразилъ себѣ, что покорилъ ея гордое сердце и не сбросилъ маски. Легко себѣ представить удивленіе и негодованіе Анжелики. Она рѣшилась не допускать его въ свое общество. Это еще болѣе возбудило его страсть. Можетъ быть, онъ принялъ поведеніе Анжелики за маленькую хитрость, употребленную для того, чтобы заманить его еще далѣе; какъ бы то ни было, онъ повергъ къ ея ногамъ свой титулъ и свое состояніе. Но Анжелика не походила на Памелу и не могла покорно, съ благодарностію, принять предложеніе человѣка, оскорбившаго ея добродѣтель. Ея спокойный, но рѣшительный отказъ привелъ въ бѣшенство Лорда. Если вѣрить біографамъ, онъ рѣшился силою достигнуть своей цѣли; но всѣ его усилія оставались безплодными. Поведеніе его сдѣлалось извѣстнымъ и стало возбуждать толки; тогда Лордъ Е., дышущій местию, пашель приличнымъ ос-

тавить на время Англию. Дальнѣйшія событія въ жизни Кауфманнъ всёмъ извѣстны. Ея несчастный бракъ съ безчестнымъ искателемъ приключеній, котораго столь безчестный Лордъ Е. подкупилъ и заставилъ играть роль знатнаго и богатаго человѣка, открытіе этой интриги, расторженіе брака, болѣзнь и страданія, перенесенныя несчастной женщиной, — все это было рассказано нѣсколько разъ ея біографами.

Эти печальныя происшествія нисколько не уменьшили, а напротивъ увеличили уваженіе современниковъ къ великой артисткѣ. Въ скоромъ времени она была вызвана изъ уединенія, въ которомъ погребла себя послѣ своей женитьбы; Лондонская академія художествъ избрала ее профессоромъ — честь, достававшаяся немногимъ женщинамъ. Тринадцать лѣтъ провела она въ Лондонѣ и наконецъ, уступая просьбамъ отца, здоровье котораго быстро упало, возвратилась въ Германію. Здѣсь, по желанію отца, который боялся оставить ее одну, безъ покровителей, она отдала свою руку живописцу Антоніо Зуччи, и съ нимъ отправилась въ Римъ. Въ Римѣ она была введена въ общество великихъ людей, прославившихъ ея родину, и въ разное время посѣщавшихъ столицу папъ. Она познакомилась съ Гёте, Гердеромъ и другими.

«Анжелика,» пишетъ Гёте, въ одномъ письмѣ изъ Рима, «обладаетъ въ высшей степени замѣчательнымъ и до сихъ поръ почти невиданнымъ въ женщинѣ талантомъ; нужно видѣть и оцѣнить ее по тому, что она дѣлаетъ. Отъ нея многому можно научиться.»

«Любопытно было видѣть», говоритъ де Росси, знаменитый ея біографъ, «Анжелику и ея мужа, стоящими предъ картиной. Зуччи говорилъ съ энтузіазмомъ, Анжелика возражала спокойно, указывая на лучшія части произведенія и объясняя мысль художника. Въ лицѣ ея можно было читать ея чувства; замѣчанія ея всегда отличались краткостію и ограничивались нѣсколькими словами. Она рѣдко охуждала, и нещадла похвалъ тому, что дѣйствительно было достойно похвалы.»

Остальную часть своей жизни Анжелика провела тихо и спокойно. Она умерла въ 1807 году. «Какъ артистка,» говоритъ ея современникъ Рафаель Менгсъ, «ею могутъ гор-

даться женщины всѣхъ временъ и народовъ. Въ ней было все необходимое художнику. Концепція, рисунокъ — все въ ней совершенно.» Эту рѣзкую похвалу, произнесенную въ то время, когда воспоминаніе о личныхъ достоинствахъ самой артистки было еще свѣжо въ памяти писавшаго, потомство не признало совершенно основательной, хотя впрочемъ критики и въ настоящее время высоко цѣнятъ правильность и изящество ея рисунка и необыкновенную иѣжность очертаній.

Мадамъ Лебрюнъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ Анжеликой Кауфманнъ. Веселая, говорливая, кокетливая, французенка въ полнѣйшемъ значеніи этого слова, она была совершенно чужда качествъ, составляющихъ характеристику германскихъ женщинъ. Она родилась 16-го Апрѣля 1755 года. Отецъ ея былъ довольно хорошій портретистъ и рано открылъ въ дочери склонность къ живописи. На восьмомъ году она нарисовала картинку, изображавшую булочника, такъ вѣрно, что отецъ въ восторгѣ воскликнулъ: дитя мое, ты будешь живописецъ! Говорятъ, что этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на воображеніе дѣвочки, и она съ большей любовью и большимъ вниманіемъ чѣмъ прежде, слѣдила за работою отца. Старый живописецъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы развить талантъ дочери, въ которомъ не сомнѣвался. На тринадцатомъ году она лишилась его; тогда наставникомъ ея сдѣлался знаменитый Жозефъ Верне, который съ большимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ юнаго таланта. Но положеніе ея было весьма печальное. Небольшіе доходы ея семейства со смертію отца совершенно пресѣклись; ея мать, тщеславная, высокомѣрная и пустая женщина, не умѣвшая найти выхода изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, обратила въ свою пользу труды дочери, и бѣдная дѣвушка принуждена была работать черезъ силу, чтобы удовлетворить ея любовь къ нарядамъ и развлеченіямъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, она въ другой разъ вышла за мужъ; но положеніе юной артистки нисколько не улучшилось; отчимъ ея, неизмѣримо богатый человекъ, былъ такъ чудовищно скупъ, что отказывалъ своему семейству почти въ необходимомъ. Теперь таланты Елизаветы сдѣлались еще

необходимѣе, потому что матери ея хотѣлось блеснуть въ свѣтѣ своимъ богатствомъ. Между тѣмъ слава артистки начала распространяться. Когда ей было пятнадцать лѣтъ, она написала портретъ своей матери, который привелъ Верне въ такое восхищеніе, что онъ предложилъ академіи избрать ее въ члены. Но молодость ея въ глазахъ академиковъ показалась слишкомъ важнымъ препятствіемъ, и только спустя нѣсколько лѣтъ, она была представлена полному собранію академіи. Около этого же времени она была введена въ домъ Пьерра Лебрюнъ, извѣстнаго своими артистическими способностями и считавшагося однимъ изъ первыхъ знатоковъ живописи въ Европѣ.

«Я вовсе не думала о выходѣ за мужъ за М. Лебрюна», пишетъ она въ своихъ мемуарахъ, «хотя онъ былъ очень красивъ и любезенъ; но моя мать, считавшая его богачемъ, не переставала уговаривать меня, чтобы я не отказывалась отъ такой выгодной партіи. Я покорилась ея желанію, и какъ горько потомъ раскаялась!»

Лебрюнъ смотрѣлъ на бракъ какъ на коммерческую сдѣлку. Обремененный огромными долгами, онъ рассчиталъ, и довольно вѣрно, что таланты молодой жены доставятъ ему возможность удовлетворить кредиторовъ и жить спокойно и роскошно. Дѣйствительно, она принуждена была отдавать ему всѣ заработанныя ею деньги, часто значительныя суммы, и потомъ видѣла, какъ мужъ проматывалъ ихъ. Онъ самъ жилъ въ бель-этажѣ, въ роскошно меблированныхъ покоехъ, между тѣмъ какъ мадамъ Лебрюнъ принуждена была довольствоваться бѣдной квартиркой въ третьемъ этажѣ. Однакожъ, если вѣрить *Chroniques scandaleuses* того времени, она вознаграждала себя другими способами, несовмѣстными съ достоинствомъ женщины. Если это правда, то мадамъ Лебрюнъ составляетъ исключеніе изъ женщинъ-артистокъ, которыя всегда умѣли сохранить свою чистоту, даже среди самаго распущеннаго общества. Но общество, въ которомъ вращалась мадамъ Лебрюнъ, было испорчено, и выдти изъ него чистымъ было не легко, тѣмъ болѣе, что умственное и нравственное воспитаніе артистки было весьма шаткое и несовершенное. Ни въ себѣ самой, ни вокругъ

себя, она не находила руководителей, потому и не удивительно, что она действительно могла пасть жертвой разврата. Слава ея, красота, веселость и «серебристый голосъ», какъ говорилъ Гретри, скоро привлекли въ ея домъ всѣ знаменитости Парижа. Часто гости ея припуждены были садиться на голый полъ, потому что у хозяйки не было достаточно стульевъ. Не смотря на то, ея *petits soupers*, о которыхъ говорили, что на нихъ соединяется аттическое изящество съ нарижской роскошью, сдѣлались извѣстны во всей Франціи, и во всѣхъ слояхъ общества ходило множество разсказовъ объ этомъ свѣтилищѣ музъ и граціи. Между тѣмъ слава ея съ каждымъ днемъ возрастала; за портретъ платили ей по 12,000 франковъ — невѣроятная сумма въ то время. Наконецъ королева пригласила ее ко двору; съ этого времени число заказовъ возрасло до того, что ей некогда было ихъ выполнять. Франція между тѣмъ приближалась къ страшнымъ событіямъ, измѣнившимъ теченіе дѣлъ. Артистка, съ которой Марія Антуанета постоянно гуляла, пѣла, которая рисовала ея портреты, основательно опасалась за свою голову. Когда вспыхнула революція, мадамъ Лебрюнь рѣшилась оставить отечество. Съ растерзаннымъ сердцемъ простилась она съ роднымъ городомъ, съ своими друзьями и отправилась въ Италію; но слезы ея скоро высохли — путешествіе ея было триумфальнымъ шествіемъ.

Въ Италіи, въ этомъ исконномъ отечествѣ артистовъ, на родинѣ Елизаветы Серани, Маріи Робусти, мадамъ Лебрюнь была встрѣчена съ почетомъ. Болонская академія записала ее въ число своихъ членовъ; въ Римѣ встрѣтила ее депутація италіанскихъ артистовъ; во Флоренці предложили ей написать свой собственный портретъ, который до сихъ поръ хранится во дворцѣ Тосканскихъ правителей. На сѣверѣ ея таланты были оцѣнены такъ же высоко. Берлинская и Петербургская академіи художествъ просили ее вступить въ число ихъ членовъ. Съ этого времени богатство полилось къ ней обильными ручьями; малѣйшій трудъ ея вознаграждался кучами золота. Но ни почести, ни богатство не заставили ее забыть отечество; въ 1801 году, когда политическія дѣла опять измѣнились, она возвратилась

въ Парижъ, гдѣ была свидѣтельницей возстановленія Бурбоновъ и новыхъ революцій. Она умерла въ 1842 году.

Въ теченіе XVIII столѣтія Италія видѣла множество женщинъ-артистокъ; но изъ числа ихъ мы упомянемъ Розальбу Карриера, о которой съ большими похвалами отзывается Цанетти въ своей *Storia della Pittura Veneziana*. Она родилась въ 1675 году и съ раннихъ лѣтъ посвятила себя исключительно миниатюрной живописи; но слабость зрѣнія принудила ее оставить этотъ родъ живописи и заняться пастельной, въ которой она достигла рѣдкаго совершенства. Ея нравственныя достоинства были не ниже ея дарованій; венеціанское общество того времени отличалось распущенностію нравовъ, но она умѣла и среди этого общества вести строгую, почти монастырскую жизнь. Можетъ быть, этой уединенной жизни слѣдуетъ приписать меланхолію, проглядывающую во всѣхъ ея произведеніяхъ. На пятидесятомъ году она совершенно ослѣбла и окончательно впала въ меланхолію, однакожь дожила до глубокой старости. Прахъ ея покоится въ церкви Санъ-Систа, а модела и гробъ ея до настоящаго времени указываютъ путешественнику, какъ одно изъ украшеній города.

Изъ числа англійскихъ женщинъ, приобрѣтшихъ пзвѣстность своими артистическими дарованіями, упомянемъ о двухъ: Мистриссъ Дамерь, занимавшейся скульптурой и Маріи Козвей — живописью. Исторія первой довольно извѣстна. Она происходила изъ старинной, благородной фамиліи, привязалась къ пустому челоуѣку, который въ нѣсколько лѣтъ промоталъ ея состояніе, и нашла наконецъ утѣшеніе въ своемъ призваніи. Марія Козвей была дочь англійскаго трактирщика въ Легорнѣ; вышедши за мужъ за извѣстнаго артиста Ричарда Козвея, она вступила въ англійское общество, и въ скоромъ времени приобрѣла состояніе и славу своими трудами въ миниатюрной живописи. Она умерла въ 1821 году.

Этимъ профессоръ Гуль заключаетъ первый томъ своего сочиненія и обѣщаетъ въ слѣдующемъ томѣ изложить жизнь и дѣятельность современныхъ женщинъ — артистокъ. Серьезнымъ и постояннымъ трудамъ женщинъ въ области иску-

ства онъ приписываетъ весьма важное значеніе. Они, по его мнѣнію, необходимо должны расширить сферу дѣятельности и вліяніе женщинъ. Въ заключеніе онъ высказываетъ твердую увѣренность, что если онѣ, какъ то доказываютъ изложенные факты, не обнаруживали могущественныхъ творческихъ способностей, то, по крайней мѣрѣ, доказали, что могутъ содѣйствовать развитію искусства, внося въ него элементы, свойственные исключительно женской природѣ.

Ни одинъ изъ современныхъ иностранныхъ историковъ (за исключеніемъ можетъ быть Маколея) не пользовался такимъ вниманіемъ русской читающей публики, какъ Прескоттъ. Первое произведеніе этого замѣчательнаго писателя — *Исторія Фердинанда и Изабеллы* еще вовсе не извѣстна русскимъ читателямъ; за то они съ большимъ интересомъ прочитали его *Исторію завоеванія Мексики и Перу*, а когда появились первые два тома *Исторіи царствованія Филиппа II, короля Испанскаго*, встрѣтили ихъ какъ произведеніе знакомаго и любимаго автора. Надо отдать справедливость Прескотту: онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы расположить къ себѣ читателя. Онъ по преимуществу рассказчикъ, при томъ рассказчикъ простой, безыскусственный, спокойный. Онъ не адвокатъ какой либо личности или идеи; не партизанъ какой либо партіи; у него нѣтъ заданныхъ напередъ теорій. Американецъ по рожденію и убѣжденіямъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше надъ уровнемъ развитія описываемой имъ эпохи; она увлекаетъ его какъ ученаго, но не возбуждаетъ въ немъ ни любви, ни ненависти. Чуждый желанія наставлять или относить прошлое къ настоящему — чьему бы то ни было — своему или чужому, — онъ сохраняетъ полную возможность скрыть свою личность, спокойно группировать факты въ стройную картину и соблюсти историческую истину съ возможною строгостію.

Въ началѣ нынѣшняго года явился въ Англій третій томъ его *History of the Reign of Philip the Second, King of Spain*, посвященный изложенію двухъ весьма важныхъ событій царствованія Филиппа — возмущенія Мавровъ и войны съ Турками. Вънѣшняя и внутренняя война, веденная

на морѣ и на сушѣ, доставила автору случай обнаружить въполнѣ свой описательный талантъ; рассказъ его необыкновенно живописенъ, живъ и энергиченъ.

Рассказъ о возмущеніи Морисковъ занимаетъ большую половину тома и есть очевидно результатъ личныхъ изслѣдованій автора, который съ особенною заботливостію изучилъ мѣстность, бывшую театромъ войны, и описываетъ ее весьма живописно. Онъ ведетъ читателя къ горнымъ жилищамъ Маврскимъ, которыя, какъ гнѣзда орловъ, таятся на дикихъ вершинахъ горъ, длинными цѣпями прорѣзывающихъ южную часть полуострова, очерчиваетъ яркую картину крѣпостей, возвышающихся надъ узкими дефиле, единственными путями, ведущими къ нимъ, и слѣдуетъ по этимъ путямъ въ горныя пещеры и къ неприступнымъ убѣжищамъ несчастнаго народа. Мориски крайне нуждались во всѣхъ выгодахъ, какія можно было извлечь изъ ихъ положенія во время войны, послѣдовавшей за ихъ возстаніемъ. Безъ нихъ этотъ малочисленный народъ, не знавшій военной дисциплины, не имѣвшій оружія, принужденъ былъ бы вступить въ слишкомъ неравную борьбу съ отлично устроеннымъ испанскимъ войскомъ. Они не могли бы такъ долго противостоять Испанцамъ въ этой борьбѣ — въ которой долженъ былъ рѣшиться вопросъ объ ихъ политическомъ существованіи. Жестокія притѣсненія испанскаго правительства довели ихъ до крайности и внушили имъ энергію отчаянія. Ненависть, накопившаяся въ нихъ въ теченіе долгаго времени, излилась въ этой послѣдней борьбѣ, въ которой месть и жестокость не знали предѣловъ. Занимая одну территорію въ теченіе слишкомъ восьми вѣковъ, эти двѣ націи, со времени первой ихъ встрѣчи, питали другъ къ другу ненависть. Различіе происхожденія, языка, вѣры, обычаевъ полагало между ними неодолимую преграду, а постоянныя близкія сношенія еще болѣе усиливали вражду. Такимъ образомъ разъединеніе между побѣдителями и побѣжденными, Сарацинами и Испанцами, невѣрными и христіанами и до послѣдняго времени оставалось во всей своей силѣ. Подобнаго примѣра непримиримой вражды между побѣжденными и побѣдителями не представляетъ ни одно государство въ Европѣ. Франки и Гал-

лы во Франціи, Готы и Римляне въ Италии, Саксоны и Норманы въ Англии, мало по малу смѣшались, забыли свое соперничество и слились въ одинъ народъ. Ничего подобнаго не было между Сарацинами и Испанцами. Послѣдніе всегда считали первыхъ незванными гостями, чужеземцами, изгнать которыхъ было, по ихъ убѣжденію, священнымъ долгомъ Испанца. Убѣжденіе это съ равною силою поддерживалось въ теченіе среднихъ вѣковъ. Въ половинѣ XI вѣка побѣдоносный Сидъ проникъ до береговъ Таго, а два столѣтія спустя, Арагонскіе и Кастильскіе правители отняли у Мавровъ всѣ южныя провинціи, кромѣ небольшого королевства Гренады. Но здѣсь они стали твердою стопою и въ продолженіе двухъ столѣтій, мужественно выдерживали борьбу съ Испанцами, которые соединенными силами вели противъ нихъ непрерывные крестовые походы. И только послѣ продолжительной, отчаянной войны, наполнившей значительную часть славнаго царствованія Фердинанда и Изабеллы, на башняхъ Альгамбры явился серебряный крестъ, возвѣстившій міру, что владычество Сарациновъ въ Испаніи приближается къ концу. Но упадокъ ихъ владычества не доказывалъ упадка національности. Имъ позволено было остаться на своей территоріи, сохранить религію, богослуженіе, языкъ, обычаи и нравы; они даже выговорили условіе, что испанскіе владѣтели ни въ какомъ случаѣ не потребуютъ отъ нихъ обращенія въ христіанство. Это важное условіе было впервые нарушено Кардиналомъ Хименесомъ, который, въ своей слѣпой ревности, убѣдилъ Фердинанда и Изабеллу предложить Маврамъ на выборъ одно изъ двухъ: или креститься, или оставить полуостровъ. Большинство принуждены были креститься и, сдѣлавшись христіанами по имени и формѣ, въ душѣ остались магометанами. Мало того; въ царствованіе Карла V духовенство умѣло вынудить отъ правительства эдиктъ, которымъ запрещались Маврамъ ихъ древніе обычаи, національная одежда и даже языкъ. Но въ слѣдствіе просьбъ главнѣйшихъ предводителей Маврскихъ, исполненіе этого эдикта было остановлено Карломъ и не возобновлялось въ теченіе всей его жизни. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда вступилъ на престолъ Филиппъ II.

«Гренада, Малага и другіе важнѣйшіе города на югѣ были населены Испанцами и Морисками; изъ числа послѣднихъ многіе — нерѣдко люди богатые и почтенные — въ слѣдствіе болѣе частыхъ и близкихъ сношеній съ христіанами, время отъ времени обнаруживали расположеніе къ религіи своихъ побѣдителей. Но далеко значительнѣйшая часть Маврскаго населенія была разсѣяна въ Альпухарахъ, въ юго-западной части Гренады, и въ горахъ, прорѣзывающихъ южную часть полуострова. Здѣсь, среди дикихъ вершинъ, возвышающихся почти на двѣнадцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, скрывающихся въ высотѣ отъ глазъ путешественника, плывущаго по Средиземному морю, разстилались зеленыя равнины, на которыхъ маврскій земледѣлецъ, въ счастливыя времена своей націи, истощалъ свое искусство, неизвѣстное другимъ народамъ Европы. Терпѣливый трудъ его превратилъ скалистую почву въ прекрасныя террасы, покрытыя виноградниками. Въ долинахъ они провели каналы, которые наполнялись водою горныхъ источниковъ и питали почву своею влагою».

Едва ли можно было ожидать, чтобы Филиппъ долго оставлялъ въ покоѣ маврское населеніе. Въ его лицѣ сосредоточился неумолимый религіозный фанатизмъ, свойственный испанскому народу. Единство религіи было основнымъ камнемъ его правленія. Въ первые годы царствованія онъ былъ слишкомъ занятъ и не могъ обратить вниманія на Морисковъ; но первую досужую минуту онъ посвятилъ изслѣдованію состоянія невѣрныхъ, находившихся въ предѣлахъ его владѣній, и вслѣдъ за тѣмъ, явился рядъ стѣснительныхъ постановленій, которыми Маврамъ запрещалось владѣніе рабами, запрещалось имѣть оружіе и т. п. Но самый жестокій законъ былъ изданъ въ 1566 году, по внушенію Кардинала Эспинозы, великаго Инквизитора, министра кастильскаго совѣта. Этимъ закономъ правительство потребовало, чтобы Мориски оставили свой родной языкъ, національную одежду и обычаи, — подъ страхомъ разнаго рода наказаній. Непосредственно этого закона равнялась его жестокости; требовалось чтобы народъ въ теченіе трехъ лѣтъ (со времени изданія эдикта), перемѣнилъ языкъ и образъ жизни — совершенная

нелѣпность, а исполненіе такого требованія физически невозможно. Услышавъ объ этомъ законѣ, Мавры пришли въ крайнее негодованіе. Спокойное, но рѣшительное представленіе послано было къ королю; но осталось безъ всякихъ послѣдствій. Морискамъ оставалось или повиноваться, или возстать — и они выбрали послѣднее. .

Первое открытое возстаніе было начато Абенъ-Фараксомъ, Морискомъ, который велъ довольно значительную торговлю въ Гренадѣ. Онъ попытался было овладѣть столицею, сдѣлалъ ночное нападеніе — но попытка оказалась безуспѣшною, потому что была преждевременна.

«Ночью 26 декабря, за недѣлю до назначеннаго времени, со ста восьмидесятью товарищами, вошелъ онъ въ Vega Гренады. То была страшная ночь. Мятель дико ревѣла въ горахъ и засыпала снѣгомъ равнины. Прикрытый темнотою, Абенъ-Фараксъ, шикѣмъ не замѣченный, вступилъ въ городъ черезъ разрушенныя стѣны и проникъ въ Альбасинъ, стараясь поднять все населеніе. Нѣкоторые бросились къ окнамъ, но узнавъ, что происходило на улицахъ, скрылись, объявивъ, что это сумашествіе начинать такое опасное дѣло преждевременно съ такимъ незначительнымъ войскомъ. Напрасно Абенъ-Фараксъ, приведенный въ бѣшенство безучастіемъ своихъ соплеменниковъ, проклиналъ ихъ вѣроломство и трусость; напрасно онъ истреблялъ всѣ символы христіанства, встрѣчавшіеся ему на пути, напрасно восклицалъ онъ: «единъ Богъ и Магометъ его пророкъ!» — ревъ бури заглушалъ эти крики, которые не производили никакого дѣйствія на жителей до тѣхъ поръ, пока онъ не наткнулся на шестерыхъ сторожей, расположившихся на улицѣ у костра. Одного изъ нихъ онъ захватилъ, другіе бѣжали, извѣщая жителей о нападеніи враговъ. Раздался звонъ съ башни Св. Сальватора, призывающій гражданъ къ оружію.»

Фараксъ принужденъ былъ удалиться въ горы.

«Проходя по снѣжнымъ окраинамъ Сіерра Невада, по широкимъ и населеннымъ равнинамъ Лекринскимъ, они распространяли вѣсть, что Альбасинъ возсталъ, и призывали всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію и защитѣ своей вѣры. Голосъ ихъ былъ слышанъ.... Черезъ три дня поднялась

вся страна. Тогда послѣдовалъ взрывъ страстей, свойственныхъ южнымъ народамъ. Вся ненависть, накопившаяся въ теченіе семидесяти лѣтъ гнета и преслѣдованій, выразилась въ одномъ общемъ крикѣ мщенія, огласившемъ всю страну отъ одного предѣла до другаго. Кровавая драма началась избіеніемъ христіанъ, находившихся въ маврскихъ земляхъ, что сопровождалось изысканною жестокостію, примѣры которой, къ чести человѣчества, рѣдки въ его исторіи.»

Возмущивъ Морисковъ и объявивъ ихъ независимыми, Абенъ-Фараксъ предложилъ имъ избрать короля. Выборъ палъ на Абенъ Гумей, молодого человѣка, потомка древней фамиліи Омея, почти четыре столѣтія съ честью возсѣдавшей на Кордуанскомъ престолѣ. Его тотчасъ же короновали и провозгласили владѣтелемъ Андалузін и Гренады. Истребленіе христіанъ, жившихъ въ маврскихъ городахъ, сопровождавшееся безчеловѣчною жестокостію, было первымъ и самымъ рѣшительнымъ объявленіемъ войны. Маркизъ Монтеларъ, военный губернаторъ Гренады, собралъ войска и повелъ ихъ на невѣрныхъ. Первое нападеніе было весьма успѣшное. Маврскій король, молодой, неопытный въ военномъ дѣлѣ и нерѣшительный, былъ разбитъ, приведенъ въ ужасъ и бѣжалъ, оставивъ свою армію. Послѣ нѣсколькихъ опасныхъ приключеній, онъ избѣгъ преслѣдованія Испанцевъ и скрылся въ горы.

Успѣшно начатая компанія не кончила войны. Война длилась два года и была приведена къ концу юнымъ полководцемъ, явившимся вскорѣ послѣ того на другомъ поприщѣ, гдѣ стяжалъ безсмертную славу. Этотъ полководецъ былъ Донъ-Жуанъ Австрійскій, герой Лепанто.

Исторія Донъ-Жуана и войнъ съ Оттоманами хорошо известна. Мы замѣтимъ только, что Прескоттъ изложилъ ее необыкновенно живо, внеся множество подробностей, упущенныхъ прежними историками.

Остальная часть тома занята изложеніемъ внутреннихъ дѣлъ; здѣсь же разсказана исторія постройки Эскоряла.

— 7.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Утро. Литературный сборникъ. Съ эпиграфомъ: *утро вечера мудренѣе*. Москва 1859 г. in 8. 434 стр. (*).

Въ странное въ умственномъ отношеніи время живемъ мы. Никогда, можетъ быть, мысль и убѣжденіе не играли такой роли въ жизни, какъ общественной, такъ даже и частной, какую они теперь играютъ, — никогда, можетъ быть, такъ не соединяли и не разъединяли людей между собою, — и положительно уже никогда не дробили ихъ на столь многогоразличные кружки, каждый съ своею мыслию или, по крайней мѣрѣ, съ своимъ отгѣнкомъ мысли. И не думайте, что бы отгѣнокъ мысли значилъ мало: нѣтъ — онъ часто раскрываетъ непреходимую бездну между вашею собственною и чужою мыслию.

Передо мною лежитъ книга, которая въ особенности заставила меня задуматься именно надъ этимъ вопросомъ. Нѣтъ въ этой книгѣ ни одного почти имени, которое не было бы дорого душѣ пишущаго эту рецензію, а что важнѣе — нѣтъ опять таки *почти*, — ни одной мысли, которой бы онъ въ половину, въ треть, въ четверть не сочувствовалъ, а между тѣмъ ни одной тоже мысли не сочувствуется вполне.

Да — «идеи» какъ сказалъ Лермонтовъ, «существа органическія», а книги — добавлю я — тѣ же живые люди.

Вѣдь каждая книга, если взглянуть на нее поглубже — имѣетъ двѣ стороны: *во первыхъ*, она что либо хочетъ ска-

*) Въ отдѣлѣ библиографіи мы будемъ постоянно помѣщать или подробные разборы сочиненій и изданій по числу либо важныхъ — хотя бы по одному какъ въ настоящемъ N, или краткіе перечни и замѣтки о вновь выходящихъ книгахъ.

затѣ — и хочетъ сказать, если она только честная книга, т. е. честный человѣкъ, — по убѣжденію въ извѣстной, по крайней мѣрѣ относительной значимости того, что она хочетъ сказать; а во вторыхъ, между строками книги пишется внутренняя душевная исторія писавшаго! Вѣдлая книга есть кровавое жертвоприношеніе вполне или не вполне добытой анализомъ правды жизни: таковы напримѣръ почти всѣ книги Л. Толстаго, многія книги Тургенева — и часто эта правда жизни такъ жестка и сурова, что возбуждаетъ глубокое состраданіе къ призракамъ, принесеннымъ ей въ жертву. Нѣтъ книгъ объективныхъ: мечта о нихъ есть чистый вздоръ, или такихъ объективныхъ книгъ никто не читаетъ, потому что онѣ пишутся людьми, которымъ нѣтъ живаго дѣла до того, что они пишутъ и до которыхъ до самихъ нѣтъ поэтому ни малѣйшаго дѣла читающимъ. Философская ли система, созданіе ли художника — поэта, лѣтопись ли художника — историка (каковъ напримѣръ Тацитъ) — все это писалось и пишется, или вслѣдствіе борьбы за идеалы, или какъ исповѣдь, какъ пожертвованіе заблужденіями высшимъ внутреннимъ началамъ.

Я зналъ одного господина — и этого господина судьба послала мнѣ на время въ неотвязные спутники — именно тогда, когда въ особенности развивалась во мнѣ мысль о живомъ органическомъ бытіи книгъ, господина, который никакъ не могъ помприться съ этою мыслью, которому эта мысль была даже какъ будто оскорбительна. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ господъ, которые, по счастливому выраженію Тургеневскаго Рудина «чрезвычайно дорожатъ каждою своею мыслью. Взберутся на нее съ успіемъ, какъ божья коровка, и сидятъ, сидятъ на ней, — все какъ будто крылья расправляютъ и полетѣтъ собираются и вдругъ свалятся и опять полезутъ». Этотъ господинъ, ходившій около меня «яко левъ рыкай» и надѣждавшій мнѣ страшно своими путешествіями на копецъ быльици, съ какой то ожесточенной злобою нападалъ на всякое стремленіе приводить разрозненные факты жизни къ общимъ началамъ, — указывалъ и иногда довольно мѣтко (наконецъ и взберется же на копецъ быльици!) на пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ, на ложь исторіи,

радовался, истинно радовался, что мы ничего знать не можем и все старался обратить меня къ спокойнымъ и улаждающимъ душу, положительнымъ занятіямъ исторіею какого нибудь маленькаго спеціальнаго предмета. Онъ рѣшительно не понималъ на сколько дорого иногда то, что называлъ онъ ложью, на сколько оно несравненно дороже многихъ *положительныхъ* свѣдѣній о чемъ либо. Я же, напротивъ, тогда какъ нарочно перечитывалъ Тацита и (надобно признаться откровенно), только что впервые начиналъ имъ искренно наслаждаться, убѣждаясь именно въ томъ, что *эсликія* книги (да все равно и малыя) дороги намъ преимущественно откровеніями души человѣческой. Я не вѣрю пожалуй Тацитѣ, когда онъ говоритъ про Августа, что сей послѣдній, хвастовства ради передъ потомствомъ, включилъ въ свое послѣднее *legatum* своихъ враговъ, но я вѣрю, что эта злоба въ натурѣ Тацита возвышенна и типична, что она сообщаетъ жизнь, силу и краски всей мрачной картинѣ мастера, — что при ея содѣйствіи, великій художникъ проникалъ иной разъ столь глубоко въ мрачныя бездны души Тиверія и нисходилъ до изгибовъ души какого нибудь подлеца Мессалы Валерія, который даже Тиверія съумѣлъ возмутить и испугать наглостію лести и умѣлъ вывернуться еще большею наглостію, сказавши съ видомъ оскорбленнаго достоинства «*sponde suâ dixisse neque in iis, quae ad rem publicam pertinerent, consilio nisi suo usurum, vel cum periculo offensionis.*» — Этотъ мрачный, ядовитый, безпощадно прилагаемый взглядъ на природу человѣка, въ ея отпаденіи отъ той правды, которую Тацитъ исповѣдывалъ какъ правду — правъ какъ *общее пониманіе* того, что ложь на извѣстныхъ степеняхъ и въ извѣстныя времена можетъ дойти до той дерзости, чтобы принимать видъ оскорбленнаго достоинства, т. е. можетъ смѣло предполагать себя всеобщей или, по крайней мѣрѣ, не обличаемою, — такимъ дѣломъ, которое всѣ *должны* официально принимать за правду — что подлость можетъ дойти до какой-то торжественной радости свосму собственному бытію, до наруганія надо всѣмъ, что не она!... Это горькое, ядовитое пониманіе страшныхъ тайнъ извѣстныхъ временъ, темныхъ и грязныхъ изгибовъ

души человѣческой, — мрачно замѣчающее: «что такой только родъ ласкательства и имѣлъ успѣхъ» — *ea sola species adulandi supererat*, — какъ чувство — совершенно право, — что мнѣ за дѣло, что Мессала Валерій, можетъ быть, наивно обидѣлся предположеніемъ въ себѣ неискренности.... А очень можетъ быть, что онъ наивно обидѣлся, какъ наивно обидѣлся бы Фамусовъ, если бы заподозрили искренность его восторга на счетъ Максима Петровича....

Да! книги дороги какъ откровенія души человѣческой, какъ памятники ея борьбы за правду, ея страданій, ея, тѣхъ или другихъ успокоеній.

Это длинное вступленіе или лучше сказать отступленіе я счелъ необходимымъ сдѣлать для того, чтобы искренно высказать мое отношеніе къ книгамъ вообще. Я вѣрю твердо, что въ наше время — какъ для искусства, такъ и для критики искусства и жизни существуетъ одинъ, не подлежащій никакому сомнѣнію законъ, это — искренность.

Прежде всего, я слѣдовательно и заявляю предъ читателями свое отношеніе къ книгамъ вообще, по поводу книги, въ отношеніи къ которой мнѣ лично особенно необходима искренность. Это очень наивно — подумаютъ читатели: по крайней мѣрѣ, это довольно честно, скажу я въ свое оправданіе. Статьи сборника, за исключеніемъ двухъ-трехъ, подписаны именами, мнѣ дорогими; статьямъ сборника, за исключеніемъ двухъ, трехъ, я, какъ уже сказалъ — въ половину, въ треть или въ четверть сочувствую. Лучше ли было бы, если бы я затаилъ свое отношеніе къ книгѣ или выдѣлалъ въ себѣ насильственное къ ней равнодушіе?

Что сборникъ «Утро» есть книга живая, что онъ хочетъ что-то сказать, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ въ томъ, говоритъ ли онъ вполнѣ все, что хочетъ сказать, и согласны ли живыя личности, его составляющія, въ томъ, что онѣ хотятъ сказать?

Сборникъ начинается статью безымянною, стало быть статью общою, статью, въ которой главнымъ образомъ выразились цѣли и направленія редакціи. Статья эта озаглавлена: «Москва. Въмѣсто предисловія» и начинается такъ:

«Москва издавна и всёми называется сердцемъ Россіи. Но большинствомъ опредѣленіе повторяется какъ бы попу-гаемъ, машинально, съ голоса, который въ первый разъ произнесъ его. Для иныхъ оно утратило свой первобыт-ный смыслъ, подобно многимъ выраженіямъ, истершимся отъ злоупотребленія. Такъ съ монеты, черезъ-чуръ долго ходившей по рукамъ и очутившейся въ заключеніе на шеѣ Цыганки или Мордовки, время, наконецъ, стираетъ пробу, и она оттого теряетъ цѣнность въ обращеніи. Однакожь, знатокъ и безъ клейма различаетъ качество металла.

«Для насъ, пристальныхъ читателей отечественной лѣтописи, *предопредѣленныхъ* и страстныхъ наблюдателей народ-ной жпзни, — для насъ, *имьющихъ удѣломъ* дышать убѣж-деніями, органически въ насъ вырастающими, Москва дѣй-ствительно есть и всегда будетъ сердцемъ Россіи. Уподо-бляйте другіе важные пункты государства какимъ вамъ угодно членамъ организма, — Москва останея сердцемъ. Мы стыдимся тревожить священныя тѣни прошлаго: однимъ появленіемъ своимъ напомнили бы онѣ невѣрующему и не-вѣдающему, въ какой мѣрѣ первопрестольная столица всег-да отправляла миссіи сердца въ общественномъ тѣлѣ от-чизны. Но пусть только современникъ внимательно вгля-дится въ настоящую фязіономію города, въ тѣ его физическія и нравственныя черты, которыя составляютъ его особенность отъ другихъ городовъ русскихъ, — всякій дол-женъ будетъ убѣдиться, что въ Москвѣ, какъ въ сердцѣ, сосредоточиваются всѣ существенныя біенія національной жизни, всѣ самыя горячія примѣты народнаго характера, самыя рѣзкіе признаки русскаго типа. Не выведетъ отсю-да ничего тотъ развѣ, кто смотритъ на различныя мѣстно-сти нашей планеты какъ на загоны, куда бы случайно за-бѣжалъ тотъ или другой косякъ; еще, пожалуй, разрѣшит-ся скептической улыбкой иной добродушный фанатикъ па-рвой выводки народностей, *который, наприимѣръ, въ состоя-ніи вприть возможности несокрушимаго преуспѣянія (?) не «нормальныхъ явленій, подобныхъ нѣкоторымъ штатамъ Аме-рики.... По нашему же, можно выстроить на акціяхъ фак-торію, какъ вывести насильственно — не то что цвѣтокъ—*

«цыпленка, но искусственно создать городъ, который былъ «бы городъ, а не рядъ лавокъ и складочныхъ мѣстъ, племя или народъ, которые были бы племя и народъ, а не ватага искателей приключеній, — невозможно. Оттого-то такъ важны для насъ, сколько и дороги, тѣ опредѣленные очертанія, тѣ яркія особенности, въ которыхъ выразилась и выражается Москва предпочтительно передъ всѣми остальными мѣстностями и точками нашего отечества.

«Да, еще разъ, она есть сердце Россіи.»

Нельзя не согласиться Русскому человѣку съ мыслию издателей Сборника о великомъ, сердцевома значеніи Москвы въ жизни Россіи, но не поражаетъ ли читателей какая то жесткая гордость «предопредѣленныхъ и страстныхъ наблюдателей народной жизни», «ампьющихъ удѣломъ дышать убѣжденіями, органически въ нихъ вырастающими». Ужели позабыли «предопредѣленные» — глубокіе, правдивые стихи Хомякова:

Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ
Мы соль земли...

Съ другой стороны — принципъ органическаго происхожденія государствъ и народностей совершенно вѣренъ, но отрицательное приложеніе его къ Сѣверной Америкѣ совершенно нелѣпо. Въ концѣ книги — оно становится уже не нелѣпо, а дико и возмутительно въ сказочной статьѣ объ американскихъ женщинахъ, гдѣ редація наивно вѣритъ одному изъ тѣхъ англійскихъ разсказовъ, которые Дружининъ назвалъ вопіющими и которыхъ никто, кромѣ редакціи «Утра», не приметъ иначе какъ за *conjecture*. А въ этой только статьѣ и выразилась положительно нелюбовь редакціи къ Америкѣ, съ величавое презрѣніе къ этой погибшей въ утилитаризмъ странѣ, гдѣ (о стыдъ!) не берутъ взятокъ, гдѣ (о ужасъ!) дорожатъ временемъ.

Да не подумаютъ впрочемъ читатели, чтобы рецензентъ, позволивъ себѣ замѣтить неудачное отрицательное приложеніе принципа органическаго развитія, становился самъ на сторону утилитаризма или даже на сторону «Прогресса» въ Гегелевскомъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ! — онъ не можетъ не сочувствовать всѣмъ сердцемъ слѣдующимъ сло-

вамъ редакціи — хотя оячь не можетъ не замѣтить неудачности *предостереженій*. Что за *bête noire* для редакціи Сборника — Америка?

«Полюза и утилитаризмъ — великія слова нашего времени, послѣднія выраженія повѣйшей цивилизаціи, модные лозунги всемірнаго движенія. Прекрасно. Кто не знаетъ, что манна давно съ небесъ не падаетъ, что молочныя рѣки съ кисельными берегами случаются только въ сказкахъ? — Изошрненіе средствъ приобрѣтенія, усовершенствованіе разнообразныхъ орудій труда, примѣненіе многоразличныхъ силъ и способностей человѣка къ достиженію возможнаго удобства жизни и удовлетворенію потребностей, порождаемыхъ положеніемъ общества — вотъ тѣ задачи, рѣшенію конхъ всегда были преданы лучшіе умы каждой эпохи новой исторіи. Такъ это и теперь. Но горе тому обществу, которое, углубившись въ позитивизмъ, вздумало бы изгнать изъ своей среды всѣ интересы, не подлежащіе рыночной оцѣнкѣ, точно такъ же, какъ весьма жалокъ человѣкъ, котому снятся одні цифры, который въ сердцѣ своемъ способенъ воздвигнуть алтарь лишь золотому тельцу! Стройте желѣзныя дороги, поднимайте новн, составляйте компаніи, — но не забывайте, что если чрезъ массу заботъ вашихъ не будутъ проноситься живительныя струи иныхъ стремленій, болѣе возвышенныхъ и не имѣющихъ цѣны на биржѣ, не далеко уйдти вамъ. *Не смотрите на Америку, или лучше смотрите, да смотрите трезво, — и содргайтесь передъ поучительнымъ обращеніемъ!*

«Наше общество молодо въ смыслѣ современнаго усовершенствованія. Тѣмъ легче увлечься ему, — тѣмъ горячѣе рвется оно по пути, который для него имѣетъ еще прелесть новинки. Всѣ эти промышленныя предпріятія на европейскую погу начались, вѣдь, только что не вчера. Повсемѣстная дискразія утилитаризма, поэтому, легко оправдываетъ и извиняетъ себя: кому не заманчива прибыль? кому не лестно окружить себя всѣми условіями комфорта? Но, идя по дорогѣ, пробитой новымъ временемъ, оглядывайтесь назадъ, допрашивайте почаще вачу божественную природу, и съ осторожностію слушайте философовъ-реалистовъ, первосвя-

щенниковъ биржевой игры, новѣйшихъ диктаторовъ доходнаго парадокса».

Мысль о недостаточности одного утилитаризма выражена съ замѣчательной энергіей — по предостереженіе даже фактически не право. За что бѣдная Америка осуждается на отвлеченный позитивизмъ — когда нигдѣ не совершается въ наше время столькихъ религіозныхъ движеній, т. е. — удачныхъ или неудачныхъ, но все таки исканій духовнаго?

Съ другой стороны, какимъ образомъ ладитъ идеальное направленіе Сборника, profession de foi, высказанное тутъ редакціей, съ помѣщенной въ Сборникѣ же статьей В. А. Кокорева «Изъ путевыхъ замѣтокъ», которая, какъ всѣ его статьи, такъ и дышитъ утилитаризмомъ? Что утилитаризмъ В. А. Кокорева — не отвлеченный и не фантастическій, а здравый и народный — это несомнѣнно, но что это — утилитаризмъ — несомнѣнно тоже.... А «утилитаризмъ», въ какой бы формѣ ни выразился, необходимо отрицаетъ взглядъ идеально-артистическій, который стремится высказать многія статьи «Утра».

Но пойдѣмъ далѣе за редакціей въ ея profession de foi.

«Москва, какъ сердце Россіи, по нашему мнѣнію, обязана прежде всего служить отечеству оплотомъ противъ чрезмѣрныхъ завоеваній реализма и уравновѣшивать его вліяніе — началами человѣчными, гуманными. Эти требованія отъ нея мы основываемъ опять таки на ея исторіи и на ея настоящей физиономіи. Ультра-утилитаризмъ, моншаньярамъ реализма, этимъ онаграмъ, постоянно имѣющимъ притязаніе сдѣлаться львами своего времени, никогда не нравилось географическое положеніе Москвы. Но ему-то именно и одолжена она тѣми силами, которыхъ не даетъ ненормальный ростъ, и которыя, твердо укоренившись въ ней, надѣмся, помогутъ ей, не глядя ни на какія измѣненія, ни на какое искусственное сблженіе, выдержать борьбу противъ заразительнаго принципа утилитарнаго повѣтрія. Укажемъ, на выдержку, на одинъ фактъ, поясняющій нашъ взглядъ на Москву. Давно ли стали у насъ плодиться журналы, а въ Петербургѣ (по вычисленію, за которое мы обязаны «Современнику») въ 1858 году уже выходило двадцать девять уличныхъ

листковъ, которыхъ единственнымъ побужденіемъ была торговая спекуляція не выше и не ниже открытія харчевни близь мѣста, гдѣ бы вдругъ должна была сойтись толпа рабочаго народа. Въ Москвѣ до сегодня нѣтъ, кажется, ни одного подобнаго предпріятія, и мы увѣрены, что не будетъ. Какъ ни незначителенъ фактъ съ виду, — для насъ онъ имѣетъ глубокое значеніе, — и мы останавливаемся на немъ съ любовію».

Что за странная смѣсь честности и глубины принциповъ съ безобразнѣйшею безтактностію приложений? Вѣдь редакцію «сборника» — утилитаристы обвинять пожалуй въ нежеланіи распространенія грамотности и чтенія? Что же тутъ дурнаго, что рабочій народъ больше читалъ въ Петербургѣ, — хотя бы это чтеніе и заготовлялось ему торговой операціей? Печать уже такова по самому существу своему, что вмѣстѣ съ хорошимъ разноситъ и дурное и вздорное, но смѣло можно сказать, что духъ современности, духъ движенія — пробивается даже и въ незначительныхъ, даже и во вздорныхъ явленіяхъ... Что же хорошаго въ томъ, что въ Москвѣ до сегодня нѣтъ ни одного подобнаго предпріятія — и чему приписать отсутствіе подобныхъ предпріятій? Вовсе не умственному и нравственному превосходству Москвы, которое выражается въ другихъ, положительныхъ, а не отрицательныхъ фактахъ, въ ея университетѣ, въ журналахъ, въ ея духовныхъ интересахъ, — а отсутствіе предпріятій книжной промышленности — выходитъ скорѣе изъ того «несомнѣннаго же, характеристическаго признака мѣстной жизни», который «не безъ грусти», замѣчаютъ издатели «Утра». И надобно имъ отдать справедливость: они честно и съ энергією караютъ этотъ несомнѣнный признакъ — «апатію и равнодушіе».

«Какъ, скажите, не печалиться отголосками мнѣній нѣкоторыхъ индивидуумовъ, бездѣятельностью другихъ, отъявленнымъ обскурантизмомъ третьихъ. Сколько маленькихъ Ренеттиловыхъ развелъ, напримѣръ, великій, міровой вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ! И вдругъ вы слышите жалобы, что дѣятели русской мысли и русскаго слова осмѣливаются высказывать свои взгляды на вопросъ освобожденія, предлагать, по мѣрѣ своихъ понятій, тѣ или другія

средства къ его рѣшенію. Это, извольте видѣть, покушенія непризванныхъ, посягательства теоріи противъ практики. Правда, теорія иногда жестоко обмолвливается. Случается, она слѣпнѣтъ вамъ такую общину, какой бы не построилъ въ припадкѣ лирическаго экстаза и отчаяннѣйшій изъ мечтателей, — или вдругъ паладинъ нныхъ убѣжденій, платя безсознательную дань вѣрованіямъ, казалось бы вымершимъ, и крови, имѣвшей тысячу разъ досугъ переработаться со времени Геродота, создаетъ усовершенствованное пенальное уложеніе со включеніемъ традиціональной лозы — въ микроскопическихъ приемахъ. Но кто же виноватъ въ подобныя явленія, до сихъ поръ самихъ по себѣ только комическихъ, — кто, кромѣ общества, что, кромѣ апатіи тѣхъ его членовъ, которые считаютъ себя, иногда быть-можетъ и не безъ основанія, болѣе опытными въ извѣстномъ вопросѣ? Когда же перестанутъ они посвѣвать только къ развѣзду, опять-таки по образу Репетилова, — или молчать? Но намъ овѣчаютъ, и не разъ отвѣчали уже, что это молчаніе — выжиданіе, купкаторство. А мы возражаемъ, и не разъ возражали уже, что въ дѣлѣ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, купкаторствовать теперь не время. Достаточно насидѣлись мы сиднемъ, какъ насѣдка... Самъ Фабій Максимъ, этотъ гений выдержки, пересталъ бы нынче выдерживать, живи онъ посреди насъ.

Присмотритесь же еще къ тому, что значитъ апатія общества.

Теорія, подъ названіемъ общины, создала какую-то идиллическую игрушку, за которой, пожалуй, мы оставимъ достоинство отвлеченной замысловатости, но на которую, разумѣется, практической смыслъ не можетъ взирать безъ смѣха. Съ другой стороны поднимается опять теорія, облачается въ мантию и парикъ, и съ высоты своей каюды доказываетъ, что..... въ карточномъ домикѣ жить почти невозможно, развѣ мухамъ. Въ другомъ уголкѣ появился новѣйшій законодатель съ однимъ изъ ликторскихъ инсигній. Опять смѣхъ со стороны человѣка съ опытнымъ, эмпирическимъ взглядомъ. Что же дѣлаетъ теорія? Она, по выраженію, нами подслушанному, «вѣнчаетъ себя розгами» но

вѣйшаго Ликурга и надѣваетъ глубочайшій трауръ по современномъ писателѣ, рѣшившемся такъ неосторожно обмолвиться противъ философскихъ (!) принциповъ. Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ? Кто же мѣшалъ обществу выразить громко впечатлѣнiе, производимое вышеупомянутыми событиями, впечатлѣнiе единственно-законное? Отъ общества зависитъ, чтобы не разыгрывалось вѣчное «Много шуму изъ ничего.» А мы только пожимаемъ плечами, да шепчемъ за печкой... Гдѣ же право сѣтовать, если намъ будутъ писать законы люди, по цѣлымъ годамъ не выдающіе иной компаніи, кромѣ бюстовъ, пусть то будутъ Платоны, Гегели и Плутархи, — когда мы сами не хотимъ выходить на форумъ? Дозволено повѣрять каждодневно свою кухарку, горячиться за ералашемъ, развозить изъ дома въ домъ комеражи; но хоть крохи досуга необходимо удѣлять общественному дѣлу, которое для каждаго должно быть своимъ, кровнымъ.

И такъ, общество не только не имѣетъ основанія протестовать противъ вмѣшательства теоріи въ современные вопросы, и особенно въ крестьянскій, но и должно во-первыхъ быть признательно ей, а во-вторыхъ протянуть ей дружескую руку, дабы вмѣстѣ, поддерживая другъ друга, успѣшнѣе слѣдовать по пути совершенствованія».

Все это и остроумно и энергически выражено — всему этому смѣло можно подать руку, не смотря на испещренность русской рѣчи «предопредѣленныхъ» часто не нужными иностранными терминами (имѣетъ ли впрочемъ *самъ* рецензентъ право замѣчать этотъ недостатокъ) — и между тѣмъ все это какъ то не ясно, какъ то бьетъ въ разныя стороны, не поражая собственно ни одной. Свидѣтельствуется (констатируются) факты — а начала редакціи неуловимы, такъ что по окончаніи «всего этого происшествія» спрашиваешь себя съ недоумѣніемъ — какой же наконецъ взглядъ редакціи «Утра».

Только два взгляда на жизнь быть и могутъ. Взглядъ *утилитарный*, вѣра въ теорію, вѣра въ прогрессъ — и взглядъ *идеальный*, вѣра въ жизнь и ея неисчерпаемую безконечность... На серединѣ стоятъ нельзя, да и незачѣмъ!...

Идеальный или пожалуй артистическій взглядъ вовсе не такъ непримримъ съ тѣмъ, что въ утилитаризмѣ есть живаго и для жизни вообще (а не для фаланстеръ) нужнаго, что его нечего прятать какъ грѣхъ противъ современности. Вѣдь въ сущности этотъ идеальный взглядъ, признающій одно только мѣрило — душу человѣка, отъ вѣка и до вѣка единую, узаконивающій всѣ ея требованія, отъ вѣка и до вѣка единыя, — всѣ, даже повидимому самыя противорѣчачія, не вѣрующій въ возможность остановки неисчерпаемой жизни, въ возможность истощенія ея силъ на производство *великаго и прекраснаго* (подразумѣвается, что это невѣріе не отрицаетъ возможности столкновенія земли съ какою нибудь кометою или возможности геологическаго переворота), — въ сущности я говорю, этотъ взглядъ, равно узаконивающій, какъ требованія души человѣческой — и «аскетизмъ и утилитаризмъ» но только какъ «требованія» — гораздо ближе къ взгляду физическому и физиологическому, чѣмъ взглядъ утилитарный; всегда совершающій идоложертвенную потребу послѣдне-родившейся теоріи и, стало быть, всегда рѣжущій жизнь для совершенія этой требы Ваалу.

Но, горе идеальному взгляду, когда онъ, по существу своему широкій до безпредѣльности — самъ рѣшается съюзить себя въ чисто — отрицательный, горе ему, когда онъ обращается — изъ одного противорѣчія, въ служеніе чему то отъ жизни отвлеченному. Онъ попадаетъ въ положеніе плачевное и комическое. Вѣкъ, напимѣръ, не вѣритъ больше въ звонкія и только звонкія строфы и стихи, вѣкъ будетъ требовать жизни, крови и цвѣта отъ созданий искусства и въ своихъ требованіяхъ увлечется невольно за предѣлы задачи, будетъ поирать на время даже и самое искусство ади жизни, крови и цвѣта, онъ сочтетъ на время за искусство то что не искусство: идеальный взглядъ, съюзиваясь въ чисто отрицательный — будетъ стоять за какос то искусство для искусства, будетъ, вопреки общему несочувствію, восхищаться звопомъ строфъ, никому не нужныхъ, безличныхъ и безкровныхъ — и, разумѣется, подвергнется общему посмѣянію, а горестнѣе же всего то, что посмѣяніе, когда поражается жизнію, будетъ правѣе его отрицательной теоріи.

Отсутствіе опредѣленности именно такого идеальнаго взгляда, при всемъ видимомъ къ нему стремленіи, съ перваго разу поражаетъ въ тѣхъ статьяхъ «Сборника» — въ которыхъ наиболѣе обозначается направленіе — въ статьяхъ чисто критическихъ. Остальныя статьи суть или случайно — попавшіе въ «Утро» превосходныя матеріалы, какъ напримѣръ двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію Императрицы Анны,» и «Народныя пѣсни», или замѣчательныя поэтическія произведенія также случайно попавшія въ «Сборникъ» — каковы «Дипы» повѣсть Языкова и «Конь» басня Крылова, давно уже ходившія въ рукописяхъ — или произведенія, тоже давно извѣстныя въ рукописяхъ, но которыя въ печати теряютъ почти всякое значеніе, ибо время ихъ прошло, — каковы два акта, изъ «Петра Великаго» — драмы М. П. Погодина, — или превосходныя статьи въ родѣ статьи В. А. Кокорева, но совершенно несходныя съ идеями другихъ статей, — или наконецъ вещи плохія, каковы повѣсть и стихотвореніе г. Колошина — вещи, въ которыхъ выраженіе какого либо направленія, мы считаемъ видѣть столь же страннымъ и неумѣстнымъ, какъ и въ вопіющей статьѣ «По поводу Американской женщины.» Къ этому же послѣднему разряду вещей «вопіющихъ» слѣдуетъ отнести на половину и статью «Взглядъ на Русскую Литературу въ 1858 году». А между тѣмъ въ этой самой, на половину вопіющей статьѣ, порой, замѣчательно-доревито выражается стремленіе къ тому же идеальному взгляду, какое высказывается въ статьѣ г. Алмазова о Пушкинѣ и въ статьѣ г. Е. Эдельсона о Щеринѣ — поражаютъ, промежду множества дикихъ вопіющихъ мнѣній, мысли и замѣчанія здравыя, порою даже блестящія.

Вотъ почему о ней то, объ этой статьѣ, выражающей направленіе новаго, имѣющаго вѣроятно продолжаться изданія, и должно, повести прежде всего рѣчь — съ достодожнымъ уваженіемъ къ хорошему въ новомъ направленіи — и съ достодожною же строгостію ко всему въ немъ дурному.

Дурно прежде всего худо скрываемое — неуважительныя и, больше еще, враждебныя отношенія направленія къ другому, ему предшествовавшему и, можно сказать, его

создавшему — ибо какъ ни хочетъ авторъ статьи показать, съ самаго начала, тѣспѣйшую духовную связь своихъ идей, съ идеями, выказавшимися впервые въ статьѣ покойнаго И. В. Киреевскаго, напечатанной въ «Денницѣ»—все таки, — связь его съ критическою дѣятельностію Бѣлинскаго, осмыслившею для него самаго его идеи—остается фактомъ, до несомнѣнности очевиднымъ.—Статья И. В. Киреевскаго—дѣйствительно глубокомысленная, но оставшаяся одинокою во время ея появленія, осталась одинокою и послѣ этого — и стало быть — зачѣмъ бояться подводить итоги? — бесплодною и для будущаго, и для послѣдующаго и для нашего времени. Все, что могла породить она, была не художественная критика — а общественная теорія славянофильства, которой до искусства, т. е. до самобытнаго и свободнаго выраженія самобытной и свободной жизни—столь же мало дѣла, какъ теоріямъ г. Чернышевскаго.... Скажу мысль, по выраженію парадоксальную, но по крайней мѣрѣ, глубоко-искреннюю: одиночество этой поистинѣ замѣчательной статьи происходило отъ ея собственнаго органическаго недостатка, отъ гордости чистоты, лежавшей на днѣ ея и долженствовавшей привести неминуемо къ теоріи, а не къ искусству и жизни.... А между тѣмъ статья: «взглядъ на Русскую литературу въ 1858 году,» высказываетъ стремленіе къ иному взгляду, въ основѣ котораго лежатъ не условно—чистыя и потому безусловно гордыя начала теоретическія,—а вѣчные законы искусства и жизни, т. е. души человѣческой!....

«Послѣ упадка альманаховъ — гласитъ статья — и съ водвореніемъ владычества журналовъ, обзорнія хотя и стали не такъ многочисленны, какъ прежде, но лучшія періодическія издашія все еще держались обычаямъ обзирѣвать въ каждомъ первомъ номерѣ литературу за предшествовавшій годъ. Обзорнія уменьшились въ числѣ, зато увеличились въ размѣрахъ, такъ что иногда дробились на нѣсколько книжекъ. Съ увеличеніемъ объема статьи эти стали богаче общими взглядами, «философскими» и нравственными разсужденіями; въ нихъ шли толки уже не объ однихъ литературныхъ явленіяхъ, но и о жизненныхъ и научныхъ вопросахъ; въ нихъ разсуждалось обо всемъ, что

«вызываетъ на размышленіе». *И зато съ какой жадностью читались эти статьи тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались любознательные юноши январской книжки журнала! Въ наше время первый номеръ журнала не можетъ возбудить такого интереса въ людяхъ не равнодушныхъ къ литературѣ; онъ по роду статей своихъ ни чѣмъ не отличается отъ остальныхъ номеровъ. Но въ тѣ времена читатель зналъ навѣрное, что такой-то журналъ въ январской своей книжкѣ непременно напечатаетъ статью подъ названіемъ «Русская литература въ 18.. году», что въ ней будетъ трактоваться обо всей русской литературѣ настоящей, прошлой... и даже будущей; что въ ней въ сотый разъ пересмотрятъ всѣхъ русскихъ писателей отъ Кантемира до Гоголя, поставятъ на очную ставку съ современными писателями, и размѣстятъ всѣхъ дѣятелей нашей словесности въ новомъ порядкѣ, сообразно съ новой философской или нравственной идеей, которая ляжетъ въ основаніе ожидаемой статьи. Подобныя обзрѣнія обыкновенно начинали рѣчь очень издалека,—если не съ самаго сотворенія міра, то по крайней мѣрѣ не позже какъ съ разселенія народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія и перваго образованія гражданскихъ обществъ. Сперва говорилось о томъ, каково было человѣчество въ дикомъ состояніи, какъ грубость нравовъ, занятія звѣроловствомъ и отсутствіе комфорта задерживали въ человѣкѣ дѣятельность мысли и мѣшали успѣхамъ словесности. Далѣе авторъ, упомянувъ въ кратцѣ о зачаткахъ образованности на Востокѣ вообще и въ Индіи особенно, переходилъ къ Грекамъ и Римлянамъ. Здѣсь критикъ трактовалъ о классической литературѣ, о пластикѣ и тождествѣ идеи съ формой въ античномъ искусствѣ, о Гомерѣ, и т. д. Обозрѣвъ древній міръ, онъ переходилъ къ обновленію человѣчества чрезъ водвореніе христіанства; говорилъ объ отличіи средней исторіи отъ древней, новаго міросозерцанія отъ античнаго, и классицизма отъ романтизма. Потомъ толковалось о французской псевдоклассической поэзій, о ея недостаткахъ и вліяніи на нашу словесность. Обращаясь къ нашему отечеству, критикъ прежде всего рассматривалъ зачатки русской поэзій-*

то-есть народныя сказки и пѣсни, стараясь открыть въ нихъ міросозерцаніе народа, и такъ какъ это ему не совсѣмъ удавалось, то онъ объявлялъ, что русская народная поэзія мелка и груба по своей идеѣ, и весьма справедливо замѣчалъ, что *Ерусланъ Лазаревичъ* и *Бова Королевичъ* не могутъ выдержать сравненія съ *Иліадою* и *Одиссеей*. Затѣмъ онъ почти прямо переходилъ къ новой послѣ-петровской литературѣ: — о русской письменности до Петра онъ говорилъ очень коротко, утверждая, что у нея не было внутренней исторіи, и что она не имѣла никакого вліянія на послѣдующую литературу. Обозрѣвая исторію новой русской словесности, онъ обыкновенно располагалъ факты такъ, чтобы доказать ими какое-нибудь новое положеніе. Положенія эти были въ родѣ слѣдующихъ: у насъ нѣтъ литературы;—у насъ есть словесность, но нѣтъ литературы; — у насъ есть великія поэтическія произведенія, но нѣтъ беллетристики, и т. д. Такая же мысль проводилась и черезъ перечень литературныхъ явленій за истекшій годъ. Статья обыкновенно заключалась размышленіемъ, какая великая будущность ожидаетъ наше отечество и нашу литературу, причемъ Россія нерѣдко сравнивалась съ богатыремъ, который сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ».

Къ чему, спрашиваете вы себя невольно, по прочтеніи этихъ страницъ — принять авторомъ юмористическій тонъ въ отношеніи къ дѣлу, котораго значеніе онъ не только не отвергаетъ, но видимо признаетъ во всей силѣ, ибо иначе не сталъ бы онъ говорить о томъ, съ какой жадностью читались эти статьи тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ и не сталъ бы онъ замѣчать, что въ наше время первый номеръ журнала не можетъ возбуждать такого интереса въ людяхъ, не равнодушныхъ къ литературѣ, какъ въ тогдашнее. Что же онъ хочетъ сказать этимъ тономъ?

Съ другой стороны, зачѣмъ онъ съ однимъ только диктаторскимъ юморомъ относится къ тому, въ чемъ заключается неправая сторона тогдашней критической дѣятельности. Первое дѣло, что отношенія тогдашней критики къ до-Петровской жизни и до-Петровской литературѣ — какъ серьезныя, вызвали и борьбу серьезную: другое дѣло, что

можно враждовать и даже въ извѣстной степени должно съ неправильностію этихъ отношеній — но въ наше время, нельзя взваливать на тогдашнюю, ошибавшуюся, но серьезную критику обвиненій въ томъ, что она якобы заключала весьма справедливо, что «Ерусланъ Лазаревичъ и Бова Королевичъ не могутъ выдержать сравненія съ Илиадою и Одисеей» — какъ нельзя сваливать на Славянофильство обвиненій въ сравненіяхъ Мертвыхъ душъ съ Илиадою. Юморъ здѣсь и неумѣстенъ, да и недостойнъ нашей эпохи. Никакое здравое мышленіе не занималось и не могло ни въ какую здравую эпоху заниматься какъ доказательствами въ пользу Илиады противъ Бовы Королевича, такъ и сравненіями Мертвыхъ душъ съ Илиадою. Если же подобныя доказательства или подобныя сравненія и найдутся въ какихъ либо статьяхъ, — то нельзя же всякую вздорную статью считать выраженіемъ направленія... Нельзя же, напримѣръ, разбираемую нами теперь статью считать выраженіемъ направленія новаго изданія!

Давши еще ходъ своему неудачному юмору, г. Б. А. — авторъ «Взгляда» — продолжаетъ, уже безъ юмора и очень основательно:

«Обозрѣнія, процвѣтавшія въ продолженіе почти цѣлаго десятилѣтія, стали приходить въ упадокъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, а въ началѣ пятидесятихъ вышли совершенно изъ употребленія: прошла мода на критическія статьи съ обширными вступленіями, высшими и общими взглядами. Да и вообще въ критикѣ стала замѣчаться апатія. Причина этой апатіи очень понятна. Русская критика, предававшаяся болѣе двадцати лѣтъ самой напряженной и тревожной дѣятельности, воевавшая съ такимъ жаромъ со старыми литературными теоріями, громившая безъ устали старые авторитеты и повторявшая безъ отдыха почти одиѣ и тѣ же теоріи, одержала наконецъ побѣду надъ всѣмъ, что ей противустояло. Старые кумиры россійской словесности были торжественно развѣчаны и низвержены съ пьедесталовъ, при рукоплесканіяхъ большинства публики; противники новой критики освищены, голоса ихъ совершенно заглушены, — и новыя литературныя теоріи распространились съ такимъ успѣхомъ, что ихъ уже зналъ нанзустъ всякій школьникъ.

Что еще оставалось дѣлать критикѣ? Она достигла того, къ чему стремилась, высказала все, что у нея было на умѣ и на сердцѣ: всѣ свои свѣдѣнія, теоріи и чувства, словомъ, выполнила свое призваніе; новаго уже ничего не могли придумать дѣятели *новой критики*, которая въ свою очередь наконецъ уже сдѣлалась старою; повтореніе стараго надоѣло и публикѣ и самой критикѣ. Слѣдовательно и критикѣ оставалось только умолкнуть. Къ этимъ внутреннимъ причинамъ, обусловившимъ паденіе критической школы сороковыхъ годовъ, присоединилась и случайная, ускорившая это паденіе: — смерть ея главнаго дѣятеля и представителя, Бѣлинскаго».

Замѣчаю только, что то, что авторъ называетъ событіемъ случайнымъ — было дѣйствительно случайно, но только по этому случаю умолкла критика предшествовавшихъ лѣтъ. Дѣйствительно — остальные дѣятели ея не могли уже придумать ничего новаго, — но главный остался бы вѣчно новъ, ибо нашелъ бы въ себѣ силы понять все новое.

Засимъ, авторъ «Взгляда» снова съ юморомъ, но уже съ юморомъ ловкимъ и имѣющимъ законныя основы, излагаетъ состояніе критики послѣ случайнаго событія, смерти ея главнаго представителя. Желая показать, что я обращаю вниманіе публики не на одни слабыя стороны «Взгляда», — позволяю себѣ еще выписку:

«Со смертію Бѣлинскаго, характеръ русской критики совершенно измѣнился. Въ литературныхъ убѣжденіяхъ она оставалась вѣрна началамъ своего учителя и смотрѣла на все его глазами, но въ отношеніи способа высказывать свои убѣжденія она представляла съ нимъ совершенную противоположность. вмѣсто жара и горячности, которыми отличались статьи Бѣлинскаго, въ статьяхъ его преемниковъ явились холодность и апатія, вмѣсто рѣзкости въ приговорахъ — уклончивость, вмѣсто смѣлости — робость, вмѣсто парадоксовъ — общія мѣста, вмѣсто тонкаго природнаго эстетическаго чувства — мертвыя книжныя теоріи; словомъ: ученики не имѣли ни достоинствъ, ни недостатковъ своего учителя. Читатели журналовъ скоро замѣтили перемѣну, происшедшую въ критикѣ, и охладѣли къ ней. Прежде, едва

ли не наиболѣе читасмымъ отдѣломъ въ журналѣ была критика; теперь публика перенесла свою симпатію на отдѣлъ изящной словесности, гдѣ помѣщались повѣсти и романы, — и была совершенно права. Бѣлинскій по дарованіямъ своимъ былъ несравненно выше всѣхъ такъ называемыхъ писателей — беллетристовъ, печатавшихъ статьи свои въ журналахъ его времени. Исключенію подлежатъ только два три писателя, успѣвшіе уже при немъ воишь обнаружить свой высокій художественный талантъ, и писатели, еще не успѣвшіе его хорошенько обнаружить, но занимающіе въ настоящее время почетныя мѣста въ нашей литературѣ. Напротивъ того преемники Бѣлинскаго стояли несравненно ниже беллетристовъ своего времени. Положеніе критики было затруднительно. Отзыватья рѣзко о посредственныхъ писателяхъ она не дерзала, потому что симпатія читателей была на ихъ сторонѣ, и отдѣломъ словесности, а не «критикой», держались журналы. Надо было дѣйствовать осторожно. Критика такъ и поступила, — и журнальныя рецензіи наполнились уклончивыми отзывами, общими фразами, оговорками и тому подобнымъ лавированіемъ. Еще затруднительнѣе было положеніе критики къ писателямъ, о которыхъ она хорошенько не знала мнѣнія своего учителя Бѣлинскаго, о которыхъ онъ не успѣлъ сказать ничего яснаго, опредѣленнаго. Своего мнѣнія она не имѣла и не могла составить, а въ то же время была обязана высказать какое-нибудь мнѣніе. И вотъ она усугубила свою уклончивость въ приговорахъ и расточительность на общія фразы. Но самое неловкое, даже отчаянное положеніе критиковъ было въ отношеніи писателей, появившихся послѣ смерти Бѣлинскаго; они рѣшительно не знали что о нихъ сказать. Вслѣдствіе всего этого, плохіе писатели писали и печатали совершенно-безнаказанно, а даровитые оставались совершенно-неоцѣненными; и такимъ образомъ какіе-нибудь господа Н. и Х., представители однихъ недостатковъ натуральной школы, слышали о себѣ такіе же неопредѣленные отзывы критики, какіе приходились на долю Гончарова и Тургенева. Положеніе этихъ двухъ писателей, впрочемъ, еще не было самое худшее; критика нѣсколько знала, какъ думать о нихъ

Бѣлинскій, и потому не боялась сказать, что они люди не безъ дарованія. Но въ какія отношенія къ ней должны были стать Островскій и Писемскій, которые явились въ литературѣ по смерти Бѣлинскаго? Конечно, въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ помѣщались иногда дѣльные и полезныя статьи, какъ напримѣръ, статьи гг. Галахова, Дудыпкинна и Гаевского. Но то были разборы старыхъ русскихъ писателей, имѣвшіе цѣлью не столько ихъ эстетическую оцѣнку, сколько собраніе и обработку матеріаловъ для исторіи литературы. Критикой же современныхъ писателей занимались безыменные рецензенты».

«Но — повторяемъ — нигдѣ такъ не обнаружилось типично направленіе тогдашней критики, какъ въ годовичныхъ обзорѣніяхъ литературы. По смерти Бѣлинскаго была сдѣлана попытка писать обзорѣнія по его методѣ, то-есть съ большими вступленіями и общими взглядами, но попытка эта рѣшительно не удалась. Тогда началась самая печальная эпоха обзорѣній, ксчастію продолжавшаяся недолго. Въмѣсто прежнихъ шумныхъ и блестящихъ статей о русской литературѣ, стали печатать одни сухіе перечни, или просто систематическіе реэстры литературныхъ явленій за цѣлый годъ. Публика, разумѣется, перестала ихъ читать, вслѣдствіе чего критика, разумѣется, перестала ихъ писать, — и обзорѣнія совершенно пчезли».

Все это — совершенно вѣрно и комментаріевъ никакихъ не требуетъ. Но что же за страшная смѣсь пониманія и непониманія обнаруживается во всемъ, доселѣ разобранномъ? Что за нелогичность или неясность мысли, которая можетъ быть, кромѣ всякихъ шутокъ, приведена въ слѣдующій силлогизмъ:

А.) Бѣлинскій былъ высоко даровитый критикъ.

В.) Бѣлинскій умеръ.

С.) *Ergo*, литературное дѣло, или совершенное, потеряло право на уваженіе и сочувствіе!!!

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ выписокъ ясно, что г. Б. А. понимаетъ прекрасно, какъ важны были огромныя вступленія Бѣлинскаго къ его статьямъ, какъ статьи его дѣйствовали на массу читателей и какіе эстетическіе плоды они

приносим. Стало быть, онъ признаетъ первую часть силлогизма. Что Бѣлинскій умеръ — этого онъ также неоспориваетъ.

Но изъ этого слѣдуетъ только то, что критика съ огромными вступленіями, т. е. съ философскими, обобщающими — *tant bien que mal* стремленіями — потеряла своего даровитаго представителя и досталась въ руки бездарнымъ — а вовсе не то заключеніе, которое *скрывается* въ разглагольствованіи г. Б. А.

А отъ чего такъ неудачно, такъ не понятно это разглагольствованіе? Прежде всего отъ недостатка искренности. Скажи г. Б. А., что онъ, раздѣляя съ великимъ нашимъ критикомъ его эстетическія, всегда вѣрныя симпатіи и симпатіи, — не дѣлитъ съ нимъ разныхъ, сильно увлекавшихъ его теорій, постороннихъ въ отношеніи къ искусству и жизни — онъ не имѣлъ бы нужды ни въ неудачномъ приложеніи своего юмора, ни въ недомолвкахъ... Онъ не имѣлъ бы даже нужды спрашивать самого себя о цѣли собственной статьи и пояснять читателямъ эту цѣль и путаться до безконечности въ этомъ поясненіи — или такъ не быть въ немъ искреннимъ.

Г. Б. А. хочется, во что бы то ни стало, сохраняя и чтя свято (по его словамъ) принципъ искусства для искусства, показать нѣкоторое сочувствіе къ *обличительной* литературѣ нашего времени — и тутъ является у него невообразимое раздвоеніе мышленія. Напрасно прибѣгаетъ онъ къ примѣрамъ раздвоенія литературы съ жизнью — выбирая примѣръ самый неудачный, сухую литературу Римлянъ при Августѣ, и забывая литературы живыя, шедшія впереди жизни, но всегда съ нею — греческую, итальянскую, англійскую, — напрасно ищетъ онъ спасенія въ раздвоеніи нашего времени на благотворное для гражданственности и неблагопріятное для искусства — очевидно только раздвоеніе въ его мышленіи.

Раздвоеніе же это явно произошло отъ безсознательно принятаго и безсознательно повторяемаго «*принципа искусства для искусства*», отъ недостаточнаго разъясненія самому

себѣ идеальнаго взгляда, принципа искусства для души человека.

Вотъ все, о чемъ можно серьезно говорить, говоря о «Взглядѣ» г. Б. А. Въ остальномъ, этотъ взглядъ представляетъ странную смѣсь сухихъ перечней О. Сомова, съ диктаторски — мальчишескимъ тономъ приговоровъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя, особенно выдающіяся особенности.

1) Г. Б. А., увлекаясь и увлекаясь даже съ излишкомъ изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, гг. Майковымъ и Меємъ. уважаетъ г. *Фета* только какъ переводчика Гёте (изъ Гёте то именно Фетъ переводилъ очень плохо!), Горация и Гейне, и не упоминаетъ вовсе — о комъ бы читатели думали?.. О *Тютчевѣ*!!! Вѣдь это немножко — слона то я и не примѣтилъ... Далѣе сожалѣетъ, что не печатали въ прошломъ году своихъ стихотвореній г. Полонскій и г. *Щербина* (г. Б. А. особенно счастливъ на сопоставленіе именъ!).

2) Изъ немногихъ строкъ автора объ Островскомъ выходитъ, что успѣху его пьесъ помогаетъ игра гг. Садовскаго и Васильева. Ну, а въ другихъ-то мѣстахъ Россіи, гдѣ пѣтъ гг. Садовскаго и Васильева, — кто помогаетъ успѣху его пьесъ, кромѣ ихъ высокаго народнаго значенія?

3) *Прелестны*, въ особенности по своей краткости, напоминающей г. Ореста Сомова, и по диктаторскому тону, достойному г. Эрнста Благоправова, характеристики *Тургенева и Толстаго*:

«О повѣсти г. Тургенева: «*Ася*» мы распространяться не будемъ (Почему же, г. Б. А., когда вы распространяетесь даже и о неудачныхъ стихотвореніяхъ?) и скажемъ только одно слово о томъ, что, *по нашему мнѣнію*, составляетъ особенность таланта ея автора.» (Послушаемъ *Ваше* мнѣніе, г. Б. А.)

«*Намъ* кажется, что можно довольно вѣрно охарактеризовать произведенія г. Тургенева вообще и «Записки охотника» въ особенности, назвавъ ихъ поэтическими впечатлѣніями.» (Положимъ г. Б. А., — по въ чемъ же *особенность* именно Тургеневскихъ поэтическихъ впечатлѣній, отличіе ихъ отъ другихъ) «Г. Тургеневъ въ своихъ романахъ, повѣстяхъ и рассказахъ, какъ справедливо было замѣчено некоторыми кри-

миками, по преимуществу поэтъ. Выводя передъ читателями лица, имъ созданныя, онъ по большей части изображаетъ не характеры ихъ, но собственно впечатлѣнія, полученныя при взглядѣ на эти лица.» (А гдѣ же *ваше* то мнѣніе, г. Б. А?)

«Въ 1858 году было такъ же напечатана повѣсть графа Л. Толстаго: «Альбертъ». Гр. Толстой, по справедливости, почитается однимъ изъ очень даровитыхъ писателей нашихъ. Онъ принадлежитъ къ немногому числу тѣхъ, которые творятъ изъ *чисто художественныхъ цѣлей.*» (о хъ ужъ эти *чисто-художественныя цѣли!*) «Характеристическая черта произведенія автора «четырехъ эпохъ развитія» и «Военныхъ рассказовъ» заключается въ тонкости, вѣрности и глубинѣ *писательскихъ* наблюдений — въ *благородствѣ и чистотѣ чувствъ, которыми онъ согрѣты.* (Это уже прямо изъ г. Ореста Сомова — да и не слѣдуетъ поборнику искуству для искуства — цѣнить въ художественномъ произведеніи моральныя достоинства)

«Что касается собственно до повѣсти «Альбертъ», то ее вмѣстѣ съ «Записками Маркёра», слѣдуетъ отнести къ неудавшимся произведеніямъ автора. Герой повѣсти «Альбертъ» — человекъ полусумасшедшій — *а психическія наблюденія надъ такими субъектами не должны и не могутъ составлять матеріала для художественнаго произведенія.*» (Стало быть и «записокъ сумасшедшаго» вы, не дали бы права писать Гоголю, г. Б. А?)

4) Столь строгій къ «Альберту» гр. Толстаго, г. Ъ. А. съ *умиленіемъ* говорить о «Мишурѣ» г. Потѣхина и вообще о г. Потѣхинѣ, восторгаясь искренностію грубой стряпни этого, — впрочемъ даровитаго и многопишущаго литератора.

5) Г. Б. А., справедливо признавая яркія достоинства повѣстей г-жи Кохановской, въ каковомъ признаніи всякій конечно съ нмъ согласится — изъ поборника *чистаго* искуства, искуства для искуства — становится опять моралистомъ, — хвала автора за то, что онъ не раздражается протестами противъ грубости и семейныхъ началъ, и героиню повѣсти: «Въ гостяхъ послѣ обѣда» за ея смирное и покорное поведеніе.

Но тутъ, кромѣ того выходитъ исторія весьма странная, нечто въ родѣ извѣстной картинки лубочнаго издѣлія «На-

полеонъ самъ себя пожирающій», — а именно, другой членъ Сборника, г. Колошинъ, воспіеть въ своей повѣсти: «Свѣтскія язвы» — въ Островскомъ на то самое, что весьма похваляетъ г. Б. А. въ г-жѣ Кохановской!...

Послѣ всего этого, стоило ли бы кажется серьезно говорить о статьѣ г. Б. А.?... Но между тѣмъ она представляетъ на каждомъ шагу поводы къ новымъ и разнообразнымъ удивленіямъ.... То удивляешься *безтактности*, соединенной съ гусарской отвагою, то принужденъ удивляться такту, соединенному съ твердостью взгляда, установленного вполне. Почти все что авторъ «Взгляда» и переходя отъ литературы къ исторіи — говорить о несостоятельности нашей исторической школы — превосходно и по мысли и по изложенію:

«Современное направленіе науки русской исторіи». — говоритъ г. Б. А., есть направленіе обличительное, то есть то же самое, которое господствуетъ въ «Губернскихъ. Очеркахъ» Щедрина и въ произведеніяхъ его подражателей. Но между современными нашими историками-сатириками и сатириками-беллетристами есть большая разница. Во-первыхъ, представитель обличительнаго направленія въ изящной словесности, Щедринъ — имѣеть неоспоримый талантъ, а таланты представителей исторической школы остаются только въ сильномъ подозрѣніи. Во-вторыхъ, разница состоитъ въ предметѣ обличенія. Наши домашніе Тациты устремляютъ свои сарказмы на древнюю Русь и казнятъ ея обычаи, нравы и понятія; Щедринъ обличаетъ совсѣмъ другое и относится съ благороднымъ сочувствіемъ къ остаткамъ древней Руси — простому народу. Въ-третьихъ, Щедринъ и вся его школа приносятъ пользу, потому что указываютъ на недостатки современнаго живаго общества, и такимъ образомъ способствуютъ его исправленію; помянутые Тациты пользы никакой не приносятъ и дѣйствуютъ только для собственнаго удовольствія, потому что древняя Русь отжила и исправить ее трудно».

Изъ этой маленькой интродукціи читатель вѣроятно увидитъ, что мы не только не сочувствуемъ современной исторической школѣ, но даже относимся къ ней враждебно.

Мы относимся съ терпимостію ко всѣмъ недостаткамъ современнаго направленія русской литературы потому, что уважаемъ ихъ источники. Но никакъ не намѣрены мы мнрволить писателямъ, презирающимъ обычаи своихъ предковъ, искажающимъ смыслъ древней русской исторіи, издѣвающимся надъ нашей народной поэзіей и смотрящимъ съ презрѣніемъ на остатки древней Руси, то-есть на нашего простолюдина и его одежду. Мы говоримъ прямо всѣмъ этимъ джельтменамъ: «иду на вы».

«Главное положеніе нашихъ историковъ натуральной школы состоитъ въ томъ, что въ древней, до-петровской Россіи не было ни добродѣтели, ни благородныхъ помысловъ, ни логики, и что все это у насъ завелъ только Петръ Первый. По ихъ мнѣнію, у насъ на Руси, безъ регулярнаго, хорошо-устроеннаго войска и флота, безъ побѣдъ надъ Шведами, учрежденія правительствующаго сената и открытія ассамблей, женщина не могла быть добродѣтельна, а мужчины не могли писать хорошія книги».

«Петръ Великій такъ высоко стоитъ въ мнѣніи, какъ своего народа, такъ и всѣхъ остальныхъ европейскихъ націй, что, кажется, не нуждается въ панегирикахъ современныхъ историковъ. Но странно почитать его за бога и приписывать ему то, что одинъ человекъ не въ силахъ сдѣлать».

«Вторая причина неспособности древней Руси ни къ чему хорошему, по мнѣнію этихъ господъ, заключалась въ неразвитости централизаціи».

«Допуская необходимость централизаціи, которая дала такую силу нашему отечеству, мы все-таки не видимъ въ ней единственнаго двигателя въ исторіи развитія русскаго народа».

«Конечно, она сплотила народъ въ одинъ несокрушимый колоссъ, но въ этомъ дѣлѣ и самъ народъ принималъ участіе, не оставаясь пассивнымъ. Притомъ же вліяніе централизаціи болѣе виѣшнее; она помогаетъ развитію народа, но никакъ не составляетъ цѣль этого развитія. Чтобы централизовать, надо имѣть что централизовать, а это-то что и ставятъ ни во что наши историки. Могла ли централизація создать умъ русскаго человека, вложить ему въ душу бла-

городныя чувства, а въ уста поэтическое слово; она ли дала ему высокій ростъ, широкія плечи, голубые глаза и русые волосы? Сомнительно! Чтò вызвало мясника, бородача Минина, на его святое дѣло? Одно ли чувство потребности централизаціи? Конечно, онъ выразилъ собой тяготѣніе къ центру — Москвѣ, но высокій его патриотизмъ имѣлъ и другіе источники».

«Приписывать все хорошее, у насъ существующее, только централизаціи и администраціи — значитъ считать русскій народъ за стадо барановъ. Это ужъ выходитъ *laesio majestatis populi*».

«Въ наше время знаменитые люди, какъ, напримѣръ, Монталамберъ и Токвиль, говорятъ о вредѣ излишней централизаціи. Самъ Людовикъ Наполеонъ, этотъ идолъ всѣхъ приверженцевъ ультра-централизаціи, счелъ нужнымъ въ своей тронной рѣчи сказать для приличія кое-что противъ нея. А наши историки слушаютъ да... шшутъ».

«Третья причина всѣхъ золъ, какъ въ самомъ дѣлѣ существовавшихъ въ древней Руси, такъ и сочиненныхъ въ воображеніи ея порицателей, заключается въ родовомъ бытѣ, который будто убивалъ въ ней всѣ хорошія склонности и всякій здравый смыслъ».

«Колумбамъ родового начала въ русской исторіи уже доказано какъ дважды два четыре, что они подъ словомъ «родовой бытъ» разумѣютъ совсѣмъ не то, что разумѣть должно: —они съ несокрушимой твердостью продолжаютъ отстаивать существованіе своего призрака. Но положимъ, что родовый бытъ дѣйствительно существовалъ въ древней Россіи и притомъ существовалъ въ такомъ совершенно видѣ, въ какомъ обыкновенно описывается. Нельзя же приписывать его вліянію всѣ остатки древней Россіи, точно также, какъ нельзя приписывать всѣ хорошія стороны новой Россіи успѣхамъ централизаціи».

«Отчего же такъ понравился этотъ родовый бытъ? Отъ непомѣрнаго желанія написать русскую исторію съ общимъ взглядомъ — съ идеей. Писать, какъ написалъ Карамзинъ «Исторію Государства російскаго,» какъ написалъ Пушкинъ «Исторію Пугачевского бунта,» т. е. просто, не мудр-

ствуя лукаво, для пныхъ слишкомъ мало, слишкомъ легко, не достойно гениальнаго историческаго таланта. Нашихъ историковъ соблазнили европейскіе историки, блистательно проводившіе свои идеи черезъ цѣлыя исторіи народовъ. Соблазнясь примѣрами авторовъ «Исторіи цивилизаціи» и «Исторіи покоренія Англіи Норманами,» они рѣшились найти какую-нибудь идею и для русской исторіи. Встрѣтивъ нѣсколько разъ въ лѣтописи слово «родъ», они обрадовались, какъ Колумбъ твердой землѣ, — и взглядъ на русскую исторію былъ созданъ. Но развѣ такъ составилъ Гизо свой взглядъ на исторію Франціи? Развѣ такого рода бесплодную идею положилъ онъ въ основаніе своего курса? Нѣтъ. Онъ открылъ ее не въ словахъ хроники, писанной тысячу лѣтъ назадъ, онъ ее *чувствовалъ* въ жизни современнаго французскаго общества, въ окружавшихъ его людяхъ, въ самомъ себѣ. Идея эта предстала передъ нимъ, облеченная въ плоть и кровь, въ переворотѣ 1789 года. Переворотъ этотъ былъ результатомъ всей предшествовавшей исторіи Франціи и исходнымъ пунктомъ всей послѣдующей. Онъ близокъ каждому Французу: сердце каждаго Француза бьется за него — или противъ него. Такимъ образомъ идея, по которой Гизо расположилъ факты, живая, неразлучная ни въ чьей головѣ съ мыслию о французской исторіи, — и знаменитый историкъ не выдумалъ, не сочинилъ ее, а только выразилъ въ ней знаніе цѣлаго общества. Оттого его исторіи трогаютъ за живое каждаго Француза, который, читая ее, родится съ давно прошедшей исторіей своего отечества, ясно постигаетъ связь своего существованія со всѣмъ, что прожито его народомъ».

«Такова ли идея нашихъ историковъ? Родовой бытъ! Да какое дѣло до него читателямъ-гражданамъ! Рвется ли русское сердце при этомъ новомъ учебномъ терминѣ, интересномъ только для специалистовъ. Пожалуй, читатель согласится, что былъ родовой бытъ, что онъ шелъ чрезъ всю русскую исторію, и, поздравляя съ этимъ историковъ, скажетъ: «прекрасно, да мнѣ-то что до этого?»

«И выходитъ, что нашу исторію съ идеями не читаютъ общество и публика. А читаютъ ее только специалисты, одни для собственнаго назиданія, другіе для потѣхи».

«Но что значитъ для нашихъ историковъ равнодушіе русскаго общества, — толпы. Они замкнулись въ свой кружокъ, — кружокъ избранныхъ, въ кружокъ своихъ поклонниковъ, — и услаждаются ихъ рукоплесканіями. Всякій, кто имѣетъ сколько-нибудь оригинальный взглядъ на русскую исторію, а не повторяетъ передъ ними наизусть ихъ собственныя теоріи, признается человѣкомъ отсталымъ, неспособнымъ понимать глубокомысленную систему родоваго быта. И какъ любятъ наши историки родовой бытъ, какъ усердно они нячатся съ этимъ своимъ единственнымъ пайденышемъ! Нѣтъ ни одного явленія въ русской исторіи, которое бы они не старались объяснить родовымъ бытомъ.»

Совершенно другаго рода замѣчательная статья г. Борнса Алмазова «О поэзиі Пушкина». Она зрѣло обдуманна и обдуманно написана — въ ней нѣтъ ни диктаторскаго тона, ни гарцованій — и поэтому самому, она *чище* представляетъ направленіе новаго изданія; въ ней нѣтъ также противорѣчій принятому принципу, — напротивъ принципъ проводится послѣдовательно, выражается смѣло и ясно съ самаго начала. Но каковъ самый принципъ—это дѣло другое. Вотъ что говоритъ г. Алмазовъ въ самомъ началѣ.

«Едва ли есть писатель, который бы полнѣе и чище Пушкина представлялъ собою типъ поэта. Почти у всѣхъ великихъ поэтовъ, кромѣ дара поэзиі, есть еще другія права на славу; почти каждый изъ нихъ примѣшивалъ въ свою поэзію стихин изъ другихъ областей духовной дѣятельности и къ сану поэта присоединялъ какой нибудь другой санъ, равно почетный или даже почетнѣйшій. *Одинъ Пушкинъ является для своего народа не больше какъ простымъ пѣвцомъ.* Эту особенность одни ставили ему въ недостатокъ, за что и порицали, — другіе извиняли ее обстоятельствами; замѣтили же ее всѣ. Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ, сопоставляя его съ другими великими поэтами и находя, что каждый изъ нихъ въ твореніяхъ своихъ служилъ не исключительно одной поэзиі, видитъ въ твореніяхъ Пушкина только одно чистое художество. Почти то же самое высказалъ и Гоголь. Представивъ ярко и опредѣленно характеристики всѣхъ поэтовъ, онъ отказывается начертать образъ Пушки-

на, и говорить, что въ поэзіи его невозможно уловить личность поэта.

Желая по возможности объяснить эту особенность Пушкина не духомъ его эпохи, а условіями самой его природы, мы, по примѣру упомянутыхъ писателей, *сравнимъ предварительно нашего поэта съ нѣкоторыми изъ западныхъ его собратьевъ.*»

Изъ всего этого слѣдуетъ — *во первыхъ*, что въ поэзіи Пушкина нѣтъ содержанія, а *во вторыхъ*, что самъ поэтъ не имѣетъ личности. Не такъ ли? Превосходное оружіе подаетъ г. Алмазовъ противникамъ Пушкина своими положеніями! Вѣдь, если бы положенія эти были правильны, т. е. если бы дѣйствительно поэзія Пушкина не имѣла содержанія и самъ поэтъ — личности, — то самые жаркіе поклонники Пушкина должны были бы стать на сторону его противниковъ. Еслибъ это признавалъ Бѣлинскій, котораго приводить въ свидѣтельство г. Алмазовъ, — то онъ разбилъ бы безличный и бездушный кумирь. То ли говорилъ Бѣлинскій? такъ ли понималъ его г. Алмазовъ, — за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, позволяю себѣ отослать читателей къ моей же статьѣ въ отдѣлѣ критики этого N.... «Для своего народа,» говоритъ г. Алмазовъ «Пушкинъ является не болѣе какъ простымъ пѣвцомъ». Пѣвцомъ чего? Вѣдь надобно же пѣть о чемъ нибудь. Онъ поетъ своему народу о своей душѣ — и такъ какъ душа эта много захватывала, такъ какъ ея струны отзывались на все *типовое, народное* — то и пѣлъ онъ о народной душѣ, но не просто, отвлеченно народной, а о народной душѣ, уже захваченной вѣяніями міровой жизни. Такова была и мысль Бѣлинскаго, да иною она быть не могла. Г. Алмазовъ обѣщается сравнить поэзію Пушкина съ поэзіей западныхъ его собратьевъ и не дѣлаетъ этого. Общія мысли его о Байронѣ, о Гётѣ, о Шиллерѣ — мысли, заключающіяся въ томъ, что Байронъ былъ поэтъ ненависти, Гётѣ поэтъ непоколебимой вѣры въ силу разума, а Шиллеръ поэтъ безконечнаго напряженнаго восторга передъ духомъ человѣческимъ — не даютъ никакихъ матеріаловъ для сравненія, да въ добавокъ еще страшно односторонни. И Байронъ и Гётѣ и Шиллеръ пѣли каждый *своему* народу, про свою и про его

душу — только задача ихъ пѣсни была иная, чѣмъ Пушкинская. Въ Англіи пѣль уже до Байрона Шекспиръ и захвативши все существенно—англійское, довелъ его до всемірно-человѣческаго. Гёте и Шиллеръ пѣли нѣмецкому народу про двѣ различныя стороны его души: пѣсня должна была раздвоиться потому, можетъ быть, что въ самомъ духѣ Германскомъ есть двойственность. До Пушкина, у народа не было еще его художественной пѣсни про его душу, а была только пѣсня растительная, физиологическая — да критическое отношеніе къ душѣ, т. е. зачатки комедіи. Сличать Пушкина съ другими поэтами значить показать, какъ его душа вѣритъ, любитъ, сомнѣвается, ненавидитъ сравнительно съ душами другихъ пѣвцовъ — и изъ такого сличенія возникнуть и *содержаніе* поэзіи и *личность* поэта! Да и затрудняться этими вопросами — нечего.

Я не даромъ въ началѣ статьи велъ рѣчь о томъ, что всякая книга, если только она живая, таитъ между строками плоть и кровь. Я сознаюсь откровенно, что я не вѣрю въ то, чтобы г. Алмазовъ, такъ тонко и умно понимающій особенности поэзіи Пушкина — *впрямь* въ свои положенія. Дѣло объясняется тутъ гораздо проще.... но пусть ключъ къ нему подастъ самъ авторъ статьи; приведу замѣчаніе одного критика о неопредѣленныхъ цѣляхъ Пушкина, онъ говоритъ».

«Да, цѣль для Пушкина не была такъ ясна, такъ опредѣленна, такъ удободостижима, какъ для другихъ поэтовъ: они знали гдѣ бросить якорь, и доплывали до пристани. *Но его пристань была слишкомъ далеко.* Неужели, еслибъ Пушкинъ, послѣ громкой строфы, гдѣ представлено, въ какомъ грозномъ величій душа его ополчалась вдохновеніемъ, могъ сказать, куда онъ поплыветъ, — какую бы онъ пристань ни назначилъ, все было бы недостойно того стремленія, которое онъ чувствовалъ? Нѣтъ! задавъ вопросъ: куда? онъ заставляетъ читателя думать о безконечности, и уноситъ его туда,

«Гдѣ затихла стихійная брань,
Гдѣ Богомъ творенью поставлена грань.»

«У каждаго народа есть характеристическія черты его духа, которыя, замѣчаемыя порознь въ обыкновенныхъ людяхъ, могутъ представиться дурными или смѣшными, но выражаясь въ поэтѣ, какъ представителѣ какой-нибудь стороны поэзіи, представляютъ собою нѣчто высоко-прекрасное и даже грандіозное. Такъ смѣшная эксцентричность Англичанина возведена въ гигантски-поэтическіе размѣры Байрономъ; филистерство Нѣмцевъ выразилось въ такъ называемомъ олимпійскомъ спокойствіи Гёте; буршество нашло себѣ представителя въ вѣчно юномъ Шиллерѣ; хаосъ италянскаго католицизма, эта смѣсь христіанства съ язычествомъ, возведенъ въ перлъ созданія Дантомъ. — *Какую же сторону русскаго народа выразилъ Пушкинъ?*»

«Есть одна характеристическая черта русскаго народа, выразившаяся и въ его поэзіи, черта, на которую покуда можно смотрѣть или какъ на задатокъ его будущаго величія, или какъ на доказательство его безсилія произвести что-нибудь великое на пользу человѣчества. Въ душѣ русскаго человѣка и его поэзіи есть какая-то необыкновенная сила, стремительность, высокій, широкій полетъ, но куда, къ какому идеалу, неизвѣстно. У человѣка всякой другой націи идеалъ явственъ: онъ знаетъ чего хочетъ и достигаетъ чего хочетъ. Но не таковъ идеалъ русскаго человѣка, не таково его стремленіе. «Русь, куда же несешься ты? дай отвѣтъ. — Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ... и мчится вся вдохновенная Богомъ.»

«Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что стремленіе русскаго человѣка есть стремленіе дикихъ, необузданныхъ, грубыхъ силъ. Нѣтъ, это стремленіе есть избытокъ силъ духовныхъ. Другіе народы скоро достигаютъ своихъ цѣлей, потому что эти цѣли достижимы. Можетъ быть вначалѣ ихъ идеалы были также высоки, какъ и у насъ, можетъ быть было что-нибудь подобное стремленію русскаго человѣка, но они филистерски помирились съ жизнію, сдѣлали ей уступку по полтинѣ за рубль, сдѣлали себѣ искусственный,

руководный идеалъ, поклонились ему и стали служить ему. У насъ не то. Въ нашемъ народѣ еще живо, свѣжо и могуче стремленіе къ недостижимому. Онъ ничего не дѣлаетъ, ничего не хочетъ въ половину. Ужь если стремиться, такъ стремиться.... Стремиться не къ какой-нибудь земной, ограниченной цѣли, не къ воплощенію какой-нибудь системы, но туда, куда зоветъ неумолкающій внутренний голосъ, къ безконечности. *Вотъ отчего намъ такъ часто приходится на умъ скорбный вопросъ: есть ли цѣль у русскаго человѣка въ его стремленіяхъ.* Вотъ отчего тщетно спрашиваемъ мы себя, куда и за чѣмъ уносить насъ русская пѣсня, куда и за чѣмъ уносятъ насъ звуки великаго нашего пѣвца. Тщетно спрашиваемъ мы и только слушаемъ, высоко настроенные духомъ, широко раскидываемся мыслию, изумляемся и, пораженные силой души русскаго человѣка, восклицаемъ словами пѣсни:

«Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.»

«Да, эти слова могутъ быть девизомъ поэзіи Пушкина; кто бы что ни говорилъ о скудости ея содержанія, но отличительные ея признаки: глубина, широта и сила. Что бы ни говорили о ея безплодности, безцѣльности, *но у нея есть цѣль.* Цѣль эта — возвысить душу читателя до той высоты, которой достигаетъ душа поэта въ минуту вдохновенья. Конечно у ней, какъ и у нашей народной поэзіи, не было опредѣленныхъ, дидактическихъ цѣлей; она не говоритъ человѣку: живи именно такъ, мысли то, чувствуй это; но говоритъ ему: живи высокою жизнію, возвышайся чувствомъ и мыслию горѣ, будь всегда и вездѣ человѣкомъ! И какъ такая неопредѣленность, неясность цѣли, безостановочность стремленія идетъ къ поэзіи и поэту, этому загадочному для толпы существу, этому повсюду—бездомному въ мірѣ страннику и для всѣхъ милому гостю».

Что же все это значить? Значить, что Пушкинъ поетъ народу пѣсню про его душу? Другой вопросъ — что г. Ал-

мазовъ не пытается опредѣлять эту душу народа у Пушкина — но ясное дѣло, что онъ *признаетъ* у поэзіи Пушкина содержаніе, у самаго поэта личность—только содержаніе еще не разъясненное, личность еще неуловленную.

Изъ чего же вся эта возня съ принципомъ искусства для искусства, который пора давно бросить гегелистамъ правой стороны, весьма мало понимавшимъ великаго учителя, да шеллингистамъ второй редакціи, обрадовавшимся, по тупоумію, тому, что ихъ великій учитель ушелъ на время въ облака, и не дождавшимся его возврата. Что такое искусство для искусства? Шахматная игра—да и та замѣняетъ, представляетъ войну.... другаго искусства для искусства вы не найдете.

Дѣло очень просто. Въ послѣднее время Пушкинъ сталъ рѣшительно камнемъ преткновенія и соблазна для всѣхъ теоретиковъ, теоретиковъ ли развитія или теоретиковъ Пуританизма, и г. Алмазовъ правъ въ томъ, на что онъ впоследствии намекаетъ, въ томъ, что наибольшее родство представляетъ *натура* Пушкинская съ *натурою* Шекспировскою. Въдъ и Шекспира пуританизмъ не любилъ за широту его взгляда на природу человѣка, а главнымъ образомъ за многія мѣста, которыя казались имъ лестію существующему порядку, а въ немъ были живою, неспорно, пожалуй, обманчивою, но *живою* вѣрою. Но и Пуританизмъ и многое другое прошло—а Шекспиръ остался навсегда—и какъ мелки, смѣшны кажутся міру въ настоящую минуту нападки на него теоретиковъ—такъ же мелки и смѣшны, какъ будутъ казаться на примѣръ лѣтъ черезъ сто — нападки добрыхъ мѣщанъ на великаго поэта нашей современной эпохи, Занда.

Г. Алмазовъ не можетъ раздѣлять съ теоретиками ихъ непріязненнаго чувства къ Пушкину — и хочетъ оправдать поэта ложнымъ принципомъ и этотъ принципъ звучитъ фальшивою нотою въ его превосходной статьѣ, дышащей глубоко любовью къ Пушкину и отличающейся рѣдкимъ пониманіемъ Пушкина.

Статью г. Эдельсона «Н. Щедринъ и новѣйшая сатирическая литература» можно упрекнуть только въ недостаткѣ

смѣлости провести послѣдовательно правильную мысль, недостаткѣ, который замѣчается почти во всѣхъ статьяхъ почтеннаго критика. И странное дѣло — должно быть по принципу вѣчной ироніи (ужь если пошло на принципы, то да позволено будетъ и мнѣ имѣть мой *принципъ*) — этотъ недостатокъ переходить у него часто въ совершенно безсознательное отсутствіе мѣры въ похвалахъ какому нибудь частному явленію. Такъ и здѣсь. Г. Эдельсонъ хочетъ сказать видимымъ образомъ, что *нѣкоторая* степень таланта выручаетъ еще обличительный родъ литературы у г. Щедрина, а отсутствіе какой либо степени этого качества выводитъ обличительный родъ изъ области литературы—если подъ литературой не разумѣть всякой письменности, между прочимъ и дѣловой, — а выходитъ, по тому тону, который онъ принимаетъ въ отношеніи къ г. Щедрину, что этотъ послѣдній чуть что не истинный художникъ, чего вѣроятно и не думалъ сказать г. Эдельсонъ.

О прочихъ статьяхъ «Сборника» я имѣлъ уже честь упомянуть. Позволяю себѣ одно замѣчаніе на счетъ почтеннаго историческаго, но нисколько не поэтическаго труда о Петрѣ В.—М. П. Погодина. Зачѣмъ все, противоборствующее его герою, представлено имъ столь низкимъ, слабоумнымъ и пошлымъ: *художественно*, это умаляетъ его героя. Нѣмецъ Иммерманнъ, не зная вовсе русской жизни, поэтическимъ путемъ понялъ дѣло вѣрнѣе въ своей трагедіи.

Замѣчательная въ высокой степени статья В. А. Кокорева, какъ утилитарная, не должна была войти въ сборникъ—или сборникъ не признаетъ *принципа искусства для искусства*.

Ан. Григорьевъ.

журналъ охотъ, издаваемый Г. Миномъ.

Возвратившись недавно въ Россію, увидѣлъ я въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Базунова, *Журналъ охотъ*, издаваемый съ января мѣсяца прошлаго года, г. Миномъ.

Издание это не удивило меня своимъ изяществомъ, — время удивленія давно для насъ прошло, но очень обрадовало. Наконецъ дождались мы изящнаго изданія охотничей книги и дѣйствительно хорошихъ картинокъ; а до сихъ поръ политипажи и литографіи, объявляемыя у насъ за «роскошныя», «изящныя» и т. п., были изъ рукъ вонъ плохи, какъ извѣстно всѣмъ, имѣющимъ хотя какое нибудь понятіе о живописи. Только въ художественномъ листкѣ г. Тимма являлись хорошія литографіи и только тамъ можно найдти порядочные рисунки лошадей; но онѣ у него предметъ посторонній, а вообще рисовать собственно животныхъ у насъ никто не умѣетъ.

Прочиталъ я книжки «журнала охотъ» и нахожу, что почти всѣ статьи журнала написаны очень хорошо, языкомъ современнымъ, людьми знающими и людьми хорошаго общества. Особенно замѣчательна въ немъ статья «Костромскаго охотника», котораго превосходный разсказъ напоминаетъ нѣкоторыя картины «изъ записокъ охотника» Тургенева. Очень интересна статья г. Мина объ охотѣ его въ Шотландскихъ горахъ и есть много другихъ любопытныхъ и дѣльныхъ статей, которыя могли-бы занять видное мѣсто въ лучшихъ нашихъ литературныхъ журналахъ. Коротко сказать — журналъ прекрасный.

Въ отношеніи рисунковъ онъ уступаетъ лучшимъ англійскимъ книгамъ спорта только тѣмъ, что тамъ есть гравюры, а въ нашемъ журналѣ политипажъ и литографіи. За то здѣсь нѣкоторые рисунки выполнены такъ, что не могутъ не понравиться самому взыскательному спортсмену, любителю рисунковъ звѣрей и птицъ. Принадлежа самъ къ числу этихъ спортсмановъ, я смѣло скажу, что нѣкоторые политипажи «журнала охотъ», именно: перепелка, олень съ самкою (не литографія, но политипажъ), стрепетъ и дикая индѣйка, — выполнены такъ, какъ до сихъ поръ у насъ въ Россіи никто не рисовалъ животныхъ. Главное достоинство этихъ рисунковъ состоитъ въ томъ, что животному дано выраженіе его нравственной природы, его инстинкта; а въ рисованьи животныхъ, четвероногихъ или птицъ, самый важный пред-

метъ—мина его, фізіономія, т. е. господствующее и случайное выраженіе его нравственной природы, проявляющееся преимущественно въ головѣ (какъ у человѣка въ лицѣ), т. е. въ глазахъ, губахъ, ушахъ и проч. Формы статей животнаго нарисовать легко привычному художнику, но дать фізіономію—очень трудно; на это нуженъ талантъ. Рубенсъ не совсѣмъ твердо зналъ статьи изображаемыхъ имъ звѣрей и не считалъ, вѣроятно, важнымъ ихъ изученіе; въ звѣряхъ великаго мастера можно найти много ошибокъ, но мину каждого онъ умѣлъ выразить превосходно. Поль-Поттеръ и нѣкоторые другіе славятся также собственно умѣньемъ дать должное, естественное выраженіе животному. Изъ современныхъ—Брасъ—Каза, Роза-бонёръ и Фербукговень, уступая П. Поттеру въ пейзажѣ и достоинствѣ кисти, едва-ли не превосходятъ и его и всѣхъ прежнихъ художниковъ способностію дать животному его фізіономію. Мину и характеръ собственно лошади лучше Орловскаго до сихъ поръ никто не передавалъ, хотя онъ пренебрегалъ вѣрностію въ подробностяхъ лошади. Знаменитыя лошади Карла Вернета были хороши только для своего времени, потому что были тогда лучшими; въ нихъ, конечно, есть достоинства, но недостатковъ гораздо больше.

Только въ наше время художники стали обращать вниманіе на тщательное изображеніе животныхъ и рисованье ихъ съ натуры; въ древности и въ среднихъ вѣкахъ писали какихъ-то условныхъ, принятыхъ лошадей, коровъ, собакъ и проч., а вовсе не настоящихъ; у самаго Рафаэля инныя лошади какъ будто набиты ватой, а у другихъ тогдашнихъ художниковъ онѣ похожи на что угодно, только не на лошадей.

Хорошо, что поклоненіе авторитетамъ прошло невозвратно; теперь я смѣло могу сказать то, о чемъ прежде не смѣлъ-бы и подумать; такъ напр. замѣчу еще, что немногія изъ прославленныхъ лошадей Вувермана довольно удачны; остальные больше нежели слабы, даже и бѣлыя, которыхъ онъ такъ любилъ рисовать. Теперь всякій открыто согласится, что знаменитые Кони древности, и мраморные и брон-

зовые, очень не хороши, особенно послѣ лошадей барона Клодта. Конечно, все это знают и понимаютъ одни знатоки; публика же, издавна привыкнущая къ условнымъ животнымъ, совершенно удовлетворяется всѣми старыми рисунками; классицизма еще очень много и въ области искусства.

Но знающіе люди, съ развитыми понятіями въ искусствѣ, и у которыхъ есть англійскіе и французскіе рисунки животныхъ, съ досадою и огорченіемъ смотрятъ на рисунки русскіе и не рѣшаются покупать ихъ. У насъ иной желалъ бы имѣть портретъ своей лошади или собаки, — знаменитаго скакуна или рысака; заказываетъ рисунокъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, и получаетъ не только не портретъ, но часто даже не лошадь и не собаку, а какое-то фантастическое животное, небывалыхъ статей. Исключеній мало. Въ литографіи же рисунки эти выходятъ, если можно, еще хуже.

Теперь мы, кажется, можемъ утѣшиться: художникъ, который такъ хорошо нарисовалъ перепелку, тетерева и оленя, можетъ, вѣроятно, нарисовать и лошадь и собаку и всякое животное,—по крайней мѣрѣ послѣ нѣсколькихъ опытовъ. Мы много обязаны г. Мину за прекрасные полтипажи, за весь журналъ его и за то, что показалъ намъ хорошаго рисовальщика.

Замѣчу и неудачные рисунки; но ихъ немного, только два, три: Англійская борзая собака, *Лолла-Монтесъ*, не хороша; у нея уступъ отъ лба къ носу крутъ и великъ, и ноги не борзой собаки, но датской, кромѣ того что одна нога короче другой. Но такъ какъ это копія съ портрета знаменитой собаки, то художникъ, можетъ быть, и не виноватъ въ недостаткахъ этого рисунка. Не хорошъ и террьеръ *Тини*, у котораго на ногахъ не видно пальцевъ; не удачна литографія, изображающая оленя въ водѣ, при статьѣ «олений ревъ». Не совсѣмъ хороша и фантастическая виньетка на заглавномъ листкѣ; рисунокъ не изященъ и какого-то непонятнаго смысла.

Всѣ эти мелочи ничтожны въ сравненіи съ достоинствомъ прочихъ рисунковъ. Журналъ г. Мина очень хорошъ;

жаль только, что книжки слишком тонки, — на мѣсяць чтенія мало и хотя это, конечно, лучшая похвала журналу, тѣмъ не меньше это его недостатокъ.

Но пріятное расположеніе духа, которое произвелъ на меня «журналъ охотъ», было не продолжительно; мнѣ случилось вскорѣ быть и въ литературныхъ кругахъ и между охотниками; и что же — въ обоихъ кругахъ рѣдкіе знали о существованіи «журнала охотъ,» никто не читалъ и многіе не видали его; я долго не вѣрилъ самой очевидности, но наконецъ пришлось повѣрить цифрамъ, когда узналъ, что у издателя журнала въ теченіе прошлаго года было съ небольшимъ сто подписчиковъ, только сто подписчиковъ!

Долго искалъ я причины этого невниманія нашихъ охотниковъ къ ихъ специальному журналу; но если бы даже и нашелъ эту причину, то не все можно сказать, что думаешь о знакомыхъ, друзьяхъ и незнакомыхъ.... Между тѣмъ, читать «журналъ охоты» любопытно и не однимъ охотникамъ; всѣ любятъ и всѣ читаютъ рассказы объ охотахъ; почему же такъ мало подписчиковъ на журналъ? — Пусть бы не знали о его существованіи не-охотники; но какъ не удивляться тому, что наши спортсмены не только не получаютъ его, но даже не знаютъ, что издается новый журналъ охоты, — тогда какъ многіе изъ нихъ читаютъ «Смѣхъ», «Весельчакъ», «Забавникъ», и проч. современные издѣлія промышленниковъ?.... Или мы не привыкли видѣть у себя хорошія изданія, потому что прежнія иллюстрированныя изданія, съ «изящными» картинками лубочнаго изданія, отбили охоту у всѣхъ? Можетъ быть. Но это-ли единственная причина малаго числа подписчиковъ на журналъ охотъ? Нѣтъ-ли другой? Не боимся ли мы нѣсколько компрометировать себя, получая «журналъ охотъ,» мы, солидные, занятые люди, — агрономы, хозяева, дѣльцы?.... Притомъ журналъ этотъ у насъ еще новость, а все новое принимается въ Россіи туго,—до тѣхъ поръ, пока не примутъ его иные господа высшихъ для насъ кружковъ; тогда, напротивъ, новое распространяется у насъ исполинскими шагами. Вѣроятно въ будущемъ году подписчиковъ на этотъ журналъ

будеть гораздо больше, — когда публика услышитъ, что журналъ хорошъ, картинки дѣйствительно изящны и цѣна очень дешева; а если книжки будутъ потолще, то успѣхъ журнала будетъ еще вѣрнѣе: охотники живутъ преимущественно въ деревнѣ, а тамъ чтенія мало. Отъ души желаю, чтобы извѣстные наши спортсмены получали журналъ г. Мина и чтобы книги его лежали у нихъ на столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

■. ■.

С М Ъ С Ъ.

Іезуиты до Іезуитовъ.

Этотъ разсказъ, предлагаемый нашимъ читателямъ, носитъ на себѣ всѣ признаки истины исторической; онъ заимствованъ изъ Записокъ, составленныхъ на латинскомъ языкѣ Іоанномъ Гобелиномъ, викаріемъ Боннскимъ, секретаремъ папы Пія II, при которомъ происходило событіе. Полное заглавіе книги Гобелина слѣдующее: «*Libri XII commentariorum de rebus a Pio II Papa, seu potius sub ejus paratu gestarum*». Она просмотрѣна и издана 1583 года архіепископомъ Сенскимъ Францискомъ Пикколомини въ Римѣ.

Въ папскомъ городѣ Болоньѣ, знаменитомъ древнѣйшимъ въ мірѣ Университетомъ, славномъ своими соборами, красивыми церквами, палаццами, фонтанами, наклонившимися башнями, около половины XV столѣтія, поселился Французъ, по имени Жераръ, одинъ изъ тѣхъ обитателей Транзальпійской Галліи, которые приходятъ на чужбину, чтобы нажитья какъ можно побольше, какъ можно поскорѣе, средствами какими бы то ни было. Въ Болоньѣ онъ открылъ лавку картинъ, статуй, стараго оружія и проч. и проч., и, ложною божбою, обманомъ и лихвеннымъ ссудами достигалъ назначенія своей жизни безбѣдно.

Въ концѣ мая 1453 года, разнеслась въ Италиі вѣсть о событіи, горестномъ для всего христіанства, о завоеваніи Константинополя Османскими Турками. Скоро Греки, прибывшіе въ Италию, разсказали Итальянцамъ, какъ Магометъ II, пушкою неслыханной величины, громилъ стѣны Византійскія, какъ онъ перетаскилъ свои корабли сухимъ путемъ изъ Воспора въ Золотой Рогъ, какъ защищались Греки и какъ палъ доблестный Констан-

тинъ XI, послѣдній Палеологъ; потомъ, когда паши Султановы покорили Фракію, Македонію, самъ Магометъ, раздраженный сопротивленіемъ Скандербега и Іоанна Гуниада, грозилъ одною рукою Риму, другою Персіи и Египту. Папы Николай V и Каликстъ III велѣли проповѣдывать во всемъ католическомъ мірѣ по церквамъ, вооруженный походъ противъ магометанъ, духовные вити запада непрестанно повторяли: «кто вооружится на борьбу съ врагами церкви, тотъ здѣсь увѣнчается славою земною, а по смерти заслужитъ награду небесную.»

Услышалъ и Жераръ о воззваніи къ всеобщему вооруженію противъ Магомета II, и, о удивительное событіе! не стало въ Болоньѣ извѣстной лавки Жерара: онъ свелъ свои счеты, обратилъ все имущество въ наличныя деньги и, съ тридцатью другими пилигримами, отправился въ Римъ: онъ болѣе всѣхъ скорбѣлъ о незаслуженной участи Византіи, ненавидѣлъ Турокъ, удивлялся Скандербегу. Тридцать богомольцевъ обратились въ Папскую Канцелярію съ просьбою о пособіи для Крестоваго похода на Сарацинъ. Но въ Папской Канцеляріи отказали въ пособіи всѣмъ тридцати пилигримамъ, и — Жераръ, печальный, разочарованный недостаткомъ ревности римскаго первосвященника, поселился въ Мантуѣ, для занятія какою-то другою промышленностію.

Прошло пять лѣтъ: образованные Греки толпами выселялись въ Италію, принося съ собою науку, искусства, утонченную жпзнь; Греками интересовалось самое лучшее итальянское общество. Каликсту III Борджіа, извѣстному только тѣмъ, что онъ, просмотрѣвъ процессъ Жанны д'Аркъ, призналъ ее мученицею, пре-емствовавъ Пій II (1456), прежній Эней Сильвій Пикколомини. Папа былъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ римскихъ первосвященниковъ XV столѣтія, талантъ необыкновенный; сынъ бѣднаго крестьянина, онъ успѣлъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія; былъ теологомъ, ораторомъ, дипломатомъ, юристомъ, историкомъ, географомъ, писалъ романы и даже недурные стихи, былъ епископомъ, секретаремъ императора Фридриха III на Базельскомъ Соборѣ, кардиналомъ и сталъ наконецъ папою; Пій II соединялъ съ ученостію глубокое знаніе людей и изворотливость; извѣстно, что, бывши въ службѣ у императора, онъ, въ духѣ тогдашняго времени, скучавшаго владычествомъ папъ, искусно доказывалъ достопочтеннымъ отцамъ Собора, что папа никакъ не можетъ быть выше Собора; но въ это время, ставши папою, онъ благоговѣнно утверждалъ совершенно противное. Пій зналъ людей и хорошо понималъ, и даже переложилъ въ стихи поговорку (и у

насъ на Руси существующую): «чего не сможет ч...., туда бабу пошли» *).

Этотъ папа зачѣмъ-то прибылъ въ Мантую; къ нему явился Жераръ; онъ представилъ святѣйшему отцу, что уже склонилъ многихъ ратниковъ предпринять походъ противъ невѣрныхъ, что число ихъ еще увеличится, если преемникъ св. Петра дастъ ему дозволеніе составить братство, *братство Иисуса*, и обнарудетъ индульгенцію, по которой лица, поступившія въ эту конгрегацию, получили бы отъ святѣйшаго отца полное отпущеніе грѣховъ (*plenaquam peccatorum remissionem*). Верховный владыка западнаго христіанства взглянулъ на Жерара и — задумался: видно было, что прежній Эней Сильвій Пикколомини былъ въ настоящемъ недоумѣніи.

Но тутъ выступаетъ другое лице, также знаменитое въ исторіи того времени, епископъ Никейскій, Легатъ Болоньи, протекторъ Доминиканцевъ и Францисканцевъ, кардиналъ-епископъ Виссаріонъ. Виссаріонъ, погибшій сынъ Православной Восточной Церкви, родился въ Малой Азіи, на границѣ Арменіи и области Трапезунтской; онъ приобрѣлъ огромную ученость, сталъ епископомъ Никейскимъ, искусно спорилъ съ Латинами на Флорентійскомъ Соборѣ, но все-таки измѣнилъ православію Восточному; въ это время, именуясь патриархомъ Цареградскимъ, онъ жилъ въ Римѣ, покровительствуя ученымъ, особенно ученымъ Грекамъ, которые въ его палаццо, вмѣщавшемъ, кромѣ жилища ласковаго хозяина, знаменитую, по тогдашнему времени, бібліотеку, имѣли постоянныя собранія.

«Я ручаюсь за брата Жерара, святѣйшій отецъ», сказалъ ученый прелатъ, почтительно приблизившись къ владыкѣ Римской Церкви. «Братъ Жераръ легко можетъ собрать до десяти тысячъ воиновъ, которые очень могутъ помочь храброму Венгерцу Гунааду. Святѣйшій отецъ! Петръ Пустынникъ, человекъ малый и презрѣнный, не сдѣлалъ ли великихъ дѣлъ въ то время, когда Готфридъ Бульонскій велъ христіанское ополченіе въ Святую Землю? Отчего же наше время не можетъ произвести того, что произошло во времена прежнія? Отчего не можетъ повториться то, что сталося одинъ разъ? Я полагаю, что доброму Жерару надобно дать всѣ средства, о которыхъ онъ проситъ.»

*) Non audeat Stygius Pluto tentare,
quod audeat

Effrenis.... plenaque
fraudis anus.

Пій II, какъ извѣстно, заботился и самъ составить Крестовый походъ противъ Оттомановъ; онъ побуждалъ къ нему умнаго Карла VII, короля французскаго, могущественнаго Филиппа, герцога Бургундскаго, правителей Республики Венеціанской; теперь, убѣжденный доводами протектора Доминиканцевъ и Францисканцевъ, онъ благословилъ Жерара на основаніе общества Иисуса; главнымъ условіемъ для поступленія въ него было то, чтобы каждый братъ былъ въ состояніи на собственное иждивеніе вести войну съ врагами христіанства въ теченіе одного года. Жераръ, получивъ всѣ документы, рекомендательныя письма, воззванія, объясненія, отправился въ Галлію и Бургундію.

Прошло три года отъ основанія общества Иисусова; въ Римѣ о немъ почти забыли. На четвертый годъ прибылъ въ Римъ одинъ изъ будущихъ Жераровыхъ спутниковъ въ походѣ на Турокъ. Составитель общества сообщалъ кардиналу-епископу Виссаріону самыя благопріятныя вѣсти: четыре тысячи воиновъ, призванные проповѣдью Жерара, были готовы выступить въ прежнюю Греческую Имперію, для изгнанія изъ нея Оттомановъ; нужно было только, чтобы святѣйшій папа снарядилъ и благословилъ большое знамя для ополченія, чтобы онъ также разрѣшилъ отпустить нѣкоторую сумму денегъ для общихъ потребностей войны, и, кромѣ того, 200 золотыхъ для великодушнаго составителя ополченія Жерара, потому что ему нужно выкупить сына, котораго онъ отдалъ въ залогъ кредиторамъ. Виссаріонъ, въ радости отъ такихъ извѣстій, поспѣшилъ явиться къ папѣ, представилъ ему посланника общества Иисусова, показалъ письма, имъ полученныя, и просилъ верховнаго владыку Римской Церкви, чтобы онъ не упускалъ столь счастливаго случая помочь христіанамъ въ борьбѣ съ невѣрными.

«Это похоже на бредни,» сказалъ съ запальчивостію Пій II, «все это выдуманно, чтобы выманить у насъ деньги. Я намѣренъ, продолжалъ онъ, вручить знамя преемниковъ св. Петра только человѣку, всѣмъ извѣстному, испытанному. Что касается до пособія, то это дѣло не маловажное; его можно дать не всякому; да и давши одинъ разъ, можно еще полатиться: обманщики хитры, а 200 золотыхъ для выкупа Жерарова сына, конечно, сумма небольшая, но велика честь нашего племени!»

Папа, однако, дозволилъ отправить къ Жерару вѣрнаго человека, давъ ему 200 золотыхъ; онъ долженъ былъ повѣрять справедливость донесенія Жерарова и, если въ немъ нѣтъ об-

мана, отдать составителю ополченія эти деньги, а ополченцамъ объявить, что вспоможеніе для похода противъ невѣрныхъ будетъ отправлено въ непродолжительномъ времени.

Отправленъ былъ къ Жерару нѣкто Лука; этому же Лукѣ поручено видѣться и съ Филиппомъ, герцогомъ Бургундскимъ, который еще прежде обѣщалъ папѣ предпринять Крестовый походъ; приказано было напомнить герцогу объ обѣтѣ, спросить его, почему онъ его не исполнилъ, и вообще заботиться, чтобы Филиппъ обѣщанія своего не оставилъ. Лука нашелъ Жерара, по прежнему, въ окрестностяхъ Мантуи, но сосѣди его говорили, что онъ ѣздитъ въ чужія земли, и часто говоритъ о намѣреніи своемъ составить Крестовый походъ въ защиту Грековъ. Спрошенный Лукою объ успѣхахъ общества Иисуса, Жераръ объявилъ, что многіе князья, рыцари и мужи благородные объявили рѣшительное намѣреніе вступить въ воинственное братство, что герцогъ Филиппъ хочетъ послать въ походъ своего сына Шаролэ, если святѣйшій папа наименоуетъ его торжественно вождемъ Общества Иисусова.

Этотъ отзывъ нѣсколько успокоилъ Луку, и онъ отправился въ Бургундію, гдѣ, по словамъ Жерара, до четырехъ тысячъ крестоносцевъ готовы были двинуться на востокъ, и гдѣ были собраны въ значительномъ количествѣ припасы къ походу. Прибывъ въ Дижонъ, главный городъ Французской Бургундіи, Лука прилежно распрашивалъ о крестоносцахъ и припасахъ, никто ничего не зналъ; онъ воротился къ Жерару и началъ сильно обличать его въ обманъ противъ главы христіанства.

«Да ты былъ въ какой Бургундіи?» спросилъ его Жераръ. «Я былъ въ Дижонѣ», отвѣчалъ повѣренный Виссаріона. «Такъ въ этой Бургундіи нѣтъ ничего», говорилъ Жераръ, «я разумѣлъ не эту Бургундію, а Брабантъ и Фландрію, — земли, которыя составляютъ главныя владѣнія Филиппа Бургундскаго. Тебѣ, почтеннѣйшій Лука, надобно отправиться туда; тамъ ты найдешь нѣсколько тысячъ воиновъ, соединенныхъ въ общество Иисуса.» Желая доставить окончательныя свѣдѣнія кардиналу-епископу, и надѣясь, можетъ быть, и самъ войти въ сношенія съ лицами знатными, Лука направился въ Брюссель, вытерпѣвъ на пути много опасностей, и наконецъ, прибывъ въ столицу Филиппову, убѣдился, что Жераръ есть наглый обманщикъ; Епископы говорили, что они совсѣмъ не знаютъ проповѣдника Жерара; никто не слышалъ ничего объ Обществѣ Иисусовомъ. Только одинъ изъ придворныхъ герцога вспомнилъ, что при дворѣ

Карла VII, короля Французскаго, былъ какой-то Жераръ и просилъ дозволенія составить воинственное общество; оно должно быть составлено по его плану, подъ предлогомъ похода противъ Турокъ, но, что самый походъ, по политическому соображенію, долженъ направиться въ другое мѣсто и для осуществленія другой цѣли, именно: войско крестоносное должно сѣсть на корабли въ Анконѣ, но, не пускаясь далеко въ Адриатическое море, пристать опять къ берегу Италіи, въ Пиценѣ, вторгнуться въ Абруццы, и, свергнувъ Фердинанда Неаполитанскаго, утвердить на престолѣ Рената. Этотъ Ренатъ, прозванный *le bon roi René*, герцогъ Анжуйскій, графъ Прованскій и титулярный король обѣихъ Сицилій, прежде, по правамъ Анжуйскаго дома, дѣйствительно царствовалъ въ Неаполѣ около четырехъ лѣтъ (1438—1442), но, выгнанный оттуда Альфонсомъ Арагонскимъ, онъ жилъ тогда спокойно въ Провансѣ, занимаясь живописью, музыкою и стихами трубадуровъ; однако, въ Неаполѣ дѣйствовала въ пользу его Анжуйская партія, недовольная правленіемъ незаконнорожденнаго сына, преемника Альфонсова, Фердинанда I, государя жестокаго и ложнаго, который основалъ свою власть на одномъ страхѣ. Карлъ VII, однако, отвергнувъ такой политическій планъ Жерара, не потому, чтобы онъ не довѣрялъ составителю его, но потому, что это запрещала ему совѣсть и христіанская нравственность. «Предпріятіе», говорилъ онъ, «основанное на цѣли религіозной, никогда не должно быть низводимо до цѣлей житейскихъ.» На этотъ разъ Лука думалъ о мѣрахъ захватить Жерара, но хитрецъ, уже знавшій о благополучномъ прибытіи папскаго повѣреннаго въ Брюссель, постарался, чтобы его никакъ невозможно было отыскать.

Этотъ разсказъ находится, какъ сказано, въ запискахъ Гобелина, секретаря папскаго; добрый прелатъ, кончивъ повѣсть свою, сдѣлалъ только одно замѣчаніе, относящееся къ Жерару, что проповѣдь о Крестовомъ походѣ противъ Турокъ — папа не на добрую землю. Но разсказъ этотъ для читателей «Русскаго Слова» взять нами не прямо изъ сочиненія Гобелина, теперь весьма рѣдкаго, а при составленіи его служила другая книга одного ученаго XVII столѣтія, по имени Шельгорна, подъ заглавіемъ: «Красоты Исторіи Церковной» (*Amoenitates Historiæ Ecclesiasticæ*), въ которой, впрочемъ, повѣсть о Жерарѣ приведена отъ слова до слова изъ «Записокъ» Гобелина. Шельгорнъ, добрый католикъ, знавшій на опытѣ дѣла новаго Общества Іисуса, которое основано Игнатіемъ Лойолою, сдѣлавъ извлеченіе

изъ Гобеллина, присоединилъ свои два замѣчанія: *во-первыхъ*, что братія Общества Іезуитовъ, вѣрно, очень огорчились бы, если бы кто вздумалъ это первое Жерарово Общество Іисуса представить прототиномъ Общества Игнатіева; *во-вторыхъ*, что весьма сомнительно, назвалъ ли бы Игнатій свое общество именемъ Общества Іисусова, если бы онъ прочиталъ въ книгѣ Гобелиновой о первобытномъ Жераровомъ военномъ братствѣ этого имени.

М. Касторскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА IV.

Трудно себѣ представить что либо живописнѣе этого хребта горъ, отдѣляющаго Австрію отъ Адриатическаго моря, такъ называемаго Зимерлинга. (*) И трудно измѣрить, оцѣнить достойно смѣлость человѣка, который прокладываетъ себѣ путь, не взирая ни на какія преграды, поставленныя ему природою, просверливаетъ гору, обвиняетъ другую, перекидываетъ смѣлѣйшій виадуктъ надъ пропастію; летитъ на всѣхъ парахъ по узкому пути, несется, какъ бы смѣясь надъ всѣми трудностями, которыя онъ преодолѣлъ своимъ разумомъ, и, словно, постоянно трюнить надъ сѣдовласыми вершинами, спокойно наблюдающими за нимъ и надъ тѣми столѣтними соснами, выросшими въ скажинахъ скалы, которыя, качая отъ вѣтра то вправо, то влево свои верхи, кажется, не довѣряютъ ему, не могутъ понять этой смѣлости, этой отваги.

Хотя изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ, доставивъ неопровергаемыя удобства всѣмъ путешественникамъ, въ то же время отняло многое того, что составляло именно постоянную прелесть каждаго пути для настоящаго туриста, но въ это же время, въ иныхъ случаяхъ, я думаю, оно даже увеличило нѣкоторымъ образомъ это впечатлѣніе мѣстности, о которомъ мы обыкновенно такъ много сожалѣемъ, говоря о желѣзныхъ дорогахъ.

Правда, если кто одаренъ способностями — заснуть тотчасъ послѣ обѣда, даже если онъ принужденъ пообѣдать наскоро въ

*) Слово, искаженное географическими учебниками. Словено-венгерски обозначаетъ оно гору, гдѣ холодно, куда зима раньше заходитъ. Пишется собственно — мѣстными обывателями: *Зимѣрина* (Zimierina).

помѣхахъ и сѣсть, не успѣвъ и докончить послѣдняго блюда, въ довольно неудобно устроенную для сна карету, то весьма легко будетъ такому путешественнику проспять весь поѣздъ Зимерлинга и, заснувъ еще посреди весьма живописной однообразной природы, проснуться на отлогомъ, плоскомъ берегу Адриатическаго моря; — придется развѣ ему, если онъ совершаетъ путь въ началѣ декабря (новаго стля), удивиться въ просонкахъ чрезвычайнымъ измѣненіямъ климата: когда онъ заснулъ, было холодно, все вокругъ него было покрыто снѣгомъ; ему объясняли этотъ холодъ близостію горъ; вѣтеръ проникалъ неистово сквозь складки его пальто; онъ жался къ задней подушкѣ кареты, завертывался, какъ только могъ, въ свое пальто, окутывалъ шею шерстянымъ платкомъ, старался ужать всю свою голову, уши и глаза, носъ и даже ротъ въ теплую свою шапку, и считалъ себя счастливымъ, что у него была теплая шапка; теперь же онъ просыпается и видитъ, что пальто его растегнулось, шапка, Богъ ее знаетъ, можетъ быть, свалилась къ ногамъ, кашне развязался, а ему тепло; окно, которое онъ наглухо закрылъ передъ сномъ, открыто и въ него вѣетъ пріятный теплый вѣтерокъ. Поѣздъ останавливается; путешественникъ выходитъ изъ кареты и ему хорошенькая (можетъ быть, не хорошенькая, но въ этомъ случаѣ она ему кажется хорошенькою) цвѣточница предлагаетъ букетъ свѣжихъ фіалокъ. Онъ всего успѣлъ соснуть немножко, часика три, по обыкновенію, и готовъ былъ даже извинить этотъ сонъ холодомъ, который пронизалъ всѣ его члены. И вотъ ужъ онъ перенесенъ въ другой міръ, въ другой край.... Онъ заснулъ въ Германіи, а проснулся въ Итали.

Впечатлѣніе громадное.... Эти двѣ противоположности должны непременно поразить каждого.... Но не то еще могъ бы увидать и прочувствовать нашъ путешественникъ. Онъ не только проспалъ тутъ огромное пространство земли — онъ проспалъ одну изъ поражающихъ картинъ, которыя могутъ когда либо представиться человѣку даже въ воображеніи. Вотъ почему я и не послѣдовалъ этому способу: — истинно грѣшно тутъ спать.

Мы выѣхали изъ Вѣны часовъ въ 9 утра. Такъ-какъ со мною было довольно большое семейство, мы наняли цѣлое отдѣленіе вагона, а потому, не смотря на то, что вагоны въ Австріи далеко не такъ удобно устроены, какъ, напримѣръ, на нашей Мѣсковской желѣзной дорогѣ, мы размѣстились довольно удовлетворительно. Съ утра небо было пасмурно; вѣтеръ очень

силень и холодъ чувствителенъ. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ кажется, холодъ въ Россіи какъ-то пріятнѣе, словно гостеприимнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Прошу извиненія, если это покажется кому либо послѣдствіемъ избытка патріотизма. Дѣло въ томъ, что погода была вовсе не привлекательная, и каждый изъ насъ, завертываясь, во что попало, старался кое-какъ согрѣться. Поѣздъ остановился на четверть часа у какой-то станціи, которой имя я не припомню, для обѣда. Мы выѣхали уже въ горы, а потому и холодъ и вѣтеръ усилился; еще къ тому же что-то въ родѣ замороженнаго дождя или полуснѣга стало падать съ облаковъ, которыя нависли сѣрою сплошною массою надъ головами.

Когда мы вернулись послѣ обѣда въ вагоны, увидѣли, что повсюду лампы освѣщены, а было еще свѣтло, не смотря на темную погоду, потому что это было въ два часа по полудни. Намъ объяснили, что мы проѣдемъ черезъ нѣсколько тоннелей, которые довольно длинны, а потому, чтобъ не оставлять путешественниковъ въ темнотѣ во время этихъ переѣздовъ, и засвѣтили эти лампы. И подлинно, черезъ полчаса не болѣе отъ станціи, поѣздъ нашъ вырнулъ въ скалу и пропалъ въ ней почти на 10 минутъ. Когда мы выѣхали изъ тоннеля, вся обстановка перемѣнилась, словно декорация на театрѣ. Холодъ былъ все тотъ же, но небо гораздо яснѣе; облака катились спокойно надъ головами и солнце ярко освѣщало всю картину, — а какая картина!

Путь, по которому бѣжалъ нашъ поѣздъ тотчасъ послѣ выхода изъ подъ горы, сворачивалъ вправо: онъ обвивалъ узкою лентою огромную массу горъ, которыхъ вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, прорѣзали облака, и въ то же время влѣво отъ насъ, взглядъ терялся въ пропасти, глубину которой нельзя было измѣрять, а между нашимъ вагономъ и этою бездною ничего кромѣ колышковъ, которые, конечно, поставлены тутъ скорѣе для виду, чѣмъ для предохраненія: они не въ силахъ были бы удержать насъ и еслибъ локомотивъ наткнулся на своемъ пути на камень, или на что другое, мы всѣ превратились бы въ одно мгновеніе въ массу зубчистокъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, что вѣтеръ разнесъ бы тотчасъ же кругомъ.

Поѣздъ нашъ поминутно перелеталъ съ одной стороны этого оврага на другую: то пропадалъ на нѣкоторое время въ новый тоннель, и каждый разъ, какъ мы выѣзжали изъ подъ горы, открывалась новая панорама горъ со снѣжными вершинами, овра-

говъ, въ глубинѣ которыхъ текутъ рѣки и кажутся ручейками, или едва замѣтными для зрѣнія: такъ высоко мы бѣжимъ на всѣхъ парахъ

Весь переѣздъ этотъ черезъ Зимерлингъ продолжается не болѣе трехъ или четырехъ часовъ, но все это время мы всѣ такъ и сидѣли у окна: нельзя оторваться отъ этой картины, — до того она очаровательно хороша! Передать на бумагѣ всю красоту, всю мощностъ этой природы я не берусь; могу только всякому, у кого есть время и кто любитъ восхищаться красотами природы, посоветовать съѣздить изъ Вѣны въ Триестъ по желѣзной дорогѣ, и, вполне увѣренъ, что всѣ будутъ довольны моимъ совѣтомъ.

Въ прежнее время, «dans le bon vieux temps», какъ говорятъ Французы, когда нужно было употребить, по крайней мѣрѣ, трое сутокъ, чтобы совершить этотъ путь — любители-туристы, можетъ быть, имѣли случай восхищаться всѣми этими чудесами горной природы въ болѣшихъ подробностяхъ, чѣмъ я, напримеръ, теперь, но врядъ ли они въ то время могли прочувствовать то, что я прочувствовалъ при этомъ скоромъ, бѣгомъ обзорѣ, на парахъ, всей цѣпи горъ въ продолженіе трехъ часовъ. Тутъ и громадностъ гранитныхъ глыбъ, и утесы и обвалы, и ручьи, и водопады все промелькнуло разомъ предо мною.

Ужъ начало смеркаться. Поѣздъ нашъ снова нырнулъ въ скалу; меня предупредили, что это послѣдній тоннель и что онъ чрезвычайно длиненъ. И въ правду, мы въ немъ остались болѣе четверти часа. Когда мы выѣхали изъ него, картина вся измѣнилась: мы были уже въ Италіи.

Утесы, овраги, снѣга и различные мхи, — все пропало; отлогій скатъ горы терялся вдали. Все измѣнилось: растительностъ совершенно другая — уже ни сосенъ, ни ели: все дубъ, кленъ, тополи, различные листовые кусты и деревья. Въ окно пахнуло теплымъ приморскимъ воздухомъ, и черезъ нѣсколько минутъ стали мелькать вдали огоньки — то былъ Триестъ.

Триестъ ровно ничѣмъ не замѣчателенъ для туриста-путешественника. Для Австріи это — главная приморская гавань, центральный пунктъ ея торговаго общества *Млода*, и мало ли что еще... Но для меня, такъ какъ, къ счастью, я нисколько не причастенъ компаніи *Млода*, которая, между прочимъ, какъ теперь говорятъ, не въ весьма хорошемъ положеніи, потому что не могла такъ выгодно, какъ предполагали прежде, выдержать конкуренцію нашего Русскаго торговаго общества и Французской

новой компаніи, такъ для меня, повторяю, Триэсть — только чистенькій, довольно хорошій городокъ, выстроенный на берегу Адриатическаго моря и защищенный горами Зимеринга отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, а потому пользующійся довольно сноснымъ климатомъ. Мы въ немъ оставались одинъ день, ожидая отъѣзда парохода въ Венецію, и воспользовались этимъ, чтобъ отдохнуть немного и чтобъ осмотрѣть городъ. Одного дня истинно достаточно для того и другого.

Единственное, что заслуживаетъ хотя нѣкотораго вниманія — это разнаго рода мастерскія, принадлежащія компаніи *Алоуда*. Осматривая ихъ, я видѣлъ очень искусно придуманныя машины, которыя дѣйствуютъ парами, а потому имѣютъ страшную силу, такъ — что рубить, рѣжутъ желѣзо, выбиваютъ изъ толстой доски его кружки и т. п., не болѣе какъ въ нѣсколько секундъ времени. Но все это могло быть удивительнымъ гдѣ 15, 20 тому назадъ; теперь же, въ эти немногіе годы, мы совершенно, какъ кажется, окончательно потеряли способность удивляться: всё и вездѣ дѣлается уже машинами, и остается развѣ удивиться тому, какъ еще не придумали машину, чтобъ строить дома, а кстаті и жителей для нихъ?

На другой день утромъ, когда я проснулся и велѣлъ подать себѣ кофе на балконъ, я увидаль, что пароходъ, который долженъ былъ насъ перевезти въ Венецію, уже двинулся, а главное, дымъ изъ трубы шелъ плавно, ровно къверху, что доказало полную тишину воздуха. Это обстоятельство меня крайне порадовало, потому что я и прежде слышалъ, какъ пріятно Адриатическое море, когда оно вздумаетъ побушевать: часто даже пароходы не могутъ докончить свой путь и должны возвращаться въ портъ, что крайне непріятно.

Почему моря, сожнутыя берегами, каковы Адриатическое море или Балтійское, напримѣръ, всегда отличаются своими бурями, вѣтрами, всегда менѣе покойны для плаванія, чѣмъ большіе океаны? Не желаютъ ли они, можетъ быть, выказать свою силу, свою мощь, свое значеніе, такъ же точно, какъ нѣкіе разбогатѣвшіе или разжившіеся господа, желаютъ во что бы ни стало, выдать себя за знатныхъ людей, и, постоянно опасаясь, чтобы не узнали въ точности ихъ происхожденіе, а иногда и настоящее положеніе, постоянно и безъ устали разыгрываютъ въ жизни роль *in-me Jourdain* въ *Bourgeois Gentilhomme* Мольера. Если такъ, это могло бы послужить совершенно законнымъ извиненіемъ этимъ господамъ, это было бы доказательство тому,

что подобное стремленіе всегда выказываться и выдавать себя выше своего уровня, — истинно естественное стремленіе, что оно живетъ не только въ насъ самихъ, но и вокругъ насъ, въ самой природѣ, а потому мы уже не имѣемъ права порицать это чувство, должны скорѣе покориться ему, какъ необходимости.

Самый переѣздъ нашъ изъ Триеста въ Венецію былъ чрезвычайно счастливъ, и вполне оправдалъ ожиданія во все время солнце ярко свѣтило съ лазореваго свода неба, не отбѣненнаго даже облачкомъ, такъ что буря Адриатическаго моря осталась мнѣ извѣстна только по описаніямъ другихъ путешественниковъ.

Въ 5-мъ часу мы выѣхали въ такъ называемыя лагуны Венеціи, и вскорѣ нашъ пароходъ остановился въ «*Canal Grande*», не далеко отъ площади «Св. Марка.»

Венеція всегда представляла для меня цѣлый міръ своеобразной поэзіи. Ребенкомъ еще я вслушивался съ тревожнымъ волненіемъ во все, что мнѣ рассказывали объ этомъ городѣ, построенномъ на водѣ.... объ этихъ мрачныхъ гондолахъ, которыя тихо, безмолвно плывутъ по каналамъ, скользятъ у подножья мраморныхъ дворцовъ. Я давно жаждалъ провѣрить на самомъ мѣстѣ все, выслушанное мною, и съ нетерпѣніемъ старался разглядѣть съ палубы парохода и *Ponte dei Sospiri*, этотъ мрачный памятникъ золотаго вѣка Венеціи, и ряды дворцовъ прежнихъ дождей, площадей, церквей.... Одинъ видъ всего этого долженъ, мнѣ казалось, воскресить въ моемъ воображеніи всю исторію того страшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ славнаго времени. Я даже думалъ услышать, проѣзжая мимо *Ponte dei Sospiri* или, зданія государственныхъ темницъ, который онъ соединяетъ съ дворцомъ дождей, плескъ воды отъ паденія чего-то тяжелаго, чего-то плотнаго, словно парусиннаго мѣшка, наполненнаго чѣмъ-то.... цѣлая драма со всѣми таинственными ужасами Совѣта Десяти являлись предо мною.

Но пароходъ, все медленнѣе и медленнѣе, сталъ двигаться; открыли какой-то клапанъ, и пары бѣлымъ облакомъ и съ особеннымъ свистомъ вылетѣли изъ маленькой трубы. Все засуетилось вокругъ меня. Къ нашему пароходу подѣхала бездна гондолъ, мрачныхъ, темныхъ, точно катафалки. Изъ этихъ гондолъ, тотчасъ выскочила цѣлая толпа лон-лакеевъ, присланныхъ изъ разныхъ мѣстныхъ гостинницъ, чтобъ заманивать къ себѣ господъ путешественниковъ; они, какъ стая грачей, напали на насъ и — не хуже послѣднихъ — начали каркать на всѣ товы.

Наспу я могъ отдѣлаться отъ этой излишней услужливости. Къ счастью, я уже написалъ изъ Вѣны въ одну гостинницу, а именно въ Hôtel de la ville, и насъ ожидала особая гондола, присланная изъ этого дома. Мы успѣли, конечно, воспользоваться готовой лодкой и перенести въ нее все, что только можно было захватить съ собою; остальные же вещи должны были быть туда присланы позднѣе. Hôtel de la ville, куда мы приѣхали менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ, устроенъ въ одномъ изъ самыхъ древнихъ palazzo на Canal Grande, не далеко отъ Ponte Rialto, — это большое зданіе, все обложенное мраморомъ, очень граціозной архитектуры, что-то похожес на византійскую древнюю архитектуру, потому что школа, такъ называемая италіанскаго возрожденія (de la renaissance Italienne), прямо происходитъ изъ византійской школы, съ примѣсью еще мавританскаго элемента. То и другое легко объясняется частыми сношеніями Венеціи и прочихъ торговыхъ республикъ и городовъ Италіи съ Левантомъ, и вообще съ востокомъ. Архитектура эта, хотя не можетъ похвалиться чистотою линій и простотою рисунка наравнѣ съ истинно классическою архитектурою, какъ греческою, такъ и римскою, но чрезвычайно граціозна, неистощимо богата въ своихъ украшеніяхъ и полна разнообразія, а потому несомнѣнно имѣеть свои достоинства.

Я даже долженъ сознаться, что всегда былъ большимъ поклонникомъ этого рода архитектуры и всегда съ восхищеніемъ любовался всѣми памятниками этого времени, которыми такъ богата вся Италія. Но вліяніе собственно византійской архитектуры нигдѣ не проявилось столь явственно, какъ въ самой Венеціи. Здѣсь, въ Соборѣ св. Марка, еще въ Palazzo Дожей и въ нѣкоторыхъ другихъ старыхъ дворцахъ, вы встрѣчаете совершенно тѣ же рисунки, тѣ же фасады, какъ въ другихъ памятникахъ византійской архитектуры, сохранившихся у насъ въ Россіи. Такъ, напримѣръ, если церковь св. Марка можетъ напомнить намъ своею несравненною самобытностію и своею разнородностію красокъ пестротою что либо, то это несомнѣнно храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ: какъ та, такъ и другой отличаются разноцвѣтностію своихъ стѣнъ, разнообразностію своихъ формъ. Въ церкви св. Марка еще, въ добавокъ, находятся въ самомъ фасадѣ нѣсколько образовъ древней византійской мозаики, и образа эти совершенно сходны съ нашими православными образами.

Когда я спустился съ палубы парохода въ глубину приго-

товленной для насъ гондолы, я, право, началъ сомнѣваться въ правдивости всѣхъ писателей, которые наперерывъ мнѣ восхваляли эти гондолы и описывали всѣ прелести прогулки вдоль венеціанскихъ каналовъ въ этой оригинальной лодкѣ съ чернымъ навѣсомъ.

Мнѣ было душно въ ней, а когда я высунулъ свою голову въ узенькое окошко, продѣланное въ шерстяномъ черномъ балахнѣ, меня поразили безлюдіе, тишина, какая-то одноцвѣтная сѣрая тѣнь, которая какъ бы легла на всю Венецію и придавала мрачный характеръ всему городу.

Время прошло уже для Венеціи: ей врядъ ли возвратить то значеніе, которымъ она славилась нѣкогда; она теперь вся ослабла, расхлѣбла, одряхлѣла подъ гнетомъ австрійскаго владычества, которое терпитъ по неволѣ, потому что даже не осталось у ней довольно энергіи, чтобы противустать ему.... приходится ей только молча ненавидѣть своихъ властелиновъ и все-таки покоряться имъ.

Если наружный фасадъ Hôtel de la ville меня завлекъ въ такое длинное разсужденіе о характерѣ архитектуръ венеціанскихъ дворцовъ, если я не могъ не вспомнить съ восхищеніемъ этой легкой колоннады, поддерживающей сквозныя аркады, вытесанныя изъ бѣлаго мрамора, то мнѣ никакъ нельзя не остановиться снова, не припомнить великолѣпной лѣстницы этого палаццо и первую залу, которая служила передней гостиною.

Прежде всего васъ поражаетъ непременно богатство матеріаловъ, употребленныхъ въ постройкѣ. Вездѣ мраморъ разныхъ цвѣтовъ, порфиръ, яшма; потомъ самый рисунокъ до того оригиналенъ, до того изященъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не возьмусь его вамъ описать, — на словахъ не выразить всего. Но главное, что поражаетъ всякого наблюдателя, это — та отчетливость, съ которой все выполнено. Каждый столбъ, отъ рѣшетки лѣстницы съ низу до верху, покрытъ рѣзбою, и все это сдѣлано по камню и съ такою тщательною отдѣлкою, что могло бы найдти себѣ мѣсто въ любомъ музеемъ, какъ отдѣльное произведеніе искусства.

Зала обставлена кругомъ дубовыми старинными шкафами, также рѣзными, между ними висятъ маленькія старинныя венеціанскія зеркала, граненныя вокругъ разными арабесками и окоймленныя широкими рѣзными дубовыми рамами. Это — дубовыя шпирокія листья, которые изгибаются двойнымъ рядомъ, а въ нихъ то прячутся, то высовываются оттуда маленькіе амуры, также

рѣзные изъ дерева, но выкрашенные бѣлой краскою, и они ловко шалютъ; — кто на флейтѣ, кто на бубнахъ; передъ каждою такою рамою можно остановиться четверть часа и восхищаться ею. Подъ зеркалами поставлены длинныя, но довольно узкіе сундуки съ рѣзною переднею доскою, представляющіе часто сцены изъ тогдашней жизни. Эти сундуки дарились, въ то время, вмѣстѣ съ приданымъ, и потому сохранялись съ большимъ почетомъ — изъ рода въ родъ.

Потолокъ залы частію съ позолотой, частію съ деревянною рѣзбою и лѣпною работою, очень богатъ рисункомъ. Съ него спускаются двѣ большія люстры изъ венеціанскаго хрустала, а у входныхъ дверей залы стоятъ рѣзные изъ дерева и раскрашенные два негра въ разноцвѣтной одеждѣ и съ настоящими ожерельями, запястьями и серьгами. Они поддерживаютъ каждый красную подушку, на которой поставленъ бронзовый канделябръ.

Входя въ эту залу, мнѣ, право, стало совѣстно моего дорожнаго костюма, и я подумалъ, даже въ первую минуту, что мы ошиблись и вошли въ какой нибудь богатый барскій домъ, а не въ гостинницу.

Въ Германіи, или въ Англіи иначе понимаютъ цѣль и удобства гостинницы, и, если правду сказать, система англійская, или германская несравненно пріятнѣе для путешественника. Впрочемъ, человѣкъ ко всему скоро привыкаетъ, и черезъ нѣсколько минутъ, каждый изъ насъ уже отыскалъ свой уголокъ, свою комнату въ гостинницѣ и, предавши себя необходимымъ занятіямъ туалета, черезъ полчаса мы всѣ уже собрались опять въ большую залу, чтобъ осмотрѣть въ подробностяхъ ее, пока накрывали намъ столъ къ завтраку.

Одно огромное неудобство было всѣмъ единогласно признано, — это страшный холодъ, который мы всѣ ощущали въ этихъ залахъ, и который вѣялъ со всѣхъ сторонъ отъ каменныхъ стѣнъ, — такъ, чтобы согрѣться — намъ надо было открыть дверь на балконъ и выйдти на воздухъ: несравненно было теплѣе на террасѣ, обогрѣтой солнцемъ, чѣмъ въ вѣчно замкнутой залѣ, — а было уже начало декабря.

Въ началѣ cadaго путешествія, какъ въ началѣ впрочемъ всякаго новаго занятія, человѣкъ съ особенною горячію кидается на все: онъ растрчиваетъ разомъ всю свою энергію, всѣ свои силы, осматриваетъ съ любопытствомъ всѣ углы перваго города, въ который онъ вѣхалъ, и съ неимовѣрною любо-

знательностию, спрашиваетъ у своего проводника названіе каждой площади, улицы, имя архитектора, выстроившаго такой-то памятникъ, храмъ или дворецъ; узнаетъ вѣкъ и, если возможно, годъ, въ которомъ начата была постройка или окончена.

Всѣ эти подробныя свѣдѣнія, если не записаны тотчасъ же въ особую книжку, какъ это дѣлаютъ очень благоразумно туристы-англичане, конечно забываются тотчасъ же, не больше какъ черезъ недѣлю, если еще память путешественника очень хороша, а самъ путешественникъ устаетъ отъ этихъ бесполезныхъ, какъ онъ впоследствии узнаетъ, розысканій. Пылъ его любопытства охладѣваетъ мало по малу и ужъ онъ съ нѣкоторою улыбкою встрѣчаетъ въ другихъ городахъ нѣкоторыхъ туристовъ: въ клѣтчатыхъ коротенькихъ сюртукахъ, съ ярко рыжими бакенбардами, обыкновенно чрезвычайно худощавыхъ, чрезвычайно высокыхъ ростомъ, съ книжкою въ рукахъ, записывающихъ по-очередно все, что имъ рассказываетъ подлѣ стоящей проводникъ — *cicerone*.

Они забываютъ конечно, что и сами пережили эту болѣзнь неистовой любознательности. Правда, она у нихъ скоро прошла: но англичане—народъ положительный. Если они пріѣхали въ Италію, чтобъ ее разсмотрѣть, они должны все увидѣть, что только есть нѣсколько любопытнаго; они готовы возвратиться изъ Лондона на другой годъ въ Венецію, если ктонибудь имъ скажетъ, что въ Венеціи, напримѣръ, жилъ очень долго и пользовался протекціей венеціанскихъ дождей извѣстный живописецъ Поль Веронезъ, а они не видали его дома, т. е. дома, гдѣ онъ именно жилъ, — а домъ ничего рѣшительно не имѣетъ особеннаго: — домъ — какъ домъ, на берегу не припомню уже какого канала, — даже можно сказать менѣе богатъ и оригиналенъ своею архитектурою, чѣмъ многіе другіе дома и дворцы частныхъ лицъ Венеціи.

Что истинно замѣчательно въ Венеціи—это картина Веронеза, находящаяся въ городскомъ музеумѣ. Не смѣю прямо выдавать свое мнѣніе за рѣшительное, но мнѣ кажется, что это лучшее его произведеніе. Развѣ съ нимъ можетъ поспорить извѣстная его же картина «бракъ въ Капѣ Галлейской», которая считается одной изъ рѣдкостей Дрезденской галлерей.

Какъ горячій любитель живописи, я тотчасъ же, на другой день пріѣзда, отправился въ музеумъ: предполагая наслаждаться въ немъ болѣе, чѣмъ когда либо, но, къ сожалѣнію, замѣтилъ что венеціанскій музеумъ бѣденъ въ сравненіи съ другими

картинными галереями Италіи, — за то Веронезе его выше всяких похвалъ. Это громадное произведеніе замѣчательнѣйшаго представителя, такъ называемой, Венеціанской школы, представляетъ тайную вечерю.

Картина занимаетъ всю стѣну отъ полу до потолка залы и поставлена прямо противъ входной двери въ послѣднюю залу, такъ что .ее видно еще издали. Такъ — какъ зала освѣщена сверху, свѣтъ падаетъ равномерно на всю картину, освѣщаетъ ее повсюду, что очень много значитъ для общаго вида картины. Веронезе всегда отличается яркостію своего колорита, который, между прочимъ, сохраняетъ извѣстную гармонію во всей картинѣ, — но въ этомъ произведеніи эта яркость, живость красокъ еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо, замѣчательна. Двѣ собаки изъ породы гончихъ, — борзыхъ, которыхъ Поль Веронезе очень любитъ помѣщать въ свои картины, точно выступаютъ изъ самой рамы: онѣ играютъ между собою, прыгаютъ — и невольно заглядываешь на ихъ игру, такъ и ждешь, что эта что справа, прыгнетъ на свою подругу. Конечно, собаки эти вовсе неумѣстны въ картинѣ, также точно, какъ и всѣ костюмы, лица, полныя анахронизмовъ, — но таковъ ужъ былъ вѣкъ: не только Веронезе, но и всѣ живописцы этого времени въ картинахъ своихъ позволяли себѣ одѣвать по произволу своему всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Я знаю замѣчательную картину Тіеполо «Похищеніе Сабинокъ», въ которой Ромулъ сидитъ на террасѣ, поддержанной мраморной колоннадой, а сами Римляне, похищающіе будущихъ своихъ женъ, одѣты въ латахъ и каскахъ. Конечно, люди, которые должны были употребить такого рода хитрость, чтобъ добыть себѣ женъ, и впоследствии основать себѣ здѣсь постоянное жилище — основать самый Римъ, — не могли еще, въ то время, жить въ мраморныхъ дворцахъ съ колоннадами; — не могли одѣваться такъ, какъ одѣвались Римляне же въ царствованіе Августа. Римъ въ то время естественно былъ ничто иное, какъ сборъ шатровъ, а Римляне — только еще шайка разбойниковъ. Теперь, конечно, никто изъ нашихъ живописцевъ не позволитъ себѣ этого анахронизма. Теперь покойный нашъ замѣчательный художникъ А. Ивановъ нарочно ѣздилъ въ Іерусалимъ, чтобъ вѣрнѣе передать природу мѣстности, по которой течетъ Іорданъ. Каждое время имѣетъ свои требованія, и, не желая нисколько, чтобъ кто либо теперь послѣдовалъ примѣру прежнихъ художниковъ въ допущеніи всякихъ анахронизмовъ, мы не смѣемъ ставить

этого въ укорѣ или Веронезу, и никому изъ живописцевъ того времени.

Еще есть довольно замѣчательная коллекція въ этомъ музее архитектурныхъ рисунковъ извѣстнаго художника *Гваренди*, который былъ родомъ изъ Венеціи, а потому завѣщаль всѣ свои рисунки и проекты своему родному городу. *Гваренди* былъ довольно долго въ Петербургѣ, въ царствованіе Екатерины II, и у насъ осталось очень много памятниковъ его таланта, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ постройкахъ.

Онъ не столь изященъ какъ *Растрелли*, егѡ предшественникъ въ Петербургѣ, но, между прочимъ, несомнѣнно имѣеть очень много неотъемлемыхъ достоинствъ: эта—простота формъ и линий и чрезвычайная пропорціональность во всѣхъ частяхъ его построекъ. Примѣромъ тому можетъ послужить храмикъ Цереры, выстроенный на частной дачѣ близъ Петербурга, въ срединѣ котораго стоитъ статуя Екатерины II, въ видѣ богини Цереры, съ колосомъ въ рукахъ и короною изъ зубчатыхъ башенъ, — работы тоже извѣстнаго скульптора того времени, *Раиетта*. Храмъ этотъ составленъ изъ ряда дорическихъ колонъ, которыя поддерживаютъ замѣчательный по своему рисунку и легкости сводъ. Громадность размѣровъ этого памятника, поставленнаго въ честь Императрицы, въ память посѣщенія ею этой дачи, совершенно гармонируетъ съ громадностію значенія въ исторіи Россіи нашей великой Царицы и — вмѣстѣ съ тѣмъ—эта громадность размѣровъ исчезаетъ въ глазахъ простаго наблюдателя: до того правильна пропорція каждой части, каждой линии въ этомъ произведеніи, до того простъ самыи рисунокъ его. Мнѣ было истинно пріятно встрѣтить рисунки именно этого памятника и многихъ мнѣ знакомыхъ зданій Петербурга въ коллекціи рисунковъ *Гваренди*. Вотъ почему я и остановился, можетъ быть слишкомъ долго, на описаніи его.

Когда мы вернулись въ гостинницу, то нашли въ большомъ залѣ уже совершенно прозябшаго Г. Б....., онъ негодовалъ внутренно на устройство такихъ громадныхъ залъ въ гостинницахъ, нисколько неотапливающихся, и уже собирался уѣхать, прождавши меня съ полчаса.

Г. Б..... очень милый человекъ. Онъ постоянно живетъ въ Венеціи; онъ имѣеть банкирскій домъ здѣсь, и, хотя происхожденія нѣмецкаго, но до того свыкъ съ Венеціей, что сталъ почти Итальянцемъ. Онъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ къ обѣду въ этотъ день, а мы невольно всѣ до того занялись

осмотрѣть картинъ и всей галлерей, что позабыли о нашемъ гостѣ.

Прежде всего я, конечно какъ могъ, извинился передъ нимъ въ моей неаккуратности, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ подшутить немного надъ хвалѣнымъ климатомъ Италіи, который весьма легко можетъ проморозить даже Итальянца. Я его увѣрялъ, что у насъ въ Россіи въ комнатахъ даже самыхъ большихъ размѣровъ никогда не бываетъ холодно, — правда тоже, что въ декабрѣ мы не отогрѣваемъ ихъ, отворяя всѣ окна на солнечную сторону въ полдень.

Въ яркій день погода была какъ-то нѣсколько туманна, а потому солнце недостаточно могло исполнить своей обязанности.

Тотчасъ же я приказалъ перенести столъ въ маленькую комнату у самой спальни, занимаемой моею женой, въ которой былъ кажется единственный во всемъ домѣ каминъ. Я самъ принялся, къ удивленію всѣхъ людей, которые намъ прислуживали отъ гостинницы, топить этотъ каминъ, и набилъ его до возможности дровами, такъ-что огромное пламя тотчасъ же заблестало, и мы усѣлись подлѣ него, чтобъ отобѣдать.

Вечеромъ мы всѣ отправились въ театръ La Fenice, — пѣвѣстная пѣвица *Бранбилла* пѣла въ оперѣ Донничети *Лукреція Борджіа*.

Кто не знаетъ Лукрецію? Ее такъ часто даютъ вездѣ и во всѣхъ городахъ; но здѣсь въ Венеціи эта опера меня заняла очень уже потому, что такъ-какъ дѣйствіе самой оперы происходитъ отчасти въ Венеціи, мѣстный колоритъ могъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ либо выполненъ, — при томъ талантъ *Бранбилла*, какъ одинъ изъ лучшихъ *контральто*, заслуживалъ истиннаго вниманія.

По окончаніи, мы сѣли снова въ гондолу, чтобъ возвратиться въ гостинницу.

Какое странное, оригинальное впечатлѣніе производитъ то, что вы выходите изъ освѣщенной залы театра, въ которомъ вы невольно завлеклись исполненіемъ оперы, забыли на время что вы окружены повсюду водою и, выходя изъ передней, слышите однозвучные крики гондольеровъ, которые тутъ собрались для развѣзда публики, — прямо изъ выходныхъ дверей вы вступаете въ гондолу.

Небо нѣсколько прояснилось къ ночи и луна плавно вышла изъ подъ тучи и освѣтила своимъ чуднымъ серебрянымъ свѣтомъ всю Венецію. Я нарочно отыскалъ некрытую гондолу,

чтобы насладиться этой картиною. Какая тишина повсюду, как этот плескъ водъ изъ подъ длиннаго весла нашего гондольера, полонъ гармоніи тихой, спокойной. То, что мнѣ показалося въ первый разъ днемъ слишкомъ однообразно, сѣро, одноцвѣтно и пусто въ Венеціи, теперь, напротивъ, ночью, при свѣтѣ луны, превратилось въ чудную поэтическую картину. Вотъ ѣдетъ на встрѣчу къ намъ другая гондола; гребцы перекликнулись какъ то особенно и ихъ голоса чистые, звучные, оживили на время всю картину, — Одинъ изъ гондольеровъ, стоя назадъ и управляя однимъ весломъ своею лодкой, повернулъ ее въ право, другой въ лѣво и мы разъѣхались; а я все еще слѣдилъ за чужою гондолою, любовался на ея длинный узкій профиль, который обрисовывался на гладкой поверхности воды и бросалъ темную тѣнь на каналъ, тогда какъ вязанный колпакъ гондольера и верхи самой лодки ярко блестяли подъ отвѣсными лучами красавицы луны, — а съ обѣихъ сторонъ стояли, словно великаны, рѣзныя и узорчатыя стѣны венеціанскихъ палаццо.

Въ эту ночь я вполне понялъ и оцѣнилъ всю поэзію, всю красоту Венеціи.

К. Б.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Не совсѣмъ вѣрная біографія крошечныхъ артистовъ. — Искусство трехъ картинокъ и остроумное предсказаніе одного изъ нихъ. — Обще-человѣческая слабость. — Показъ въ Театрѣ-Циркѣ. — Авторитетъ иностранцевъ. — Нѣсколько словъ о бѣднѣйшей братіи по поводу благотѣльной компаніи. — Концертъ филармоническаго общества. — Слетакль любителей. — Приютъ младенцевъ и кормилицъ. — Публичныя лекціи. — Нѣчто о драматической литературѣ. — Комедія г. Чернышева. — Нѣсколько словъ о г. Мартыновѣ и другихъ артистахъ, участвовавшихъ въ новой комедіи. Новости Михайловскаго театра. — Неудачная затѣя французскаго академика. — Изданіе пер. г. Гербеля.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, жилъ былъ директоръ, виноватъ, содержатель театра. Дѣлишки его шли весьма туго. Достопочтенная публика требовала: «новаго, чего нибудь новаго!» Содержатель метался, какъ угорѣлый; перекрашивалъ декорации, перешивалъ костюмы, женщины наряжалъ въ мужскіе наряды, мужчины въ женскіе; — достопочтенная публика продолжала требовать: «новаго, чего нибудь новаго!» И мало того, что она требовала новаго, это она велѣла

всегда требуетъ; но она рѣшила не ходить вовсе въ театрѣ, пока содержатель не исполнитъ ея требованія. Думалъ, думалъ бѣдный содержатель, взялъ шляпу и котомку черезъ плечо и пошелъ по горамъ и по доламъ.

— Дай-ка, говорить самому себѣ злополучный содержатель, потолкаюсь по бѣлому свѣту, не подвернется ли подъ руку что нибудь новое. Хорошо бы, продолжаетъ онъ разсуждать, найти мнѣ дѣтину въ сажень ростомъ, съ голосомъ, отъ котораго бы тряслись ложи и звенѣло въ ушахъ у зрителей. Это хоть и не совсѣмъ ново, да хорошо. Слыхалъ я, что въ какомъ то царствѣ такіе трагикки дѣлають по воскресеньямъ хорошіе сборы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; погулявъ содержатель, можетъ быть, не мало, прежде, чѣмъ нашель, наконецъ, желаемое, т. е. новое. Новость эта была ничто иное, какъ пастухъ, съ звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ, бойкій, развязный, остроумный, двадцати пяти-лѣтній малый, въ *тридцать четыре дюйма* ростомъ. Ситцевый содержатель въ одну минуту сообразилъ, какой огромный кладъ посылаетъ ему судьба въ этомъ крошечномъ человѣчкѣ и, не долго раздумывая, заговорвалъ въ свою трубку новаго артиста.

Человѣкъ вообще такъ мило созданъ, что желанія его постоянно уможаются и растутъ по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Исполнилось одно желаніе, являются два новыхъ, исполнились они, явятся четыре новыхъ и т. д., цѣтъ этому и конца. Содержатель не удовольствовался однимъ чудомъ, сталъ онъ искать другаго. Нашель, — это былъ писарь какого-то судьи, — думаетъ, нельзя ли еще Послала судьба ему и третьяго.

Таково, или почти таково содержаніе пьесы «*Das Auffinden der Zwerge*», въ которой появились у насъ три знаменитые карлика: *Жанъ Пикколо* — 25 лѣтъ, ростомъ — 34 дюйма, *Жанъ Пети* — 24 лѣтъ, ростомъ 29 дюймовъ и *Киссъ Юши* — 18 лѣтъ, ростомъ 25 дюймовъ.

Всѣ эти три крошки рода человѣческаго напоминають русскую поговорку: «малъ золотникъ, да дорогъ и проч. *Жанъ Пикколо* — первый любовникъ, съ большимъ дарованіемъ, играетъ весьма бойко и развязно, поетъ куплеты такъ хорошо, что не мѣшало бы учиться у него нашимъ большимъ первымъ любовникамъ, особенно русскимъ. Въ дѣтскомъ голосѣ *Жана Пикколо* есть какой-то особенный, стеклянныи, немного рѣзкій звукъ, дѣйствующій чрезвычайно сильно на нервы и оставляющій впечатлѣніе. Микроскопическій, по росту, артистъ этотъ играетъ съ большою теплою чувства и пониманіемъ своей роли. *Жанъ Пети* — комикъ, веселый и забавный, живой и смѣлый. *Гри-*

масы его уморительны; истинная, легкая и пріятная веселость такъ и брызжетъ въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи; не смотря на слабый голосокъ, онъ все таки поетъ очень ловко и мило; Киссъ *Юши* — также комикъ, менѣе, повидимому, привыкшій къ сценѣ, но чрезвычайно располагающей наружности. Въ нѣкоторыхъ роляхъ, этотъ крошечный толстякъ поразительно напоминаетъ манеру любимца посѣтителей Михайловскаго театра, г. Леменля. Маленькій драматическій триумвратъ такъ хорошо исполняетъ свое дѣло, что даже нѣмецкіе *вицы*, эти безконечно-длинные и безконечно-тяжелые нѣмецкіе *вицы*, которые перевариваются только головами нѣмецкаго устройства, становятся довольно сносными.

Отдавая, какъ видите, полную справедливосъ даровитости и искусству артистовъ-карликовъ, я долженъ прибавить, ради точности и правды, что представленія ихъ, особенно съ участіемъ высокихъ, по росту, нѣмецкихъ артистовъ, напоминаютъ кукольную или какую нибудь другую комедію. Зритель не чувствуетъ полного эстетическаго наслажденія. Мысль объ уродствѣ, оно хоть и не безобразно, а все таки уродство, говорю я, сильно портитъ пріятное впечатлѣніе хорошаго исполненія. Какъ бы то ни было, однакожь, еслибъ мнѣ предложилъ на выборъ: смотрѣть представленія карликовъ или г. Ландфогта въ *Донъ Карлосъ*, а г-жу Поллертъ въ переводной пьесѣ: «*Aufforderung zum Tanze*», — я признаюсь, полагаю руку на сердце, пошелъ бы смотрѣть *Жана Пикколо* и *Комп*.

Кстати: рассказываютъ, что однажды, это случилось положитъ въ Мадридѣ, *Жанъ Пикколо* присутствовалъ при репетиціи «*Донъ-Карлоса*» *взобравшись* на стулъ съ камышевой плетенкой. Большой актеръ, занимавшій въ приготавливаемой пьесѣ главную роль, захотѣлъ погтрунить надъ карликомъ:

— Берегитесь, сказалъ онъ ему, вы можете проваливаться въ плетенку стула.

— Вамъ угрожаетъ бѣлая опасность, — отвѣчалъ *Жанъ Пикколо*, — вы можете провалиться въ «*Донъ-Карлосъ*».

Говорятъ, предсказаніе карлика сбылось.

Такъ какъ лѣтопись Петербургской общественной жизни предназначается преимущественно на усладу иногороднихъ подписчиковъ, то я обязанъ сообщить еще, что Петербургская публика приняла карликовъ весьма радушно; такъ принимаетъ она, впрочемъ, всякую новость....

Нечего грѣха танть, Петербургъ любить новости, да и какой же это, впрочемъ, грѣхъ; новость дѣйствительно заманчива, на эту удочку

ловится много рыбки, болѣе всего золотой, и это очень естественно. И не одинъ Петербургъ падохъ на новости; я думаю и вы, иногородный читатель, не безупречны въ этомъ отношеніи. Стоитъ мнѣ, напримѣръ, сказать только, что у меня есть новость и вы, читатель, станете слушать мою болтовню внимательнѣе. Я скажу, что новость эта — неприятна. — Все равно, — подумаете вы, если не скажете, — пусть она будетъ неприятна, только говорите скорѣе.

Извольте: 25-го января, часовъ въ пять утра, загорѣлся Театръ-Циркъ; загорѣлся онъ, какъ толкуютъ, съ залы надъ люстрой, гдѣ инсались декорации. Какъ ни успѣшно дѣйствовала наша, замѣчательная по расторопности, смѣлости и самоотверженію, пожарная команда, огонь взявъ свое и, странное дѣло, пощадилъ нѣмецкій репертуаръ, истребилъ, говорятъ, бібліотеку русской оперы. Это, впрочемъ, слухи и я за нихъ не ручаюсь. Причина пожара, какъ это бываетъ почти всегда, неизвѣстна. Сгорѣло, по словамъ официальнаго извѣстія, *все внутреннее устройство* театра. Погорѣлымъ артистамъ нѣмецкой и русской оперной труппы данъ приютъ въ Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ.

Часу въ первомъ, въ день пожара, площадь Большаго театра покрылась толпами гуляющихъ и любопытствующихъ — любопытство свойственно всему человѣчеству вообще и жителямъ петербургскимъ въ особенности. Въ толпѣ слышались различныя сожалѣнія; чувствительныя нѣмки срединхъ лѣтъ, тяжело вздыхали и говорили:

— Ach wie Schade! ach wie Schade! wenn werden wir wieder das reizende Spiel des Herrn Orloffsky und des schönen Herrn Landvogt geniessen.

Галаитные нѣмцы угѣшали своихъ дамъ, но развѣ можно угѣшить неугѣшныхъ....

Многіе ворвались во внутренность; предположенія о причинѣ пожара дѣлались самыя разнообразныя; охотинки рассказать что нибудь, ихъ всегда много, распустили даже слухъ, будто бы зритель театра-цирка застрѣлился. — Довольно, однакожь, объ этомъ; нѣтъ сомнѣнія, что театръ скоро возобновится и дѣло пойдетъ по старому.

Но старому идти у насъ многое; рутина, словно ржавчина, въѣлась въ нашу жизнь и не скоро, кажется, отчистишь ее. Сколько лѣтъ, напримѣръ, мы толкуемъ о томъ, что

Пора намъ смѣть
Свое сужденіе имѣть.

и не преклоняться предъ авторитетомъ иностранцевъ, давно толкуемъ мы, что-мы де и сами кое что смыслимъ; но напрасны эти толки: стоитъ иностранцу, особливо нѣсколько извѣстному, сказать что нибудь и слово его — законъ. Иностранцы роздаютъ нашимъ художникамъ дилломы на знаменитость; иностранцы рѣшаютъ что *такой то* — гений и за нимъ всё мы, извѣстные патриоты, повторяемъ: да, *такой-то* дѣйствительно гений! Мы его не понимали, мы не отдавали ему должной справедливости! Стоило, наприимѣръ, г. Теофилю Готье сказать, что г. Зичи — высоко замѣчательный художникъ, что онъ едва ли не первый художникъ въ Россіи, что онъ великій человѣкъ... и съ быстротою телеграфа полетѣлъ зтотъ приговоръ по Петербургу и Петербургъ увѣровалъ, что г. Зичи дѣйствительно великій человѣкъ. Магазины Бегтрова навоняются *истинными почитателями* гения, открытаго г. Готье, рисунки г. Зичи покупаются на расхватъ.... Силы небесныя! какъ хороши стали вдругъ рисунки г. Зичи; нѣтъ имъ равныхъ! А давно ли, Петербургъ, отдавая справедливость даровитости г. Зичи и богатству его фантази, находилъ, что онъ рисуетъ очень хорошо; но не *мыслить*, — что не мало русскихъ художниковъ, которые стоятъ гораздо выше г. Зичи, что до гения ему далеко... Но собственное наше мнѣніе — мыльный пузырь; г. Теофиль Готье произнесъ приговоръ, нечего толковать. Да покроется позоромъ несчастная голова, осмѣливающаяся не преклоняться передъ авторитетомъ и усумниться въ томъ, что г. Зичи первый художникъ въ Россіи.

Все это было бы смѣшно,

Когда бы не было такъ грустно.

И убѣжденъ, что правда моя нѣсколько не огорчитъ г. Зичи; во первыхъ потому, что я — не Теофиль Готье; и во вторыхъ потому, что, по всеей вѣроятности, г. Зичи самъ умѣетъ отличить истину отъ излишней любезности и преувеличенія.

Къ числу наимпріятнѣйшихъ новостей въ Петербургѣ должно отнести благодѣтельную мысль нѣкоторыхъ лицъ позаботиться о меньшей, т. е. обѣднѣйшей братіи и дать имъ хоть уголь да крышу. Можетъ ли кто нибудь представить себѣ, что среди, болѣе или менѣе, наряднаго и щеголевататаго Петербурга, гдѣ встрѣчаются дома, убранство которыхъ стоитъ иногда около милліона, гдѣ такъ развита общественная благотворительность, выражающаяся филантропическими концертами, спектаклями, лоттерейми и другими несомнѣнными признаками душевной доброты столичныхъ обитателей; можетъ ли кто нибудь, спрашиваю я, представить се-

бѣ, что въ прекраснѣйш, богатѣйш и добромѣ Петербургѣ огромное количество людей не имѣеть или почти не имѣеть угла и крыши?..

Вашу руку, милая читательница, если вы истинно добры; я поведу васъ туда, гдѣ бѣдность, это страшное, безжалостное чудовище, заѣдаетъ жизнь, убиваетъ все прекрасное въ человѣкѣ и толкаетъ его въ омутъ порока. Мы входимъ въ большую, но мрачную, грязную, сырую и холодную комнату. Вокругъ, по стѣнѣ, устроены въ нѣсколько рядовъ полки; на этихъ полкахъ проводить ночь, отдыхаетъ горемычная и голодная братія, наработавшись до сыта или напатавшись по городу въ продолженіи цѣлаго дня, съ ранняго утра до поздняго вечера. Полъ этого пріюта усыпанъ соломенными тюфяками (это роскошь), войлоками и различными незатѣйливыми подстилками, служащими постелью для такихъ, которые уже могутъ похвастаться богачами въ сравненіи съ почивающими на полкахъ. Мужчины, женщины, старики и дѣвушки, старухи и дѣти — перемѣшаны здѣсь; все это оборванное, полунагое, голодное и истомленное челоѣчество дышетъ или, лучше сказать, задыхается невыносимымъ смрадомъ. Озлобленные, огрубѣлые и потерявшіе стыдъ члены этого соединеннаго только бѣдностію общества чужды другъ другу. Поговорки: «не клади плохого, не вводи вора во грѣхъ» здѣсь въ большомъ ходу и хоть немного такого, чтобы могло ввести вора во грѣхъ, но между этими бѣдняками установились все таки враждебныя отношенія и осторожность; каждая грязная тряпка бережливо причется, каждый обитатель этого смраданаго жилища не задумывается заподозрить въ своемъ сосѣдѣ вора и стережется. Безпрестанныя ссоры, крупная брань, а нерѣдко и потасовки — дѣло обычное — въ такомъ вертепѣ бѣдности. Отвратительный цинизмъ щеголяетъ здѣсь и въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ. Ребенокъ, только что начинающій понимать кое что, слушаетъ постоянно рассказы, въ которыхъ героемъ, плѣняющимъ воспримчивое, дѣтское воображеніе, является какойнибудь забулдыга, воръ, обманщикъ или чтонибудь еще хуже. Мать посылаетъ ребенка стасить гдѣнибудь дровецъ, выпросить милостыню. Старый опытный плутъ передаетъ тонкости своего искусства юношѣ. Какаянибудь отвратительная старуха рассказываетъ дѣвушкѣ свои бывлыя похождения, своимъ развратомъ хвастаетъ какъ доблестью. Даже грудной ребенокъ становится здѣсь орудіемъ плутовства и обмана; его отдають на прокатъ.... Вы, можетъ быть, не понимаете меня? Дѣло очень просто: какаянибудь оборванная старуха беретъ груднаго ребенка у матери, на цѣлый день, за известную плату, и ходитъ съ нимъ по улицамъ, рассчитывая такимъ образомъ сильнѣе тронуть благотворительныя

сердца прохожихъ. Каждый атомъ этой удушливой атмосферы зараженъ ядомъ порока и разврата, каждый атомъ носить въ себѣ зародышъ болѣзни и смерти. И между тѣмъ этотъ грязный адъ — единственный пріютъ многимъ бѣднякамъ; имъ некуда дѣваться, всѣ другія квартиры превышаютъ ихъ средства. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Да рай ли еще полно бѣднякамъ и на другихъ то квартирахъ. Цѣны на квартиры растутъ въ Петербургѣ съ каждымъ годомъ, а средства бѣдной братіи едва ли не уменьшаются....

Съ цѣлю помочь этой страждущей половинѣ петербургскаго чело- вѣчества, а не съ цѣлю нажать барыши, открыта компанія на акціяхъ, которая займется устройствомъ помѣщенія для бѣдныхъ ремесленниковъ. Дай Господи успѣха такому прекрасному дѣлу; дай Господи, чтобы оно развивалось и разрасталось не по годамъ, а по днямъ; дай Господи, чтобы не были забыты и другія сословія! .

Такъ какъ рѣчь наша уже коснулась дѣлъ милосердія, то встаетъ вопросъ упомянуть о концертѣ филармоническаго общества и спектаклѣ любителей въ пользу частныхъ школъ здѣшняго женскаго патріотическаго общества.

Въ концертѣ филармоническаго общества участвовали Г-жи Бозіо, Лотти, Бернади и гг. Тамберликъ, Кальцолари, Монжини, Эверарди, де-Бассини и Александръ Мауреръ. Зала Дворянскаго Собранія была, что называется, биткомъ набита, что представляло не мало затрудненій дамамъ, при ихъ необычайно-обширныхъ кринолинахъ и модныхъ, безко- нечно-длинныхъ, хвостахъ. Между прекраснымъ поломъ, было множе- ство офицеровъ; они, кажется, въ настоящее время полюбили музыку да- леко болѣе, чѣмъ любили ея когда-то прежде, — весьма пріятно. Руко- плесканія слышались на исполнителей, какъ горохъ и, само-собою разу- мѣется, что болѣе всего выпало ихъ на долю неизмѣннаго любителя и ба- ловня петербургской публики, г. Тамберлика. Извѣстный, одолженный извѣстностію г. Тамберлику, русскій романсъ «скажите ей», пропѣтый имъ два раза, произвелъ рѣшительный *furor*; крикамъ и рукоплескани- ямъ конца не было. Дарованіе и искусство всѣхъ артистовъ, участвовав- шихъ въ этомъ концертѣ, такъ хорошо и давно извѣстны не только Пе- тербургцамъ, но и иностранцамъ, что говорить о нихъ значило повторять зады. Должно прибавить только, что Г-жа Де-Мерикъ не явилась въ концертъ, а г. Мауреръ не произвелъ на слушателей своею игрою осо- бенно пріятнаго впечатлѣнія. Нѣкоторые присяжные меломаны находили, что у г-жи Бозіо голосъ замѣтно слабѣетъ, другіе толковали, что у г-жи

Лотти голосъ слишкомъ рѣзокъ и проч. и проч.; всего не перескажешь. Какъ бы то ни было, концертъ филармоническаго общества, какъ и всегда, принадлежитъ къ числу лучшихъ, издѣйшшихъ наслажденій Петербурга.

Къ нимъ же принадлежитъ, безспорно, и спектакль любителей, данный въ четвергъ, 22 января, въ залѣ дома князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Спектакль состоялъ изъ небольшой пьески графа Фредро: «На балѣ», названной имъ «картинами изъ свѣтской жизни», и известной комической оперы Обера «Le domino noir». Игра любителей, тѣмъ болѣе въ спектаклѣ, съ благотворительною цѣлю, выше всякаго суда; тутъ каждая критика, паложивъ на уста палець молчанія, имѣеть право и должна только восхищаться. Не въ силу, однакожь, этого права, а въ силу истины, должно сказать, что Вѣра Васильевна Мичурина, въ пьесѣ графа Фредро, была очаровательна. Сколько теплоты, естественности и граціи въ ея игрѣ, какимъ обаяніемъ дѣйствуетъ эта игра на зрителя, какъ симпатиченъ и мягокъ звукъ ея голоса — этого рассказать почти невозможно. Какъ грустно, что русская сцена потеряла такую прекрасную артистку; какъ грустно сознаться, что изъ лишняго ряда артистокъ, появившихся послѣ Вѣры Васильевны Самойловой, нѣтъ еще ни одной, которая смогла бы замѣнить утрату. Пьеса графа Фредро принадлежитъ къ роду известныхъ Французскихъ *пословицъ*, пущенныхъ въ ходъ даровитымъ Октавомъ Фѣлье, къ роду тѣхъ милыхъ драматическихъ бездѣлицъ, которыми восхищаются постоянно посѣтители Михайловскаго театра и которыя, весьма часто, если не всегда, погибають, какъ не во время и не на мѣсто пересаженный цвѣтокъ, на сценѣ Александринскаго театра.

Произведеніе Скриба и Обера было разыграно лицами, известными цѣлому Петербургу: г-жами Кочетовою, Лешетницкою и гг. Лаблашеицъ, Кудюра и Графомъ Фредро. Оркестромъ дирижировалъ г. Лешетичкій.

Спектакль былъ удостоенъ посѣщеніемъ Высочайшихъ особъ Императорскаго Дома, и само собою разумѣется, почти всего лучшаго Петербургскаго общества; наряды дамъ были блистательны, великолѣпны и изящны; сказать о нихъ что нибудь болѣе и опредѣленнѣе — честное слово, не умѣю.

За этимъ первымъ спектаклемъ послѣдуетъ другой; готовится «Горе отъ ума»; имена лицъ, принявшихъ на себя исполненіе ролей въ этой безсмертной комедіи, ручаются за блистательный успѣхъ.

Сколько теплыхъ, благодарныхъ молитвъ вызоветъ такой спектакль, сколько осушится горькихъ слезъ, сколько облегчится безвыходныхъ по-

ложеній; сколько бѣдныхъ дѣвочекъ получать воспитаніе, кусокъ хлѣба и пойдутъ, если не путемъ, усыпаннымъ розами, то, по крайней мѣрѣ, путемъ честнаго труда. Великъ таковой подвигъ; кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, сказалъ нашъ божественный учитель, тотъ Меня приметъ.

Здѣсь весьма прилично бы было разсказать вамъ о благотѣльномъ приютѣ младенцевъ и коринѣищъ, устроенномъ въ память покойнаго графа А. Г. Куселева-Безбородко, гдѣ на дняхъ праздновался день учрежденія этого заведенія — по редакція не позволяетъ. Почему — отгадать, думаю, не трудно....

Лекціи публичныя растутъ и множатся; какъ основаніе, какъ залогъ будущаго развитія просвѣщенія и какъ доказательство благороднаго направленія нашихъ передовыхъ людей — явленіе это не можетъ не радовать каждаго порядочнаго человѣка. Къ числу лекцій, о которыхъ упомянуто уже въ прошедшемъ мѣсяцѣ, прибавились еще: въ высшей степени занимательныя и полезныя чтенія профессора Вышнеградскаго о механикѣ, преимущественно въ ея практическомъ примѣненіи; профессоръ Вышнеградскій читаетъ въ Пассажѣ; затѣмъ лекціи въ здѣшнемъ университетѣ профессора Никитенко и молодаго ученаго, недавно возвратившагося изъ чужихъ краевъ, М. М. Стасюлевича. Первый читалъ о Державинѣ и читалъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ увлеченіемъ и увлекательно. Блестящая и громкая эпоха Екатерины, такъ вѣрно и ярко отразившаяся въ произведеніяхъ безсмертнаго пѣвца Фелицы, представила даровитому нашему профессору канву широкую, по которой онъ съумѣлъ раскинуть занимательнѣйшія, вѣрныя и дѣльныя подробности.

Профессоръ Стасюлевичъ предметомъ своихъ чтеній избралъ провинціальныи бытъ въ царствованіе Лудовика XIV. Взглядъ молодаго ученаго на знаменитый вѣкъ если и извѣстенъ уже опередившей насъ Европѣ, то совершенно новъ для большей части нашей публики. Профессоръ Стасюлевичъ смѣло и вѣрно разочаровываетъ тѣхъ, кто до сихъ поръ привыкъ слишкомъ сильно увлекаться блестящею внѣшностію грозной эпохи. Слушатели осыпали его рукоплесканіями.

Когда подумаешь о томъ, что было какихъ нибудь пять лѣтъ тому назадъ, когда сравнишь постоянныя публичныя чтенія нашихъ ученыхъ, вотъ хоть, напримѣръ, чтенія профессора Никитенко, съ какими нибудь мнлыми и наивными лекціями графа Сюзора, Огюста *Лена* и комм., которыя приводили въ восторгъ нашихъ прекрасныхъ соотечественницъ.... *свяжо преданіе, а вьрится съ трудожъ.*

Г. Стрѣвъ, извѣстный многими дѣльными и прекрасными критическими статьями о музыкѣ, читаетъ теперь публичныя лекціи о музыкѣ; но, каюсь, мнѣ не удалось еще его послушать.

Такимъ образомъ, стоитъ только жителю Петербурга пожелать учиться — всѣ средства и пособія къ его услугамъ; захочетъ онъ благотворить — это легко и удобно, въ самое короткое время можно надѣлать бездну добрыхъ дѣлъ; появится желаніе веселиться и наслаждаться — Петербургъ представляетъ цѣлое море удовольствій, увеселеній и наслажденій. Въ морѣ этомъ первое и видное мѣсто занимаетъ, конечно, театр; поговоримъ о театрѣ.

Нельзя сказать, чтобы по этой части было елишкомъ много отрадныхъ новостей; какъ французская, такъ и русская драматическая литература находятся въ совершенномъ усыпленіи. Напрасно чающие движенія воды собираются то въ одной, то въ другой театры, привлекаемые новыми названіями пьесъ; напрасно ждутъ и умоляютъ, напрасно простираютъ руки, съ раздирающимъ душу крикомъ: дайте намъ хорошую пьесу!... Желанная драматическая манна не падаетъ. Театръ представляетъ печальную пустыню, публика — истомленныхъ и огорченныхъ путниковъ, которымъ рѣшительно не надъ чѣмъ остановиться. Помысли, что въ такомъ плачевномъ, въ такомъ отчаянномъ положеніи, публика готова хватиться за соломинку и маломальски порядочное драматическое произведеніе принимается всѣми съ одиодушнымъ восторгомъ.

Въ бенефисъ нашего неподражаемаго и любимѣйшаго артиста русской драматической труппы — г. Мартынова, бѣдные путники, т. е. Петербургская публика, были пріятно обрадованы, появленіемъ комедіи молодого, только что начинающаго автора — г. Чернышева. Комедія г. Чернышева «Не въ деньгахъ счастье» не принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ, исключительныхъ литературныхъ явленій; но, во всякомъ случаѣ, на ней только и можно остановиться въ настоящее время.

Деньги, эта удивительная машина, приводящая въ движеніе цѣлый міръ, потрясающая цѣлыми царствами, начало и конецъ всѣхъ благъ и золъ человѣческихъ — представляютъ безконечный, неисчерпаемый источникъ писателю. Деньги — кровь современнаго человѣка, воздухъ, которымъ онъ дышетъ, деньги — все, но не счастье, говоритъ г. Чернышевъ.

Василій Ивановичъ Боярышниковъ занялъ у своего загадочнаго друга и товарища Егора Ефимовича Щукина десять тысячъ ассигнаціями, купилъ себѣ лавку и женился на дочери богатаго купца Колесникова. Боярышниковъ взялъ за женою пятьдесятъ тысячъ; двадцать пять тысячъ

получилъ до свадьбы, а остальные потребовать у тестя на другой же день.

— А что, какъ я не дамъ тебѣ этихъ денегъ? пошутилъ было тесть.

— Ну, ужъ, тогда не взыщите, — отвѣчаетъ зять, — ваше дѣтище заплатится за васъ, я на дочери вашей вымещу вашъ обманъ.

— Будеть изъ тебя прокъ, — замѣчаетъ старикъ, — много наживешь ты денегъ! Будешь миллионщикомъ!

Страшнымъ соблазномъ отзывается это предсказаніе въ корыстной душѣ Боярышниковъ; какъ бы хотѣлось ему сдѣлаться миллионникомъ. Все готовъ онъ посвятить, все готовъ принести въ жертву золотому тельцу. Начинаетъ онъ съ того, что, заглушая совѣсть и чувство благодарности, надуваетъ Щукина. Напрасно со слезами умоляетъ его добрый другъ о возвратѣ денегъ, напрасно объясняетъ, что отъ этого зависить его счастье, что онъ собирается жениться на бѣдной, любимой имъ дѣвушкѣ.... Боярышниковъ съ нахальствомъ объявляетъ:

— Я у тебя денегъ никакихъ не бралъ.

— Брался!—говоритъ рыдая Щукинъ; вспомни, я тебя отъ смерти спасъ однажды; потомъ отдалъ тебѣ послѣднія деньги, ты на нихъ жить началъ; вѣдь я теперь должонъ по міру идти....

— Гдѣ документы? спрашиваетъ Боярышниковъ. Нѣтъ, стало быть не должонъ.

Покончивъ такъ съ благодѣтелемъ—другомъ, Боярышниковъ не лучше поканчивается и съ малюткою дочерью отъ пѣмки Анхень, которая брошена имъ и умираетъ въ больницѣ. Бѣдная женщина Каролина Карловна Кризе беретъ на себя воспитаніе несчастной дочери.

— Коли дочь вырастетъ, — говоритъ Боярышниковъ Каролинѣ Карловнѣ, — станетъ выходить замужъ, такъ въ тѣ поры приди, я пожалуй помогу.

А до тѣхъ поръ отецъ не хочетъ и видѣть своей дочери.

— Можетъ быть Маша мнѣ и не дочь; говоритъ онъ, чтобы успокоить свою совѣсть.

Таковы первыя движенія нашего героя; легко угадать, что предсказаніе тестя сбудется и алчный, бездушный и безсовѣстный зятекъ его дѣйствительно наживетъ деньги.

Черезъ пятнадцать лѣтъ Боярышниковъ богатъ; но *не въ деньгахъ счастье*. Жена его, сварливая, злая и больная, умерла; самъ онъ постарѣлъ и одряхлѣлъ; по прежнему алченъ и скверенъ Боярышниковъ, но уже съ недугами одолеваетъ его и бессознательный страхъ, при мысли о

будущей, загробной жизни; въ ханжествѣ уже пробивается пелское сознание всей мерзости своихъ дѣяній. Боярышниковъ раздаётъ милостыню пищимъ, читаетъ священныя книги, воспитываетъ или, по крайней мѣрѣ, вскармливаетъ приемыша, попрекая его ежеминутно этимъ благодѣяніемъ. Но всего этого мало; нѣтъ душевнаго спокойствія, нѣтъ подлѣ Боярышникова роднаго сердца, которое бы согрѣло хоть на минуту остывающую жизнь. Приемышъ обманываетъ своего благодѣтеля и ждетъ не дождется еѣ смерти. Боярышниковъ не видитъ этого, но чувствуетъ. Безвратственный, подлый и корыстолюбивый старикъ съ каждымъ днемъ дѣлается недобѣрчивѣе и подозрительнѣе; вездѣ чудится ему обманъ и подлость; все окружающее, словно зеркало, отражаетъ его же собственную мерзость и Боярышниковъ черствѣетъ и ожесточается.

Въ бѣдной, грязной и мрачной квартиркѣ перебивается, между тѣмъ, кое-какъ наша старая знакомка Каролина Карловна Кризе. Добрая женщнна, не смотря на гнегущую еѣ пужду, исполнила добровольно принятую на себя священную обязанность. Бѣдная Маша выросла и воспитана; она хороша собой, трудолюбива, добра и честна. Въ эту прекрасную дѣвушку влюбленъ молодой горемыка, Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, жилецъ Каролины Карловны, конторщикъ безъ мѣста; любитъ Сергѣева и Маша, можно бы и подъ вѣнецъ, да гнусная бѣдность не позволяетъ. Въ одно прекрасное утро судьба, однакожь, улыбнулась бѣднякамъ; Сергѣевъ получилъ мѣсто и деньги и предлагаетъ любимой дѣвушкѣ сердце и руку; Маша, разумѣется, принимаетъ это предложеніе съ восторгомъ. Каролина Карловна радуется, какъ радовалась бы родная мать; она напоминаетъ слова Боярышникова.

— Коли дочь выростетъ, станетъ выходить замужъ, такъ въ тѣ поры приди, я пожалуй помогу.

По гдѣ пайти бы Боярышникова, въ пятнадцать лѣтъ Каролина Карловна совершенно потеряла его изъ виду. Только случай можетъ помочь дѣлу, и случай этотъ является въ видѣ Ильюши, приемыша Боярышникова. Ильюша этотъ, отпросившись у благодѣтеля къ заутренѣ и обѣднѣ, кутнулъ съ пріятелями и съ пьяныхъ глазъ привязался на улицѣ къ Машѣ, которая носила куда то свою работу. Отъ него узнаетъ Каролина Карловна адресъ Боярышникова и отправляется попытать счастье.

Боярышниковъ, узнавъ отъ Каролины Карловны, что у него есть дочь, сначала оживляется и радъ; въ сердцѣ его веныхиваетъ на минуту какое то порядочное чувство, но только на минуту. Едва рѣчь коснулась денегъ, Каролина Карловна упомянула о приданомъ дочери, вся мерзость

поднимается со дна испорченной души отвратительнаго старичкини. Воображеніе его въ ту же минуту создаетъ обманъ и хитрость, подлогъ, коварства и козни.

— Ничего не падо, — говоритъ испуганная Каролина Карловна, — только прѣзжайте взглянуть на вашу дочь и благословять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричатъ въ изступленіи Боярышниковъ, въ страхъ за свои проклятыя деньги, — нѣтъ, не поѣду, это все обманъ, у меня нѣтъ дочери.

Бѣдная Маша въ отчаяніи; но, дѣлать печего, все таки рѣшено совершить обрученіе. Я забылъ сказать, что въ квартиркѣ бѣдняковъ пріютился еще почтенный, добродушнѣйшій и милѣйшій старичекъ—Щукинъ, тотъ самый, котораго пустилъ по міру подлый и неблагодарный Боярышниковъ. Щукинъ, Каролина Карловна и женихъ уходятъ изъ дому по разнымъ дѣламъ. Маша остается одна. Является отецъ и въ крошечной комнаткѣ разыгрывается раздражающая душу сцена свиданія отца съ дочерью. Даже очерствѣлое, каменное сердце старика потрясено, человѣческое чувство проснулось и шевелится въ его груди; онъ, накопецъ, плачетъ. Маша рыдаетъ и смѣется, осыпаетъ отца поцѣлуями, замыхается счастьемъ; она забыла все тяжелое, все горькое прошедшее; восторгу ея нѣтъ границъ.

На эту сцену являются женихъ и Каролина Карловна. Хорошая женщина не помнитъ себя отъ радости; слезы у нея на глазахъ, она смѣется; она въ какомъ то дѣтскомъ восторгѣ бѣгаетъ по комнатѣ; она видитъ въ Боярышниковѣ добраго отца Маши, она все простила ему, все забыла

— А! вотъ такъ папаша!—бормочетъ она, смѣясь и плача, — вотъ какой у насъ папаша.... Ну, ужъ, теперь, — продолжаетъ она, какъ бы завгрявая съ Боярышниковымъ, — теперь вы отъ насъ не отдѣляетесь.... Теперь мы васъ, папаша, порастормашимъ.... мы теперь порастресемъ вашу карманъ....

— Карманъ, — вскрикиваетъ старикъ, въ одно мгновеніе превращаясь изъ отца въ прежнее, бездушное чудовище, дрожащее надъ своимъ золотомъ, — карманъ... деньги! Вамъ нужны мои деньги.... Вы хотите обмануть меня.... Это не дочь моя.... Прочь! прочь! — кричитъ онъ, отталкивая отъ себя несчастную Машу....

Боярышниковъ топчетъ тѣмъ, что бросаетъ сто, двѣсти, триста рублей на полъ и бѣжитъ вонъ, повторяя:

— Обманъ, вездѣ обманъ! Господи помилуй, Господи помилуй!...

Судьба, какъ бы карая его за эту обиду дочери, даетъ ему дома нѣсколько весьма чувствительныхъ толчковъ. Во первыхъ, старый слуга хочетъ оставить его; за тѣмъ, приѣмшъ, благодѣтельствованный имъ, обкрадываетъ его и хочетъ бѣжать изъ дому; наконецъ, является Щукинъ, какъ страшнѣйшій укоръ въ безсовѣстно нажитомъ богатствѣ. Щукинъ является не для себя, а приноситъ деньги, брошенные Боярышниковымъ дочери, какъ *собакъ*.

За этимъ слѣдуетъ, не совѣтъ правдоподобное, раскаяніе и переорожденіе Боярышникова, всеобщее примиреніе и союзъ любящихъ молодыхъ людей.

Вотъ содержаніе комедіи г. Чернышева, въ которой, какъ видите, очей много занимательности, много сценъ, вызывающихъ слезы; но не обошлось дѣло и безъ недостатковъ. Самый чувствительный — языкъ, невѣрный, невыдержанный и во многихъ мѣстахъ до крайности рутинный и изысканный. Боярышниковъ, напримѣръ, купецъ, который боится, не грѣшно ли будетъ поминать въ церкви иѣмку, говорить языкомъ героевъ плохихъ великосвѣтскихъ повѣстей и романовъ. Къ числу недостатковъ относится также, по моему мнѣнію, совершенно водевильное окончаніе и нѣкоторыя дикія разглагольствованія, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ «чиновникѣ» графа Соллогуба. Сергѣевъ, напримѣръ, на общаніе Боярышникова дать приданое, совѣтуетъ ему лучше употребить деньги на пользу общую, пустить ихъ въ оборотъ; сколькимъ дадите вы хлѣбъ, говоритъ онъ, сколько рукъ займете трудомъ.... Фразы подобныя имѣютъ притязанія на современное значеніе, но приклеены совершенно ни къ селу, ни къ городу. Рамки нашей лѣтописи такъ тѣсны, что нѣтъ возможности вдаваться въ болѣе подробный критическій разборъ комедіи г. Чернышева; но считаю долгомъ сказать, что она, во всякомъ случаѣ, составляетъ пріятное явленіе на нашей сценѣ и даетъ надежду ожидать отъ даровитаго молодого писателя много хорошаго.

Розыграна комедія очень хорошо... превосходно..... если не считать кое какихъ грѣшковъ, о которыхъ скажется ниже. Г. Мартыновъ замѣчательно хорошо въ роли Боярышникова. И должно прибавить, что нашъ геніальный комикъ является здѣсь превосходнымъ драматическимъ артистомъ. Въ нѣкоторыхъ сценахъ нельзя было видѣть его равнодушно; волосы шевелились на головѣ и холодная дрожь пробѣгала по тѣлу, а между тѣмъ г. Мартыновъ ни разу не позволилъ себѣ ни малѣйшаго рутиннаго движенія, ради трагическаго эффекта и той картинности, которая обыкновенно играютъ такую важную роль у нашихъ трагиковъ. И тѣмъ

поразительнѣе, тѣмъ выше была его естественная, простая и теплая игра.

Вотъ, кстати, удачное словцо г. Марынова. Восхищаясь его игрою, я, между прочимъ, замѣтилъ ему:

— Вы до такой степени были хороши въ сценѣ колебанія ѣхать или не ѣхать къ дочери, такъ, повидимому, глубоко прочувствовали положеніе и прониклись исполняемой вами ролью, что поблѣднѣли.

Г. Мартыновъ съ легкой улыбкой отвѣтилъ мнѣ:

— Это вы сами поблѣднѣли, а не я; за слоємъ краски не видно блѣдности.

Только истинно-гениальная игра артиста можетъ ввести зрителя, болѣе или менѣе присмотрѣвшагося къ сценѣ, въ такое пріятное заблужденіе, въ какомъ обличилъ меня г. Мартыновъ. Очень хорошо была исполнена и роль Щукина г. Самойловымъ. Въ игрѣ его также поражала простота и естественность. Можно было бы сказать доброе слово и о г. Бурдинѣ, занимавшемъ роль Ильюши, если бы молодой артистъ этотъ не фарсигъ мѣстами и не погрѣшилъ сильно, увлекаясь не совсѣмъ артистическимъ побужденіемъ удивить и насмѣшить нарядомъ. Ну, и дѣйствительно удивилъ; явился въ *невыразимыхъ*, вышитыхъ гирляндами изъ розъ и зелени и въ розовой жилеткѣ — Богъ знаетъ что такое. Это называется: не мытьемъ, такъ катаньемъ: не игрою, такъ дикимъ искусствомъ портнаго. Эхъ, г. Бурдинъ, бросьте эти гирлянды и розовые жилеты, всѣ подобные фокусы смѣшать только верхи и производить непріятное впечатлѣніе на порядочную часть зрителей; какъ ласточка не дѣлаетъ весны, такъ самыя великолѣпныя гирлянды не создаютъ артиста. Г-жа Липская была очень хороша въ роли Каролины Карловны, а г-жа Свѣткова весьма мило исполнила небольшую роль Маши.

На сценѣ Михайловскаго театра особенное вниманіе петербургской публики обратили: комедія французскаго академика Эрнеста Легуве: «*Le pamphlet*», комедія Жюльа Леконта: «*Le luxe*», водевилъ г. Оноре «*Les petits péchés de la grand' maman*» и комедія Октава Фѣлье «*Le roman d'un jeune homme pauvre*». Нельзя сказать, чтобы произведеніе почтеннаго академика отличалось особенными достоинствами; оно довольно неправдоподобно, натянуто и не попадаетъ въ цѣль, которую, повидимому, избралъ г. Легуве. Възливый академикъ переноситъ дѣйствіе своей сатиры въ Мадридъ и тамъ кошку бьетъ, а невѣсткѣ намѣтку даетъ. Герой комедіи Донъ Клавиго, отъявленный памфлетистъ и личный врагъ полковника Тардова. Дѣло въ томъ, что полковникъ Тардова лишилъ, когда-то, Дона Кла-

виго мѣста и послѣдній поклялся отмстить ему. Полковникъ умеръ, оставивъ дочери, прелестной Доннѣ Изабеллѣ только свое честное заслуженное имя. Въ Донну Изабеллу влюбленъ молодой человѣкъ знатной фамиліи, Ганри де Уреацъ; онъ отъ всей души желалъ бы назвать Изабеллу своей супругой, но родные долго противятся этому союзу. Мать Гаяри, Маркиза де Уреацъ, увѣрившись въ благородствѣ бѣдной дѣвушки, принимаетъ сторону молодыхъ людей и желанный бракъ могъ бы состояться, еслибъ вдругъ не явилось новое и важное препятствіе, въ видѣ памфлета, написаннаго, какъ вы догадываетесь, Дономъ Клавиго, очернивашаго самымъ ужаснымъ образомъ доброе имя покойнаго полковника. Единственное богатство Изабеллы, единственное право ея на союзъ съ знатымъ и богатымъ молодымъ человѣкомъ отнято; благородное имя нѣжно любимаго отца опозорено и нѣтъ никакихъ средствъ опровергнуть низкую клевету.... Но успокойтесь, въ нашемъ благоустроенномъ обществѣ красота и добродѣтель всегда торжествуютъ. Повѣса, шалунъ, прокутившійся въ пухъ и прахъ, племянникъ Маркизы, является на выручку. Злодѣй раскаевается, испугался, изволите видѣть, пистолета, доброе имя полковника восстановлено и всѣ счастливы, кромѣ почтеннаго академика, написавшаго такую слабую пьесу, и удивившейся въ этомъ публики. Артисты нашей французской труппы исполнили свое дѣло прекрасно; всѣ, кромѣ, зачѣмъ я долженъ сказать это, всѣ, кромѣ г-жи Напталъ-Арно. Прелестная артистка эта въ роли Донны Изабеллы была какъ-то не на своемъ мѣстѣ; короткое платье и другія мелочи наряда не шли г-жѣ Напталъ и портили впечатлѣніе. Она, казалось, сама чувствовала это и дѣло вообще не клеилось. Особенно хороши были гг. Дешанъ и Поль-Бондуа.

«Les péchés de la grand'maman» — изящный пустячокъ, очень мило розыгранный г-жами Вольнисъ, Л. Мейеръ и Мальвиною.

«Le luxe», — комедія умная, но довольно сухая и безцвѣтная. О комедіи Октава Фѣлье — до слѣдующей бесѣды.

Перемѣшивая бездѣлье съ дѣломъ, вотъ краткій отчетъ о прекрасномъ изданіи Ник. Вас. Гербеля. «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей».

До сихъ поръ вышли въ свѣтъ *первыя четыре части* этого изданія; въ непродолжительномъ же времени отпечатаются и выйдутъ въ свѣтъ *пятая, шестая и седьмая части сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, издаваемыхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля. Часть V. «Заговоръ Фиеско въ Генуѣ», драматическое представленіе*

въ пяти дѣйствіяхъ, въ *новомъ* переводѣ Н. В. Гербеля и «Марія-Стюартъ», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го.

Часть VI. «Валленштейнъ», драматическая поэма, въ двухъ частяхъ. Часть первая: «Прологъ», въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея. «Лагерь Валленштейна», въ одномъ дѣйствіи, также въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея. «Пикколомиши», драматическая поэма въ пяти актахъ, въ *новомъ же* переводѣ В. А. Лялина. Часть вторая: «Смерть Валленштейна», трагедія въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го.

Часть VII. «Коварство и Любовь», мѣщанская трагедія въ пяти актахъ, въ *новомъ* переводѣ М. М. Достоевскаго. «Орлеанская Дѣва», драматическая поэма въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго В. А. Жуковского.

Часть VIII. Также готовится къ печати. Въ составъ этой части войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», неоконченная трагедія, въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея; «Духовидецъ», романъ, въ *новомъ же* переводѣ А. А. Григорьева; «Мизантропъ», драматическій отрывокъ, также въ *новомъ* переводѣ Н. В. Гербеля и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ первыя двѣ части *Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей*, въ переводахъ: В. Г. Бешедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербеля, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, О. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ.

Части IX и X, куда войдутъ большія историческія сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны», и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ подъ Испанскаго владычества», первое въ *новомъ* переводѣ М. Л. Михайлова, а второе въ *новомъ же* переводѣ Л. А. Мея, также начаты. Остальныя XI и XII части будутъ заключать въ себѣ историческія, философическія и критическія статьи Шиллера. Многія изъ нихъ уже переведены, остальныя — переводятся.

I части «Шиллера» уже нѣтъ въ продажѣ. II, III и IV — продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Отъ всей души желаю этому предпріятію полнаго успѣха, а вамъ, терпѣливый читатель и снисходительнѣйшая читательница, добраго здоровья и покойнаго сна.

Егоръ Моллеръ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 2.

Шахматы въ Петербургѣ.—Пріѣздъ Князя С. С. Урусова.—Шахматный вечеръ.—Характеристика игры И. С. Шумова и Князя С. С. Урусова.—Одна игра ихъ.—Матчъ Морфи съ Адорсономъ.—Нѣтъ партій этого матча.—Новѣйшія извѣстія.—Задачи.—Руководство къ изученію Шахматной игры Князя С. Урусова (статья 1-я)—Опечатки въ первомъ номерѣ Листка.—Корреспонденція.—

Грустно было мнѣ восхвалять подвиги Морфи и Паульсена, рассказывать объ игрѣ въ Нью-Йоркѣ, Лондонѣ, Парижѣ и не сказать ни слова о шахматной дѣятельности у насъ въ Петербургѣ. Причина моего молчанія была, къ сожалѣнію, слишкомъ основательна. Въ послѣдніе два года Петербургъ совершенно охладѣлъ къ умнѣйшей и благороднѣйшей изъ игоръ; шахматный клубъ, такъ блестяще начавшій свое существованіе, нутѣлъ съ каждымъ днемъ и въ настоящее время существуетъ только по имени; шахматные журналы выписывались въ столь незначительномъ количествѣ, что газетная экспедиція отказалась отъ доставки ихъ, и теперъ мы принуждены получать эти изданія чрезъ книгопродавцевъ т. е. мѣсяцъ и болѣе послѣ выхода ихъ въ свѣтъ. Даже знаменитыя наши шахматисты и тѣ покинули славное для нихъ поприще: Янишъ весь поглощенъ математическими вычисленіями и неумѣреннымъ чтеніемъ политическихъ журналовъ; Урусовыхъ — почти нѣкогда нѣтъ въ Петербургѣ. Шумовъ, увя — играетъ въ еролань и ѣздитъ по маскарадамъ; Конечно можно было бы рассказать что нибудь о томъ счастливомъ времени когда, по вторникамъ и пятницамъ, человекъ до пятидесяти съѣжалось въ клубъ; когда тамъ составлялись турниры, матчи, консультаціонныя партіи; когда ученый секретарь Общества, не смотря на интегралы, находилъ возможность порадовать насъ иногда классически разыгранною партією или глубокомысленнымъ анализомъ новаго дебюта; когда князь Урусовъ пріѣхалъ изъ Москвы единственно съ тѣмъ, чтобы сразится съ прибывшимъ сюда изъ Варшавы Петровомъ;—объ этомъ слав-

номъ для шахматистовъ времени, могъ бы я рассказать очень многое, но при бѣдности настоящаго, тяжело говорить о блестящемъ прошедшаго. Къ тому же я надѣялся что равнодушіе петербуржцевъ къ *царственной* игрѣ только временное, что, рано или поздно, сердца ихъ опять возгорается благородною страстью и тогда можно будетъ вспомнить прошлое безъ обиднаго сравненіе для настоящаго. Надежда моя сбылась скорѣе чѣмъ можно было думать.

Въ началѣ января пріѣхалъ сюда Кн. Сергѣй Семеновичъ Урусовъ. Игрокъ первоклассный, ровно сильный въ теоріи и практикѣ, онъ имѣетъ драгоцѣнное свойство возбуждать своимъ присутствіемъ дѣятельность нашихъ Фолидоровъ. 10-го января, вечеромъ, у одного изъ самыхъ милыхъ нашихъ шахматистовъ, собралось нѣсколько записныхъ любителей: Шумовъ, Урусовъ, бреславльскій игрокъ Эліасонъ, неоднократно состязавшійся съ знаменитыми своими соотечественниками Андерсеномъ и Гаррвитцомъ, сочинитель остроумныхъ задачъ Шмиттъ и еще члвкъ пять—шесть, всегда необходимыхъ для составленія того, что французы называютъ «*la galerie*». Странное дѣло, но безъ *галереи* играется какъ-то скучно, холодно; конечно мы разумѣемъ галерею благовоспитанную, всегда помнящую статью шахматнаго устава, которою ей воспрещается довать играющимъ совѣты, вслухъ обсуживать ходы и вообще, какимъ бы то ни было образомъ, вмѣшиваться въ игру. Тутъ, послѣ долгаго поста, — въ послѣдніе два года я не сыгралъ и дести партій, — мнѣ удалось довольно успѣшно сразиться съ Гг. Эліасаномъ и Шмиттомъ; но не мои жалкіе гамбиты, а безподобная игра Князя Урусова съ Шумовымъ привлекала всеобщее вниманіе. Трудно сказать кто изъ нихъ сильнѣе; оба играютъ превосходно и при томъ характеръ игры ихъ совершенно различенъ, что и придаетъ особенную занимательность ихъ партіямъ.

Глубоко изучившій теорію и сдѣлавшій въ ней весьма важныя открытія, Кн. Урусовъ особенно силенъ въ дебютахъ и концахъ игоръ. Никто лучше его не умѣетъ быстро развить свои силы, двинуть впередъ офицеровъ, образовать блестящую, мощную, смѣлую и, въ тоже время, совершенно вѣрную атаку; или, при концѣ партіи, когда уже немного шашекъ на доскѣ, съ большею точностью расчислить всѣ послѣдствія малѣйшаго движенія королемъ или пѣшкой, болѣе кстати занять оппозицію, и вѣнчать свои усилія торжественнымъ проводомъ пѣшки въ ферзя. Если вамъ случится завоевать у Князя пѣшку или даже двѣ, не счи-

тайте еще свою партію выигранную, онъ сумѣетъ привести ее къ такому положенію, при которомъ съ обѣихъ сторонъ останутся разноцвѣтные слоны—и выигрышъ будетъ не-возможенъ, или, пожертвавъ во время офицера за пѣшку, оставить изумленнаго противника съ однимъ, безсильнымъ къ производству матокъ, слономъ или конемъ. Урусовскіе дебюты—напоминаютъ итальянскихъ классиковъ, его концы—поясняютъ знаменитое изрѣченіе Филидора «пѣшка—душа шахматной игры».

Иной характеръ представляетъ игра Шумова. Вполнѣ, и не даромъ, полагаясь на тонкость своего соображенія и врожденный талантъ къ игрѣ, онъ мало изучалъ ея теорію; пробѣжалъ когда то знаменитый «Analyse» Яниша, да тѣмъ, кажется, и ограничился. Поэтому понятно, что въ дебютахъ и окончаніяхъ, въ которыхъ самый тонкій умъ нуждается въ помощи науки, Шумовъ не можетъ равняться съ могучимъ своимъ соперникомъ; но за то въ томъ періодѣ партіи, который называется *серединой*, онъ не только не уступаетъ Князю Урусову, но, можетъ быть, даже превосходить его. Чѣмъ труднѣе положеніе, чѣмъ сложнѣе комбинаціи, тѣмъ лучше играетъ Шумовъ. Почти всякій игрокъ, сдѣлавъ однажды ошибку, непремѣнно, тутъ же, впадаетъ въ другую, третью и вообще начинаетъ играть хуже обыкновеннаго; напротивъ того Шумовъ, никогда не обнаруживаетъ своего таланта, съ большимъ блескомъ какъ послѣ сдѣланной въ дебютѣ ошибки; опасность не деморализируетъ, но вдохновляетъ его. Искусство обороны доведено Шумовымъ до высокой степени совершенства; отражая удары противника онъ разставляетъ ему между тѣмъ самые хитрыя ловушки и никогда не упустилъ возможности перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное.

Справедливы или ошибочны сужденія наши отъ игрѣ Гг. Шумова и Урусова читатели могутъ видѣть изъ ихъ партій, которыя мы часто будемъ помѣщать въ Листкѣ. Вотъ первая партія игранная ими послѣ двухъ—лѣтней разлуки, въ тотъ самый вечеръ, о которомъ мы говорили выше.

№ 11.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

Кн. С. С. Урусовъ.	И. С. Шумовъ.	4) f3—d4°	e5—d4°
(Бѣлые.)	(Черные)	5) d1—d4°	d7—d6
1) e2—e4	e7—e5	6) f1—c4	g8—f6
2) g1—f3	b8—c6	7) c1—g5	f8—e7
3) d2—d4	c6—d4°(1)	8) b1—c3	c7—c6

4*

9) 0—0	0—0	29) g2—g4	g7—g6
10) a1—d1(2)	c8—e6	30) h3—h4	a7—a8
11) c4—d3	c6—c5	31) h4—h5	a8—d8
12) d4—a4	a7—a6	32) g4—g5+	f6—f7
13) e4—e5	f6—g4	33) h5—g6°+	h7—g6°
14) g5—e7°	d8—e7°	34) e1—d1	f7—e6
15) e5—d6°	e7—d7	35) g1—g2	d7—d6°
16) h2—h3	g4—f6	36) d5—d6°+	d8—d6°
17) a4—d7°	e6—d7°	37) d1—d6°+	e6—d6°
18) c3—e4	f6—e4°	38) g2—f3	d6—e7
19) d3—e4°	a8—a7	39) f3—e4	e7—e6
20) c2—c4	d7—e6	40) a2—a4	a6—a5
21) b2—b3	f8—d8	41) f4—f5+(4)	g6—f5°+
22) f2—f4	f7—f5	42) e4—f4	e6—f7
23) e4—f3	d8—d7	43) f4—f5°	f7—g7
24) f1—e1	g8—f7	44) g5—g6	g7—h8(5)
25) f3—d5	e6—d5°(3)	45) f5—f6	h8—g8
26) d1—d5°	b7—b6	46) g6—g7	g8—h8
27) d5—f5°+	f7—g6	47) f6—f7	и черные сдаются.
28) f5—d5	g6—f6		

Примѣчанія къ партии No 11.

(1) Обыкновенно въ этомъ случаѣ пѣшка берется пѣшкой, а не конемъ.

(2) Бѣлые угрожаютъ сдвоить пѣшки, посредствомъ g5f6°.

(3) Если бы 25) $\frac{d7-d6}{d7-d6}$ то 26) $\frac{e1-e6}{d6-e6}$ 27) $\frac{d1-e1}{d6-e6}$ и чернымъ плохо.

(4) Превосходный ходъ, единственный дающій бѣлымъ несомнѣнный выигрышъ.

5) Предполагая 44) $\frac{g7-g8}{g7-g8}$ получимъ 45) $\frac{f5-f6}{g8-f8}$ 46) $\frac{g6-g7+}{f8-g8}$
 47) $\frac{f6-g6}{f6-g6}$ черный долженъ ходить пѣшкой и проиграть.

Вторая игранная въ тотъ же вечеръ партія было еще интереснѣе; Шумовъ, великолѣпнымъ пожертвованіемъ ладьи за слона, приобрѣлъ сильную атаку и привелъ своего противника въ крайне опасное положеніе, но Князь Урусовъ мастерскими маврами отклонилъ грозившую бѣду и привелъ игру къ розыгрышу. Три раза игра Князя было въ такомъ положеніи, что всякій ходъ,—кромѣ именно того, который онъ сдѣлалъ,—имѣлъ послѣдствіемъ проигрышъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ еще у себя

этой партіи, а потому и не можемъ напечатать ее въ настоящемъ номерѣ.

Съ легкой руки этого вечера, мы, до самаго отъѣзда Князя Урусова, почти каждый день имѣли случай любоваться его игрою съ Шумовымъ. Всего сыграно ими тринадцать партій; семь—выигралъ Урусовъ, три—Шумовъ и три были ничьи. Всѣ, безъ исключенія, играны были шотландскимъ гамбитомъ, что и объясняетъ, отчасти, огромный перевѣсъ Князя; мы вовсе не хотимъ сказать этия, что при другихъ дебютахъ онъ остался бы въ проигрышѣ, но думаемъ только, что, можетъ быть, Шумовъ поступилъ бы осторожнѣе прибѣгая къ дебютамъ, поражающимъ партіи стѣсненныя, которыя, къ нашему мнѣнію, болѣе сродны характеру его игры. Впрочемъ, мы не слишкомъ сожалѣемъ о этомъ легкомъ поражениі остроумнаго нашего шахматиста, авось, оно приведетъ его къ убѣжденію что и геніальный игрокъ не долженъ пренебрегать наукою; дай Богъ, чтобъ Шахматный листокъ содѣйствовалъ этому убѣжденію. «Ну ужъ это слишкомъ, «вправѣ замѣтитъ читатель, ужъ не думаете ли вы Г. Михайловъ, *учить* Шумова, который смѣло можетъ дать вамъ пѣшку «и ходъ». «Но, замѣчу я, позвольте мнѣ сперва объясняться: я «вовсе не имѣю смѣшной претензіи наставлять кого бы то нибы «бо *момми* разказами и разсужденіями, но въ тоже время знаю, «что въ Листкѣ будутъ появляться иногда статьи такихъ писателей, у которыхъ и первокласснымъ игрокамъ не грѣхъ поучиться». Такъ, начиная съ нынѣшняго мѣсяца, въ Листкѣ будетъ печататься составленное Княземъ С. Урусовымъ *Руководство къ изученію шахматной игры*. сочиненіе вполне самостоятельное, заключающее множество новыхъ открытій по части дебютовъ и концовъ игоръ. Со временемъ мы выскажемъ подробно наше мнѣніе о прекрасномъ трудѣ Кн. Урусова, а теперь посмотримъ что дѣлается въ западной Европѣ.

Узнавъ о побѣдѣ Морфи надъ Гаррвитцомъ, берлинскій клубъ отправилъ въ Парижъ Андерсена, въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, спасетъ славу германскихъ шахматистовъ. Впрочемъ нѣмцы чувствовали, что опасность велика и Schachzeitung предупредила своихъ читателей, что каковъ бы ни былъ результатъ состязанія Морфи съ Андерсеномъ изъ него не должно выводить никакихъ заключеній; иными словами: если Андерсенъ проиграетъ даже всѣ партіи, то всетаки не думайте, пожалуйста, что онъ играетъ хуже Морфи. Это очень наивно. Когда Андерсенъ пріѣхалъ въ Парижъ, Морфи былъ тяжело боленъ холерическими припадками и не

могъ явиться въ café de la Régence; но не таковъ онъ человекъ, чтобъ заставлятъ долго ждать противника; а потому какъ только ему стало немного легче, попросилъ Андерсена къ себѣ и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Условія матча—тѣже что и съ Гаррвитцомъ т. е. семь выигранныхъ партій рѣшаютъ побѣду. Первую игру начиналъ Морфи; далъ гамбитъ Эванса и на семьдесятъ второмъ принужденъ былъ сдаться; партія длилось отъ двенадцати съ половиною часовъ утра до восьми вечера. Надо замѣтить, что Андерсенъ знаменитъ, между прочимъ, анализомъ Эвансова гамбита, а потому сыграть противъ него именно этотъ дебютъ—чрезвычайно мило; не даромъ англійскіе журналы горять, что въ характерѣ Морфи есть что то рыцарски—благородное. Всего въ матчѣ было, не считая ничьихъ, девять партій: Андерсенъ выигралъ двѣ, Морфи—семь!—

№ 12.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

Морфи.	Андерсенъ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
		22) d5—f3	f4—h3+
		23) g1—h1	h3—g5
1) e2—e4	e7—e5	24) f3—g2	a8—d8
2) g1—f3	h8—c6	25) f1—g1	h7—h6
3) f1—c4	f8—c5	26) a1—f1	h4—h3
4) b2—b4(1)	c5—b4°	27) g2—c6	h3—d7
5) c2—c3	b4—a5	28) c6—g2	b6—d4°
6) d2—d4	e5—d4°	29) c3—d4°	d7—d4°
7) 0—0	g8—f6	30) d2—f3	d4—d5
8) e4—e5	d7—d5	31) h2—h4	g5—e6
9) c4—b5	f6—e4	32) g2—g4	d5—c6
10) c3—d4°	0—0	33) g1—g2	d8—d3
11) b5—c6°	b7—c6°	34) g4—f5	e8—d8
12) d1—a4	a5—b6	35) f5—f6	c6—d5
13) a4—c6°	c8—g4	36) f6—f5	d3—d1
14) c1—b2	g4—f3°	37) f1—d1°	d5—d1°+
15) g2—f3°	e4—g5	38) h1—h2	d8—d3
16) b1—d2	f8—e8	39) g2—f2	d3—e3
17) g1—h1	g5—h3	40) f3—d2	e3—e2
18) f3—f4	d8—h4	41) f4—f7°+	g8—h8
19) c6—d5°	h3—f2°+	42) d2—e4	e2—f2°+
20) h1—g1	f2—d3	43) e4—f2°	d1—d5
21) b2—c3	d3—f4°	44) f2—g4	d5—a2°+

45) h2—g3	a2—b3+	59) g6—g5°	h8—d4+
46) g3—h2	b3—b2+	60) g1—f1	a5—a4
47) h2—g3	b2—c3+	61) g5—f5+	d7—c6
48) g3—h2	c3—c6	62) f5—c8	c6—b5
49) h4—h5	a7—a5	63) f1—e1(3)	c7—c5
50) g4—f6(2)	h7—f6°	64) c8—b7+	b5—c4
51) f7—f6°+	h8—g8	65) b7—f7+	c4—c3
52) f6—g6+	g8—f8	66) f7—f3+	d4—d3
53) g6—h6°+	f8—e8	67) f3—f6+	c3—b3
54) h6—g6+	e8—d7	68) f6—b6+	b3—c2
55) h5—h6	c6—d5	69) b6—b7	d3—c3+
56) h6—h7	d5—e5°+	70) e1—e2	a4—a3
57) h2—g1	e6—f5	и, послѣ еще двухъ ходовъ, —	
58) h7—h8	e5—h8°	бѣлые сдаются.	

(дѣлаетъ ферзь)

Примѣчаніе къ партіи No 12.

(1) Этотъ ходъ составляетъ то что называется гамбитомъ Эванса.

(2) Это пожертвованіе рассчитано совершенно вѣрно, конь непременно будетъ возвращенъ чрезъ нѣсколько ходовъ. новсетаки партія бѣлыхъ не можетъ уже быть спасена.

(3) Бѣлые могли бы взять пѣшку, но тогда Андерсенъ вынудилъ бы мѣну ферзей посредствомъ 64) $\frac{\text{d4—c4+}}{\text{d4—c4+}}$ и, оставшись съ лишнею пѣшкою необходимо бы выигралъ;

№ 13.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

Морфи.	Андерсенъ.	11) g5—f6°	d8—f6°
(Бѣлые.)	(Черные.)	12) c2—c3	d7—d5
1) e2—e4	e7—e5	13) c3—d4°	c8—e6
2) g1—f3	b8—c6	14) b1—c3	a7—a6
3) f1—b5	g8—f6	15) e1—e5	a8—d8
4) d2—d4	c6—d4°	16) d1—b3	f6—e7
5) f3—d4°	e5—d4°	17) a1—e1	g7—g5
6) e4—e5	c7—c6	18) b3—d1	e7—f6
7) 0—0	c6—b5°	19) e1—e3(2)	h8—g8
8) c1—g5	f8—e7(1)	20) e5—e6°	f7—e6°
9) e5—f6°	e7—f6°	21) e3—f3	и черные сдаются.
10) f1—e1+	e8—f8		

Примѣчанія къ партии №. 13.

(1) Стаунтонъ замѣтилъ, что лучше бы 8) $\frac{d8-b6}{d7-h6}$; мы прибавимъ къ этому, что 8) $\frac{d8-b6}{h7-h6}$ было бы дурно, хотя этотъ ходъ представляется съ перваго взгляда, довольно хорошимъ.

(2) Непостижимо какъ Андерсенъ незамѣтилъ, что этимъ ходомъ готовится гибель его слону.

№ 14.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

АНДЕРСЕНЪ.	МОРФИ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)	26) g1—h1	d4—b2°
1) e2—e4	e7—e5	27) a1—b1	d8—d1°+
2) g1—f3	b8—c6	28) b1—d1°	f6—f2°
3) f1—b5	a7—a6	29) h7—h8+	f8—e7
4) b5—a4	g8—f6	30) h8—h7	b2—e5
5) d2—d3	f8—c5	31) e4—f3	f2—g3
6) c2—c3	b7—b5	32) h1—g1	g3—g6
7) a4—c2	d7—d5	33) b7—g6°	f7—g6°
8) e4—d5°	f6—d5°	34) f3—b7	e8—b8
9) h2—h3	0—0	35) b7—a6°	c7—c6
10) 0—0	h7—h6	36) g1—f2	e5—d6
11) d3—d4	e5—d4°	37) d1—d3	e7—d7
12) c3—d4°	c5—b6	38) f2—e2	b8—a8
13) b1—c3	d5—b4	39) a6—b7	a8—a3°
14) c2—b1	c8—e6	40) b7—c8+	d7—c7
15) a2—a3	b4—d5	41) d3—d1	a3—a2+
16) c1—e3	d5—f6	42) e2—f3	d6—c5
17) d1—d2	f8—e8	43) c8—e6	a2—f2+
18) f1—d1	e6—d5	44) f3—g3	f2—f6
19) f3—e5	d8—d6	45) d1—d7+	c7—b6
20) d2—c2	c6—d4°(1)	46) e6—g4	c5—d6+
21) e3—d4°	b6—d4°	47) g3—h4	c6—c5
22) c3—d5°	d6—e5°	48) g4—f3	c5—c4
23) d5—f6°+	e5—f6°	49) d7—g7°	f6—f4+
24) c2—h7+	g8—f8	50) f3—g4	c4—c3
25) b1—e4	a8—d8	51) g2—g3	f4—g4°+

Андерсенъ сдается.

Примѣчаніе къ партии №. 14.

(1) Очень хорошій ходъ.

№ 15.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЬ.

Морфи.	АНДЕРСЕНЪ.	27) g2—f1	f7—f5
(Бѣлые.)	(Черные.)	28) c2—f2	d7—e5
1) e2—e4	d7—d5	29) d4—e5°	d6—d3°+
2) e4—d5°	g8—f6	30) f2—e2	d3—e4
3) d2—d4	f6—d5°	31) e3—f2	e4—c6
4) c2—c4	d5—f6	32) e1—d1	d8—d1°+
5) b1—c3	c8—f5	33) c2—d1°	c6—c4°+
6) g1—f3	e7—e6	34) d1—d3	c4—a2°
7) c1—e3	f8—b4	35) f3—g3	a2—c4
8) d1—b3	b4—c3°+	36) d3—c4°	g4—c4°
9) b2—c3°	f5—e4	37) g3—g6	c4—c6°
10) f3—d2	e4—c6	38) c3—c4	a7—a5
11) f1—d3	b8—d7	39) f1—e2	c6—c4°
12) b3—c2	h7—h6	40) g6—e6°	c4—c2+
13) 0—0	0—0	41) e2—f3	a5—a4
14) a1—e1	b7—b6	42) e6—g6	c2—c4
15) h2—h3	d8—c8	43) g6—g1	a4—a3
16) g1—h2	g8—h8	44) e5—e6	a3—a2
17) f1—g1	f8—g8	45) g1—a1	c4—e4
18) g2—g4	g7—g5	46) a1—a2°	e4—e6°
19) f2—f4	c8—f8	47) f3—f4	e6—d6
20) g1—g3	a8—d8	48) f4—f5°	d6—d5+
21) d2—f3	c6—f3°	49) f5—g4	b6—b5
22) g3—f3°	f8—d6	50) a2—a8+	h8—h7
23) h2—g2	f6—h5	51) a8—a7	d5—d7
24) f4—g5°	h6—g5°	52) f2—g3	d7—g7+
25) g4—h5°	g5—g4	53) g4—h4	g7—f7
26) h3—g4°	g8—g4°+	54) a7—c7°	АНДЕРСЕНЪ СЛѢДСТ.

№ 16.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЬ.

АНДЕРСЕНЪ.	Морфи.	5) e2—e3	c8—e6
(Бѣлые.)	(Черные.)	6) g1—f3	f8—d6
1) a2—a3(1)	e7—e5	7) f1—e2	0—0
2) c2—c4	g8—f6	8) d2—d4	d5—c3°
3) b1—c3	d7—d5	9) b2—c3°	e5—e4
4) c4—d5°	f6—d5°	10) f3—d2	f7—f5

Отд. IV.

5

11) f2—f4	g7—g5	28) b2—f6°+	e7—f6°
12) e2—c4	e6—c4°	29) e2—b2+	f6—f7
13) d2—c4°	g5—f4°	30) b3—h3	g8—g7
14) e3—f4°	d8—e8	31) b2—d4	f7—g8
15) 0—0	e8—c6	32) h3—h6	d6—f8
16) d1—b3	c6—d5(2)	33) d5—d6	g7—f7
17) a1—b1	b7—b6	34) h6—h3	d7—a4
18) b3—a2(3)	c7—c6	35) f1—c1	c8—c5
19) a2—c2	b8—d7	36) h3—g3+	f8—g7
20) c4—c3	d5—e6	37) h2—h3	g8—h8
21) c3—c4	d7—f6	38) g3—g7°(4)	f7—g7°
22) b1—b3	g8—f7	39) c1—c3	e4—e3
23) c1—b2	a8—c8	40) c3—e3°(5)	c5—c4°
24) g1—h1	f8—g8	41) d4—f6	c4—c1+
25) d4—d5	c6—d5°	42) h1—h2	a4—f4°+
26) c4—d5°	e6—d7		
27) e3—c4	f7—e7		

АНДЕРСЕНЪ СДАЕТСЯ.

Примѣчанія къ партии No. 16.

(1) Это что такое? Я думаю въ лѣтописяхъ игры нѣтъ такого дебюта. Видно Андерсенъ совершенно деморализированъ и бросается въ область неизвѣстнаго; но и это не поможетъ.

(2) Съ этаго момента игра пріобрѣтаетъ интересъ.

(3) Это ловушка; если черные польстятся на коня и надвинутъ пѣшку, то Андерсенъ прямо возьметъ ее ладьей.

(4) Это пожертвованіе вынужденное; иначе бѣлые потеряютъ коня.

(5) Грубая ошибка.

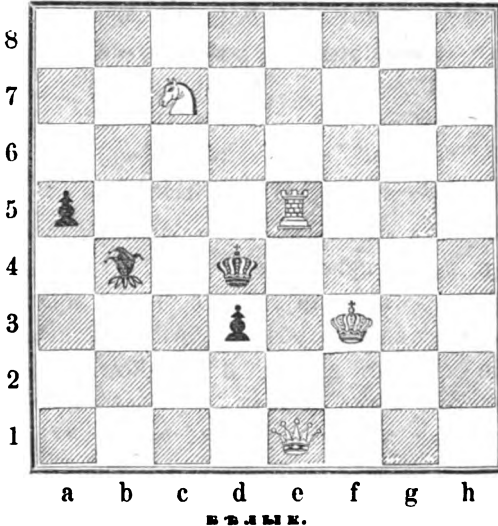
Послѣ матча Морфи,—какъ пишутъ намъ изъ Лондона,—онъ сыгралъ еще двѣ партии съ Андерсеномъ и выигралъ обѣ, а затѣмъ послалъ вызовъ Стаунтону и Гаррвитцу, предлагая имъ пѣшку и ходъ впередъ; отвѣтъ Стаунтона намъ еще неизвѣстенъ, но Гаррвитцъ, положительно отказался. Ну, послѣ этого мы совершенно согласны съ Schachzeitung, какія тутъ еще заключенія? Дѣло само за себя говоритъ.

Задачи.

№ 3.

Е. ШМИТТА (въ Санктпетербургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

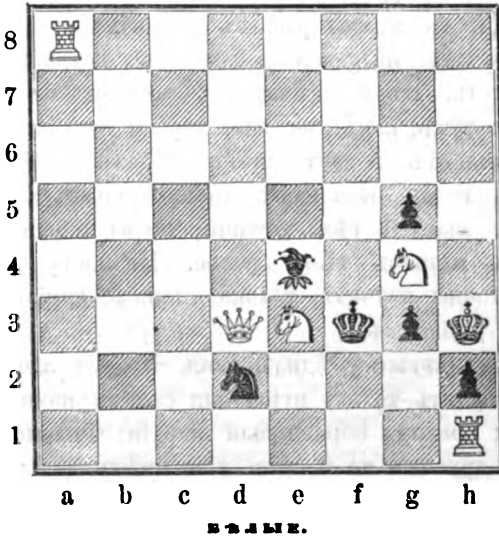

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 4.

РЕССЛЕРА (въ Санктпетербургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ дать матъ въ 5 ходовъ.

5*

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 1-я)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я задумалъ было составить подробный учебникъ шахматной игры; но трудъ этотъ пришлось мнѣ не по характеру, перебирать то, что уже сдѣлано другими, собирать правила, наставленія, историческія свѣдѣнія объ изобрѣтеніи игры, и т. п., — имѣть терпѣніе собрать все это и обработать только для того, чтобы руководство было полнѣе, — показалось мнѣ трудомъ скучнымъ и, главное, неблагодарнымъ.

Къ тому же я задалъ себѣ вопросъ: какой кратчайшій способъ изученія игры? или: какія теоретическія свѣдѣнія необходимы, чтобы съ пользой приступить къ практикѣ?

Во-первыхъ, опытъ убѣдилъ меня, что заучиванье дебютовъ, обременяя память, дѣлаетъ самый острый умъ тупымъ и неспособнымъ къ вѣрнымъ соображеніямъ въ живой игрѣ. Здѣсь, какъ и въ военномъ дѣлѣ, излишнія теоретическія занятія вредно дѣйствуютъ на характеръ; въ рѣшительную минуту, когда нужно дѣйствовать, является рой мыслей, которыя поражаютъ нерѣшительность. Въ головѣ происходитъ что-то въ родѣ военнаго совѣта и тутъ, какъ на зло, дурной совѣтъ выскакиваетъ впередъ, убѣждаетъ и заставляетъ сдѣлать ошибку. Для игры по перепискѣ, когда возможейнѣ точный анализъ, — дѣло иное; чѣмъ больше мыслей, тѣмъ лучше; но въ обыкновенной игрѣ чѣмъ меньше плановъ тѣмъ лучше. По моему мнѣнію совершенно достаточно изучить только главные варианты употребительнѣйшихъ дебютовъ.

Далѣе: опытъ также убѣдилъ меня, что изъ записанныхъ партій полезно изучать только игранныя самими нами и нашими современниками; прежнія образцовыя партіи: Филидора, Дешапеля, Лабурдоне, и другихъ не могутъ уже имѣть для насъ большаго значенія по причинѣ новѣйшихъ открытій, значительно измѣнившихъ теорію дебютовъ; эти партіи служатъ, по моему мнѣнію, только бесполезнымъ украшеніемъ руководствъ.

Но что несомнѣнно, это совершенная невозможность сдѣлаться хорошимъ игрокомъ безъ познанія концовъ игорь. Кто не твердъ въ дебютахъ, тотъ еще можетъ надѣяться посредствомъ мѣны, упрощающей игру, миновать слишкомъ сложныя маневры и довести игру до конца; но конца избѣжать труднѣе. Этотъ послѣдній періодъ игры необходимо изучать уже потому, что только онъ и можетъ быть доступенъ точному анализу. Теорія дебютовъ измѣнялась и будетъ измѣняться, но концы игорь все болѣе и болѣе подводятся подъ точныя, иногда математическія выкладки, изъ коихъ можно выводить неизблемыя правила. Словомъ, по моему мнѣнію, концы игорь составляютъ предметъ шахматной науки, а изученіе ихъ составляетъ кратчайшій путь къ разумнѣйшему искусству владѣть шашками.

Но подъ концами игорь я разумѣю не красивыя задачи, гдѣ дѣло идетъ о производствѣ мата во столько-то ходовъ, (какъ наприм. собраніе задачъ Александра); — я разумѣю систематическое изслѣдованіе сравнительной силы шашекъ и послѣдствій могущихъ произойти отъ столкновенія извѣстнаго числа ихъ. Выраженіе *концы игорь* надо отбросить, замѣнивъ его словомъ *Теорія шахматной игры*. Чтобы научиться владѣть 16-ю шашками, должно сперва выучиться владѣть тремя, четырьмя, а потомъ пятью и т. д. въ восходящемъ порядкѣ. Анализъ можетъ быть тогда только вѣренъ если основывается на вѣрныхъ выводахъ, а опытъ доказываетъ, что вычисленія только и могутъ быть произведены надъ малымъ числомъ шашекъ.

Все сказанное ясно опредѣляетъ программу, по которой составлено это руководство. Въ первомъ отдѣлѣ я добиваюсь правилъ: вычисляю, рассуждаю и иду отъ неизвѣстныхъ къ извѣстнымъ. Во второмъ примѣняю теорію къ практикѣ, то есть иду отъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ. Неизвѣстнымъ, неуловимымъ, недоступнымъ для точнаго анализа останется на-всегда середина игры.

Я мало заимствовала изъ другихъ шахматныхъ книгъ. Обо всемъ говорится у меня сжато, и потому моя программа покажется можетъ быть многимъ неудовлетворительною; но я и не выдаю это руководство за полное; моя книга только опытъ новаго способа преподаванія теоріи шахматной игры, который состоитъ въ томъ, чтобы, не обременяя памяти, дѣйствовать наиболѣе на мыслящую способность ученика.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ТЕОРІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О СИЛѢ ШАШЕКЪ.

§ 1. Если изслѣдованіе и указаніе средствъ къ достиженію цѣли игры составляетъ предметъ теоріи шахматной игры, а средства эти заключаются въ ходахъ, которые заучить не трудно, то, спрашивается, что еще надо узнать чтобы уразумѣть игру?

Во первыхъ, если у васъ и одна шашка, но такая, которая можетъ ступать по различнымъ кѣткамъ, то вы себя спросите: въ которую сторону и на какую именно кѣтку надо ея ступить?

Во вторыхъ, если у васъ нѣсколько шашекъ, къ предъидущему вопросу присоединится еще и слѣдующій: — какую шашкою должно ступить прежде и какую послѣ?

На оба эти вопроса должно дать слѣдующій отвѣтъ:

Тотъ ходъ лучшій, который скорѣе ведетъ къ цѣли. Значитъ: если должно обороняться, то лучшимъ ходомъ будетъ тотъ, который скорѣе другихъ отклонитъ угрожающій матъ; если же надо атаковать, то этимъ ходомъ будетъ тотъ, который скорѣе другихъ приведетъ въ выигрышу; я говорю скорѣе: потому что если вы опоздаете то получите матъ.

Теперь и видно чему надо учиться.

Надо умѣть узнавать сравнительную силу шашекъ и ходовъ въ каждой моментъ игры, — и не только силу своихъ, но и чужихъ шашекъ и ходовъ; это для того, чтобы узнавать кто сильнѣе.

§ 2. О силѣ шашки судятъ по числу защищаемыхъ кѣтокъ и по способности ея давать и отклонять матъ. Чтобы подвести все это подъ цифры и тѣмъ дать ученику возможность составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о сравнительной силѣ шашекъ, предполагаютъ доску совершенно или почти совершенно свободною, и обращаютъ исключительное вниманіе ученика на одну какую-либо шашку, потомъ постепенно увеличивая число шашекъ, изучаютъ силу двухъ, трехъ и болѣе шашекъ. При этомъ способѣ изученія почти всегда бываетъ односторонность: болѣе

обращается вниманіа на изученіе силы одной шашки чѣмъ другой, или болѣе обращается вниманія на атаку чѣмъ на оборону; но это не избѣжно и при иномъ способѣ изученія.

§ 3. Всего легче подводится подѣ цифры сила фигуръ по числу ходовъ и числу кѣтокъ, которыя каждая изъ нихъ защищаетъ въ данный моментъ игры. Для этого каждую шашку попеременно становятъ на кѣтки a1, a2, a3, b4, b3, b2, b1, c1, c2, c3, c4, d4, d3, d2, d1, или на нныя подобныя симъ 16-ти кѣткамъ, и, замѣтивъ число кѣтокъ, на которыя бьетъ шашка съ каждаго изъ перечисленныхъ выше мѣстъ, берутъ среднюю ариѳметическую пропорціональную; полученная величина и выразитъ искомую среднюю силу удара шашки. Для вычисленія же оборонительной силы шашки принимаютъ въ расчетъ и ту кѣтку, на которой она стоитъ.

Для большой ясности приводимъ вычисленіе силы ферзя, слона, коня и короля (ладья со всякаго мѣста бьетъ на 14 кѣтокъ).

- 1, Ферзь: на a1, a2, a3, a4, b1, c1, и d1 бьетъ на 21 кѣтку;
 на b2, b3, b4, c2 и d2 — на 23 кѣтку;
 на c3, c4 и d3 — на 25,
 и на d4 — на 27 кѣтокъ.

Изъ этого получаемъ:

$$7 \cdot 21 + 5 \cdot 23 + 3 \cdot 25 + 27 = 364.$$

Раздѣливъ эту сумму на 16, будетъ:

Средняя сила Ферзя = $22\frac{1}{2}$

- 2) Слонъ: на a1, a2, a3, a4, b1, d1 и c1 = 7,
 на b2, b3, b4, c2, и d2 = 9,
 на c3, c4 и d3 = 11.
 и на d4 — = 13;

$$7 \cdot 7 + 9 \cdot 5 + 11 \cdot 3 + 13 = 140.$$

Средняя = $8\frac{7}{16} = 8\frac{1}{2}$

- 3) Конь: на a1 = 2,
 на a2, b1 = 3,
 на a3, a4, b2, c1 и d1 = 4
 на c2, d2, b3 и b4 = 6
 на c3, d3, c4 и d4 = 8

$$2 + 6 + 20 + 24 + 32 = 84$$

Средняя: $5\frac{1}{4} = 5\frac{1}{4}$

4) Король: на $a1 = 3$
 на $a2, a3, a4, b1, c1$ и $d1 = 5$
 на прочихъ девяти клѣтк. $= 8$
 $3 + 30 + 72 = 105$

Средняя $= \frac{10}{2} = 6\frac{1}{2}$.

Нападательная сила Ферзя $= 22\frac{1}{2}$, оборонительная $= 23\frac{1}{2}$

Ладьи $= 14$ « « « $= 15$

Слона $= 8\frac{1}{2}$ « « « $= 9\frac{1}{2}$

Коня $= 5\frac{1}{2}$ « « « $= 6\frac{1}{2}$

Король $= 6\frac{1}{2}$ « « « $= 7\frac{1}{2}$

§ 4. Этимъ способомъ нельзя только вычислять силы пѣшки; ибо она ходитъ иначе чѣмъ беретъ. Если же вычислять ея силу только по числу ходовъ, то выйдетъ, что пѣшка на 7й линіи, то есть на шагъ отъ величины 21, слабѣе пѣшки на 2й линіи; что очевидно было бы ложно. По этому, для вычисленія силы пѣшки, необходимо употребить такой приемъ, который позволилъ бы разомъ обнять какъ нападетельную и оборонительную силу, такъ и ту силу хода, которая приближаетъ пѣшку въ величинѣ 21.

Способъ удовлетворяющій этому условію состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать пѣшку какъ силу, которая, черезъ одинъ или нѣсколько ходовъ, сдѣлается равною силѣ ферзя на крайнен линіи доски, то есть 21. Иначе сказать: я принимаю каждую пѣшку на свободной доскѣ за ферзь минусъ извѣстное число ходовъ *). Стало быть:

Пѣшка $a7^*)$ плюсъ одинъ ходъ $= 21$,

$a6 +$ два хода $= 21$,

и т. д.

Выразивъ искомую силу хода чрезъ x , а искомыя силы пѣшекъ, наприм. на линіи a , чрезъ y, y', y'' , и т. д., получимъ уравненія:

*) Понятно что тутъ говорится о бѣлыхъ пѣшкахъ; приложая тоже разсужденіе къ чернымъ мы получили бы пѣшка $a2 +$ одинъ ходъ $= 21$, $a3 +$ два хода $= 21$ и т. д., ибо для черныхъ пѣшекъ линія 2 имѣетъ тоже значеніе что для бѣлыхъ линія 7. Все это совершенно ясно изъ помѣщеннаго въ первомъ номерѣ листа объясненія алгебраической нотаціи.

- А) 1) $y + x = 21$
 2) $y' + 2x = 21$
 3) $y'' + 3x = 21$
 4) $y''' + 4x = 21$
 5) $y'''' + 5x = 21$
 и 6) $y'''' + 5x = 21$

Изъ двухъ послѣднихъ уравненій видимъ, что $y'''' = y''''$.

Изъ пятого уравненія слѣдуетъ $x = \frac{21 - y''''}{5}$

По смыслу игры это уравненіе принимаетъ только четыре рѣшенія: y'''' можетъ быть равенъ или 1, или 6, или 11, или 16. Въ первомъ случаѣ $x = 4$, во второмъ $x = 3$, въ третьемъ $x = 2$. и наконецъ въ послѣднемъ $x = 1$.

Но, какъ извѣстно, сила пѣшки на линіи дамки*), то есть 21, плюсъ x , то есть сила хода, можетъ быть равна или 2 (и тогда пѣшка а8 будетъ = 23), или 4 (и тогда а8 = 25), или 6 (и тогда а8 = 27), то слѣдовательно средняя сила хода = 4. Вставивъ эту величину вмѣсто x , получимъ новыя уравненіе В.

- В) $y + 4 = 21$
 $y' + 8 = 21$
 $y'' + 12 = 21$
 $y''' + 16 = 21$
 $y'''' + 20 = 21$
 и $y'''' + 20 = 21$

откуда: $y = 17$, $y' = 13$, $y'' = 9$, $y''' = 5$, $y'''' = 1$ и $y'''' = 1$.

Если предположить, что x можетъ быть ровенъ не 4, но на примѣръ 1, то выйдетъ безсмыслица въ томъ, что y'''' сильнѣе ладьи. Если $x = 2$, то выйдетъ что y'''' сильнѣе слона. Если $x = 3$, то y'''' сильнѣе коня. Всѣ эти и другія подобныя безсмыслицы устраняются при $x = 4$.

§ 5. Очевидно, какія бы числа ни вставили мы въ уравненія А вмѣсто y , y' и т. д., x неизмѣнится, а измѣнится только количество 21; и на оборотъ; съ измѣненіемъ сего послѣдняго количества измѣняется только y , y' , и т. д.

Далѣе: законъ измѣненія силы ферзя на свободной доскѣ извѣстенъ; она можетъ быть равна одному изъ четырехъ количествъ: 21, 23, 25 или 27.

Слѣдовательно, если сила пѣшки измѣняется отъ перестановки на линіи b, c, d, то она измѣняется не иначе какъ соотвѣтственно измѣненію силы ферзя.

*) Выраженія «линія дамки» заимствовано изъ игры въ простыя шашки и означаетъ ту линію, на которой пѣшка дѣлается ферземъ или инымъ офицеромъ. *Прим. Ред.*

Сила пѣшки на 8-ой линіи не измѣняется ни на b8, ни на c8, и т. д., слѣдовательно для пѣшекъ на этой линіи получимъ:

$$b8 + 4 = 25, c8 + 4 = 25, \text{ и т. д.}$$

Но сила пѣшки на 7-ой линіи можетъ и даже должна измѣниться отъ передвиженія съ a7 на b7; ибо, во-первыхъ, на b7 пѣшка бьетъ на двѣ кѣтки, а на a7 только на одну, а во-вторыхъ и потому, что, какъ мы знаемъ, сила ферзя на b7 = 23, между тѣмъ какъ на a7 = только 21; поэтому для пѣшки b7 получимъ уравненіе: $17 + z + 4 = 21 + z$. Но какъ во второй части уравненія z выражаетъ разность между цифрами 21, 23, 25, 27, то есть 2, то слѣдовательно для пѣшки b7 получимъ $17 + 2 + 4 = 23$.

Вставивъ величину 2 въ другія уравненія, получимъ:

Пѣшка на b7 = 19, на b6 = 15, на b5 = 13, на b4 = 7, на b3 = 3 и на b2 = 3.

Изъ предъидущаго видно, что когда ферзь = 23, то пѣшка = 19; а когда ферзь 25, то пѣшка 21; слѣдовательно въ тѣхъ случаяхъ, когда ферзь = 27 соотвѣтственно съ симъ измѣняется и сила пѣшки. А какъ ферзь = 27 только на кѣткахъ d4, d5, e4 и e5, то въ уравненіяхъ B третье и четвертое измѣнятся въ слѣдующія:

$$d5 \text{ или } e5 + 12 = 27$$

$$\text{и } e4 \text{ « } d4 + 16 = 27$$

$$\text{откуда } d5 = 15, d4 = 11$$

$$e5 = 15, e4 = 11$$

Для каждой же пѣшки получимъ:

a2=1, a3=1, a4= 5, a5= 9, a6=13, a7=17, и тоже для линіи h.
 b2=3, b3=3, b4= 7, b5=13, b6=15, b7=19, « « g.
 c2=3, c3=5, c4= 9, c5=13, c6=17, c7=19, « « f.
 d2=3, d3=5, d4=11, d5=15, d6=17, d7=19, « « e.

§ 6. Изъ предъидущихъ вычисленій явствуютъ слѣдующіе выводы:

1, Сила всѣхъ фигуръ, за исключеніемъ ладьи, измѣняется смотря по занимаемой имъ кѣткѣ, и именно увеличивается, съ приближеніемъ ихъ къ центральнымъ кѣткамъ.

2, Для пѣшки сравнительно выгоднѣйшія кѣтки суть центральныя; и, слѣдовательно для пѣшекъ a2, b2 и c2 выгодно брать вправо, а для пѣшекъ h2, g2 и f2 выгодно брать влево.

3. Такъ какъ сила двухъ центральныхъ пѣшекъ d5 и e5=30 а сила пѣшекъ c5 + f5 = 26, то соединенныя пѣшки сильнѣе отдѣльныхъ.

4. Сила всякой пѣшки увеличивается съ приближеніемъ къ линіи дамки, но сравнительная сила центральныхъ пѣшекъ за

5-й линіей уменьшается, такъ что сила пѣшки d6 равна силѣ ея на с6. Значитъ преимущество центральной пѣшки надъ другою сохраняется только на клеткахъ d4, e4, d5 и e5.

5. Сравнивая ереднюю силу пашекъ на свободной доскѣ, видимъ, что сильнѣйшая изъ нихъ есть ферзь, потомъ ладья, пѣшка, слонъ, король и конь.

§ 7. Въ игрѣ не можетъ быть менѣе трехъ пашекъ: когда остаются только одни короли, игра считается конченною; слѣдовательно, по видимому, предъидущіе выводы не могутъ имѣть примѣненія къ дѣйствительной игрѣ. На самомъ же дѣлѣ мы сейчасъ убѣдимся, что только вышешприведенные и подобные имъ приемы и выводы могутъ быть примѣнимы къ игрѣ.

Во первыхъ, неподвержено сомнѣнію, что процессъ игры, то есть стремленіе пашекъ произвести и отклонить матъ, останется на всегда неуловимымъ для точнаго анализа; ибо вычисленія не могутъ допустить возможности побѣды слабого надъ сильнымъ, на практикѣ же это часто бываетъ.

Далѣе: изъ предъидущаго слѣдуетъ, что какимъ бы вычисленіямъ ни подвергнули мы стѣсненную доску, во всякомъ случаѣ получимъ величины непримѣнимыя къ игрѣ. Если бы еще по инымъ вычисленіямъ выходило напримѣръ, что не ферзь сильнѣйшая пашка, — можно было бы усомниться въ вѣрности нашихъ выводовъ; но въ томъ-то и дѣло, что и по инымъ вычисленіямъ выходитъ, что ферзь сильнѣе ладьи, — ладья сильнѣе слона, а слонъ сильнѣе коня; то есть отношеніе цифръ, выражающихъ силу пашекъ, ни въ какомъ случаѣ не измѣняется.

Если же мы вынуждены довольствоваться лишь приблизительными выводами, то для чего будемъ искать новыхъ способовъ вычисленій, когда употребленный нами выше приводитъ кратчайшимъ путемъ къ тѣмъ же результатамъ?

Правда, по моимъ вычисленіямъ выходитъ, что средняя сила пѣшки больше таковой же силы слона; но не должно забывать, что эти вычисленія относились только до доски свободной, а на доскѣ близко подходящей къ таковой и на практикѣ выходитъ, что пѣшка сильнѣе слона ибо пѣшка можетъ дать матъ, между тѣмъ какъ одинъ слонъ, матъ не даетъ.

Примѣнивъ сдѣланныя нами вычисленія надъ пѣшкой къ практикѣ, мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ получимъ результаты совершенно вѣрные съ понятіемъ, которое мы составляемъ себѣ о силѣ пашекъ въ живой игрѣ.

Во первыхъ, мы уже провели черту между пѣшками въ центрѣ и крайними пѣшками, — между соединенными и отдѣльными, и т. д.

Во вторыхъ, если примѣнимъ теперь одно изъ уравненій А къ стѣсенной доскѣ, то уяснимъ и другіе практическіе вопросы.

Для пѣшки а7, напримѣръ, уравненіе будетъ, какъ извѣстно, вида:

$$y + X = f.$$

Что на шахматномъ нарѣчій означаетъ:

1) Пѣшка на 7-й линіи при своемъ ходѣ равна ферзю на крайней линіи, доски; — выводъ совершенно вѣрный.

2) Если предположимъ первенство хода не на сторонѣ пѣшки; равенство нарушится и будетъ $y < f + x$; а чтобы выразить это неравенство уравненіемъ надо написать: $y - x = f - 2x$; что означаетъ:

Пѣшка на 7-й линіи не при своемъ ходѣ равна пѣшкѣ на 6-й линіи при своемъ ходѣ — выводъ весьма согласный съ практикой.

3) Если первенство хода дѣлаетъ пѣшку а7 равною или 13, или 21, то силу его можно выразить цифрою 8. И также: ежели пѣшка а7 равна одному изъ двухъ количествъ 13 или 21, то изъ этого можно заключить, что сила пѣшки на стѣсенной доскѣ никогда не можетъ быть равна тому, чему она равняется на свободной доскѣ: она непремѣнно будетъ или больше, или меньше.

4) Если выставимъ въ уравненіе $y + x = f$ количества выражающія среднюю силу другихъ шашекъ, то увидимъ, что Ферзь никогда не можетъ быть равенъ $2\frac{3}{4}$, — Ладья всегда будетъ менѣе 14, и т. д.

Что дѣйствительно безусловныхъ величинъ въ шахматахъ быть не можетъ — можно уразумѣть и изъ простаго примѣра.

Положимъ, что на доскѣ разставлено совершенно тождественно по ровну бѣлыхъ шашекъ и черныхъ: очевидно, если вы захотите опредѣлить сравнительную силу шашекъ обѣихъ сторонъ, вы спросите прежде всего: — за кѣмъ первенство хода? — Что и требовалось доказать.

Въ заключеніе объ этомъ новомъ приѣмѣ, употребленномъ мною для вычисленія силы шашекъ, считаю нужнымъ оговориться, чтобы не ввести кого либо изъ читателей въ заблужденіе относительно употребленія этого способа.

Выше сказано мною, что безусловныхъ величинъ для выраженія силы шашекъ добиваться нельзя, да и нѣтъ надобности; слѣдовательно я не выдаю способа, употребленнаго мною для вы-

численія силы пѣшки, за непогрѣшимое средство узнавать силу шашекъ. Тотъ впалъ бы въ заблужденіе, кто въ заучиваніи цифръ сталъ бы искать средства узнавать истинную силу шашекъ въ каждый моментъ игры. Ошибся бы и тотъ, кто вздумалъ бы примѣнять вычисленія къ живой игрѣ. Я хотѣлъ вычисленіями этими только доказать то, что сознаю изъ опыта. Я всегда соглашался съ мнѣніемъ Филидора относительно достоинства центральныхъ пѣшекъ; но я сознавалъ также, что мнѣнія, даже знаменитаго игрока еще недостаточно. Я сознавалъ, что пѣшка на одинъ шагъ отъ дамки сильнѣе позади стоящей; но мнѣ хотѣлось доказать это; я понималъ важность правила выводить офицеровъ съ правой линіи къ центру; но мнѣ хотѣлось обратить это мнѣніе въ законъ. Я понималъ, что, если ходами очеркуются, равенство силъ быть не можетъ; но мнѣ хотѣлось это мнѣніе Филидора, будто бы начинающій долженъ, говоря теоретически, выиграть, — уяснить. Пренія безцвѣтныя наставленія, считавшіяся многими произвольными, я облекъ въ формулы, дабы обратить на нихъ вниманіе читателя. Можетъ быть въ предлагаемомъ мною способѣ вычисленія найдутся погрѣшности; но основная мысль, предполагаемая мною для оцѣнки силы шашекъ, несомнѣнно, будетъ многими принята.

Мысль моя была та, чтобы принимать за мѣрило силы шашекъ не цифру, которая въ шахматахъ ничего не можетъ выразить, но пѣшку. Многимъ вѣроятно случалось читать партіи, гдѣ съ одной стороны вмѣсто ферзя становилось на доску отъ 4-хъ до 8-ми пѣшекъ; кромѣ того и во многихъ руководствахъ говорится, на примѣръ, что слонъ равенъ тремъ пѣшкамъ, а ладья четыремъ; эту-то мысль, сравнивать силу большихъ шашекъ посредствомъ пѣшки, я взялъ за основаніе и выразилъ ея формулой.

(Продолженіе впродъ.)

Корреспонденція. *Г-ну Еремьеву.* Ваше замѣчаніе относительно возможности измѣнить задачу No 1 посредствомъ перестановленія короля съ f2 на e2 совершенно справедливо, но, по нашему мнѣнію, она будетъ тогда не столь замысловата и красива. Почему не упоминаете Вы разрѣшили ли Вы задачу въ томъ видѣ какъ она напечатана въ Листкѣ?

Опечатки въ первомъ номерѣ Листка. Печатаніе шахматныхъ партій — камень преткновенія для всѣхъ типографій. Можно смѣло утверждать, что нѣтъ ни одного шахматнаго сочиненія, въ которомъ не было бы опечатокъ; тѣмъ болѣе встрѣчается ихъ въ журналахъ, такъ какъ они печатаются съ болѣею поспѣшностью чѣмъ изданія не періодическія. Возьмите напр. Schachzeitung, журналъ издающійся съ большимъ стараніемъ, и вы убѣдитесь, что рѣдкая партія не заключаетъ въ себѣ какой нибудь опечатки. И Шахматный Листокъ остался не совсѣмъ безгрѣшенъ въ корректурномъ отношеніи; а именно въ партіи No 1 напечатано 21) h2f3°+ вмѣсто 21) g2f3°+; въ концѣ той же партіи напеч. «спасти партію черныхъ» читай: «спасти партію бѣлыхъ».

Въ партіи No 2 нап. 21) c5—e2° читай 21) c5—c2.

No 3 нап. Андерсенъ. Гаррвитцъ. чит. Андерсенъ Гаррвитцъ
(бѣлые) (черные) (черные) (бѣлые)

No 6 нап. 23) e3b5. чит. c3b5.

Въ партіи No 8 на 40-мъ и 46-мъ ходѣ черныхъ пропущенъ знакъ взятія шашки т. е. °, Въ партіи No 9 напечатано Кн. С. С. Урусовъ читай: Кн. Д. С. Урусовъ, такъ какъ она была играна не Сергѣемъ Семеновичемъ, но братомъ его Дмитриемъ Семеновичемъ Урусовымъ. Кромѣ того въ самый текстъ вкрадось нѣсколько опечатокъ изъ которыхъ считаемъ нужнымъ говорить одну: стр. 11. На первой строкѣ снизу напечатано «drawn gane» читай «drawn game».